

ISSN 2587-6112
e-ISSN 2618-9488

Археология евразийских степей

№ 2 2023

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ
№ 2 2023

Главный редактор:

чл.-корр. АН РТ, доктор исторических наук *А.Г. Ситдиков*

Редакционный совет:

Г. Атанасов, д.и.н., проф. (Силистра, Болгария); **А. Авербух**, д-р, (Париж, Франция); **Х.А. Афонсо Марреро**, проф. (Гранада, Испания); **Б.В. Базаров**, д.и.н., проф., академик РАН (Улан-Удэ); **Н. Бороффка**, д-р, проф. (Берлин, Германия); **Н.Б. Виноградов**, д.и.н., проф. (Челябинск); **А.Р. Канторович**, д.и.н., проф. (Москва); **В. Кожокару**, д-р хабилитат (Яссы, Румыния); **Н.Н. Крадин**, д.и.н., академик РАН (Владивосток); **В.В. Напольских**, д.и.н., чл.-корр. РАН (Казань); **А. Самзун**, д-р (Париж Франция); **В. Франсуа**, д-р хабилитат (Экс-ан-Прованс, Франция); **Р.Р. Хайрутдинов**, к.и.н. (Казань); **Е.Н. Черных**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Москва); **М.В. Шуньков**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Новосибирск); **Ю. Янхунен**, д.и.н., проф. (Хельсинки, Финляндия).

Ответственные редакторы номера:

канд. ист. наук *С.В. Кузьминых*, канд. ист. наук *А.А. Чижевский*

Редакционная коллегия номера:

Васкул И.О., к.и.н. (Сыктывкар); **Дегтярева А.Д.**, к.и.н. (Тюмень); **Кирюшин Ю.Ф.**, д.и.н. (Барнаул); **Ковтун И.В.** д.и.н. (Кемерово); **Корякова Л.Н.**, д.и.н. (Екатеринбург); **Кузьминых С.В.**, к.и.н. (Москва); **Моргунова Н.Л.**, д.и.н. (Оренбург); **Очир-Горяева М.А.**, д.и.н. (Элиста); **Смирнов Н.Ю.**, к.и.н. (Санкт-Петербург); **Усачук А.Н.**, к.и.н. (Донецк); **Черных Е.М.**, к.и.н. (Ижевск); **Чижевский А.А.**, к.и.н. (Казань).

Ответственный секретарь: А.С. Беспалова

Журнал основан в мае 2017 г.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-79080
от 28 августа 2020 г. выдано Роскомнадзором

Адрес редакции, издателя:

420012, г. Казань, ул. Бутлерова, 30

Телефон: (843)236-55-42

Адрес учредителя:

420111, г. Казань, ул. Баумана, 20

E-mail: archeosteps@gmail.com

<https://www.evrazstep.ru>

Индекс ПП754, электронный каталог печатных изданий
«Почта России»

Выходит 6 раз в год

ISSN 2587-6112
e-ISSN 2618-9488

ARKHEOLOGIJA EVRAZIISKIKH STEPPEI
ARCHAEOLOGY OF THE EURASIAN STEPPES
No 2 2023

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences **Airat G. Sitdikov**

Executive editors:

Georgy Atanasov, Dr. Hab., Prof. (Silistra, Bulgaria); **José Andrés Afonso Marrero**, PhD, Prof. (Granada, Spain); **Aline Averbouh**, Dr. (Paris, France); **Boris V. Bazarov**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Academician of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude); **Nikolaus Boroffka**, PhD, Prof. (Berlin, Germany); **Nikolay B. Vinogradov**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Chelyabinsk); **Evgenii N. Chernykh**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Victor Cojocaru**, Dr. Hab. (Yassy, Romania); **Véronique François**, Dr. Hab. (Aix-en-Provence, France); **Anatolii R. Kantorovich**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Moscow); **Nikolay N. Kradin**, Doctor of Historical Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok); **Ramil R. Khayrutdinov**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Vladimir V. Napolskikh**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Kazan); **Anaïck Samzun**, Dr. (Paris, France); **Michael V. Shunkov**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk); **Juha Janhunen**, PhD, Prof. (Helsinki, Finland).

Executive Editors:

Candidate of Historical Sciences **Sergei V. Kuzminykh**,
Candidate of Historical Sciences **Andrei A. Chizhevsky**

Editorial board:

Vaskul Igor.O., Candidate of Historical Sciences, (Syktyvkar); **Degtyareva Anna D.**, Candidate of Historical Sciences (Tyumen); **Kiryushin Yuri F.** Doctor of Historical Sciences (Novosibirsk); **Kovtun Igor V.** Doctor of Historical Sciences (Kemerevo); **Koryakova Ludmila N.**, Doctor of Historical Sciences (Yekaterinburg); **Kuzminykh Sergei V.**, Candidate of Historical Sciences, (Moscow); **Morgunova Nina L.**, Doctor of Historical Sciences (Orenburg); **Ochir-Goryaeva Maria A.**, Doctor of Historical Sciences, (Elista); **Smirnov Nikolai Yu.**, Candidate of Historical Sciences (Saint Petersburg); **Usachuk Anatolii N.**, Candidate of Historical Sciences, (Donetsk); **Chernykh Elizaveta M.**, Candidate of Historical Sciences (Izhevsk); **Chizhevsky Andrei A.**, Candidate of Historical Sciences (Kazan).

Executive Secretary: Antonina S. Bespalova

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation
Telephone: (843)236-55-42
E-mail: archeostepps@gmail.com
<https://www.evrastep.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	8
Древности эпохи раннего металла Восточной Европы	
Файзуллин А.А. (<i>Оренбург, Россия</i>) Пол, возраст и статус в погребальных комплексах населения ямной культуры Волго-Уралья.....	11
Бортникова С.В. (<i>Москва, Россия</i>) Спиралевидные подвески юга Восточной Европы: культурные и технологические истоки морфологии, способы ношения.....	25
Усачук А.Н. (<i>Донецк</i>), Горошников А.А. , Мимоход Р.А. (<i>Москва, Россия</i>) Костяные орудия первичного цикла работы с шерстью в комплексах позднего бронзового века.....	36
Шипилов А.В. (<i>Казань, Россия</i>) Материалы эпохи палеометалла Кузькинской VII стоянки.....	64
Древности бронзового и раннего железного веков лесной и лесостепной полосы Восточной Европы	
Иванищева М.В. (<i>Вологда, Россия</i>) Восточный компонент в материалах эпохи бронзы - раннего железного века Средней и Нижней Сухоны.....	72
Жульников А.М. (<i>Петрозаводск, Россия</i>) Особенности использования горных пород населением бассейна Белого моря в конце эпохи бронзы – раннем железном веке	86
Чижевский А.А. , Галимова М.Ш. (<i>Казань, Россия</i>) Каменные наконечники стрел ананьинской культурно-исторической области	107
Черных Е.М. (<i>Ижевск, Россия</i>) Археологические микрорайоны ананьинских городищ в Удмуртском Прикамье.....	130
Васкул И.О. (<i>Сыктывкар, Россия</i>) Предметы «звериного стиля» ананьинского времени на территории Европейского Северо-Востока	157
Недомолкина Н.Г. (<i>Вологда, Россия</i>) Шнуровая керамика и гибридная ананьинского типа поселения Вёкса I на Верхней Сухоне	169
Чижевский А.А. , Ситдинов А.Г. , Хисьяметдинова А.А. , Сайфутдинова Г.М. (<i>Казань, Россия</i>) Ананьинское поселение на Кремлевском мысу г. Казани	182
Гисматулин М.Р. (<i>Ульяновск, Россия</i>) Поселение Гранное Ухо в Ульяновском Поволжье	196
Нигамаев А.З. (<i>Елабуга, Россия</i>) Ананьинские материалы из раскопов последних лет на Елабужском городище	205
Новиков А.В. (<i>Кострома, Россия</i>) Керамические комплексы железного века поселения «Паново городище»	214
Оруджов Э.И. (<i>Казань, Россия</i>) Культурно-хронологические аспекты развития материальной культуры раннего железного века городища «Ройский Шихан»	243
Митряков А.Е. (<i>Ижевск, Россия</i>) Три кратких сюжета об орнаментации и производстве ананьинской посуды (по материалам работ 2017 года на Усть-Нечкинском I городище в Среднем Прикамье)	258
Перескоков М.Л. , Якимова Д.А. (<i>Пермь, Россия</i>) Некоторые аспекты методики обработки и описания керамики раннего железного века Прикамья	268
Иванов В.А. (<i>Уфа, Россия</i>) Типология погребальной обрядности культур эпохи раннего железного века Прикамья и Предуралья: степень генетической связи	281

Овсянников В.В. (<i>Уфа, Россия</i>) Взаимодействие кочевого и оседлого населения в лесостепи Предуралья в сарматский период.....	296
Красноперов А.А. (<i>Уфа, Россия</i>) К вопросу о ранней дате пьяноборских памятников. Ч. 4-2: бронзовые наконечники стрел	310
Зубов С.Э. (<i>Самара, Россия</i>), Саттаров Р.Р. (<i>Казань, Россия</i>) Кипчаковское городище пьяноборской культуры в лесостепной зоне Предуралья	326
Список сокращений	350
Правила для авторов	351

CONTENT

Foreword	8
Early Metal Age Antiquities of the Eastern Europe	
Faizullin A.A. (<i>Orenburg, Russian Federation</i>) Gender, Age and Status in the Burial Complexes of the Yamnaya Culture Population of the Volga-Ural Region.....	11
Bortnikova S.V. (<i>Moscow, Russian Federation</i>) Spiral Pendants from the South of Eastern Europe: the cultural and technological origins of morphology, ways of wearing	25
Usachuk A.N. (<i>Donetsk</i>), Goroshnikov A.A. , Mimokhod R.A. (<i>Moscow, Russian Federation</i>) Primary Cycle Bone Tools for Working with Wool at the Late Bronze Age Complexes	36
Shipilov A.V. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) Paleometal Epoch Materials from the Kuzkino VII Site	64
Late Bronze and Early Iron Ages Antiquities of the Forest and Forest-Steppe Zone of the Eastern Europe	
Ivanishcheva M.V. (<i>Vologda, Russian Federation</i>) East Component in the Bronze Age and Early Iron Age Materials of the Middle and Lower Sukhona.....	72
Zhul'nikov A.M. (<i>Petrozavodsk, Russian Federation</i>) Peculiarities of the Use of Rocks by the Population of the White Sea Basin at the End of the Bronze Age and the Early Iron Age.....	86
Chizhevsky A.A. , Galimova M.Sh. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) Stone Arrowheads of the Ananyino Cultural-Historical Area.....	107
Chernykh E.M. (<i>Izhevsk, Russian Federation</i>) Archaeological Micro-regions of the Ananyino hillforts in the Udmurt Kama Region.....	130
Vaskul I.O. (<i>Syktvykar, Russian Federation</i>) "Animal Style" Objects of Ananyino Period on the Territory of the European Northeast.....	157
Nedomolkina N.G. (<i>Vologda, Russian Federation</i>) Corded Ware and Ananyino Type Hybrid Ceramics from the Vyoksa I Settlement on the Upper Sukhona.....	169
Chizhevsky A.A. , Sitdikov A.G. , Khisyametdinova A.A. , Sayfutdinova G.M. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) Ananyino Settlement on the Kremlin Headland in the Sity of Kazan	182
Gismatulin M.R. (<i>Ulyanovsk, Russian Federation</i>) Grannoye Ukho Settlement in the Ulyanovsk Volga Region.....	196
Nigamaev A.Z. (<i>Yelabuga, Russian Federation</i>) Ananyino Materials from Recent Excavations on the Yelabuga Hillfort.....	205
Novikov A.V. (<i>Kostroma, Russian Federation</i>) The Iron Age Pottery Assemblages of the Settlement "Panovo Hillfort"	214
Orudzhov E.I. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) Cultural and Chronological Aspects of the Material Culture Development of the Early Iron Age Hillfort of "Roisky Shikhan"	243
Mitryakov A.E. (<i>Izhevsk, Russian Federation</i>) Three Sketches about the Decoration and Production of the Ananyino Ware (According to the Materials of 2017 Excavations on the Ust-Nechkinskoye I Settlement in the Middle Kama Region).....	258
Pereskokov M.L. , Yakimova D.A. (<i>Perm, Russian Federation</i>) Some Aspects of Research and Description Methods of the Early Iron Age Pottery in the Kama Basin Region	268
Ivanov V.A. (<i>Ufa, Russian Federation</i>) Typology of Early Iron Age Burial Rites of the Kama River Region and Cis-Ural Cultures: degree of genetic link	281

Ovsyannikov V.V. (<i>Ufa, Russian Federation</i>) Relationship of Nomadic and Settled Population in the Cis-Ural Forest-Steppe Zone in the Sarmatian Period.....	296
Krasnopeorov A.A. (<i>Ufa, Russian Federation</i>) To the Question of the Early Date of the Piany Bor Sites. Part 4-2: bronze arrowheads	310
Zubov S.E. (<i>Samara, Russian Federation</i>), Sattarov R.R. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) Kipchakovo Hillfort of the Piany Bor Culture in the Forest-Steppe Zone of the Cis-Urals.....	326
List of Abbreviations	350
Instructions for Authors	351

ПРЕДИСЛОВИЕ

3–6 октября 2022 г. в г. Елабуга проходила пятая международная научная конференция «Ананьинский мир: процессы культурогенеза в финале эпохи бронзы и раннем железном веке в Северной Евразии (к 130-летию со дня рождения Б.С. Жукова)», организованная Институтом археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, Институтом археологии РАН и Елабужским государственным историко-архитектурным и художественным музеем-заповедником.

В работе круглого стола принимали участие более 50 исследователей из разных городов Российской Федерации: Вологды, Елабуги, Ижевска, Казани, Костромы, Красноярска, Москвы, Перми, Петрозаводска, Самары, Сыктывкара, Ульяновска, Уфы.

На обсуждение было вынесено 33 доклада, которые охватывали широкий диапазон исторических эпох – от бронзового века до раннего средневековья. Особое внимание было уделено археологии ананьинской культурно-исторической области и личности Б.С. Жукова, 130 лет со дня рождения которого исполнилось в декабре 2022 г.

В ходе работы конференции Елабужский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник реализовал обширную программу знакомства участников круглого стола с музеями и архитектурой Елабуги XIX – начала XX века. Были организованы выезды на археологические памятники в окрестностях города: Ананьинский могильник и Чёртово городище.

Во втором и третьем номерах журнала «Археология евразийских степей» 2023 г. публикуется большая часть докладов, заслушанных на конференции. По тематике статьи образуют четыре блока, первые два из них размещены во втором номере журнала.

В первом разделе рассматриваются древности эпохи раннего металла Восточной Европы.

В статье **А.А. Файзуллина** на базе изучения половозрастной структуры могильников ямной культуры Волго-Уралья представлены данные о наличии патриархальных устоев в ямном обществе. Автором сделан вывод о том, что курганный обряд предназначался только для лиц с высоким социальным статусом, который мог передаваться по наследству.

В статье **С.В. Бортниковой** рассматриваются культурные и технологические истоки появления спиралевидных подвесок в культурах эпохи раннего металла Восточной Европы, а также представлена реконструкция способов ношения этих украшений.

Статья **А.Н. Усачука, А.А. Горошниковой, Р.А. Мимохода** представляет аналитическое исследование костяных орудий, предназначенных для работы с шерстью. На основании экспериментальных данных и трасологического изучения выделены специальные орудия для первичной обработки шерсти, ламель для срезания и гребни-карды для ее расчесывания.

А.В. Шипилов сделал обзор находок, происходящих с Кузькинской VII стоянки, в коллекции которой представлено несколько комплексов керамики, связанных с культурами позднего бронзового века: срубной, луговской и маклашевской, а также с ананьинской культурно-исторической областью раннего железного века.

Во второй блок вошли статьи, связанные с изучением древностей конца позднего бронзового и раннего железного веков.

Данный раздел открывает статья **М.И. Иванищевой**, в которой вводятся в научный оборот материалы раскопок поселения Мотыри-1 с комплексом керамики близкой к лебяжской культуре финала бронзового века, а также к вятско-ветлужской культуре ананьинской культурно-исторической области. Судя по представленным данным, в раннем железном веке происходит освоение территории нижней и средней Сухоны выходцами из Волго-Камья.

В статье **А.М. Жульникова** подведены итоги исследования каменного инвентаря и минеральных добавок к тесту керамических сосудов конца II тыс. до н. э. – второй половины I тыс. до н. э. Выявленные в ходе работы хронологические этапы развития каменной индустрии сопоставлены с данными по металлообработке в бассейне Белого моря.

Исследованию каменных наконечников стрел ананьинской культурно-исторической области посвящена статья **А.А. Чижевского и М.Ш. Галимовой**. Авторы показали, что наконечники использовались на протяжении IX–VII вв. до н.э., а их формы сложились еще в бронзовом веке. Мастерами ананьинской культурно-исторической области широко применялась технология производства тонких бифасов – наконечников стрел с помощью двух техник: сплошного бифасиального утончения и утончения краевых частей заготовок.

В статье **Е.М. Черных** рассматриваются особенности расселения населения ананьинской культурно-исторической области на отдельном участке правобережья Нижнего Прикамья. Установлено, что на ранних этапах заселение территории проходило, в основном, в низких участках долины Камы, а с середины I тыс. до

н.э. осваиваются высокие участки с опорой на городища. По предположению автора, это связано с изменениями в хозяйстве и социуме у жителей Нижнего Прикамья.

Статья **И.О. Васкула** посвящена характеристике предметов искусства ананьинской культурно-исторической области на территории Европейского Северо-Востока. Коллекция предметов представлена изображениями хищных животных, выполненных в традициях ананьинского звериного стиля. Кроме того, прослежено зауральское влияние на искусство населения бассейна р. Печоры.

Работа **Н.Г. Недомолкиной** знакомит читателей с результатами изучения материалов поселения Вёкса-I. В статье рассматривается коллекция гребенчато-шнуровой керамики ананьинской культурно-исторической области и гибридной посуды. Это исследование позволило построить культурно-хронологическую шкалу древностей раннего железного века Верхней Сухоны и определить пути проникновения в регион носителей «ананьинской» традиции.

А.А. Чижевский, А.Г. Ситдилов, А.А. Хисьяметдинова, Г.М. Сайфутдинова характеризуют находки предметов раннего железного века на территории Казанского Кремля. Анализ коллекции и топографии находок позволил наметить местоположение поселения ананьинского времени на кремлевском мысу, определить его возраст и протяженность бытования. На основании данных раскопок разных лет и геоморфологических исследований удалось реконструировать топографическую ситуацию на данной территории в раннем железном веке.

В статье **М.Р. Гисматулина** дана характеристика материалов поселения Граное Ухо, изученного в 2015, 2017 гг. Вводится в научный оборот коллекция керамики, которая позволила автору определить хронологию памятника и отнести его к постмаклашевской культуре ананьинской культурно-исторической области.

А.З. Нигамаев подготовил публикацию результатов раскопок Елабужского (Чёртова) городища. Они позволили выявить на его территории культурный слой, связанный с древностями ананьинской культурно-исторической области, а также получить коллекцию керамики и индивидуальные находки эпохи раннего железа.

Статья **А.В. Новикова** представляет материалы раскопок Пановской стоянки (поселение «Паново Городище»), раскопанной Б.С. Жуковым в 1925 г. В результате анализа керамических коллекций установлено, что стоянка многократно заселялась в неолите, бронзовом и раннем железном веках. В VII–V до н.э. здесь располагался посе-

лок носителей вятско-ветлужской культуры ананьинской культурно-исторической области, а в IV–III вв. до н.э. свои следы оставили здесь носители рогожной керамики. Заключительный этап существования памятника относится к первой половине I тыс. н.э.

В статье **Э.И. Оруджова** представлены результаты исследования топографии и керамического комплекса городища Ройский Шихан. По развитию орнамента и индивидуальным находкам определено время существования памятника от его возникновения в самом начале раннего железного века до конца ананьинской эпохи.

В работе **А.Е. Митрякова** рассматриваются особенности керамического комплекса Усть-Нечкинского I городища. На основании своих наблюдений автор приходит к выводу о том, что некоторые элементы декора и детали формы глиняной посуды могут быть связаны с технологией изготовления керамики.

М.Л. Перескоков и **Д.А. Якимова** представили новую методику описания керамического материала в виде бинарного кода, который дает возможность анализировать археологические данные методами многомерной статистики.

Работа **В.А. Иванова** продолжает цикл его статей, посвященных исследованию связей погребальной обрядности культур раннего железного века Прикамья и Предуралья. Скрупулезный сравнительно-типологический анализ, предпринятый автором, позволил ему сделать вывод о том, что из культур ананьинской культурно-исторической области лишь классическая ананьинская культура принимала участие в формировании кара-абызской и пьяноборской культур при активном участии в этом процессе иных пришлых этнокультурных компонентов.

В статье **В.В. Овсянникова** затронута проблема взаимодействия оседлого населения кара-абызской культуры с кочевым раннесарматским сообществом. Общие элементы в материальной культуре и погребальном обряде позволили автору утверждать, что часть кочевников была инкорпорирована в среду оседлого населения. В то же время отдельные группы кара-абызского населения в горнолесной зоне обитали изолировано, ограничиваясь минимальными контактами с ранними кочевниками.

Статья **А.А. Красноперова** продолжает цикл публикаций, связанных с критикой ранних датировок пьяноборской культуры в Прикамье. Автор подробно рассматривает погребальный инвентарь этой культуры, содержащий бронзовые наконечники стрел, и приходит к выводу о том, что наличие бронзовых наконечников стрел

в погребении не является основанием для отнесения их к III в. до н.э., так как они встречаются и позднее, вплоть до первых веков новой эры.

В статье **С.Э. Зубова** и **Р.Р. Саттарова** вводятся в научный оборот материалы раскопок 2006 г. Кипчаковского городища. Исследования на его территории позволили авторам отнести городище к раннему этапу пьяноборской культуры. На основе анализа предметов материальной культуры был сделан вывод о синхронности данного поселения и Кипчаковского I курганно-грунтового могильника.

Третий и четвертый тематические разделы размещены в третьем номере журнала «Археология Евразийских степей» 2023 г.

Третий раздел связан с историей археологической науки и непосредственно с личностью и ролью Б.С. Жукова в развитии российской археологии в 1920-е годы.

Этот блок открывается статьей **С.В. Кузьминых**, посвященной Б.С. Жукову и его научной деятельности, связанной с формированием московской палеоэтнологической школы. В основу статьи легли письма Жукова финскому археологу А.М. Тальгрону.

Продолжает это направление статья **С.В. Кузьминых** и **И.В. Белозёровой**, в которой публикуется переписка Б.С. Жукова с его ближайшим учеником и сотрудником М.В. Воеводским. Она позволяет раскрыть стиль работы Жукова как администратора и руководителя научного коллектива.

В статье **Е.В. Детловой**, **С.В. Кузьминых**, **А.О. Наглера** рассматриваются международные контакты Б.С. Жукова, анализируется его единственная зарубежная поездка в Берлин на международный археологический съезд, посвященный 100-летию Германского археологического института, и переписка с австрийским археологом Геро фон Мергартом.

В статье **О.А. Лопатиной** характеризуются методологические разработки Б.С. Жукова, показаны его подходы к разработке культурно-исторического метода и новаторские приемы обработки керамических коллекций.

Воспоминания **А.П. Сергиевской**, внучки Б.С. Жукова, основаны на материалах семейного архива. В них раскрывается личность Бориса Сергеевича, его склонности, характер и интересы как в области науки, так и не связанные с научной деятельностью.

К четвертому разделу относятся статьи, связанные с исследованиями памятников археологии от позднего бронзового века до раннего средневековья.

С.Л. Воробьева подготовила публикацию комплексных археологических исследований микрорайона горы Курман Тау в 2012–2018 гг. На основании данных археологии, остеологии, палеопочвоведения и других дисциплин была установлена неоднородность хозяйства местного населения в эпоху бронзы и раннем железном веке. Зафиксирован переход от оседлого образа жизни в бронзовом веке к полукочевому в эпоху раннего железа.

В статье **А.С. Проценко** представлены результаты исследования погребальной обрядности кара-абызской культуры. Представлена суммарная характеристика погребального обряда, на основе анализа которой определена социальная структура кара-абызского общества.

Заключает раздел статья **А.Л. Смирнова**, **М.В. Добровольской**, **Д.А. Куприянова**, **Л.Г. Ханиной**, **Е.О. Челобаевой**, **М.В. Бобровского**. В ней представлены материалы исследования культурных слоев пяти городищ в верховьях Волги и Западной Двины. Анализ радиоуглеродного возраста позволил предположить, что период максимальной активности трех из них (Заборовка-Лихуша, Ворошилово, Верхнемарево-1) приходится на ранний железный век, а двух (Руна-Заборовка, Верхнемарево-2) – на раннее средневековье.

Редакторы выражают благодарность всем исследователям, принимавшим участие в конференции «Ананьинский мир: процессы культурогенеза в финале эпохи бронзы и раннем железном веке в Северной Евразии (к 130-летию со дня рождения Б.С. Жукова)» и в подготовке данного издания. Особая благодарность руководству и сотрудникам Елабужского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, в очередной раз взявших на себя все организационные хлопоты, связанные с проведением конференции. Надеемся, что опубликованные материалы вызовут интерес у специалистов и получат продолжение в следующих конференциях цикла «Ананьинский мир».

С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский

Древности эпохи раннего металла Восточной Европы

УДК 902.2 Ф 17

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.2.11.24>**ПОЛ, ВОЗРАСТ И СТАТУС В ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСАХ
НАСЕЛЕНИЯ ЯМНОЙ КУЛЬТУРЫ ВОЛГО-УРАЛЬЯ¹**

© 2023 г. А.А. Файзуллин

В статье представлен анализ половозрастной структуры населения ямной культуры Волго-Уралья по данным погребального обряда. На основании данных по трудовым затратам и инвентарю, а также диспропорции в погребальном обряде в пользу мужского населения сделан вывод о существовании патриархальных установок в обществе ямной культуры. Небольшое количество захоронений женщин и детей позволяет предполагать, что курганный обряд предназначался только для индивидов с наследственным или приобретенным социальным статусом. По данным погребального обряда и инвентаря сделан вывод о том, что женщины наряду с мужчинами могли занимать важные производственные и административные позиции в обществе населения ямной культуры. Погребения детей и подростков позволяют предположить, что социальный статус и профессии родителей могли передаваться по наследству. О наследственном социальном статусе также свидетельствуют и парные погребения детей в том случае, когда они покоятся лицом к взрослым. Такое положение, видимо, свидетельствует о том, что дети участвовали в погребальном ритуале по праву рождения в социальной группе с высоким статусом. Другой вид обращения с детьми в парных погребениях позволяет предположить существование обряда, когда в могилу взрослым помещали человеческую жертву (ребенка).

Ключевые слова: археология, ямная культура, пол, возраст, статус, половозрастная структура, социализация, социальная структура.

**GENDER, AGE AND STATUS IN THE BURIAL COMPLEXES
OF THE YAMNAYA CULTURE POPULATION
OF THE VOLGA-URAL REGION²**

A.A. Faizullin

The paper presents an analysis of gender–age pattern of the Yamnaya culture population of the Volga-Ural region according to the burial rite data. Based on the data on labor costs and inventory, as well as the disproportion in the burial rite in favor of the male population, a conclusion is made about the existence of patriarchal relations in the Yamnaya culture society. The small number of female and children burials suggests that the barrow rite was intended only for individuals with hereditary or acquired social status. According to the burial rite and goods, it was concluded that women, equally with men, could occupy important production and administrative positions in the Yamnaya culture society. Burials of children and adolescents suggest that the social status and occupations of their parents could be inherited. The hereditary social status is also evidenced by twin burials of children when they were buried facing adults. Such situation probably indicates that children participated in the burial ritual by birthright in a social group with a high status. Another type of treatment of children in twin burials suggests the existence of a ritual when a human sacrifice (child) was placed in the burial of adults.

Keywords: archaeology, Yamnaya culture, gender, age, status, gender–age pattern, socialization, social structure.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 23-68-10006 «Этнокультурные процессы в бронзовом и раннем железном веке в свете междисциплинарных исследований в Южном Приуралье».

² The work was supported by the RNF grant No. 23-68-10006 "Ethnic–cultural processes in the Bronze and Early Iron Age in the light of interdisciplinary research in the Southern Urals".

Анализ половозрастной структуры общества актуален для изучения социальной организации населения ямной культуры Волго-Уралья. Такой анализ является начальным этапом для решения проблем реконструкции социальной структуры общества (Массон, 1976, с. 56). Половозрастной фактор в первобытном обществе является одним из основных принципов организации общественной системы. В данной системе структурообразующими компонентами выступают иерархически соподчиненные половозрастные группы. Для их определения существенным является уровень трудовых затрат, состав погребально-инвентаря, сопровождающего индивидов разного пола и возраста, его функциональное отличие (Иванова, 2001, с. 123, Моргунова, Файзуллин 2018, с. 35).

В первобытном обществе возраст и пол являются ключевыми элементами социализации. Каждой возрастной группе соответствуют определенные права, обязанности, поведенческие нормы и т. д. Переход/инициация из одной возрастной категории в другую связан с накоплением богатства и/или повышением социального статуса (Бочаров, 2001, с. 48–50).

Исследования по половозрастной структуре ямного общества Волго-Уралья удалось провести благодаря открытию новых памятников ямной культуры и их изучению с применением комплексного археологического метода – антропологии и других естественных наук.

Для определения уровня трудовых затрат использована классификация (Моргунова, Файзуллин, 2018), а к социально-значимым маркерам отнесены орудия труда, оружие из меди (Faizullin, 2019) и украшения (Файзуллин, 2020).

На территории Волго-Уралья антропологический анализ проведен для 243 погребений ямной культуры, которые отражают все основные возрастные категории: подростки и дети с рождения до 16 лет; возмужалый от 20 до 35 лет; зрелые от 30 до 50 лет; старческие – 50 лет и старше (Яблонский, Хохлов, 1994, с. 116; Хохлов, 2003, с. 275; Хохлов, Газимзянов, Фризен, 2005, с. 105–112; Хохлов, 2010, с. 133).

Из 398 погребений ямной культуры Волго-Уралья 329 захоронений принадлежат взрослым индивидам. В изученных антропологами 243 погребениях было определено: 124 мужских, 50 женских, 69 детских и подростковых костяков. Представленные выше данные свидетельствуют о наличии диспропорции, во-первых, в пользу взрослого населения, а во-вторых, мужского населения (Файзуллин, 2020). Поэтому половозрастной анализ не отражает общей демографической картины, что подтверждается исследованием антропологов (Громов, Хохлов, 2018, с. 85).

Погребения мужчин

Из 124 мужских погребений: 12 возмужалой, 62 зрелой, 23 старческой возрастной

Таблица 1. Трудовые затраты и престижный инвентарь в погребениях половозрастных групп
Table 1. Labor costs and prestigious inventory in burials of sex and age groups

Половозрастные категории / трудовые затраты и инвентарь	1А	1Б	2А	2Б	3А	3Б	Орудия труда и оружие из меди	Украшения	Керамика	Всего
Мужчины возмужалого возраста	1	1	6	4	—	—	3	—	3	12
Мужчины зрелого возраста	22	7	15	14	1	3	12	3	8	62
Мужчины старческого возраста	6	1	7	9	—	—	5	—	5	23
Мужчины (возраст не определен)	11	1	13	1	—	1	6	—	10	27
Женщины возмужалого возраста	8	—	7	1	—	—	1	1	3	16
Женщины зрелого возраста	5	3	5	2	—	—	2	4	3	15
Женщины старческого возраста	3	1	4	2	—	—	3	3	1	10
Женщины (возраст не определен)	3	—	6	0	—	—	2	—	2	9
Дети и подростки	25	5	29	7	1	—	3	8	27	69

категории, а в 27 погребениях возраст захороненных мужчин не определен (табл. 1).

Трудовые затраты на совершение захоронений мужчин возмужалой возрастной категории невысокие: два захоронения относятся к группе 1, тип А, одно – к группе 1, тип Б, семь – к группе 2, тип А, и три погребения относятся к группе 2, тип Б. Дополнительные конструктивные элементы в погребальных камерах представлены посыпкой охрой, мелом, подстилкой и покрывалом. Инвентарь встречен в восьми погребениях и представлен фрагментами сосудов в четырех погребениях, каменными пестами в двух погребениях, медным ножом, шилом, а также куском железной руды.

В то же время в некоторых захоронениях групп 2, тип А, и 2, тип Б, предназначенных для представителей возмужалого возраста, встречен престижный инвентарь из меди (Орловка I 2/2, Скворцовка 7/1, Скворцовка 5/4). Этот факт позволяет выделить отмеченные погребения из числа рядовых в данной возрастной группе.

Для мужчин зрелого возраста характерны самые многочисленные и разнообразные по размерам насыпи. В выборке 62 захоронения. Курганы и погребения зрелых мужчин отличаются высокими трудовыми затратами на возведение насыпи и на обустройство погребальных камер. Насыпи и погребения, соотносящиеся с группой 1, тип А, были обнаружены в 22 случаях. В погребениях встречается престижный инвентарь из меди (медный молот, медные ножи и шилья), а также сосуды, изделия из камня и кости. Данный инвентарь в погребении выступает индикатором социальной роли мужчин зрелого возраста при жизни. Особенно в погребениях мужчин с медными орудиями труда в КМ Увак 12/4 (рис. 1: 10–12) (Моргунова, Кравцов, 1984, с. 39) и оружием в КМ Кутулук 4/1 (рис. 1: 13) (Кузнецов, 2002, с. 87–95).

Погребения зрелых мужчин группы 1, тип Б, найдены в семи случаях. Инвентарь обнаружен только в одном захоронении и представлен наконечником стрелы из мела.

Погребения, соотносящиеся с группой 2, тип А, найдены в 15 случаях. Инвентарь обнаружен в шести погребениях. Он представлен керамикой в шести случаях, четырехгранными шильями из меди в двух захоронениях, а также встречаются костяные изделия – буси-

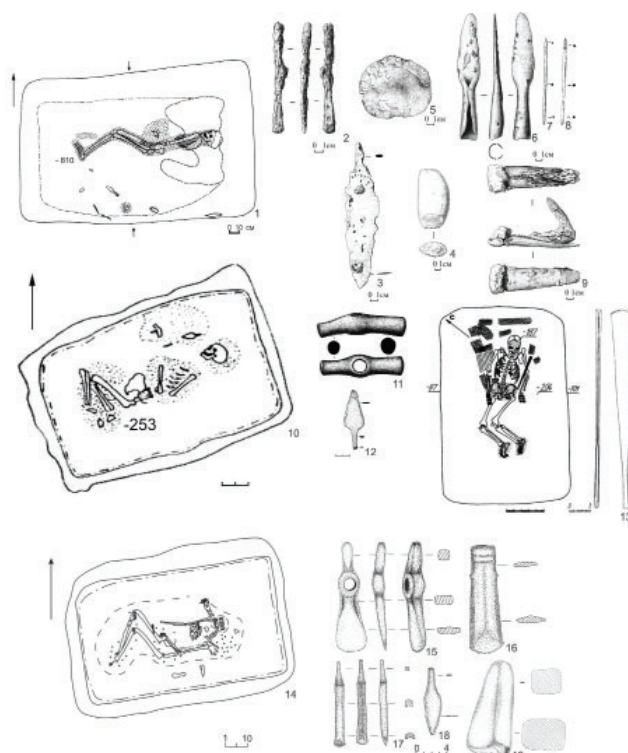

Рис. 1. Погребения мужчин зрелого возраста ямной культуры Волго-Уралья: 1–9 – курганный могильник Болдырево 1/1; 10–12 – КМ Увак 12/4; 13 – КМ Кутулук 4/1; 14–19 – КМ Барышников 6/3.

Fig. 1. Burials of mature age men of the Yamnaya culture of the Volga-Ural region: 1–9 – Boldyrevo barrow field 1/1; 10–12 – Uvak barrow field 12/4; 13 – Kutuluk barrow field 4/1; 14–19 – Baryshnikov barrow field 6/3.

на, роговая булавка и изделия из кремня – куски кремня и наконечники стрел.

Курганы с погребениями мужчин группы 2, тип Б, представлены 14 комплексами. Инвентарь обнаружен в шести захоронениях: керамические сосуды, кремневые и медные изделия. Большие насыпи и пышно украшенные глубокие погребальные камеры являются свидетельством высокого социального статуса погребенных мужчин. Два погребения мужчин зрелого возраста относятся к группе 3А. Это захоронения в КМ Красносамарское I 1/2 (Васильев, Кузнецов, 1988, с. 40), КМ Орловка I 1/1 (Овчинникова, Фадеев, 2007, с. 24). В погребении был обнаружен инвентарь: медное шило и костяные тупики.

Особый интерес вызывают погребения зрелых мужчин в больших курганах, которые соотносятся с группой 3, тип Б. Курганы данной группы были обнаружены в трех случаях. В погребении КМ Грачевка 1/1 было найдено погребение мужчины 40–45 лет, на черепной коробке которого была травма от

удара топором-молотом (Богданов, 2000, с. 25).

В КМ Болдырево 1/1 также было обнаружено погребение мужчины зрелого возраста. В декорированной органикой камере сложной конструкции лежал костяк погребенного на правом боку головой на восток (рис. 1: 1–9). В захоронении был найден богатый и уникальный инвентарь (Моргунова, 2000, с. 58).

Уникальным захоронением можно назвать и погребение в КМ у хутора Барышников 6/3 (Моргунова, Турецкий, 2008, с. 4). В большой и глубокой погребальной камере было обнаружено погребение взрослого мужчины с набором престижного инвентаря (рис. 1: 14–19).

Погребения зрелых мужчин в захоронениях 3 типа Б, видимо, принадлежали к лицам, занимавшим высокий социальный статус. Это доказывают такие признаки: захоронения в больших курганах и богато украшенных камерах сложной конструкции, наборы престижного инвентаря.

На территории Волго-Уралья было найдено 23 погребения мужчин старческого возраста. Захоронения также различаются размерами насыпей и конструкциями могил. Небольшие насыпи и погребения группы 1, тип А, обнаружены в шести случаях. Инвентарь был найден в трех захоронениях, он представлен керамическими изделиями, медным ножом, биметаллическим разметчиком, сланцевой пластиной, четырехгранным шилом с упором, втульчатый медным долотом, медным плоским теслом, медным ножом, проушным медным топором.

Погребение, которое соотносится с группой 1, тип Б, в этой возрастной категории было найдено в одном случае, а захоронения группы 2, тип А, были обнаружены в семи случаях. Мужчин старческого возраста, так же как и мужчин зрелого возраста, хоронили в больших курганах и погребальных камерах усложненной конструкции (группы 2, тип Б). Курганы и погребения группы 2, тип Б, были найдены в девяти случаях. В двух погребениях присутствовал инвентарь, который представлен медным проушным топором-клевцом в КМ Нижняя Павловка 1/2 (рис. 2: 1–2) и фрагментами сосудов в КМ Нижняя Павловка 3/2 (Богданов, Кравцов, Моргунова, 1992, с. 82). Особое положение в данной возрастной категории занимает погребение в КМ Пятилетка 5/2 (рис. 2: 3–5), насыпь и конструкция могилы которого соотносятся с группой 2Б,

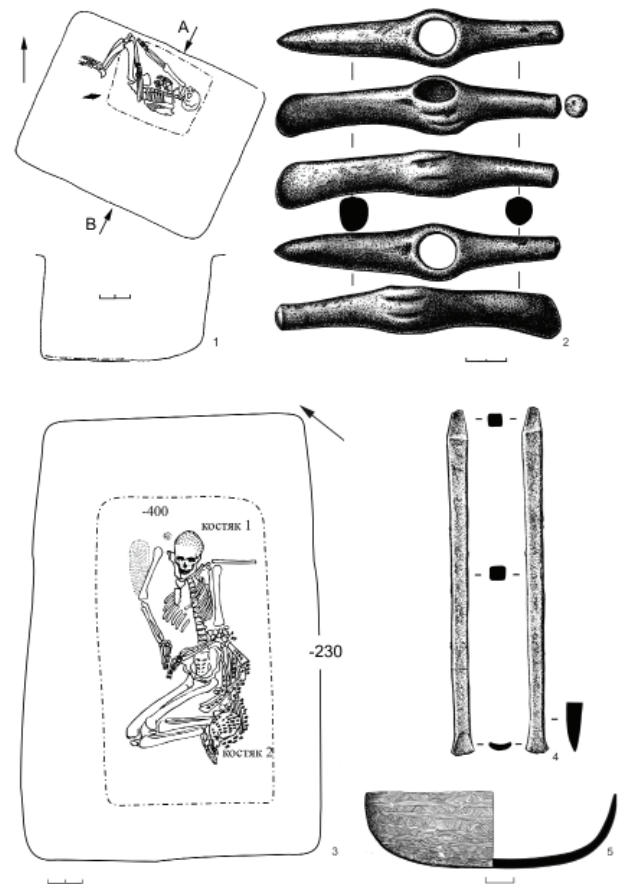

Рис. 2. Погребения мужчин старческого возраста ямной культуры Волго-Уралья: 1–2 – КМ Нижняя Павловка 1/2; 3–5 – КМ Пятилетка 5/2.

Fig. 2. Burials of old men of the Yamnaya culture of the Volga-Ural region: 1–2 – Nizhnyaya Pavlovka barrow field 1/2; 3–5 – Pyatiletka barrow field 5/2.

богатое оформление погребения, забутовка придонной части ямы, плотницкий инвентарь, положение у ног жертвы-подростка, а также помещение в насыпь жертвенной чаши с человеческими останками.

Женские погребения

Из 50 погребений женщин: 16 возмужалой, 15 зрелой, 10 старческой возрастной категории, а в 9 погребениях возраст захороненных женщин определить не удалось (табл. 1).

Большая часть курганов и погребений молодых женщин соотносится с группой 1, тип А (8 погребений из 16). Инвентарь был обнаружен в пяти погребениях. В КМ Гвардейцы II 1/2 – сосуд (Крамарев, Мышкин, Турецкий, 2002, с. 105), а в КМ Тамар-Уткуль VIII 3/1 – галька белого цвета (Моргунова, Кравцов, 1994, с. 22).

Интересно, что в комплексе 4/2 Герасимовка II, где были захоронены черепа, один принадлежит женщине 25–30 лет (рис. 3:

1–13). В захоронении обнаружен богатый инвентарь. Сложно определить принадлежность предметов в парном погребении, но нахождение черепа в комплексе с предметами культа является прямым свидетельством участия женщин в религиозной сфере общества.

Погребения молодых женщин также были найдены в крупных насыпях в КМ Курманаевский III 1/2 (Богданов, 1999, с. 13) и Тамбовка 2/2 (Турецкий, 1999, с. 140). Однако центральные погребения под этими курганами являлись мужскими, а женские находились на периферии.

Экстраординарным можно назвать погребение молодой женщины в КМ Тамар-Уткуль VII 3/2. Трудовые затраты на погребение соотносятся с группой 2, тип Б. В погребении обнаружен престижный производственный инвентарь: небольшое долото, два фрагмента такого же долота, железистая конкреция (рис. 3: 16). Трудовые затраты и производственный инвентарь указывают на высокий социальный статус погребенной.

Наблюдается различие и в способах погребения женщин зрелого возраста. Обнаружены погребения женщин в больших курганах. В КМ Уваровка 2/2 насыпь и погребальная камера соотносятся по размерам с группой 2, тип Б. В погребении женщины 40–45 лет был найден разнообразный инвентарь (рис. 3: 17). Украшения: кольцо из серебра, медная подвеска, орудие мастера – тесло, воинский арсенал – кремневые наконечники стрел и сосуд (Кузьмина, Михайлов, Фадеев, 2003, с. 198–216).

Большинство погребений зрелых женщин были найдены и под небольшими насыпями. Обнаружено три погребения, которые по размерам соотносятся с группой 1, тип Б, но в погребении присутствует инвентарь, который представлен украшениями (створки раковин, костяные булавки, железное кольцо в полтора оборота) и предметами из меди (медный нож).

Большинство погребений (5 из 15) женщин зрелого возраста соотносятся с группой 1, тип А. Инвентарь присутствовал лишь в двух захоронениях и представлен украшениями из кости (костяными булавками и обоймой).

Женщины старческой возрастной группы также обнаружены в курганах и могилах различных размеров. В небольших курганах, соотносящихся своими размерами с группой 1А и 1Б, обнаружены четыре захоронения.

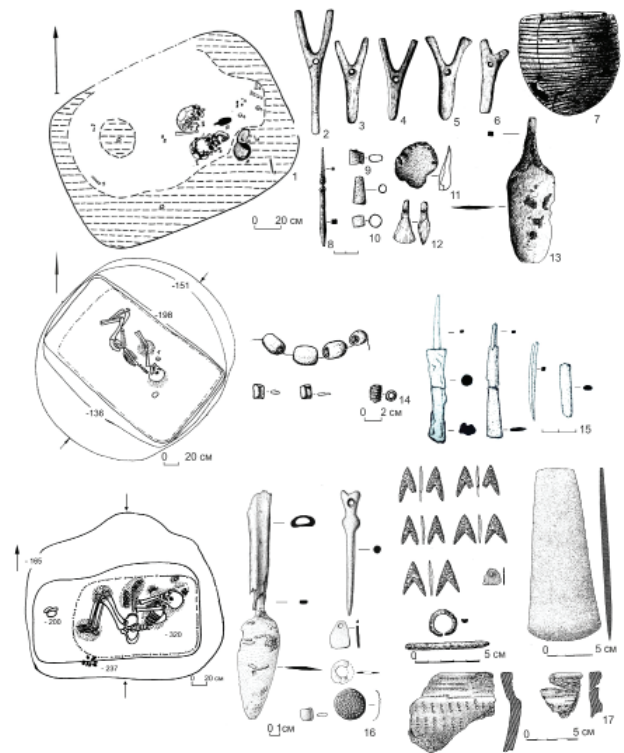

Рис. 3. Погребения женщин ямной культуры Волго-Уралья: 1–13 – КМ Герасимовка II 4/2; 14 – КМ Тамар-Уткуль VII 6/1; 15 – КМ Тамар-Уткуль VII 3/2; 16 – КМ Тамар-Уткуль VII 3/2; 17 – КМ Уваровка 2/2.

Fig. 3. Burials of women of the Yamnaya culture of the Volga-Ural region: 1–13 – Gerasimovka II barrow field 4/2; 14 – Tamar-Utkul VII barrow field 6/1; 15 – Tamar-Utkul VII barrow field 3/2; 16 – Tamar-Utkul VII barrow field 3/2; 17 – Uvarovka barrow field 2/2.

Инвентарь присутствовал в двух погребениях. В одном из них, в КМ Тамар-Уткуль VII 6/1 (рис. 3: 14) (Моргунова, Кравцов, 1994, с. 16), обнаружены украшения (четыре бусины, подвеска в четыре оборота из медной проволоки и четыре медных обоймы).

Захоронения женщин старческого возраста в больших курганах группы 2, тип А, были обнаружены в четырех случаях. Интерес здесь вызывает погребение в КМ Тамар-Уткуль VII 1/1, так как данное погребение женщины было основным и единственным погребением в кургане. Это самый большой курган, построенный в Волго-Уралье для захоронения женщины. Инвентарь, который был найден рядом с пожилой женщиной, состоял из медного ножа, кварцитового отщепка и украшений (костяной булавки, медной бляшки, костяной подвески, кольца из кости и четырех медных обойм (рис. 3: 16). Наряду с этим в данном комплексе найдены каменные орудия труда (наковальня, пест для дробления

руды и кузнечный молоток), трасологический анализ которых показал, что они применялись для металлообработки (Моргунова, Горашук, Файзуллин, 2022, с. 20).

Неординарное захоронение было обнаружено в КМ Скворцовка б/1. Оно было совершено в широкой и глубокой яме с забутовкой. В первом ярусе заполнения ямы были обнаружены развал сосуда, череп, кости рук, альчик барана. На дне ямы вместе со скелетом найдены медное шило, медная руда, раковина каури (Моргунова и др., 2010, с. 55).

Погребения детей и подростков

Дети и подростки обнаружены в 69 погребениях, что составляет 17% от общего числа могил. Из них 43 являются самостоятельными одиночными захоронениями (в том числе 15 погребений – основные и центральные в курганах), 4 парных детских, 8 погребений детей с женскими костяками, 9 детских с мужскими, а 5 – погребения со взрослыми, где пол не определен. Детские захоронения чаще встречаются в курганах небольшого размера в небольших и неглубоких ямах (группа 1, тип А). Инвентарь был найден в 35 погребениях. Керамические изделия в погребениях детей были обнаружены в 15 случаях. Большинство из них находилось рядом с черепами младенцев. Наряду с керамикой в детских и подростковых могилах присутствовали медные (рис. 4: 1–14) и каменные орудия (песчаниковая плитка, медный нож, шило из меди) и украшения из меди (тонкий браслет, ожерелье, пронизки из пластинок, овальные подвески).

Весьма интересен обряд в парных погребениях детей и детей и подростков. Это комплексы Увак 5/6, Тамар-Уткуль VIII 5/1, Болдырево IV 1/4. В КМ Увак 5/6 в погребении обнаружен костяк подростка, который лежал скорченно на правом боку, головой на северо-восток (рис. 4: 1–2). У юго-западной стенки могилы лежали частично истлевшие и интенсивно окрашенные кости младенца. В его ногах находился неорнаментированный керамический сосуд (Моргунова, Кравцов, 1994, с. 35). В КМ Тамар-Уткуль VIII 5/1 в засыпи могилы обнаружены два скопления речных галек (23 шт.), несколько ниже – крупный необработанный камень и 12 таких же галек (Моргунова, Кравцов, 1994, с. 28). Дно ямы было посыпано охрой. На посылке лежало два детских костяка. Костяк № 1 (ребенок 10 лет) лежал скорченно на правом боку, головой

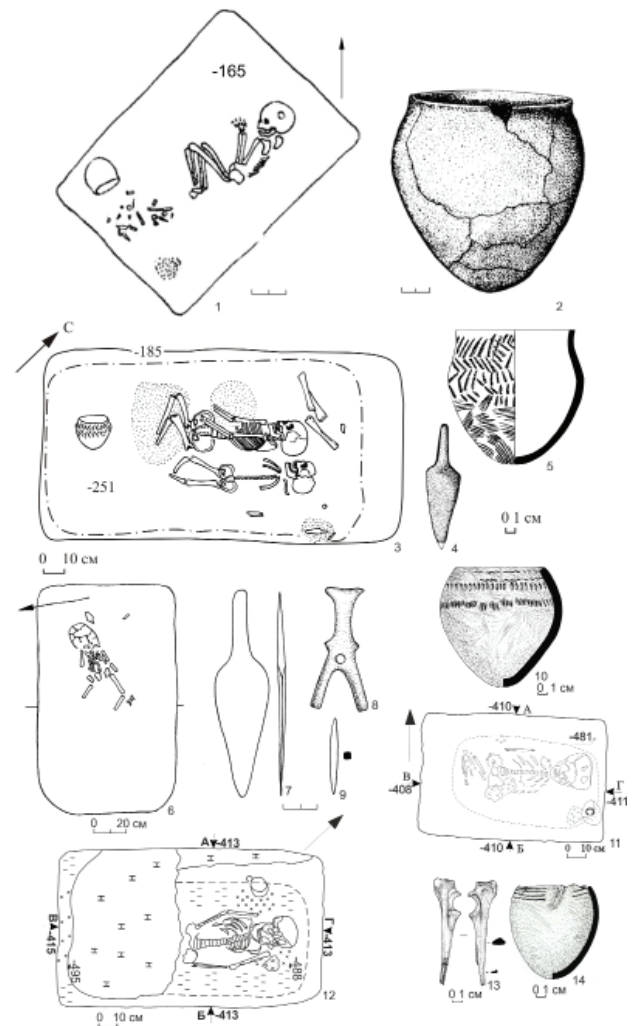

Рис. 4. Погребения детей ямной культуры Волго-Уралья: 1–2 – КМ Увак 5/6; 3–5 – КМ Тамар-Уткуль VIII 5/1; 6–9 – КМ Покровка 17/1; 10–11 – КМ Болдырево 4 1/3; 12–14 – КМ Болдырево 4 1/4.

Fig. 4. Burials of children of the Yamnaya culture of the Volga-Ural region: 1–2 – Uvak barrow field 5/6; 3–5 – Tamar-Utkul VIII barrow field 5/1; 6–9 – Pokrovka barrow field 17/1; 10–11 – Boldyrevo 4 barrow field 1/3; 12–14 – Boldyrevo 4 barrow field 1/4.

на СВ с вытянутыми вдоль туловища руками. Кости посыпаны охрой. Костяк № 2 (ребенок 5 лет) лежал позади костяка № 1 скорченно на спине, головой на СВ. У костяка 1 обнаружен инвентарь: овальная подвеска в два оборота из округлой в сечении медной проволоки, медный нож с листовидным лезвием, медное четырехгранное шило. У черепа костяка № 2 лежала медная подвеска в полтора оборота из округлой в сечении медной проволоки. Также в могиле был найден раздавленный глиняный сосуд (рис. 4: 3–5). Междисциплинарные исследования одиночных детских подкурганов захоронений в стратифицированном 1 кургане КМ Болдырево 4 (рис. 4: 10–14)

позволили выявить то, что дети (девочки) были удостоены погребению под курганом, несмотря на серьезные заболевания (онкология и цинга) и независимо от гендера (Моргунова и др., 2022, с 58). Данный факт позволяет предполагать существование наследственного социального статуса у населения ямной культуры Волго-Уралья.

На территории Волго-Уралья найдено девять погребений подростков. Насыпи курганов небольшие, как и в погребениях детей. Особый интерес представляет инвентарь в КМ Першин 1/4, где находился скелет подростка мужского пола (12–13,5 лет) с двустворчатой литейной формой для втульчатого топора, положенной у левого виска (рис. 5: 1–2). Анализ двигательной активности индивида позволил выявить деформации, свидетельствующие о том, что он был связан с металлургическим производством (Черных и др., 2000, с. 65).

Наряду с одиночными погребениями интерес вызывают и парные погребения детей, подростков и взрослых индивидов. Всего парных погребений 24. Парных погребений мужчин и детей – 9, женщин и детей – 8, детей и взрослых (пол не определен) – 5, коллективных (мужчина, женщина, ребенок) – 2. В ямной культуре Волго-Уралья отмечаются полярные подходы к месту ребенка и подростка в парных погребениях с взрослыми индивидами. Зафиксировано два обряда. Первый – это положение ребенка в ногах или за спиной у взрослого индивида. Второй – это положение ребенка лицом к взрослому индивиду или в положении «рядом»/«на руках».

Положение ребенка в ногах или за спиной у взрослого индивида отмечено в КМ Пятилетка К3, К5 (Богданов, Кравцов, Моргунова, 1992, с. 80), КМ Преполовенка (Багаутдинов, Пятых, 1987, с. 60), КМ Малокизильский, (Сальников, 1962, с. 45), В КМ Утевский I 2/1 (рис. 5: 3–6). (Васильев, 1980, с. 35), Шумаево II 6/6 (Моргунова и др., 2003, с. 30). Судя по положению детей в могиле, можно сделать вывод, что дети в погребальном ритуале выступали в роли жертвоприношения для взрослых индивидов, которые были представителями элиты общества. Об этом свидетельствуют высокие трудовые затраты на совершение погребального ритуала (сооружение курганной насыпи и погребальной камеры), а также социально-престижный инвентарь.

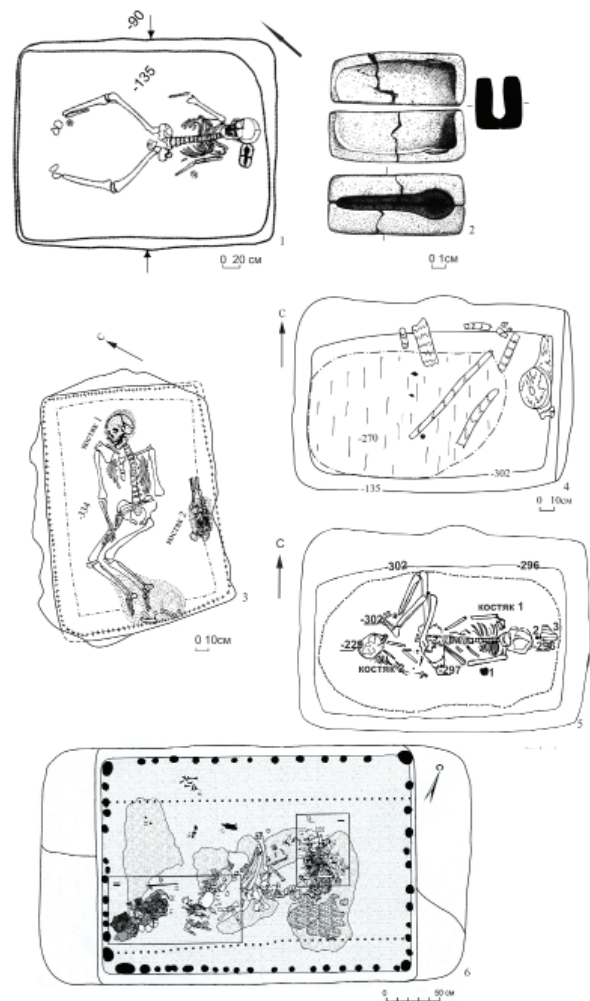

Рис. 5. Одиночные и парные погребения детей, подростков и взрослых индивидов: 1–2 – КМ Першин 1/4; 3 – КМ Пятилетка 3/1; 4–5 – Шумаево II 6/6; 6 – КМ Утевский I 2/1.

Fig. 5. Single and twin burials of children, adolescents and adults: 1–2 – Pershino barrow field 1/4; 3 – Pyatiletka barrow field 3/1; 4–5 – Shumayevo II 6/6; 6 – Utevka I barrow field 2/1.

Можно, конечно, предположить патриархальную традицию такого обряда, но дети в положении у ног встречались и в женских погребениях Шумаево II 6/6 (рис. 5: 4–5).

Положение ребенка лицом к взрослому индивиду обнаружено в одиночном Шумаевском кургане (Моргунова и др., 2003, с. 11) (рис. 6: 1, 2); в двух погребениях КМ Паницкое 6Б/6 и 6Б/7 были найдены погребения мужчины и ребенка, женщины и ребенка (рис. 6: 3–4) (Мимоход, 2009, с. 48) в КМ Калиновский 8/28 и 10/9 (Шилов, 1959, с. 325), в КМ Николаевка III 2/1, 3/1/2, в Полудни II 2/17 (рис. 6: 6–8).

Таким образом, сопоставляя данные, полученные при анализе уровня трудовых затрат

и погребального инвентаря, следует отметить ряд особенностей половозрастной стратификации ямного общества, отраженной в погребальном обряде. Первой и самой важной особенностью является то, что, по данным погребального обряда, существует половозрастная диспропорция в пользу мужского населения. Такая традиция зафиксирована во многих регионах распространения ямной культуры. В Северо-Западном Причерноморье (Иванова, 2001, с. 123), Восточной Венгрии (Ecsedy, 1979, с. 90), на территории Днепр-Пруто-Дунайского междуречья (Яровой, 2006, с. 117). Эти факты подтверждают особую роль мужчин и в других вариантах ямной культуры. Погребения мужчин также характеризуются высоким уровнем трудовых затрат (30 погребений из 124 относятся к группе 2 и 3 типа Б и являлись основными захоронениями под курганом) и отличаются большим количеством производственного инвентаря, что говорит о высокой роли данных индивидов в обществе и об их роли в производстве. Важно то, что среди мужских погребений есть существенные различия, касающиеся размеров курганов и престижного инвентаря во всех возрастных группах. Среди возрастных групп мужчин имелись существенные различия. Чаще в небольших курганах и безынвентарных погребениях хоронили молодое поколение мужчин. А погребальный обряд мужчин зрелого и старческого возраста отличался престижным производственным инвентарем и вооружением, а также дополнен большими трудовыми затратами. Видимо, это связано с тем, что взрослые мужчины имели высокий уровень социальной значимости – ранг, что могло быть связано с заслугами/ролью людей в производственной, военной или административной сфере общества племен ямной культуры.

Учитывая вышесказанное, можно сделать вывод, что ямное общество по своей сути было патриархальное. Особую роль мужчин отмечает также С.В. Иванова. Она считает, что мужчины занимали высокое место в социальной иерархии, причем почти с детского возраста (Иванова, 2001, с. 138). По мнению С.Н. Корневского, оружие в культурах медно-бронзового века традиционно связано с погребальным обрядом мужчин.

Погребений женщин обнаружено значительно меньше, чем мужских. Именно поэто-

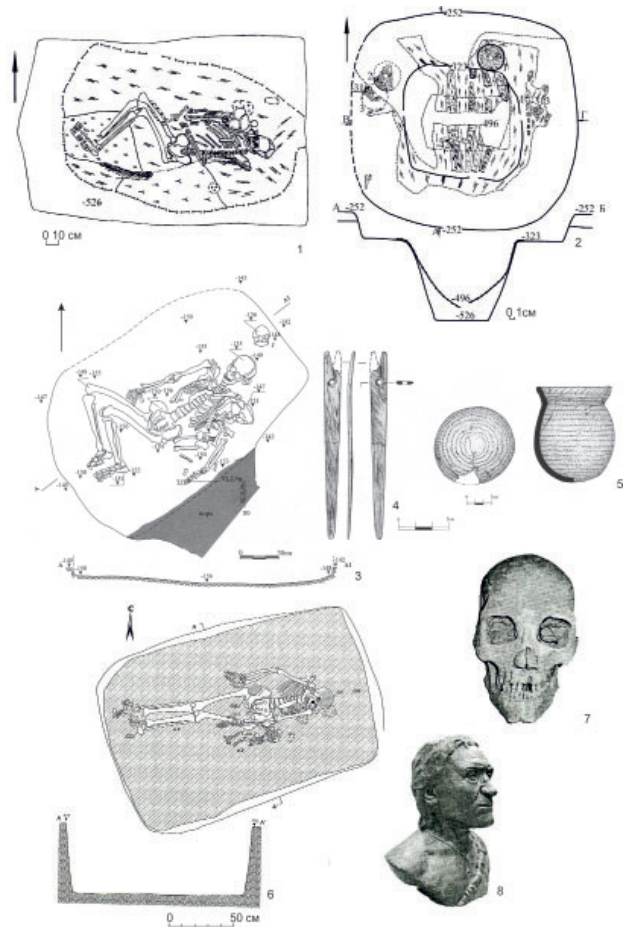

Рис. 6. Парные погребения детей и взрослых индивидов: 1–2 – одиночный курган Шумаево II/2; 3–5 – КМ Паницкое 6Б/6; 6–8 – Полудни II 2/17.

Fig. 6. Twin burials of children and adults: 1–2 – single barrow Shumayevo II/2; 3–5 – Panitskoye barrow field 6B/6; 6–8 – Poludni II 2/17.

му можно предположить, что курганный обряд предназначался для женщин с наследственным или приобретенным социальным статусом. В захоронениях женщин наблюдаются различия по трудовым затратам и инвентарю среди всех возрастных групп. Это значит, что даже в погребениях женщин зрелого и старческого возраста встречается престижный производственный инвентарь и высокие трудовые затраты на совершение погребального ритуала. Это подтверждается погребением молодой девушки в Тмар-Уткуль VII 3/2 (рис. 3: 15). В то же время количество захоронений женщин зрелого и старческого возраста с большими трудовыми затратами сравнительно больше, а в погребениях встречаются предметы ритуального характера – костяные булавы. Вероятно, это свидетельство того, что различия между ними наблюдаются в соответствии с возрастом и социальной ролью в обществе

либо принадлежностью к социальной группе, возможно наследственной. К аналогичному выводу на материалах Поднепровья пришла З.П. Марина (Марина, 1997, с. 16). Она выделяет погребения женщин взрослых или старческого возраста с предметами культа и делает предположение, что выполнять данные религиозные функции могли только старшие женщины в общине. Аналогии подобным погребениям известны в Северном Причерноморье, где выделяют захоронения женщин-жриц, маркированных антропоморфными стелами (Ковалева, 1989, с. 11).

Важно отметить малочисленность женских погребений в курганах. Данный факт подтверждает предположения о наличии других видов посмертных обращений, еще не обнаруженных археологами (Кузнецов, 2003, с. 46).

Небольшое количество погребений детей в курганах, видимо, не отражает реальной демографической картины в раннем бронзовом веке. В первобытных культурах детская смертность была высокой (Громов, Хохлов, 2018, с. 85). Вероятно, обряд погребения детей и подростков под курганами был избирательным и предназначался для детей с наследственным социальным статусом. Небольшие трудовые затраты, возможно, связаны с возрастом погребенных. Но в детских захоронениях инвентарь (в том числе социально престижный) встречается чаще, чем у взрослых, позволяет считать эти погребения социально значимыми. По данным Днепровского Предстепья, И.Ф. Ковалева приводит частые случаи возведения насыпей над основными индивидуальными детскими погребениями (Ковалева, 1998, с. 38). О наследовании детьми социального статуса с рождения пишет и З.П. Марина, основываясь на материалах КМ Терны 9/10 (Марина, 1997, с. 16). Схожую точку зрения выдвигает С.В. Иванова, считая,

что уже в самом раннем возрасте детьми наследовался статус социальной группы, к которой они принадлежали по рождению (Иванова, 2001, с. 135). Такое предположение, по мнению С.Н. Кореневского, основано на общей закономерности права в древних обществах, при которых родственная наследственность была важной основой для занятия высокого социального ранга или власти, вплоть до власти вождя (Кореневский, 2017, с. 48).

Погребение подростков с производственным инвентарем связано с участием данных погребенных в производственной деятельности. Также можно предположить, что ремесленная специальность родителей могла передаваться по наследству, по мере достижения человеком опыта в том или ином деле.

В работе С.В. Федяева отмечается, что наличие в погребениях детей на территории Украины таких игрушек, как люльки-колыбели и кибитки-повозочки, могут служить доказательством того, что дети бронзового века часто наследовали профессии своих родителей (Федяев, 2001, с. 40).

О наследственном социальном статусе также свидетельствуют и парные погребения детей в том случае, когда они покоятся лицом к взрослым. Такое положение, видимо, свидетельствует о том, что дети участвовали в погребальном ритуале по праву рождения в социальной группе с высоким статусом.

Другой вид обращения с детьми в парных погребениях позволяет предположить существование обряда, когда в могилу взрослым помещали человеческую жертву (ребенка). Исходя из этого, можно сделать вывод, что дети могли наследовать социальный статус и социальные функции своих родителей, а также могли участвовать в ритуальной практике общины в качестве жертвы при захоронении взрослых индивидов.

ЛИТЕРАТУРА

- Багаутдинов Р.С., Пятых Г.Г.* I группа у села Преполовенка // Археологические исследования в Среднем Поволжье / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Куйбышев: КГУ, 1987. С. 55–67.
- Богданов С.В.* Древнеямный некрополь в окрестностях села Грачевка // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 4 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: Оренбургская губерния, 2000. С. 11–27.
- Богданов С.В.* Курганы начала бронзового века в окрестностях села Курманаевки // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 3 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: Димур, 1999. С. 12–19.
- Богданов С.В., Кравцов А.Ю., Моргунова Н.Л.* Курганы древнеямной культуры в левобережье реки Урал // Древняя история населения Волго-Уральских степей / Отв. ред. А.Т. Синюк. Оренбург: ОГПИ, 1992. С. 80–91.

- Бочаров В.В.* Антропология возраста. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2001. 104 с.
- Васильев И.Б.* Могильник ямно-полтавкинского времени ус. Утевка в Среднем Поволжье // Археология Восточноевропейской лесостепи / Отв. ред. А. Д. Пряхин. Воронеж: ВГПИ, 1980. С. 32–59.
- Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф.* Полтавкинские могильники ус. Красносамарское в лесостепном Поволжье // Исследование памятников археологии Восточной Европы. Воронеж: ВГУ, 1998. С. 35–59.
- Громов А.В., Хохлов А.А.* Половозрастная структура погребенных в могильниках ямной культуры раннебронзового века Поволжья и Приуралья // Кунсткамера. 2018. № 1. С. 78–86.
- Иванова С.В.* Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса: Друк, 2001. 244 с.
- Ковалева И.Ф.* Мир детства ямных племен Предтепья // Проблемы археологии Поднепровья. Вып. 1 / Отв. ред. И.Ф. Ковалева. Днепропетровск: ДГУ, 1998. С. 37–47.
- Корневский С.Н.* Оружие в комплексах культур начала медно-бронзового века (V-IV тысячелетия до н.э.). Очерки военизации древних обществ по данным археологии. Подунавье, юг Восточной Европы, Кавказ, Ближний Восток. М.: Таус, 2017. 284 с.
- Корневский С.Н.* Феномен детских погребений с оружием в эпоху медно-бронзового века // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 13 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2017. С. 41–49.
- Крамарев А.И., Мышкин В.Н., Турецкий М.А.* Курганный могильник Гвардейцы // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 2 / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: САМ НЦ РАН, 2002. С. 101–122.
- Кузнецов П.Ф.* Воинские символы из погребений ямной культуры ямных племен Самарского Поволжья // Проблемы археологии Евразии / Отв. ред. Р.М. Мунчаев. М.: ИА РАН, 2002. С. 87–95.
- Кузнецов П.Ф.* Особенности курганных обрядов населения Самарской долины в первой половине бронзового века // Материальная культура населения бассейна реки Самары в бронзовом веке. Самара: СамГПУ, 2003. С. 43–51.
- Кузьмина О.В., Михайлова О.В., Фадеев В.Г.* Уваровский курганный могильник // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 3 / Отв. ред. И.Б. Васильев. Самара: СНЦ РАН, 2003. С. 198–216.
- Марина З.П.* Ямные погребения Днепровского Левобережного Предтепья с металлическими украшениями // Проблемы истории и археологии Украины / Отв. ред. В.И. Кадеев. Харьков: Бизнес информ, 1997. С. 15–16.
- Массон В.М.* Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). Л.: Наука, 1976. 191 с.
- Мимоход Р.А.* Курганы эпохи бронзы – раннего железного века в саратовском Поволжье: характеристика и культурно-хронологическая атрибуция комплексов. М.: Таус, 2009. 292 с.
- Моргунова Н.Л.* Большой Болдыревский курган // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 4 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2000. С. 55–62.
- Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Краева Л.А., Мещеряков Д.В., Халяпин М.В., Хохлова О.С.* Шумаевские курганы. Оренбург: ОГПУ, 2003. 392с.
- Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Дегтярева А.Д., Евгеньев А.А., Купцова Л.В., Салугина Н.П., Хохлова О.С., Хохлов А.А.* Скворцовский курганный могильник. Оренбург: ОГПУ, 2010. 160 с.
- Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю.* Памятники древнеямной культуры на Илеке. Екатеринбург: Наука, 1994. 153 с.
- Моргунова Н.Л., Турецкий М.А.* Курганная группа у хут. Барышниково // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 2 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: Печатный дом "Димур", 1998. С. 3–16.
- Моргунова Н.Л., Файзуллин А.А.* Социальная структура ямной культуры Волжско-Уральского междуречья // Stratum plus. 2018. № 2. С. 35–60.
- Моргунова Н.Л., Горащук И.В., Файзуллин А.А.* Результаты трассологического анализа каменных и костяных орудий Турганинского поселения // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 15 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2021. С. 11–31.
- Моргунова Н.Л., Файзуллин А.А., Четкина О.Ю., Медникова М.Б.* Биоархеология детства в ямной культуре по материалам кургана 1 могильника Болдырево-4 в Южном Приуралье // Археология, этнография и антропология Евразии. 2022. Т. 50. № 2. С. 49–59.

Овчинникова Н.В., Фадеев В.Г. Итоги изучения курганного могильника ямной культуры Орловка I // Самарский край в истории России: мат-лы межрег. науч. конф., посвященной 120-летию со дня основания Самарского областного историко-краеведческого музея им. П. В. Алабина. Вып. 3. / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ, 2007. С. 24–33.

Сальников К.В. Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы // АЭБ. Т. I / Отв. ред. Р.Г. Кузеев, К.В. Сальников. Уфа: БФАН СССР, 1962. С. 16–58.

Турецкий М.А. Курган 2 у села Тамбовка (к вопросу о проникновении катакомбной культуры в степное Заволжье) // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 1 / Отв. ред. И.Б. Васильев. Самара: СамГПУ, 1999. С. 135–144.

Файзуллин А.А. К вопросу о диспропорции половозрастных групп в погребальном обряде ямной культуры Волго-Уралья // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. Т. I / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Мочалов. Самара: СГСПУ, 2020. С. 349–351.

Файзуллин А.А. Украшения в погребальной обрядности носителей ямной культуры Волго-Уралья как маркер социальной значимости в обществе кочевников эпохи ранней бронзы // Поволжская археология. 2020. № 3 (33). С. 100–116.

Федяев С.В. К вопросу о мире детства скотоводческих обществ бронзового века // Проблемы истории и археологии Украины. Материалы международной научной конференции / Отв. ред. С.Б. Сорочан. Харьков: ХНУ. 2001. С. 38–40.

Хохлов А.А. Антропологический материал из погребений Шумаевских курганов Оренбуржья // Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Краева Л.А., Мещеряков Д.В., Халяпин М.В., Хохлова О.С. Шумаевские курганы. Оренбург: ОГПУ, 2003. С. 275–292.

Хохлов А.А. Демографические процессы в северной половине Волго – Уралья в эпохи энеолита и бронзы // Кони, колесницы и колесничие степей Евразии / Гл. ред. П.Ф. Кузнецов. Екатеринбург, Самара, Донецк: Рифей, 2010. С. 133–166.

Хохлов А.А., Газимьянов С.Ю., Фризен С.Ю. Антропологические материалы могильника Мустаево // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 7 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2005. С. 105–112.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В., Лебедева Е.Ю., Луньков В.Ю. Исследование курганного могильника у села Першин // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 4 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2000. С. 63–84.

Шилов В.П. Калиновский курганный могильник // Древности Нижнего Поволжья. Т. 1 / МИА. № 60 / Отв. ред. Е.И. Крупнов. М.: АН СССР, 1959. С. 11–38.

Яблонский Л.Т., Хохлов А.А. Краниология населения ямной культуры Оренбургской области // Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю. Памятники древнеямной культуры на Илеке. Екатеринбург: Наука, 1994. С. 116–152.

Яровой Е.В. Ямная культура Днепро–Пруто–Дунайского междуречья // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2006. С. 117–119.

Ecsedy I. The people of the pit-grave kurgans in eastern Hungary. Budapest, 1979. 122 p.

Airat Faizullin Metal items in the Volga-Ural Pit Grave culture burial rituals as indicator of the social significance of the buried person // Springer Proceedings in Earth and Environmental Sciences. Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy. Proceedings of 6th Geoarchaeological Conference, Miass, Russia, 16–19 September 2019. P. 127–133.

Информация об авторе:

Файзуллин Айрат Асхатович, кандидат исторических наук, научный сотрудник археологической лаборатории, Оренбургский государственный педагогический университет (г. Оренбург, Россия); faizullin.airat@yandex.ru

REFERENCES

Bagautdinov, R. S., Pyatykh, G. G. 1987. In Matveeva, G. I. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniya v Srednem Povolzh'e (Archaeological Studies in the Middle Volga Area)*. Kuybyshev: Kuybyshev State University, 55–67 (in Russian).

Bogdanov, S. V. 2000. In Morgunova, N. L. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia (Archaeological Sites of Orenburg Region)* 4. Orenburg: "Orenburgskaya guberniya" Publ. С. 11–27 (in Russian).

Bogdanov, S. V. 1999. In Morgunova, N. L. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia (Archaeological Sites of Orenburg Region)* 3. Orenburg: "Dimur" Publ., 12–19 (in Russian).

Bogdanov, S. V., Kravtsov A. Yu., Morgunova, N. L. 1992. In Sinyuk, A. T. (ed.). *Drevnyaya istoriya naseleniya Volgo-Ural'skikh stepei (Ancient history of the Population of the Volga-Ural Steppes)*. Orenburg: Orenburg State Pedagogical Institute, 80–91 (in Russian).

Bocharov, V. V. 2001. *Antropologiya vozrasta (Anthropology of age)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University (in Russian).

Vasil'ev, I. B. 1980. In Pryakhin, A. D. (ed.). *Arkheologiya Vostochnoevropeiskoi lesostepi (Archaeology of the East-European Forest-Steppe Zone)*. Voronezh: Voronezh State Pedagogical Institute, 32–59 (in Russian).

Vasil'ev, I. B., Kuznetsov, P. 1998. In *Issledovanie pamyatnikov arkheologii Vostochnoy Evropy (Research in Eastern Europe archaeological sites)*. Voronezh: Voronezh State University, 35–59 (in Russian).

Gromov, A. V., Khokhlov, A. A. 2018. In *Kunstkamera (Kunstkamera)* 1, 78–86 (in Russian).

Ivanova, S. V. 2001. *Sotsial'naya struktura naseleniya yamnoi kul'tury Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya (Social Structure of the Population of the Yamnaya Culture in the North-Western Black Sea Region)*. Odessa: "Druk" Publ. (in Russian).

Kovaleva, I. F. 1998. In Kovaleva, I. F. (ed.). *Problemy arkheologii Podneprov'ia (Issues of the Dnieper Region Archaeology)*. Dnepropetrovsk: Dnepropetrovsk State university, 37–47 (in Russian).

Korenevskii, S. N. 2017. *Oruzhie v kompleksakh kul'tur nachala medno-bronzovogo veka (V–IV tysyachel'niya do n.e.). Ocherki voenizatsii drevnikh obshchestv po dannym arkheologii. Podunav'e, yug Vostochnoy Evropy, Kavkaz, Blizhnii Vostok (Weapons in the complexes of cultures dated back to the beginning of the Copper–Bronze Age (V–IV millennium BC))*. Moscow: "Taus" Publ. (in Russian).

Korenevsky, S. N. 2017. In Morgunova, N. L. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia (Archaeological Sites of Orenburg Region)* 13. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 41–49 (in Russian).

Kramarev, A. I., Myshkin, V. N., Turetsky, M. A. 2022. In Vybornov, A. A. (ed.). *Voprosy arkheologii Povolzh'ia (Issues of Archaeology of the Volga Region)* 2. Samara: Samara State Pedagogical University, 101–122 (in Russian).

Kuznetsov, P. F. 2002. In Munchaev, R. M. (ed.). *Problemy arkheologii Evrazii (Issues of the Archaeology of Eurasia)*. / Moscow: Institute of Archeology RAS, 87–95 (in Russian).

Kuznetsov, P. F. 2003. In *Material'naya kul'tura naseleniya basseyna reki Samary v bronzovom veke (Material culture of the population of the Samara River basin in the Bronze Age)*. Samara: Samara State Pedagogical University, 43–51 (in Russian).

Kuz'mina, O. V., Mikhajlova, O. V., Fadeev, V. G. 2003. In Vasil'ev, I. B. (ed.). *Voprosy arkheologii Povolzh'ia (Issues of Archaeology of the Volga Region)* 3. Samara: Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences, 198–216 (in Russian).

Marina, Z. P. 1997. In Kadeev, V. I. (ed.). *Problemy istorii i arkheologii Ukrainy (Issues of History and Archaeology of Ukraine)*. Kharkiv: "Biznes inform" Publ., 15–16 (in Russian).

Masson, V. M. 1976. *Ekonomika i sotsial'nyy stroy drevnikh obshchestv (v svete dannykh arkheologii) (Economics and social structure of ancient societies (in the light of archaeological data))*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Mimokhod, R. A. 2009. *Kurgany epokhi bronzy – rannego zheleznogo veka v saratovskom Povolzh'e: kharakteristika i kul'turno-khronologicheskaya atributsiya kompleksov (Barrows of the Bronze Age – Early Iron Age in the Saratov Volga Region: Characteristics and Cultural-Chronological Attribution of the Complexes)*. Moscow: "Taus" Publ. (in Russian).

Morgunova, N. L. 2000. In Morgunova, N. L. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia (Archaeological Sites of Orenburg Region)* 4. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 55–62 (in Russian).

Morgunova, N. L., Gol'eva, A. A., Kraeva, L. A., Meshcheryakov, D. V., Khalyapin, M. V., Khokhlova, O. S. 2003. *Shumaevskie kurgany (Shumayevo barrows)*. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University (in Russian).

Morgunova, N. L., Gol'eva, A. A., Degtyareva, A. D., Evgen'ev, A. A., Kuptsova, L. V., Salugina, N. P., Khokhlova, O. S., Khokhlov, A. A. *Skvortsovskiy kurgannyy mogil'nik (Skvortsovka barrow field)*. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University (in Russian).

- Morgunova, N. L., Kravtsov, A. Yu. 1994. *Pamyatniki drevneyamnoi kul'tury na Ilike (Monuments of Ancient Yamnaya Culture on the Ilek River)*. Ekaterinburg: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Morgunova, N. L., Turetsky, M. A. 1998. In Morgunova, N. L. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia (Archaeological Sites in Orenburg Region)* 2. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 3–16 (in Russian).
- Morgunova, N. L., Faizullin, A. A. 2018. In *Stratum plus*. (2), 35–60 (in Russian).
- Morgunova, N. L., Gorashchuk, I. V., Faizullin, A. A. 2021. In Morgunova, N. L. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia (Archaeological Sites in Orenburg Region)* 15. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 11–31 (in Russian).
- Morgunova, N. L., Faizullin, A. A., Chechetkina, O. Yu., Mednikova, M. B. 2022. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 50 (2), 49–59 (in Russian).
- Ovchinnikova, N. V., Fadeev, V. G. 2007. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Samarskii kraj v istorii Rossii: matly mezhreg. nauch. konf., posviashchennoi 120-letiiu so dnia osnovaniia Samarskogo oblastnogo istoriko-kraevedcheskogo muzeia im. P. V. Alabina (Samara Region in the History of Russia: Proceedings of an Inter-regional Research Conference Dedicated to the 120th Anniversary of Samara Regional Museum of Local Lore named after P. V. Alabin)* 3. Samara: Regional Museum of Local Lore, 24–33 (in Russian).
- Sal'nikov, K. V. 1962. In Kuzeev, R. G., Sal'nikov, (ed.). *Arkheologiya i etnografiya Bashkirii (Archaeology and Ethnography of Bashkiria)* I. Ufa: Bashkir Branch of the USSR Academy of Sciences, 16–58 (in Russian).
- Turetsky, M. A. 1999. In Vasil'ev, I. B. (ed.). *Voprosy arkheologii Povolzh'ia (Issues of Archaeology of the Volga Region)* 1. Samara: Samara State Pedagogical University, 135–144 (in Russian).
- Faizullin A.A. 2020. In Derevianko, A. P., Makarov, N. A., Mochalov, O. D. (eds.). *Trudy VI (XXII) Vserossiiskogo arkheologicheskogo sezda v Samare (Proceedings of the 6th (22nd) All-Russia Archaeological Congress in Samara)* I. Samara: Samara State Pedagogical University, 349–351 (in Russian).
- Faizullin, A. A. 2020. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 33 (3), 100–116 (in Russian).
- Fedyaev, S. V. 2001. In Sorochan, S. B. (ed.). *Problemy istorii i arkheologii Ukrainy (Issues of History and Archaeology of Ukraine)*. Kharkiv: Kharkiv National University, 38–40 (in Russian).
- Khokhlov, A. A. 2003. In Morgunova, N. L., Gol'eva, A. A., Kraeva, L. A., Meshcheryakov, D. V., Khalyapin, M. V., Khokhlova, O. S. *Shumaevskie kurgany (Shumayevo barrows)*. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 275–292 (in Russian).
- Khokhlov, A. A. 2010. In Kuznetsov, P. F. (ed.). *Koni, kolesnitsy i kolesnichie stepey Evrazii (Horses, Chariots And Chariot's Drivers of Eurasian Steppes)*. Ekaterinburg, Samara, Donetsk: "Rifey" Publ., 133–166 (in Russian).
- Khokhlova, A. A., Gazim'yanov, S. Yu., Frizen, S. Yu. 2005. In Morgunova, N. L. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia (Archaeological Sites in Orenburg Region)* 7. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 105–112 (in Russian).
- Chernykh, E. N., Kuzminykh, S. V., Lebedeva, E. Yu., Lun'kov, V. Yu. 2000. In Morgunova, N. L. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia (Archaeological Sites in Orenburg Region)* 4. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 63–84 (in Russian).
- Shilov, V. P. 1959. In Krupnov, E. I. (ed.). *Drevnosti Nizhnego Povolzh'ya (Antiquities of the Lower Volga Region)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 60. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 11–38 (in Russian).
- Yablonsky, L. T., Khokhlov, A. A. 1994. In Morgunova, N. L., Kravtsov, A. Yu. *Pamyatniki drevneyamnoi kul'tury na Ilike (Monuments of Ancient Yamnaya Culture on the Ilek River)*. Ekaterinburg: "Nauka" Publ., 116–152 (in Russian).
- Yarovoi, E. V. 2006. In Morgunova, N. L. (ed.). *Problemy izucheniia iamnoi kul'turno-istoricheskoi oblasti (Issues of Studying the Yamnaya Cultural and Historical Area)*. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 117–119 (in Russian).
- Ecsedy, I. 1979. *The people of the pit-grave kurgans in eastern Hungary*. Budapest.

Airat Faizullin 2019. In *Springer Proceedings in Earth and Environmental Sciences. Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy. Proceedings of 6th Geoarchaeological Conference, Miass, Russia, 16–19 September 2019.*, 127–133.

About the Author:

Fayzullin Airat A. Candidate of Historical Sciences, Researcher at the Archaeological Laboratory of Orenburg State Pedagogical University. Sovetskaya Str., 19, Orenburg 460014, Russian Federation; faizullin.airat@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2023 г.
Статья принята к публикации 01.04.2023 г.

УДК 902.01

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.2.25.35>

СПИРАЛЕВИДНЫЕ ПОДВЕСКИ ЮГА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ: КУЛЬТУРНЫЕ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОКИ МОРФОЛОГИИ, СПОСОБЫ НОШЕНИЯ

©2023 г. С.В. Бортникова

В статье рассматривается происхождение спиралевидных подвесок в 1,5 и более оборотов, широко представленных в культурах Циркумпонтийской зоны в эпоху бронзы с конца IV тыс., в контексте эволюции морфологии и межкультурного взаимодействия. Основой для их возникновения в культурах степного пояса Восточной Европы могли послужить кольцевидные височные украшения, известные в энеолите восточной части Балкано-Карпатской металлургической провинции. Развитие навыков обработки металлов и эксперименты с составом металла позволили добиться более сложной, спиральной формы, знакомство с которой было обусловлено импортными изделиями из западного ареала провинции. Прослеживаются культурные предпочтения в материале изготовления данных подвесок, в частности, серебра, либо имитирующей серебро бронзы. Простая форма подвесок объясняется ограниченным количеством драгоценного металла и стандартными размерами слитков, в которых он поступал к мастерам-ювелирам. Приводятся возможные способы ношения и крепления данных подвесок. Особое внимание уделяется аспекту парности, проявляющейся в разных направлениях закрутки спирали и одинаковом количестве витков у пары подвесок.

Ключевые слова: археология, бронзовый век, юг Восточной Европы; спиралевидные подвески, ювелирное дело, серебряные украшения.

SPIRAL PENDANTS FROM THE SOUTH OF EASTERN EUROPE: THE CULTURAL AND TECHNOLOGICAL ORIGINS OF MORPHOLOGY, WAYS OF WEARING

S.V. Bortnikova

The article discusses the origins of spiral pendants with 1.5 or more coils that are widely represented in the cultures of the Circumpontic area in the Bronze Age from the end of the 4th millennium, in the context of the evolution of morphology and intercultural interaction. Their appearance in the cultures of Eastern European steppes can be traced to ring-shaped hair ornaments found in Eneolithic sites of the eastern part of the Balkan-Carpathian metallurgical province. The development of jewelry skills and experimentation with metal composition made it possible to achieve a more complex, spiral form, familiar due to imported goods from the western area of the province. Cultural preferences are manifesting in the material used, in particular, silver, or bronze imitating silver. The simple shape of the hair rings is explained by the limited amount of precious metal and the use of standard-sized ingots for transporting raw material to the jewelers. There are several possible ways of wearing and fastening spiral hair rings. Particular attention is paid to the pairing aspect that is shown by different spiral twist directions and the same number of coils for a pair of these ornaments.

Keywords: archaeology, Bronze Age, south of Eastern Europe, spiral pendants, jewelry, silver ornaments.

Погребальный инвентарь ряда культур бронзового века характеризуется наличием примечательной категории украшений для головы и волос – небольших подвесок, свёрнутых из проволочного прута или пластины в виде трёхмерной спирали в 1,5 и более оборотов. Они хорошо известны в памятниках усатовской культуры Северо-Западного Причерноморья (Патокова, 1979, с. 109), всего ареала ямной и катакомбной культурно-исторических областей (Субботин, 2003,

с. 227–228), новотиторовской культуры Прикубанья (Гей, 2000, с. 159), куро-аракской культуры Закавказья (Carminati, 2014, p. 168), в ряде памятников Анатолии (Frangipane et al., 2001, fig. 25). Позднее они встречаются в памятниках культуры колоколовидных кубков Западной и Центральной Европы (Czene, 2017, p. 192), абашевской и бабинской культур степи и лесостепи Восточной Европы (Малов, 1992, с. 34).

Спиралевидные подвески часто упоминаются в литературе как украшения, обладаю-

щие надкультурным, универсальным статусом (Primas, 1995, p. 77–115). Их массовое распространение хронологически соотносится с началом функционирования Циркумпонтийской металлургической провинции (далее – ЦМП) и потому объясняется достижением определённого уровня развития металлургии и металлообработки. Вместе с тем отдельного внимания заслуживает ряд аспектов. С чем именно связаны технологические и культурные истоки спиралевидных подвесок? Какова роль материала в изготовлении спиралевидных подвесок? Какими могли быть способы их ношения? Настоящая статья посвящена изучению данных вопросов.

Ни в отечественной, ни в зарубежной историографии не сложилось единой терминологии в наименовании рассматриваемых украшений. Обычно они рассматриваются в контексте функциональной категории височных колец либо в качестве самостоятельной группы украшений. Чаще всего в отношении них используются такие термины, как *спиралевидные височные кольца/подвески*, *височные подвески* в некоторое число оборотов, а в работах на иностранных языках – *spiral hair rings* (Preda, 2015, p. 13)/*ornaments* (Vasileva, 2021, p. 218), *spiral-shaped rings* (Courcier, 2017, p. 531) (англ.), *Lockenringe*, *Spiralringe*, *Schläfenringe* (Dergačev, 2002, s. 74) (нем.).

Рассматриваемые в данной работе украшения крайне редко обнаруживаются за пределами погребальных комплексов. Они изготавливались из меди, серебра, золота. Также известны образцы из более экзотических материалов – например, свинца (Carmipati, 2014, p. 222) и железа (Файзуллин, 2020, с. 110). На символическую значимость данных украшений в погребальном обряде указывают подвески, изготовленные из дерева (Хапры, катакомбное погребение 7 из кургана 5: три спиралевидных кольца, из которых два – в 1,5 оборота и одно – в 2,5 оборота) (Беспалый, Парусимов, 1987) и кости (Чограй II, ямное погребение 9 в кургане 3: подвеска в 1,5 оборота) (Коренько, 1977). Применение редких, драгоценных металлов для изготовления височных украшений отражает их важность как символов состоятельности и высокого социального статуса их владельцев.

Примечательна консервативность форм спиралевидных подвесок, которая подчёркивается сопоставимостью их типологий, разра-

ботанных на материалах различных культурных ареалов. В связи с этим стоит отметить то обстоятельство, что в усатовских, ямных, катакомбных, новотиторовских памятниках почти всё серебро было представлено украшениями для головы, среди которых преобладали полуторавитковые подвески. Очевидно, применение серебра было связано с получением доступа к его рудным источникам либо становлением торгово-обменных контактов с культурами, контролирующими источники драгоценного металла. Однако в отличие от богатых памятников майкопско-новосвободненской общности, где данный металл применялся для создания множества различных типов изделий (сосуды, фигурки животных, оружие, украшения), серебряные изделия вышеперечисленных степных культур не отличались особым разнообразием. Не наблюдается накопления драгоценного металла для отливки более крупных и сложных по форме изделий. Модификации имеющихся украшений относительно незначительны, особенно с учётом широких хронологических рамок культур. Вероятно, постоянство облика спиралевидных подвесок, редкость экспериментов над их морфологией связаны не только с обрядовой традиционностью, но и с формой слитков металла, поступавших в степную среду. В кладах Анатолии III тыс. до н. э. обнаружены серебряные слитки в виде прутьев или свёрнутых мотков проволоки (рис. 1: 14) (Авилова, 2017, с. 86). Прут или фрагмент серебряной проволоки достаточно просто превратить в спиралевидную подвеску обычной ковкой – слиток или его часть, таким образом, представляли собой удобную изначальную заготовку для ювелира. Малое количество одновременно получаемого металла не способствовало изобретению новых форм, ограничивало мастеров в их творческих возможностях.

Одни из древнейших спиралевидных подвесок происходят из погребений усатовской культуры Северо-Западного Причерноморья. Это округлые по форме украшения, изготовленные из проволоки круглого сечения толщиной 0,2–0,4 см (рис. 1: 6, 7, 8). Преобладают полуторавитковые украшения, но встречаются и многооборотные спирали – например, образцы в 3 и 4 оборота из погребения 13 кургана I Усатовского могильника (Иванова и др., 2020, с. 276). Усатовские подвески

Рис. 1. 1, 2 – Садовое (Субботин, 2003, табл. 45: 1, 2); 3 – Хвалынский I (Рындина, 2010, рис. 1: 5); 4 – Дуранкулак (Todorova, Vajsov, 2001, taf. 29: 364, 365); 5 – Хэбэшешть (Dumitrescu, 1954, fig. 29: 10, 11); 6, 7, 8 – Усатово (Иванова и др., 2020, рис. 2: 10, 11, 12); 9 – Ильинский I (Гак, Калмыков, 2014, рис. 2: 17); 10, 11 – Трояново (Das Erste Gold, 2017, p. 168); 12 – Арслантепе (Palumbi, 2018, fig. 3: c); 13 – Хвалынский I (Рындина, 2010, рис. 1: 1); 14 – Троя II-III, клад R (Авилова, 2017, рис. 2: 27); 15 – Кудажурт (Кореневский, 2011, лист 7.1); 16 – Новосвободная (Мунчаев, 1975, рис. 48: 14); 17 – возможный способ ношения спиралевидных подвесок (Vasileva, 2021, tab. IV: 16).

Fig. 1. 1, 2 – Sadovoye (Subbotin, 2003, table 45: 1, 2); 3 – Khvalynsk I (Ryndina, 2010, fig. 1: 5); 4 – Durankulak (Todorova, Vajsov, 2001, taf. 29: 364, 365); 5 – Hăbășești (Dumitrescu, 1954, fig. 29: 10, 11); 6, 7, 8 – Usatovo (Ivanova et al., 2020, fig. 2: 10, 11, 12); 9 – Ilinsky I (Gak, Kalmykov, 2014, fig. 2: 17); 10, 11 – Troyanovo (Das Erste Gold, 2017, p. 168); 12 – Arslantepe (Palumbi, 2018, fig. 3: c); 13 – Khvalynsk I (Ryndina, 2010, fig. 1: 1); 14 – Troy II-III, treasure R (Avilova, 2017, fig. 2: 27); 15 – Kudahurt (Korenevsky, 2011, folio 7.1); 16 – Novosvobodnaya (Munchaev, 1975, fig. 48: 14); 17 – a possible way of wearing spiral hair rings (Vasileva, 2021, tab. IV: 16).

изготавливались из сплавов на основе меди либо серебра (Петренко, 1997). Применение серебра в изготовлении усатовских украшений позволило некоторым исследователям сделать выводы об их взаимосвязи с ямными племенами, которые могли привнести готовые изделия или слитки драгоценного металла с востока (Dergachev, 2002, s. 74). Данный сценарий осложняется тем обстоятельством, что

большинство усатовских серебряных изделий соотносится с ранними памятниками, а не поздними (Иванова и др., 2020, с. 277).

Возможны ли местные корни происхождения усатовских спиралевидных подвесок? Подобные украшения изредка встречаются в кукутенских и трипольских памятниках. В частности, в одной из построек кукутенского поселения Хэбэшешть этапа В/І были

обнаружены две медных (по визуальному определению) спиралевидных подвески в два оборота, свёрнутых против часовой стрелки (рис. 1: 5) (Dumitrescu et al., 1954, p. 270). В отличие от более поздних усатовских аналогов, данные украшения изготовлены не из округлой, а из уплощённой в сечении проволоки. Отличается и диаметр кольца, составляющий 2–2,3 см, тогда как диаметр усатовских подвесок практически никогда не превышал 1,5 см. Их функциональное предназначение не самоочевидно из-за поселенческого контекста находок – они трактуются и как серьги (Dumitrescu et al., 1954, p. 465), и как височные кольца (Рындина, 1998, с. 111–113). Факт их изготовления из уплощённой проволоки позволяет провести ассоциацию с иной категорией украшений, представленной в энеолитических памятниках Балканского полуострова, а именно, перстнями (встречены в могильниках Дуранкулак, Варна, Голямо-Делчево) (Todorova, Vajsov, 2001, s. 75–76). Находки в Хэбэшести более всего подходят на спиральные перстни, изготовленные из уплощённой проволоки толщиной 0,15–0,3 см и скрученные в 1,5–3 оборота спирали (рис. 1: 4). В одном погребении могло находиться несколько перстней, в том числе и на одной руке. Отмечается, что преобладающее большинство данных украшений соотносится с захоронениями женщин (Todorova, Vajsov, 2001, s. 75–76). Учитывая тесную взаимосвязь кукутено-трипольской металлообработки с балканскими очагами, представляется вероятным, что изделия из Хэбэшести могли являться либо импортированной продукцией, либо попытками её имитации.

Запад и восток Балкано-Карпатской металлургической провинции (далее – БКМП) был объединён обменной сетью готовыми изделиями, металлом и стандартами металлообработки. Балкано-карпатские центры производства и обработки металла выступали главным «законодателем моды» на металлургические украшения для культур энеолита степи и лесостепи Юго-Восточной Европы. Помимо спиральных перстней, в некрополях Варны, Дуранкулака и Хотницы были обнаружены многовитковые спиральные браслеты и небольшие серьги в виде несомкнутых проволочных колец. При этом височные украшения как таковые были нехарактерны для западной части БКМП – в отличие от восточной, где

были распространены проволочные кольца с заходящими друг за друга концами. Они могли подвешиваться одно за другое и формировать цепочки из 3–4 звеньев (рис. 1: 3). Особо примечательны массивные спиральные подвески диаметром 5–7 см, обнаруженные рядом с черепами погребённых в Хвалынском I могильнике (рис. 1: 13). Согласно результатам металлографического анализа, проведённого Н.В. Рындиной, их типологические и технологические характеристики сильно отличались от прочих хвалынских металлических изделий (Рындина, 2010, с. 234–235). Судя по всему, они представляли собой спиральные браслеты варненского очага металлообработки, привнесённые в хвалынскую среду посредством трипольских и новоданиловских племён и интерпретированные на новом месте как височные украшения.

Бытовавшие в культурах степного энеолита образцы импортных спиралевидных украшений в итоге привели к постепенному формированию предпочтений и традиций, в полной мере проявившихся в эпоху ранней бронзы. Н.Л. Моргунова полагает, что спиралевидные подвески, наряду с молотками, крестообразными мотыгами-молотками и особенностями состава металла, указывают на взаимосвязь ямных памятников Приуралья с металлургической традицией Балкано-Карпатского (Моргунова, 2014, с. 309). Возвращаясь к изначальному вопросу об истоках спиралевидных подвесок в усатовских памятниках, стоит отметить, что, даже если взаимодействие с ямными племенами стало катализатором для их массового изготовления, данные украшения никогда не были генетически чужды населению усатовской культуры. Спиралевидные украшения получили известность на юге Восточной Европе уже в эпоху энеолита, а в раннем бронзовом веке превратились в один из наиболее характерных типов изделий для всей ЦМП.

Большая концентрация серебряных украшений в ямных и усатовских памятниках Северо-Западного Причерноморья позволила С.В. Ивановой говорить о «серебряном веке» в металлургии раннего бронзового века (Иванова, 2007, с. 85–92). Вторым аналогичным центром распространения серебряных изделий являлось Прикубанье, где они встречаются в новотиторовских, раннекатакомбных, северокавказских памятниках (рис. 1:

9). Примечательно, что в данных культурах именно спиралевидные подвески в 1,5 оборота составляют основную массу серебряных украшений. Данные культуры находились под воздействием традиций металлообработки майкопско-новосвободненской общности Северного Кавказа, и северокавказское происхождение их серебра не вызывает сомнений (Мимоход, 2009, с. 128). Однако спиралевидные подвески нехарактерны для майкопской культуры, где им предпочитали украшения из золота, в частности кольца с нанизанным полудрагоценным камнем, обычно сердоликом (рис. 1: 15) (Корневский, 2011, с. 104). Единичные золотые спиралевидные подвески известны в некоторых поздних, новосвободненских комплексах (рис. 1: 16). По мнению А.Н. Гея, спиралевидные подвески в новотиторских памятниках могут представлять собой развитие более ранних новосвободненских подвесок (Гей, 2000, с. 159), но разница в предпочитаемом металле не позволяет с уверенностью поставить знак равенства между данными культурными традициями.

Спиралевидные подвески известны и в памятниках Закавказья, будучи одним из характерных атрибутов куро-аракской культуры наряду с т. н. «иглами для рисования», двуволотными булавами и булавами с закруглённой головкой (Ростунов, Хашегульгов, 1985, с. 41–55). Они характерны для фаз II и III данной культуры, а именно для рубежа IV–III тыс. до н. э. В отличие от северных аналогов, куро-аракские подвески изготавливались преимущественно из мышьяковистой бронзы, а образцы из золота и серебра в закавказских памятниках распространяются только на беденско-триалетском этапе (2600–2000 гг. до н. э.) (Carminati, 2014, p. 168, 176). Морфологически ранние спиралевидные подвески Прикубанья, Северного Кавказа и Закавказья очень схожи – чаще всего встречаются изделия в 1,5 оборота с притупленными или приострѣнными окончаниями. Основное отличие между ними заключается в предпочитаемом для их изготовления металле. Примечательно, что медные сплавы куро-аракских спиралевидных подвесок могли содержать до 25% мышьяка, придающего изделиям серовато-серебристый оттенок – возможно, с целью имитации серебра (Рындина, Конькова, 1982, с. 35–37). Повышенное содержание мышьяка

придаёт изделиям хрупкость, поэтому подобные сплавы применялись для украшений, но не орудий или оружия.

Драгоценный металл подчёркивал статус владельца подвески как обладателя труднодоступной ценности. Но помимо высокой стоимости материала на распространение спиралевидных подвесок повлиял и ряд технологических аспектов, а именно развитие навыковковки, изобретение специальных приспособлений для изготовления проволоки, эксперименты над составом сплава и температурным режимом. Металлографический анализ проволочных височных колец из трипольских памятников развитого этапа показывает, что для их производства применялась специальная наковальня с жѣлобом, позволяющая равномерно проковать проволоку по всей её длине (Рындина, 1998, с. 122). Древние ювелиры куро-аракской культуры применяли рекристаллизационный отжиг, что установлено по двум бронзовым спиралевидным подвескам из погребения 11285 могильника Овчулар-Тепеси (Gailhard et al., 2021, p. 170). Отжиг при определённой температуре, чередующийся с холодной ковкой, помог сбалансировать прочность и пластичность заготовки.

В IV и III тыс. до н. э. отмечаются активные эксперименты над составом металла, результатом чего стало распространение изделий из серебра, свинца и мышьяковистой бронзы (Hansen, 2014, p. 397). Спиралевидные подвески в усатовских, ямных, новотиторских, раннекатакомбных, северокавказских памятниках чаще всего изготавливались из серебра – ковкого и пластичного металла, чья температура плавления (961 °C) ниже, чем у меди и золота. Поскольку чистое серебро представляет собой очень мягкий металл, для повышения прочности к нему целесообразно добавлять медь, оптимальное количество которой в сплаве составляет порядка 3–5%. Многие серебряные спиралевидные подвески вышеуказанных культур действительно обладают повышенным содержанием меди (Патокова, 1979, с. 162; Гак, Калмыков, 2014, с. 55). Намеренная добавка меди могла осуществляться не только для получения желаемых механических свойств, но и для экономии драгоценного металла. В данном контексте интересны подвески из Царской гробницы, обнаруженной между слоями VIA и VIB анатолийского

теля Арслантепе (3100 гг. до н. э. – Palumbi, 2021, p. 248). Спиралевидные подвески входили в состав внушительного металлического инвентаря из 64 предметов (Frangipane et al., 2001, p. 108–109). Они были изготовлены из округлой в сечении проволоки, свёрнутой в 1,5–3,5 оборота, окончания некоторых подвесок были приострены (рис. 1: 12). Наличие спиралевидных подвесок и диадем в Царской гробнице позволяет провести аналогию с куро-аракскими захоронениями – в частности, с погребением 2 могильника Квацхелеби, где четыре спиралевидные подвески сочетались с медными диадемой, браслетом, бусами (Rova, 2014, p. 59). Согласно результатам спектрального анализа восьми подвесок Царской гробницы, одна из них была изготовлена из чистого серебра, остальные – из медно-серебряных сплавов с сильно различающимися пропорциями составляющих. Содержание меди составляло от 6% до 67%, а серебра – от 23% до 65% (Hauptmann et al., 2002, tab. 7). Установлено, что ярко-серебристый цвет всех медно-серебряных находок обусловлен применением метода «истощения» наружного слоя меди при помощи проковки и отжига (Ibid., p. 43). Данный метод серебрения был хорошо известен майкопским мастерам (Рындина, 2005, с. 130), поэтому спиралевидные подвески из Арслантепе в первую очередь следует связывать с традициями металлообработки майкопско-новосвободненской общности. Различные соотношения меди и серебра, зачастую нерациональные с точки зрения расхода драгоценного металла, могли быть результатами экспериментов, направленных на достижение определённого цвета или механических свойств изделий.

Вопрос о способах ношения и крепления рассматриваемых украшений неоднозначен ввиду недостаточной сохранности археологического материала, не позволяющей с полной уверенностью говорить о предпочтении того или иного способа. Тем не менее в литературе представлено несколько реконструкций крепления. Н.И. Шишлина полагает, что они могли нанизываться на жгут или ленты, прикрепленные к головной повязке, либо непосредственно нашивались на головной убор (Шишлина, 2007, с. 134). Ж. Василева предлагает четыре способа ношения подвесок: вплетёнными в пряди волос, обёрнутыми вокруг локонов, нанизанными на косички, приши-

тыми на головной убор (рис. 1: 17) (Vasileva, 2021, p. 225). Расположение у висков не является абсолютным правилом для рассматриваемых украшений, особенно в случаях обнаружения более двух подвесок рядом с одним погребённым. Упоминаются случаи находок спиралевидных подвесок у темени (Иванова, 2010, с. 194) и даже в районе груди (Derгаёв, 2002, s. 75). В погребениях донецкой катакомбной культуры, по описанию С.Н. Братченко, украшения с одной стороны от черепа могли объединяться в сцепленные конструкции. В погребении 6 кургана 1 могильника Зимогорье у левого виска погребённого были обнаружены серебряная и бронзовая спиралевидные подвески, нанизанные на деревянную палочку длиной 3,5 см. По-видимому, вся конструкция была обмотана при помощи верёвочки или веточки. Также исследователь упоминает погребение, в котором у каждого виска погребённого находилось по три спиралевидные подвески с обратными оборотами, вертикально лежащие друг на друге (Братченко, 2001, с. 26–27). Особый случай встречен в погребении 24 кургана 2 Новочеркасской ГРЭС, где было обнаружено десять височных колец различной степени сохранности и облика (полуторавитковые и кольцевидные, круглые и овальные). Вероятно, способ их ношения заключался в объединении в единую цепочку и подвешивании (Братченко, 1976, с. 73). Изучение височных колец из средневековых славянских курганов показало, что в ушную раковину могли продеваться довольно массивные украшения с толщиной дужки 0,2 см и диаметром кольца 6 см (Агапов, Сарачева, 1997, с. 109). Поэтому нельзя исключать возможность ношения части спиралевидных подвесок в качестве ушных серёг, а именно полуторавитковых разновидностей с диаметром сечения 0,2–0,3 см и заострёнными окончаниями.

В общем случае спиралевидные подвески – парные украшения, изготавливаемые единым комплектом. Пара подвесок часто отличается только направлением закрутки – по часовой стрелке либо против (например, украшения из погребения 6 кургана Чернова могила (Das Erste Gold..., 2017, p. 168) и погребения 2 кургана Каменна могила (Gold and Bronze..., 2018, p. 460) у г. Трояново в Болгарии) (рис. 1: 10, 11). Иногда парные разнозакрученные подвески имеют различия

в диаметре кольца или сечения. Примером могут служить раннекатакомбные погребения 5 и 7 кургана 2 могильника Пустошкин I (Ростовская область). В обоих погребениях подвески в 1,5 оборота закручены в противоположных направлениях, но различаются размерами (п. 5: диаметр сечения – 0,3 см и 0,2 см, диаметр подвески – 1,4 см и 1,3 см; п. 7: диаметр сечения – 0,2 см и 0,34 см, диаметр подвески – 1,4 см и 1,3 см) (Копылов, Янгуров. 1988). Некоторые подвески, особенно многооборотные, отличаются по количеству витков – в частности, в ямном погребении 1 кургана 32 могильника Садовое представлены две подвески с одинаковым диаметром кольца и сечением проволоки, но различающиеся по числу оборотов – 3,5 и 4 витка (рис. 1: 1, 2) (Субботин, 2003, с. 228). Небольшие различия в размерах и количестве оборотов при сохранении общей формы и разного направления закрутки указывают как на стремление мастера изготовить парные украшения, так и на недостаточно качественную реализацию задумки.

Выводы. Спиралевидные подвески являются простой, но выразительной категорией металлических украшений бронзового века. Вероятно, основой для их появления стали небольшие кольцевидные височные кольца

энеолитического времени. Их трансформация объясняется развитием технологий (применением отжига, наковальни с желобком), влиянием образцов импортных спиральных украшений, а также культурными предпочтениями, нашедшими своё отражение в форме, материале и способах ношения данных подвесок. Взаимосвязь ранних образцов рассматриваемых украшений с серебром проявляется в стремлении к имитации серебристой поверхности в закавказских экземплярах и в высокой степени корреляции между серебряными изделиями и спиралевидными подвесками. Превалирование небольших спиралевидных украшений в ювелирном комплексе ряда культур может объясняться малым количеством единовременно получаемого металла и, как следствие, низкой целесообразностью экспериментов над формой. Простота и консервативность морфологии подвесок может происходить из стандартных форм слитков металла – прутьев или мотков проволоки, требовавших минимальной кузнечной обработки для получения готового изделия. Способы ношения спиралевидных подвесок могли быть различными: они могли вплетаться в волосы либо крепиться к головному убору с помощью специальных завязок или иных приспособлений.

ЛИТЕРАТУРА

- Авилова Л.И.* Анатолийские клады металлических изделий (эпоха раннего металла). Анализ состава комплексов // КСИА. 2014. Вып. 236. С. 26–33.
- Авилова Л.И.* О циркуляции металла в эпоху энеолита — бронзы (слитки, заготовки и весовые системы Ближнего Востока) // *Stratum plus*. 2017. № 2. С. 75–100.
- Аганов А.С., Сарачева Т.Г.* О способах ношения височных колец // РА. 1997. № 1. С. 99–108.
- Беспалый Е.И., Парусимов И.Н.* Отчет о работах Приморского отряда археологической экспедиции Азовского краеведческого музея в 1987 г. // Архив ИА РАН Р-1. № 12540.
- Братченко С.Н.* Донецка катакомбна культура раннього етапу. Ч. I. Луганськ: Шлях, 2001. 216 с.
- Братченко С.Н.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев: Наукова думка, 1976. 252 с.
- Гак Е.И., Калмыков А.А.* Металл изделий позднеямно-раннекатакомбного времени Егорлык-Калаусского междуречья // Древние культуры Юго-Восточной Европы и Западной Азии. Сборник к 90-летию со дня рождения и памяти Н.Я. Мерперга / Отв. ред. Р.М. Мунчаев. М.: ИА РАН, 2014. С. 45–57.
- Гей А.Н.* Новотиторовская культура. М.: Старый сад, 2000. 223 с.
- Иванова С., Видейко М., Бурдо Н.* Металлообработка в Северо-Западном Причерноморье в раннем бронзовом веке // *Slovenská archeológia*. 2020. LXVIII-1. P. 273–283.
- Болтрик Ю.В., Фиалко Е.В.* Скифские курганы на р. Ташенак в северо-западном Приазовье // Матеріали та дослідження з археології східної України. 2010. №10. С. 22–256.
- Иванова С.В.* «Серебряный век» Северо-Западного Причерноморья // Матеріали та дослідження з археології східної України. Вип. 7 / ред. С.М. Санжаров. Луганськ: СНУ ім. В. Даля, 2007. С. 85–92.

Иванова С.В. Торговые пути и миграции в юго-восточной Европе в раннем бронзовом веке // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Вып. 11 / Отв. ред. И.В. Бруяко. Одесса: СМЛ, 2010. С. 163–253.

Копылов В.П., Янгулов С.Ю. Отчет об исследовании курганов в Багаевском районе Ростовской области в 1988 г. // Архив ИА РАН Р-1. № 12667. 1988.

Кореневский С.Н. Древнейший металл Предкавказья. Типология. Историко-культурный аспект. М.: Таус, 2011. 336 с.

Кореняко В.А. Отчет о работе Арзгирского отряда Ставропольской экспедиции ИА АН СССР в 1977 г. // Архив ИА РАН Р-1. № 7223. 1977.

Малов Н.М. Покровско-абашевские украшения Нижнего Поволжья // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 3 / Отв. ред. Н.М. Малов. Саратов: СГУ, 1992. С. 22 – 54.

Мимоход Р.А. Курганы эпохи бронзы – раннего железного века в саратовском Поволжье: характеристика и культурно-хронологическая атрибуция комплексов. М.: Таус, 2009. 292 с.

Моргунова Н.Л. Приуральская группа памятников в системе волжско-уральского варианта ямной культуры исторической области. Оренбург: ОГПУ, 2014. 348 с.

Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века: неолит, энеолит, ранняя бронза. М.: Наука, 1975. 414 с.

Патокова Э.Ф. Усатовское поселение и могильники. К.: Наукова думка, 1979. 185 с.

Петренко В.Г. Золото и серебро в энеолите Северо-Западного Причерноморья // Новые страницы древней истории Южной Украины / Отв. ред. О. Г. Шапошникова. Николаев: Возможности Киммерии, 1997. С. 31–32.

Ростунов В.Л., Хашегульгов Б.М. К хронологии височных подвесок в 1,5-2,5 оборота эпохи ранней бронзы Северного Кавказа // Проблемы хронологии археологических памятников Северного Кавказа / Отв. ред. Т.Б. Тургиев. Орджоникидзе: СОГУ, 1985. С. 41–55.

Рындина Н.В. Возможности металлографии в изучении древних изделий из меди и ее сплавов (эпоха раннего металла) // Археология и естественнонаучные методы / Отв. ред. Е.Н. Черных, В.И. Завьялов. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 121-135.

Рындина Н.В. Древнейшее металлообрабатывающее производство Юго-Восточной Европы. М.: Эдиториал УРСС, 1998. 288 с.

Рындина Н.В., Конькова Л.В. О происхождении больших усатовских кинжалов // СА. 1982. № 2. С. 30–42.

Рындина Н.В. Медные находки Хвалынского I могильника (итоги технологического исследования) // Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура. Исследование материалов / Отв. ред. С.А. Агапов. Самара: Поволжье, 2010. С. 234-258.

Субботин Л.В. Орудия труда, оружие и украшения племён ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса: Полис, 2003. 236 с.

Файзуллин А.А. Украшения в погребальной обрядности носителей ямной культуры Волго-Уралья как маркер социальной значимости в обществе кочевников эпохи бронзы // Поволжская археология. 2020. № 3 (33). С. 110–115.

Шишлина Н.И. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V-III тысячелетия до н.э.) / Труды ГИМ. Вып. 165. М.: ГИМ, 2007. 400 с.

Carminati E. Jewellery manufacture in the Kura-Araxes and Bedeni cultures of the southern Caucasus: analogies and distinctions for the reconstruction of a cultural changeover // Polish Archaeology in the Mediterranean. No. 23/2. Special Studies: Beyond Ornamentation: Jewelry as an Aspect of Material Culture in the Ancient Near East / Ed. by A. Golani, Z. Wygnańska. Warsaw: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2014. P. 161–186.

Courcier A., Ragimova M., Museibli N., Jalilov B. Metallurgical Developments in Azerbaijan from the Neolithic to the Early Bronze Age. Recent Archaeometallurgical Research in the Middle Kura River Valley // Subartu XXXVIII / Ed. by E. Rova, M. Tonussi. Brussels: Brepols Publishers, 2017. P. 525–541.

Czene A. The Position of the Bell Beaker–Csepel Group at Budakalász // State of the Hungarian Bronze Age Research. Proceedings of the conference held between 17th and 18th of December 2014. Budapest: Robinco Kft, 2017. P. 179–199.

Das Erste Gold. Ada Tepe: Das älteste Goldbergwerk Europas. / Ed. by S. Haag, C. Popov, B. Horejs., S. Alexandrov, G. Plattner. Wien: Kunsthistorisches Museum, 2017. 210 s.

Dergačev V. Die äneolithischen und bronzzeitlichen. Metallfunde aus Moldavien. Prähistorische Bronzefunde. XX/9. Stuttgart: Franz Steiner, 2002. 251 s.

Dumitrescu V., Dumitrescu H., Petrescu-Dîmbovița M., Gostar N. Hăbășești. Monografie arheologică. Vol. I. București: Editura Academiei Republicii Populare Romîne, 1954. 251 p.

Frangipane M., Di Nocera G.M., Hauptmann A., Morbidelli P., Palmieri A., Sadori L., Schultz M., Schmidt-Schultz T. New symbols of a new power in a «Royal» Tomb from 3000 BC Arslantepe, Malatya (Turkey) // *Paléorient*. 2001. Vol. 27/2. P. 105–139.

Gailhard N., Bode M., Bakhshaliyev V., Marro C. The invisible movements of metallurgy: the interactions between nomads and metal. Some evidence from Nakhchivan (Azerbaijan) during the Chalcolithic and the Early Bronze Age // On salt, copper and gold. The origins of early mining and metallurgy in the Caucasus. Proceedings of the conference held in Tbilisi (Georgia), June 16th-19th 2016. Lyon: MOM Éditions, 2021. P. 155-181.

Gold and Bronze. Metals, Technologies and Interregional Contacts in the Eastern Balkans during the Bronze Age / Ed. by S. Alexandrov, Y. Dimitrova, H. Popov, B. Horejs, K. Chukalev. Sofia: National Archaeological Institute with Museum, 2018. 600 p.

Hansen S. Gold and Silver in the Maikop Culture // *Metalle der Macht - Frühes Gold und Silber Metals of power - Early gold and silver 6. Mitteldeutscher Archäologentag vom 17. bis 19. Oktober 2013 in Halle (Saale)*. Halle: Landesamt für Denkmalpflege und Archäologie Sachsen-Anhalt, 2014. P. 389-410.

Hauptmann A., Schmitt-Strecker S., Begemann F., Palmieri A. Chemical Composition and Lead Isotopy of Metal Objects from the «Royal» Tomb and Other Related Finds at Arslantepe, Eastern Anatolia // *Paléorient*. 2002. Vol. 28/ 2. P. 43-69.

Palumbi G. The «Royal Tomb» at Arslantepe and the 3rd Millennium BC in Upper Mesopotamia // *The Caucasus. Der Kaukasus Bridge between the urban centres in Mesopotamia and the Pontic steppes in the 4th and 3rd millennium BC. Brücke zwischen den urbanen Zentren Mesopotamiens und der pontischen Steppe im 4. und 3. Jahrtausend v. Chr.* Frankfurt am Main: Schnell & Steiner, 2021. P. 243-257.

Preda B. Considerations regarding barrow burials and metal depositions during the Early Bronze Age in the Carpathian-Danube area // *Hiperboreea Journal*. 2015. Vol. 2/2. P. 5-51.

Primas M. Gold and silver during the 3rd mill. cal. BC // *Prehistoric Gold in Europe: mines, metallurgy and manufacture* / Ed. by G. Morteani, J.P. Northover. Dordrecht: Kluwer, 1995. P. 77–114.

Todorova H., Vajsov I. Der kupferzeitliche Schmuck Bulgariens. Prähistorische Bronzefunde. XX. 6. Stuttgart: Franz Steiner, 2001. 121 s.

Vasileva Z. Worn to Impress. Development and Significance of the Metal Spiral Hair Ornaments in Early Bronze Age – Upper Thrace // *Galabovo in Southeast Europe and Beyond. Cultural Interactions during the 3rd-2nd Millennium BC. Proceedings of the International Conference 24-27 October 2018 in the Town of Galabovo*. Sofia: St. Kliment Ohridski University Press, 2021. P. 218-237.

Информация об авторе:

Бортникова Светлана Владимировна аспирант, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); magixen@yandex.ru

REFERENCES

Avilova, L. I. 2014. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 236, 26–33 (in Russian).

Avilova, L. I. 2017. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (2), 75–100 (in Russian).

Agapov, A. S., Saracheva, T. G. 1997. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (1), 99–108 (in Russian).

Bespalyi, E. I., Parusimov, I. N. 1987. *Otchet o rabotakh Primorskogo otryada arkheologicheskoy ekspeditsii Azovskogo kraevedcheskogo muzeya v 1987 g. (Report on the works of the Primorye team of the archaeological expedition of Azov Museum of History in 1987)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences R-1, dossier 12540 (in Russian).

Bratchenko, S. N. 2001. *Donets'ka katakombna kul'tura rann'ogo etapu (The early phase of the Donetsk Catacomb culture)*. I. Lugansk: “Shlyakh” Publ. (in Ukrainian).

Bratchenko, S. N. 1976. *Nizhnee Podon'e v epokhu sredney bronzy (The Lower Don Region in the Middle Bronze Age)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

Gak, E. I., Kalmykov, A. A. 2014. In Munchaev, R. M. (ed.). *Drevnie kul'tury Iugo-Vostochnoi Evropy i Zapadnoi Azii (Ancient Cultures of South-East Europe and Western Asia)*. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 45–57 (in Russian).

Gey, A. N. 2000. *Novotitorovskaia kul'tura (Novotitorovka culture)*. Moscow: "Staryi sad" Publ. (in Russian).

Ivanova, S., Videiko, M., Burdo, N. 2020. In *Slovenská archeológia*. LXVIII-1, 273–283 (in Russian).

Boltrik, Yu., V., Fialko, E. V. 2010. In *Materiali ta doslidzhennia z arheologii shidnoi Ukraini (Materials and Researches in the Archaeology of Eastern Ukraine)* 10, 22–256 (in Russian).

Ivanova, S. V. 2007. In Sanzharov, S. M. (ed.). *Materiali ta doslidzhennia z arheologii shidnoi Ukraini (Materials and Researches in the Archaeology of Eastern Ukraine)* 7. Lugansk: Volodymyr Dahl East Ukrainian National University, 85–92 (in Russian).

Ivanova, S. V. 2010. In Bruiako, I. V. (ed.). *Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ia (Materials on Archaeology of the Northern Pontic)* 11. Odessa: "SMIL" Publ., 163–253 (in Russian).

Kopylov, V. P., Yangulov, S. Yu. 1988. *Otchet ob issledovanii kurganov v Bagaevskom rayone Rostovskoy oblasti v 1988 g. (Report on the studies of barrows in Bagaevskaya district of Rostov region in 1988)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences R-1, dossier 12667 (in Russian).

Korenevskiy, S. N. 2011. *Drevneyshiy metall Predkavkaz'ya. Tipologiya. Istoriko-kul'turniy aspekt (The earliest metal of the Northern cis-Caucasus. Typology. Historical and cultural aspect)*. Moscow: "TAUS" Publ. (in Russian).

Korenyako, V. A. 1977. *Otchet o rabote Arzgirskogo otryada Stavropol'skoy ekspeditsii IA AN SSSR v 1977 g. (Report on the works of the Arzgir team of the Stavropol expedition of the Institute of Archaeology of the USSR Academy of Sciences in 1977)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences R-1, dossier 7223 (in Russian).

Malov, N. M. 1992. . In Malov, N. M. (ed.). *Arkheologiya vostochno-evropeiskoi stepi (Archaeology of East-European Steppe)* 3. Saratov: Saratov State University, 22–54 (in Russian).

Mimokhod, R. A. 2009. *Kurgany epokhi bronzy – rannego zheleznogo veka v saratovskom Povolzh'e: kharakteristika i kul'turno-khronologicheskaya atributsiya kompleksov (Barrows of the Bronze Age – Early Iron Age in the Saratov Volga Region: Characteristics and Cultural-Chronological Attribution of the Complexes)*. Moscow: "Taus" Publ. (in Russian).

Morgunova, N. L. 2014. *Priural'skaya gruppya pamyatnikov v sisteme volzhsko-ural'skogo varianta yamnoi kul'turno istoricheskoi oblasti (West Ural Group of Sites in the System of the Volga-Ural Variant of the Pit-Grave Cultural and Historical Area)*. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University Publ. (in Russian).

Munchaev, R. M. 1975. *Kavkaz na zare bronzovogo veka: neolit, eneolit, ranniaia bronza (Caucasus at the dawn of the Bronze Age: the Neolithic, Chalcolithic, Early Bronze)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Patokova, E. F. 1979. *Usatovskoe poselenie i mogil'niki (Usatovo settlement and burial grounds)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

Petrenko, V. G. 1997. In Shaposhnikova, O. G. (ed.). *Novye stranitsy drevney istorii Yuzhnoy Ukrainy (New pages of ancient history of the Southern Ukraine)*. Nikolaev: "Vozmozhnosti Kimmerii" Publ., 31–32 (in Russian).

Rostunov, V. L., Khashegul'gov, B. M. 1985. In Turgiev, T. B. (ed.). *Problemy khronologii arkheologicheskikh pamyatnikov Severnogo Kavkaza (Chronological issues of archaeological sites in the Northern Caucasus)*. Ordzhonikidze: North Ossetian State University, 41–55 (in Russian).

Ryndina, N. V. 2005. In Chernykh, E. N., Zav'yalov, V. I. (eds.). *Arkheologiya i estestvennonauchnye metody (Archaeology and Natural Science Methods)*. Moscow: "Yazyki slavianskoi kul'tury" Publ., 121–135 (in Russian).

Ryndina, N. V. 1998. *Drevneyshee metalloobrabatyvayushchee proizvodstvo Yugo-Vostochnoy Evropy (Ancient metalworking production of the South-Eastern Europe)*. Moscow: "Editorial URSS" Publ. (in Russian).

Ryndina, N. V., Kon'kova, L. V. 1982. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* 2, 30–42 (in Russian).

Ryndina, N. V. 2010. In Agapov, S. A. (ed.). *Khvalynskie eneoliticheskie mogil'niki i khvalynskaya eneoliticheskaya kul'tura. Issledovaniya materialov (Khvalynsky Eneolithic Burial Grounds and Khvalynsk Eneolithic Culture. Studies of Materials)*. Samara: "Povolzh'e" Publ., 234–258 (in Russian).

Subbotin, L. V. 2003. *Orudiya truda, oruzhie i ukrasheniya plemyon yamnoj kul'tury Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya (Tools, weapons and decorations of Yamnaya culture tribes in the North-Western Black Sea Region)*. Odessa: "Polis" Publ. (in Russian).

Faizullin, A. A. 2020. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 33 (3), 110–115 (in Russian).

Shishlina, N. I. 2007. *Severo-Zapadnyy Prikaspiy v epokhu bronzy (V–III tysyacheletiya do n.e.) (The North-Western Caspian Sea Region in the Bronze Age (V–III millennia BC))*. Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 165. Moscow: State Historical Museum (in Russian).

Carminati, E. 2014. In *Polish Archaeology in the Mediterranean*. 23/2. Warsaw: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 161–186.

Courcier, A., Ragimova, M., Museibli, N., Jalilov, B. 2017. In *Subartu*. XXXVIII. Brussels: Brepols Publishers, 525–541.

Czene, A. 2017. In *State of the Hungarian Bronze Age Research. Proceedings of the conference held between 17th and 18th of December 2014*. Budapest: Robinco Kft, 179–199.

Haag, S., Popov, C., Horejs, B., Alexandrov, S., Plattner, G. (hrsg.). 2017. *Das Erste Gold. Ada Tepe: Das älteste Goldbergwerk Europas*. Wien: Kunsthistorisches Museum.

Dergachev, V. 2017. In *Prähistorische Bronzefunde*. XX/9. Stuttgart: Franz Steiner.

Dumitrescu, V., Dumitrescu, H., Petrescu-Dîmbovița, M., Gostar, N. 1954. In *Hăbășești. Monografie arheologică*. Vol. I. București: Editura Academiei Republicii Populare Romîne (in Romanian).

Frangipane, M., Di Nocera, G.M., Hauptmann, A., Morbidelli, P., Palmieri, A., Sadori, L., Schultz, M., Schmidt-Schultz, T. 2001. In *Paléorient*. Vol. 27/2, 105–139.

Gailhard, N., Bode, M., Bakhshaliyev, V., Marro, C. 2021. In *On salt, copper and gold. The origins of early mining and metallurgy in the Caucasus. Proceedings of the conference held in Tbilisi (Georgia), June 16th-19th 2016*. Lyon: MOM Editions, 155–181.

Alexandrov, S., Dimitrova, Y., Popov, H., Horejs, B., Chukalev, K. (eds.). 2018. *Gold and Bronze. Metals, Technologies and Interregional Contacts in the Eastern Balkans during the Bronze Age*. Sofia: National Archaeological Institute with Museum.

Hansen, S. 2014. In *Metalle der Macht – Frühes Gold und Silber Metals of power – Early gold and silver 6. Mitteldeutscher Archäologentag vom 17. bis 19. Oktober 2013 in Halle (Saale)*. Halle: Landesamt für Denkmalpflege und Archäologie Sachsen-Anhalt, 389–410.

Hauptmann, A., Schmitt-Strecker, S., Begemann, F., Palmieri, A. 2002. In *Paléorient*. Vol. 28/2, 43–69.

Palumbi, G. 2021. In *The Caucasus. Der Kaukasus Bridge between the urban centres in Mesopotamia and the Pontic steppes in the 4th and 3rd millennium BC. Brücke zwischen den urbanen Zentren Mesopotamiens und der pontischen Steppe im 4. und 3. Jahrtausend v. Chr.* Frankfurt am Main: Schnell & Steiner, 243–257 (in English).

Preda, B. 2015. In *Hiperboreea Journal*. Vol. 2/2, 5–51.

Primas, M. 1995. In Morteani, G., Northover J. P. (eds.). *Prehistoric Gold in Europe: mines, metallurgy and manufacture*. Dordrecht: Kluwer, 77–114.

Todorova, H., Vajsov, I. 2001. *Der kupferzeitliche Schmuck Bulgariens. Prähistorische Bronzefunde*. XX. 6. Stuttgart: Franz Steiner (in English).

Vasileva, Z. 2021. In *Galabovo in Southeast Europe and Beyond. Cultural Interactions during the 3rd-2nd Millennium BC. Proceedings of the International Conference 24-27 October 2018 in the Town of Galabovo*. Sofia: St. Kliment Ohridski University Press, 218–237.

About the Author:

Bortnikova Svetlana V. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ul'yanov St., 19, Moscow, 117292, Russian Federation; magixen@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2023 г.
Статья принята к публикации 01.04.2023 г.

УДК 902/903 903.01/903.59

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.2.36.63>

КОСТЯНЫЕ ОРУДИЯ ПЕРВИЧНОГО ЦИКЛА РАБОТЫ С ШЕРСТЬЮ В КОМПЛЕКСАХ ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА¹

© 2023 г. А.Н. Усачук, А.А. Горошников, Р.А. Мимоход

В 2022 г. во время продолжающихся раскопок поселения позднего бронзового века Панагия 1 в юго-западной части Таманского п-ва среди большого количества различных костяных изделий были выделены при трасологическом изучении три орудия первичного цикла работы с шерстью: ламель (стригальная полочка), применяемая как пластина-упор для срезания металлическим лезвием шерсти овцы во время стрижки, и остатки зубьев гребней-кард для расчесывания овечьей шерсти, удаления из нее спутанных участков, грязи и мусора. На основе привлечения большого круга аналогий авторы исследуют историографию вопроса, разбирают ошибки, допущенные в процессе изучения, а на основе трасологического анализа – взвешивают все «за» и «против» в процессе реконструкции способов изготовления и использования этих категорий костяных орудий. Попутно поднимается вопрос о наличии в погребениях эпохи бронзы разных типов гребней. Предлагаются и обосновываются изменения в названиях орудий и их частей, затрагиваются вопросы ритуального использования орудий.

Ключевые слова: археология, костяные орудия, ламель, гребень-карда, шерсть, трасология, гребень, эксперимент, погребение, поселение, эпоха бронзы, история изучения.

PRIMARY CYCLE BONE TOOLS FOR WORKING WITH WOOL AT THE LATE BRONZE AGE COMPLEXES²

A.N. Usachuk, A.A. Goroshnikov, R.A. Mimokhod

In 2022, during the excavations of the Late Bronze Age settlement Panagia 1 at the south-western part of the Taman Peninsula, three tools of the primary cycle of working with wool were identified among a large number of various bone artefacts according to trace evidence analysis. There is a lamella (shearing tool), used as a plate for sheep wool cutting with a metal blade during shearing, and the remains of wool comb-carder used for combing sheep wool, removing tangles, dirt and rubbish out of it. Based on a wide circle of analogies, the authors study the historiography, analyze the mistakes, made in the process of study, and consider all the pros and cons in the process of reconstructing the methods for manufacturing and using of these categories of bone tools according to trace evidence analysis. At the same time, the question of the presence of different types of comb-carders at the Bronze Age burials is considered. Changes in the names of tools and their parts are proposed and substantiated. The issues of ritual use of tools are considered.

Keywords: archaeology, bone tools, lamella, comb-carder, wool, trace evidence analysis, comb, experiment, burial, settlement, Bronze Age, history of research.

Поселение эпохи поздней бронзы Панагия 1 расположено в юго-западной части Таманского п-ва (рис. 1: 1, 2). Памятник находится в урочище Холодная долина, на пологой возвышенности, довольно отчетливо выраженной в рельефе. Общий уклон идет с юго-востока на северо-запад. Земельный участок, на котором расположен памятник, в советское время использовался под виноградник, впоследствии ликвидированный. В настоящее время он представляет собой поле, покрытое степной растительностью.

Поселение Панагия 1 – однослойное, которое относится к кругу памятников позднесабатиновского-раннебелозерского периодов и может быть датировано в пределах XIII–X вв. до н. э. Несмотря на то, что на его территории открыты как единичные объекты эпохи средней бронзы, так и погребения эпохи Античности, Средневековья, а также участок средневекового кочевья. Наиболее информативным и представительным, имеющим большое значение для изучения материальной культуры населения этого региона выступает имен-

¹ Работа выполнена за счет средств гранта Российского научного фонда № 22-68-00010

² The work was carried out with the support of the Russian Science Foundation grant No. 22-68-00010

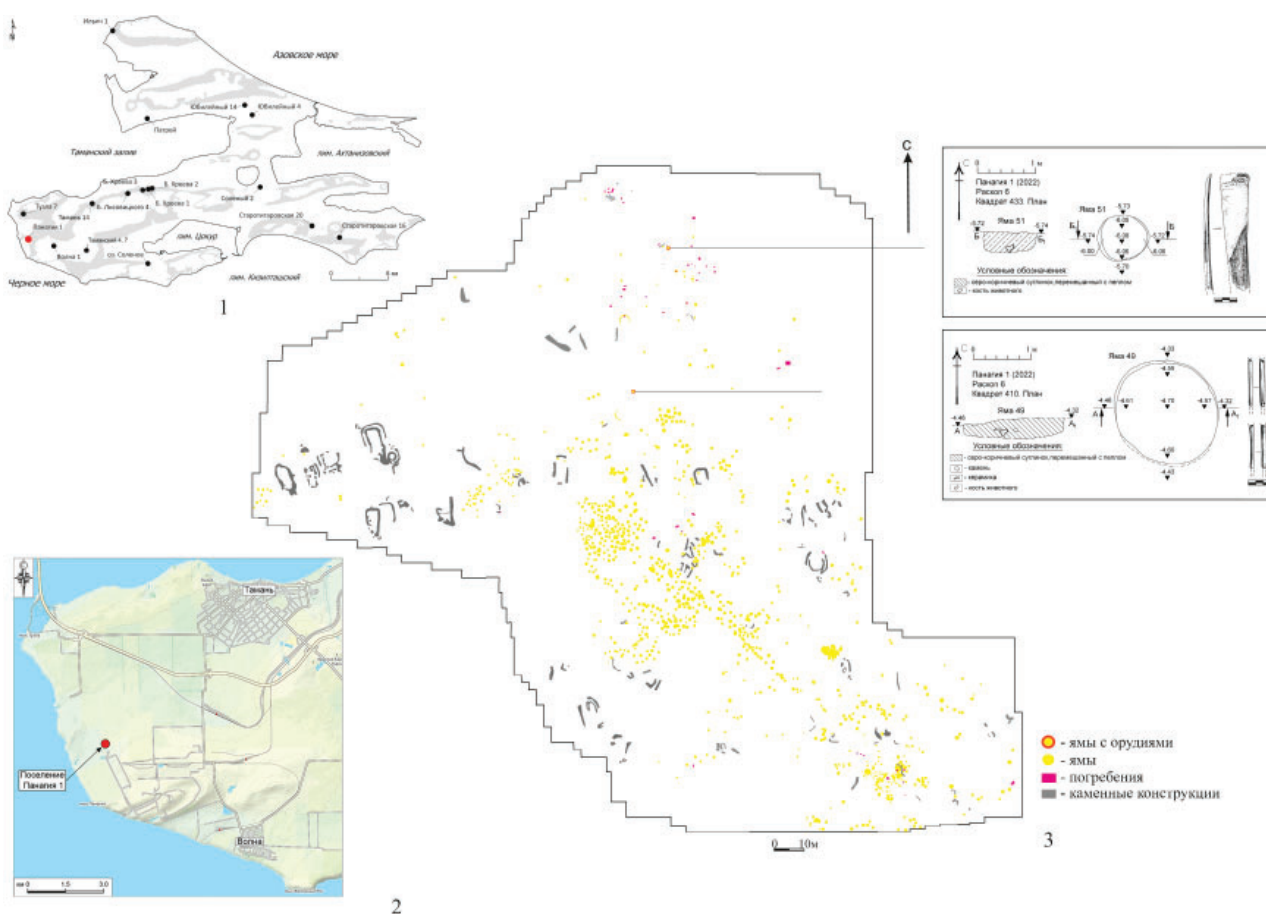

Рис. 1. Поселение Панагия 1: 1 – карта распространения памятников эпохи поздней бронзы на территории Таманского п-ова (по: Гарбузов, 2020, рис. 1); 2 – карта-схема расположения поселения Панагия 1 в юго-западной части Таманского п-ова; 3 – общий план поселения с обозначенными хозяйственными ямами № 49 и № 51 (также их планами и разрезами), в которых были обнаружены костяные изделия.

Fig. 1. Panagia 1 settlement: 1 – location of the Late Bronze Age sites on the territory of the Taman Peninsula (according to Garbuzov, 2020, fig. 1); 2 – map of location of the Panagia 1 settlement in the south-western part of the Taman Peninsula; 3 – general plan of the settlement with marked household pits No. 49 and No. 51 (also their plans and sections), where bone items were found.

но период существования памятника в эпоху поздней бронзы.

В данный момент этот памятник является наиболее масштабно исследованным на территории Северо-Западного Причерноморья. Общая исследованная площадь составляет свыше 14 га (рис. 1: 3).

С целью полноценного исследования памятника, ведущегося с 2018 г., на оставшейся площади в 2022 г. был заложен раскоп 6 общей площадью 6,38 га.

За несколько лет раскопок найдено значительное количество костяных изделий. В 2022 г. на поселении было обнаружено несколько десятков различных орудий и изделий из кости. Некоторая часть из них относится к орудиям кожевенного производ-

ства (немногочисленные тупики и струги, различные проколки). Найдено 4 заготовки и не менее 21 экз. т. н. «коньков»¹ (рис. 2: 18), орудия на лопатках животных, пряслица, астрагалы мелкого (МРС) и крупного (КРС) рогатого скота, и др. Работа с коллекцией костяных изделий памятника уже ведется, но сейчас мы бы хотели остановиться на нескольких орудиях, связанных с подготовительными операциями прядильного производства: получением волокна, его очисткой и разрыхлением (Камолиддин, 2016, с. 79). Речь идет о находках костяной ламели и двух экз. зубьев гребней-кард, обнаруженных в закрытых комплексах – хозяйственных ямах № 51 и 49, зафиксированных в центральной части раскопа 6 (рис. 1: 3). Ямы (рис. 1: 3, врезки)

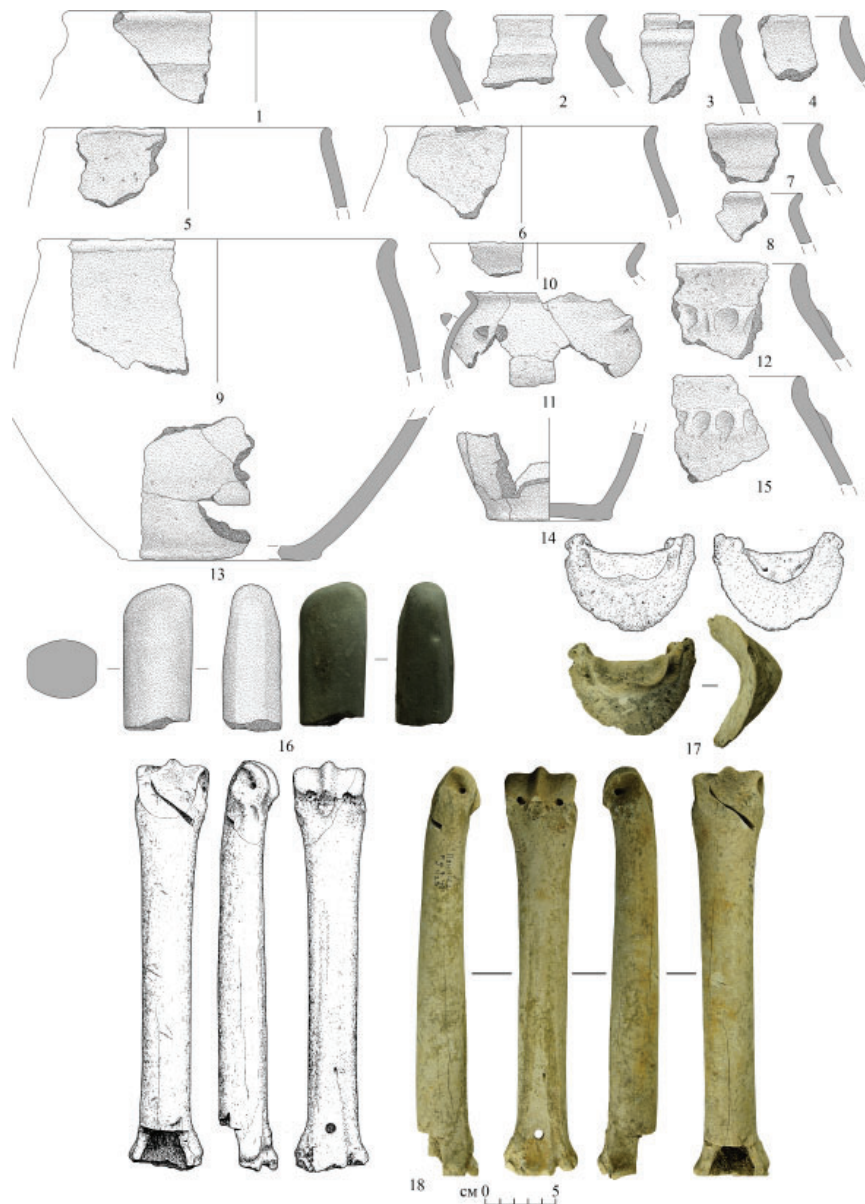

Рис. 2. Поселение Панагия 1, раскоп 2022 г. Яма № 49, находки: 1–15 – фрагменты лепной керамики; 16 – фрагмент каменного орудия; 17 – костяное ложило; 18 – костяной конек.

Fig. 2. Panagia 1 settlement, excavation 2022 Pit No. 49, finds: 1–15 – hand-made ceramic fragments; 16 – stone tool fragment; 17 – smoother; 18 – bone toy-horse.

являются типичными для памятника: округлой формы, заполнены рыхлым серо-коричневым суглинком, перемешанным с пеплом, с включением костей животных, мелких камней и фрагментов лепной керамики.

Находки, происходящие из заполнения ям, помимо типичных для памятника керамических форм (рис. 2: 1–15; рис. 3: 1–3), представлены также фрагментом каменного изделия (песта?) (рис. 2: 16), а также коньком (рис. 2: 18) и костяным ложилом со сточенной рабочей кромкой, изготовленным из III фаланги (копытовидной кости) лошади (рис. 2: 17).

Стригальная полочка (ламель)

В хозяйственной яме № 51 найдена сломанная стригальная ламель (рис. 4: 3) – из категории костяных орудий позднего бронзового века, выделенных недавно (Загородняя, 2014, с. 140–142; Панковский, Антипина, 2017), – своеобразная пластина-упор для срезания металлическим лезвием шерсти овцы. Опираясь на исследование 2017 г., В.Б. Панковский выделил ламель и в материалах раннего железного века зольника № 11 Бельского городища (2018, с. 250, 261). На работу В.Б. Панковского и Е.Е. Антипиной довольно быстро отре-

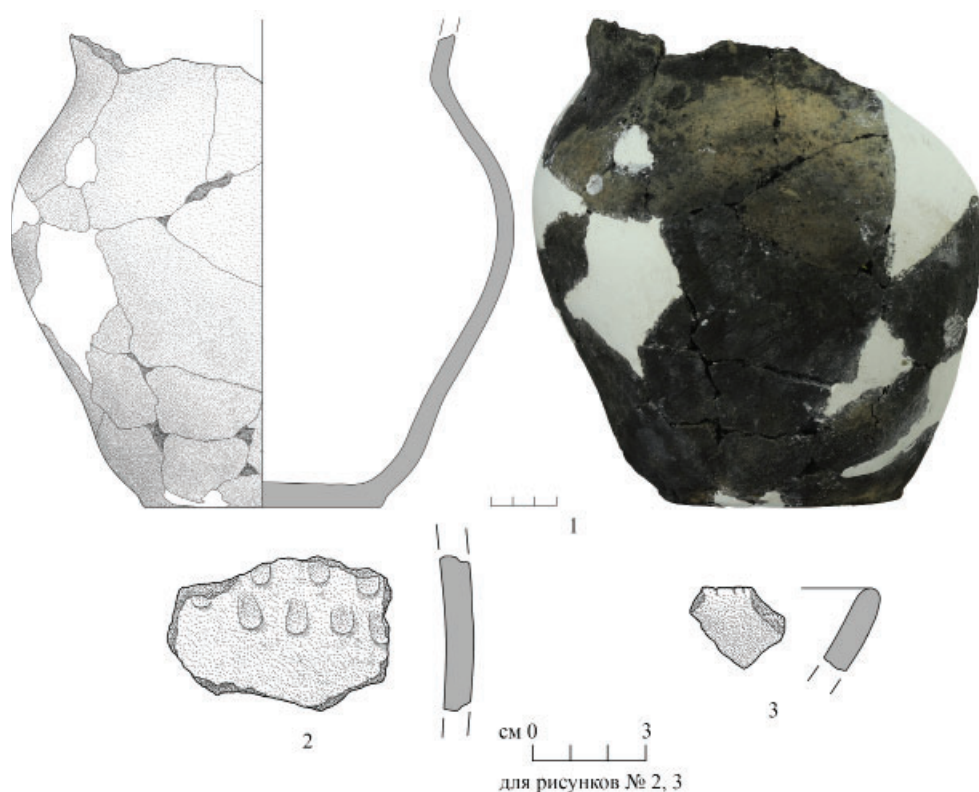

Рис. 3. Поселение Панагия 1, раскоп 2022 г. Яма № 51, находки:
1–3: лепной сосуд и фрагменты лепной керамики.
Fig. 3. Panagia 1 settlement, 2022 excavation. Pit No. 51, finds:
1–3: hand-made vessel and hand-made ceramic fragments.

агировали другие специалисты, представив свою подборку ламелей (Горащук, Рослякова, 2021).

Историографический обзор проблемы распознавания плоских орудий с пучками нарезок, сопровождаемый многочисленными ссылками на литературу, приведен В.Б. Панковским и Е.Е. Антипиной (2017, с. 208–209, 211, 235), дополнен В.Б. Панковским годом позже (2018, с. 250), что избавляет нас от необходимости делать практически то же самое. Вкратце можно сказать, что подобные орудия замечались и фиксировались в коллекциях различных памятников, но трактовались как накладка на лук (Шрамко та ін., 2018, с. 80; Панковский, 2018, с. 250), орудия кожевенного или гончарного производств (Загородняя, 2014, с. 142; Панковский, Антипина, 2017, с. 208). Использование же экспериментального метода, который к подобным орудиям применили только в 2013 г. во время работы Международной экспериментально-трассологической школы-семинара ИИМК РАН в Ростовской обл. (Гирия и др., 2014, с. 308; Заго-

родняя, 2014, с. 142; Панковский, Антипина, 2017, с. 212)², позволило не только обосновать выделение новой категории костяных орудий позднебронзового века, но и сделать важные наблюдения, которые помогут в дальнейшем оперировать всей совокупностью стригальных ламелей (стригальных полочек или подставок), а нам – расширить выводы в связи с находкой ламели на поселении Панагия 1.

Орудие представляет собой дистальную часть тела 6, 7 или 8 ребра КРС (ср. Панковский, Антипина, 2017, с. 213–214; Горащук, Рослякова, 2021, с. 77, 93). Проксимальный (узкий) торец поврежден, на дистальном (широком) торце – скопление поперечных порезов³ острым металлическим лезвием (рис. 5: 3а). Эти порезы разной глубины и часто накладываются друг на друга. Крупная проточина (рис. 5: 3б) образовалась от большого количества наслаивающихся друг на друга тонких порезов (ср. Панковский, Антипина, 2017, рис. 14, 1, рис. 15, рис. 22, 1). Если сравнивать с данными, полученными экспериментально и проверенными на реаль-

Рис. 4. Поселение Панагия 1: 1, 2 – зубья гребней-кард из ямы № 49;
3 – ламель (стригальная полочка) из ямы № 51.
Fig. 4. Panagia 1 settlement: 1, 2 – teeth of comb-carders from pit No. 49;
3 – lamella (shearing tool) from pit No. 51.

ных орудиях (Панковский, Антипина, 2017, с. 220, 227–228), можно сделать вывод, что панагийской ламелью пользовался опытный стригаль. Во-первых, ширина занимаемого участка основного массива порезов на панагийском экземпляре всего 5 мм, а ширина области рассеивания небольшая – 12,5 мм. Во-вторых, следов в области рассеивания не так много, основная масса порезов попала на тот участок ламели, где и образовалась поперечная проточина (рис. 5: 3б). В-третьих, подавляющее большинство следов лежит в полосе не далее 11–12 мм от края орудия, что исключает недостриг животного (ср. Панковский, Антипина, 2017, с. 228). Таким образом, можно сделать вывод о том, что у панагийского стригалья были очень точно поставлены и совмещены движения руки с ножом и второй

– с ламелью, что свидетельствует об опыте стрижки.

Часть рабочей полочки утрачена (рис. 5: 3в) из-за изношенности этого орудия. Возможно, панагийский стригаль мог срезать остатки сломанного края ламели (ср. Панковский, Антипина, 2017, с. 229) и продолжить использовать орудие с новым рабочим краем, но вместо этого ламель была выброшена в старую хозяйственную яму. До конца не ясно, был ли оформлен еще хотя бы один рабочий участок на утраченном проксимальном конце орудия, но судя по общей заполированности поверхностей ламели – нет. Т. о., панагийская ламель имеет только один рабочий участок, хотя встречаются подобные орудия и с двумя противолежащими рабочими краями (рис. 6: 3, 10, 20, 23, 26). Яркий пример своеобраз-

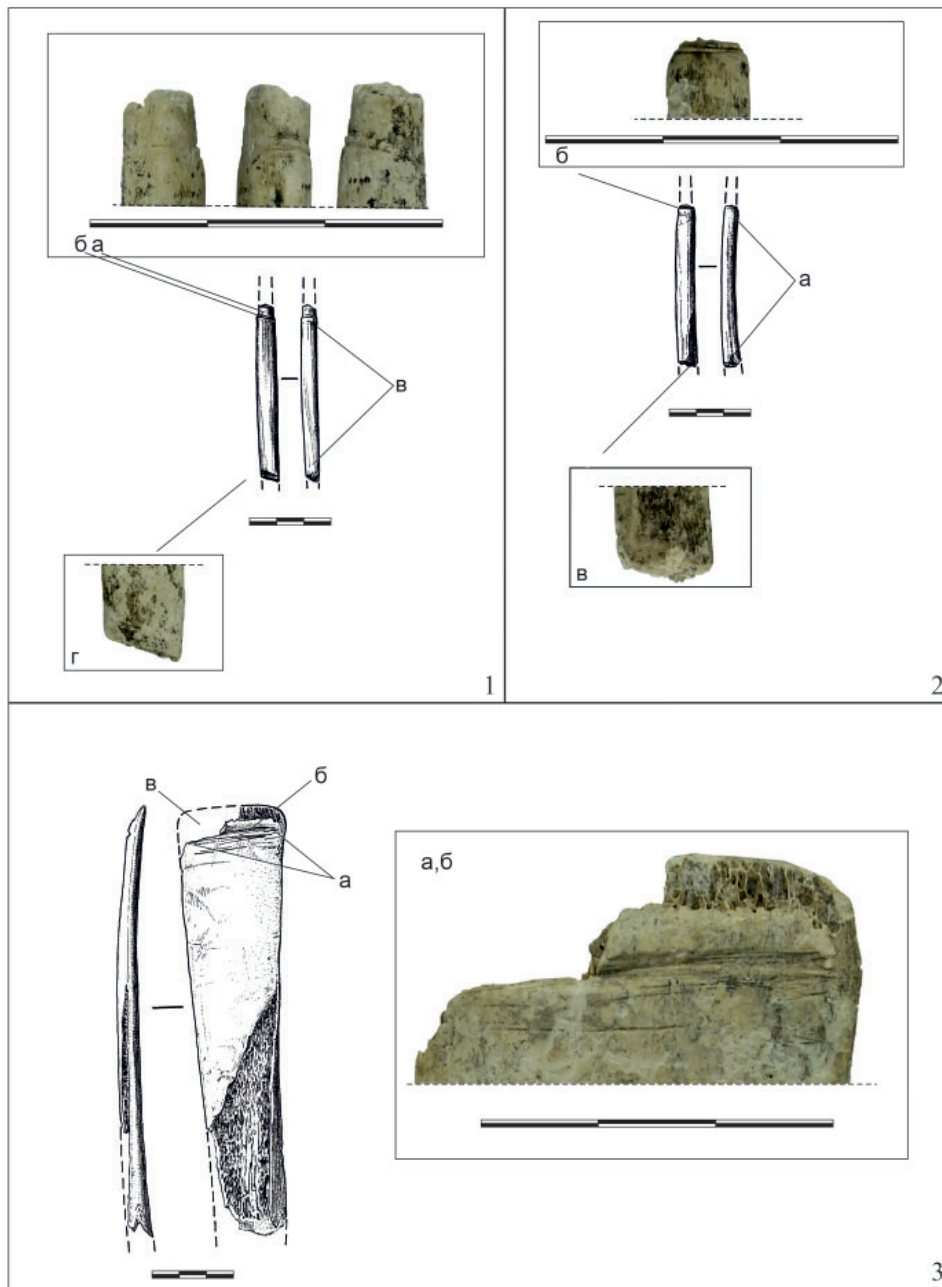

Рис. 5. Схемы следов изготовления и сработанности на костяных орудиях:
1, 2 – зубья гребней-кард; 3 – ламель (стригальная полочка).

Fig. 5. Schemes of manufacture and use-wear traces on bone tools:
1, 2 – combs-carder teeth; 3 – lamella (shearing tool).

ного «сверхиспользования» демонстрирует стригальная ламель раннего железного века из зольника № 11 Бельского городища – на орудии четыре рабочих конца с весьма обширными иссеченными зонами (Панковский, 2018, рис. 25). Помимо разного времени эксплуатации, за состоянием бельской и панагийской ламелей стоят, вероятно, различные традиции работы стригалей.

Что касается ламелей позднего бронзового века, то панагийское орудие вполне вписывается в круг подобных стригальных полочек (рис. 6). В качестве сырья использован фрагмент ребра КРС, что характерно для подавляющего большинства ламелей (Панковский, Антипина, 2017, с. 214; Горашук, Рослякова, 2021, с. 77). Редкие орудия сделаны из другого сырья: из части левой (Капитаново-1) (рис.

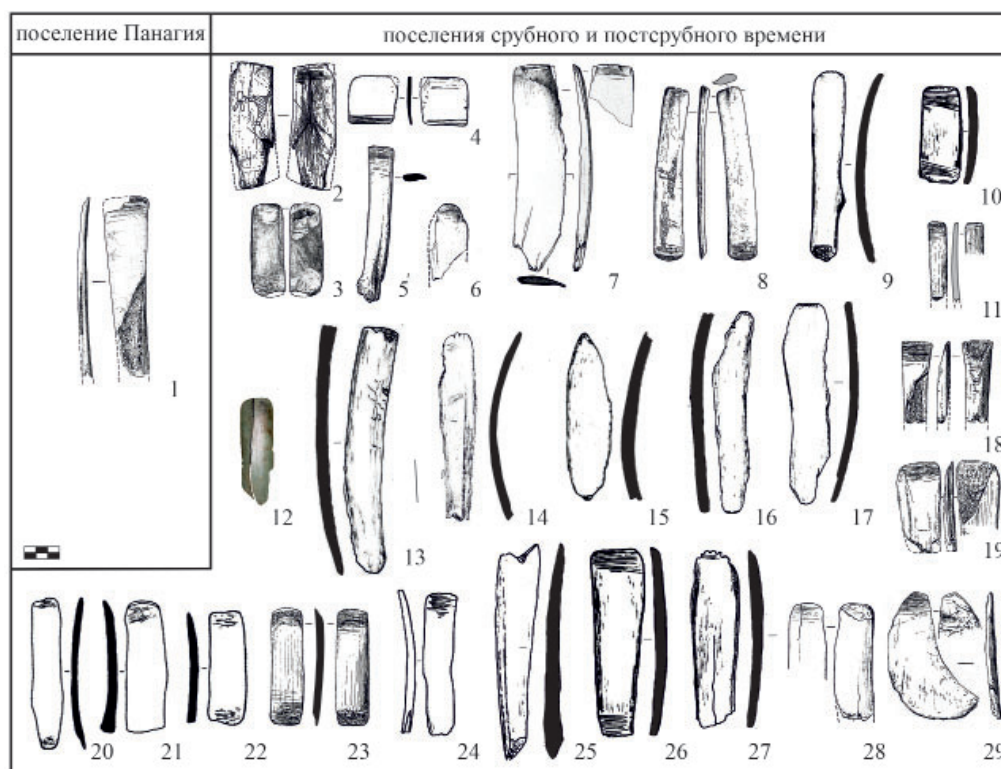

Рис. 6. Ламель (стригальная полочка) с пос. Панагия 1 и ее аналогии по материалам памятников позднего бронзового века: 1 – пос. Панагия 1; 2 – пос. Черниково Озеро-1 (Усачук, Полидович, 2006, рис. 8); 3 – пос. Ильичевка (Панковский, 1999, рис. 2, 2) 4 – пос. Рай-Стародубовка (Усачук, Полидович, 2006, рис. 11, 1); 5 – пос. Ильичевка (Усачук, Полидович, 2006, рис. 11, 5); 6 – пос. Капитаново-1 (Усачук, Полидович, 2006, рис. 11, 6); 7 – пос. Луковка (Панковский, Антипина, 2017, рис. 1, 3); 8 – пос. Ильичевка (Усачук, Полидович, 2006, рис. 3); 9 – пос. Михайло-Овсянка I (Горащук, Рослякова, 2021, рис. 6); 10 – I Шигонское пос. (Горащук, Рослякова, 2021, рис. 9); 11 – пос. Горный-1 (Панковский, Антипина, 2017, рис. 10, 2); 12 – рудник Червонэ Озеро 1 (не опублик., Загородняя, 2014, с. 140–141); 13 – пос. Мамыково I (Горащук, Рослякова, 2021, рис. 4); 14 – пос. Малоюлдашево I (Горащук, Рослякова, 2021, рис. 2); 15–16 – пос. Мамыково I (Горащук, Рослякова, 2021, рис. 3; рис. 5); 17 – пос. Михайло-Овсянка I (Горащук, Рослякова, 2021, рис. 7); 18 – пос. Горный-1 (Панковский, Антипина, 2017, рис. 10, 3); 19 – пос. Капитаново-1 (Усачук, 2000, рис. 2, 3); 20–22 – Лукьяновское пос. (Килейников, 2009, рис. 10, 6-8); 23 – пос. Горный-1 (Панковский, Антипина, 2017, рис. 10, 1); 24 – пос. Лебяжинка V (Горащук, Рослякова, 2021, рис. 11); 25 – пос. Михайло-Овсянка I (Горащук, Рослякова, 2021, рис. 8); 26 – Шигонское I пос. (Горащук, Рослякова, 2021, рис. 10); 27 – пос. Лебяжинка V (Горащук, Рослякова, 2021, рис. 12); 28 – Проломный овраг, местонахождение, подъемный материал (Усачук, Полидович, 2006, рис. 11, 2); 29 – пос. Капитаново-1 (Усачук, 2000, рис. 2, 5).

Fig. 6. Lamella (shearing tool) from Panagia 1 settlement and its analogies based on the materials of the Late Bronze Age sites: 1 – Panagia 1 settlement; 2 – Chernikovo Ozero-1 (Usachuk, Polydovich, 2006, fig. 8); 3 – Ilyichevka settlement (Pankovsky, 1999, fig. 2, 2) 4 – Rai-Starodubovka settlement (Usachuk, Polydovich, 2006, fig. 11, 1); 5 – Ilyichevka settlement (Usachuk, Polydovich, 2006, fig. 11, 5); 6 – Kapitanovo-1 settlement (Usachuk, Polydovich, 2006, fig. 11, 6); 7 – Lukovka settlement (Pankovsky, Antipina, 2017, fig. 1, 3); 8 – Ilyichevka settlement (Usachuk, Polydovich, 2006, fig. 3); 9 – Mikhailo-Ovsyanka I settlement (Gorashchuk, Roslyakova, 2021, fig. 6); 10 – Shigony I settlement (Gorashchuk, Roslyakova, 2021, fig. 9); 11 – Gorny-1 settlement (Pankovsky, Antipina, 2017, fig. 10, 2); 12 – Chervone Ozero 1 mine (not published, Zagorodnyaya, 2014, p. 140–141); 13 – Mamykovo I settlement (Gorashchuk, Roslyakova, 2021, fig. 4); 14 – Maloyuldashevo I settlement (Gorashchuk, Roslyakova, 2021, fig. 2); 15–16 – Mamykovo I settlement (Gorashchuk, Roslyakova, 2021, fig. 3; fig. 5); 17 – Mikhailo-Ovsyanka I settlement (Gorashchuk, Roslyakova, 2021, fig. 7); 18 – Gorny-1 settlement (Pankovsky, Antipina, 2017, fig. 10, 3); 19 – Kapitanovo-1 settlement (Usachuk, 2000, fig. 2, 3); 20–22 – Lukyanovka settlement (Kileynikov, 2009, fig. 10, 6–8); 23 – Gorny-1 settlement (Pankovsky, Antipina, 2017, fig. 10, 1); 24 – Lebyazhinka V settlement (Gorashchuk, Roslyakova, 2021, fig. 11); 25 – Mikhailo-Ovsyanka I settlement (Gorashchuk, Roslyakova, 2021, fig. 8); 26 – I Shigony settlement (Gorashchuk, Roslyakova, 2021, fig. 10); 27 – Lebyazhinka V settlement (Gorashchuk, Roslyakova, 2021, fig. 12); 28 – Prolomny ravine, locality, surface finds (Usachuk, Polydovich, 2006, fig. 11, 2); 29 – Kapitanovo-1 settlement (Usachuk, 2000, fig. 2, 5).

б: 29) и правой (Бугское-IV) нижнечелюстных костей (Панковский, Антипина, 2017, с. 213, 241, 243). Обратим внимание, что ламели делятся на довольно короткие, аккуратные, с двумя рабочими концами (рис. 6: 3, 10, 19, 22, 23) и длинные, которые часто менее аккуратные, с одним или двумя рабочими концами (рис. 6: 7–9, 13, 14, 16, 17, 20, 24–27)⁴. По размерам панагийская ламель, учитывая сломанную часть, попадает в число достаточно длинных орудий. Надрезы на рабочем участке оставлены металлическим лезвием, что тоже характерно для ламелей (Панковский, Антипина, 2017, с. 227). Подчеркнем и еще одну деталь, по которым ламель из Панагии находит многочисленные аналогии: как правило, на поселениях даже с большими по количеству и разнообразию коллекциями костяных изделий ламели встречаются редко.

Опираясь на выводы В.Б. Панковского и Е.Е. Антипиной, что использование ламелей «указывает на распространение в хозяйстве позднебронзового века на территории восточноевропейской степи и лесостепи полугрубошерстных и грубошерстных овец» (2017, с. 235), можно предположить, что подобные породы овец в какой-то мере присутствовали и на поселении Панагия 1 в позднем бронзовом веке.

Осталась еще одна проблема, которая напрямую не связана с панагийской ламелью, но затрагивает взгляд на всю совокупность «псевдошпателей». Дело в том, что две ламели из материалов северскодонских поселений Ильичевка и Черниково Озеро – 1 имеют уникальные изображения птиц (рис. 6: 8) и полузайца-полузмеи/полурыбы (рис. 6: 2). Взгляд на эти изделия как на гончарные орудия сложился (Усачук, 1999; 2007; Усачук, Полидович, 2006; Подобед и др., 2012, с. 45, 54, 62; 2017, с. 71), исследователи уже не раз подчеркивали связь изображений животных с ритуализацией гончарного производства (Усачук, 2007, с. 246–247; Усачук, Полидович, 2006, с. 261–263). «Если же сопоставить два процесса – создание сосуда и формирование человека, – то стадию обработки шпателем можно сопоставить с наделением человека душой. Об этом, в частности, могут свидетельствовать изображения на ильичевском шпателе птиц, которые во всех индоевропейских традициях сопоставляются с душой человека... Не противоречит такой интерпретации и изобра-

жение на шпателе из Черникова Озера – 1... В таком случае нанесение расчесов и орнамента на сосуд сопоставимо с шагами по индивидуализации человека: наделение его именем и судьбой» (Усачук, Полидович, 2006, с. 263). Столь длинная цитата приведена нами, чтобы показать, как получилось все не только взаимосвязано, но и красиво. И – добавим сейчас – абсолютно неверно. На эту проблему с оттенком иронии отреагировали В.Б. Панковский и Е.Е. Антипина: «...на отдельных полочках, как полагают, изображены персонажи космогонических, анимистических и этногенетических мифов. ...Стало быть, они (персонажи?) ритуализируют (если это, опять-таки, ритуализация) не отделку горшков, а сбор шерсти?» (Панковский, Антипина, 2017, с. 235).

Вряд ли теперь уже на ламелях, а не на шпателях⁵ случайно изображены различные «персонажи». Вероятно, со временем все-таки нужно будет попытаться понять, почему именно орудия первичного цикла работы с шерстью украшались своеобразными птицами и синкретическим существом – зайцем/змеей/рыбой.

Зубья гребней-кард

На том же раскопе 6 в хозяйственной яме № 49 обнаружены 2 экз., оказавшиеся, согласно данным трасологического анализа, обломками т. н. «спиц»⁶ (рис. 4: 1, 2). Эта категория костяных орудий, найденных на многих памятниках позднего бронзового века, имеет историографический шлейф длиннее того, что связан с ламелями. Роднит обе категории изделий то, что довольно долго их интерпретировали неверно. Детальный разбор историографии, связанной со «спицами», предпринял В.Б. Панковский в своем диссертационном исследовании (Панковский, 2012, с. 71–82). Мы остановимся кратко на основных моментах и начнем, пожалуй, с самого термина «спица», который ввел в обиход М.П. Грязнов (Усачук, Литвиненко, 1999, с. 204; Панковский, 2012, с. 72; Усачук, 2012, с. 231), описывая набор костяных стержней, найденный в землянке 6 поселения Ляпичев хутор: «по всей вероятности, это части примитивного ткацкого снаряда – спицы для натягивания основы» (Грязнов, 1953, с. 142)⁷ (рис. 10: 17). В наши дни вопрос о неудачности термина «спица», в который многие вкладывают современное восприятие названия древнего орудия и упорно связывают его с вязанием (Післарій,

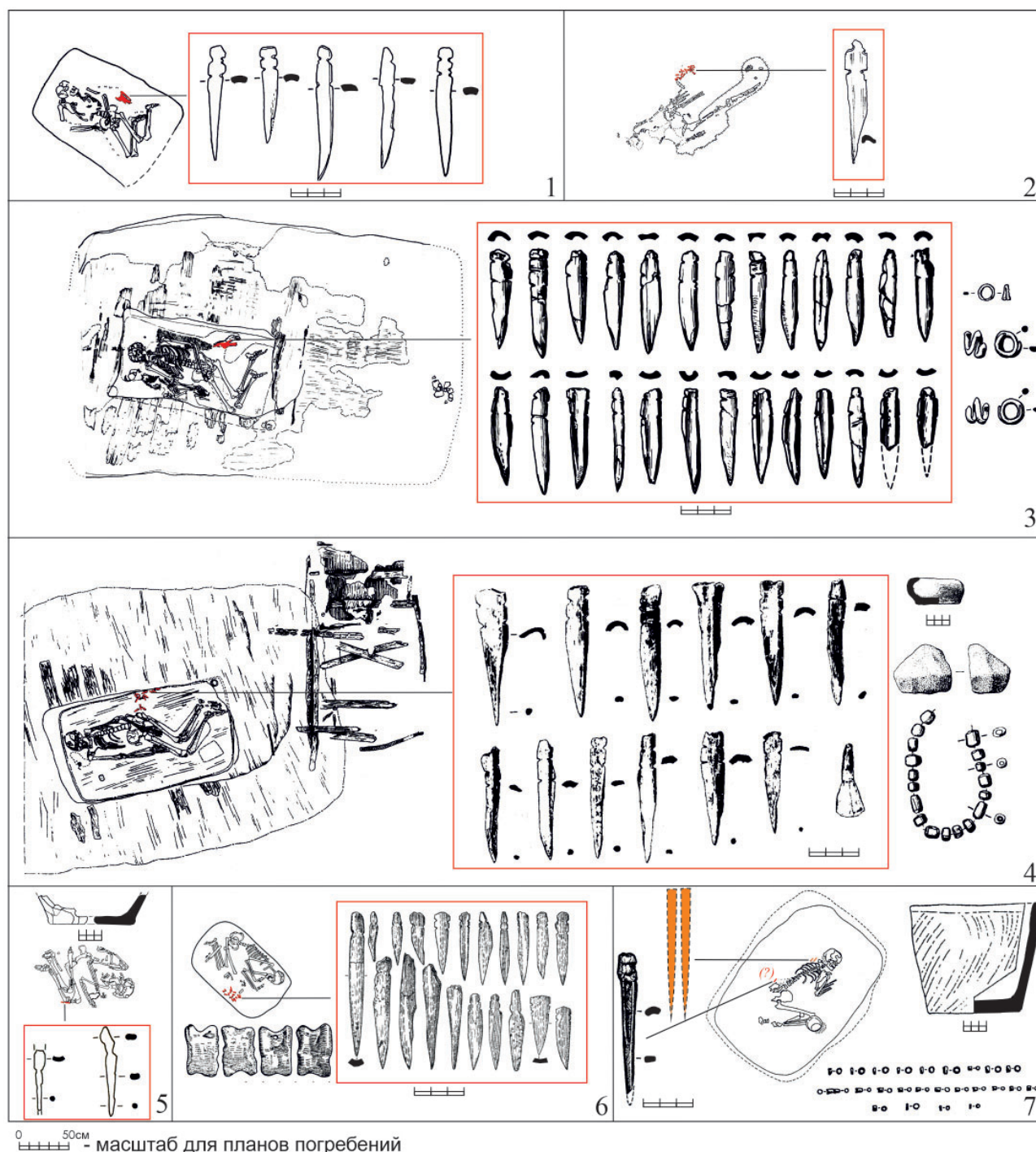

Рис. 7. Погребения средней – поздней бронзы с гребнями:

1–4 – новотитаровская культура; 5 – невинномысская культура; 6 – днепро-прутская бабинская культура;
7 – срубная культура.

1 – Приазовская I 1/7 (Бочкарев, 1983); 2 – Верхний-78 4/1 (Нехаев, 1978); 3 – Олений I 1/21 (Гей и др., 1987);
4 – Лебеди I 2/100 (Гей, 1979/1980; Гей, 2000, с. 31–33); 5 – Текучка 1 2/12 (Мимоход, 2013, илл. 98, 1);
6 – Пеллагеєвка 1/20 (Шарафутдинова, 1977, с. 94); 7 – Смеловка, погр. 54 (Лопатин, 2010, рис. 12, 2–5).

Fig. 7. Middle – Late Bronze Age burials with combs:

1–4 – Novotitorovka culture; 5 – Nevinnomyskaya culture; 6 – Dnieper-Prut Babyno culture; 7 – Srubnaya culture.
1 – Priazovskaya I 1/7 (Bochkarev, 1983); 2 – Verkhny-78 4/1 (Nekhayev, 1978); 3 – Oleniy I 1/21 (Gej et al., 1987);
4 – Lebedi I 2/100 (Gej, 1979/1980; Gej, 2000, p. 31–33); 5 – Tekuchka 1 2/12 (Mimokhod, 2013, fig. 98, 1);
6 – Pellaageyevka 1/20 (Sharafutdinova, 1977, p. 94); 7 – Smelovka, burial 54 (Lopatin, 2010, fig. 12, 2–5).

1982, с. 75; Тамимдарова, 2007, с. 76; Лопатин, 2009, с. 53, 68, 70–71; Андреева, 2009, с. 15–16; Морозов, 2017, с. 147; Мерц, 2017, с. 501; и др.), не раз поднимался (Панковський, 2012, с. 72, 179; Усачук, 2012, с. 231; Усачук, Файзуллин, 2016, с. 132, прим. 8; Файзуллин, Усачук, 2018, с. 176, прим. 1; Рафикова и др., 2019, с. 96, прим. 32)⁸. Видимо, пришло время изменить привычный и в среде изучающих костяные изделия специалистов даже удобный, но неверный по сути и навевающий ложные ассоциации с вязанием (Панковський, 2012, с. 72, 179) термин, поскольку эти костяные стержни являются зубьями гребней-кард для чесания шерсти (Панковський, 2012, с. 73–81; Березуцкий, Килейников, 2013, с. 224; Усачук, Файзуллин, 2016, с. 132; Рафикова и др., 2019, с. 95)⁹. Впрочем, возвращаясь к теме удобного рабочего названия, мы предлагаем-таки термин оставить, но применять его в сочетании «кардовые спицы», что должно исключить связь этих орудий с вязанием.

Интерес к «спицам» возобновился в 1980-х гг., когда сначала о проблемах изучения ткачества в эпоху бронзы заговорил И.А. Писларий (Післарій, 1982), а с середины 1980-х гг. стал активно работать с костяными орудиями эпохи бронзы В.В. Килейников (Усачук, 2013, с. 22–23). И.А. Писларий предположил, что «проколки», которые находят в срубных погребениях компактными группами, могли служить гребнями для чесания шерсти или растительных волокон (Післарій, 1982, с. 78–79). В.В. Килейников сумел трасологически выделить «спицы» в массиве проколок (Килейников, 1985, с. 76; 1989а, с. 125; 1989б, с. 124; Пряхин, Килейников, 1986, с. 26; ср. Усачук, Литвиненко, 1999, с. 204; Панковський, 2012, с. 72)¹⁰. Описывая следы на «спицах» и противопоставляя их следам на проколках (Килейников, 1989а, с. 125), В.В. Килейников говорит об экспериментах по сучению шерсти на «подобной спицеоснове», причем экспериментальные образцы дали по сравнению с найденными «спицами» «идентичную микрокартину износа рабочего участка» (Пряхин, Килейников, 1986, с. 26; ср. Экспериментально-трасологический анализ..., 1985, с. 10; Пряхин, 1996, с. 117; Панковський, 2012, с. 73)¹¹.

Опираясь на выводы экспериментов В.В. Килейникова, исследователи стали выделять и собирать «спицы», говоря о них как об

орудиях прядения и ткачества (Усачук, 1992, с. 207; 1993, с. 141, 144; 1996, с. 70, 72; 1997, с. 21; 1999, с. 17; Усачук, Бровендер, 1993, с. 179; Литвиненко, Усачук, 1994; Усачук, Литвиненко, 1999; 2003; Килейников, 1999, с. 124; и др.). По подсчетам В.Б. Панковского с 1992 г. по 2003 г. количество «спиц», известных в археологической среде, возросло с 25 экз. из материалов 7 памятников до 148 экз., обнаруженных на 41 памятнике (Панковський, 2012, с. 345–346, табл. 3.2). Очевидно, в реальности даже на 2003 г. их было больше, поскольку во многих коллекциях костяных изделий, не прошедших трасологическое изучение, «спицы» определялись авторами раскопок как проколки, стержни, шилья (Усачук, Литвиненко, 2003, с. 165) или возможные «спицы» (Кашуба, 2000, с. 324). Кроме того, трудно определить заготовки «спиц»¹³.

Наряду со сбором «спиц» осуществлялись попытки объяснить их работу, соединив воедино данные трасологии и выводы экспериментов В.В. Килейникова (Усачук, 1992, с. 208; 1997, с. 21; Литвиненко, Усачук, 1994, с. 121; Усачук, Литвиненко, 1999, с. 207). Получалось, как теперь видно, не слишком убедительно. Например, опираясь на эксперименты В.В. Килейникова и подчеркивая, что опыты проводились с одной «спицей» (Усачук, 1992, с. 208; 1997, с. 21; Усачук, Литвиненко, 1999, с. 207), исследователи пытались найти этнографические параллели с использованием «спиц» хотя бы в двух экземплярах (Усачук, 1997, с. 21) или в наборах. Кстати, неясность с применением «спиц» отмечал В.В. Цимиданов (1995б, с. 36), неубедительность объяснений и сделанные ошибки не укрылись от взгляда В.Б. Панковского в его описании процесса изучения «спиц» (Панковський, 2012, с. 75–77).

Наличие наборов «заостренных стержней» в срубных погребениях вызвал в это же время интерес к тому, являются ли они «спицами» (орудиями прядения) или гребнями. В.В. Цимиданов посвятил этому сначала небольшую (1995а), а чуть позже – развернутую работу (1995б) (ср. Панковський, 2012, с. 77–78). Затронув «спицы», исследователь раздвинул рамки проблемы, обратив внимание на наборы стержней с резными головками, считая их гребнями – предметами туалета: «наличие на стержнях из срубных погребений резных головок указывает на то, что в захо-

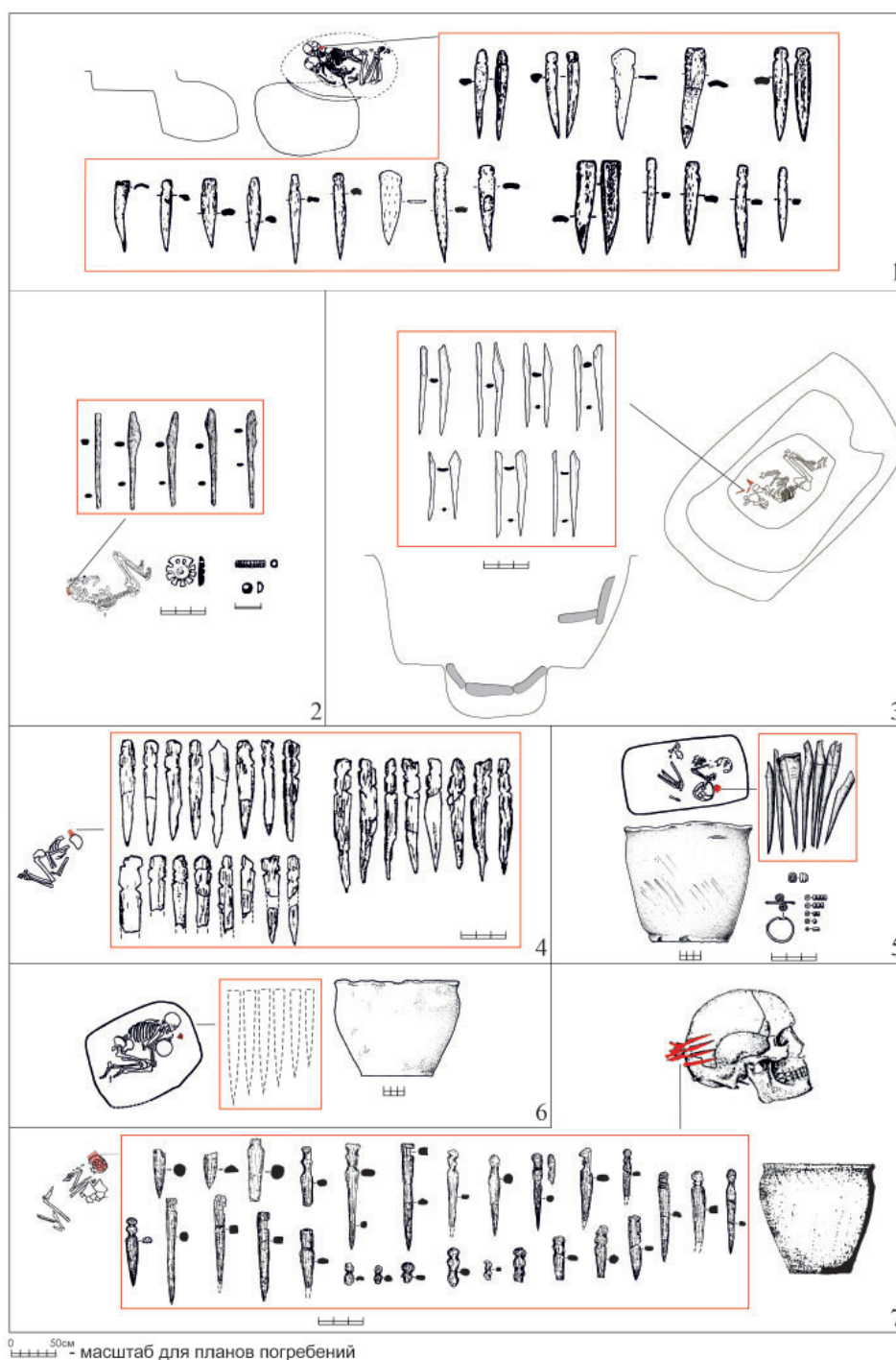

Рис. 8. Погребения средней – поздней бронзы с гребнями: 1 – катакомбная культура; 2, 3 – волго-уральская культурная группа; 4 – днепро-прутская бабинская культура; 5–7 – срубная культура.
 1 – Мокро-Чалтырский карьер, погр. 7 (Ларенок, Потапов, 2003); 2 – Красносамарский II 1/2 (Кузьмина, 1979, с. 89); 3 – Имангулово II 5/3 (Купцова, Евгеньев, 2022, с. 49–53); 4 – Черноземное 1/7 (Копьева-Колотухина, 2004, рис. 5, 6–7); 5 – Покровка 3/10 (Усачук, Литвиненко, 1999, рис. 6, 3–7); 6 – Александровск 5/11 (Усачук, Литвиненко, 1999, рис. 5, 1, 2); 7 – Краснопартизанское 1/3 (Андреев, 1992, с. 115).

Fig. 8. Middle – Late Bronze Age burials with combs: 1 – Catacomb culture; 2, 3 – Volga-Urals culture group; 4 – Dnieper-Prut Babyno culture; 5–7 – Srubnaya culture.
 1 – Mokriy Chaltyr quarry, burial 7 (Larenok, Potapov, 2003); 2 – Krasnosamarskoye II 1/2 (Kuzmina, 1979, p. 89); 3 – Imangulovo II 5/3 (Kuptsova, Yevgenyev, 2022, p. 49–53); 4 – Chernozomyomnoye 1/7 (Kopyeva-Kolotukhina, 2004, fig. 5 6–7); 5 – Pokrovka 3/10 (Usachuk, Litvinenko, 1999, fig. 6, 3–7); 6 – Aleksandrovsk 5/11 (Usachuk, Litvinenko, 1999, fig. 5, 1, 2); 7 – Krasnopartizanskoye 1/3 (Andreyev, 1992, p. 115).

ронении был гребень» (Цимиданов, 1995б, с. 35)¹³. Наборы же «спиц» В.В. Цимиданов трактовал вслед за И.А. Писларием (1982, с. 78–79) как иной вид гребня, называя его «гребневидным» (Цимиданов, 1995а, 39, 40) или «гребнеобразным» (Цимиданов, 1995б, с. 38; 2004, с. 55, 81, 86, 87) орудием прядения.

А.Н. Усачук и Р.А. Литвиненко, опираясь на данные трасологического анализа «спиц» и действительно найденных в погребениях гребней, настаивали на том, что «спицы» не использовались в виде гребневидных орудий (Усачук, 1997, с. 22; Усачук, Литвиненко, 1999, с. 208; 2003, с. 163)¹⁴, и пытались найти возможность объяснить положение «спиц» в погребениях в виде наборов. При этом оба исследователя не затрагивали случаи находок костяных стержней с резными головками, соглашаясь в этом вопросе с В.В. Цимидановым, который видел в подобных наборах бытовые костяные гребни (Усачук, Литвиненко, 1999, с. 208). Действительно, остатки подобных гребней изредка встречаются в погребениях различных культур на протяжении всего бронзового века (Цимиданов, 1995б, с. 34–35; 2004, с. 54) (рис. 7; 8). Причем остатки гребней¹⁵ лежат в основном в районе таза/пояса погребенных (рис. 7: 1–4), у колен (рис. 7: 5), у рук (рис. 7: 6), но постепенно со временем «передвигаются» к голове (рис. 7: 7; рис. 8: 1–4, 7). Если говорить об остатках гребней, лежащих не у головы в бабинских погребениях, то следует напомнить о комплексе Пелагеевка 1/20 (Литвиненко, 2009, с. 105; Панковський, 2012, с. 79), где напротив рук погребенного лежало 140 экз. костяных изделий: стержней с резными головками и заготовок к ним (Шарафутдинова, 1977, с. 94) (рис. 7: 6). Разумеется, здесь присутствует несколько гребней, но наличие столь большого количества заготовок (сколько – не уточняется, но, видимо, много) не свидетельствует ли о погребении специалиста по изготовлению этих орудий?

Ярким примером является крымский срубный¹⁶ комплекс Краснопартизанское 1/3, где, как пишет автор раскопок, «под черепом и на нем, у затылочной части, обнаружено 40 костяных стержней, располагавшихся в основном «обоймой» (более 30 штук)» (Андреев, 1992, с. 115) (рис. 8: 7). Перед нами, очевидно, либо сложный головной убор, в основе которого своеобразный «круглый гребень» (на это намекает расположение подавляющего боль-

шинства зубьев «обоймой»), либо остатки прически, которую фиксирует опять же один сверхбольшой гребень¹⁷. Обратим внимание на ситуацию с п. 54 Смеловского могильника, где в районе таза взрослой женщины найдена «костяная проколка с обломанным острием», а за спиной (лучше сказать – в районе шейных позвонков) «два продолговатых кусочка древесного тлена» (Лопатин, 2010, с. 31) (рис. 7: 7). Возможно, перед нами остатки то ли деревянного, то ли составного¹⁸ (дерево и кость, если «проколка» является отдельным зубцом с резной головкой) гребня.

Остатки гребня в виде стержней с резными головками лежали на удалении от черепа, у сосуда в комплексе Котовка I 11/17 (Цимиданов, 1995б, с. 35). Возле сосуда, который поставлен у кистей погребенного, расположен и гребень в комплексе срубной культуры Покровка 3/10, но стержни здесь не имеют резных головок (рис. 8: 5) (Цимиданов, 1995б, с. 35; 2004, рис. 36, 3¹⁹; Усачук, Литвиненко, 1999, рис. 6, 3, 7). Погребение из Покровки с гребнем возле рук умершего перебрасывает своеобразный «мостик» к срубным погребениям с наборами зубьев-кард, которые тоже уложены то напротив лицевой части черепа, то у рук или у колен умерших (Усачук, Литвиненко, 1999, с. 205–206) (рис. 9: 1, 2, 5)²⁰. Подобные наборы кард (в прошлом – «спиц»), по мнению А.Н. Усачука и Р.А. Литвиненко, использовались порознь, но клались в погребения почему-то гребневидными наборами (1994, с. 121; 1999, с. 208). Такой взгляд на наборы кард вызвал несогласие у В.В. Цимиданова, заметившего: «трудно допустить, что в могилах разрозненные спицы старательно выкладывались всегда в одном и том же порядке, причем на далеких одна от другой территориях. Такой жесткий канон не имеет аналогов в культовой практике срубного населения и представляется нам маловероятным. Более мы склоняемся к идее И.А. Пислария, согласно которой данное орудие имело вид гребня» (1995б, с. 36). В дальнейшем обе стороны остались при своем мнении (ср. Усачук, Литвиненко, 2003, с. 163; Цимиданов, 2004, с. 55). Точка зрения В.В. Цимиданова понятна (ср. Панковський, 2012, с. 77), точка зрения А.Н. Усачука и Р.А. Литвиненко поддержана была трасологическими изысканиями, когда стала вырисовываться идея совмещения в одном погребальном наборе

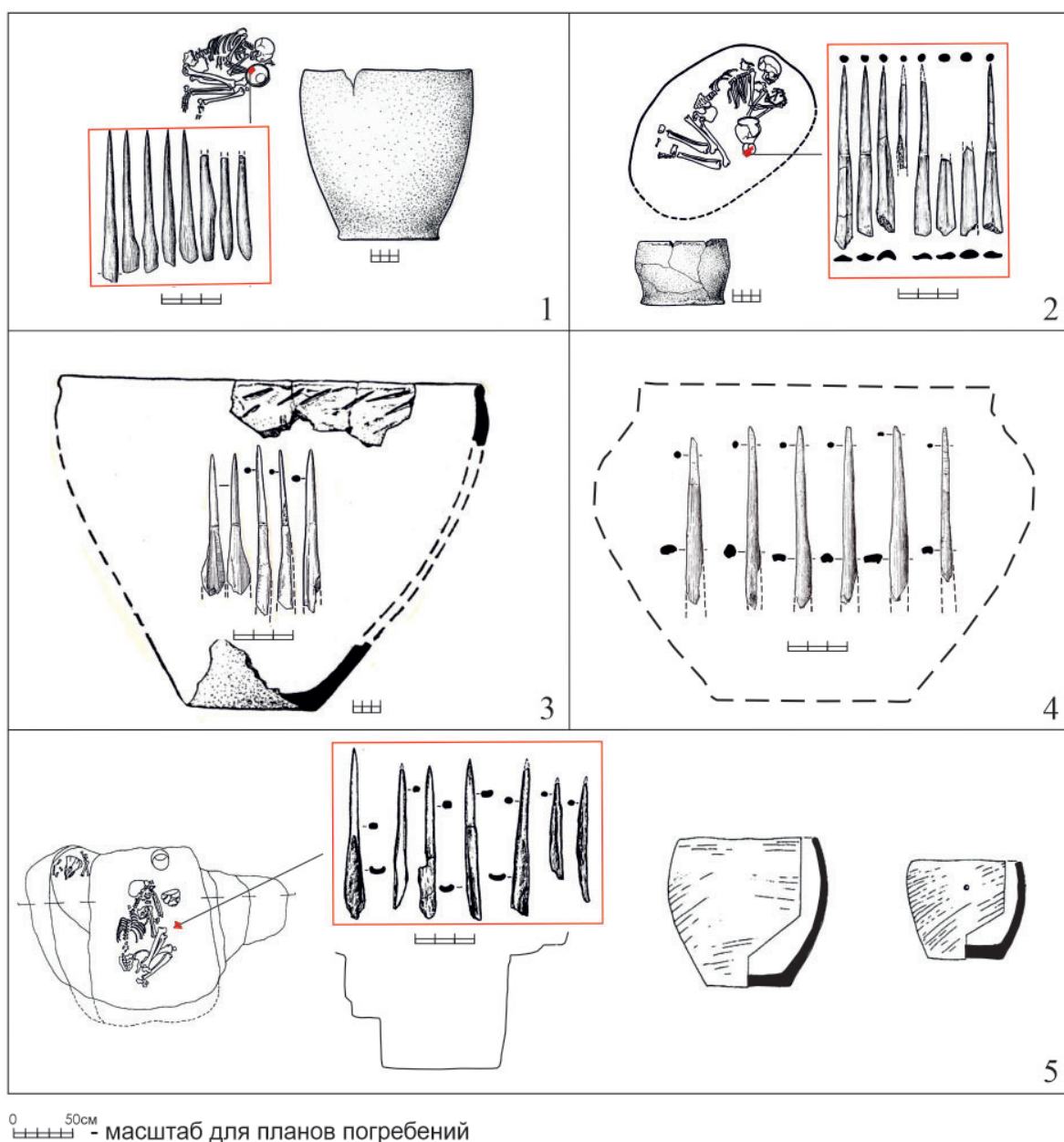

Рис. 9. Комплексы позднего бронзового века с кардами:

1–3, 5 – срубная культура; 4 – позднебронзовое время (культурная атрибуция памятника на сегодняшний день затруднительна). 1 – Александровск 9/18 (Усачук, Литвиненко, 1999, рис. 5, 6–8); 2 – Цимлянка II 11/2 (Усачук, Литвиненко, 1999, рис. 4, 1–3); 3 – пос. Шельган 1 (Усачук, Литвиненко, 1999, рис. 2, 2, 3); 4 – пос. Семиярское (Мерц, 2017, с. 501); 5 – Смеловка, погр. 57 (Лопатин, 2010, рис. 13, 1–10).

Fig. 9. Late Bronze Age complexes with comb-carders:

1–3, 5 – Srubnaya culture; 4 – Late Bronze Age (cultural determination of the site is difficult). 1 – Aleksandrovsk 9/18 (Usachuk, Litvinenko, 1999, fig. 5, 6–8); 2 – Tsimlyanka II 11/2 (Usachuk, Litvinenko, 1999, fig. 4, 1–3); 3 – Shelygan 1 settlement (Usachuk, Litvinenko, 1999, fig. 2, 2, 3); 4 – Semiyarka settlement (Merts, 2017, p. 501); 5 – Smelovka settlement 57 (Lopatin, 2010, fig. 13, 1–10).

«спиц» экземпляров из двух первоначальных наборов или даже «о специальном изготовлении для погребального обряда своеобразных «гребней» из стержневидных составляющих» (2003, с. 163)²¹. Впрочем, помимо проблемы «спицы/гребни», в ситуации с этими просты-

ми, но интересными с точки зрения сработанности орудиями продолжалось накопление материала (Андреева, 2009; Усачук, 2012, с. 230–231; Березуцкий, Килейников, 2013, с. 219, 223–224; Рафикова и др., 2019, с. 95–96; и др.). Наконец, в 2012 г. В.Б. Панковский, рабо-

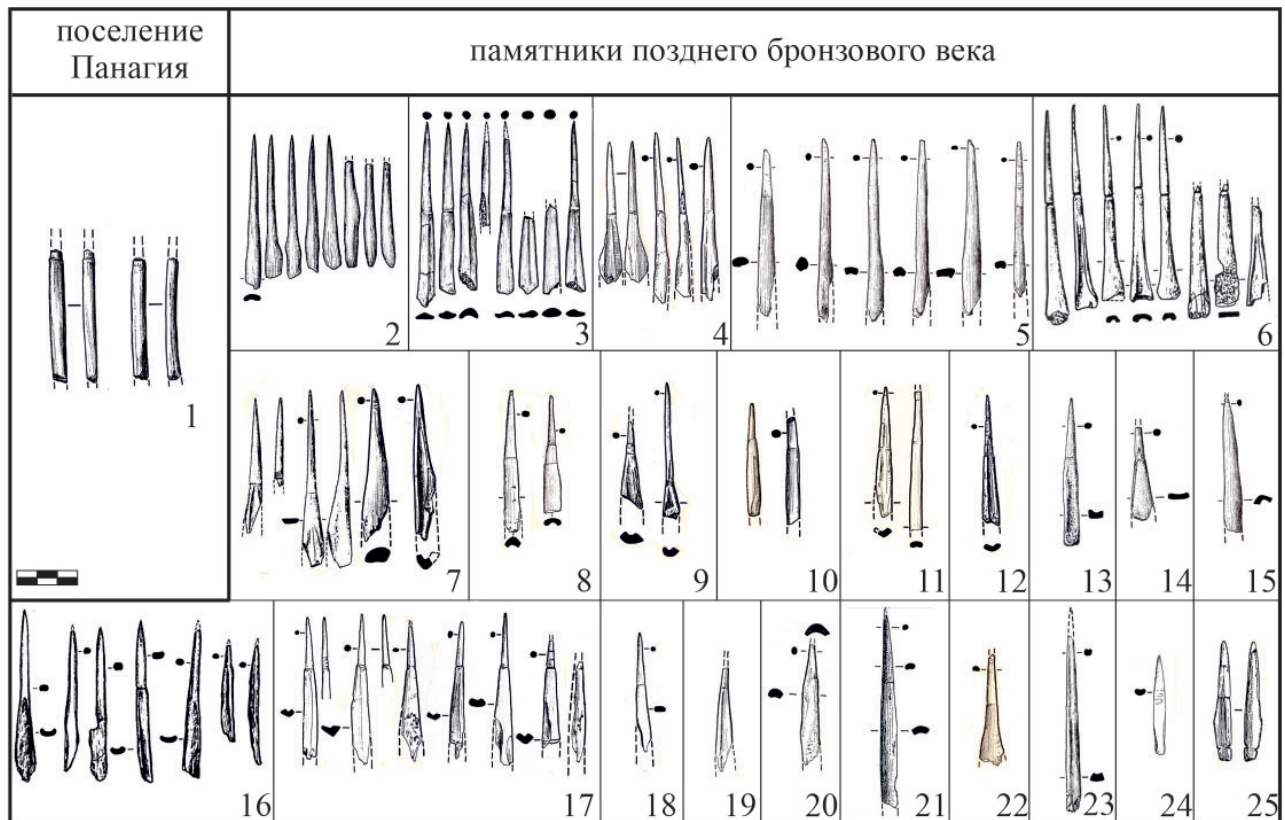

Рис. 10. Зубья от гребней-кард пос. Панагия 1 и их аналогии по материалам памятников позднего бронзового века: 1 – пос. Панагия 1; 2 – Александровск 9/18 (Усачук, Литвиненко, 1999, рис. 5, 7); 3 – Цимлянка-II 11/2 (Усачук, Литвиненко, 1999, рис. 4, 3); 4 – пос. Шельган-1 (Усачук, Литвиненко, 1999, рис. 2, 3); 5 – пос. Семиярское (рисунки А.Н. Усачука); 6 – Семеновка 2/1-2 (Усачук, Литвиненко, 1999, рис. 4, 5); 7 – пос. Ильичевка (Усачук, Литвиненко, 1999, рис. 3, 1); 8 – пос. Капитаново-1 (Усачук, Литвиненко, 1999, рис. 3, 4); 9 – пос. Отрадовка-II (Усачук, Литвиненко, 1999, рис. 3, 3); 10 – пос. Безыменное-II (Усачук, Литвиненко, 1999, рис. 3, 6); 11 – пос. Красный Яр (Усачук, Литвиненко, 1999, рис. 3, 2); 12 – пос. Зливки (Усачук, Литвиненко, 1999, рис. 3, 7); 13 – пос. Большая Плавица (рисунок А.Н. Усачука); 14 – пос. Обрыв I (рисунок А.Н. Усачука); 15 – пос. Домалактас (рисунок А.Н. Усачука); 16 – Смеловка, погр. 57 (Лопатин, 2010, рис. 13, 4–10); 17 – пос. Ляпичев хутор (землянка 6) (Усачук, Литвиненко, 1999, рис. 2, 1); 18 – пос. Ляпичев хутор (землянка 2) (Усачук, Литвиненко, 1999, рис. 2, 4); 19 – пос. Сухая Мечетка-IV (Усачук, Литвиненко, 1999, рис. 2, 5); 20 – пос. Проказино (Усачук, Литвиненко, 1999, рис. 2, 7); 21 – пос. Бабич I (рисунок А.Н. Усачука); 22 – пос. Степановка (Усачук, Литвиненко, 1999, рис. 2, 8); 23 – пос. Каменный Амбар (рисунок А.Н. Усачука); 24 – пос. Николаевка (Усачук, Литвиненко, 1999, рис. 3, 5); 25 – пос. Лиман (Усачук, Литвиненко, 1999, рис. 2, 6).

Fig. 10. Comb-carders teeth from Panagia 1 settlement and their analogies based on the materials of the Late Bronze Age sites: 1 – Panagia 1 settlement; 2 – Aleksandrovsk 9/18 (Usachuk, Litvinenko, 1999, fig. 5, 7); 3 – Tsimlyanka-II 11/2 (Usachuk, Litvinenko, 1999, fig. 4, 3); 4 – Shelygan-I settlement (Usachuk and Litvinenko, 1999, fig. 2, 3); 5 – Semiyarka settlement (drawings by A.N. Usachuk); 6 – Semenovka 2/1-2 (Usachuk, Litvinenko, 1999, fig. 4, 5); 7 – Ilyichevka settlement (Usachuk and Litvinenko, 1999, fig. 3, 1); 8 – Kapitanovo-I settlement (Usachuk, Litvinenko, 1999, fig. 3, 4); 9 – Otradovka-II settlement (Usachuk, Litvinenko, 1999, fig. 3, 3); 10 – Bezymennoye-II settlement (Usachuk, Litvinenko, 1999, fig. 3, 6); 11 – Krasniy Yar settlement (Usachuk, Litvinenko, 1999, fig. 3, 2); 12 – Zlivki settlement (Usachuk, Litvinenko, 1999, fig. 3, 7); 13 – Bolshaya Plavitsa settlement (drawing by A.N. Usachuk); 14 – Obryv I settlement (drawing by A.N. Usachuk); 15 – Domalaktas settlement (drawing by A.N. Usachuk); 16 – Smelovka 57 settlement (Lopatin, 2010, fig. 13, 4–10); 17 – Lyapichev khutor settlement (subterranean dwelling 6) (Usachuk, Litvinenko, 1999, fig. 2, 1); 18 – Lyapichev khutor settlement (subterranean dwelling 2) (Usachuk, Litvinenko, 1999, fig. 2, 4); 19 – Sukhaya Mechetka-IV settlement (Usachuk, Litvinenko, 1999, fig. 2, 5); 20 – Prokazino settlement (Usachuk, Litvinenko, 1999, fig. 2, 7); 21 – Babich I settlement (drawing by A.N. Usachuk); 22 – Stepanovka settlement (Usachuk, Litvinenko, 1999, fig. 2, 8); 23 – Kamenniy Ambar settlement (drawing by A.N. Usachuk); 24 – Nikolayevka settlement (Usachuk, Litvinenko, 1999, fig. 3, 5); 25 – Liman settlement (Usachuk and Litvinenko, 1999, fig. 2, 6).

тая со значительной совокупностью подобных орудий и экспериментируя с положением набора «спиц» из комплекса Александровск 9/18 (ср. Усачук, Литвиненко, 1999, рис. 5, 7), пришел к выводу, что наборы «спиц» вставлялись в какую-то основу, причем сработанность этих острий зависит от диаметра их в районе плоскости этой основы (Панковський, 2012, с. 79–80). Годом позже исследователь имел возможность проверить свои выводы во время работы Международной экспериментально-трасологической школы-семинара ИИМК РАН, о которой мы говорили выше в связи с экспериментами с ламелями²².

Продолжает изучение «спиц» и В.В. Килейников с коллегами, получая новые трасологические данные и сравнивая их с уже имеющимися (Березуцкий, Килейников, 2013, с. 219, 222–224). Соглашаясь с тем, что наборы зубьев являются «чесальными гребнями» и опираясь на следы микро- и макроизноса своей коллекции зубьев гребней-кард, В.В. Килейников пришел к выводу, что работали не только наборами, но и единичными изделиями. Находя разницу в следах изготовления и использования зубьев в наборах и отдельно, он подчеркивает, что «отдельные спицы и их наборы выполняли различные функции, но были связаны с обработкой одного материала – шерсти» (Березуцкий, Килейников, 2013, с. 224).

Таким образом, бросив ретроспективный взгляд на изучение этой интересной категории костяных изделий, мы видим и ошибки²³, и нащупывание верных путей, и постепенное сближение разных точек зрения, и появление новых проблем: действительно ли зубья гребней-кард использовались в наборах и по одиночке, действительно ли какие-то наборы составлялась ради помещения в погребения, действительно ли часть кардовых спиц намеренно подрезалась при изготовлении (об этом ниже)?

Вернемся к панагийским находкам. Оба орудия изготовлены из довольно толстой компакты (рис. 4: 1, 2; 10: 1), фрагменты которой в качестве сырья можно получить из диафизов длинных трубчатых костей крупных копытных. Кстати, среди отходов разделки кости на памятнике выделяется целая группа эпифизов длинных костей крупных копытных со следами аккуратной оббивки по периметру (рис. 11) – типичный и довольно архаичный

метод разделки животной кости, когда эпифизы выбрасывались или раскалывались, как сырье для мелких поделок, или могли использоваться в качестве рукояток (Vitezović, 2018, р. 10–11), а полученные диафизы как хорошее сырье можно было пускать на изготовление различных орудий и изделий, в том числе и зубьев гребней-кард.

На зубце-карде выделяются острие (рабочая зона) (рис. 12: 3а), перехват (рис. 12: 3б) и черенок (бывшая «рукоятка») (рис. 12: 3в)²⁴. Название частей орудий дается по: (Усачук, 1992, с. 207; Усачук, Литвиненко, 1999, с. 206; 2003, с. 164), но с некоторым уточнением: термин «рукоятка» подразумевает часть какого-либо орудия для удержания рукой, в то время как зубья-карды удерживались в какой-то основе – например, в удобном куске дерева (рис. 12: 1)²⁵.

Панагийские зубья сохранились фрагментарно, с прямым (рис. 4: 1) и чуть изогнутым (рис. 4: 2) черенками, причем сломаны почти одинаково. От одного экз. сохранились начало рабочей части (рис. 5: 1а), перехват (рис. 5: 1б) и значительная часть черенка (рис. 5: 1в). Почти такой же фрагмент черенка (рис. 5: 2а) с началом участка перехвата (рис. 5: 1б) сохранился и от второго орудия, но утрачена вся рабочая часть. На черенках обоих изделий – очень сглаженные длинные грани, оставшиеся от продольного строгания (ср. Березуцкий, Килейников, 2013, с. 223). В районе старого торца слома черенка первого зубца-карды видны остатки подрезки (рис. 5: 1г) – видимо, после изготовления черенка конец его делали специально немного уже. Следы начала уплощения черенка чуть-чуть сохранились и на втором орудии (рис. 5: 2в). Скорее всего, черенки зубцов-кард сломались незначительно – утрачено 1–1,4 см, не более. Поперечные и чуть диагональные следы вращения и трения волокнистого материала, оформившие перехват, как раз и свидетельствуют, что оба орудия – не проколки, а остатки зубьев гребней-кард для расчесывания шерсти, удаления из нее спутанных участков, комочков грязи (Панковський, 2012, с. 80; Усачук, Файзуллин, 2016, с. 132; Рафикова и др., 2019, с. 95–96), приготовления из шерсти «переходную к нити форму – рыхлого жгута или ленты» (Копосов, 1895, с. 484). Под сильными следами сработанности на одном из зубьев просматриваются, вероятно, небольшие

Рис. 11. Эпифизы длинных костей крупных копытных со следами аккуратной оббивки по периметру с раскопа 6 пос. Панагия 1, найденные в 2022 г.
Fig. 11. Pineal glands of large ungulates long bones with traces of neat treatment around the perimeter from the excavation 6 of Panagia 1 settlement, found in 2022.

следы поперечных неглубоких нарезов (рис. 5: 2б). Возможно еще более слабые следы надреза-наметки остались под следами сработанности и на втором орудии (рис. 5: 1а, 1б). Скорее всего, здесь мы имеем дело, в отличие от ламелей, именно с нарезками (надрезами), а не порезами. Последние подразумевают образование соответствующих следов в результате работы (стрижка шерсти), первые наносятся специально до начала работы и являются технологическим приемом оформления орудий перед кардованием шерсти. Размышляя по поводу появления надрезков на месте, где впоследствии образуется перехват, обратим внимание на яркий набор кардовых спиц из Семеновки 2/1–2 (рис. 10: 6), где перехваты чрезвычайно глубоки. Они имеют конфигурацию песочных часов в виде стыковки двух разновеликих сегментов в их наиболее узких частях. Трасологический анализ напрямую не выявил следов резки в районе перехватов, но острия имеют равномерные следы выраженной сработанности, а столь глубокий, а главное морфологически четко оформленный перехват вряд ли мог образоваться в процессе работы с рыхлыми жгутами или лентами овечьей шерсти. Логично предположить, что на семеновских кардовых спицах мы имеем дело с технологическим вырезом, который в процессе работы сильно завальцевался, не сохранив следов самой резки, что нередко фиксируется и на других изделиях, например,

на псалиях (Усачук, 2013, с. 40, 44, 89, 104). Обращает на себя внимание и набор кардовых спиц из землянки 6 Ляпичева хутора (рис. 10, 17), где 2 экз. имеют не круглое, а несколько уплощенное сечение в районе перехвата: при значительной интенсивности следов вращения район перехвата и острие должны стать практически круглыми. Возможно, перехваты были намечены резкой? То же предположение можно отнести и к зубцу-карде с поселения Лукьяновка (Березуцкий, Килейников, 2013, с. 223). Надрезы могли делать для того, чтобы обрабатываемая шерсть не опускалась на уровень подставки, в которую были забиты зубья (рис. 12: 1, 2). Как показали эксперименты по карданию шерсти, проведенные О.Н. Загородней, В.Б. Панковским и А.А. Храмцовой в рамках Международной экспериментально-трасологической школы-семинара ИИМК РАН на базе этноархеологического комплекса «Затерянный мир» в Ростовской обл. в 2013 г., наиболее эффективным в получении качественного результата при вычесывании шерсти оказалось использование ограниченных участков зубьев, которые занимают место от трети до половины всего изделия в верхней части (рис. 12: 1, 2). В таком случае мастера могли для удобства работы устанавливать специальные технологические надрезы, за которые цеплялась бы обрабатываемая шерсть при уходе ниже эффективной ограниченной рабо-

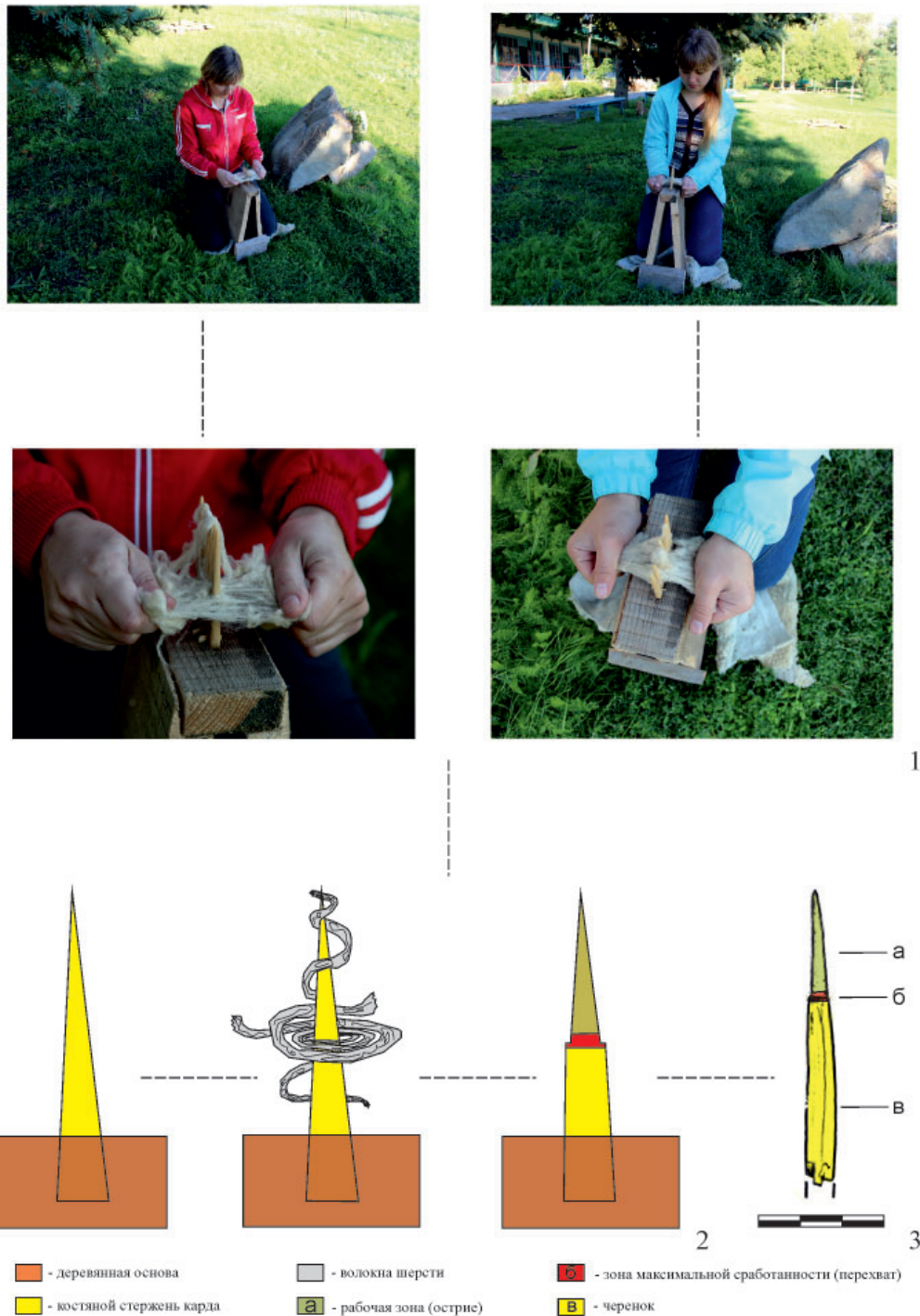

Рис. 12. Эксперименты по карданию шерсти и схема использования гребней-кард – трасология и предварительные опыты: 1 – эксперименты по карданию шерсти, 2013 г. (фото из архива О.Н. Загородней); 2 – схема использования зубьев гребня-карды и образование следов сработанности; 3 – зубец гребня-карды с обозначением структуры и зон сработанности на примере изделия из набора пос. Ляпичев хутор (землянка б).
Fig. 12. Experiments on wool carding and the scheme of using comb-carders – trace evidence and trial experiments: 1 – experiments on wool carding, 2013 (photo from O.N. Zagorodnyaya’s archive); 2 – scheme of using comb-carder teeth and the formation of use-wear traces; 3 – comb-carder tooth with indication of structures and zones of use-wear on the example of an item from a cache of Lyapichev khutor settlement (subterranean dwelling 6).

чей части, тем самым создавая тактильный сигнал для возврата ее выше, чтобы увеличить коэффициент полезного действия. При этом не станет неожиданностью, что так или иначе шерсть, попадая на ограничители, приводила к срабатыванию надрезов, причем происходить это могло даже быстрее, чем остальной поверхности острия, т. к. волокна здесь именно цеплялись и приходилось прикладывать больше усилий для возврата их в рабочую зону. В конечном итоге надрез завальцовывался и срабатывался, но именно благодаря ему на зубце образовывался выраженный перехват, отделяющий черенок от острия. Безусловно, трасологическое изучение большого количества зубьев гребней-кард показывает, что зачастую перехваты образовывались безо всякой надрезки (Усачук, Литвиненко, 1999, с. 207; Панковський, 2012, с. 73) (рис. 10: 2, 5, 13, 14, 22–24). В подставке крепились зубья и во время работы образовывался перехват (рис. 12: 2), но тогда он мог оказываться не таким выраженным и даже размытым (рис. 10: 2, 5, 23, 24). Возможно, опытные мастера не нуждались в принудительном задерживании легких волокон шерсти чуть повыше подставки и могли работать с шерстью только при помощи рук?²⁶ Выше упоминалось, что панагийские зубья-карды довольно толстые, т. е. имеют больший диаметр (рис. 10: 1), чем практически все иные подобные орудия (рис. 10: 2–25). Не сделано ли это специально для того, чтобы нанести на эти зубья нарезку и в то же время сильно не ослабить костяные стержни?

Судя по многочисленным находкам наборов зубьев гребней-кард (Усачук, Литвиненко, 1994, с. 121; 1999, с. 204–206), на Панагии 1 найдена только часть такого набора. То, что эти острия из одного набора, свидетельствует не только почти одинаковое их изготовление, но главным образом бросающаяся в глаза массивность стержней, не свойственная таким изделиям. Ранее исследователи пришли к выводу, что длина кардовых спиц – в пределах 8–12 см (наиболее длинное целое орудие – 12,3 см) (Усачук, Литвиненко, 1999, с. 207). Найденные на Панагии 1 обломки позволя-

ют реконструировать длину целых зубьев гребней-кард в рамках 14–14,5 см.

Часто наборы зубьев гребней-кард использовались в культовой практике на поселениях эпохи поздней бронзы (Горбов, Мимоход, 1999, с. 29–30; Усачук, Литвиненко, 1999, с. 204, 205; 2003, с. 165; Усачук, 2012, с. 232; Усачук, Файзуллин, 2016, с. 143; и др.). Например, на срубном поселении Шельган-1 (рис. 9: 3) и позднебронзовом поселении Семиярское (рис. 9: 4) наборы находились в сосудах²⁷, на поселении срубной культуры Ляпичев хутор набор из семи зубьев-кард (рис. 10: 17) лежал на полу землянки, как и набор из восьми кардовых спиц – на полу помещения сабашиновского поселения Виноградный Сад (Горбов, Мимоход, 1999, с. 30).

Но характер находки двух панагийских зубьев гребней-кард в хозяйственной яме № 49 не дает возможности считать их остатками какого-либо жертвенного набора. Известно, что в гребнях-кардах могли менять сломанные зубья, иногда смешивать кардовые спицы разных наборов (Усачук, Литвиненко, 1999, с. 207; 2003, с. 163). Очевидно, и в случае с панагийскими остриями они сломались раньше остальных в наборе и были выброшены в бывшую хозяйственную яму.

В заключение следует отметить, что назначение и процесс использования ламелей (стригальных полочек) хорошо задокументированы методами экспериментальной археологии. С кардовыми спицами ситуация на сегодняшний день выглядит иначе. Особых сомнений, что мы имеем дело с зубьями гребней-кард, нет. Однако сохраняются спорные моменты по поводу конкретных механизмов их использования и производства. Ясность в эти вопросы может внести только продолжение экспериментов с ними в двух плоскостях: существенное увеличение хронометража манипуляций, с одной стороны, и – с другой – выяснение механизмов формирования перехватов без технологических нарезок и с ними с последующим сравнением рабочих реплик и «живых» орудий. В этом направлении сделаны только первые и далеко не все шаги.

Примечания:

¹ Возможно, некоторые обломки можно будет интерпретировать в качестве съемных наконечников конькобежных палок (ср. Вейлз, 1914, с. 99, 101, табл. III; Prummel et al., 2011, p. 90).

² Во время работы экспериментально-трасологической школы-семинара был прочитан доклад О.Н. Загородней

и В.Б. Панковским «Псевдошпатели» позднего бронзового века» (Гиря и др., 2014, с. 306, 308).

³ В.Б. Панковский и Е.Е. Антипина после экспериментов по срезанию шерсти и анализа подобных стригальных ламелей из различных археологических памятников пришли к выводу, что поперечные следы на таких орудиях правильнее называть не «нарезки», а «порезы» (Панковский, Антипина, 2017, с. 221).

⁴ К вопросу о костяной пластинке, найденной на пос. Рай-Стародубовка (правый берег р. Северский Донец, раскопки В.Ф. Клименко, 1978 г.) (Усачук, 2007, рис. 4, 1; Усачук, Полидович, 2006, рис. 11, 1). В.Б. Панковский и Е.Е. Антипина пришли к выводу, что это не ламель (2017, с. 211, сноска 4). Действительно, такую сверхкороткую стригальную полочку неудобно держать в руке при резке ножом пряжей шерсти другой рукой. Мы тем не менее поместили изделие в подборку ламелей (рис. 6: 4), поскольку наши коллеги не видели изделие вживую, а поперечные следы резки, накладываясь друг на друга, образовывали на рай-стародубовской пластинке такую же картину следов, как и на более длинных орудиях, определяемых без вопросов ламелями. Впрочем, возможно, это, образно говоря, «вынужденная» ламель, когда пришлось неудобной пластинкой по какой-то причине недолго, судя по узкой кромке следов и незначительному их рассеянию, воспользоваться как стригальной полочкой. Назначение же изделия могло быть иным – например, заготовка пластинки для плетения (ср. Breniquet, 2008, p. 186–189; Lipkin, 2012, p. 62; 2014, fig. 7), которую почему-то (из-за мелкой поломки?) не просверлили по углам.

⁵ Но по крайней мере одно костяное орудие с орнаментацией в виде четырех «уточек» – штамп из Тобольского музея – относится к инструментам гончарства (Усачук, Полидович, 2006, с. 257).

⁶ Рабочее, не совсем точное название (ср. Усачук, Файзуллин, 2016, с. 132), поэтому оно взято в кавычки. О термине «спицы» см. ниже.

⁷ Обратим внимание на то, что во время раскопок изделия названы В.Н. Полторацкой «шиллями»: «...При расчистке зольного слоя, граничащего с северной стенкой землянки на глубине пятого штыка почти у дна в квадрате 5/Б найдены 7 костяных шильев, лежащих вместе» (Полторацкая, 1951, л. 21). М.П. Грязнов в дневнике окрестил их «шиллями»: «28. IX. Пятница. На землянке 6 продолжилась разборка северо-восточного сектора, начат юго-западный. Найден набор костяных шпилек...» (Грязнов, 1951, л. 5). И только позднее, при подготовке статьи в КСИИМК появился термин «спица». Мы видим, что первоначальные и окончательный термины близки, что отражает «терминологию полевой археологии», которая «в большей степени едина» (Кокорина, 2014, с. 101).

⁸ Впрочем, о неудачности этого термина Е.Е. Антипина, к примеру, говорила еще в конце 1990-х гг. Кроме того, «спицами» называются орудия для вязания, получившие распространение в позднем бронзовом времени и отличающиеся совсем иной картиной следов сработанности (Коробкова, Шапошникова, 2005, с. 215, 220).

⁹ «**Кáрдать** шерсть, ... чесать, расчесывать»; **кáрдить** сукно, надирать ворсу на сукне» (Даль, 1979, с. 92).

¹⁰ Кстати, И.А. Писларий писал о том, что среди массы проколов выявить орудия с иными функциями можно только при тщательном трасологическом анализе (Писларий, 1982, с. 78).

¹¹ На организации трасологических и экспериментальных работ воронежских археологов положительно сказалось создание в 1989 г. при кафедре археологии и истории древнего мира ВГУ лаборатории естественно-научных методов в области археологии (Пряхин, 2012, с. 64).

¹² Например, В.Б. Панковский полагает, что 10 костяных стержней из сосуда на поселении Широкая Балка – II (Горбов, Мимоход, 1999, с. 28, 53, рис. 5, 1–3) являются полуфабрикатами зубьев гребней-кард (Панковский, 2012, с. 81), и это не противоречит следам трасологического изучения заготовок.

¹³ Здесь же исследователь перечислил много вариантов того, чем считались эти стержни с резными головками (Цимиданов, 1995б, с. 35; ср. Панковский, 2012, с. 78).

¹⁴ Иногда подобный вывод звучал излишне резко и безапелляционно (Усачук, 1997, с. 22), а в конечном счете – неверно (Панковский, 2012, с. 76).

¹⁵ А.Н. Гей, к примеру, считает эти изделия колками «для растягивания нитей ткацкой основы» (2000, с. 158), но ставит знак вопроса.

¹⁶ В.Б. Панковский считает этот комплекс бабинским (Панковский, 2012, с. 78).

¹⁷ В.В. Цимиданов пишет, что здесь несколько гребней (1995б, с. 35).

¹⁸ Укажем на реконструкцию немного по-иному составного гребня эпохи бронзы, где костяные зубья могли крепиться в деревянной или кожаной основе (Куприянова, 2017, рис. 2, 6, 7).

¹⁹ У В.В. Цимиданова (2004, с. 135) ошибочно указано в подписи к рисунку, что это комплекс Петровка 3/10. К ошибкам, связанным с гребнем из этого погребения, добавим сведение в один комплекс рисунка остатков зубьев гребня на черепе погребенного из Краснопартизанского 1/3 и рисунка гребня из Покровки 3/10 (Куприянова, 2017, рис. 2, 5).

²⁰ Й. Батора погребения и с гребнями, и с наборами зубьев-кард объединяет в одну группу: могилы прядильщиков и ткачей (Bátora, 2006, s. 111–112, 115).

²¹ На 2003 г. всем ведущим полемику насчет «спиц» еще было неизвестно погребение на поселении Таналык (Тамимдарова, 2007), где набор стержневидных предметов состоял из «спиц», проколки и длинной узкой костяной пластинки, которая с некоторой натяжкой может быть названа заготовкой (трасологический анализ таналыкского

набора проведен 21 апреля 2007 г., архив А.Н. Усачука). При всех раскладах, таналыкский набор уникален: в погребении действительно находятся специально выложенные стержневидные предметы.

²² Выражаю благодарность В.Б. Панковскому, который рассказывал мне о результатах экспериментов 2013 г. со «спицами-кардами» (примечание А.Н. Усачука).

²³ Что касается ошибок со «спицами», да и с ламелями, то мне, находящемуся внутри этого процесса и причастному к этим ошибкам, остается только улыбнуться и процитировать: «Зрелище поисков с их успехами и неудачами редко бывает скучным» (Блок, 1973, с. 41) (примечание А.Н. Усачука).

²⁴ Воронежские исследователи употребляют термин «насад» (Березуцкий, Килейников, 2013, с. 223–224).

²⁵ Обратим внимание на интересную деталь крепления зубьев-кард: «Когда я в 2013-м пробовал чесать настриженную мытую шерсть, то сначала взял брусок 10×3×1 см, проделал в нём паз и туда вколотил костяные зубья, вплотную друг к другу. Потом положил на сутки в воду, и всё зажало накрепко...» (из письма В.Б. Панковского А.Н. Усачуку от 17 февраля 2019 г.).

²⁶ Обратим внимание, что в опытах с набором Александровск 9/18 В.Б. Панковский по следам сработанности «поймал» уровень подставки, а перехваты и сработанные участки находились, естественно, немного выше, и на одном из зубьев почти вплотную к подставке (Панковский, 2012, с. 80).

²⁷ Наборы кардовых спиц в сосуде найдены не только на поселениях: например, 5 экз. таких орудий лежали «в сосудике и рядом на дне» в погребении покровской культуры Учхоз II, 3/1 (Ломкин, 1998, с. 33; Панковский, 2012, с. 217).

ЛИТЕРАТУРА

Андреев В.Н. Курган эпохи бронзы в Крыму // Древности степного Причерноморья и Крыма. Вып. III / Ред. Г.Н. Тошев и др. Запорожье: ЗГУ, 1992. С. 115–122.

Андреева О.С. Костяные спицы из погребения эпохи поздней бронзы // ХLI Международная Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых. / Отв. ред. Н.А. Мажитов. Уфа: БашГУ, 2009. С. 12–16.

Березуцкий В.Д., Килейников В.В. Новый курганный могильник с погребениями покровского типа в левобережье Среднего Дона // Археологические памятники Восточной Европы. Вып. 15 / Отв. ред. И.В. Федюнин. Воронеж: Научная книга, 2013. С. 215–228.

Блок М. Апология истории или ремесло историка. М.: Наука, 1973. 232 с.

Бочкарев В.С. Отчет о работе Кубанской экспедиции в Приморско-Ахтарском районе Краснодарского края в 1983 г. // Архив ИА РАН Р-1 № 9594.

Вейлэ К. Первобытное общество и его хозяйство. СПб.: Издание П.П. Сойкина, 1914. 116 с.

Гарбузов Г.П. Особенности распределения памятников эпохи поздней бронзы на Таманском полуострове // XV Всероссийская археологическая конференция студентов и аспирантов «Проблемы археологии Восточной Европы»: материалы конференции / Отв. ред. Е.В. Вдовченков. Ростов-на-Дону, Таганрог: Южный федеральный университет, 2020. С. 80–88.

Гей А.Н. Отчет о работе Понурского отряда Северо-Кавказской экспедиции в 1979-1980 гг. (раскопки курганов 2-14 могильника Лебеди 1) (Отчет о работе Понурского отряда в 1979-1980 гг. Часть 2. Том I) // Архив ИА РАН Р-1 № 10857.

Гей А.Н. Новотиторовская культура. М.: Старый сад, 2000. 224 с.

Гей А.Н., Мелешко Б.В., Сатеев О.И., Ульянова О.А. Отчет о работе Понурского отряда Северо-Кавказской экспедиции Института археологии АН СССР в 1987 г. // Архив ИА РАН Р-1 № 14236-14242.

Гиря Е.Ю., Цыбрий В.В., Цыбрий А.В. Опыт организации и проведения экспериментально-трассологических школ-семинаров на базе этно-археологического парка // Stratum plus. 2019. № 1. С. 297–308.

Горащук И.В., Рослякова Н.В. «Стригальные полочки» из поселений позднего бронзового века Урало-Поволжья // История. Общество. Политика. 2021. № 2 (18). С. 74–95. URL: <http://www.clio-brgu.ru>

Горбов В.Н., Мимоход Р.А. Культурные комплексы на поселениях срубной культуры Северо-Восточного Приазовья // Древности Северо-Восточного Приазовья / Научн. ред. А.Д. Пряхин. Донецк: Украинский культурологический центр, 1999. С. 24–69.

Грязнов М.П. Волго-Донская экспедиция. 1951 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 35, Оп. 1951, ед. хр. 131. КП – 3105.

Грязнов М.П. Землянки бронзового века близ хут. Ляпичева на Дону (из работ в зоне строительства Волго-Донского канала) // КСИИМК. Вып. L. / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.: АН СССР, 1953. С. 137–148.

- Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 2. И – О. М.: Русский язык, 1979. 779 с.
- Загородняя О.Н.* Орудия металлопроизводства бережновско-маевской срубной культуры (по материалам Картамышского археологического микрорайона). Дисс. ... канд. ист. наук. Киев, 2014. 363 с.
- Камоллидин Ш.С.* Металлургия и ремесленное производство у древних тюрков. I. Ташкент: Extremum press, 2016. 268 с.
- Кашуба М.Т.* Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом (культура Козия-Сахарна) // Stratum plus. 2000. № 3. С. 241–488.
- Килейников В.В.* Хозяйство населения Донской Лесостепной срубной культуры (по данным экспериментально-трасологического изучения). Дисс. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1985. 292 с.
- Килейников В.В.* Экспериментально-трасологический анализ орудий труда эпохи поздней бронзы по материалам Мосоловского поселения (Программа лабораторного практикума для студентов 3–4 курсов). Воронеж: Воронежский ун-т, 1985. 17 с.
- Килейников В.В.* Орудия труда Лукьяновского поселения эпохи поздней бронзы // Проблемы археологического изучения Доно-Волжской лесостепи / Отв. ред. А.Т. Синюк. Воронеж: ВГПИ, 1989а. С. 119–126.
- Килейников В.В.* Функциональный анализ орудий труда с поселений донской лесостепной срубной культуры // Проблемы археологии бассейна Дона / Отв. ред. А.Д. Пряхин. Воронеж: ВГПИ, 1989б. С. 117–142.
- Килейников В.В.* Обработка шкур и выделка кожи у населения эпохи бронзы в лесостепном Подонье // Археология восточноевропейской лесостепи / Отв. ред. И.Е. Сафонов. Воронеж: ВГУ, 2009. С. 96–113.
- Кокорина Ю.Г.* Археологическое знание в лингвистических описаниях: дис. ... д-ра филолог. наук. М., 2014. 397 с.
- Копосов П.[В.]* Кардованье // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XIVА (28). Карданахи – Керо / Ред. И.Г. Андреевский, Ф.Ф. Петрушевский. СПб.: Типо-Литография И.А. Ефрона, 1895. С. 484–489.
- Копьева-Колотухина Т.А.* Курган у села Черноземное в Крыму // У Понта Евксинского (памяти П.Н. Шульца) / Ред.-составит. С.Г. Колтухов и др. Симферополь: Изд-во Крымского научного центра, 2004. С. 69–78.
- Коробкова Г.Ф., Шапошникова О.Г.* Поселение Михайловка – эталонный памятник древнейшей культуры (экология, жилища, орудия труда, системы жизнеобеспечения, производственная структура). СПб.: Европейский Дом, 2005. 316 с.
- Кузьмина О.В.* Классификация абашевских и срубно-абашевских погребений лесостепного Заволжья // Древняя история Поволжья / Отв. ред. С.Г. Басин Куйбышев: КГПИ, 1979. С. 86–98.
- Куприянова Е.В.* Мелкие аксессуары головного убора женщины эпохи бронзы Южного Зауралья: методы исследования и реконструкции // Поволжская археология. 2017. № 3 (21). С. 272–279.
- Купцова Л.В., Евгеньев А.А.* Погребения эпохи бронзы II курганного могильника у с. Второе Имангулово (Оренбургское Приуралье) // Поволжская археология. 2022. № 1 (39). С. 49–60.
- Ларенок В.А., Потанов В.В.* Исследование погребений у Мокро-Чалтырского карьера // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2002 г. Вып. 19. / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Азовский музей-заповедник, 2004. С. 153–177.
- Литвиненко Р.А., Усачук А.Н.* Об одной категории костяных изделий срубной культуры // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. – V в. н.э. Материалы Международной археологической конференции. Тезисы докладов. / Отв. ред. Е.В. Яровой. Тирасполь: НИЛ «Археология» ПГКУ, 1994. С. 120–122.
- Литвиненко Р.О.* Культурне коло Бабине (за матеріалами поховальних пам'яток). Дисс. ... доктора ист. наук. К., 2009. 798 с.
- Ломкин А.В.* Охранные раскопки в Урюпинском районе // Древности Волго-Донских степей. Вып. 6 / Науч. ред. В.И. Мамонтов. Волгоград: ВГУ, 1998. С. 30–37.
- Лопатин В.А.* Бородаевские курганы (по раскопкам 1982 года на Малом Карамане) // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 7 / Отв. ред. В.А. Лопатин. Саратов: Научная книга, 2009. С. 44–97.
- Лопатин В.А.* Смеловский могильник: модель локального культурогенеза в степном Заволжье (середина II тыс. до н.э.). Саратов: Наука, 2010. 244 с.

Мерц В.К. Семиярское поселение бронзового века в контексте проблемы формирования протогородской культуры в Верхнем Прииртышье // Мир Большого Алтая. 2017. № 3 (4). С. 494–509.

Мимоход Р.А. Лолинская культура. Северо-западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века / Материалы охранных археологических исследований. Т. 16. М.: ИА РАН, 2013. 568 с.

Морозов Ю.А. Аитовское поселение эпохи бронзы в Башкирском Приуралье. Уфа: УНЦ РАН, 2017. 231 с.

Нехаев А.А. Отчет о раскопках курганов в Кореновском районе Краснодарского края в 1978 году // Архив ИА РАН Р-1 № 7329.

Панковський В.Б. Кістяна і рогова індустрія доби пізньої бронзи в Північному Причорномор'ї. Дисс. ... канд. іст. наук. К., 2012. 596 с.

Панковский В.Б. Наблюдения по структуре сырья, формо- и слепообразованию в костяной индустрии из зольника № 11 на Бельском городище // Шрамко Б.А. Шрамко И.Б., Задніков С.А. Західне укріплення: зольник № 11 (1958 р.). / Археологічний комплекс «Більське городище». Вип. 1. Харків-Котельва: ХНУ ім. В.Н. Каразіна; ІКЗ «Більськ», Майдан, 2018. С. 242–267.

Панковский В.Б., Антипина Е.Е. Новая категория в костяных индустриях эпохи поздней бронзы // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 4 / Отв. ред. В.И. Завьялов, С.В. Кузьминых. М.: ИА РАН, 2017. С. 208–244.

Післарій І.О. Про ткацтво в добу міді – бронзи та раннього заліза // Археологія. 1982. Вип. 38. С. 70–81.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Птицы в верованиях степных и лесостепных племен Евразии эпохи бронзы // Сарматы и внешний мир / УАВ. Вып. 12 / Ред. Г.Н. Гарустович и др. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. С. 43–70.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Заяц в обрядах и верованиях степных и лесостепных культур эпохи бронзы // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 13 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2017. С. 70–89.

Полторацкая В.Н. Волго-донская экспедиция 1951 г. Ляпичев хутор. Дневник раскопочных работ землянки № 6 // Научный архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1951, ед. хр. 133/2. КП – 3107.

Пряхин А.Д. Мосоловское поселение металлургов-литейщиков эпохи поздней бронзы: Книга вторая. Воронеж: Воронежский ун-тет, 1996. 176 с.

Пряхин А.Д. Становление кафедры археологического профиля в Воронежском государственном университете // Вестник ВГУ. Серия: история, политология, социология. 2012. № 2. С. 59–66.

Пряхин А.Д., Килейников В.В. Хозяйство жителей Мосоловского поселка эпохи поздней бронзы (по данным экспериментально-трасологического анализа орудий труда) // Археологические памятники эпохи поздней бронзы Восточноевропейской лесостепи / Отв. ред. А.Д. Пряхин. Воронеж: Воронежский ун-тет, 1986. С. 25–34.

Рафикова Я.В., Федоров В.К., Усачук А.Н. Коллекция изделий из кости и рога поселения Ново-Байрамгулово-1 // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 7 / Отв. ред. М.А. Турецкий. Самара: СГСПУ, 2019. С. 86–150.

Тамимдарова Р.Р. Человеческое захоронение на поселении Таналык // Материалы международной научной конференции «Кадырбаевские чтения – 2007» / Научн. ред. А.А. Бисембаев. Актобе: ПринТА, 2007. С. 76–78.

Усачук А.Н. Костяные орудия прядения срубной культуры // История и археология Слободской Украины. Тезисы докладов и сообщений Всеукраинской конференции, посвященной 90-летию XII Археологического съезда. / Гл. ред. В.К. Михеев. Харьков, 1992. С. 207–208.

Усачук А.Н. Костяной инвентарь поселения у с. Проказино // Древние культуры Подонцовья. Вып. 1 / Отв. ред. С.Н. Санжаров. Луганск: Ред.-издат. отдел облуправл. по печати, 1993. С. 135–147.

Усачук А.Н. Трасологический анализ костяных изделий срубного поселения Красный Яр на Дону // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи / Предс. А.Д. Пряхин. Воронеж: Воронежск. ун-т, 1996. С. 69–73.

Усачук А.Н. К вопросу о гребнях и орудиях прядения в материалах срубной культуры // Проблемы истории и археологии Украины. К 140-летию со дня рождения академика Дмитрия Ивановича Багалея.

Тезисы докладов научной конференции. / Отв. ред. В.И. Кадеев. Харьков: АО «Бизнес Информ», 1997. С. 21–22.

Усачук А.Н. Коллекция костяных изделий покровского времени из Подонцовья // Проблемы истории и археологии Украины / Отв. ред. В.И. Кадеев. Харьков, 1999. С. 17.

Усачук А.Н. Костяные изделия срубных поселений Доно-Донецкого региона // Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи. Материалы международной научной конференции (Воронеж, 16–18 ноября 2000 г.). Воронеж: ВГУ, 2000. С. 91–98.

Усачук А.Н. Костяное орудие гончарства эпохи бронзы с уникальным изображением // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Від неоліту до кіммерійців. Вип. 7. / Гол. ред. С.М. Санжаров. Луганськ: СНУ ім. В. Даля, 2007. С. 243–248.

Усачук А.Н. Костяные орудия поселения эпохи поздней бронзы Ляпичев хутор в Подонье (по материалам раскопок М.И. Артамонова и М.П. Грязнова) // VIII исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова / Отв. ред. И.В. Толпеко. Омск: Амфора, 2012. С. 226–235.

Усачук А.Н. Древнейшие псалии (изготовление и использование). Киев, Донецк: ИА НАНУ, 2013. 304 с.

Усачук А.Н., Бровендер Ю.М. Изделия из кости поселения поздней бронзы у с. Лиман // Древние культуры Подонцовья. Вып. 1 / Отв. ред. С.Н. Санжаров. Луганск: Ред.-издат. отдел облуправл. по печати, 1993. С. 175–186.

Усачук А.Н., Литвиненко Р.А. Орудия прядения и ткачества в памятниках срубной общности // Текстиль эпохи бронзы евразийских степей / Труды ГИМ. Вып. 109 / Отв. ред. Н.И. Шишлина. М.: ГИМ, 1999. С. 204–216.

Усачук А.Н., Литвиненко Р.А. Костяные орудия прядения и ткачества на Синташте // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Материалы международной научной конференции / Ред. В.С. Бочкарев и др Чебоксары: ЧГИГН., 2003. С. 163–166.

Усачук А.Н., Полидович Ю.Б. Уникальные изображения животных на орудиях гончарного производства эпохи поздней бронзы // Структурно-семиотические исследования в археологии. Т. 3 / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2006. С. 249–268.

Усачук А.Н., Файзуллин И.А. Костяные изделия Токского и Покровского поселений эпохи поздней бронзы в Западном Оренбуржье // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 12 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2016. С. 127–148.

Файзуллин И.А., Усачук А.Н. Коллекция изделий из кости Родникового поселения позднего бронзового века в степном Оренбуржье // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2018. № 3 (27). С. 172–186. URL: <http://www.vestospu.ru> (дата обращения: 01.06.2022)

Цимиданов В.В. Срубные погребения с гребнями и орудиями прядения // Проблемы археологии, древней и средневековой истории Украины. Тезисы докладов. / Отв. ред. В.И. Кадеев. Харьков: Бизнес Информ, 1995а. С. 39–40.

Цимиданов В.В. Гребни и орудия прядения в погребениях срубной культуры // Древности 1995. / Гл. ред. В.И. Кадеев. Харьков: Бизнес Информ, 1995б. С. 34–39.

Цимиданов В.В. Социальная структура срубного общества. Донецк: Ин-т археологии НАН Украины, 2004. 204 с.

Шарафутдинова И.Н. Курган у с. Пелагеевки // Древности Поингуля / Ред. О.Г. Шапошникова. Киев: Наукова думка, 1977. С. 79–98.

Шрамко Б.А. Шрамко І.Б., Задніков С.А. Західне укріплення: зольник № 11 (1958 р.) / Археологічний комплекс «Більське городище». Вип. 1 / Відп. ред. І.І. Корост. Харків-Котельва: ХНУ ім. В.Н. Каразіна; ІКЗ «Більськ», Майдан, 2018. 300 с.

Bätora J. Štúdie ku komunikácii medzi strednou a východnou Európou v dobe bronzovej. Bratislava, 2006. 315 s.

Breniquet C. Essai sur le tissage en Mésopotamie des premières communautés sédentaires au milieu du IIIe millénaire avant J.-C. Paris: De Boccard, 2008. 416 p.

Lipkin S. Textile-making in central Tyrrhenian Italy from the final Bronze Age to the Republican period. / BAR International, series 2369. Oxford: Archaeopress, 2012. 163 p.

Lipkin S. The Belt in Prehistoric Central Tyrrhenian Italy // Sounds Like Theory. XII Nordic Theoretical Archaeology Group Meeting in Oulu 25.-28.4.2012. Monographs of the Archaeological Society of Finland. 2. 2014. P. 35-58. Published by: The Archaeological Society of Finland. Stable URL: www.sarks.fi/masf/masf_2/SLT_03_Lipkin.pdf

Prummel W., Halici H., Verbaas A. The bone and antler tools from the Wijnaldum-Tjitsma terp // *Journal of Archaeology in the Low Countries*, 3(1/2), 2011. P. 65–106.

Vitezović S. Handle with Care: Handles, Hafts and Sleeves from Osseous Material in the Starčevo Culture // Representations, signs and symbols: proceedings of the symposium on life and daily life. / Edit.: Iosif Vasile Ferencz et al. Cluj-Napoca: Mega, 2018. P. 7–16.

Информация об авторах:

Усачук Анатолий Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Донецкий республиканский краеведческий музей (Донецк); doold@mail.ru

Горошников Андрей Алексеевич, младший научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия), Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН (Пушино, Россия); goroshnikov89@bk.ru

Мимоход Роман Алексеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия), Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН (Пушино, Россия); mimokhod@gmail.com

REFERENCES

Andreev, V. N. 1992. In Toshchev, G. N. et al. (eds.). *Drevnosti stepnogo Prichernomor'ia i Kryma (Antiquities of the Steppe Black Sea Region and Crimea)* III. Zaporozhye: Zaporozhye State University, 13–30 (in Russian).

Andreeva, O. S. 2009. In Mazhitov, N. A. (ed.). *XLI Mezhdunarodnaya Uralo-Povolzhskaya arkheologicheskaya studencheskaya konferentsiya (41st Ural-Volga Archaeological Student Conference)*. Ufa: Bashkir State University, 12–16 (in Russian).

Berezutsky, V. D., Kileinikov, V. V. 2013. In Fediunin, I. V. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Vostochnoi Evropy (Archaeological Sites of Eastern Europe)* 15. Voronezh: “Nauchnaya kniga” Publ., 215–228 (in Russian).

Blok, M. 1973. *Apologiya istorii ili remeslo istorika (The apology of history or the craft of the historian)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Bochkarev, V. S. 1983. *Otchet o rabote Kubanskoj ekspeditsii v Primorsko-Akhtarskom rayone Krasnodarskogo kraja v 1983 g. (Report on the work of the Kuban expedition in the Primorsko-Akhtarsk district of Krasnodar Krai in 1983)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, R-1, dossier 9594 (in Russian).

Veyle, K. 1914. *Pervobytnoe obshchestvo i ego khozyaystvo (Primitive society and its economy)*. Saint Petersburg: “Izдание P.P. Soikina” Publ. (in Russian).

Garbuzov, G. V. 2020. In Vdovchenkov, E. V. (ed.). *XV Vserossiiskaia arkheologicheskaia konferentsiya studentov i aspirantov “Problemy arkheologii Vostochnoy Evropy i Dal'nego Vostoka: materialy” (The 15th All-Russian Archaeological Conference of Students and Postgraduates “Issues of Archaeology of Eastern Europe and the Far East”)*. Rostov-on-Don-Taganrog: Southern Federal University, 80–88 (in Russian).

Gej, O. A. *Otchet o rabote Ponurskogo otryada Severo-Kavkazskoy ekspeditsii v 1979-1980 gg. (raskopki kurganov 2-14 mogil'nika Lebedi 1) (Otchet o rabote Ponurskogo otryada v 1979-1980 gg. Chast' 2. Tom I) (Report on the work of the Ponura team of the North Caucasian expedition in 1979-1980. (excavations of barrows 2-14 of Lebedi 1 burial ground 1) (Report on the work of the Ponura team in 1979-1980. Part 2. Vol. I))*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, R-1, dossier 10857 (in Russian).

Gej, O. A. 2000. *Novotitorovskaya kul'tura (Novotitorovka culture)*. Moscow: “Stary sad” Publ. (in Russian).

Gej, O. A., Meleshko, B. V., Sateev, O. I., Ul'yanova, O. A. 1987. *Otchet o rabote Ponurskogo otryada Severo-Kavkazskoy ekspeditsii Instituta arkheologii AN SSSR v 1987 g. (Report on the work of the Ponura team of the North Caucasian expedition of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences USSR in 1987)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, R-1, dossier 14236-14242 (in Russian).

- Giryа, E. Yu., Tsybriy, V. V., Tsybriy, A. V. 2019. In *Stratum plus*. 1, 297–308 (in Russian).
- Gorashchuk, I. V., Roslyakova, N. V. 2021. In *Istoriya. Obshchestvo. Politika (History. Society. Policy)* 18 (2), 74–95 (in Russian). URL: <http://www.clio-brgu.ru>
- Gorbov, V. N., Mimokhod, R. A. 1999. In Pryakhin, A. D. (ed.). *Drevnosti Severo-Vostochnogo Priazov'ya (Antiquities of the North-Eastern Sea of Azov region)*. Donetsk: Ukrainian Cultural Center, 24–69 (in Russian).
- Gryaznov, M. P. 1951. *Volgo-Donskaya ekspeditsiya. 1951 g. (Volga-Don expedition. 1951)*. Archive of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences. F. 35, Inv. 1951, dossier 131. КП – 3105 (in Russian).
- Gryaznov, M. P. 1953. In Udaltsov, A. D. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* 50. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 137–148 (in Russian).
- Dahl, V. I. 1979. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo iazyka (Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language)*. Vol. 2. Moscow: "Russky iazyk" Publ. (in Russian).
- Zagorodnyaya, O. N. 2014. *Orudiya metalloproduktstva berezhnovsko-maevskoy srubnoy kul'tury (po materialam Kartamyshskogo arkheologicheskogo mikrorayona) (Metal production tools of the Berezhnovka-Mayevskaya Srubnaya culture (based on the materials of the Kartamysh archaeological microdistrict))*. Diss. of Candidate of Historical Sciences. Kiev (in Russian).
- Kamoliddin, Sh. S. 2016. *Metallurgiya i remeslennoe proizvodstvo u drevnikh tyurkov (Metallurgy and craft production among the ancient Turkic people)*. 1. Tashkent: "Extremum press" Publ. (in Russian).
- Kashuba, M. T. 2000. In *Stratum plus*. 3, 241–488 (in Russian).
- Kileinikov, V. V. 1985. *Khozyaystvo naseleniya Donskoy Lesostepnoy srubnoy kul'tury (po dannym eksperimental'no-trasologicheskogo izucheniya) (The economy of the population of the Don Forest-steppe Srubnaya culture (according to experimental and trace evidence study))*. Diss. of Candidate of Historical Sciences. Voronezh (in Russian).
- Kileinikov, V. V. 1989a. In Sinyuk, A. T. (ed.). *Problemy arkheologicheskogo izucheniya Dono-Volzhskoy lesostepi (Issues of archaeological study of Don-Volga forest-steppe)*. Voronezh: Voronezh State Pedagogical Institute, 119–126 (in Russian).
- Kileinikov, V. V. 1989b. In Pryakhin, A. D. (ed.). *Problemy arkheologii basseyna Dona (Issues of Don basin archaeology)*. Voronezh: Voronezh State Pedagogical Institute, 117–142 (in Russian).
- Kileinikov, V. V. 2009. In Safonov, I. E. (ed.). *Arkheologiya Vostochnoevropейskoi lesostepi (Archaeology of the East-European Forest-Steppe Zone)*. Voronezh: Voronezh State University, 96–113 (in Russian).
- Kokorina, Yu. G. 2014. *Arkheologicheskoe znanie v lingvisticheskikh opisaniyakh (Archaeology in linguistic descriptions)*. Diss. of Doctor of Philological Sciences. Moscow (in Russian).
- Koposov, P. [V.] 1895. In Andreevskii, I. E., Petrushevskii, F. F. (eds.). *Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona (Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary)* XIV (28). Saint Petersburg: "Tіpo-Litografiya I.A. Efrona" Publ., 484–489 (in Russian).
- Kop'eva-Kolotukhina, T. A. 2004. In Koltukhov, S. G. et al. (ed.). *U Ponta Evksinskogo (pamyati P.N. Shul'tsa) (At Euxine Sea (in memory of P.N. Schultz))*. Simferopol: Crimean Scientific Center, 69–78 (in Russian).
- Korobkova, G. F., Shaposhnikova, O. G. 2005. *Poselenie Mikhaylovka – etalonnyy pamyatnik drevneyamnoy kul'tury (ekologiya, zhilishcha, orudiya truda, sistemy zhizneobespecheniya, proizvodstvennaya struktura) (Mikhaylovka settlement is a reference site of ancient Yamnaya culture (ecology, dwellings, tools, life support systems, production structure))*. Saint Petersburg: "Evropeyskiy Dom" Publ. (in Russian).
- Kuz'mina, O. V. 1979. In Basin, S. G. (ed.). *Drevniaia istoriia Povolzh'ia (Ancient History of the Volga Region)*. Kuibyshev: Kuibyshev State Pedagogical Institute, 86–98 (in Russian).
- Kupryanova, E. V. 2017. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 21 (3), 272–279 (in Russian).
- Kuptsova, L. V., Evgen'ev, A. A. 2022. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 39 (1), 49–60 (in Russian).
- Larenok, V. A., Potapov, V. V. 2004. In Kiiashko, V. Ya. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region)* 19. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve, 153–177 (in Russian).

Litvinenko, R. A., Usachuk, A. N. 1994. In Iarovoi, E. V. (ed.). *Drevneishie obshchnosti zemledel'tsev i skotovodov Severnogo Prichernomor'ia (V tys. do n.e. – V v. n.e.) (Ancient Communities of Agriculturers and Cattle Breeders of the Northern Black Sea Region (5th Millennium B.C. – 5th Century A.D.))*. Tiraspol: "Arkheologiya" Publ., 120–122 (in Russian).

Litvinenko, R. A. 2009. *Kul'turne kolo Babine (za materialami pokhoval'nikh pam'yatok) (Babino cultural circle (based on the materials of burial sites))*. Diss. of Doctor of Historical Sciences. Kiev (in Ukrainian).

Lomkin, A. V. 1998. In *Drevnosti Volgo-Donskikh stepei (Antiquities of Volga-Don Steppes)* 6. Volgograd: Volgograd State University, 30–37 (in Russian).

Lopatin, V. A. 2009. In Lopatin, V. A. (ed.). *Arkheologiya vostochno-evropeiskoi stepi (Archaeology of East-European Steppe)* 7. Saratov: "Nauchnaia kniga" Publ., 44–97 (in Russian).

Lopatin, V. A. 2010. *Smelovskiy mogil'nik: model' lokal'nogo kul'turogeneza v stepnom Zavolzh'e (seredina II tys. do n.e.) (Smelovka burial ground: model of the local cultural genesis in the steppe territory of the left bank of Volga (the middle of the 2nd millennium B. C.))*. Saratov: "Nauka" Publ. (in Russian).

Merts, V. K. 2017. In *Mir Bol'shogo Altaya (World of the Great Altai)* 4 (3), 494–509 (in Russian).

Mimokhod, R. A. 2013. *Lolinskaya kul'tura. Severo-zapadnyy Prikaspiy na rubezhe srednego i pozdnego periodov bronzovogo veka (Lola culture. The North-Western Caspian Sea at the turn of the middle and late periods of the Bronze Age)*. Series: Materialy okhrannykh arkheologicheskikh issledovaniy (Materials of protection archaeological study) 16. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Morozov, Yu. A. 2017. *Aitovskoe poselenie epokhi bronzy v Bashkirskom Priural'e (Aitovo settlement of the Bronze Age at the Bashkir Urals)*. Ufa: Ural Research Center of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Nekhaev, A. A. 1978. *Otchet o raskopkakh kurganov v Korenovskom rayone Krasnodarskogo kraia v 1978 godu (Report on the excavation of barrows in the Korenovsk district of Krasnodar Krai in 1978)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, R-1, dossier 7329 (in Russian).

Pankovsky, V. B. 2012. *Kistyana i rogova industrii dobi pizn'oï bronzi v Pivnichnomu Prichernomor'ï (Bone and antler industries of the Late Bronze Age in the Northern Black Sea region)*. Diss. of Candidate of Historical Sciences. Kiev (in Ukrainian).

Pankovsky, V. B. 2018. In Shramko, B. A., Shramko, I. B., Zadnikov, S. A. *Zakhidne ukriplennya: zol'nik № 11 (1958 r.) (Western fortification: cinder heap No. 11 (1958))*. Series: Arkheologichnyi kompleks «Bil'ske gorodishche» (Archaeological site "Belsk settlement". 1. Kharkiv; Kotelva: Kharkiv National University, 242–267 (in Russian).

Pankovsky, V. B., Antipina, E. E. 2017. In Zav'ialov, V. I., Kuz'minykh, S. V. (eds.). *Analiticheskie issledovaniia laboratorii estestvennonauchnykh metodov (Analytical Studies of the Laboratory of Natural Scientific Methods)* 4. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 208–244 (in Russian).

Pislary, I. O. 1982. In *Arkheologiya (Archaeology)* 38, 70–81 (in Ukrainian).

Podobed, V. A., Usachuk, A. N., Tsimidanov, V. V. 2012. In Garustovich, G. N. (ed.). *Sarmaty i vneshnii mir (Sarmatians and the External World)*. Series: Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald) 12. Ufa: Russian Academy of Sciences, Urals Scientific Center, Institute for History, Language, and Literature, 43–70 (in Russian).

Podobed, V. A., Usachuk, A. N., Tsimidanov, V. V. 2016. In Morgunova, N. L. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia (Archaeological Sites of Orenburg Region)* 13. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 70–89 (in Russian).

Gryaznov, M. P. 1951. *Volgo-donskaya ekspeditsiya 1951 g. Lyapichev khutor. Dnevnik raskopochnykh rabot zemlyanki № 6 (Volga-Don expedition 1951. Lyapichev khutor. Field notebook of excavation works of subterranean dwelling; No. 6)*. Archive of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences. F. 35, Inv. 1951, dossier 133/2. КП – 3107 (in Russian).

Pryakhin, A. D. 1996. *Mosolovskoe poselenie metallurgov-liteyshchikov epokhi pozdney bronzy (Mosolovskoye settlement of metallurgists-foundry workers of the Late Bronze Age)* 2. Voronezh: Voronezh State University Publ. (in Russian).

Pryakhin, A. D. 2012. In *Vestnik Voronezhskogo Gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoriia, politologiya, sociologiya» (Bulletin of the Voronezh State University. History, Political Science, Sociology Series)* (2), 59–66 (in Russian).

- Pryakhin, A. D., Kileinikov, V. V. 1986. In Pryakhin, A. D. (ed.). *Arkheologicheskie pamyatniki epokhi pozdney bronzy Vostochnoevropeyskoy lesostepi (Archaeological sites of the Late Bronze Age of the Eastern European forest-steppe)*. Voronezh: Voronezh State University, 25–34 (in Russian).
- Rafikova, Ya. V., Fedorov, V. K., Usachuk, A. N. 2019. In Turetsky, M. A. (ed.). *Voprosy arkheologii Povolzh'ia (Issues of Archaeology of the Volga Region) 7*. Samara: Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences, 86–150 (in Russian).
- Tamimdarova, R. R. 2007. In Bisembaev, A. A. (ed.). “*Kadyrbaevskie chteniia – 2007*” (“*Kadyrbaev Readings – 2007*”). Aktobe: “PrintA” Publ., 77–82 (in Russian).
- Usachuk, A. N. 1992. In Mikheev, V. K. (ed. in chief). *Istoriya i arkheologiya Slobodskoy Ukrainy (History and archaeology of Sloboda Ukraine)*. Khar'kov, 207–208 (in Russian).
- Usachuk, A. N. 1993. In Sanzharov, S. N. (ed.). *Drevnie kul'tury Podontsov'ya (Ancient cultures of the Siverskiy Donets basin) 1*. Lugansk, 135–147 (in Russian).
- Usachuk, A. N. 1996. In Pryakhin, A. D. (ed.). *Dono-Donetskiy region v sisteme drevnostey epokhi bronzy vostochnoevropeyskoy stepi i lesostepi (Don-Donets region in the system of antiquities of the Bronze Age of the Eastern European steppe and forest-steppe)*. Voronezh: Voronezh State University, 69–73 (in Russian).
- Usachuk, A. N. 1997. In Kadeev, V. I. (ed.). *Problemy istorii i arkheologii Ukrainy (Issues of History and Archaeology of Ukraine)*. Kharkiv: “Biznes Inform” Publ., 21–22 (in Russian).
- Usachuk, A. N. 1999. In Kadeev, V. I. (ed.). *Problemy istorii i arkheologii Ukrainy (Issues of History and Archaeology of Ukraine)*. Kharkiv: Kharkiv National University, 17 (in Russian).
- Usachuk, A. N. 2000. In *Srubnaya kul'turno-istoricheskaya obshchnost' v sisteme drevnostey epokhi bronzy evraziyskoy stepi i lesostepi. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Voronezh, 16–18 noyabrya 2000 g.) (Srubnaya cultural and historical community in the system of antiquities of the Bronze Age of the Eurasian steppe and forest-steppe. Materials of the International scientific conference (Voronezh, November 16-18, 2000))*. Voronezh: Voronezh State University, 91–98 (in Russian).
- Usachuk, A. N. 2007. In Sanzharov, S. M. (ed. in chief). *Materiali ta doslidzhennia z arheologii shidnoi Ukraini (Materials and Researches in the Archaeology of Eastern Ukraine) 7*. Lugansk: Volodymyr Dahl East Ukrainian National University, 243–248 (in Russian).
- Usachuk, A. N. 2012. In Tolpeko, I. V. (ed.). *VIII istoricheskie chteniia pamiati Mikhaila Petrovicha Griaznova (8th Historical Readings to the Memory of Mikhail Petrovich Gryaznov)*. Omsk: “Amfora” Publ., 226–235 (in Russian).
- Usachuk, A. N. 2013. *Drevneyshie psalii (izgotovlenie i ispol'zovanie) (The most ancient psalms (production and use))*. Kiev, Donetsk: Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine (in Russian).
- Usachuk, A. N., Brovender, Yu. M. 1993. In Sanzharov, S. N. (ed.). *Drevnie kul'tury Podontsov'ya (Ancient cultures of the Siverskiy Donets basin) 1*. Lugansk, 175–186 (in Russian).
- Usachuk, A. N., Litvinenko, R. A. 1999. In *Tekstil' epokhi bronzy Evraziiskikh stepei (Textile of the Bronze Age of Eurasian Steppes)*. Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 109. Moscow: State Historical Museum, 204–216 (in Russian).
- Usachuk, A. N., Litvinenko, R. A. 2003. In Bochkarev, V. S. et al (eds.). *Abashevskaya kul'turno-istoricheskaya obshchnost': istoki, razvitie, nasledie (The Abashevo cultural and historical communion: Genesis, Development, Heritage)*. Cheboksary: Chuvash State Research Institute for Humanities, 163–166 (in Russian).
- Usachuk, A. N., Polidovich, Yu. B. 2006. In Evglevskii, A. V. (ed.). *Strukturno-semioticheskie issledovaniia v arkheologii (Structural and Semiotic Studies in Archaeology) 2*. Donetsk: Donetsk National University, 249–268 (in Russian).
- Usachuk, A. N., Faizullin, I. A. 2016. In Morgunova, N. L. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia (Archaeological Sites of Orenburg Region) 12*. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 127–148 (in Russian).
- Faizullin, I. A., Usachuk, A. N. 2016. In *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta (Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University) 27 (3)*, 172–186. Available at: <http://www.vestospu.ru> (accessed: 01.06.2022) (in Russian).
- Tsimidanov, V. V. 1995a. In Kadeev, V. I. (ed.). *Problemy arkheologii, drevney i srednevekovoy istorii Ukrainy (Issues of archaeology, ancient and medieval history of Ukraine)*. Khar'kov: “Biznes Inform” Publ., 39–40 (in Russian).

Tsimidanov, V. V. 19956. In Kadeev, V. I. (ed. in chief). *Drevnosti 1995 (Antiquities 1995)*. Khar'kov: "Biznes Inform" Publ., 34–39 (in Russian).

Tsimidanov, V. V. 2004. *Sotsial'naiia struktura srubnogo obshchestva (Social Structure of the Srubnaya Culture Society)*. Donetsk: Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine (in Russian).

Sharafutdinova, I. N. 1977. In Shaposhnikova, O. G. (ed.). *Drevnosti Poingul'ya (Antiquities of the Inhul River basin)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 79–98 (in Russian).

Shramko, B. A., Shramko, I. B., Zadnikov, S. A. 2018. *Zakhidne ukriplennya: zol'nik № 11 (1958 r.) (Western fortification: cinder heap No. 11 (1958))*. Series: Arkheologichnyi kompleks «Bil's'ke gorodishche» (Archaeological site "Belsk hillfort") 1. Kharkiv; Kotelva: Kharkiv National University (in Russian).

Kileynikov, V. V. 1985. *Eksperimentalno-trasologicheskiiy analiz orudiy truda epohi pozdney bronzy po materialam Mosolovskogo poseleniya (Programma laboratornogo praktikuma dlya studentov 3-4 kursov) (Experimental-Traceological Analysis of Tools of the Late Bronze Age based on the Materials of the Mosolovsky Settlement (Program of Laboratory Practice for Students of 3–4 Courses))*. Voronezh: Voronezh University Publ. (in Russian).

Bätor J. 2006. *Štúdie ku komunikácii medzi strednou a východnou Európou v dobe bronzovej*. Bratislava.

Breniquet, C. 2008. *Essai sur le tissage en Mésopotamie des premières communautés sédentaires au milieu du IIIe millénaire avant J.-C.* Paris: De Boccard.

Lipkin, S. 2012. *Textile-making in central Tyrrhenian Italy from the final Bronze Age to the Republican period*. In BAR International, series 2369. Oxford: Archaeopress.

Lipkin, S. 2014. The Belt in Prehistoric Central Tyrrhenian Italy In *Sounds Like Theory. XII Nordic Theoretical Archaeology Group Meeting in Oulu 25.-28.4.2012*. Monographs of the Archaeological Society of Finland. 2. P. 35-58. Published by: The Archaeological Society of Finland. Stable URL: www.sarks.fi/masf/masf_2/SLT_03_Lipkin.pdf

Prummel, W., Halici, H., Verbaas, A. 2011. In *Journal of Archaeology in the Low Countries*, 3(1/2), 65–106.

Vitezović, S. 2018. In Iosif Vasile Ferencz et al. (ed.). *Representations, signs and symbols: proceedings of the symposium on life and daily life*. Cluj-Napoca: Mega, 7–16.

About the Authors:

Usachuk Anatoliy N. Candidate of Historical Sciences, Donetsk Regional Museum of Local Lore Chelyuskintsev 189-a, Donetsk, 283048; doold@mail.ru

Goroshnikov Andrei A. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ul'yanov St., 19, Moscow, 117292, Russian Federation; Institute of Physical-Chemical and Biological Problems of Soil Science of the Russian Academy of Sciences. Institutskaya St., 2, Pushchino, 142290, Moscow Oblast, Russian Federation; goroshnikov89@bk.ru

Mimokhod Roman A. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ul'yanov St., 19, Moscow, 117292, Russian Federation; Institute of Physical-Chemical and Biological Problems of Soil Science of the Russian Academy of Sciences. Institutskaya St., 2, Pushchino, 142290, Moscow Oblast, Russian Federation; mimokhod@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.02.2023 г.
Статья принята к публикации 01.04.2023 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.2.64.71>

МАТЕРИАЛЫ ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА КУЗЬКИНСКОЙ VII СТОЯНКИ

© 2023 г. А.В. Шипилов

Кузькинская VII стоянка расположена в Алексеевском районе Республики Татарстан, в 5,5 км к юго-западу от бывшего села Кузькино и в 10,5 км к югу от с. Шуран Рыбно-Слободского района РТ. В результате проведённых археологических изысканий на памятнике был получен богатый и выразительный массив археологических источников, имеющий принадлежность к эпохе палеометалла. В данном массиве артефактов присутствует несколько культурно-хронологических групп находок, которые характеризуют несколько этапов функционирования рассматриваемой стоянки. Наиболее ранний этап функционирования стоянки связан со срубной КИО. В коллекции присутствуют комплексы, имеющие принадлежность к луговской, а также маклашеевской культурам. Позднейшая история Кузькинской VII стоянки связана с ананьинской культурно-исторической областью.

Ключевые слова: археология, Нижняя Кама, эпоха бронзы, ранний железный век, срубная культура, луговская культура, маклашеевская культура, ананьинская КИО, керамика.

PALEOMETAL EPOCH MATERIALS FROM THE KUZKINO VII SITE

A.V. Shipilov

Kuzkino VII site is located in Alekseyevskoye district of Tatarstan, 5,5 km south-west from the former village of Kuzkino and 10,5 km south from the village of Shuran in the Rybnaya Sloboda district of Tatarstan. As a result of archaeological studies at the site there was received a rich and expressive number of archaeological sources belonging to the paleometal era. This set of artifacts contains several cultural and chronological groups of finds which characterize several stages of functioning of the site. The earliest stage of the site functioning is related to the Srubnaya cultural-historical unity. In the collection there are assemblages belonging to the Lugovoy and the Maklasheyevka cultures. The later history of Kuzkino VII site is connected with the Ananyino cultural and historical area.

Keywords: archaeology, Lower Kama River, Bronze Age, Early Iron Age, Srubnaya culture, Lugovoy culture, Maklasheyevka culture, Ananyino cultural-historical area, ceramics.

Стоянка расположена в Алексеевском районе Республики Татарстан, в 5,5 км к юго-западу от бывшего села Кузькино и в 10,5 км к югу от с. Шуран Рыбно-Слободского района РТ. До повышения уровня Куйбышевского водохранилища она размещалась на второй надпойменной террасе левого берега р. Камы (рис. 1).

Памятник был открыт в 1965 году П.Н. Старостиным (рис. 2), который на площади 12 000 кв. м рассматриваемого поселения собрал значительную коллекцию артефактов. В дальнейшем на памятнике проводились археологические изыскания, в результате которых на памятнике был получен богатый и выразительный массив археологических источников, имеющий принадлежность к

эпохе палеометалла. В данном массиве артефактов присутствует несколько культурно-хронологических групп находок, которые характеризуют несколько этапов функционирования рассматриваемой стоянки.

Наиболее ранний этап функционирования Кузькинской VII стоянки относится к срубной КИО. Керамика срубной КИО Кузькинской VII стоянки (рис. 3) имеет небрежно заглаженную, неровную поверхность. В качестве основной примеси к глиняному тесту использовался шамот. Судя по профилировке венчиков сосудов, обладали банковидной формой. По всей внешней поверхности сосуды орнаментированы. В качестве орнаментов применялись крупнозубчатый и среднезубчатый средней длины гребенчатые штампы.

Рис. 1. Кузькинская VII стоянка: местонахождение на карте Республики Татарстан.

Fig. 1. Kuzkino VII site: location in the Republic of Tatarstan.

В наборе орнаментальных мотивов присутствует мотив ёлки (рис. 3: 1), заштрихованного треугольника (рис. 3: 3).

Подобная керамика широко известна на памятниках срубной КИО Нижнего Прикамья и Среднего Поволжья. Так, сходство по орнаментации и профилировке сосудов прослеживается с материалами Игимской стоянки (Шипилов, 2017, рис. 4: 4; 5: 4), а также могильника Такталачук (Казаков, 1978, рис. 15:4; 23:3).

В настоящее время керамику срубной КИО рассматриваемого памятника следует помещать в хронологические рамки XIX–XV вв. до н. э. (Купцова, Лыганов, 2021, с. 379).

Вторая культурно-хронологическая группа находок эпохи поздней бронзы представлена керамикой луговской культуры (рис. 4–7). В коллекции присутствует 137 фрагментов от 50 сосудов.

Луговской комплекс (рис. 4–7) характеризуется керамикой с хорошо заглаженной поверхностью. Основными примесями в

тесте были раковина и органика. Абсолютно преобладают горшковидные сосуды, баночные единичны. Значительная часть сосудов луговской культуры орнаментирована отти-

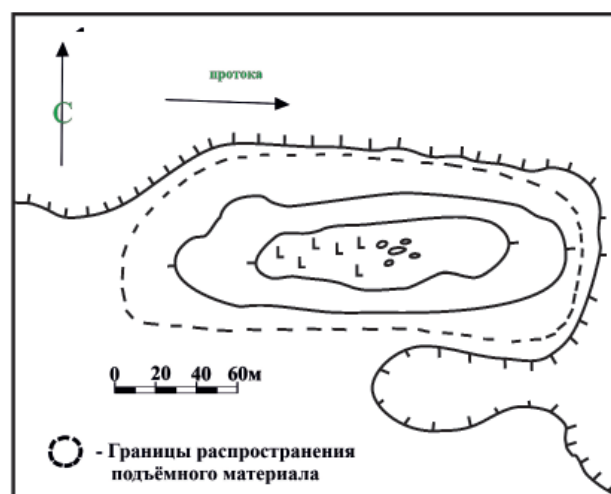

Рис. 2. Кузькинская VII стоянка: топографический план памятника (по П.Н. Старостину).

Fig. 2. Kuzkino VII site: topographic plan of the site (by P.N. Starostin).

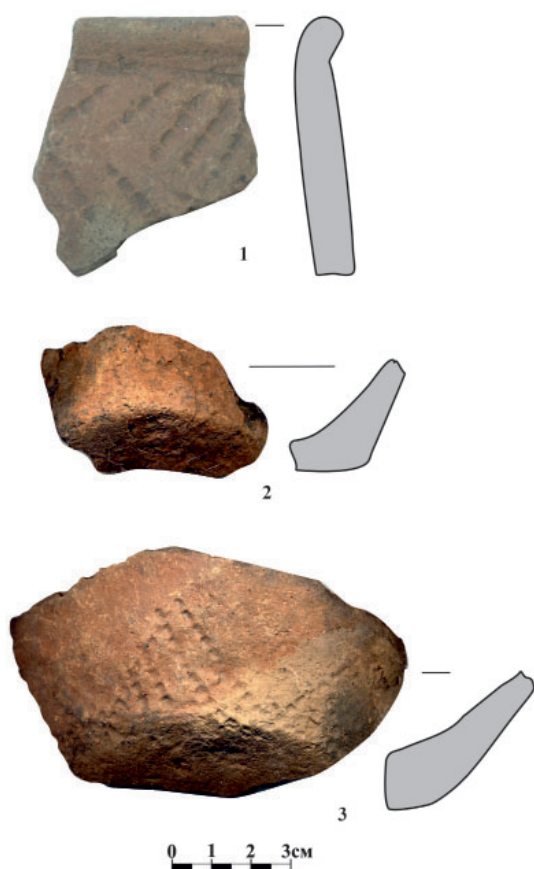

Рис. 3. Кузькинская VII стоянка: керамика срубной КИО.

Fig. 3. Kuz'kino VII site: ceramics of the Srubnaya cultural-historical unity .

сками сплошного штампа, реже гладкого, кроме того, используются в орнаментации узкие каннелюры. Композиция орнамента представлена простыми композициями, такими как горизонтальный (рис. 4: 1, 3, 4) и вертикальный зигзаг (рис. 4: 8), наклонные и горизонтальные линии (рис. 4: 1–3, 5: 2, 4–6, 8; 6: 1, 2, 6–8). В оформлении посуды присутствуют зоны, состоящие из оттисков гладкого штампов, расположенных под наклоном (рис. 4: 1, 5, 6, 7; 5: 3, 7, 8; 6: 3, 4, 6, 7; 7: 2–5). Среди единичных орнаментальных мотивов присутствуют: заштрихованный треугольник (рис. 5: 2, 4), заштрихованный ромб (рис. 5: 5, 6, 6: 7), косой крест (рис. 4: 2; 5: 4), косая сетка (рис. 6: 1, 4; 7: 6), горизонтальный зигзаг с бахромкой (рис. 5: 7). К категории редкой отнесена керамика, орнаментированная под срезом венчика и по шейке подтреугольными наколами (рис. 7: 1). В массиве фрагментов сосудов луговской культуры присутствуют венчики и без орнаментации.

В комплексе луговской керамики присутствуют также фрагменты посуды с наклепными валиками, которые следует связать с поздним этапом луговской культуры (рис. 7: 4–6). Данный факт позволяет сделать вывод о том, что стоянка функционировала на всём протяжении бытования луговской культуры в рассматриваемом регионе.

Наиболее близкие параллели луговской керамике Кузькинской VII стоянки обнаруживаются в материалах нижнекамских памятников: Рысовского III селища (Чижевский, Лыганов, Шипилов, 2014, рис. 8: 1), Берёзовогривско-Алексеевского III поселения (Шипилов, 2022, рис. 7; 4: 4, 5), эпонимных Луговской I и II (Збруева, 1960, рис. 4–6; 9), Уразаевской I, II (Старостин, Багаутдинов, 1981, рис. 8: 5–7; 11–13) стоянок, а также других поселенческих памятников луговской культуры, выявленных в Нижнем Прикамье.

В хронологическом отношении, принимая во внимание имеющиеся радиоуглеродные датировки, комплекс луговской культуры Кузькинской VII стоянки датируется в пределах XVII–XV вв. до н. э. (Лыганов, 2021, с. 545, 547). Весьма вероятно, что финал позднелуговского типа керамики приходится на XIV в до н. э., так как начиная XIV в. до н. э. в Нижнем Прикамье позднелуговские памятники сменяются поселениями и могильниками атабаевского этапа маклашеевской культуры (Лыганов, 2021, с. 547).

Весьма вероятно, именно такую ситуацию отражают материалы Кузькинской VII стоянки, на которой также были обнаружены фрагменты посуды атабаевского этапа маклашеевской культуры. Этот комплекс состоит из керамики, который имеет принадлежность к 10 сосудам (рис. 8).

Керамика атабаевского этапа маклашеевской культуры, обнаруженная на Кузькинской VII стоянке, характеризуется преобладанием горшковидной формой сосудов. Венчики сосудов преимущественно оформлены в виде воротничка. В составе формовочной массы присутствует примесь песка и шамота. По всей внешней поверхности сосудов присутствует орнаментация. Среди орнаментальных мотивов присутствуют вертикальный зигзаг (рис. 8: 4, 6, 8, 10), косой крест (рис. 8: 1), косая решётка (рис. 8: 6, 7, 10), пояса из оттисков расположенного под наклоном клиновидного гладкого штампа (рис. 8: 1, 8,

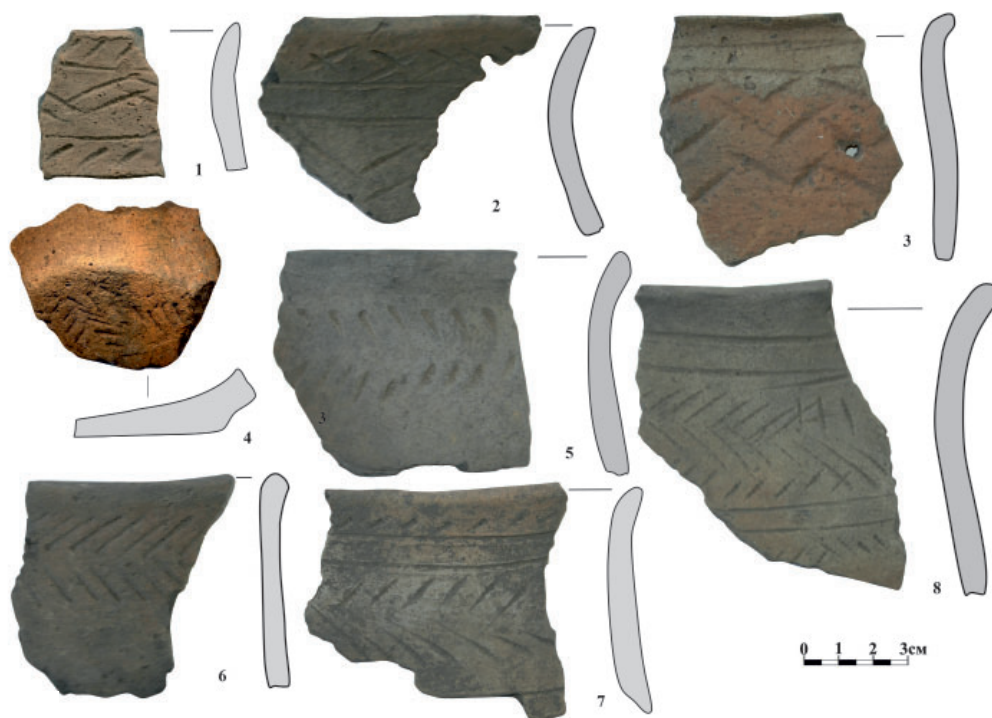

Рис. 4. Кузькинская VII стоянка: керамика луговской культуры.
 Fig. 4. Kuzkino VII site: ceramics of the Lugovoy culture.

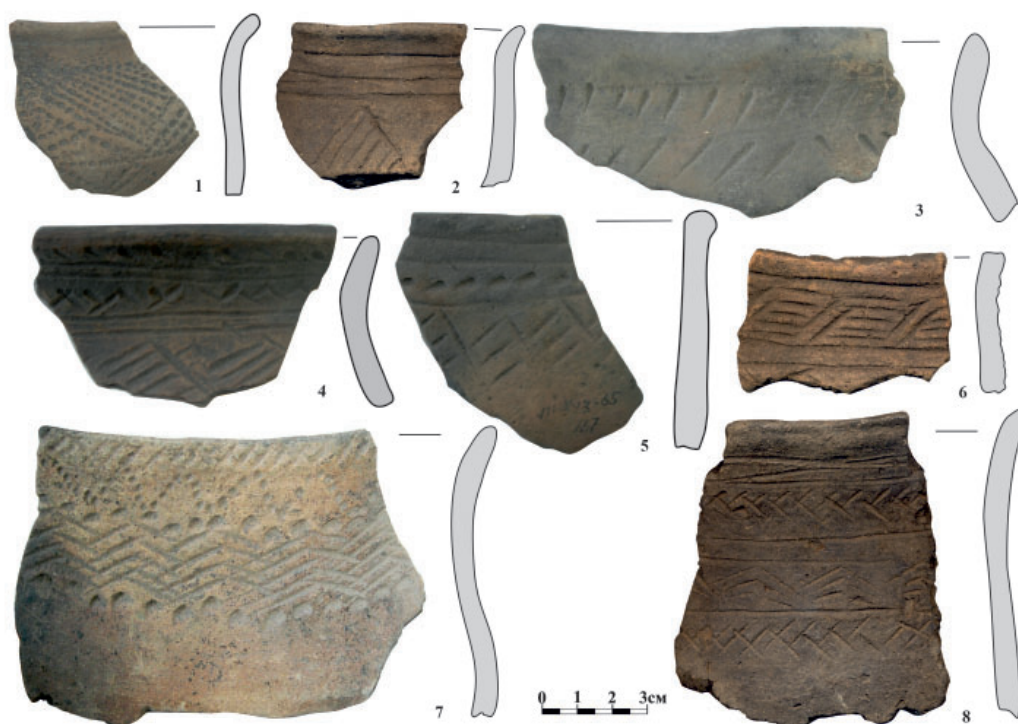

Рис. 5. Кузькинская VII стоянка: керамика луговской культуры.
 Fig. 5. Kuzkino VII site: ceramics of the Lugovoy culture.

9). Аналогии данной керамике прослеживаются широко. Так, подобная керамика была встречена при исследовании Каентубинской островной (Чижевский, Шипилов, Капленко, 2015, рис. 5: 8, 11, 12, 16; 6: 3, 4), Курмана-

ковской IV, Луговской II стоянок (Чижевский, Лыганов, Кузьминых, 2021, рис. 3: 23; 4:12).

Помимо фрагментов посуды к атабаевскому этапу маклашевской культуры следует отнести два глиняных пряслица (рис. 8: 2, 3). На

Рис. 6. Кузькинская VII стоянка: керамика луговской культуры.

Fig. 6. Kuzkino VII site: ceramics of the Lugovoy culture.

одном из них по всей внешней поверхности присутствует орнаментация в виде ногтевидных насечек (рис. 8: 2). Основанием для отнесения к атабаевскому этапу маклашеевской культуры послужило присутствие аналогичного изделия в комплексе атабаевского этапа

маклашеевской культуры на Курманаковской IV стоянке (Лыганов, 2019, рис. 7: 12).

В хронологическом отношении керамический комплекс атабаевского этапа маклашеевской культуры, полученный при изысканиях на Кузькинской VII стоянке, с учетом известных датировок, вероятно, датируется в пределах XIV–XIII–XII вв. до н. э. (Чижевский, Лыганов, Кузьминых, 2021, с. 629).

В финале эпохи бронзы площадка стоянки эксплуатировалась, вероятно, носителями керамики маклашеевского этапа маклашеевской культуры. К этому времени следует отнести фрагмент круглодонного сосуда (рис. 9: 1), сочетающего черты, присущие как атабаевскому этапу в виде воротничкового оформления венчика, так и более поздние, характерные для маклашеевского этапа маклашеевской культуры. К таковым особенностям следует отнести характер орнаментации сосуда, находящий сходство в керамических комплексах Нижнего Прикамья, имеющих принадлежность к маклашеевскому этапу маклашеевской культуры.

Весьма вероятно, что в хронологическом отношении данный сосуд следует помещать в пределы XII/XI – 1-й половины IX вв. до н. э. (Чижевский, Лыганов, Кузьминых, 2021, с. 631).

Заключительный этап функционирования стоянки относится к эпохе раннего железного века. Этот период представлен одним сосудом (рис. 9: 2), имеющим принадлежность к постмаклашеевской культуре ананьинской куль-

Рис. 7. Кузькинская VII стоянка: керамика луговской культуры.

Fig. 7. Kuzkino VII site: ceramics of the Lugovoy culture.

Рис. 8 Кузькинская VII стоянка: керамика атабаевского этапа маклашеевской культуры.
Fig. 8 Kuzkino VII site: ceramics of the Atabayev stage of the Maklashevka culture.

турно-исторической области. Данный сосуд обладает горошковидной профилировкой с примесью раковины в формовочной массе. На внешней его стороне присутствует орнаментация. Основным элементом орнамента была ямка (рис. 9: 2). Ямки располагались на шейке сосуда в один ряд. Аналогии рассматриваемому сосуду постмаклашеевской культуры прослеживаются в материалах постмаклашеевской культуры АКИО Гремячий ключ, а также Маклашеевского II городища (Чижевский, Волкова, 2021, рис. 4: 3, 19).

Вероятнее всего, обнаруженный на Кузькинской VII стоянке сосуд постмаклашеевской культуры АКИО отражает заключительный

этап существования памятника, хронологические рамки которого следует помещать в пределы существования постмаклашеевской культуры, то есть в пределы IX–VIII – IV–III вв. до н. э. (Чижевский, Волкова, 2021, с. 180–183).

При проведении изысканий на Кузькинской VII стоянке был получен небольшой массив каменных изделий, имеющих принадлежность к эпохе палеометалла (рис. 10). Он состоит из кремнёвого скребка эллипсовидной формы, изготовленного из опочного белого кремня плохого качества (рис. 10: 2). Длина орудия составила 4 см при ширине 3,3 см. Лезвие скребка оформлено краевой отжим-

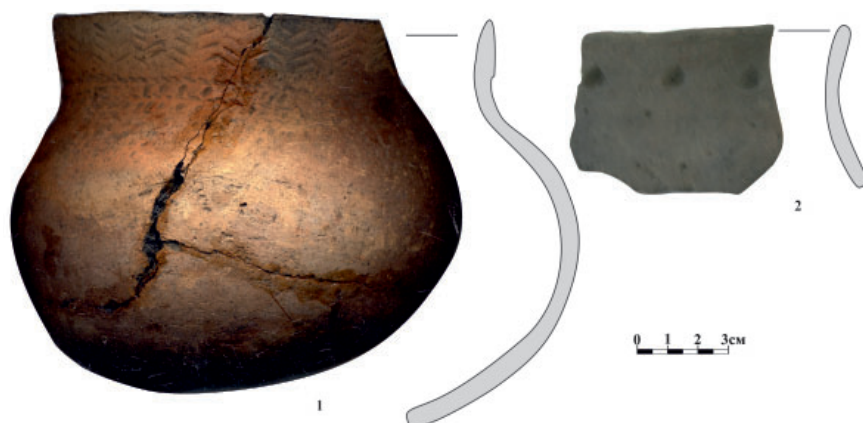

Рис. 9 Кузькинская VII стоянка:
 1 – керамика маклашеевского этапа маклашеевской культуры;
 2 – керамика постмаклашеевской культуры ананьинской КИО.
Fig. 9 Kuzkino VII site: 1 – ceramics of the Maklashevka stage of the Maklashevka culture; 2 – ceramics of the post-Maklashevka culture of the Ananyino SNA.

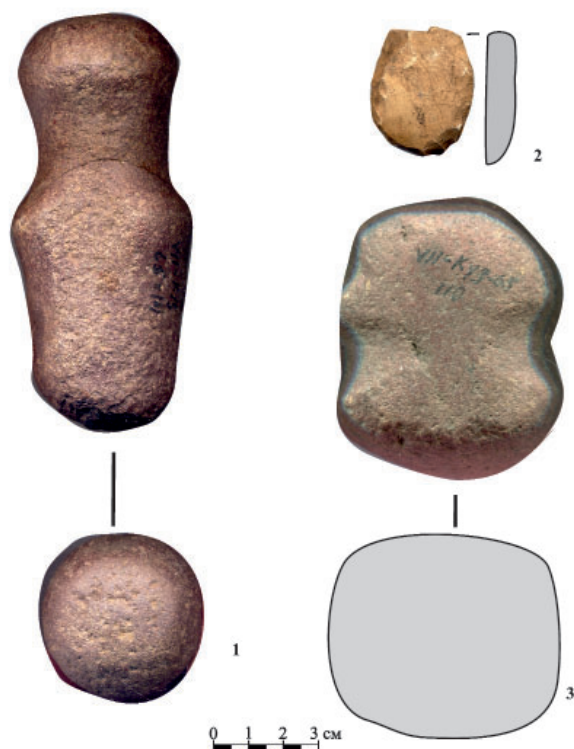

Рис. 10 Кузькинская VII стоянка: каменный инвентарь.
Fig. 10 Kuz'kino VII site: stone inventory.

ной ретушью. Помимо скребка в коллекции присутствует грузило, вероятно, для рыболовной сети. Оно изготовлено из гальки подпрямоугольной формы. Вероятно, для крепления изделие снабжено двумя боковыми выемками. Длина находки составила 9 см, а ширина не превышала 7 см. Наибольший интерес вызы-

вает каменный пест (рис. 10: 1). Длина данного орудия составила 13,5 см при максимальной ширине 6 см. По всей поверхности орудие тщательно отшлифовано. По своим формально-типологическим признакам данное орудие следует связать с носителями маклашеевской культуры на атабаевском этапе развития.

Таким образом, в коллекции Кузькинской VII стоянки удалось выделить археологические источники, соотносимые с разными этапами существования памятника.

Наиболее ранний этап функционирования Кузькинской VII стоянки связан с носителями срубных культурных традиций. Более интенсивно площадка поселения эксплуатировалась в эпоху представителями луговской культуры, а также носителями керамики атабаевского этапа маклашеевской культуры.

В финале эпохи поздней бронзы, а также в раннем железном веке интенсивность жизни на месте расположения стоянки падает, что выразилось в находках незначительного количества керамики постмаклашеевской культуры ананьинской КИО, которая собственно и отражает заключительный этап существования памятника.

Рассмотрение такого многослойного и многокомплексного археологического памятника, как Кузькинская VII стоянка, даёт возможность типологизации вещевого комплекса, определения преемственности отдельных культур, их связей и контактов в пределах Волго-Камского региона.

ЛИТЕРАТУРА

- Збруева А.В. Памятники эпохи поздней бронзы в Приказанском Поволжье и Нижнем Прикамье // МИА. № 80. М.: Наука, 1960. С. 10–95.
- Казаков Е.П. Погребения эпохи бронзы могильника Такталачук // Древности Иско-Бельского междуречья / Отв. ред. О.Н. Бадер, Казань: КФАН СССР, 1978. С. 67–108.
- Купцова Л.В., Лыганов А.В. Срубная культурно-историческая общность между Волгой и Уралом // Энеолит и бронзовый век / Археология Волго-Уралья. Т. 2 / Под общ ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 368–394.
- Лыганов А.В. Курманаковская IV стоянка финала энеолита и позднего бронзового века в нижнем течении р. Мёша (предварительные результаты исследования) // Поволжская археология. 2019. № 3 (29). С. 34–50.
- Лыганов А.В. Андронидные культуры Волго-Камья (луговская и сусканская культура) // Энеолит и бронзовый век / Археология Волго-Уралья. Т. 2 / Под общ ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 522–547.
- Старостин П.Н., Багаутдинов Р.Н. Иманлейская и Уразаевские стоянки эпохи бронзы // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1981. С. 25–40.

Чижевский А.А., Волкова Е.В. Ананьинская культурно-историческая область. Постмаклашевская культура. Памятники белогорского типа // Ранний железный век / Археология Волго-Уралья. Т. 3 / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 162–185.

Чижевский А.А., Лыганов А.В., Шипилов А.В. Рысовский археологический комплекс // Актуальные вопросы российской археологии. Вып. 1 / Ред. В.А. Шаталов. Казань: ЦИАИ, 2014. С. 23–53.

Шипилов А.В. Материалы эпох поздней бронзы и раннего железа Игимской стоянки (Нижнее Прикамье) // Археология Евразийских степей. 2017. № 3. С. 111–118.

Чижевский А.А., Шипилов А.В., Капленко Н.М. Каентубинская островная стоянка неолита – позднего периода эпохи бронзы (по итогам исследований в 2005 г.) // Тверской археологический сборник. Вып. 10. Т. 1 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ, 2015. С. 184–194.

Шипилов А.В. Характеристика комплексов эпохи неолита, палеометалла и раннего железного века Берёзово-Григорьевско-Алексеевского III поселения // Археология Евразийских степей. 2022. № 1. С. 60–74.

Информация об авторе:

Шипилов Антон Валентинович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан (г. Казань, Россия); Shipilov_anton@mail.ru

REFERENCES

Zbrueva, A. V. 1960. In *Materialy i issledovaniia po arkhologii (Materials and Studies in the Archaeology)* 80. Moscow: "Nauka" Publ., 10–95 (in Russian).

Kazakov, E. P. 1978. In Bader, O. N. (ed.). *Drevnosti Iksko-Bel'skogo mezhdurech'ia (Antiquities of the Iks and Belaya Interfluves Area)*. Kazan: Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 67–108 (in Russian).

Kuptsova, L. V., Lyganov, A. V. 2021 In Sitdikov, A. G., Chizhevsky, A. A. (eds.). 2021. *Eneolit i bronzovyi vek (Eneolithic and Bronze Age)*. Series: Arkheologiya Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 2. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 368–394 (in Russian).

Lyganov, A. V. 2019. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 29 (3), 34–50 (in Russian).

Lyganov, A. V. 2021 In Sitdikov, A. G., Chizhevsky, A. A. (eds.). 2021. *Eneolit i bronzovyi vek (Eneolithic and Bronze Age)*. Series: Arkheologiya Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 2. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 522–547 (in Russian).

Starostin, P. N., Bagautdinov, R. N. 1981. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Ob istoricheskikh pamiatnikakh po dolinam Kamy i Beloi (On the Historical Sites in Kama and Belaya River Valleys)*. Kazan: Kazan Branch of the Academy of Sciences of the USSR, Language, Literature and History Institute, 25–40 (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Volkova, E. V. 2021. In Sitdikov, A. G., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Rannii zheleznyi vek (Early Iron Age)*. Series: Arkheologiya Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 3. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 162–185 (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Lyganov, A. V., Shipilov, A. V. 2014. In Shatalov, V. A. (ed.). *Aktual'nye voprosy rossiiskoi arkhologii (Current Issues of the Russian Archaeology)* 1. Kazan: Centre of Historical and Archaeological Researches, 23–53 (in Russian).

Shipilov, A. V. 2017. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 3, 111–118 (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Shipilov, A. V., Kaplenko, N. M. 2015. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Volume of Papers)* 10. Tver: Tver State United Museum, 184–194 (in Russian).

Shipilov, A. V. 2022. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1, 60–74 (in Russian).

About the Author:

Shipilov Anton V. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; Shipilov_anton@mail.ru

Древности бронзового и раннего железного веков лесной и лесостепной полосы Восточной Европы

УДК 903.1 903.02 903.23

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.2.72.85>

ВОСТОЧНЫЙ КОМПОНЕНТ В МАТЕРИАЛАХ ЭПОХИ БРОНЗЫ - РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА СРЕДНЕЙ И НИЖНЕЙ СУХОНЫ

© 2023 г. М.В. Иванищева

Относительная хронология событий в эпоху бронзы на севере лесной полосы была намечена С.В. Ошибкиной, выделившей позднекаргопольскую культуру в Восточном Прионежье и бассейне Сухоны сер. II – сер. I тыс. до н.э., сложившуюся на местной неолитической основе при участии небольших групп южного населения. Исследования последних 30 лет позволяют выделить значительный восточный / юго-восточный компоненты в культурогенезе древнего населения средней и нижней Сухоны, что связано с характером гидрологической сети данного региона. Юго-восточный компонент связан с распространением на территорию Посухонья средневожжской чирковской культуры в среднебронзовом веке и распространением / формированием(?) гончарной традиции, близкой лебязжской культуре Северного Приуралья в поздний период эпохи бронзы. В раннем железном веке распространение на всем протяжении реки керамики ананьинского облика со шнуровой и гребенчато-шнуровой орнаментацией позволяет включать Посухонье в ареал ананьинской культурно-исторической области. Данная статья представляет материалы эпохи бронзы и раннего железного века, происходящие из исследованных автором памятников средней и нижней Сухоны. Впервые в научный оборот вводятся материалы поселения Мотыри-1 (Лошечная) с комплексом керамики, близкой посуде лебязжской культуры. В лебязжской культуре исследователи видят основу для сложения северных ананьинцев. Описание материалов сопровождается картографированием объектов с керамикой чирковского, лебязжского и ананьинского облика.

Ключевые слова: археология, Вологодская область, эпоха бронзы, ранний железный век, р. Сухона, керамика.

EAST COMPONENT IN THE BRONZE AGE AND EARLY IRON AGE MATERIALS OF THE MIDDLE AND LOWER SUKHONA

M.V. Ivanishcheva

The relative chronology of events in the Bronze Age in the north of the forest belt was outlined by S.V. Oshibkina, who identified the Late Kargopol culture in the Eastern Onega and the Sukhona basins of the middle of the II millennium BC – the middle of the I millennium BC, formed on a local Neolithic basis with the participation of small groups of the southern population. Studies of the last 30 years allow author to identify significant eastern / south-eastern components in the cultural genesis of the ancient population of the Middle and Lower Sukhona, which is associated with the nature of the hydrological network of this region. The southeastern component is associated with the spread of the Middle Volga Chirki archaeological culture into the Sukhona basin in the Middle Bronze Age and the spread / formation (?) pottery tradition, close to the Lebyazhskaya archaeological culture of the Northern Urals in the Late Bronze Age. In the Early Iron Age the spread of the Ananyino appearance ceramics with corded and comb-corded ornamentation throughout the river includes the Sukhona basin in the Ananyino cultural and historical area. This paper presents materials of the Bronze Age and the Early Iron Age from the sites of the Middle and Lower Sukhona studied by the author. For the first time, materials of the Motyri-1 settlement (Loshechnaya) with a ceramic assemblage close to the Lebyazhskaya culture are put into the scientific circulation. Scientists see the basis for the formation of the northern Ananyino population in the Lebyazhskaya culture. The description of materials is accompanied by mapping of objects with ceramics of the Chirki, Lebyazhskoye and Ananyino appearance.

Keywords: archaeology, Vologda Region, Bronze Age, Early Iron Age, Sukhona River, ceramics.

Впервые обобщение материалов эпохи бронзы и раннего железного века Посухонья было представлено С.В. Ошибкиной, объединившей в позднекаргопольскую культуру памятники с сетчатой, штрихованной и гладкостенной керамикой Восточного Прионежья и бассейна Сухоны, определив хронологию этих древностей серединой II – серединой I тыс. до н. э. (Ошибкина, 1987, с. 147–151). В последние годы проблемам культурогенеза и этнокультурной ситуации в эпоху бронзы – раннем железном веке в Прибеломорье посвящен ряд статей А.М. Жульникова. В поисках источников «восточных» влияний на аборигенное население Юго-Западного Прибеломорья исследователем выделены комплексы с керамикой чирковской АК Среднего Поволжья и лебяжской АК европейского Северо-Востока на территории водосборного бассейна Белого моря, включающего и бассейн Сухоны (Жульников, 2021; 2022).

Данная статья представляет материалы эпохи бронзы и раннего железного века с исследованных автором памятников средней и нижней Сухоны. Впервые в научный оборот вводятся материалы поселения Мотыри-1 (Лошечная) с комплексом керамики, близкой лебяжской АК, в которой исследователи видят основу для сложения северных ананьинцев. Описание материалов сопровождается картографированием объектов с керамикой чирковского, лебяжского и ананьинского облика на отрезке протяженностью 380 км, включающем часть верхнего, среднее и часть нижнего течения реки в границах Междуреченского, Тотемского, Нюксенского районов Вологодской области, открытых автором либо известных по коллекциям из фондов Тотемского краеведческого музея.

Река Сухона истекает из Кубенского озера, имеет протяженность 558 км и, сливаясь с р. Юг, образует Малую Северную Двину, которая после впадения р. Вычегды становится Северной Двиной. Административно Сухона находится в восточной части Вологодской области. На отрезке русла реки Сухоны от устья р. Решетовской (правый приток) до устья р. Ягрыш (левый приток) в границах Междуреченского, Тотемского и Нюксенского районов учтено около 50 памятников с сетчатой, штрихованной и гладкостенной керамикой, выявление которых в различные годы проводили Н.А. Черницын, Е.И. Праведников

(1920–1930 гг.), М.Я. Рудинский (1938 г.), Н.В. Гуслистов, С.В. Ошибкина (1970-е гг.), И.Ф. Никитинский (1980-е гг.), М.В. Иванищева (1990-е гг.). Раскопками исследовались Осиновская 1, 2 (Ошибкина С.В.), Мотыри-1 (Лошечная) на средней Сухоне; поселение Потеряха-1, Березовая Слободка II–III (Иванищева М.В.).

Наиболее представительные коллекции материалов эпохи бронзы – раннего железного века происходят с многослойного поселения Березовая Слободка II–III (финальный палеолит – ранний железный век), исследованного нами в 1995–2014 гг. на площади более 500 кв. м на нижней Сухоне при устье р. Уфтюги – крупного левобережного притока р. Сухоны в Нюксенском районе (рис. 1: 17).

К среднему этапу эпохи бронзы здесь относится комплекс чирковской археологической культуры, представленный не менее чем 15 сосудами, выделенными типологически на двух компактных участках поселения под названием «фатьяноидных» согласно первому историографическому определению такой посуды. Ранний этап этого комплекса представлен профилированным с высокой шейкой сосудом, изготовленным из теста с примесью песка и шамота, с характерным для чирковского гончарства геометризмом в орнаментации мелкозубчатым штампом (рис. 2: 1). Более поздний комплекс этой группы керамики представлен серией сосудов с профилированной верхней частью, высоким горлом, резко переходящим в одутловатое тулово. В тесте сосудов примесь органики, органики и шамота, дресвы и песка. Элементы орнамента включают мелкозубчатый гребенчатый штамп, насечки, оттиски веревочки и гладкого штампа. Характерно использование сложных геометрических мотивов – многорядных зигзагов, заштрихованных треугольников и ромбов, пересекающихся линий, образующих косую решетку (Иванищева Е., 1999). С комплексом чирковской керамики на поселении связан бронзовый нож-кинжал из разряда сейминско-турбинского вооружения (разряд НК-2 или НК-8 (Кузьминых, 2011, с. 244)) и серия кремнёвых треугольно-черешковых наконечников стрел различных модификаций (рис. 2: 2, 4). Скорее всего, с этим комплексом связана глиняная миниатюрная модель сверленого топора, поднятая в прибрежной части памятника (рис. 2: 3). Отметим, что близость

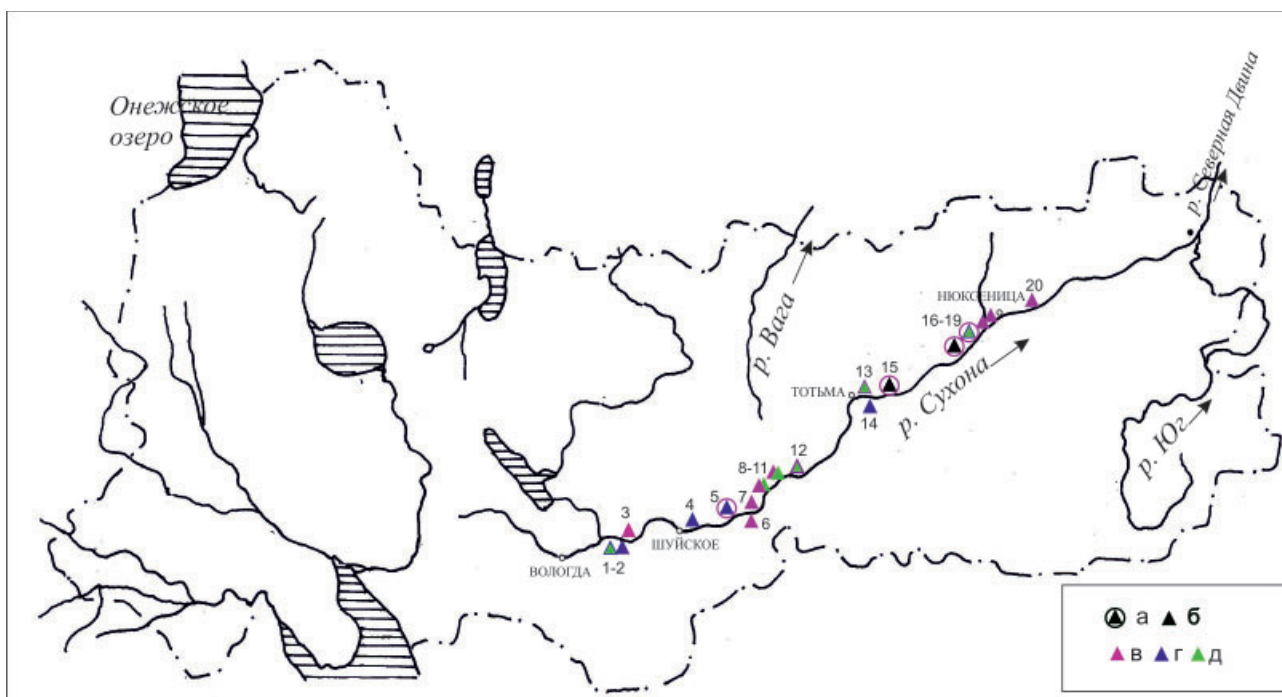

Рис. 1. Карта расположения памятников в Посухонье с материалами эпохи бронзы-раннего железного века: а – исследованных раскопками; б – известных по сборам подъемного материала; с типами керамики: в – чирковская; г – лебяжская и гибридная с сетчатой; д – ананьинская.

Номера на карте соответствуют перечню памятников в Таблице 1.

Fig. 1. Location of sites in the Sukhona basin with materials of the Bronze Age – Early Iron Age: а – studied by excavations; б – known from collecting of surface finds; with types of ceramics: в – Chirki; г – Lebyazhskoye and hybrid with textile; д – Ananyino.

The numbers on the map correspond to the list of sites in Table 1.

комплексов «фатьяноидной» керамики верхней Сухоны чирковским древностям отмечал С.Ю. Васильев, связывая появление этих комплексов на Вёксе с продвижением населения с более южных/юго-восточных территорий (Васильев, 1996, с. 98–101). В настоящее время в связи с общим удревнением комплексов первобытности калибровкой радиоуглеродных определений возраст ЧК определяется в рамках конца 3-й четверти III – начала 2-й четверти II тыс. до н. э. (Ставицкий, Соловьев, 2021, с. 470; Жульников, 2022, с. 197). По-видимому, чирковский комплекс Березовой Слободки может быть отнесен ко времени не позднее конца 1-й четверти II тыс. до н. э., когда группы средневожского населения под натиском срубно-андроноидных группировок продвигаются на северо-восток европейской таежной зоны (Ставицкий, Соловьев, 2021, с. 482). Вполне реалистичным представляется предположение А.М. Жульникова о продвижении населения с чирковскими керамическими традициями от левых притоков Средней Волги (Унжа, Ветлуга) или из района р.

Вятки в бассейн Сухоны, а затем на запад – в верховья р. Онеги и на восток – вплоть до среднего течения р. Печоры (Жульников, 2022, с. 198). В дополнение карты, представленной исследователем, отметим находки фрагментов керамики, близкой вёксинскому раннему комплексу чирковской керамики с органическими примесями, с поселения Усть-Шингарь-2 (верхняя Сухона) и гибридного сосуда со смешанным составом формовочной массы на средней Сухоне на поселении Кожухово-4 (рис. 1: 1, 9; 3: 1, 2).

Следующий этап связан с распространением сетчатой керамики, поселения которой наиболее многочисленны по берегам Сухоны и ее притоков. На Березовой Слободке поселение культуры ранней сетчатой керамики существовало достаточно длительное время либо неоднократно возобновлялось, о чем свидетельствуют многочисленная керамика (более 50 сосудов), оставленная поселенцами разных хронологических этапов этой культуры (Андрианова, Иванищева, 1998), наличие жилищ и производственно-хозяйствен-

Таблица 1. Памятники с находками керамики эпохи бронзы и раннего железного века в бассейне Сухоны (порядковые номера соответствуют номерам на карте-схеме)
Table 1. Sites with Bronze Age and Early Iron Age ceramics in the Sukhona basin

№ на карте	Памятник. Название	Типы керамики				
		эпохи бронзы		РЖВ (ананьинская)		
		чирковская и гибридная	лебяжская и гибридная	гребенчато-шнуровая	шнуровая	гребенчатая
<i>Верхняя Сухона</i>						
1	УСТЬ--ШИНГАРЬ-2	1	1			
2	УСТЬ-ШИНГАРЬ-3		1			
3	НОЗЕМСКИЕ ИСАДЫ-3			1		
<i>Средняя Сухона</i>						
4	ШУЙСКОЕ-9		1			
5	МОТЫРИ-1/Лощечная			23	2	
6	ВОРОБЬЕВО			1		1
7	УСТЬ-СТРЕЛИЦА-5			1		
8	КОЖУХОВО-3			1	1	
9	КОЖУХОВО-4			1	1	
10	ИХАЛИЦА-1			1		
11	ИХАЛИЦА-2	1				
12	КРЕСТОВСКАЯ		2	2		
13	БОРОВСКАЯ		1			
14	УСТЬ-ЦАРЕВА-2		1		1	
15	ОСИНОВСКАЯ-1,2				1	
<i>Нижняя Сухона</i>						
16	ПОТЕРЯХА-1				1	1
17	БЕР. СЛОБОДКА-II-III		10		5(?)	
18	БЕР. СЛОБОДКА-I				1	
19	КИЧУГА-1			1	1	
20	ЗАБОЛОТЬЕ			1		
	всего сосудов	2	41	9	14	2

ных объектов (Иванищева, 2020, с. 75–77). В одном из жилищ обнаружены ритуальная яма с кладом кремнёвых наконечников (рис. 4: 1) и своеобразный сосуд с «шишечкой» на торце венчика (рис. 4: 2). Аналогичный комплекс известен в юго-западном Прибеломорье на поселении Сумозеро-XV (Жульников, 2005, с. 93–94). На раннем этапе березовослободская сетчатая керамика наследует черты неолитической орнаментации (рис. 4: 4), по форме посуда сопоставима с профилированной ямчато-зубчатой керамикой Верхнего Поволжья, в которой прослеживаются черты гибридизации с чирковско-сеймински-

ми древностями (Воронин, 1998, с. 320). На ранний характер указывает и находка сверленного пестиковидного топора (рис. 4: 5). По аналогии с памятниками Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья ранняя сетчатая керамика может быть датирована концом второй – третьей четвертью II тыс. до н. э. На позднем этапе березовослободская сетчатая керамика сохраняет пышность гребенчатой орнаментации, что связано, по-видимому, с влиянием лебяжской АК ЕСВ.

Керамика, близкая лебяжской АК ЕСВ, выделена на памятниках в юго-западном и южном Прибеломорье и подробно описана

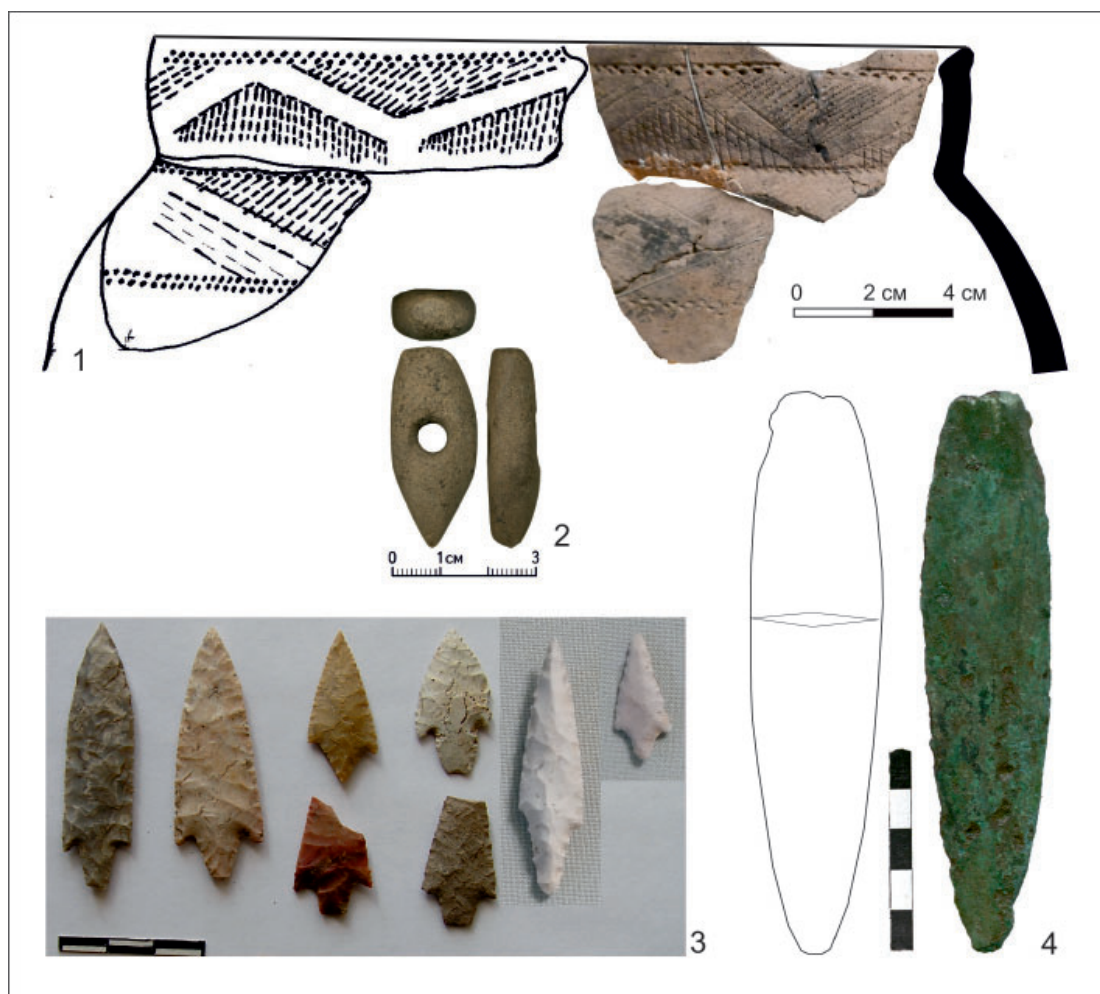

Рис. 2. Березовая Слободка II-III. Чирковский комплекс: 1 – фрагмент венчика сосуда; 2 – глиняная модель сверленного топора; 3 – кремнёвые наконечники стрел; 4 – бронзовый нож-кинжал

Fig. 2. Beryozovaya Slobodka II-III. Chirki complex: 1 – fragment of a vessel rim; 2 – clay model of a drilled axe; 3 – flint arrowheads; 4 – bronze knife-dagger

А.М. Жульниковым. Сухонские материалы объединены исследователем в двинско-вычегодскую группу, расположенную в центре региона распространения данной культурной традиции. Нижнюю границу существования лебяжской АК автор определяет XIV в. до н. э., предполагая возможность одновременного генезиса этой культуры в разных регионах её распространения. Финал культуры относится к предананьинскому времени в рамках начала IX в. до н. э. (Жульников, 2021, с. 84, 86–87). В юго-западном Прибеломорье исследователь выделяет керамику типа Бохта-II как западный вариант лебяжской АК и отмечает синкретичность некоторой части сетчатой посуды позднего этапа бронзы (Жульников, 2005, с. 34). На поселении Березовая Слободка II–III гибридная керамика с лебяжским узором и сетчатым декором выявлена возле

металлообрабатывающего комплекса вместе с сетчатой, украшенной каннелюром протасенного гребенчатого штампа (рис. 5: 1–3). Дата объекта определяется последней четвертью II тыс. до н. э. (Иванищева, 2023, в печати). Отметим, что в коллекции березовослободской керамики можно выделить не менее 10 сосудов с характерными для лебяжской керамики мотивами орнаментации (горизонтальный зигзаг, ряды наклонных и вертикальных оттисков гребенчатого штампа, косая решетка в рамке, горизонтальные линии и др.) и двух-трехкомпонентной композицией с обязательным пояском ямок по шейке и «бахромой», окаймляющей нижнюю часть орнаментального поля (рис. 5: 4–5).

С заключительным этапом существования поселения с сетчатой керамикой связана выявленная в прибрежной части памятника

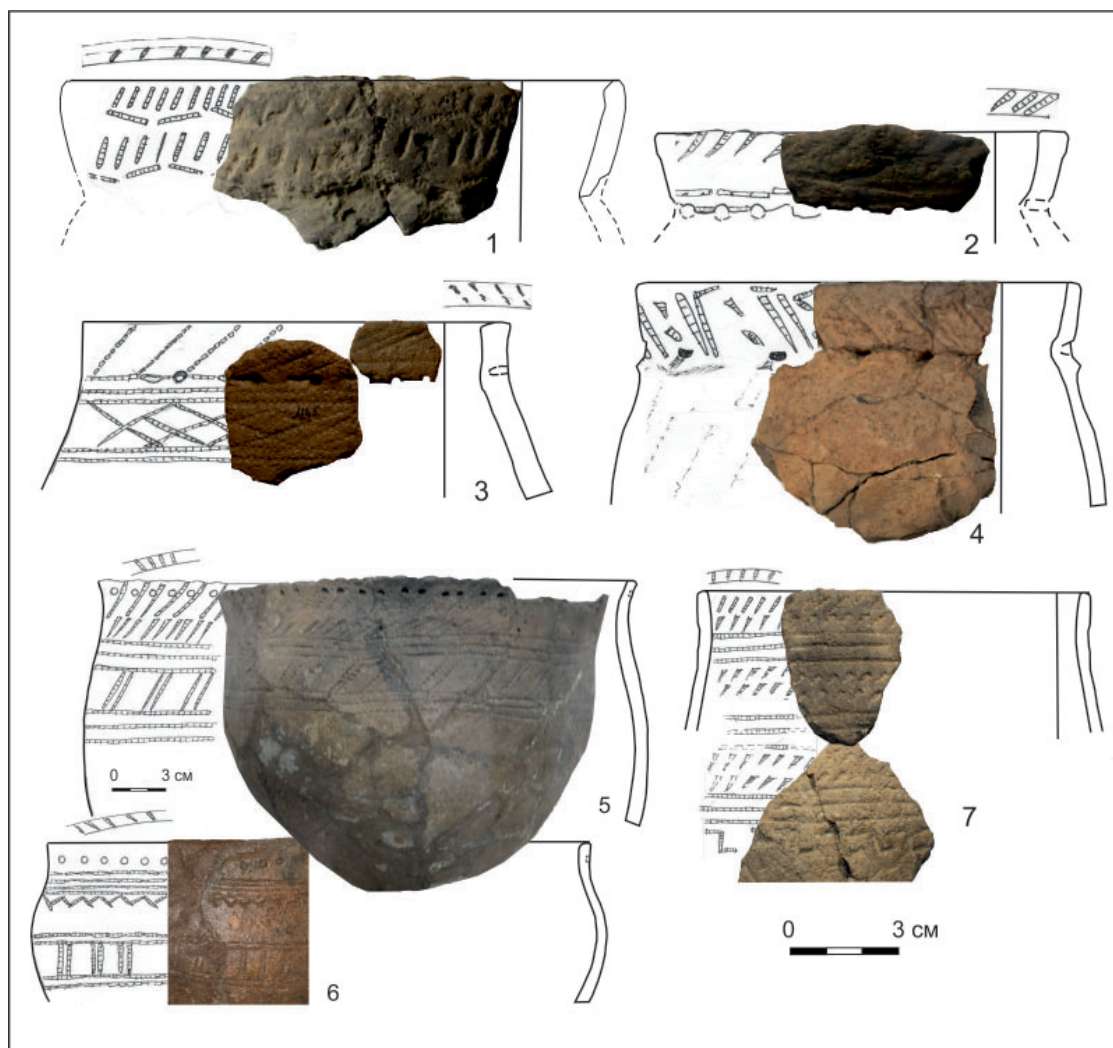

Рис. 3. Керамика эпохи бронзы с поселений Сухоны: 1, 7 – Усть-Шингарь-2; 2 – Кожухово-4; 3 – Боровская; 4 – Шуйское-9; 5 – Усть-Царева 2; 6 – Крестовская.

Fig. 3. Bronze Age ceramics from the settlements on the Sukhona River: 1, 7 – Ust-Shingar-2; 2 – Kozhukhovo-4; 3 – Borovskaya; 4 – Shuiskoye-9; 5 – Ust-Tsaryova 2; 6 – Krestovskaya

производственная постройка с комплексом металлообработки и отливочной формой для бронзового кельта ананьинского облика (рис. 6: 3). Определенные аналогии изделию могут быть указаны в ананьинских древностях – тип КАН-58 (по типологии С.В. Кузминых) датирован не позднее VI века до н. э. (Кузминых, 1983, с. 68; таблица X, 19). Отметим также близость орнаментального фриза на березовослободской форме изделию, происходящему с территории Вятско-Ветлужской культуры АКИО (Черных, Чижевский, 2021, с. 234, рис. 15: 25). В постройке обнаружены ошлакованный глиняный тигель чашевидной формы диаметром не менее 10 см (рис. 6: 2), пластинки из бронзы и три сосуда, изготовленные из теста с примесью дресвы. Два сосуда

тонкостенные, слабопрофилированные были украшены ямчато-гребенчатым и ямочным орнаментом в верхней части изделий. Сетчатые отпечатки располагались только в нижней части, значительные участки поверхности и внутренняя полость сосудов заглажены. Эти сосуды наследуют традиции ранней сетчатой керамики (рис. 6: 4, 5). Третий сосуд сильно профилирован, скорее всего, округлодонный, украшен в верхней части сдвоенными горизонтальными линиями веревочки и пояском мелких ямок. По тулову нанесены сетчатые отпечатки (рис. 6: 6). По орнаментике сосуд наиболее близок ананьинской керамике западновожского варианта начала железного века, что позволяет отнести его к первой половине I тыс. до н. э.

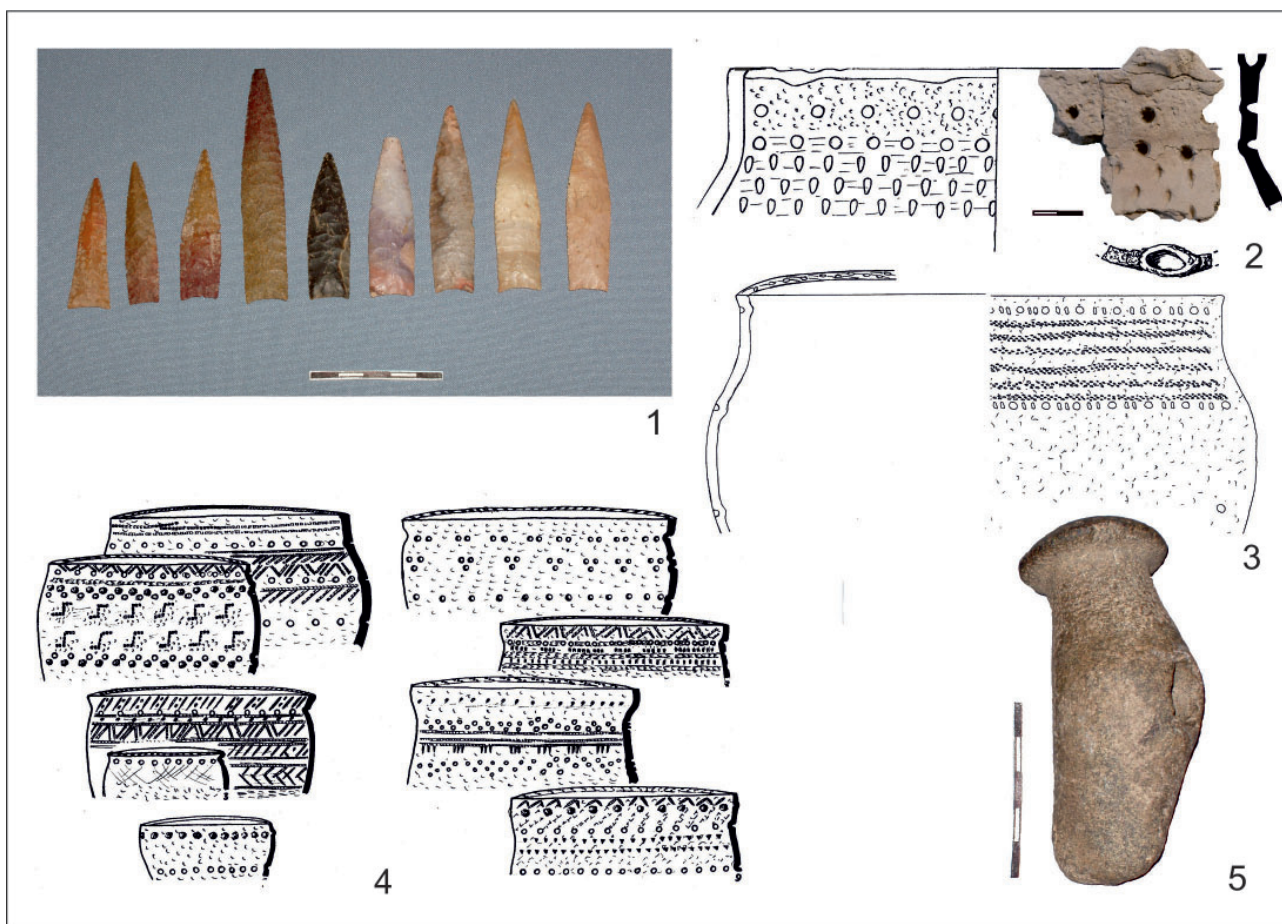

Рис. 4. Березовая Слободка II-III. Комплекс ранней сетчатой керамики эпохи бронзы: 1 – клад кремнёвых наконечников и сосуды (2, 3) из ритуальной ямы в постройке; 4 – типологическая схема форм и орнаментации ранней сетчатой керамики; 5 – пестиковидный сверленный топор.

Fig. 4. Beryozovaya Slobodka II-III. The assemblage of early textile ceramics of the Bronze Age: 1 – cache of flint arrowheads and vessels (2, 3) from a ritual pit in the building; 4 – typological scheme of forms and ornamentation of early textile ceramics; 5 – pestle-shaped drilled axe.

С этим же временем связана и находка серповидного железного ножа с длинным изогнутым лезвием и коротким черенком (рис. 6: 1). В ананьинских древностях такие изделия датируются VII–VI вв. до н. э. Изделие обнаружено в постройке, возможно, ритуального характера в центральной части поселения.

На средней Сухоне наиболее представительная коллекция керамики лебяжского облика происходит с поселения Мотыри-1 (Лошечная), исследованного нами раскопками в 1993–1994 годах на площади 362 кв. м. Поселение расположено на левом берегу р. Сухоны справа от устья небольшого притока – р. Лошечной, русло которой в приустьевой части образует небольшой мыс (рис. 1: 5). Культурные остатки в виде керамики и каменного инвентаря залегают здесь на глубине

0,7–0,8 м от современной дневной поверхности на контакте с материковой красно-коричневой глиной, перекрытой мощным слоем суглинистых отложений без находок. Концентрация артефактов связана с темной коричневой глиной, маркирующей остатки сохранившихся от размыва конструкций – очагов, хозяйственных ям, вероятно функционировавших в жилищах. Поскольку культурный слой/слои (?) поселения подвергся размыву еще в древности, хронология выявленной керамики может быть установлена только типологическим путем. По углю из наиболее хорошо сохранившегося очага с развалом чашевидного плоскодонного сосуда с сетчатыми отпечатками на дне получена дата 2380 ± 90 (ГИН 8049), что позволяет отнести поздний комплекс поселения ко времени около IV в. до н. э. в некалиброванных значениях. Типологи-

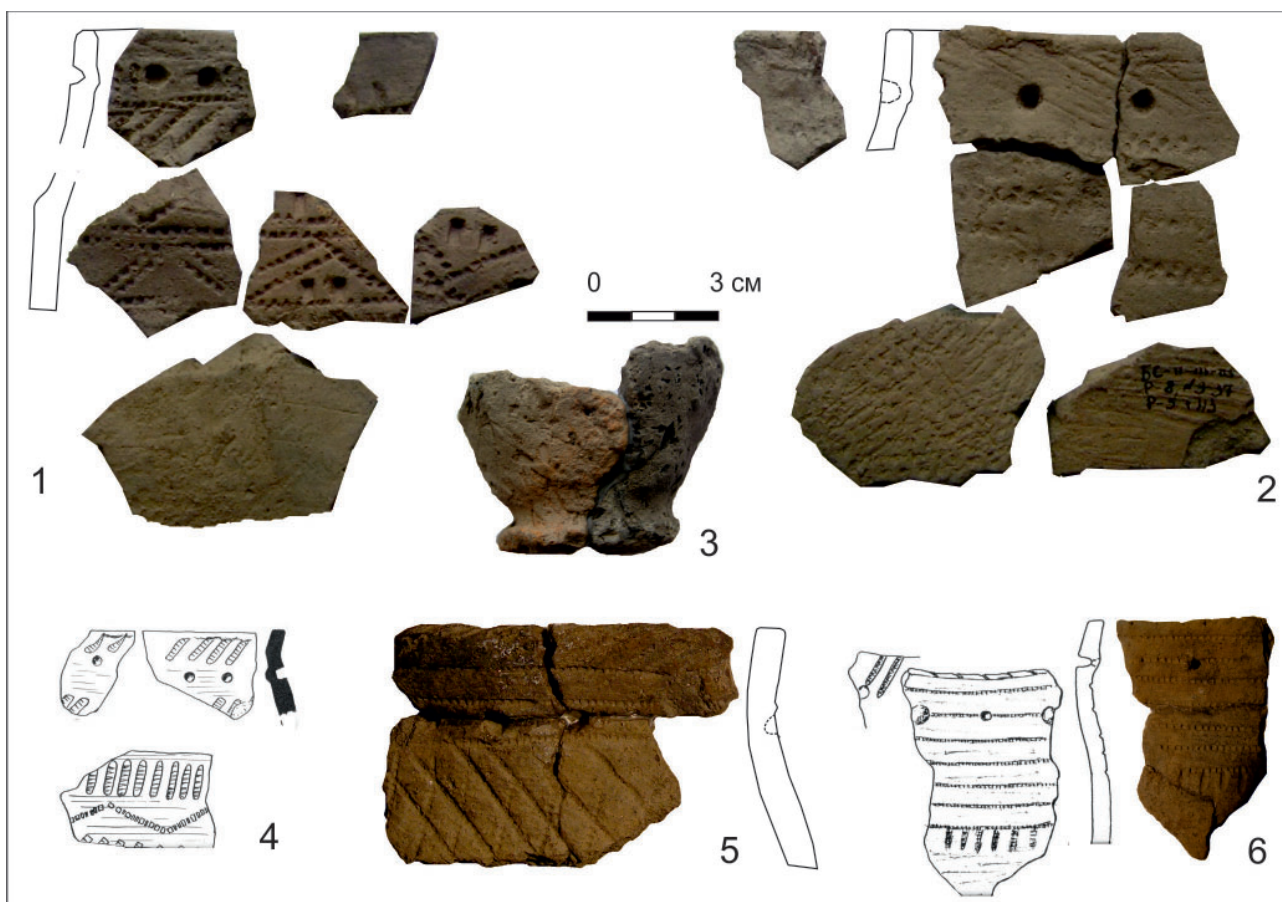

Рис. 5. Березовая Слободка II-III. Комплекс металлообработки эпохи бронзы: 1, 2, 4–6 – фрагменты сосудов из слоя; 3 – глиняный тигель.

Fig. 5. Beryozovaya Slobodka II-III. Bronze Age metalworking complex: 1, 2, 4–6 – fragments of vessels from the layer; 3 – clay crucible.

чески на поселении выделяется три комплекса: округлодонная посуда с гладкой/заглаженной поверхностью с гребенчато-ямчатым орнаментом лебяжского типа – более 20 сосудов, округлодонная гладкая со шнуровым орнаментом ананьинского типа – 1–2 сосуда (залегали компактно возле кострища) и посуда с сетчатыми отпечатками и штрихованная с ямчатыми и гребенчатыми узорами, вероятно плоскодонная (найдено одно плоское с закраиной донце) – 6 сосудов, включая описанный выше. Подавляющее большинство мелких фрагментов стенок сосудов не имело орнамента, что предполагает бордюрный/ограниченный характер орнаментации, распространенной только на венчик и плечики сосудов. Вся посуда с примесью дресвы или песка, но некоторые имеют слоистую структуру. Из глиняных предметов на поселении также найден фрагмент пряслица, изготовленного из фрагмента керамики, немногочисленный

кремнёвый инвентарь представлен в основном скребками, ножами и дебитажем. В целом поселение датируется поздней бронзой – ранним железным веком. Примечательно, что здесь нет ранней сетчатой керамики, хорошо представленной на других памятниках региона, в том числе и в округе д. Мотыри.

Сосуды лебяжского типа крупных и средних размеров, с диаметром венчика в диапазоне 20–30 см, со средней толщиной стенок 0,5–0,7 см, в той или иной степени профилированные – с плавным и более резким переходом от шейки к тулову. По форме верхней части подразделяются на две группы: с прямым или отогнутым наружу венчиком с относительно короткой шейкой (рис. 7: 1, 4, 5, 7, 9, 10, 12–16) и с прямым, прогнутым (S-видным) венчиком и высокой шейкой (рис. 7: 2, 5, 7, 8, 11). Отметим, что в обеих группах имеются сосуды с «желобчатым» прогнутым венчиком, по-видимому, наследующими гончарную

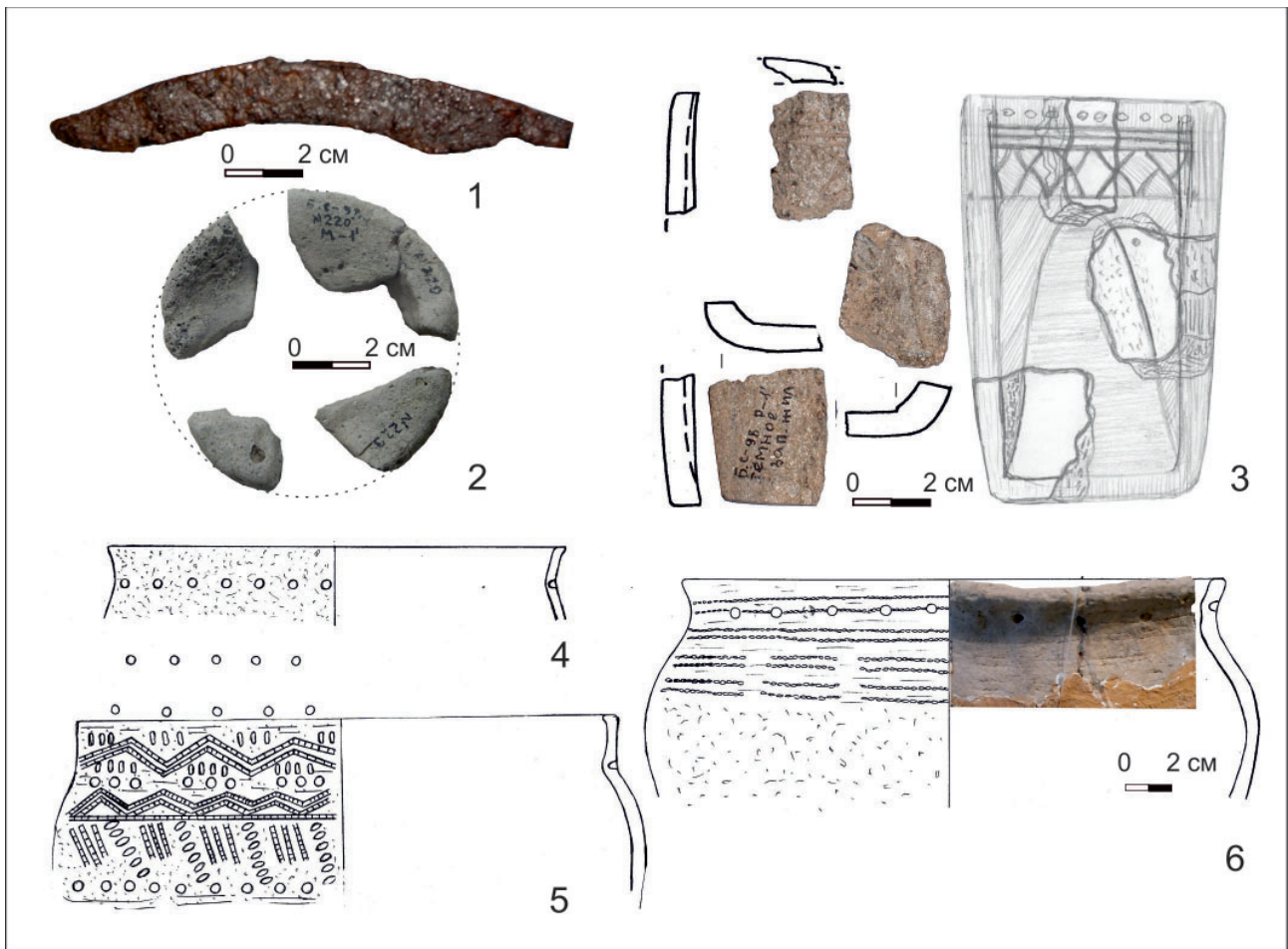

Рис. 6. Березовая Слободка II-III. Комплекс металлообработки раннего железного века: 1 – нож железный; 2 – глиняный тигель; 3 – фрагменты отливочной формы из слюдястого сланца; 4–6 – фрагменты сосудов из постройки.

Fig. 6. Beryozovaya Slobodka II-III. Early Iron Age metalworking complex: 1 – iron knife; 2 – clay crucible; 3 – fragments of mica slate casting mold; 4–6 – fragments of vessels from the building.

традицию более раннего времени (чирковскую?) (рис. 7: 2–4, 12), иногда «прогнутость» образуется за счет выпуклин-«жемчужин» на внутренней стороне венчика (рис. 7: 7, 8, 11). К наследию традиции более раннего времени следует отнести и распространение орнамента на внутреннюю часть шейки у некоторых сосудов, в то время как срез венчика орнаментирован у всех изделий. Особо отметим сосуды с выраженными рельефными орнаментированными выступами-«валиками» на внешней стороне венчика, плечика или верхней части сосуда, образованными характером орнамента посуды: глубокими горизонтально-линейными оттисками гребенчатого или гладкого штампа (рис. 7: 2, 5) либо специально выделенными уплотнением участков «межваликового» пространства (рис. 7: 1). Тот же подражательный прием – выделение «валика» пояском ямок, подчеркнутых/обрам-

ленных горизонтальными или наклонными оттисками гребенчатого штампа, выделяет как отличительный признак керамики типа Бохта-П А.М. Жульников (Жульников, 2021, с. 81). Таким же приемом на Мотырях оформляется нависающий над шейкой валик-«воротничок» на посуде с характерной лебяжской орнаментацией, состоящей из поясков ямок и гребенчатых мотивов – многорядных горизонтальных линий (рис. 7: 3, 7, 12), горизонтального зигзага (рис. 7: 10, 11), решетки в рамке (рис. 7: 6, 13), рядов наклонных (рис. 7: 4) и разнонаклонных оттисков, образующих вертикальный зигзаг (рис. 7: 4). Сосуды с обедненной орнаментацией, округлодонные, гладкостенные (рис. 7: 14–16), возможно, относятся к поздней стадии данного комплекса.

В целом на мотыревской керамике лебяжского типа можно отметить выраженные черты, наследуемые от гончарной традиции чирков-

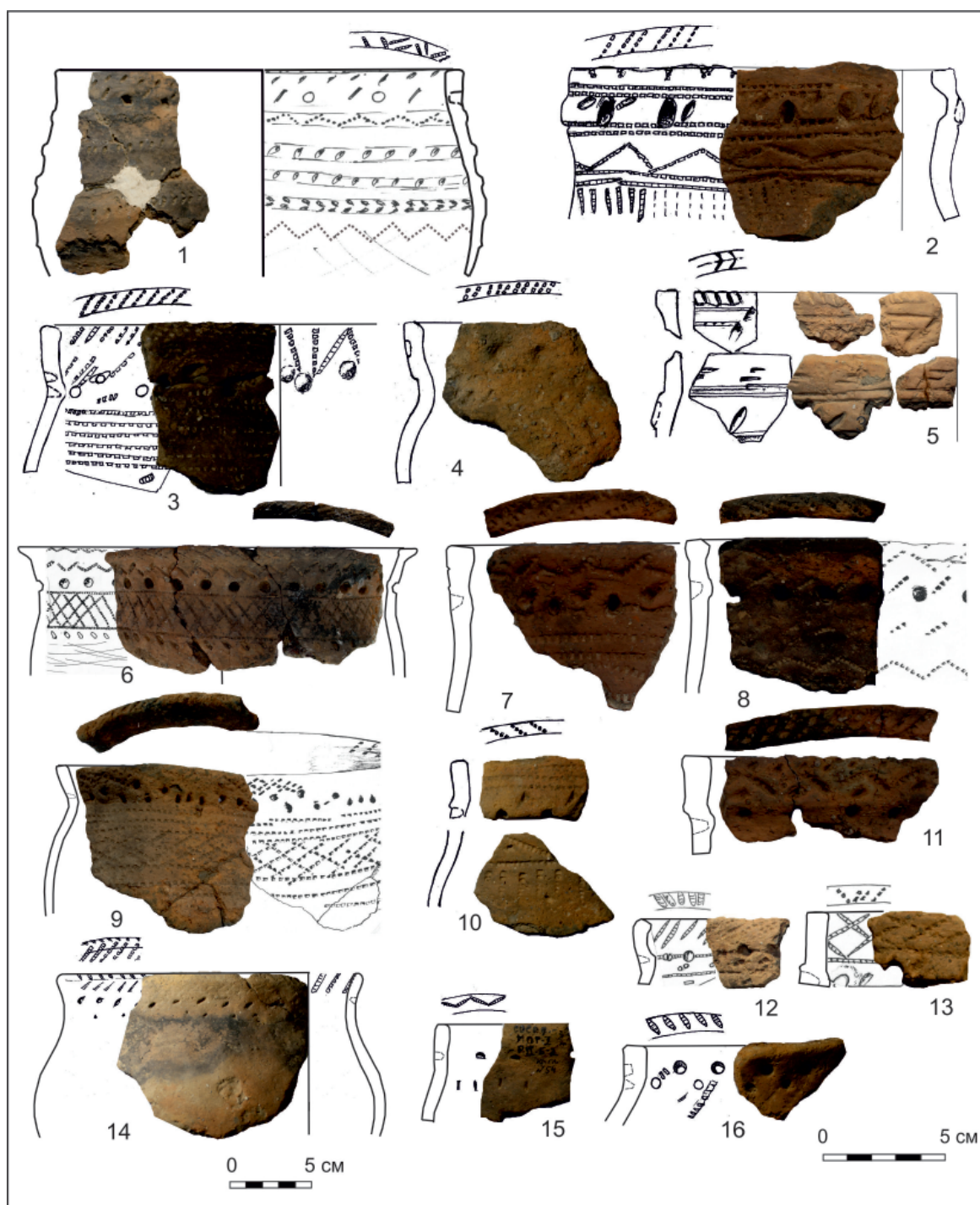

Рис. 7. Мотыри-1 (Лощечная). Фрагменты сосудов эпохи бронзы.

Fig. 7. Motyri-1 (Loshechnaya). Fragments of Bronze Age vessels.

ской АК среднебронзового века, возможно трансформированные через сетчатую керамику. Отметим, что появление валиковой плоскодонной посуды с наклепными валиками на ранних памятниках средневожской чирковской АК и в Прикамье на позднегаринских поселениях связывается исследователями с влиянием зауральского населения, прини-

мавшего участие в движении сейминско-турбинского населения на запад (Ставицкий, Соловьев, 2021, с. 475; Денисов, Мельничук, Трестов, 2012). В культурах поздней бронзы и переходного к раннему железному веку времени Волго-Уралья появление рельефных элементов орнамента связывают с влиянием общности культур валиковой керамики степ-

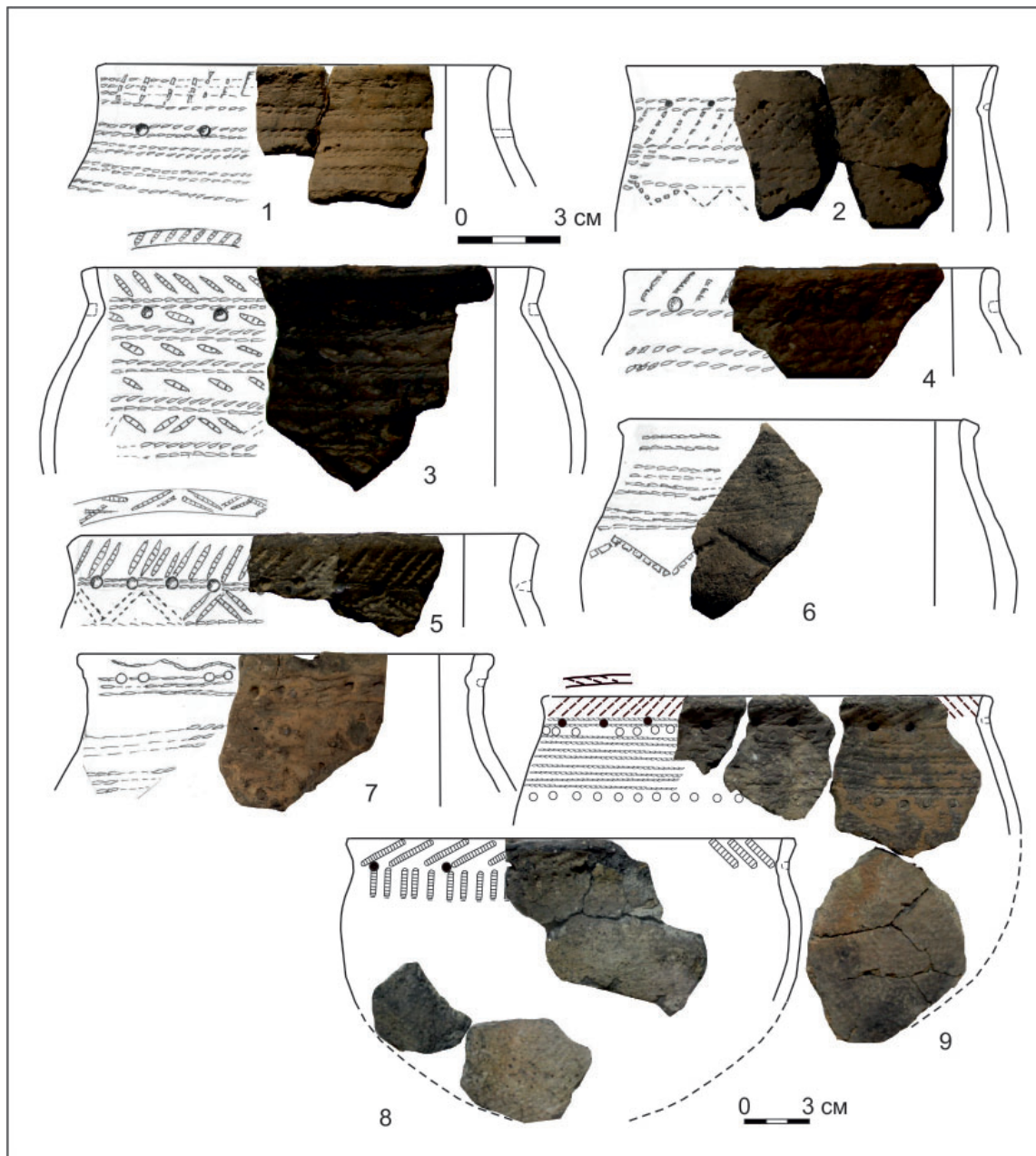

Рис. 8. Керамика раннего железного века с поселений Сухоны: 1, 2 – Кичуга-1; 3, 4 – Крестовская; 5 – Ноземские Исады-3; 6 – Усть-Стрелица-5; 8, 9 – Воробьево.

Fig. 8. Early Iron Age ceramics from settlements on the Sukhona River: 1, 2 – Kichuga-1; 3, 4 – Krestovskaya; 5 – Nozemskiye Isady-3; 6 – Ust-Strelitsa-5; 8, 9 – Vorobyovo.

ной зоны Евразии, затронувшим лесостепную и лесную зоны (Лыганов, 2021, с. 545, 547).

Керамика лебяжского типа и гибридная с элементами лебяжской орнамента известна на ряде стоянок на средней Сухоне (рис. 3: 3, 5, 6; таблица 1) и малочисленна на верхней Сухоне (рис. 3: 4, 7), где, возможно, не выделена из смешанных комплексов.

Керамика ананьинского облика распространена на всем протяжении Сухоны (таблица 1; рис. 1), представлена округлодонными сосудами с примесью песка или дресвы со

шнуровым и гребенчато-шнуровым орнаментом (рис. 8). Комплексы шнуровой и гребенчато-шнуровой керамики на поселения Вёкса-1 на верхней Сухоне датируются VI–V вв. до н. э. (Новиков, Недомолкина, 2021, с. 263–265). По-видимому, к этому или чуть более раннему времени, следует отнести и описанную нами керамику. Отметим на этой керамике отсутствие рельефных форм орнамента (воротнички, валики).

Завершая обзор материалов эпохи бронзы – раннего железного века, отметим, что,

как и в предыдущие эпохи, средняя и нижняя Сухона находились в зоне восточного/юго-восточного вектора влияний (Средняя Волга – Волго-Камье), что связано прежде всего с характером гидрологической сети. Освоение региона населением позднего ледниковья – раннего голоцена происходило в зависимости от гидродинамики водоема, возможность сообщения по которому определяла направление культурных и миграционных связей древнего населения. По нашим наблюдениям, в финале палеолита, раннем мезолите, раннем неолите основной вектор влияния – юго-восточный. С рубежа III–II тыс. до н. э. регион входил в зону влияния/расселения чирковской АК. Под влиянием населения чирковской культуры на нижней Сухоне сначала появляются готовые вещи из набора сейминско-

турбинского вооружения, а потом и собственная обработка цветного металла носителями ранней сетчатой керамики. В первой половине I тыс. до н. э. местное население осваивает производство железных орудий и совершенствует обработку цветного металла, поскольку непосредственно связано с ананьинским миром. Влияние/освоение территории Посухонья выходцами из Волго-Камья в раннем железном веке прослеживается, по нашим данным, на всем протяжении нижней и средней Сухоны. И вполне возможно, что появление в середине I тыс. новой эры прапермского населения на средней Сухоне не было случайным (Иванищева, 2012). Элементы культуры этого населения проявляются в последующих средневековых древностях и топонимике края.

ЛИТЕРАТУРА

Андреанова Л.С., Иванищева М.В. Сетчатая керамика поселения Березовая Слободка II–III на нижней Сухоне // Тверской археологический сборник. Вып. 3 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ, 1998. С. 324–332.

Васильев С.Ю. Стратиграфия поселения Векса (участки 1–5; по материалам раскопок 1990–1992 гг. // Древности Русского Севера. Вып. 1 / Ред. А.Н. Башенькин, В.Я. Шумкин. Вологда: Ардвисура, 1996. С. 94–102.

Воронин К.В. О происхождении и развитии культуры с сетчатой керамикой бронзового века // Тверской археологический сборник. Вып. 3 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ, 1998. С. 308–323.

Денисов В.П., Мельничук А.Ф., Тресков С.А. Поселение Рычино-III в Удмуртском Прикамье и валиковая керамика в позднегоринском культурном пространстве // Труды КАЭЭ. Вып. VIII / Под ред. А.М. Белавина. Пермь: ПГГПУ, 2012. С. 115–121.

Жульников А.М. Поселения эпохи раннего металла Юго-Западного Прибеломорья. Петрозаводск: Паритет, 2005. 310 с.

Жульников А.М. О контактах населения с чирковской и асбестовой палайгубской керамикой // Поволжская археология. 2022. № 3 (41). С. 188–203.

Жульников А.М. О границах археологических культур в бассейне Белого моря и на сопредельных территориях на рубеже эпохи бронзы и раннего железного века // Тверской археологический сборник. Вып. 12 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2021. С. 77–92.

Иванищева М.В. Предки коми на средней Сухоне // Археология Севера. Вып. 4 / Отв. ред. А.В. Кудряшов. Череповец: Графитти, 2012. С. 33–53.

Иванищева М.В. Комплексы эпохи бронзы и раннего железного века поселения Березовая Слободка II–III на нижней Сухоне // Беломорье и прилегающие территории: история и культура с древнейших времен до наших дней (Соловки, 7–12 сентября 2020) / Отв. ред. А.Я. Мартынов. Архангельск: Люция, 2020. С. 70–78.

Иванищева М.В. Металлообработка в эпоху палеометалла и раннего железного века на средней и нижней Сухоне в южном Беломорье // Соловки в истории и культуре русского Севера. Материалы научной конференции (5–9 сентября 2022. Соловки) (в печати)

Иванищева Е. Фатьяноидная керамика поселения Березовая Слободка II–III // Известия Вологодского общества изучения Северного края. Вып. VI / Гл. ред. В.А. Саблин. Вологда: Легия, 1999. С. 81–83.

Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М.: Наука, 1983. 257 с.

Кузьминых С.В. Сейминско-турбинская проблема: новые материалы // КСИА. 2011. Вып. 225. С. 240–263.

Лыганов А.В. Андронидные культуры Волго-Камья (луговская и сасканская культуры) // Энеолит и бронзовый век / Археология Волго-Уралья. Т. 2 / Под общ ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 522–547.

Новиков А.В., Недомолкина Н.Г. Керамика позднего периода эпохи бронзы – раннего железного века поселения Вёкса 1 // Тверской археологический сборник. Вып. 12 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2021. С. 353–374.

Ошибкина С.В. Энеолит и бронзовый век Севера Европейской части СССР // Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Археология СССР / Отв. ред. О.Н. Бадер, Д.А. Крайнов, М.Ф. Косарев. М.: Наука, 1987. С. 147–156.

Ставицкий В.В., Соловьев Б.С. Чирковская культура // Энеолит и бронзовый век / Археология Волго-Уралья. Т. 2 / Под общ ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 469–482.

Черных Е.М., Чижевский А.А. Ананьинская культурно-историческая область. Вятско-ветлужская культура (гребенчато-шнуровой керамики) // Ранний железный век / Археология Волго-Уралья. Т. 3 / Под общ ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 217–241.

Информация об авторе:

Иванищева Марина Викторовна, научный сотрудник, археолог, ООО "Проектная мастерская реставрации и строительства" (г. Вологда, Россия); marin-ivanishhev@yandex.ru

REFERENCES

Andrianova, L. S., Ivanishcheva, M. V. 1998. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Volume of Papers)* 3. Tver: Tver State United Museum, 308–323 (in Russian).

Vasil'ev, S. Yu. 1996. In Bashen'kin, A. N., Shumkin, V. Ya. (eds.). *Drevnosti Russkogo Severa (Antiquities of the Russian North)*. Vologda: "Ardivisura" Publ., 94–102 (in Russian).

Voronin, K. V. 1998. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Volume of Papers)* 3. Tver: Tver State United Museum, 308–323 (in Russian).

Denisov, V. P., Mel'nichuk, A. F., Treskov, S. A. 2012. In Belavin, A. M. (ed.). *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition)* VIII. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 115–121 (in Russian).

Zhul'nikov, A. M. 2005. *Poseleniia epokhi rannego metalla Iugo-Zapadnogo Pribelomor'ia (Settlements of the Early Metal Age of the South-Western White Sea Region)*. Petrozavodsk: "Paritet: Publ. (in Russian).

Zhul'nikov, A. M. 2022. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 41 (3), 188–203 (in Russian).

Zhul'nikov, A. M. 2021. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Volume of Papers)* 12. Tver: "Triada" Publ., 77–92 (in Russian).

Ivanishcheva, M. V. 2012. In Kudryashov, A. V. (ed.). *Arkheologiya Severa (Archaeology of the North)* 4. Cherepovets: "Grafitti" Publ., 33–53 (in Russian).

Ivanishcheva, M. V. 2020. In Martynov, A. Ya. (ed.). *Belomor'e i privileyushchie territorii: istoriya i kul'tura s drevneyshikh vremen do nashikh dney (White Sea region and adjacent territories: history and culture from ancient times to the present day)*. Arkhangelsk: "Lotsiia" Publ., 70–78 (in Russian).

Ivanishcheva, M. V. 2022. In *Solovki v istorii i kul'ture russkogo Severa (Solovki in the history and culture of the Russian North)* (in print) (in Russian).

Ivanishcheva, E. 1999. In Sablin, V. A. (ed. in chief.). *Izvestiya Vologodskogo obshchestva izucheniya Severnogo kraya (Bulletin of the Vologda Society for Northern Territory Studies)* 6. Vologda: "Legiya" Publ., 81–83 (in Russian).

Kuzminykh, S. V. 1983. *Metallurgiya Volgo-Kam'ia v rannem zheleznom veke (med' i bronza) (Metallurgy of the Volga-Kama Region in the Early Iron Age (Copper and Bronze))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kuzminykh, S. V. 2011. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 225 (1), 240–263 (in Russian).

Lyganov, A. V. 2021. In Sitydikov, A. G., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Eneolit i bronzovyi vek (Eneolithic and Bronze Age)*. Series: Arkheologiya Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 2. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 522–547 (in Russian).

Novikov, A. V., Nedomolkina, N. G. 2021. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Volume of Papers)* 12. Tver: "Triada" Publ., 353–374 (in Russian).

Oshibkina, S. V. 1987. In Bader, O. N., Krainov, D. A., Kosarev, M. F. (eds.). *Epokha bronzy lesnoi polosy SSSR (The Bronze Age in the Forest Zone of the USSR)*. Series: Archaeology of the USSR 8. Moscow: "Nauka" Publ., 147–156 (in Russian).

Stavitsky, V. V., Solov'ev, B. S. 2021. In Sitdikov, A. G., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Eneolit i bronzovyi vek (Eneolithic and Bronze Age)*. Series: Arkheologiya Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 2. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 469–482 (in Russian).

Chernykh, E. M., Chizhevsky, A. A. 2021. In Sitdikov, A. G., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Rannii zheleznyi vek (Early Iron Age)*. Series: Arkheologiya Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 3. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 217–241 (in Russian).

About the Author:

Ivanishcheva Marina V. LLC "Project workshop of restoration and construction". Kubinskaya, Str., 45, Vologda, 160010, Russian Federation; marin-ivanishhev@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2023 г.
Статья принята к публикации 01.04.2023 г.

УДК 903.1 903.02 903.23

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.2.86.106>

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГОРНЫХ ПОРОД НАСЕЛЕНИЕМ БАСЕЙНА БЕЛОГО МОРЯ В КОНЦЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ – РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ¹

© 2023 г. А.М. Жульников

В статье представлены результаты изучения на территории Прибеломорья каменного инвентаря и минеральных добавок к тесту керамических сосудов конца II тыс. до н. э. – второй половины I тыс. до н. э. В результате пространственно-хронологического изучения искусственных минеральных примесей, применявшихся при лепке керамической посуды в конце эпохи бронзы – раннем железном веке, удалось получить новые данные о происходивших в это время на территории региона культурно-исторических процессах. Статья презентует итоги статистического и типологического анализа исследованных раскопками в Прибеломорье комплексов каменного инвентаря, датированных по высотному расположению над уровнем моря или связанных с определенным типом керамики. Выявленные в ходе исследования хронологические этапы в развитии каменной индустрии сопоставлены с данными по металлообработке в бассейне Белого моря. В статье впервые публикуются результаты радиоуглеродного анализа ряда объектов, раскопанных на территории Карелии: комплексы с керамикой типа Лууконсаари и лебяжской, железодельный горн в виде каменного ящика.

Ключевые слова: археология, эпоха бронзы, ранний железный век, Белое море, примеси к керамике, асбест, слюда, каменный инвентарь, железодельный горн.

PECULIARITIES OF THE USE OF ROCKS BY THE POPULATION OF THE WHITE SEA BASIN AT THE END OF THE BRONZE AGE AND THE EARLY IRON AGE²

A.M. Zhul'nikov

The article presents the results of study in the White Sea region of stone inventory and mineral conditioners into the molding mass of ceramic vessels of the end of II millennium BC – second half of I millennium BC. As a result of the spatial and chronological study of artificial mineral inclusions used in the hand-modeling of pottery at the end of the Bronze Age – the Early Iron Age, it was possible to receive new data on cultural and historical processes taking place in the region at that time. The results of statistical and typological analysis of set of stone items, studied by excavations in the White Sea region and dated by altitude location above sea level or associated with a certain type of ceramics are presented. The chronological stages in the development of the stone industry revealed in the course of the study are compared with the data on metalworking in the White Sea basin. The article for the first time publishes the results of radiocarbon analysis of some objects excavated on the territory of Karelia: complexes with Luukonsaari and Lebyazhye types ceramics, iron-smelting furnace in the form of a stone box.

Keywords: archaeology, Bronze Age, Early Iron Age, White Sea, ceramic inclusions, asbestos, mica, stone inventory, iron-smelting furnace

Введение

Территория бассейна Белого моря (Прибеломорья) охватывает значительную часть лесной зоны Восточной Европы. С древней-

ших времен особенностью данного региона, во многом предопределяющей наличие на его территории ряда специфических локальных особенностей в каменном инвентаре и

¹ Исследование проведено в рамках работы по проекту РНФ №19-18-00375 «Феномен асбестовой керамики в керамических традициях Восточной Европы: технологии изготовления и использования, структура межрегиональных контактов».

² The research was carried out within the framework of the project of RSF No. 19-18-00375 "The phenomenon of asbestos pottery in the ceramic traditions of Eastern Europe: manufacturing and usage technologies, the structure of interregional contacts".

технологии производства керамической посуды, является его частичное расположение в пределах Балтийского щита. На его территории отсутствуют залежи кремня, зато в изобилии представлены использовавшиеся древними людьми иные горные породы – кварц, сланец, метатупф, красный шифер, лидит, асбест, слюда и т. п.

В исследованиях древностей бассейна Белого моря эпохи бронзы – раннего железного века имеется достаточно много белых пятен, связанных как с неравномерной изученностью региона, так и преобладанием на его территории памятников многократного заселения, на которых затруднено выделение относительно единовременных комплексов, связанных с тем или иным типом керамики. Подавляющая часть публикаций по истории Прибеломорья в раннем железном веке (далее – РЖВ) посвящена вопросам изучения керамической посуды, изделий из бронзы, железа и, отчасти, структуры поселений и могильников. Краткие сведения об изменениях в номенклатуре кремневых изделий на ананьинских и гляденовских стоянках, основанные на материалах нескольких раскопанных памятников с единовременными комплексами, имеются лишь для восточной части бассейна Белого моря (Ашихмина, Косинская, 1995; Ашихмина, Васкул, 1997; Васкул, 1997). Некоторые данные о каменном инвентаре поселений эпохи бронзы – РЖВ западной части Прибеломорья можно почерпнуть в работах М.Е. Фосс (1953) и Н.Н. Гуриной (1950). Достаточно подробные статистические данные о составе каменного инвентаря стоянок эпохи бронзы Карелии с сетчатой керамикой содержатся в обобщающей монографии М.Г. Косменко (1997). Автором настоящей статьи в юго-западной части Прибеломорья и бассейне Онежского озера были проведены раскопки нескольких поселений с чистыми комплексами керамики эпохи бронзы – РЖВ, сведения о которых частично отражены в ряде работ (Жульников, 2005, 2008). Кроме того, А.Я. Мартыновым недавно были опубликованы материалы нескольких стоянок эпохи бронзы – РЖВ, расположенных в западной части бассейна Северной Двины и на Соловецком архипелаге (Мартынов, 2007, 2022).

Ряд публикаций содержит сведения о составе минеральных примесей в керамике эпохи бронзы – РЖВ Западного Прибеломо-

рья (Косменко, 1997; Жульников, 2005, 2008; Жульников, Гусенцова, 2023). Обобщение и анализ этих данных необходим для понимания причин культурно-исторических трансформаций на территории региона во II–I тыс. до н. э.

Несомненный интерес также представляет почти неизученная проблема о характере влияния изделий из бронзы и железа на индустрию камня на территории Прибеломорья.

Целью настоящего исследования является выявление хронологических и пространственных особенностей использования каменного сырья (для изготовления орудий и в качестве примесей при изготовлении керамики) древним населением бассейна Белого моря в конце эпохи бронзы – РЖВ (конец II – I тыс. до н. э.).

Основные задачи исследования:

1. Определение специфики применения на территории региона в керамическом производстве асбеста, слюды и иных минеральных отощителей.

2. Получение данных о динамике использования древним населением Прибеломорья кремня, кварца, сланца и иных пород камня для изготовления орудий на протяжении эпохи бронзы – РЖВ.

3. Установление характера изменений в составе и типах изделий из камня на территории Прибеломорья.

Отнесение той или иной стоянки к числу памятников однократного заселения (с так называемыми «чистыми» комплексами) проводилось на основании следующих данных: высотная датировка (для поселений в западной части побережья Белого моря), наличие на стоянке или в жилище, раскопанном на поселении, керамики только одного типа, относящегося к рассматриваемому хронологическому периоду. Определение локальных черт в составе примесей и каменном инвентаре выполнено путем картографирования полученных данных. Статистические методы были применены при изучении хронологических различий в составе каменных изделий на поселениях региона. Для поиска причин наблюдаемых перемен в составе примесей и номенклатуре каменного инвентаря были привлечены сведения об особенностях распространения типов керамики в бассейне Белого моря и сопредельных регионах, данные о времени возникновения в Восточной Фенноскандии железнорудно-

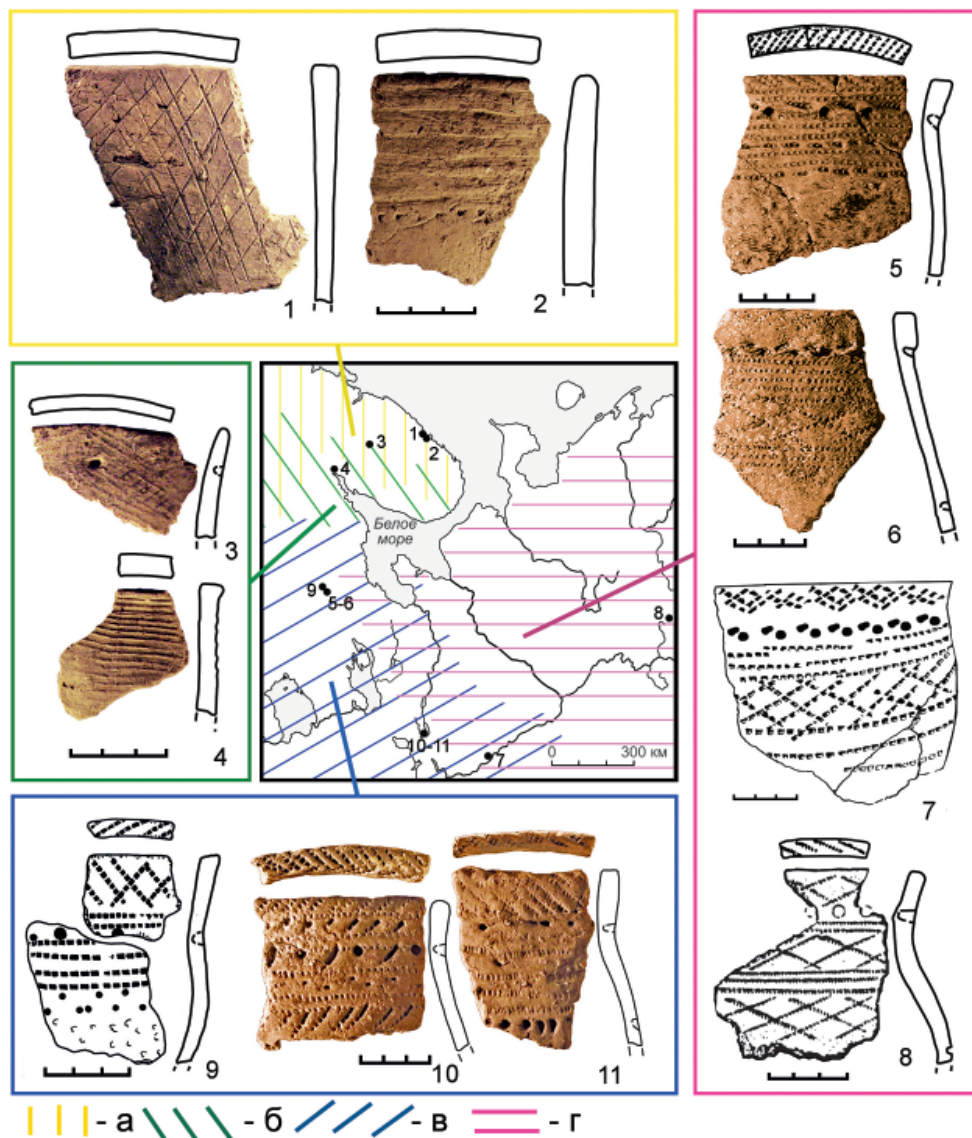

Рис. 1. Распространение типов керамики в Прибеломорье во второй половине II – начале I тыс. до н. э.: а – керамика типа Ловозеро; б – керамика типа Пасвик; в – сетчатая керамика, в том числе с признаками влияния лебяжской; г – керамика лебяжского типа. 1 – Маяк II; 2 – Нерпичья Губа II; 3 – Ловозеро I; 4 – Нива III; 5–6 – Бокхта II; 7 – Мотыри; 8 – Борганьель IV; 9 – Тунгуда XII; 10–11 – Модлона.

Fig. 1. Areas of ceramics types of the second part of II millennium BC – beginning of I millennium BC in the White Sea region: а – ceramics of the Lovozero type; б – ceramics of the Pasviq type; в – netted ceramics, including ceramics affected by Lebyazhye type tradition; г – Lebyazhye type ceramics

1 – Mayak II; 2 – Nerpichya Guba II; 3 – Lovozero I; 4 – Niva III; 5–6 – Bokhta II; 7 – Motyri; 8 – Borganjol IV; 9 – Tunguda XII; 10–11 – Modlona.

го производства, об количественных изменениях в соотношении орудий из кости, металла и камня в культурном слое некоторых поволжских городищ РЖВ. Сопоставление графиков изменения береговой линии западного Прибеломорья (Ludikova, Subetto et al., 2021) с высотными данными стоянок, расположенных вблизи морского побережья, позволило установить нижний хронологический предел формирования некоторых комплексов каменного инвентаря конца эпохи бронзы – РЖВ,

исследованных в западной части Прибеломорья.

Краткая характеристика этнокультурной ситуации на территории региона

Из-за незначительного числа изделий из металла и погребальных комплексов, обнаруженных на территории Прибеломорья, основным источником для понимания историко-культурных процессов, происходящих в этой части Восточной Европы в эпоху бронзы – РЖВ, является керамика.

В северо-западной части Прибеломорья на протяжении II тыс. до н. э. и, видимо, вплоть до начала I тыс. до н. э. наблюдается бытование асбестовой штрихованной керамики типа Пасвик, которая имеет ряд общих черт с керамикой типа Ловозеро, обнаруженной на стоянках центральной и северной части Кольского полуострова, Финляндии и Норвегии (Мурашкин, Карпелан, 2013; Гусенцова, Жульников, 2023) (рис. 1). Генезис этих типов керамики, судя по особенностям их морфологии, орнаментации и примесям, отличен от сетчатой керамики, распространившейся в юго-западной части бассейна Белого моря не позднее середины II тыс. до н. э. (Косменко, 1997; Жульников, 2005). Восточная граница распространения сетчатой керамики в Прибеломорье проходит по водоразделу между реками Онегой и Северной Двиной, южнее – примерно в нижней части течения реки Сухоны (рис. 1). Судя по немногочисленным радиоуглеродным датировкам, в том числе по нагару на однотипной посуде с территории Финляндии, хронологические рамки бытования сетчатой керамики в Юго-Западном Прибеломорье – середина II – начало I тыс. до н. э. (Жульников, 2005). На поселениях озер Воже, Лаче и верховий реки Сухоны, расположенных в южной части бассейна Белого моря, сетчатые отпечатки на керамической посуде встречаются вплоть до раннего железного века.

Восточная часть бассейна Белого моря в конце эпохи бронзы занята охотничье-рыболовческим населением с лебяжской керамикой (Стоколос, 1988; Ашихмина, 1993; Жульников, 2021) (рис. 1). Лебяжское население примерно в начале последней четверти II тыс. до н. э. продвигается в юго-западную часть Прибеломорья, скорее всего, по побережью моря, где выявлена группа памятников с керамикой типа Бохта, представляющая собой западный вариант посуды лебяжского типа (Жульников, 2021). Столь ранняя датировка этой керамической группы получила подтверждение в виде радиоуглеродной даты из очага с каменной кладкой, находящегося за пределами наземного прямоугольного жилища с керамикой лебяжского типа (рядом с его короткой стенкой) на стоянке Тунгуда ХХХVIII (Жульников, 2005) – 1260–1016 calBC (2959 ± 35, SPb_3437). В юго-западной части Прибеломорья на некоторых памят-

никах (Бохта II, Тунгуда III, Сумозеро XV, XVI) орнаментация сетчатой керамики имеет явные признаки влияния лебяжской культурной традиции (гребенчатая решетка «в рамке» и т. п.), что позволяет отнести время функционирования этих стоянок к концу II – началу I тыс. до н. э.

В РЖВ на территории бассейна Белого моря появляется несколько новых типов керамики (рис. 2). Так, в западной части территории Прибеломорья наиболее многочисленны комплексы керамической посуды типа Лууконсаари, которые, как мне представляется, генетически связаны с сетчатой керамикой (плоскодонность сосудов этих двух типов, ряд общих мотивов в орнаментации). Посуда типа Лууконсаари в РЖВ распространяется на большей части территории Финляндии (Lavento, 2001, fig. 2.8), преобладает к западу от Онежского озера (Косменко, 1997), найдена на стоянках центральной части Кольского полуострова. Для единственного чистого комплекса керамики этого типа в Западном Прионежье, исследованного автором настоящей статьи на стоянке Шуйский Остров I, недавно была получена дата по скоплению угля из культурного слоя (кв. x13/y23, у развала сосуда) – 361–58 calBC (2167 ± 35, SPb_3434). Отмечу, что на этой же стоянке расчищены остатки железодельного горна в виде узкой канавки, выкопанной в песке. Большая часть дат по нагару с керамики типа Сяр 2 со стоянок на территории Финляндии относится к периоду 700 лет до н. э. – 100 лет н. э. (Lavento, 2001, p. 366). Стоянки Северной Норвегии с керамикой типа Щельмой датированы периодом 1200–250 calBC (Jorgensen, Olsen, 1988; Lavento, 2001, p. 367).

В северной части Кольского полуострова доминирующей группой керамики РЖВ является асбестовая посуда типа Щельмой (Кьельмо) (Жульников, 2008; Мурашкин, Карпелан, 2013) (рис. 2). В северо-западной части Прибеломорья сосуды этого типа единичны. Керамика типа Щельмой обнаружена на многих стоянках приполярных областей Финляндии, Швеции и Норвегии (Jorgensen, Olsen, 1988; Мурашкин, Карпелан, 2013). На территории Финляндии эта посуда по нагару имеет даты от 700 лет до н. э. до 300 лет н. э. (Мурашкин, Карпелан, 2013, с. 205).

В восточной части бассейна Белого моря лебяжская керамика в IX–VIII веках до н. э.

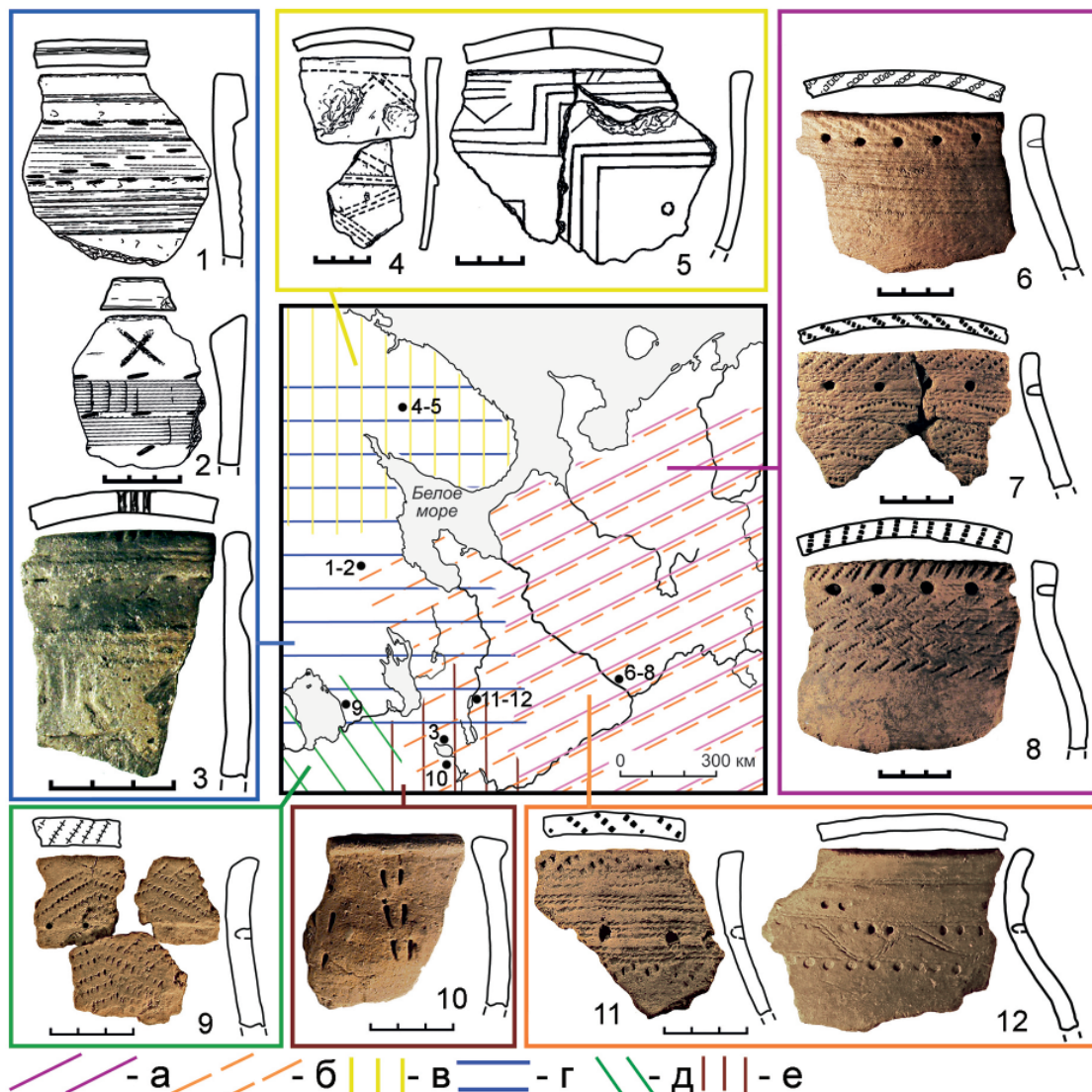

Рис. 2. Распространение типов керамики в Прибеломорье в VIII (IX) – III веках до н. э.:

а – раннеананьинская керамика; б – позднеананьинская керамика; в – Щельмой (Кьельмо); г – Лууконсаари; д – керамика волховского типа; е – дьяковская керамика. 1–2 – Тунгуда XLVIII; 3 – Водоба; 4–5 – Ловозеро III; 6–8 – Кулига II; 9 – Олонка (Старый Завод); 10 – Яковлево; 11–12 – Кубенино.

Fig. 2. Distribution areas of ceramics types of the VIII (XI) – III centuries BC in the White Sea region: а – Early Ananyino ceramics; б – Late Ananyino; в – Kjelmo; г – Luukonsaari; д – Volkhov type; е – Dyakovo ceramics. Archaeological sites: 1–2 – Tunguda XLVIII; 3 – Vodoba; 4–5 – Lovozero III; 6–8 – Kuliga II; 9 – Olonka (Stariy Zavod); 10 – Yakovlevo; 11–12 – Kubenino.

сменяется раннеананьинской. Памятники с ананьинской керамикой раннего облика (без группировок ямок, валиков и воротничков) не известны западнее Северной Двины (рис. 2). В VI–V веках до н. э. ананьинское население по неизвестным нам пока причинам начинает активное продвижение на запад (от устья Северной Двины в юго-западную часть Прибеломорья) и северо-запад (примерно из района Костромского Поволжья в бассейн реки Онеги) (Жульников, 2008). На поселениях района озер Воже, Лаче (бассейн Бело-

го моря), Белое (Верхневолжский бассейн), Водлозеро (бассейн Онежского озера) наблюдается смешение сразу трех керамических традиций – керамики типа Лууконсаари, ананьинской и дьяковской (рис. 2). Локальная группа памятников с подобной гибридной посудой (так называемого позднекаргопольского типа), расположенная на стыке не только трех крупнейших в Восточной Европе водных бассейнов, но и трех значительных по площади распространения типов керамики РЖВ, некоторыми исследователями рассма-

триваются как отдельная культура (Ошибкина, 1975; Косменко, 1997; Манюхин, 2002).

В финале РЖВ в западной части Прибеломорья и в северной части Финляндии керамическая посуда выходит из употребления (Косменко, 1997, с. 173). В бассейнах рек Вычегды и Мезени известны поселения с керамикой гляденовского типа, датируемой рубежом III–II вв. до н. э. – началом V в. н. э. (Васкул, 1997).

Состав примесей в керамике

При изготовлении сетчатых сосудов эпохи бронзы в юго-западной части Прибеломорья и в бассейне Онежского озера наряду с примесью дресвы и песка иногда одновременно использовалась органика. В этих районах встречается сетчатая посуда и с чисто органической добавкой, выгоревшей при обжиге (Косменко, 1997, с. 40). На некоторых сетчатых сосудах со стоянок бассейна реки Выг (юго-западная часть Прибеломорья) отмечено наличие примеси асбеста (Бохта II – 8 сосудов, Горелый Мост V – 1–2 сосуда) (Жульников, 2005, рис. 132: 1–5, 8; 153: 4; 146: 10; Косменко, 2003, рис. 10: 48). Эта посуда по своим признакам (отсутствие орнамента на срезе некоторых венчиков, в отличие от наиболее ранней на территории региона сетчатой керамики слабо выраженная профилировка верхней части сосуда и т. д.), видимо, большей частью относится к финалу эпохи бронзы. В Прионежье, южнее бассейна реки Выг, примесь асбеста отмечена на единственном сетчатом сосуде со стоянки Охтома I (Косменко, 1997, рис. 9). Напротив, к западу от бассейна Белого моря, в северной части Финляндии, на стоянках района реки Оулуйоки, доля сетчатой керамики эпохи бронзы с примесью асбеста составляет 16,9%, талька – 18,2%, слюды – 3,9%, амфиболов (волокнистых минералов, отличных по химическому составу от асбеста) – 6,5% (Lavento, 2001, p. 47).

Лебяжская посуда, найденная в восточной, южной и юго-западной части бассейна Белого моря, изготавливалась с примесью дресвы, изредка песка. Примесь органики для посуды этого типа, в отличие от сетчатой керамики, видимо, совершенно не характерна. В Юго-Западном Прибеломорье на стоянке Тунгуда XXXVIII найден единственный сосуд лебяжского типа с примесью асбеста (Жульников, 2005, рис. 140: 3).

В керамике типов Пасвик и Ловозеро эпохи бронзы Кольского полуострова, в том числе северо-западной части Прибеломорья, помимо примесей антофиллит, хризотил-асбеста имеются иные волокнистые «экзотические» минеральные отошители – серпентин, оливин, эгилин и т. д., которые иногда сочетаются с добавками, вероятно, шерсти (?), следы которой хорошо заметны на поверхности фрагментов сосудов в виде характерных пустот (Селиванова, 1997, с. 141–144; Гусенцова, Жульников, 2023, с. 14–16). Очевидно, что керамика этих двух «северных» типов по составу примесей во многом отлична от сетчатой и лебяжской посуды бассейна Белого моря.

В РЖВ доля сосудов с примесью экзотических минералов резко возрастает на всей территории Восточной Фенноскандии. Сведения о количественном составе примесей и вариантах их сочетаний в комплексах керамики типа Лууконсаари, исследованных на этой территории, представлены в таблице 1 и на картограмме (рис. 3). За пределами Балтийского щита, в отличие от энеолита, на памятниках РЖВ обнаружены только единичные сосуды с примесью «экзотических» минералов, в частности, в северной части Верхневолжского бассейна на стоянке Водоба найден сосуд с примесью слюды типа Лууконсаари (рис. 2: 3). В качестве примесей при изготовлении керамики в РЖВ Восточной Фенноскандии наряду с волокнистыми минералами (асбест, иные амфиболы) в массовом масштабе использовались слюда и тальк.

В ходе настоящего исследования были выявлены некоторые пространственные различия в количественном составе примесей комплексов керамики типа Лууконсаари (рис. 3). Для керамики этого типа, происходящей с поселений западной части бассейна Белого моря, характерно устойчивое сочетание посуды с примесью асбеста и органики; асбеста, слюды и органики при наличии некоторой доли сосудов с примесью песка или дресвы. На Кольском полуострове доля пористой посуды типа Лууконсаари особенно высока, а сосуды с примесью дресвы, напротив, единичны (рис. 3). Комплексы керамики типа Лууконсаари со стоянок Бохта II, Хижозеро I, исследованных в верховьях реки Тунгуда (на границе с бассейном Онежского озера), содержат высокую долю посуды с примесью песка или дрес-

Таблица 1. Количественный состав минеральных и органических примесей и их сочетаний в комплексах керамики типа Лууконсаари и познекаргопольской
 Table 1. Quantitative composition of mineral and organic tempers and their combinations in ceramics complexes of the Luukonsaari and Late Kargopol types

№ п/п	Наименование памятника	Вид примеси и их сочетания				Всего сосудов
		Слюда; слюда+тальк; слюда+ органика	Асбест; асбест+органика; асбест+кость; асбестоподобный минерал	Органика; органика+ кость	Песок, дресва; песок, дресва+ органика	
1	Ловозеро III	7	7	9	0	22
2	Мыс Семерка	1	0	16	1	18
3	Группа стоянок в северо-западной части бассейна Белого моря	4	7	4	1	16
4	Суомуссалми Калмосярккя	20	15	4	0	40
5	Сирнихта	1	15	0	0	16
6	Горелый Мост VI-VIII	10	22	13	3	48
7	Бохта II	6	28	41	17	92
8	Хижозеро I	0	2	6	2	10
9	Шуйский Остров I	0	9	2	28	39
10	Пичево, Пичево III	0	5	6	21	32
11	Кудома XI	17	27	31	65	140
12	Лахта II	3	2	5	65	75
13	Охтома III (познекаргопольская и ананьинская)	1	3	2	195	201
14	Кубенино (познекаргопольская и ананьинская)	0	0	0	96	96

вы (рис. 3). В западной части бассейна Онежского озера доминирует посуда с примесью дресвы или песка, однако на этих же стоянках часто встречаются сосуды с примесью асбеста, органики и иногда слюды (рис. 3). К востоку от Онежского озера, в пределах Балтийского щита, где на стоянках РЖВ преобладает позднекаргопольская посуда (1010 сосудов), в качестве отошителей применялись в основном дресва или песок (около 97%), а доля сосудов со слюдой, асбестом и органикой не превышает 3% (Косменко, 1997, табл. 10). В восточных районах Финляндии примесь дресвы или песка в посуде рассматриваемого типа почти не представлена. Основными примесями в керамике типа Лууконсаари этой части Финляндии являются асбест, слюда в сочетании с тальком. Пористые сосуды здесь немногочисленны и, что показательно, обнаружены в основном к западу от бассейна Белого моря (рис. 3). Многие сосуды типа Лууконсаари, найденные на территории Карелии, изготовлены с примесью антофиллит-асбеста, что

подтверждено данными естественно-научных анализов (Lavento, Hornytzkij, 1996, p. 67–70). Этот вид асбеста почти не встречается в энеолитической керамике Карелии, а в посуде неолита – РЖФ Финляндии он преобладает. Не исключено, что посуда с подобной разновидностью волокнистого минерала в Западном Прибеломорье в РЖВ является импортом с территории Финляндии.

Одной из характерных черт формовочных масс сосудов типа Щельмой со стоянок Кольского полуострова, с учетом иных показателей (орнамент, форма венчика), позволяющих отличить их от посуды типа Лууконсаари, является доминирование в них примеси местных экзотических минералов: в основном это асбест, в единичных случаях – слюда или тальк.

Ананьинская керамика в восточной и юго-западной части бассейна Белого моря изготовлена с примесью дресвы, иногда песка. Изредка в ней, в восточной части региона, встречается примесь раковины (Ашихмина,

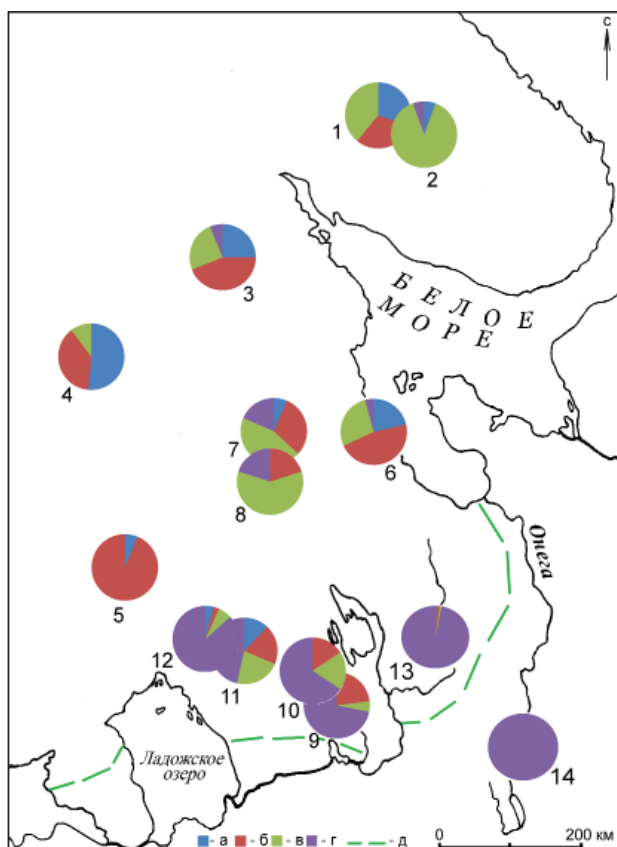

Рис. 3. Картограмма количественных различий в составе минеральных и органических примесей в керамике типа Лууконсаари и позднекаргопольской на стоянках Западного Прибеломорья и сопредельных регионов: а – слюда, тальк и слюда, слюда и органика; б – асбест, органика и асбест; в – органика; г – песок или дресва; д – юго-восточная граница Балтийского щита. 1 – Ловозеро III; 2 – Мыс Семерка; 3 – стоянки северо-западной части бассейна Белого моря; 4 – Суомуссалми Калмосяркя; 5 – Сирнихта; 6 – Горелый Мост VI–VIII; 7 – Бохта II; 8 – Хижозеро I; 9 – Шуйский Остров I; 10 – Пичево, Пичево III; 11 – Кудома XI; 12 – Лахта II; 13 – Охттома III; 14 – Кубенино

Fig. 3. Map of proportions of different kind of inclusions used in ceramics of the Luukonsaari and Late Kargopol types from the sites in the western White Sea region and nearby territories: а – mica, mica+talc, mica+organic; б – asbestos, asbestos+organic; в – organic; г – sand and grit; д – southeastern border of the Baltic Shield. Archaeological sites: 1 – Lovozero III; 2 – Mys Semerka; 3 – sites in the north-western part of the White Sea basin; 4 – Suomussalmi Kalmosärkä; 5 – Sirnihta; 6 – Goreliy Most VI–VIII; 7 – Bohta II; 8 – Khizhzero I; 9 – Shuyskiy Ostrov I; 10 – Pichevo, Pichevo III; 11 – Kudoma XI; 12 – Lahta II; 13 – Ohtoma III; 14 – Kubenino.

Васкул, 1997, с. 324). На стоянках в западной части Прибеломорья и в восточной части Финляндии имеются единичные сосуды, сочетающие признаки ананьинской (оттиски шнура, группировки ямок) и Лууконсаари, в которых содержится примесь дресвы, органики или слюды (Жульников, 2008, рис. 4: 1–6, 8, 9, 11–13).

Особенности каменного инвентаря

Всего в ходе изучения имеющихся отчетных материалов и публикаций, коллекций находок с поселений бассейна Белого моря удалось собрать сведения о 29 «чистых» комплексах каменного инвентаря, относящихся к эпохе бронзы – РЖВ (рис. 4). Из них восемь связаны с сетчатой керамикой второй половины II тыс. до н. э.; шесть датируются концом II – началом I тыс. до н. э. (с лебяжской керамикой или сетчатой керамикой с признаками влияния лебяжской); на шести стоянках имеются довольно многочисленные коллекции каменного инвентаря и ранней ананьинской керамики (иные типы керамики не зафиксированы); четыре комплекса (с керамикой типа Лууконсаари и позднеананьинской) возникли во второй половине I тыс. до н. э.; пять стоянок в западной части бассейна

Белого моря отнесены в широких рамках к РЖВ в основном по высотным данным.

На протяжении II–I тыс. до н. э. в Прибеломорье происходят существенные изменения в составе горных пород, использовавшихся древними людьми для изготовления каменных орудий. Выявленные различия касаются как самих каменных инструментов и метательного вооружения, так и отходов их производства (рис. 5). В эпоху бронзы на поселениях с сетчатой и лебяжской керамикой наблюдается резкое возрастание притока кремня в Западное Прибеломорье и на территорию бассейна Онежского озера (рис. 5). Массовое поступление кремневого сырья в юго-западную часть Прибеломорья продолжается и в начале РЖВ, что демонстрируют материалы стоянки-мастерской Немецкий Кузов I (рис. 8), расположенной на значительном удалении от залежей кремня (рис. 5). Во второй половине I тыс. до н. э. количество орудий из кремня и отходов их производства на поселениях в западной части Прибеломорья резко уменьшается. В это время большая часть орудий в западной части региона, как и в позднем энеолите, изготавливалась древними людьми из местных пород камня – кварца

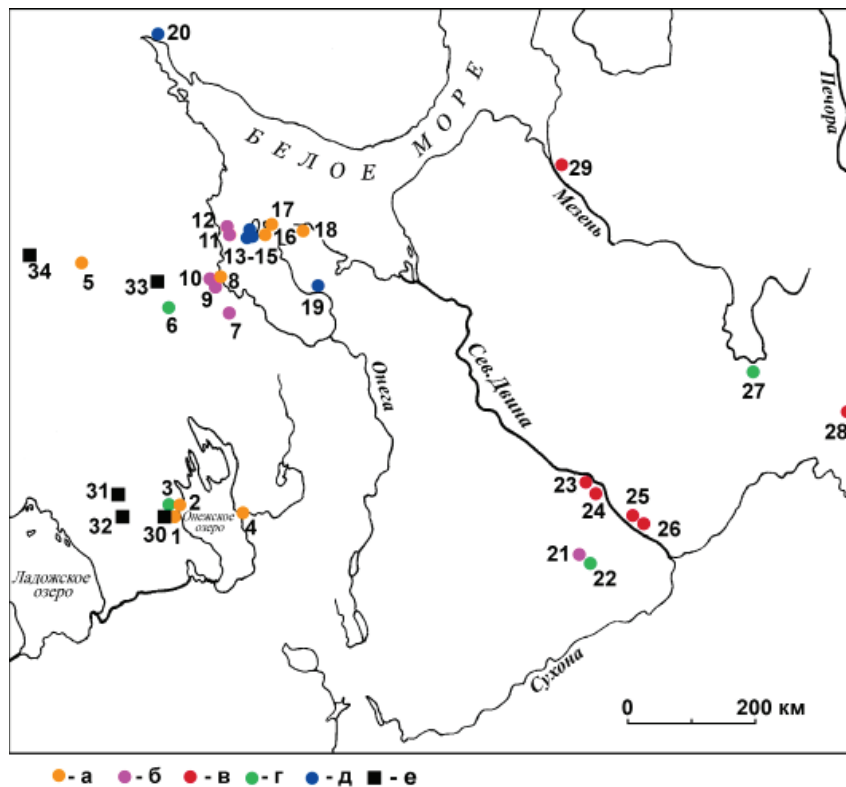

Рис. 4. Карта расположения исследованных раскопками стоянок с «чистыми» комплексами каменного инвентаря финала бронзы – раннего железного века и железодельных горнов в форме каменных ящиков на территории бассейна Белого моря и прилегающих регионов: а – стоянки эпохи бронзы; б – стоянки финала эпохи бронзы (конец II – начало I тыс. до н. э.); в – раннеананьинские памятники (VIII (IX) – VI века до н. э.); г – стоянки второй половины I тыс. до н. э.; д – стоянки раннего железного века; е – датированные железодельные горны. 1 – Пичево III; 2 – Томица; 3 – Шуйский Остров III; 4 – Устье Водлы II; 5 – Елменкоски; 6 – Хижозеро I; 7 – Сумозеро XV; 8–10 – Горельный Мост III–V; 11 – Немецкий Кузов II; 12 – Русский Кузов I; 13 – Андреевская Пустынь; 14 – Соловецкая-1; 15 – Соловецкая-2; 16 – Муксалма I; 17 – Анзерская-3; 18 – Галдарея III; 19 – Вейга; 20 – Кандалакша. Пункт 1 (Питкуль-Губа I); 21 – Сенюга 2; 22 – Сордим 2; 23 – Ноза II; 24 – Приозерная II; 25 – Пермогорье I; 26 – Кулига II; 27 – Чойновты III; 28 – Борганъель I; 29 – Дорогорское VIIa; 30 – Пески IVa; 31 – Кудома XI; 32 – Пелдожское I; 33 – Тунгуда XII; 34 – Якялянними Кайяни

Fig. 4. Map of location the sites with archaeologically “homogeneous” sets of stone inventory of the Final Bronze Age and the Early Iron Age and iron-smelting furnaces in the form of a stone boxes obtained during excavations in the White Sea basin and nearby areas: а – Bronze Age sites; б – Final Bronze Age (end of II millennium BC – beginning of I millennium BC); в – Early Ananyino (VIII (IX) – VI centuries BC); г – second half of I millennium BC; д – Early Iron Age; е – iron-smelting furnaces with well-established chronology. Archaeological sites: 1 – Pichevo III; 2 – Tomitsa; 3 – Shuyskiy Ostrov III; 4 – Ustye Vodly II; 5 – Jelmenkoski; 6 – Khizhozero I; 7 – Sumozero XV; 8–10 – Goreliy Most III–V; 11 – Nemetkiy Kuzov II; 12 – Russkiy Kuzov I; 13 – Andreyevskaya Pustyn’; 14 – Solovetskaya-1; 15 – Solovetskaya-2; 16 – Muksalma I; 17 – Anzerskaya-3; 18 – Galdareya III; 19 – Vejga; 20 – Kandalaksha. Point 1 (Pitkul-Guba I); 21 – Senyuga 2; 22 – Sordim 2; 23 – Noza II; 24 – Priozernaya II; 25 – Permogorje I; 26 – Kuliga II; 27 – Choynovty III; 28 – Borganjol I; 29 – Dorogorskoye VIIa; 30 – Peski IVa; 31 – Kudoma XI; 32 – Peldozhskoye I; 33 – Tunguda XII; 34 – Äkälänniemi Kajaani.

(скребки), кварцита, песчаника (точильные бруски и шлифовальные плиты) (рис. 5).

Значительные перемены наблюдаются и в составе каменного инвентаря на памятниках Прибеломорья II–I тыс. до н. э. На протяжении всей эпохи бронзы на поселениях западной части Прибеломорья и бассейна Онежского

озера сохраняется высокая доля наконечников стрел и дротиков (рис. 6), особенно много их собрано на приморских поселениях с сетчатой керамикой. Например, в коллекции со стоянки Галдарея III, раскопанной А.Я. Брюсовым на Онежском полуострове (Фосс, 1953), содержится 227 экз. наконечников стрел и дроти-

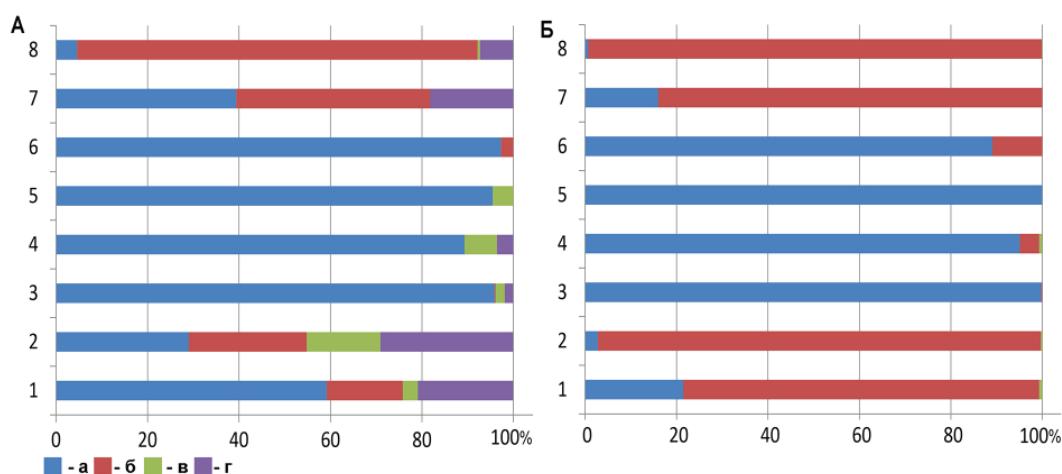

Рис. 5. Различия в составе каменного сырья для изготовления орудий на территории Западного Прибеломорья и в бассейне Онежского озера в энеолите – раннем железном веке. Диаграмма А – орудия из камня; диаграмма Б – отходы производства каменных орудий, включая нуклеусы. 1–2 – позднеэнеолитические стоянки с асбестовой керамикой типа Палайгуба (Золотец VII, X); 3–4 – стоянки эпохи бронзы с сетчатой керамикой (Горельный Мост III, Устье Водлы II); 5–6 – стоянки финала эпохи бронзы (Сумозеро XV (жилища 1–2), Горельный Мост V); 7–8 – стоянки V–III вв. до н. э. (Шуйский Остров I, Хижозеро I):
а – кремний; б – кварц; в – сланец, метатuff; г – песчаник, кварцит, гранит.

Fig. 5. Proportions of raw materials used for making stone tools in the Western White Sea region and in the Onega Lake basin during the Eneolithic - Early Iron Age. A – stone tools; Б – production waste of stone tools, including cores. 1–2 – Late Eneolithic sites with asbestos ware of the Palayguba type (Zolotets VII, X); 3–4 – Bronze Age sites with netted ware (Goreliy Most III, Ustye Vodly II); 5–6 – Final Bronze Age sites (Sumozero XV, dwellings 1–2; Goreliy Most V); 7–8 – sites dated within V–III centuries BC (Shuyskiy Ostrov I, Khizhozero I):
a – flint; б – quartz; в – slate, metamorphic tuff; г – sandstone, quartzite, granite.

ков, что составляет 62,2% от количества всех каменных орудий, найденных на этом памятнике. В жилищах с сетчатой керамикой финала эпохи бронзы на стоянке Сумозеро XV обнаружена серия наконечников стрел и дротиков, некоторые из них вместе с иными орудиями образовывали скопления типа кладов (рис. 7) (Жульников, 2005, с. 94). О массовом производстве на рубеже бронзы – РЖВ в западной части Прибеломорья наконечников и других орудий из «импортного» кремня свидетельствуют находки на стоянке-мастерской Немецкий Кузов I (рис. 8).

Одновременно с приходом населения с сетчатой керамикой на территорию Прионежья и западную часть Прибеломорья на территории региона полностью утрачивается энеолитическая технология производства рубящих орудий русско-карельского типа из метатuffа и сланца. Сланцевые рубящие орудия на стоянках с сетчатой керамикой единичны, обычно заточены только по лезвию, что отличает их энеолитических топоров и тесел, полностью зашлифованных по всей поверхности, имеющих треугольную или полуовальную форму в сечении.

В эпоху бронзы формы кремневых наконечников стрел и дротиков на территории Прибеломорья становятся еще более разнообразными, чем в энеолите. Впервые в эпоху бронзы на территории региона получают распространение наконечники стрел и дротиков с листовидным пером и широким плоским черешком (рис. 7: 4, 6, 7). Доминирующим по численности типом наконечников стрел на протяжении эпохи бронзы являются удлиненные листовидные формы с прямым или вогнутым основанием (рис. 7: 1–3, 5, 10). Часто встречаются наконечники стрел и дротиков треугольной формы с прямым или вогнутым основанием (Савватеев, 1977, рис. 120: 1, 6). Многие листовидные и иволистные наконечники стрел эпохи бронзы имеют ромбическое сечение (рис. 7: 11). К эпохе бронзы, видимо, относятся наконечники пятиугольной формы с прямым или вогнутым основанием (Савватеев, 1977, рис. 125: 17). Впервые в эпоху бронзы при изготовлении кремневых наконечников получает распространение пильчатая ретушь (рис. 7: 11). На памятниках Прибеломорья финала эпохи бронзы уже нет треугольно-черешковых наконечников с

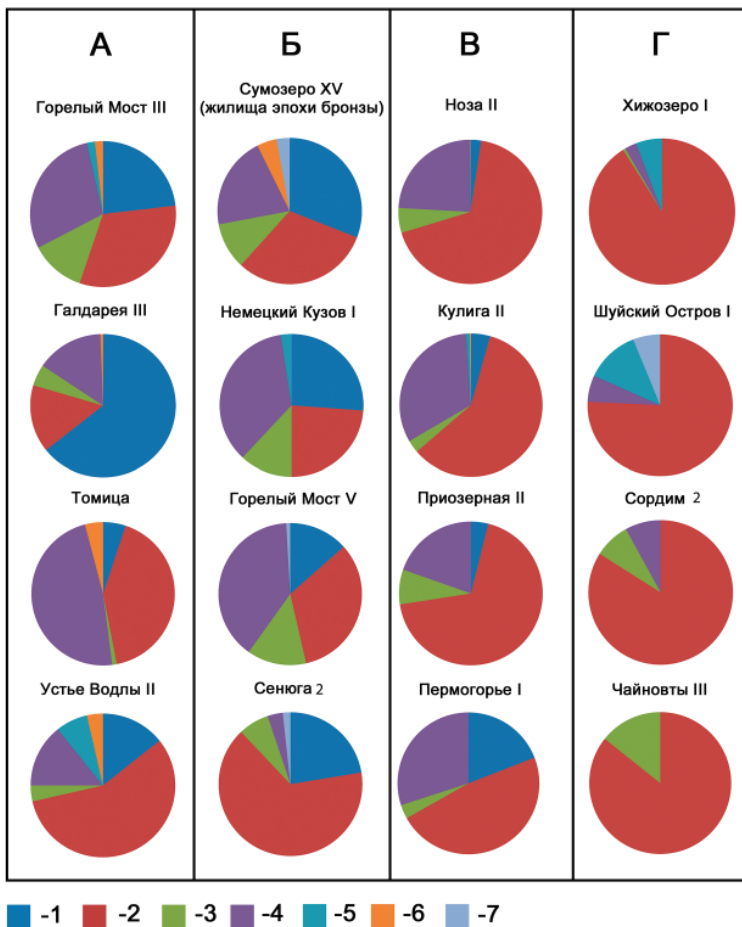

Рис. 6. Изменения в составе каменного инвентаря на поселениях эпохи бронзы – раннего железного века Прибеломорья и бассейна Онежского озера. А – стоянки эпохи бронзы (третья четверть II тыс. до н. э.); Б – стоянки финала бронзы (конец II – начало I тыс. до н. э.); В – стоянки начала раннего железного века (VIII – VI века до н. э.); Г – стоянки V – III вв. до н. э. 1 – наконечники стрел и дротиков, их заготовки; 2 – скребки; 3 – ножи; 4 – иные скребущие, режущие, колющие орудия (проколки, скобеля, резцы, отщепы с ретушью и т. п.); 5 – абразивы; 6 – рубящие орудия и сверленные топоры-молоты; 7 – иные орудия (отбойники, грузила, песты и т. п.).

Fig. 6. Changes in the composition of stone inventory in the settlements of the Bronze Age – Early Iron Age of the White Sea region and the Onega Lake basin. A – Bronze Age sites (the third quarter of II millennium BC); Б – Final Bronze Age sites (end of II millennium BC – beginning of I millennium BC); В – beginning of the Early Iron Age sites (VIII–VI centuries BC); Г – sites of the V–III centuries BC. 1 – arrowheads and dartheads, their preforms; 2 – scrapers; 3 – knives; 4 – borers, push-planes, burins, retouched flakes; 5 – abrasives; 6 – chopping tools and drilled axe-hammers; 7 – other tools (hammerstones, leads, pestles etc.).

шипами, так называемого сейминского типа. Л.А. Ашихмина и И.О. Васкул отмечают, что на некоторых лебяжских памятниках, расположенных у восточной границы беломорского бассейна, прослеживается зауральское влияние в виде посуды с крестовидными оттисками, однако формы наконечников стрел здесь остаются местными, отличаются от форм метательного вооружения гамаюнской культуры Зауралья (Ашихмина, Васкул, 1997, с. 327). Классификация скребущих и режущих орудий эпохи бронзы на данный момент остается неразработанной, на данный момент имеются лишь количественные данные об их составе (Косменко, 1997, табл. 7; Жульников, 2005, табл. 18; Мартынов, 2022, с. 235–243).

В инвентаре раннеананьинских поселений Прибеломорья сохраняются все категории каменного инвентаря, характерные для эпохи бронзы региона. Наиболее многочисленны на стоянках начала РЖВ скребки (рис. 9: 2–4, 10–12) и режущие инструменты (рис. 9: 7, 9). Доля наконечников метательного вооружения на ранних памятниках РЖВ значительно меньше, чем в конце эпохи бронзы,

составляет от 2,5 до 4% (рис. 6). В коллекциях чистых комплексов инвентаря начала РЖВ имеется несколько иволистных наконечников с усеченной базой, ромбических в сечении, с пильчатой ретушью (рис. 9: 5). Основными (наиболее многочисленными) типами в это время в Прибеломорье становятся наконечники листовидной формы, часто с усеченным, но не прямым или вогнутым, а округлым насадом. Треугольные наконечники с прямой и вогнутой базой, наконечники с широким плоским черешком, характерные для эпохи бронзы, в чистых комплексах раннеананьинских поселений, изученных раскопками, не представлены. В начале РЖВ из кремня изредка изготавливались рубящие орудия. На стоянке Кулига II найден обломок сверленного с двух сторон топора-молота пятиугольной формы (рис. 9: 1). Сверленные топоры-молоты этого типа (в отличие от изделия с Кулиги II они с цилиндрическим отверстием, полученным сверлением трубчатой костью) встречаются на некоторых стоянках эпохи бронзы Северо-Запада России (Косменко, 1997, рис. 14: 6).

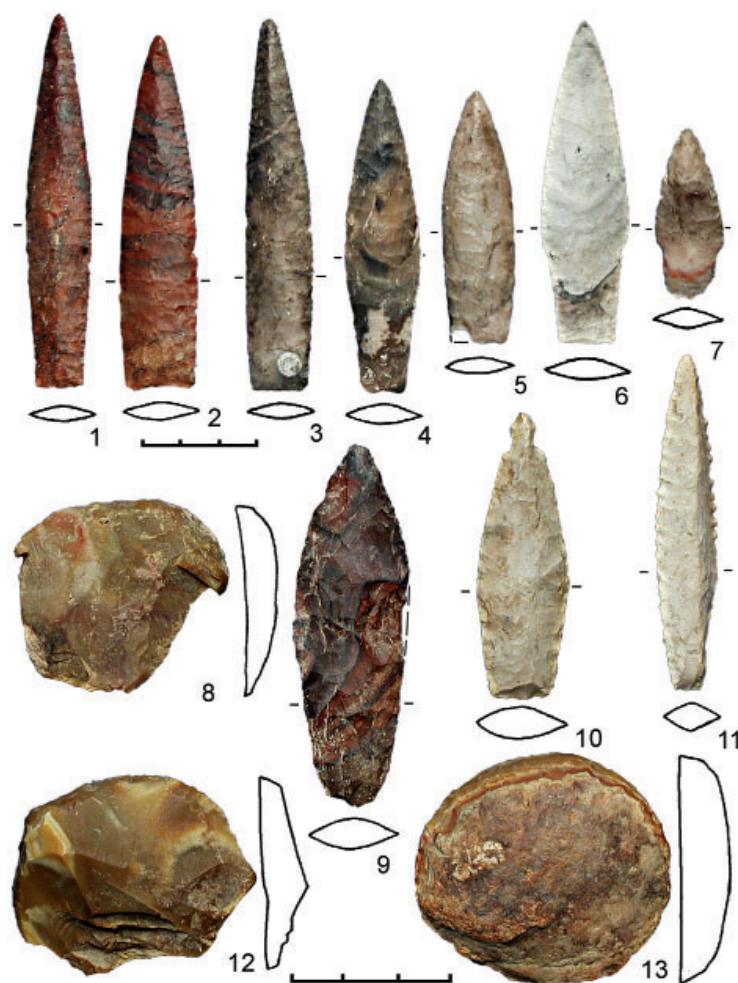

Рис. 7. Клады кремневых орудий в жилище 2 с сетчатой керамикой (с признаками влияния лебяжской) на стоянке Сумозеро XV. 1–7 – клад 1 (наконечники стрел); 8–13 – клад 2 (8, 12, 13 – скребки; 9 – наконечник дротика; 10 – подвеска из наконечника стрелы; 11 – наконечник стрелы).

Fig. 7. Caches of flint tools in the dwelling 2 with netted ceramics (with signs of the Lebyazhye type influence) in the Sumozero XV site. 1–7 – cache 1 (arrowheads); 8–13 – cache 2 (8, 12, 13 – scrapers; 9 – darthead; 10 – pendant reshaped of an arrowhead; 11 – arrowhead).

Во второй половине I тыс. до н. э. в Прибеломорье и бассейне Онежского озера из номенклатуры каменного инвентаря исчезает метательное вооружение (рис. 6). В каменном инвентаре стоянок, на которых иногда имеются признаки изготовления орудий из железа и отдельные железные орудия (Хижозеро I, Шуйский Остров I), доминируют скребки (рис. 10). Преобладание скребков в составе каменного инвентаря характерно и для стоянок второй половины II тыс. до н. э. в восточной части бассейна Белого моря (рис. 11). В некоторых комплексах каменного инвентаря этого времени, по сравнению с начальным периодом РЖВ, возрастает число абразивов (рис. 6). В единичных экземплярах на поселениях финала РЖВ представлены отбойники, киркообразные орудия, проколки, скобеля.

В раскопе на стоянке Хижозеро I с керамикой типа Лууконсаари (рис. 10: 1–13), датруемой по железному плоскому листовидному наконечнику без шипов (рис. 10: 18) III–II веками до н. э. (Жульников, 2008), выявлены признаки наличия многочисленных (неодновременных) наземных жилищ, использовавшихся только в зимнее время. Среди 173 кварцевых скребков, собранных в раскопе на этом памятнике (рис. 10: 14–17, 19–26, 31), 26 экземпляров являются двухсторонними, то есть имеют явные признаки переоформления (вторичного применения). Для изготовления скребков, в отличие от поселений каменного века Карелии, на Хижозеро I использовались в основном мелкие трещиноватые кварцевые гальки (валунная корка сохранилась на 10 скребках). Подобные гальки встречаются на

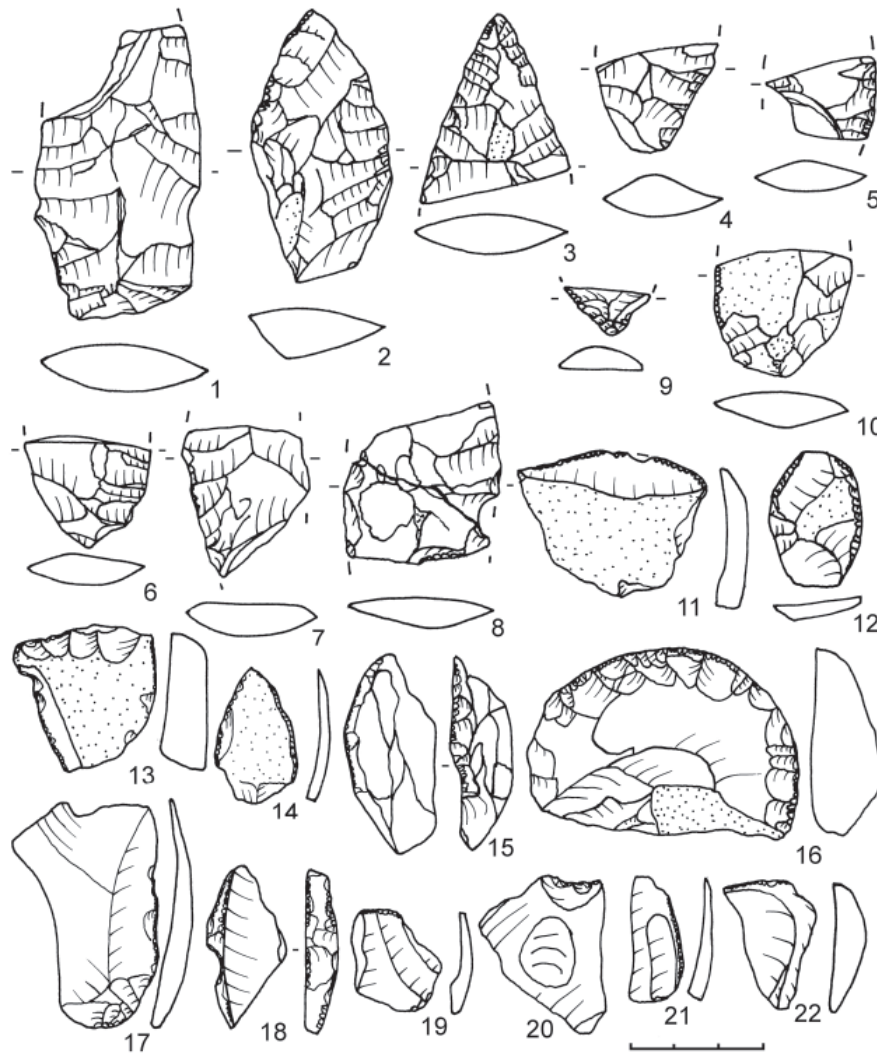

Рис. 8. Кремневый инвентарь стоянки Немецкий Кузов II. 1, 4–10 – обломки заготовок наконечников; 2 – заготовка наконечника; 3 – обломок наконечника дротика; 11–13, 15, 16, 19, 22 – скребки; 14, 17, 21 – ножи; 18, 20 – скобели.

Fig. 8. Flint inventory from the Nemetskiy Kuzov II site. 1, 4–10 – fragments of arrowheads; 2 – arrowhead preform; 3 – fragment of darthead; 11–13, 15, 16, 19, 22 – scrapers; 14, 17, 21 – knives; 18, 20 – push-planes.

территории региона повсеместно, в том числе на берегах водоема, на котором расположена стоянка. Судя по этим признакам, обитатели Хижозера I явно испытывали недостаток в высококачественном кварцевом сырье, что отчасти может быть связано с функционированием данного поселения только в зимнее время. Однако, скорее всего, эти особенности скребущих орудий, выявленные в каменном инвентаре Хижозера I, связаны с тем, что в финале РЖВ происходит общая деградация навыков горного дела у древнего населения региона. Отмечу, что в каменном веке Западного Прибеломорья древние люди получали в необходимых объемах кварц высокого качества путем разработки кварцевых жил и поис-

ка крупных кварцевых желваков на вершинах послеледниковых озов.

На стоянках финала РЖВ Соловецкого архипелага, помимо немногочисленных скребок из кварца, в небольшом числе найдены отщепы и изделия из серо-белого кремня плохого качества (Мартынов, 2022, с. 249, 251), тогда как кремневые орудия на более ранних стоянках этой части Прибеломорья, как правило, имеют разнообразную и яркую окраску. Поскольку интенсивный красный или желтый цвет кремневых изделий, как известно, свидетельствует об их тепловой обработке, улучшающей свойства (изотропность) кремня, то можно предположить утрату населением Прибеломорья к финалу

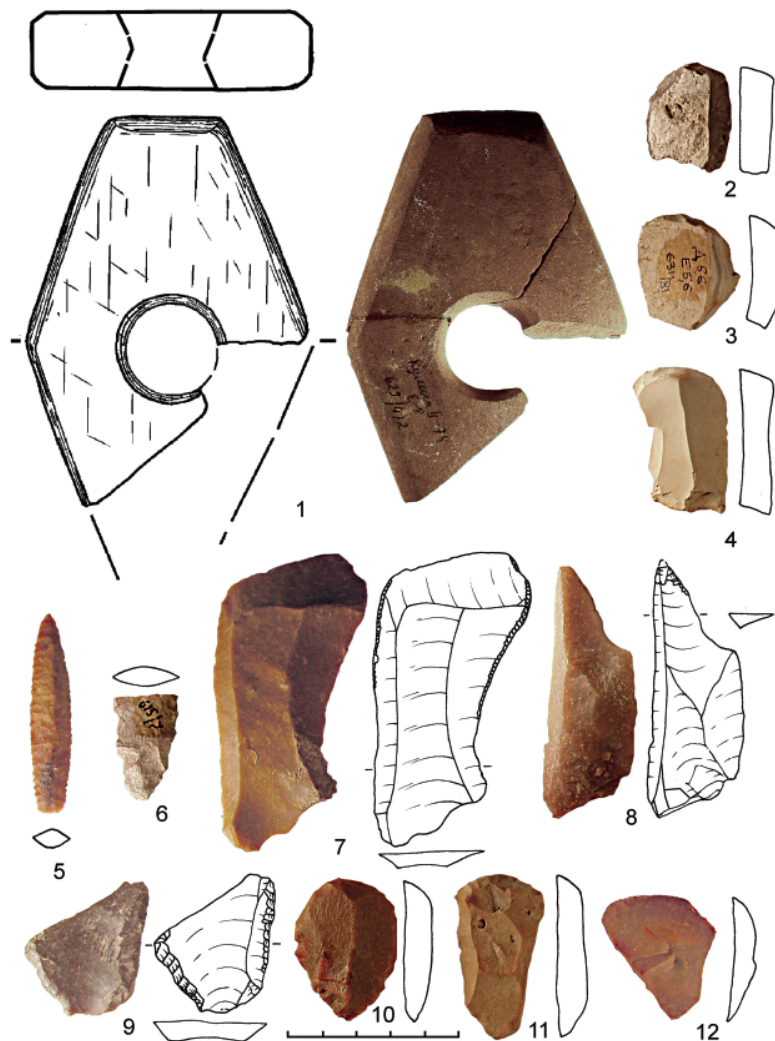

Рис. 9. Каменный инвентарь со стоянок с раннеананьинской керамикой среднего течения реки Северная Двина.

1–2, 4–12 – Приозерная II; 3 – Кулига II. 1 – кварцит; 2–12 – кремнь. 1 – сверленный топор-молот; 2–4, 10–12 – скребки; 5 – наконечник стрелы; 6 – обломок наконечника дротика; 7, 9 – ножи; 8 – проколка.

Fig. 9. Stone inventory from the sites with the Early Ananyino ware in the middle course of the Northern Dvina River.

1–2, 4–12 – Priozerная II; 3 – Kuliga II. 1 – quartzite; 2–12 – flint.

1 – drilled axe-hammer; 2–4, 10–12 – scrapers; 5 – arrowhead; 6 – fragment of darthead; 7, 9 – knives; 8 – borer.

раннего железного века важной части технологической цепочки предварительной подготовки кремневого сырья к расщеплению.

Обсуждение полученных данных

Почти полное отсутствие асбеста среди отощителей в формовочной массе сетчатой посуды юго-западной части Прибеломорья при абсолютном доминировании этой примеси в позднеэнеолитической посуде на этой территории (тип Палайгуба) (Жульников, 2022) можно рассматривать как одно из важнейших свидетельств миграции сюда в эпоху бронзы нового населения, ранее явно проживавшего за пределами Балтийского щита. Появление на керамике финала бронзы в юго-западной части Прибеломорья примеси асбеста,

видимо, является следствием контактов групп населения с сетчатой керамикой, в том числе обитавшего в северо-восточной части Финляндии. Обнаружение лебяжского сосуда с примесью асбеста на одной из стоянок Юго-Западного Прибеломорья (Тунгуда XXXVIII) является очевидным фактом наличия связей лебяжского населения с носителями традиций «сетчатого» гончарства. Появление на асбестовой керамике типа Пасвик у венчика горизонтальных поясков из редко расставленных ямок, не исключено, связано с влиянием традиций сетчатой керамики и указывает на наличие некоторых контактов носителей этих керамических традиций. Возможно, массовое присутствие в сетчатой керамике Финляндии

Рис. 10. Инвентарь поселения Хижозеро I. 1–13 – керамика типа Лууконсаари; 14–17, 19–26, 31 – кварцевые скребки; 18 – железный наконечник стрелы; 30 – отбойник; 27–29 – кварцевые нуклеусы.

Fig. 10. Archaeological material from Khizhozero I settlement. 1–13 – sherds of Luukonsaari ware; 14–17, 19–26, 31 – quartz scrapers; 18 – iron arrowhead; 30 – hammerstone, 27–29 – quartz cores.

примеси асбеста обусловлено сложением в северной части Ботнического залива устойчивых связей мигрантов с аборигенным населением Северной Европы, для которого в эпоху бронзы характерно разнообразие типов «асбестовой» посуды (Jorgensen, Olsén, 1988).

В эпоху бронзы приток кремня в западную часть бассейна Белого моря достигает наибольших масштабов начиная со времени заселения этого региона в послеледниковую эпоху. Индустрия кремня в Прибеломорья в финале эпохи бронзы не имеет признаков упадка. В начале I тыс. до н. э. сланцевые рубящие орудия на территории региона окончательно выходят из употребления, что является косвенным признаком их замены бронзовыми кельтами. Форма из амфибо-

ло-хлоритового сланца для отливки такого кельта (тип Маанинка по финской классификации (Lavento, 2001, fig. 8.3, 8.4)) найдена М.Г. Косменко на стоянке Елменкоски в Западном Прибеломорье (1997, рис. 13: 2). На территории Финляндии найдено более 40 каменных литейных форм, которые большей частью изготовлены из мыльного (талькового) камня. Они относятся не только к бронзе, но и РЖВ (Lavento, 2001, p. 125).

Резкое уменьшение доли кремневых наконечников стрел и дротиков на поселениях бассейна Белого моря совпадает по времени с началом формирования ананьинской историко-культурной общности. Многие ананьинские городища Поволжья и Прикамья получили определение «костеносных», поскольку

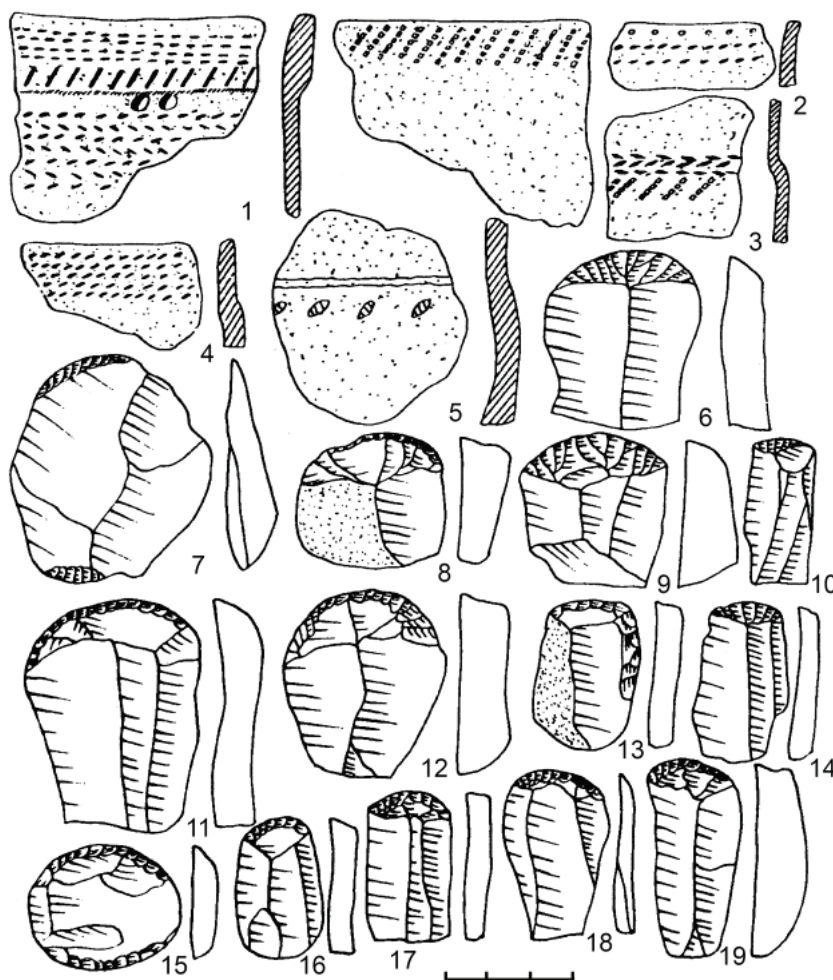

Рис. 11. Позднеананьинская керамика (1–5) и кремневые скребки (6–26) со стоянки Сордим 2 (Мартынов, 2007, рис. 60).

Fig. 11. Late Ananino ware (1–5) and flint scrapers (6–26) from the Sordim 2 site (by Martynov, 2007, fig. 60).

подавляющая часть найденных на них орудий изготовлена из рога и кости, а изделий из металла и камня на них очень мало (Збруева, 1952, с. 23–24). Например, на Аргыжском городище, расположенном на реке Вятке, где благодаря современной методике раскопок получены надежные стратиграфические данные о залегании разных категорий инвентаря, зафиксировано массовое использование некоторых типов костяных наконечников стрел в раннеананьинских слоях, тогда как кремневые наконечники, найденные в этих же слоях, встречаются очень редко, имеют довольно простую листовидную форму (Черных, Ванчиков, Шаталов, 2002, с. 37, 48). Исходя из этих данных, можно предположить, что традиция изготовления наконечников метательного вооружения из кости, зародившись на «костеносных» городищах, образующих своего рода «ядро» ананьинского мира,

распространилась и в его северные области, занятые группами лесных охотников и рыбаков, близких в культурном отношении с «классическими» ананьинцами.

Аналогичная ситуация складывалась, видимо, и в юго-западной части бассейна Белого моря, где на памятниках с керамикой типа Лууконсаари заметно влияние населения дьяковской культуры. Обилие наконечников стрел и гарпунов из кости наблюдается и в слоях поселений с позднекаргопольской керамикой бассейна озер Лаче и Воже, где из-за влажности почвы хорошо сохраняются органические материалы.

Преобладание на раннеананьинских памятниках Прибеломорья простых листовидных форм наконечников стрел и дротиков, замена прямого и вогнутого насада округлым (у листовидных и черешковых наконечников с усеченной базой), не характерных для комплексов

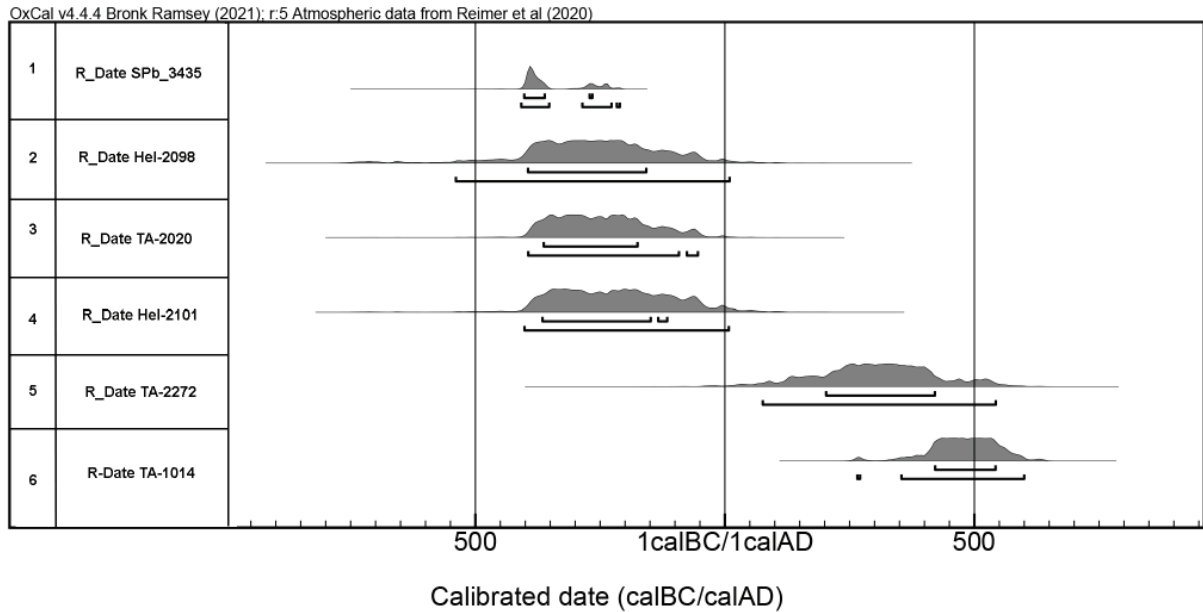

Рис. 12. Даты горнов раннего железного века в виде каменных ящиков на территории Восточной Финноскандии.

1 – Пески IVa; 2, 4 – Якялянниемеи Кайяни; 3 – Тунгуда XII; 5 – Пелдожское I; 6 – Кудома XI

Fig. 12. Dates of furnaces of the Early Iron Age in the form of stone boxes on the territory of Eastern Fennoscandia.

1 – Peski IVa; 2, 4 – Äkälänniemi Kajaani; 3 – Tunguda XII; 5 – Peldozhskoye I; 6 – Kudoma XI

эпохи бронзы этого региона, видимо, может рассматриваться как свидетельство постепенной утраты населением региона навыков обработки кремня и приемов изготовления некоторых типов метательного вооружения. Тем не менее говорить о полном исчезновении форм наконечников, типичных для эпохи бронзы, в раннеананьинское время нельзя. Их изготовление в Прибеломорье продолжается, хотя и в незначительных масштабах, видимо, до конца первой половины I тыс. до н. э.

Второе существенное изменение в каменном инвентаре РЖВ, наиболее заметное на поселениях Прибеломорья, расположенных в пределах Балтийского щита, как было выше отмечено, происходит во второй половине I тыс. до н. э. Наиболее очевидной причиной полного исчезновения в это время из номенклатуры каменного инвентаря кремневого метательного вооружения, режущих инструментов является их замена на железные аналоги.

Постепенно накапливаются данные о том, что массовое распространение производства железа в Восточной Финноскандии и, видимо, на всей территории бассейна Белого моря начинается не позднее IV века до н. э. Об этом в настоящее время в первую очередь свидетельствуют датировки железодельных горнов в виде каменных ящиков, обнаружен-

ные во многих частях Карелии и Финляндии, часто вне культурного слоя поселений. Для угля из подобного горна на стоянке Пески IVa в Западном Прионежье недавно была получена дата (публикуется впервые): 409–211 calBC (2300 ± 30, SPb_3435). Примерно к этому времени относятся даты из железодельных горнов в виде каменных ящиков на стоянке Тунгуда XII (Юго-Западное Прибеломорье) (рис. 12: 3) и стоянке Кайяни Якялянниемеи (северо-восточная часть Финляндии) (рис. 12: 2, 4) (Жульников, 2008).

Увеличение на некоторых памятниках второй половины I тыс. до н. э. в составе каменного инвентаря доли абразивов, скорее всего, связано с их применением для заточки железных инструментов. Прекращение в это время производства кремневых режущих инструментов и наконечников стрел, видимо, привело к почти полному прекращению обмена кремнем в западной части Прибеломорья. Поскольку вплоть до финала РЖВ у населения региона сохранялась потребность в каменных скребках, видимо, для выделки шкур, то для их изготовления вполне подходил кварц, повсеместно встречающийся на территории Балтийского щита.

Заключение

Население с сетчатой керамикой, в эпоху бронзы продвинувшееся с юга в западную

часть бассейна Белого моря, на протяжении нескольких столетий не применяет асбест, слюду и тальк в керамическом производстве, что косвенно указывает на продолжительное сохранение южного (верхневолжского?) направления связей, что подтверждается и массовым поступлением в это время кремня на территорию региона и бассейн Онежского озера. В раннем железном веке, судя по многочисленности на поселениях Западного Прибеломорья посуды с экзотическими местными минеральными примесями, южный вектор связей ослабевает, а контакты с восточными областями бассейна Ботнического залива Балтийского моря, напротив, становятся достаточно интенсивными. Ананьинское население, продвинувшееся в середине I тыс. до н. э. в юго-западную часть Прибеломорья, не использует в керамическом производстве местные экзотические примеси. Этот факт противоречит утверждению ряда исследователей, что керамика типа Лууконсаари является дериватом ананьинской керамической традиции (Косменко, 1997; Манюхин, 2002). О некотором влиянии ананьинцев на культуру населения, проживавшего в западной части бассейна Онежского озера и примыкающих к нему областях Прибеломорья, помимо находок единичных гибридных сосудов, видимо, можно судить по высокой доле в этих районах посуды типа Лууконсаари с примесью дресвы (рис. 4).

Появление в керамике эпохи бронзы Финляндии примеси талька, слюды с тальком одновременно с началом массового изготовления в этом регионе литейных форм из талька, которое активно продолжается и в РЖВ, является еще одним из свидетельств комплексной добычи и использования каменного сырья населением Восточной Фенноскандии в эпоху раннего металла (кварц-медь, кварц-медь-асбест, метатуйф-кварц-асбест, лидит-асбест-медь и т. п.). «Импортные» сосуды с примесью антофиллит-асбеста и слюды с тальком, найденные на некоторых поселениях РЖВ

Прибеломорья, могли быть произведены в восточной части бассейна Ботнического залива (Финляндия) в тех же местах, где изготавливались литейные формы ананьинских кельтов из талька.

На протяжении всей эпохи бронзы на поселениях Прибеломорья остаются неизменными состав и типы орудий из кремня. Различий в морфологии каменных орудий на поселениях с сетчатой и лебяжской керамикой Западного Прибеломорья обнаружить не удалось. Высокая доля наконечников метательного вооружения на стоянках эпохи бронзы беломорского побережья по сравнению с внутриматериковыми поселениями Прибеломорья, вероятно, связана со специализацией обитавших здесь людей в охоте на морского зверя.

Наступление в первой половине I тыс. до н. э. своего рода «костяного века» в развитии культуры ананьинских племен некоторых лесных районов Поволжья и Прикамья, как мне представляется, являлось основным фактором, который привел в Прибеломорье, где обитали близкие к «южным» ананьинцам группы охотничье-рыболовческого населения, к заметному уменьшению в каменном инвентаре доли метательного вооружения. Наконечники стрел и копий на северных раннеананьинских поселениях, как и в Поволжско-Прикамском регионе, видимо, большей частью изготавливались из кости, которая в условиях песчаных почв, характерных для большей части Прибеломорья (исключение – бассейн озер Воже и Лаче), не могла сохраниться до настоящего времени.

Повсеместное распространение в Прибеломорье железоделательного производства (не позднее IV века до н. э.) является основной причиной не только начала деградации индустрии кремня, но и почти полного затухания в это время обмена каменным сырьем, за исключением слюды, талька и асбеста, которые активно используются на территории Фенноскандии в гончарном производстве вплоть до начала I тыс. н. э.

ЛИТЕРАТУРА

Ашихмина Л.И. К вопросу о формировании лебяжской культуры // Взаимодействие культур Северного Приуралья в древности и средневековье / МАЕСВ. Вып. 12 / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1993. С. 60–76.

Ашихмина Л.И., Васкул И.О. Памятники ананьинской культурной общности // Археология Республики Коми / Отв. ред. Э.А. Савельева. М.: ДиК, 1997. С. 314–348.

Ашихмина Л.И., Косинская Л.Л. Каменный инвентарь поздней бронзы – раннего железа поселения Боргангьель // Узловые проблемы современного финно-угроведения. Материалы I Всероссийской научной конференции финно-угроведов (Йошкар-Ола, 14–18 ноября 1994 г.) / Отв. ред. Г. А. Архипов. Йошкар-Ола: Научный центр финно-угроведения, 1995. С. 10–12.

Васкул И.О. Памятники гляденовской культурной общности // Археология Республики Коми / Отв. ред. Э.А. Савельева. М.: ДиК, 1997. С. 349–399.

Гурина Н.Н. Результаты археологического обследования южного побережья Кольского полуострова // СА. Вып. 12 / Отв. ред. М.И. Артамонов. М.; Л.: АН СССР, 1950. С. 105–127.

Гусенцова Т.М., Жульников А.М. Новые данные о датировке памятников с асбестовой керамикой энеолита – эпохи бронзы на территории Северо-Запада России // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 1. С. 8–19.

Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху / Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. V / МИА. № 30. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 326 с.

Жульников А.М. Поселения эпохи раннего металла Юго-Западного Прибеломорья. Петрозаводск: Паритет, 2005. 310 с.

Жульников А.М. Западное Беломорье в эпоху раннего железа: динамика межкультурного взаимодействия // РА. 2008. № 4. С. 34–42.

Жульников А.М. О границах археологических культур в бассейне Белого моря и на сопредельных территориях на рубеже эпохи бронзы и раннего железного века // Тверской археологический сборник. Вып. 12 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2021. С. 77–92.

Жульников А.М. О контактах населения с чирковской и асбестовой палайгубской керамикой // Поволжская археология. 2022. № 3 (41). С. 188–203.

Косменко М.Г. Археологические культуры периода бронзы – железного века в Карелии. СПб: Наука, 1993. 216 с.

Манюхин И.С. Происхождение саамов. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2002. 242 с.

Мартынов А.Я. Древности Устьянского края. Архангельск: Солти, 2007. 224 с.

Мартынов А.Я. Домонастырские древности Соловецкого архипелага. VI тыс. до н. э. – XV век. Архангельск: Лоция, 2022. 400 с.

Мурашкин А.И., Карпелан К. Периодизация эпохи раннего металла Кольского полуострова на основании изучения керамики // Проблемы периодизации и хронологии в археологии эпохи раннего металла Восточной Европы: Материалы тематической научной конференции / Отв. ред. Е.А. Черленок. СПб.: Скифия-принт, 2013. С. 200–207.

Ошибкина С.В. Краткая характеристика позднекаргопольской культуры // КСИА. № 142 / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1975. С. 18–24.

Савватеев Ю.А. Залавруга. Археологические памятники низовья реки Выг. Часть 2. Стоянки. Л.: Наука, 1977. 328 с.

Селиванова Н.Б. Результаты петрографического анализа керамики Кольского полуострова // Гурина Н.Н. История культуры древнего населения Кольского полуострова. СПб: Петербургское Востоковедение, 1997. С. 141–144.

Стоколос В.С. Культуры эпохи раннего металла Северного Приуралья. М.: Наука, 1988. 256 с.

Фосс М.Е. Древнейшая история севера европейской части СССР / МИА. № 29. М.: АН СССР, 1952. 279 с.

Черных Е.М., Ванчиков В.В., Шаталов В.А. Аргыжское городище на реке Вятке. М.: Ин-т компьютер. исследований, 2002. 188 с.

Lavento M. Textile ceramics in Finland and on the Karelian Isthmus: Nine variations a. fugue on a theme of C. F. Meinander / Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Vol. 109. Helsinki, 2001. 410 p.

Lavento M., Hornytzkij S. Asbestos types and their distribution in the Neolithic, Early Metal Period and Iron Age pottery in Finland and Eastern Karelia // Helsinki Papers in Archaeology. No 9. Helsinki: University of Helsinki, 1996. P. 41–70.

Ludikova A.V., Subetto D.A., Kuznetsov D.D., Sapelko T.V. From a large basin to a small lake: siliceous microfossils stratigraphy of the isolation basins on Big Solovetskiy Island (the White Sea, NW Russia) and

its implication for paleo-reconstructions) // *Quaternary International*. 2021. Vol. 605–606. DOI: 10.1016/j.quaint.2021.07.00

Jorgensen R., Olsen B. Asbestkeramiske grupper i Nord-Norge 2100 f.kr. ±400 e.kr. /Tromsø. Vol. 13. Tromsø, 1988. 92 p.

Информация об авторе:

Жульников Александр Михайлович, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, Петрозаводский государственный университет (г. Петрозаводск, Россия); roskart@yandex.ru

REFERENCES

Ashikhmina, L. I. 1993. In Savelyeva, E. A. (ed.). *Vzaimodeystvie kul'tur Severnogo Priural'ya v drevnosti i srednevekov'e (Interaction of Cultures of the Northern Cis-Urals in Antiquity and the Middle Ages)*. Series: Materials on the Archaeology of Northeast (12). Syktyvkar: Institute of Language, Literature and History, Komi Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 60–76 (in Russian).

Ashikhmina, L. I., Vaskul, I. O. 1997. In Savel'eva, E. A. (ed.). *Arkheologiiia Respubliki Komi (Archaeology of the Komi Republic)*. Moscow: "DiK" Publ., 314–348 (in Russian).

Ashikhmina, L. I., Kosinskaya, L.L. 1995. In Arkhipov, G. A. (ed.). *Uzlovye problemy sovremennogo finno-ugrovedeniia. Materialy I Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii finno-ugrovedov (Key Issues of the Modern Finno-Ugric Studies. Proceedings of the First All-Russian Conference of Finno-Ugric Researchers)*. Yoshkar-Ola: Research Center of Finno-Ugric Studies, 10–12 (in Russian).

Vaskul, I. O. 1997. In Savel'eva, E. A. (ed.). *Arkheologiiia Respubliki Komi (Archaeology of the Komi Republic)*. Moscow: "DiK" Publ., 349–399 (in Russian).

Gurina, N. N. 1950. In Artamonov, M. I. (ed.). *Sovetskaia Arkheologiiia (Soviet Archaeology)* 12. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 105–127 (In Russian).

Gusentsova, T. M., Zhul'nikov, A. M. 2023. In *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta (Scientific Bulletin of the Petrozavodsk State University)* 45 (1), 8–19 (In Russian).

Zbrueva, A. V. 1952. *Istoriia naseleniia Prikam'ia v anan'inskuiu epokhu (History of the Population of the Kama River Region in the Ananyino Time)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Urala i Priural'ia (Materials and Research on the Archaeology of Ural and the Cis-Urals Area) V. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 30. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Zhul'nikov, A. M. 2005. *Poseleniia epokhi rannego metalla Iugo-Zapadnogo Pribelomor'ia (Settlements of the Early Metal Age of the South-Western White Sea Region)*. Petrozavodsk: "Paritet: Publ. (in Russian).

Zhul'nikov, A.M. 2008. In *Rossiiskaia Arkheologiiia (Russian Archaeology)* (4), 34–42 (in Russian).

Zhul'nikov, A. M. 2021. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* 12. Tver: "Triada" Publ., 77–92 (in Russian).

Zhul'nikov, A. M. 2022. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 41 (3), 188–203 (in Russian).

Kosmenko, M. G. 1993. *Arkheologicheskie kul'tury perioda bronzy – zhelezного veka v Karelii (The archaeological cultures of the period of the Bronze–Iron Ages in Karelia)*. Saint Petersburg: "Nauka" Publ. (in Russian).

Manyukhin, I. S. 2002. *Proiskhozhdenie saamov (Genesis of the Saami)*. Petrozavodsk: Karelian Scientific Center, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Martynov, A. Ya. 2007. *Drevnosti Ust'yanskogo kraia (Antiquities of the Ustyansk region)*. Arkhangelsk: "Solti" Publ. (in Russian).

Martynov, A. Ya. 2022. *Domonastyrskie drevnosti Solovetskogo arhipelaga. VI tys. do n. e. – XV vek (Pre-monastic antiquities of the Solovetsky archipelago. VI millennium BC – XV century AD)*. Arkhangelsk: "Lotsiia" Publ. (in Russian).

Murashkin, A.I., Carpelan, C. 2013. In Cherlenok, E. A. (ed.). *Problemy periodizatsii i khronologii v arkheologii epokhi rannego metalla Vostochnoy Evropy: Materialy tematicheskoy nauchnoy konferentsii (Issues of Periodization and Chronology in the Archaeology of the Early Metal Period of Eastern Europe: Proceedings of the Thematic Scientific Conference)*. Saint Petersburg: "Skifiya-print" Publ., 200–207 (in Russian).

Oshibkina, S.V. 1975. In Kruglikova, I. T. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 142. Moscow: "Nauka" Publ., 18–24 (In Russian).

Savvateev, Yu. A. 1977. *Zalavruga. Arkheologicheskie pamyatniki nizov'ya reki Vyg. Chast' 2. Stoyanki (Zalavruga. Archaeological sites of Lower Vyg River. Part two. Sites)*. Leningard: "Nauka" Publ. (in Russian).

Selivanova, N. B. 1997. In Gurina, N. N. *Istoriya kul'tury drevnego naseleniya Kol'skogo poluostrova (History of culture of the ancient population of the Kola Peninsula)*. Saint Petersburg: "Peterburgskoe Vostokovedenie" Publ., 141–144 (in Russian).

Stokolos, V. S. 1988. *Kul'tury epokhi rannego metalla Severnogo Priural'ya (Cultures of the Early Metal Period in the Northern Urals)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Foss, M. E. 1952. *Drevneyshaya istoriya severa evropeyskoy chasti SSSR (Ancient History of the Northern Area of the European Part of the USSR)* 29. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 29. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Chernykh, E. M., Vanchikov, V. V., Shatalov, V. A. 2002. *Argyzhskoe gorodishche na reke Viatke (Argyzh Hillfort on the Vyatka River)*. Moscow: Institute of Computer Research (in Russian).

Lavento, M. 2001. *Textile ceramics in Finland and on the Karelian Isthmus: Nine variations a. fugue on a theme of C. F. Meinander*. Series Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Vol. 109. Helsinki (in English).

Lavento, M., Hornytzkij, S. 1996. In *Helsinki Papers in Archaeology* 9, 41–70 (in English).

Ludikova, A. V., Subetto, D. A., Kuznetsov, D. D., Sapelko, T. V. 2021. In *Quaternary International*. Vol. 605-606. DOI: 10.1016/j.quaint.2021.07.00 (in English).

Jorgensen, R., Olsen, B. 1988. *Asbestkeramiske grupper i Nord-Norge 2100f.kr. 400 e.kr*. In Tromura. Vol. 13. Tromsø (in Norwegian).

About the Author:

Zhul'nikov Aleksandr M. Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Petrozavodsk State University, Lenina St., 33, Petrozavodsk, 185910, Republic of Karelia, Russian Federation; rockart@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2023 г.
Статья принята к публикации 01.04.2023 г.

КАМЕННЫЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ АНАНЬИНСКОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ¹

© 2023 г. А.А. Чижевский, М.Ш. Галимова

Каменные наконечники стрел широко использовались на территории ананьинской культурно-исторической области на протяжении IX–VII вв. до н.э. Многочисленные аналогии в памятниках маклашеевской культуры позволяют предполагать, что основные формы наконечников раннего железного века сложились еще в бронзовом веке. В АКИО использовали, в основном, черешковые наконечники, причем предпочтение отдавалось эллипсоидным формам. Наибольшее количество типов каменных наконечников приходится на постмаклашеевскую культуру, далее следуют вятско-ветлужская культура, ананьинская классическая и акозинская. Мастерами АКИО широко применялась технология производства тонких бифасов – наконечников стрел. В этом процессе использовалась техника сплошного бифасиального утончения заготовок. Эта сложная технология, требующая определенной квалификации и достаточно высокого качества сырья, практиковалась в Волго-Уралье с энеолита. В кругу носителей АКИО наряду с этой сложной многоступенчатой технологией применялась простая техника утончения краевых частей заготовок наконечников.

Ключевые слова: археология, ранний железный век, ананьинская культурно-историческая область, каменные наконечники стрел, классификация, технология, хронология.

STONE ARROWHEADS OF THE ANANYINO CULTURAL-HISTORICAL AREA²

A.A. Chizhevsky, M.Sh. Galimova

Stone arrowheads were widely used on the territory of the Ananyino cultural-historical area during the IX–VII centuries BC. Numerous analogies in the sites of Maklasheyevka culture suggest that the main forms of arrowheads of the Early Iron Age were formed in the Bronze Age. In the Ananyino cultural-historical area, mainly petiole arrowheads were used, with preference given to ellipsoid shapes. The largest number of types of stone arrowheads falls on the Postmaklasheyevka culture, followed by the Vyatka-Vetluga culture, Ananyino classical and Akozino. The Ananyino cultural-historical area masters widely used the technology of production of thin bifaces – arrowheads. In this process, the technique of continuous bifacial thinning of blanks was used. This complex technology, which requires certain qualifications and a sufficiently high quality of raw materials, has been practiced in the Volga-Urals since the Eneolithic. In the circle of Ananyino cultural-historical area carriers, along with this complex multi-stage technology, a simple technique of thinning the edge parts of the tip blanks was used.

Keywords: archaeology, Early Iron Age, Ananyino cultural-historical area, stone arrowheads, classification, chronology.

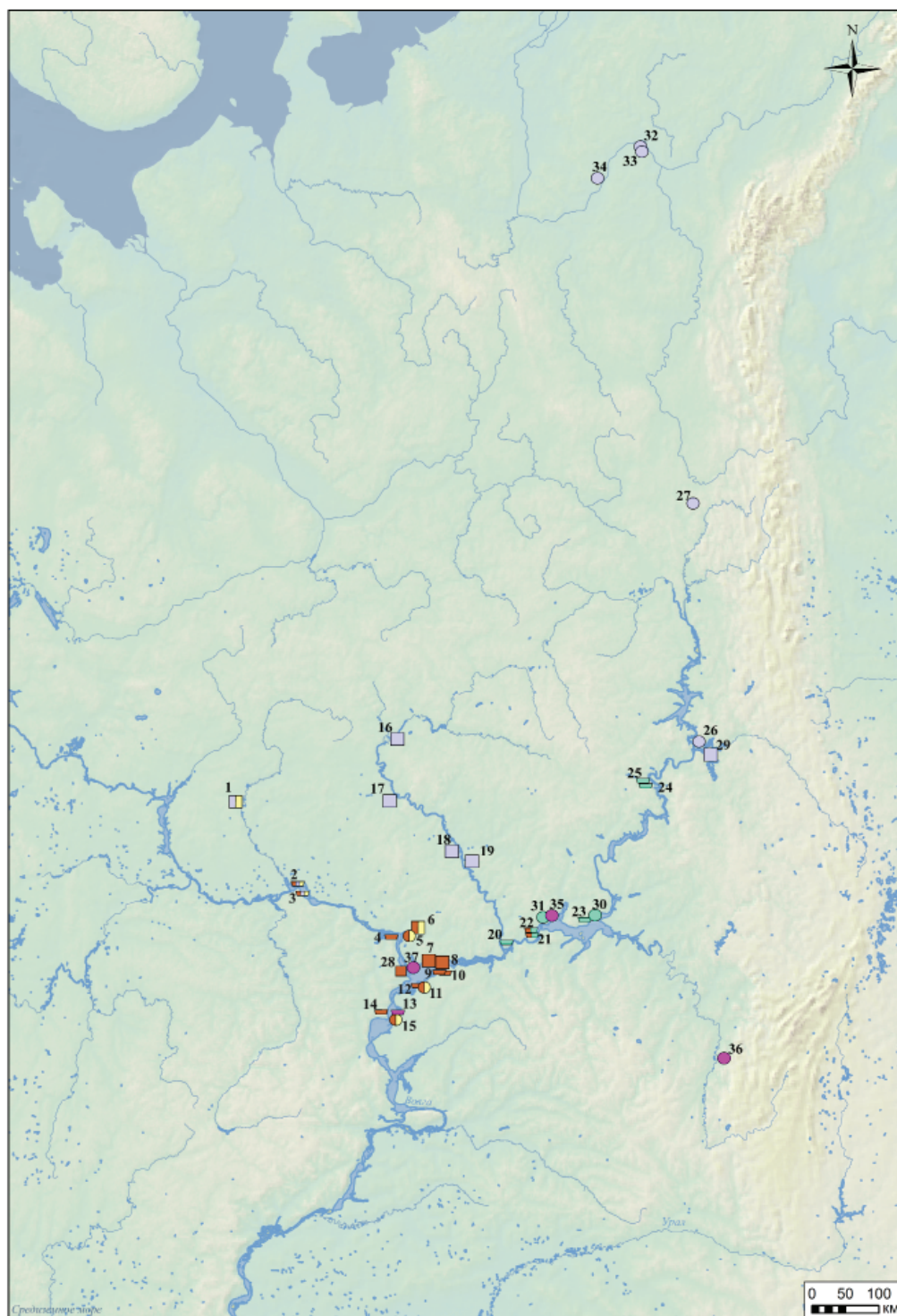
Наша статья преследует своей целью заполнить образовавшуюся в силу разных обстоятельств лауну в изучении ананьинской культурно-исторической области (АКИО), связанную с классификацией каменных наконечников стрел. На протяжении всей истории изучения АКИО каменным наконечникам стрел не уделялось достаточного внимания,

в результате в настоящее время существует лишь одна система классификации, разработанная А.Х. Халиковым почти 50 лет назад (1977).

Одну из первых попыток таксономии каменных наконечников стрел предприняла А.В. Збруева (1952). Так как к тому времени на территории АКИО было выявлено всего семь

¹ Авторы выражают благодарность С.Н. Коренюку, Э.И. Оруджову и А.В. Шипилову за разрешение использовать неопубликованные материалы.

² The authors express their gratitude to S.N. Korenyuk, E.I. Orudzhov and A.V. Shipilov for permission to use unpublished materials.

наконечников стрел, она не стала разрабатывать общую классификацию, а дала описание наконечников по каждому памятнику. Причем, если для наконечников Луговского могильника были даны наименования, схожие с существующими названиями типов в современных классификациях, такие как ланцетовидный, листовидный, фигура близкая к ромбу, то для Зуевского могильника в половине случаев

использовались описательные характеристики. В числе четырех зуевских наконечников были: 1 – близкий к наконечнику из Маклашевского могильника; 2 – близкий ко второму типу Луговского могильника; 3 – листовидный, широкий и очень плоский; 4 – пятиугольный (Збруева, 1952, с. 88, 91).

Выборка каменных наконечников стрел, на которой построена классификация А.Х. Хали-

кова, существенно больше, она состояла из 69 изделий. Все наконечники стрел были разделены на два отдела: I – с выраженным черешком, II – без выраженного черешка.

В первом отделе по форме пера выделено шесть типов наконечников: 1) листовидные (13 экз.), 2) ланцетовидные (13 экз.), 3) ромбические (8 экз.), 4) листовидно-черешковые с намеченным боковым шипом (3 экз.), 5) подромбически-черешковые с вытянуто-треугольным пером (6 экз.), 6) двушипно-черешковые (3 экз.).

Во втором отделе было выделено два типа: 1) подтреугольные со слабо выемчатым основанием (3 экз.), 2) вытянуто-треугольные сужающиеся к плоскому основанию (20 экз.).

В 1984 г. В.С. Патрушев, согласившись с типологией А.Х. Халикова, дополнил ее новой находкой из погребения 926 Старшего Ахмыловского могильника (Патрушев, 1984).

Этим перечнем собственно и исчерпываются подходы к изучению и классификации каменных наконечников стрел АКЦИО.

База данных

В настоящее время количество известных нам каменных наконечников стрел возросло до 114 экземпляров и это позволило вновь обратиться к данной тематике. К сожалению, часть наконечников оказалась недоступна, речь идет о коллекции Ананьинского могиль-

ника (НМФ, 5381), состоящей из восьми экземпляров, четырех наконечников Котловского могильника, трех наконечников Зуевского могильника и двух из Васюковского II поселения. Таким образом, для анализа нами было использовано лишь 97 наконечников АКЦИО (табл. 1).

Каменные наконечники стрел АКЦИО были выявлены на 20 поселениях и 13 могильниках. Кроме того, для сравнения были привлечены наконечники стрел из поселений и могильников маклашеевской культуры финала бронзового века (18 экз.), на основании которой в начале раннего железного века оформился ряд культур ананьинской культурно-исторической области. В их числе наконечники стрел из Маклашеевского II могильника (2 экз.), Икской III (8 экз.), Касьяновской (6 экз.) и Курманаковской IV стоянок (2 экз.) (табл. 1) (Худяков, 1930, табл. II: 4, 5; Ашихмина, 2014, рис. 33: 1–7, 12; Збруева, Тихонов, 1970, рис. 21: 2–7; Чижевский, Лыганов, Кузьминых, 2021, рис. 5: 3, 9).

Находки каменных наконечников стрел распределены по территории АКЦИО очень неравномерно. Больше всего их выявлено на поселениях и могильниках постмаклашеевской культуры (47 экз.), значительно меньше их на памятниках аозинско-ахмыловской (12

Рис. 1. Карта распространения каменных наконечников стрел на территории АКЦИО и маклашеевской культуры.

АКЦИО: 1 – Богородское городище; 2 – Аозинский могильник; 3 – Старший Ахмыловский могильник; 4 – Пустоморквашинский могильник; 5 – г. Казань; 6 – Казанка I городище; 7 – Гремячий Ключ городище; 8 – Сорочьегогорское городище; 9 – Мурзихинский I могильник; 10 – Мурзихинский II могильник; 11 – Курган поселение; 12 – Измерский VII могильник; 14 – Тетюшский могильник; 15 – Гулькинская стоянка; 16 – Истобенское городище; 17 – Пижемское городище; 18 – Ройское (Ройский Шихан) городище; 19 – Аргыжское городище; 20 – Котловский могильник; 21 – Ананьинский могильник; 22 – Луговской I могильник; 23 – Зуевский могильник; 24 – Оханский могильник; 25 – Першинский могильник; 26 – Конецгорское селище; 27 – Васюковское II поселение; 28 – Антоновское городище; 29 – Галкинское городище; 30 – Быргындинская стоянка; 31 – Икское I поселение; 32 – Щельябож II поселение; 33 – Щельябож III поселение; 34 – Питюяг IV поселение. Маклашеевская культура: 13 – Маклашеевский II могильник; 35 – Икская III стоянка; 36 – Касьяновская стоянка; 37 – Курманаковская IV стоянка.

Fig. 1. Map of spread of stone arrow points on the territory of the Ananyino cultural-historical area (ACHA) and Maklasheyevka culture. ACHA: 1 – Bogorodskoye hillfort; 2 – Akozino burial ground; 3 – Elder Akhmylovo burial ground;

4 – Pustiye Morkvasi burial ground; 5 – Kazan; 6 – Kazanka I hillfort; 7 – Gremyachy Klyuch hillfort; 8 – Sorochiye Gory hillfort; 9 – Murzikha I burial ground; 10 – Murzikha II burial ground; 11 – Kurgan settlement; 12 – Izmeri VII burial ground; 14 – Tetyushi burial ground; 15 – Gulkinskaya site; 16 – Istobensk hillfort; 17 – Pyzhemskoye hillfort; 18 – Royskoye (Roisky Shikhan) hillfort; 19 – Argyzh hillfort; 20 – Kotlovka burial ground; 21 – Ananyino burial ground; 22 – Lugovoy I burial ground; 23 – Zuevo burial ground; 24 – Okhansk burial ground; 25 – Pershino burial ground; 26 – Konetsgor settlement; 27 – Vasyukovo II settlement; 28 – Antonovka hillfort; 29 – Galkino hillfort; 30 – Byrgynda site; 31 – Ik I settlement; 32 – Shchelyabozh II settlement; 33 – Shchelyabozh III settlement; 34 – Pituyag IV settlement. Maklasheyevska culture: 13 – Maklasheyevska II burial ground; 35 – Ik III site; 36 – Kasyanovskaya site; 37 – Kurmanakovo IV site.

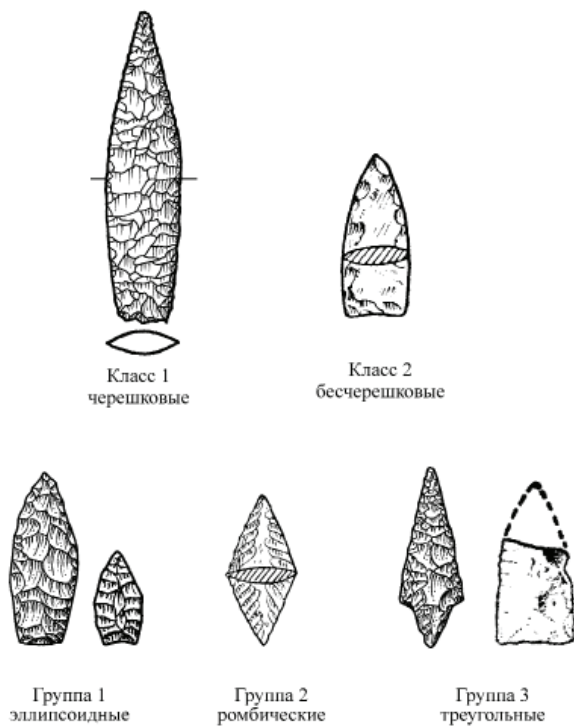

Рис. 2. Типообразующие признаки каменных наконечников стрел АСНА.

Fig. 2. Type features of АСНА stone arrow points.

экз.), ананьинской классической (15 экз.) и вятско-ветлужской культур (23 экз.) (рис. 1) (Худяков, 1933, табл. V: 14; Бадер, 1951, рис. 19: 2; Збруева, 1953, табл. I: 4, 5; II: 5, 6; IX: 1; XIX: 45–48; XXXIX: 1, 2; 1960, рис. 21: 12; Денисов, 1967, с. 46, рис. 2: 43, 44, 48; Халиков, 1962, табл. VI: 1; 1977, рис. 22: 4; 23: Г1; 24: 4; 29: 2; 76: 1–15; Патрушев, Халиков, 1982, табл. 8: 1и; 9: 3б, 3в; 13: 2е; 35: 3а; 39: 4а, 9; 40: 11, 20; 48: 1и, 1к; 52: 6а; 64: 13; 65: 8; 70: 4д; 74: 3а; 77: 1г, 2а; 80: 7; 84: 7; 89: 4; 93: 3а; 99: 1а, 8а; 102: 3г; 103: 12; 109: 15; 116: 7; 130: 1а (17); Патрушев, 1990, рис. 13: 9; 20: 3, 18; Казаков, 1994, рис. 7: 2, 3; Голдина, 2004, рис. 82: 1; Чижевский, Хисяметдинова, 2020, рис. 181: 3, 25; 188: 10; Чижевский, Волкова, 2021, рис. 9: 42; Черных, Чижевский, 2021, рис. 13: 14; 17: 6, 7; Чижевский, Черных, Кореньюк, 2021, рис. 16: 1; Оруджов, 2021, рис. 54: 5, 6, 13).

Большая часть каменных наконечников стрел зафиксирована в могильниках. Такова ситуация в коллекциях постмаклашевской (поселения – 8 экз., могильники – 39 экз.) и ананьинской классической (поселения – 2 экз., могильники 13 экз.) культур. В материалах аозинско-ахмыловской культуры все

известные нам наконечники происходят из могильников (12 экз.). Отличается в этом плане вятско-ветлужская культура, где наконечники из поселений (19 экз.) существенно превосходят находки из погребений (4 экз.).

Классификация наконечников стрел

Все представленные в нашей статье предметы относятся к одной категории – наконечники стрел. Мы рассматриваем только один вид из этой большой совокупности изделий – наконечники стрел, изготовленные из камня. В рамках этого вида возможно выделение двух классов наконечников: черешковые и бесчерешковые, рассматриваемые нами в рамках концепции В. Тэйлора, как совокупность схожих типов (Taylor, 1983, p. 116, 121). Собственно тип наконечников мы понимаем, как устойчивый комплекс признаков, так как это формулировал И. Рауз (Rous, 1960, p. 313–323). В качестве основного типобразующего признака, вслед за Н.Н. Гуриной, взята форма пера (Гурина, 1978, с. 64). Согласно такому геометрическому подходу выделены три группы каменных наконечников: эллипсоидные, ромбические, треугольные (Гурина, 1978; Базалийский, 2010, с. 41; Песков, 2019, с. 12) (рис. 2).

Варианты – выделяются по пропорциям соотношения высоты и ширины наконечника. При расчете оптимального интервала по формуле Стерджеса $a = \frac{x_{\max} - x_{\min}}{1 + 3,3219 \lg n}$ получаем шаг 0,67 или округленно 0,7 мм. В соответствии с этим шагом выделены: 1) очень широкие 1,2–1,9; 2) широкие 1,9–2,6; 3) листовидные 2,6–3,3; 4) средние 3,3–4; 5) ланцетовидные 4–4,7; 6) узкие 4,7–5,4; 7) очень узкие 5,4–6,1 наконечники стрел (Федоров-Давыдов, 1987, с. 27; Базалийский, 2010, с. 43; Песков, 2019, с. 13).

С учетом вариантов выделяются конечные типологические разряды наконечников стрел или типы, которые вслед за Е.Н. Черных рассматриваются нами как основные подразделения классификации (Черных, 1970, с. 53; Кузьминых, 1983, с. 56).

Подварианты, выделяются по конфигурации насада. В нашем случае для черешковых наконечников это изделия с приостренным (1) и уплощенным (2) черешком. Для бесчерешковых соответственно с прямой (1) и вогнутой (2) линией базы насада (рис. 2) (Халиков, 1977, с. 201; Базалийский, 2010, с. 41).

В классификацию не вошли наконечники стрел с неполным набором признаков. Для памятников финала бронзового века не использовалось четыре фрагмента наконечников из Икской III (1 экз.), Касьяновской (2 экз.) и Курманаковской IV (1 экз.) стоянок. Для памятников раннего железного века – семь фрагментов, в том числе: из погр. 55 Старшего Ахмыловского могильника (1 экз.) и поселений Конецгорского (1 экз.), Щельябож III (3 экз.), Питюяг IV (2 экз.).

Всего выделено 22 типа, из них 2 встречаются только в эпоху бронзы и не используются для расчетов. Количество привлеченных для классификации наконечников раннего железного века составляет 90, финала бронзового века – 14.

Класс I черешковые:

Группа I – эллипсоидные.

Тип I.1. Эллипсоидные очень широкие наконечники. К данному типу отнесено три наконечника стрелы.

Подвариант 1 с приостренным черешком происходит из Оханского могильника (подъемный материал) (рис. 3: 1). Подвариант 2 с уплощенным черешком – из Котловского могильника (мог. 15/1893 и 16/1893) (рис. 3: 2, 3). Дата ранних погребений Котловского некрополя определена – сер. VII – VI вв. до н.э. (Кузьминых, 1983, с. 104).

Тип I.2. Эллипсоидные широкие наконечники. Всего их известно 6 экз.

Все они относятся к подварианту 2 и происходят из городища Аргыж (1 экз.), поселения Курган (заготовка 1 экз.), могильников Ананьинского (коллекция Толмачева) (2 экз.) и Оханского (подъемный материал) (2 экз.) (рис. 3: 5–8, 10, 11).

Кроме того, к данному типу принадлежат два наконечника подвариантов 1 и 2 из Касьяновской стоянки (рис. 3: 4, 9), которая относится к маклашеевскому этапу маклашеевской культуры (XII–X вв. до н.э.) (Чижевский, Лыганов, Кузьминых, 2021). Время существования наконечников стрел типа I.2 в раннем железном веке не определено.

Тип I.3. Эллипсоидные листовидные наконечники. К этому типу принадлежит 22 экз.

К подварианту 1 отнесены восемь экземпляров. Пять из них происходят из Старшего Ахмыловского могильника (погр. 312; 509; P1963, кв. Л/26; P1974, кв. 3/19; 1969, п.м.) и по одному экземпляру – из Икского I поселе-

ния, Ананьинского (погр. G) (1 экз.) и Пустоморквашинского могильников (погр. 36) (рис. 3: 13–20). Подварианту 2 принадлежат 14 экз., которые происходят из: стоянок Гулькинская (1 экз.) и Быргындинская (1 экз.), городищ Галкинское (1 экз.) и Ройский Шихан (1 экз.), города Казань (1 экз.), могильников Зуевский (погр. 211) (1 экз.), Измерский VII (погр. 7) (1 экз.), Мурзихинский II (погр. 161) (1 экз.), Пустоморквашинский (P1979, кв. 3/9) (1 экз.), Старший Ахмыловский (погр. 59; 71; 693; P1968, кв. Б/11) (4 экз.), Тетюшский (погр. 120) (1 экз.) (рис. 3: 21, 23–26, 29–37).

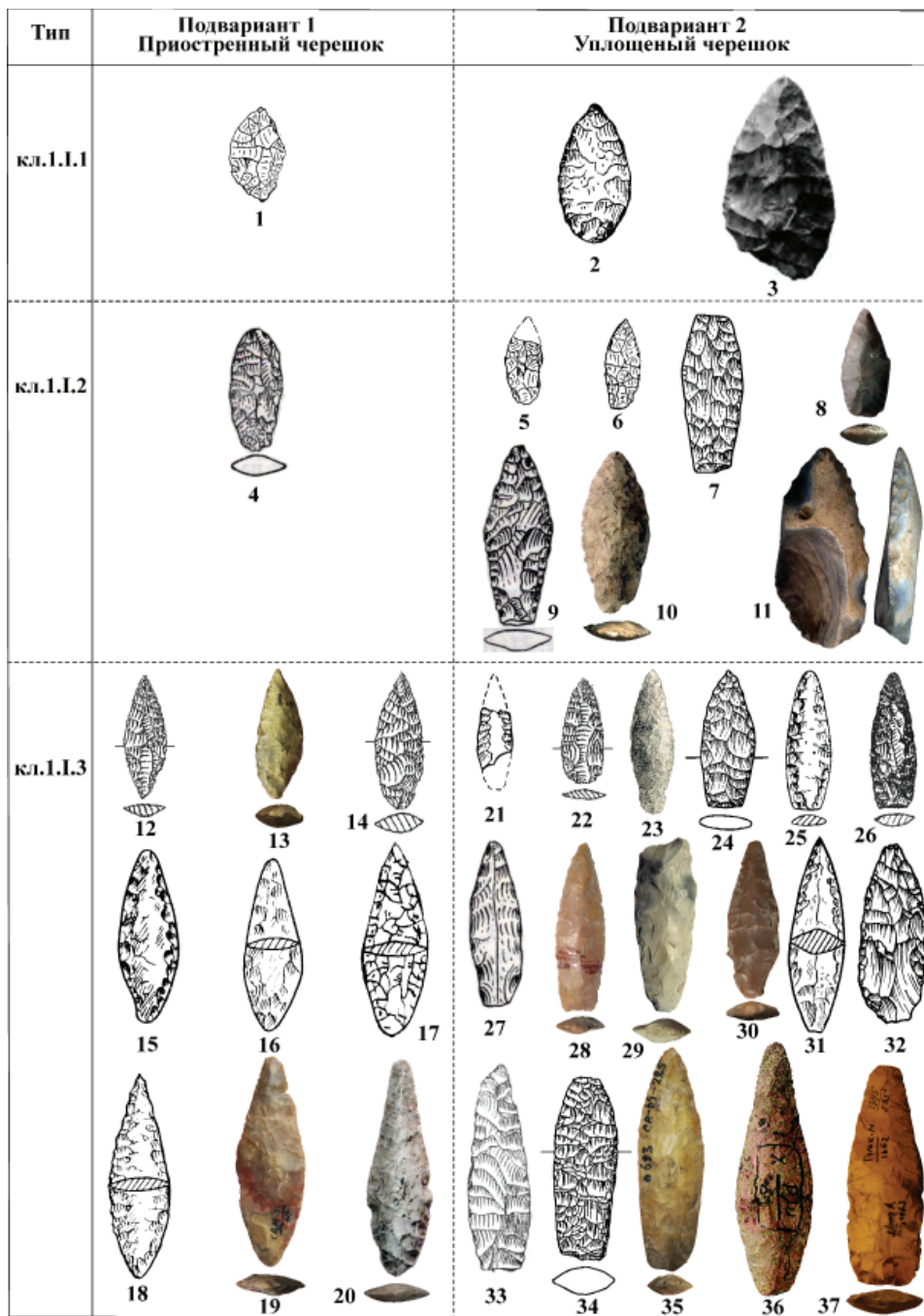
Кроме того, к данному типу в двух подвариантах относятся также наконечники маклашеевской культуры из погр. С Маклашеевского II могильника (1 экз.), а также Икской III (2 экз.) и Касьяновской стоянок (2 экз.) (рис. 3: 12, 22, 27, 28).

Судя по вещевым комплексам погребений, в которых были выявлены наконечники типа I.3., они имели распространение в финале бронзового века (XII–X вв. до н.э.) (Чижевский, Лыганов, Кузьминых, 2021). На памятниках раннего железного века эти наконечники датируются с IX по VI вв. до н.э. Однако, согласно материалам погр. 509 Старшего Ахмыловского могильников, их можно датировать более узко, в пределах сер. VIII – 2 пол. VIII вв. до н.э. (табл. 2) (Кузьминых, Чижевский, 2014, с. 121).

Тип I.4. Эллипсоидные наконечники средних пропорций, всего их выявлено 15 экз.

Подвариант 1 представлен шестью экземплярами из Антоновского городища (1 экз.), Луговского (погр. 56) и Старшего Ахмыловского (погр. 276; 429; 615; 926) могильников (рис. 4: 1–6). Подвариант 2 содержит девять экземпляров, в том числе: из городищ Аргыж (1 экз.), Гремячий Ключ (1 экз.) и Пижемское (1 экз.), а также поселения Щельябож III и могильников: Мурзихинский II (погр. 54; 176), Старший Ахмыловский (P1963, кв. Д/37; P1967, кв. Г/7), Тетюшский (погр. 28) (рис. 4: 7–15). Материалы погребений с датирующими вещами позволяют определить время бытования наконечников этого типа в широких рамках IX–VI вв. до н.э., а в узких – сер. VIII – 3 четв. VII в. до н.э. (табл. 2) (Кузьминых, Чижевский, 2014, с. 108).

Тип I.5. Эллипсоидные ланцетовидные наконечники – 3 экз.

Все наконечники этого типа относятся к подварианту 2. Они происходят из городища Сорочьи Горы (1 экз.) и могильников Старший Ахмыловский (погр.59) и Пустоморквашинский (P1976, кв. В/5) (рис. 4: 16, 17, 18, 19). Судя по находкам из погр. С Маклашеевского II могильника (1 экз.), наконечники этого типа распространены с финала бронзового века (XII–X вв. до н.э.) (Чижевский, Лыганов, Кузьминых, 2021), находки раннего железного века не имеют хроноиндикаторов.

Тип I.6. Эллипсоидные узкие наконечники. Учтено 5 экз.

К подварианту 1 относится один наконечник из Старшего Ахмыловского могильника (погр.276) (рис. 4: 20). К подварианту 2 – четыре экз. из городища Аргыж и могильников: Ананьинского (погр. G), Мурзихинского I (погр. 36), Мурзихинского II (PVII, 1998, кв. 22) (рис. 4: 21–24). Этот тип датирован по материалам погребений – сер. VIII – VII вв. до н.э. (табл. 2) (Чижевский, Лыганов, Храмченкова, 2023, с. 148).

Тип I.7. Эллипсоидные очень узкие наконечники. Известно четыре экз.

Рис. 3. Каменные наконечники стрел АКЮ. Класс 1 – черешковые, кл.1.1.1 – кл.1.1.3.

1 – Оханский могильник, п.м.; 2 – Котловский могильник, мог.16/1893; 3 – Котловский могильник, мог.15/1893; 4 – Касьяновская стоянка; 5, 6 – Оханский могильник, п.м.; 7 – Аргыжское городище; 8 – Ананьинский могильник п.м. (кол. Толмачева); 9 – Касьяновская стоянка; 10 – Ананьинский могильник п.м. (кол. Толмачева); 11 – Курган поселение; 12 – Икская III стоянка; 13 – Ст. Ахмыловский могильник, погр. 312; 14 – Икское I поселение; 15 – Ст. Ахмыловский могильник, погр.509; 16 – Ст. Ахмыловский могильник, 1969, п.м.; 17 – Пустоморквашинский могильник, погр. 36; 18 – Ст. Ахмыловский могильник, P1963, кв. Л/26; 19 – Ст. Ахмыловский могильник, 1974, кв.3/19; 20 – Ананьинский могильник, погр. G; 21 – Тетюшский могильник, погр.120; 22 – Икская III стоянка; 23 – Зуевский могильник, погр. 211; 24 – Ст. Ахмыловский могильник, погр. 71; 25 – Ст. Ахмыловский могильник, P1968, кв.Б/11; 26 – Быргындинская стоянка; 27 – Касьяновская стоянка; 28 – Маклашеевский II могильник, погр. С; 29 – Измерский VII могильник, погр. 7; 30 – Пустоморквашинский могильник, кв. В/9; 31 – Ст. Ахмыловский могильник, погр.59; 32 – г. Казань; 33 – Галкинское городище; 34 – Мурзихинский II могильник, погр. 161; 35 – Ст. Ахмыловский могильник, погр.693; 36 – Ройский Шихан городище; 37 – Гулькинская I стоянка. 1, 5, 6 – по С.Н. Коренюку; 2 – по Збруевой, 1952; 3 – по Нefeldову, 1899; 4, 9, 27 – по Збруевой, Тихонову, 1970; 7 – по Черных, Чижевскому, 2021; 12, 14, 22, 26 – по Ашихминой, 2014; 13, 15, 16, 18, 19, 24, 31 – Патрушеву, Халикову, 1982; 17, 30 – по Патрушеву, 1990; 21 – по Халикову, 1977; 23 – по Худякову, 1933; 33 – по Збруевой, 1940; 36 – по Оруджову, 2021.

Fig. 3. ASNA stone arrow points. Class 1 – tanged, cl. 1.1.1 – cl. 1.1.3. 1 – Okhansk burial ground, surface finds; 2 – Kotlovka burial ground, burial 16/1893; 3 – Kotlovka burial ground, burial 15/1893; 4 – Kasyanovskaya site; 5, 6 – Okhansk burial ground, s.f.; 7 – Argyzh hillfort; 8 – Ananyino burial ground, s.f. (Tolmachev's collection); 9 – Kasyanovskaya site; 10 – Ananyino burial ground, s.f. (Tolmachev's collection); 11 – Kurgan settlement; 12 – Ik III site; 13 – Elder Akhmylovo burial ground, burial 312; 14 – Ik I settlement; 15 – Elder Akhmylovo burial ground, burial 509; 16 – Elder Akhmylovo burial ground, 1969, s.f.; 17 – Pustiye Morkvashi burial ground, burial 36; 18 – Elder Akhmylovo burial ground, P1963, sq. Л/26; 19 – Elder Akhmylovo burial ground, 1974, sq. 3/19; 20 – Ananyino burial ground, burial G; 21 – Tetyushi burial ground, burial 120; 22 – Ik III site; 23 – Zuyevo burial ground, burial 211; 24 – Elder Akhmylovo burial ground, burial 71; 25 – Elder Akhmylovo burial ground, P1968, sq. Б/11; 26 – Byrgynda site; 27 – Kasyanovskaya site; 28 – Maklasheyevka II burial ground, burial C; 29 – Izmeri VII burial ground, burial 7; 30 – Pustiye Morkvashi burial ground, sq. 3/9; 31 – Elder Akhmylovo burial ground, burial 59; 32 – Kazan; 33 – Galkino hillfort; 34 – Murzikha II burial ground, burial 161; 35 – Elder Akhmylovo burial ground, burial 693; 36 – Roisky Shikhan hillfort; 37 – Gulkinskaya I site.

1, 5, 6 – according to S. N. Korenyuk; 2 – according to Zbruyeva, 1952; 3 – according to Nefedov, 1899; 4, 9, 27 – according to Zbruyeva, Tikhonov, 1970; 7 – according to Chernykh, Chizhevsky, 2021; 12, 14, 22, 26 – according to Ashikhmina, 2014; 13, 15, 16, 18, 19, 24, 31 – according to Patrushev, Khalikov, 1982; 17, 30 – according to Patrushev, 1990; 21 – according to Khalikov, 1977; 23 – according to Khudyakov, 1933; 33 – according to Zbruyeva, 1940; 36 – according to Orudzhev, 2021.

К подварианту 1 относится один экземпляр из погр. 53 Луговского могильника (рис. 5: 1). Подварианту 2 принадлежит три экземпляра: из Истобенского городища, Котловского (мог. 2/1894) и Мурзихинского II (погр. 54) могильников (рис. 5: 2–4). Судя по наличию кельта КАН-28 в составе инвентаря погр. 54 Мурзихинского II могильника, данный тип можно датировать в широких пределах IX–VI вв. до н.э. (Кузьминых, Чижевский, 2014, с. 107, 119). Погребение 53 Луговского могильника датирующих вещей не имеет.

Группа II – ромбические.

Тип II.1. Ромбические наконечники очень широких пропорций – два экз.

Наконечник подварианта 1 происходит из городища Казанка I (рис. 5: 5). Подвариант 2 также представлен одним наконечником из Старшего Ахмыловского могильника (P1969,

кв. Д/02) (рис. 5: 6). Датирующих вещей не имеет.

Тип II.2. Ромбические широкие наконечники – четыре экз.

К подварианту 1 отнесен один экземпляр из погр. 3 Аkozинского могильника (рис. 5: 7). Подвариант 2 включает три экземпляра, которые происходят из Старшего Ахмыловского (P1966, кв. 1/4) и Тетюшского (погр. 200 – 2 экз.) (рис. 5: 8–10) могильников. Этот тип может быть датирован 2 пол. VIII – VI вв. до н.э. с опорой на вещевые комплексы погр. 3 Аkozинского и погр. 200 Тетюшского могильников с кельтом КАН-14 (табл. 2) (Халиков, 1962, с. 65; Кузьминых, Чижевский, 2014, с. 122).

Тип II.3. Листовидно-ромбические наконечники. Всего их представлено семь экз.

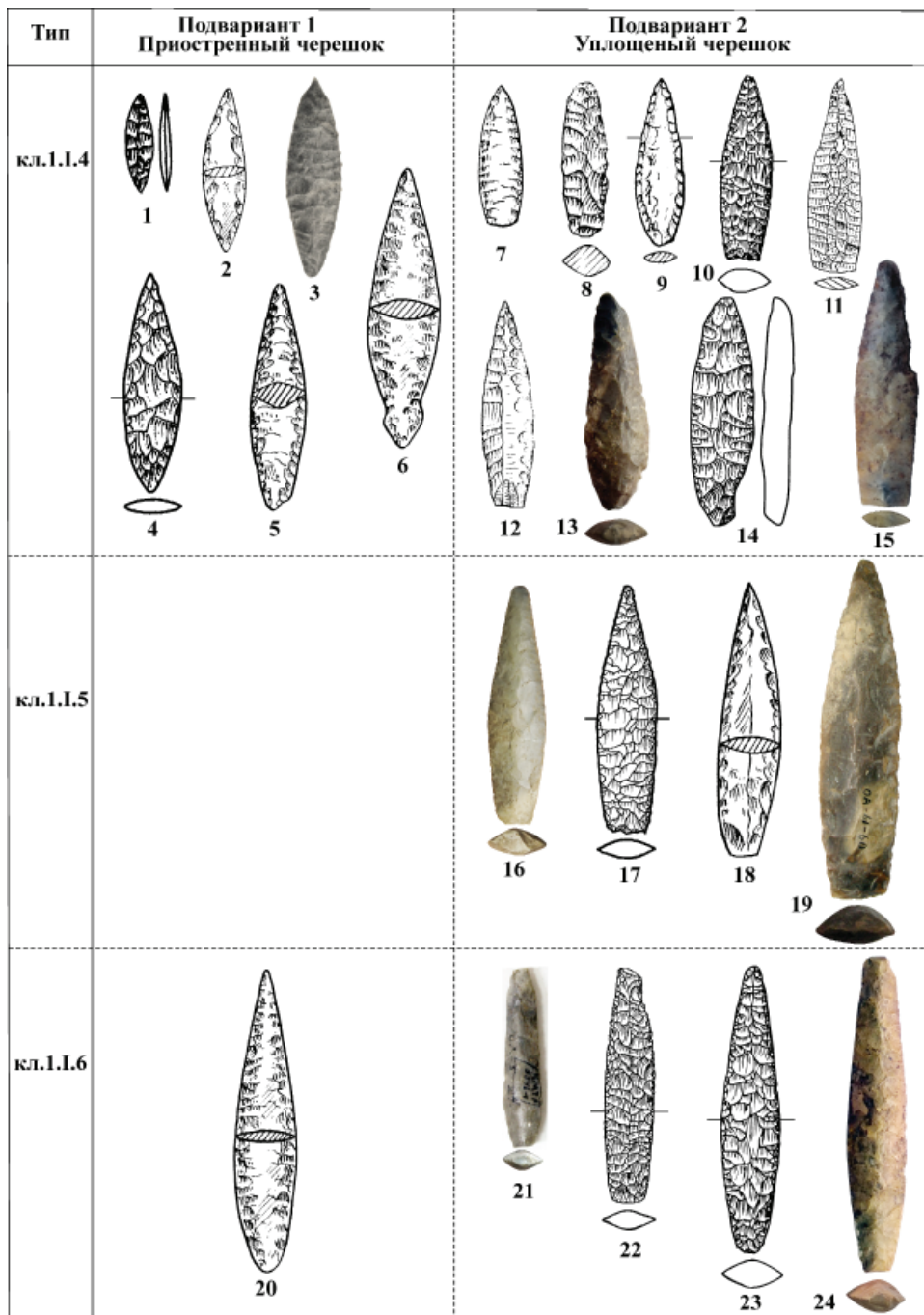

Рис. 4. Каменные наконечники стрел АКЮ. Класс 1 – черешковые, кл.1.1.4 – кл.1.1.6. 1 – Антоновское городище; 2 – Ст. Ахмыловский могильник, погр. 615; 3 – Луговой могильник, погр. 56 (по: Збруева, 1952); 4 – Ст. Ахмыловский могильник, погр. 926; 5 – Ст. Ахмыловский могильник, погр. 429; 6 – Ст. Ахмыловский могильник, погр. 276; 7 – Ст. Ахмыловский могильник, Р1967, кв. Г/7; 8 – Щельябож III поселение; 9 – Ст. Ахмыловский могильник, 1963, кв. Д/37; 10 – Мурзихинский II могильник, погр. 176; 11 – Мурзихинский II могильник, погр. 54; 12 – Тетюшский могильник, погр. 28; 13 – Пижемское городище, раскопки А.С. Лебедева; 14 – Аргыжское городище; 15 – Гремячий Ключ городище; 16 – Пустоморквашинский могильник, кв. В/5; 17 – Сорочьегорское городище; 18 – Ст. Ахмыловский могильник, погр. 59; 19 – Маклашеевский II могильник, погр. С; 20 – Ст. Ахмыловский могильник, погр. 276; 21 – Аргыжское городище; 22 – Мурзихинский II могильник, 1998, РVII, кв. 22; 23 – Мурзихинский I могильник, погр. 36; 24 – Ананьинский могильник, погр. Г. 1 – по: Марков, 1992; 2, 4, 5, 6, 7, 9, 18, 20 – по: Патрушев, Халиков, 1982; 3 – по: Збруева, 1952; 8 – по: Канивец, 1974; 12 – по: Халиков, 1977; 13 – по Э.И. Оруджову и А.В. Шипилону; 14 – по: Черных, Чижевский, 2021; 16 – по: Патрушев, 1990; 21 – по: Оруджов, 2021.

Fig. 4. АСНА stone arrow points. Class 1 – tanged, cl.1.I.4 – cl.1.I.6. 1 – Antonovka hillfort; 2 – Elder Akhmylovo burial ground, burial 615; 3 – Lugovoy burial ground, burial 56 (by Zbruyeva, 1952); 4 – Elder Akhmylovo burial ground, burial 926; 5 – Elder Akhmylovo burial ground, burial 429; 6 – Elder Akhmylovo burial ground, burial 276; 7 – Elder Akhmylovo burial ground, P1967, sq. Г/7; 8 – Shchelyabozh III settlement; 9 – Elder Akhmylovo burial ground, 1963, sq. Д/37; 10 – Murzikha II burial ground, burial 176; 11 – Murzikha II burial ground, burial 54; 12 – Tetyushi burial ground, burial 28; 13 – Pyzhemskoye hillfort, excavations by A.S. Lebedev; 14 – Argyzhs hillfort; 15 – Gremyachy Klyuch hillfort; 16 – Pustiye Morkvashi burial ground, sq. В/5; 17 – Sorochiye Gory hillfort; 18 – Elder Akhmylovo burial ground, burial 59; 19 – Maklasheyevka II burial ground, burial С; 20 – Elder Akhmylovsky burial ground, burial 276; 21 – Argyzh hillfort; 22 – Murzikha II burial ground, 1998, PVII, sq. 22; 23 – Murzikha I burial ground, burial 36; 24 – Ananyino burial ground, burial G.

1 – according to Markov, 1992; 2, 4, 5, 6, 7, 9, 18, 20 – according to Patrushev, Khalikov, 1982; 3 – according to Zbruyeva, 1952; 8 – according to Kanivets, 1974; 12 – according to Khalikov, 1977; 13 – according to E.I. Orudzhov and A.V. Shipilov; 14 – according to Chernykh, Chizhevsky, 2021; 16 – according to Patrushev, 1990; 21 – according to Orudzhov, 2021.

К подварианту 1 относятся шесть экземпляров. Они происходят из Измерского VII (погр. 3 – 2 экз.), Старшего Ахмыловского (погр.483; 662), Тетюшского (погр. 200 – 2 экз.) могильников (рис. 5: 11–16). Подвариант 2 содержит один экземпляр, который зафиксирован в Котловском могильнике (мог.12/1893) (рис. 5: 18).

К данному типу отнесен наконечник из Касьяновской стоянки (рис. 5: 17) позднего этапа маклашеевской культуры – XII–X вв. до н.э. (Чижевский, Лыганов, Кузьминых, 2021). Судя по комплексам погр. 3 Измерского VII и погр. 200 Тетюшского могильников с кельтами КАН-14, наконечники этого типа продолжали применяться в раннем железном веке в 2 пол. VIII в. до н.э. (табл. 2) (Кузьминых, Чижевский, 2014, с. 122).

Тип II.4. Ромбические наконечники средних пропорций.

Известен лишь один экземпляр подварианта 1 из Тетюшского могильника (погр. 42) (рис. 6: 1). Датированных вещей не имеет.

Тип II.6. Ромбические узкие наконечники.

Включает один экземпляр подварианта 2 из Васюковского II поселения (рис. 6: 2). Наконечники данного типа известны только по материалам поселения, в некрополях они пока не выявлены, время существования не определено.

Группа III – треугольные.

Тип III.2. Треугольные широкие наконечники. Встречено 6 экз.

Подвариант 1 содержит три экземпляра: из Богородского городища, поселения Щельябозж II и Старшего Ахмыловского могильника (P1966, кв. М/2) (рис. 6: 3–5). Подвариант 2 также представлен тремя экземплярами из городища Гремячий Ключ, Акозинского и Старшего Ахмыловского могильника (P1963,

кв. И/38) (рис. 6: 7, 8, 14). Датированные вещи отсутствуют.

К подварианту 2 типа III.2. относятся также наконечники из Икской III стоянки (1 экз.) маклашеевской культуры (XIV–X вв. до н.э.) и Курманаковской стоянки раннего этапа маклашеевской культуры (XIV–XIII вв. до н.э.) (рис. 6: 6, 9) (Чижевский, Лыганов, Кузьминых, 2021).

Тип III.3. Листовидно-треугольные наконечники.

Известен только один экземпляр из погр.206 Старшего Ахмыловского могильника, который относится к подварианту 1. Датированных вещей не имеет (рис. 6: 11).

Тип III.4. Треугольные наконечники средних пропорций – 3 экз.

К подварианту 1 отнесен один экземпляр из погр.684 Старшего Ахмыловского могильника (рис. 6: 12). Подварианту 2 принадлежат два наконечника из Пижемского городища (1 экз.) и Старшего Ахмыловского могильника (P1966, кв. P/5) (1 экз.) (рис. 6: 13, 14). Датированные вещи отсутствуют.

Тип III.5. Треугольно-ланцетовидные наконечники.

Известен только один экземпляр подварианта 1 из Старшего Ахмыловского могильника (P1963, кв. К/24) (рис. 7: 1). Дата не определена.

Класс 2 бесчерешковые:

Группа I – эллипсовидные.

Тип I.2. Эллипсовидные широкие наконечники.

Данный тип представлен одним экземпляром подварианта 2 с вогнутой линией насада из погр.108 Першинского могильника (рис. 7: 3). С.Н. Коренюк датирует это погребение VIII в. до н.э. (табл. 2).

Тип	Подвариант 1 Приостренный черешок	Подвариант 2 Уплощенный черешок
кл. I.1.7	 1	 2 3 4
кл. I.1.1	 5	 6
кл. I.1.2	 7	 8 9 10
кл. I.1.3	 11 12 13 14 15 16 17	 18

В материалах Икской III стоянки известен наконечник подварианта 1 с прямой линией насада (рис. 7: 2), который относится к раннему этапу маклашевской культуры (XIV–XIII вв. до н.э.) (Чижевский, Лыганов, Кузьминых, 2021).

Тип I.3. Эллипсовидно-листовидные наконечники.

Зафиксирован один экземпляр подварианта 2 из погр. 514 Старшего Ахмыловского могильника (рис. 7: 4). Датированных вещей не имеет.

Тип I.4. Эллипсовидные средние наконечники.

Представлен один экземпляр в материалах Икской III стоянки (рис. 7: 5) маклашевской культуры эпохи финальной бронзы (XIV–X вв. до н.э.) (Чижевский, Лыганов, Кузьминых, 2021). Наконечники такого типа раннего железного века нам не известны.

Группа III – треугольные.

Тип III.1. Треугольные очень широкие наконечники. Встречен один экземпляр подварианта 1 с прямой линией насада из Котловского

Рис. 5. Каменные наконечники стрел АКЦИО. Класс 1 – черешковые, кл.1.1.7 – кл.1.1.3. 1 – Луговской могильник, погр. 53; 2 – Истобенское городище; 3 – Мурзихинский II могильник, погр. 54; 4 – Котловский, мог. 2/1894; 5 – Казанка I городище; 6 – Ст. Ахмыловский могильник, P1969, кв. Д/02; 7 – Акозинский могильник, погр. 3; 8, 9 – Тетюшский могильник, погр. 200; 10 – Ст. Ахмыловский могильник, P1966, кв. 1/4; 11, 15 – Измерский VII могильник, погр. 3; 12 – Ст. Ахмыловский могильник, погр. 662; 13, 14 – Тетюшский могильник, погр. 200; 16 – Ст. Ахмыловский могильник, погр. 483; 17 – Касьяновская стоянка; 18 – Котловский могильник, мог. 12/1893. 1, 18 – по: Збруева, 1952; 2 – по: Оруджов, 2021; 4 – по: Нефедов, 1899; 6, 10, 12, 16 – по: Патрушев, Халиков, 1982; 7, 8, 9, 14 – по: Халиков, 1977; 17 – по: Збруева, Тихонов, 1970.

Fig. 5. АСНА stone arrow points. Class 1 – tanged, cl.1.1.7 – cl.1.1.3.

1 – Lugovoy burial ground, burial 53; 2 – Istobensk hillfort; 3 – Murzikha II burial ground, burial 54; 4 – Kotlovka, burial ground 2/1894; 5 – Kazanka I hillfort; 6 – Elder Akhmylovo burial ground, P1969, sq. Д/02; 7 – Akozino burial ground, burial 3; 8, 9 – Tetyushsi burial ground, burial 200; 10 – Elder Akhmylovo burial ground, P1966, sq. 1/4; 11, 15 – Izmeri VII burial ground, burial 3; 12 – Elder Akhmylovo burial ground, burial 662; 13, 14 – Tetyushi burial ground, burial 200; 16 – Elder Akhmylovo burial ground, burial 483; 17 – Kasyanovskaya site; 18 – Kotlovka burial ground, burial ground 12/1893. 1, 18 – according to Zbruyeva, 1952; 2 – according to Orudzhov, 2021; 4 – according to Nefedov, 1899; 6, 10, 12, 16 – according to Patrushev, Khalikov, 1982; 7, 8, 9, 14 – according to Khalikov, 1977; 17 – according to Zbruyeva, Tikhonov, 1970.

могильника (мог. 16/1893) (рис. 7: 6). Хроиндикаторы отсутствуют, время существования определено в границах заложения ранних погребений некрополя сер. VII–VI вв. до н.э.

К подварианту 2 отнесен наконечник из Икской III стоянки (рис. 7: 7) маклашеевской культуры (XIV–X вв. до н.э.) (Чижевский, Лыганов, Кузьминых, 2021).

Тип III.2. Треугольные широкие наконечники – три экземпляра.

К подварианту 1 отнесены наконечники из поселения Щельябож II (1 экз.) и погр. 62 Акозинского могильника (1 экз.) (рис. 7: 8, 9). К подварианту 2 принадлежит один экз. из Старшего Ахмыловского могильника (P1, 1969, кв. Г/1) (рис. 7: 10).

Погр. 62 Акозинского мог. А.Х. Халиков датировал VII в. до н.э. (табл. 2) (Халиков, 1962, с. 87).

Тип III.3. Треугольные листовидные наконечники.

Наконечники этого типа в раннем железном веке неизвестны. Единственный известный нам наконечник подварианта 2 происходит из материалов Икской III стоянки (рис. 7: 11) маклашеевской культуры XIV–X вв. до н.э. (Чижевский, Лыганов, Кузьминых, 2021).

Анализ полученных результатов

Исходя из полученных данных, очевидно, что в АКЦИО использовались, в основном, черешковые наконечники, которые составляют 84 экземпляра (93%) против 6 (7%) бесчерешковых. Предпочтение отдавалось эллипсовидным формам – 66%, в числе которых 58 экз. относятся к классу 1 и 2 экз. – к классу 2. Ромбовидные составляют 17%, они насчитывают

15 экз., относятся к классу 1. Треугольные наконечники (17%) также составляют 16 экз.: 11 экз. относятся к классу 1 и 4 экз. – к классу 2.

Наиболее крупные серии представлены черешковыми эллипсовидными наконечниками класса 1.1.3 (22 экз.) и класса 1.1.4 (15 экз.).

Носители культур АКЦИО использовали каменные наконечники стрел довольно неравномерно. Согласно нашим данным, наибольшее количество типов приходится на постмаклашеевскую культуру (11), далее следует вятско-ветлужская культура (10), ананьинская классическая (9) и акозинская (7) (табл. 1; 3).

Анализируя количественное распределение каменных наконечников по типам при пороговом критерии два экземпляра, при котором тип, насчитывающий менее двух единиц, не учитывается и рассматривается как случайный, можно выявить требования носителей данных культур к форме и размерам наконечников.

Носители акозинско-ахмыловской культуры применяли эллипсовидные (кл.1 1.3; кл.1 1.4) и треугольные (кл.1 III.2; кл.1 III.2; кл.1 III.4) черешковые наконечники стрел, в основном, средних пропорций (табл. 3).

Носители постмаклашеевской культуры использовали черешковые эллипсовидные (кл.1 1.3; кл.1 1.4; кл.1 1.5) и ромбические (кл.1 II.1; кл.1 II.2; кл.1 II.3) наконечники стрел широких и средних пропорций, но имелись у них и узкие наконечники (кл.1 1.6) (табл. 3).

Носители ананьинской классической культуры в большей степени применяли эллипсовидные (кл.1 1.1; кл.1 1.2; кл.1 1.3) череш-

Тип	Подвариант 1 Приостренный черешок	Подвариант 2 Уплощенный черешок
кл.1.П.4	 1	
кл.1.П.6		 2
кл.1.Ш.2	 3 4 5	 6 7 8 9 10
кл.1.Ш.3	 11	
кл.1.Ш.4	 12	 13 14

ковые наконечники стрел широких и средних пропорций (табл. 3).

Носители вятско-ветлужской культуры использовали черешковые наконечники стрел: эллипсоидные (кл.1 I.3; кл.1 I.4) средних пропорций и треугольные широкие (кл.1 Ш.2) (табл. 3).

Таким образом, несмотря на некоторое разнообразие типов, анализ подтвердил тот факт, что в культурах АКИО были распространены, в основном, черешковые наконечники стрел. Более всего были распространены наконечники средних пропорций (кл.1 I.3,

кл.1 I.4, кл.1 I.5, кл.1 П.3, кл.1 Ш.4). Меньше представлены широкие наконечники стрел (кл.1 I.1, кл.1 I.2, кл.1 П.1, кл.1 П.2, кл.1 Ш.2) и значительно реже (кл.1 I.6) узкие наконечники. По форме пера преобладали эллипсоидные (6) типы наконечников, ромбовидные (3) и треугольные (2) использовались реже.

Для определения распространенности тех или иных типов наконечников, а следовательно, и популярности их в разных культурах АКИО, полезно проанализировать их процентное соотношение по культурам. В этом случае за пороговое значение берем

Рис. 6. Каменные наконечники стрел АКЮ. Класс 1 – черешковые, кл.1.П.4–кл.1.Ш.4.

1 – Тетюшский могильник, погр.42; 2 – Васюковское II поселение; 3 – Богородское городище; 4 – Щельябож II поселение; 5 – Ст. Ахмыловский могильник, P1966, кв. М/2; 6 – Икская III стоянка; 7 – Ст. Ахмыловский могильник, P1963, кв. И/38; 8 – Гремячий Ключ городище; 9 – Курманаковская IV стоянка; 10 – Акозинский могильник, кв. М/2; 11 – Ст. Ахмыловский могильник, погр. 206; 12 – Ст. Ахмыловский могильник, погр. 684; 13 – Ст. Ахмыловский могильник, P1966, кв. Р/5; 14 – Пижемское городище, раскопки А.С. Лебедева. 1, 2 – по Халикову, 1977; 3 – Бадер, 1951; 4 – по Канивцу, 1974; 5, 7, 10, 11, 12 – по Патрушеву, Халикову, 1982; 6 – по Ашихминой, 2014; 13 – по Э.И. Оруджову и А.В. Шипилову.

Fig. 6. ASNA stone arrow points. Class 1 – tanged, cl.1.П.4 – cl.1.Ш.4. 1 – Tetyushi burial ground, burial 42; 2 – Vasyukovo II settlement; 3 – Bogorodskoye hillfort; 4 – Shchelyabozh II settlement; 5 – Elder Akhmylovo burial ground, P1966, sq. M/2; 6 – Ik III site; 7 – Elder Akhmylovo burial ground, P1963, sq. И/38; 8 – Gremyachy Klyuch hillfort; 9 – Kurmanakovo IV site; 10 – Akozino burial ground; 11 – Elder Akhmylovo burial ground, burial 206; 12 – Elder Akhmylovo burial ground, burial 684; 13 – Elder Akhmylovo burial ground, P1966, sq. P/5; 14 – Pyzhemskoye hillfort, excavations of A.S. Lebedev. 1, 2 – according to Khalikov, 1977; 3 – according to Bader, 1951; 4 – according to Kanivets, 1974; 5, 7, 10, 11, 12 – according to Patrushev and Khalikov, 1982; 6 – according to Ashikhmina, 2014; 13 – according to E.I. Orudzhev and A.V. Shipilov.

30%, а те результаты, что ниже него, не рассматриваем.

Заданным нами критериям в акозинско-ахмыловской культуре отвечают четыре типа (кл. 1; Ш.2; кл. 1 Ш.4; кл. 1 Ш.5; кл.2 Ш.2.) наконечников (табл. 4). Оказывается, что носители данной культуры использовали практически эксклюзивно некоторые типы черешковых наконечников с треугольным пером, применялись и бесчерешковые наконечники с треугольной конфигурацией пера. Для наконечников этих типов характерны широкие и средние пропорции.

Так же, как и в случае с результатами, полученных по количественным показателям, процентное соотношение типов наконечников стрел в постмаклашеевской культуре показывает, что наибольшей популярностью пользовались черешковые наконечники (табл. 4). Использовался почти весь спектр эллипсоидных (кл.1. I.2; кл.1 I.3; кл.1 I.4; кл.1 I.5; кл.1 I.6; кл.1.I.7) и ромбических (кл.1 II.1; кл.1 II.2; кл.1 II.3; кл.1 II.4) черешковых наконечников.

Однако появляются и бесчерешковые: эллипсоидный (кл.2 I.3) и треугольный (кл.2 Ш.2) типы наконечников. Они единичны, первый из этих типов не встречен пока нигде более в АКЮ. Изменилось распределение по сравнению с количественными показателями и в пропорциях наконечников стрел, наряду с преобладанием образцов средних пропорций, появляются узкие и широкие наконечники.

Ананьинская классическая культура (табл. 4). Здесь, судя по имеющимся данным, использовались эллипсоидные (кл.1.I.1; кл.1.I.2), в меньшей степени ромбовидные (кл.2.I.2) и треугольные (кл.2 Ш.1) наконечники. Наряду с черешковыми, появляются бесчерешковые наконечники стрел, они представлены единичными находками, уникальными для культур АКЮ. Интересный факт выявлен по показателям пропорций: популярностью пользовались, в основном, широкие наконечники.

Вятско-ветлужская культура (табл. 4). Судя по представленным данным, предпочтение отдавалось, в основном, треугольным (кл.1.Ш.2; кл.1.Ш.3; кл.1.Ш.4) и в меньшей степени ромбовидным (кл.1.П.6) наконечникам стрел. Использовались исключительно черешковые наконечники средних и узких пропорций.

Технология изготовления.

Анализ технологии изготовления осуществлялся по 80 экземплярам наконечников стрел. Население АКЮ в изготовлении каменных наконечников стрел применяло сложную, многоступенчатую технологию производства тонких бифасов, которая начала практиковаться в Волго-Уралье с энеолита.

Технология изготовления.

Анализ технологии изготовления осуществлялся по 80 экземплярам наконечников стрел. Население АКЮ в изготовлении каменных наконечников стрел применяло сложную, многоступенчатую технологию производства тонких бифасов, которая начала практиковаться в Волго-Уралье с энеолита.

Вместе с тем, далеко не все приведенные в статье наконечники могут быть в полной мере отнесены к тонким бифасам в их «классической» форме. Так, к тонким бифасам, прошедшим несколько циклов утончения (включая утончение центральных участков обеих поверхностей), можно отнести 42 наконечника разных типов. Эти наконечники происходят из следующих памятников: 1) на Нижней Каме это Ананьинский, Луговской, Котловский, Мурзихинский I и II, Измерский VII могильники, городища Гремячий Ключ, Сорочьи Горы; 2) на Волге – Маклашеевский II, Старший Ахмыловский, Пустоморквашин-

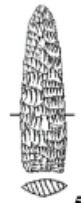

Тип	Подвариант 1 Приостренный черешок	Подвариант 2 Уплощенный черешок
кл.1.Ш.5	 1	
кл.2.Г.2	 2	 3
кл.2.Г.3		 4
кл.2.Г.4		 5
кл.2.Ш.1	 6	 7
кл.2.Ш.2	 8	 9
		 10
кл.2.Ш.3		 11

Рис. 7. Каменные наконечники стрел АКЮ. Класс 1 – черешковые, кл.1.Ш.5. Класс 2 – бесчерешковые, кл.2.Г.2–кл.2.Ш.3. 1 – Ст. Ахмыловский могильник, Р1963, кв. К/24; 2 – Икская III стоянка; 3 – Першинский могильник, погр. 108; 4 – Ст. Ахмыловский могильник, погр. 514; 5 – Икская III стоянка; 6 – Котловский, мог. 16/1893; 7 – Икская III стоянка; 8 – Акозинский могильник, погр. 62; 9 – Щельябож II поселение; 10 – Ст. Ахмыловский могильник, Р1, 1969, кв. Г/1; 11 – Икская III стоянка. 1, 4, 10 – по: Патрушев, Халиков, 1982; 2, 5, 7, 11 – по: Ашихмина, 2014; 3 – по: Голдина, 2004; 6 – по: Нефедов, 1899; 8 – по: Халиков, 1962; 9 – по: Канивец, 1974.

Fig. 7. ASHA stone arrow points. Class 1 – tanged, cl.1.Ш.5. Class 2 – stemless, cl.2.Г.2 – cl.2.Ш.3. 1 – Elder Akhmylovo burial ground, P1963, sq. K/24; 2 – Ik III site; 3 – Pershino burial ground, burial 108; 4 – Elder Akhmylovo burial ground, burial 514; 5 – Ik III site; 6 – Kotlovka, burial ground. 16/1893; 7 – Ik III site; 8 – Akozino burial ground, burial 62; 9 – Shchelyabozh II settlement; 10 – Elder Akhmylovo burial ground, P1, 1969, sq. G/1; 11 – Ik III site. 1, 4, 10 – according to Patrushev, Khalikov, 1982; 2, 5, 7, 11 – according to Ashikhmina, 2014; 3 – according to Goldina, 2004; 6 – according to Nefedov, 1899; 8 – according to Khalikov, 1962; 9 – according to Kanivets, 1974.

ский могильники, поселение Гулькин Бугор; 3) на Вятке и Средней Каме – Зуевский, Оханский, Першинский могильники, городища Пижемское и Ройский Шихан, Аргыж.

На 38 наконечниках наблюдаются некоторая незавершенность технологии тонких бифасов: утончение краевых частей фасов, не затрагивающее их середину, либо сплошная обработка фасов, не доведенная до стадии «тонкого» бифаса, когда наконечник имеет значительную толщину. Такие, не вполне тонкие, бифасы происходят из могильников: Тетюшский, Акозинский, Старший Ахмыловский, Пустоморквашинский, Измерский VII, Оханский, а также вятских и камских городищ – Аргыж, Гремячий Ключ, Богородское.

В рассматриваемом массиве имеются единичные незавершенные наконечники, найденные на поселении Курган в устье Камы, в городе Казани, городище Аргыж.

Таким образом, с технологической точки зрения каменные наконечники АКИО выполнялись с использованием как техники сплошного бифасиального утончения, требующей довольно высокой квалификации, затрат времени и качественного сырья, так и с помощью более простой техники утончения краевых частей наконечников.

Выводы.

1. В АКИО использовали, в основном, черешковые наконечники, причем предпочтение отдавалось эллипсоидным формам.

2. Наиболее массовыми типами наконечников стрел были черешковые эллипсоидные наконечники кл. I.1.3 и кл. I.1.4 средних пропорций.

Благодарности:

Авторы выражают благодарность С.Н. Коренюку, Э.И. Оруджову и А.В. Шипилову за разрешение использовать неопубликованные материалы.

3. Культуры АКИО использовали каменные наконечники неравномерно, согласно нашим данным, наибольшее количество типов приходится на постмаклашевскую культуру (11), далее следует вятско-ветлужская культура (10), ананьинская классическая (9) и акозинская (7).

4. Имеющиеся в нашем распоряжении данные свидетельствуют о том, что не менее 35% каменных наконечников стрел АКИО содержат аналогии в памятниках маклашевской культуры финала бронзового века XIV–X вв. до н.э. Есть все основания полагать, что и остальные типы наконечников АКИО сложились в эпоху позднего бронзового века.

5. Имеющиеся в нашем распоряжении датировки для 10 типов наконечников позволяют предполагать, что кремневые наконечники стрел были распространены в культурах АКИО с IX по VI вв. до н.э. Однако, если привлекать для анализа только материалы некрополей, оказывается, что все они находятся в пределах IX–VII вв. до н.э. в рамках I периода и первого этапа второго периода (II.1) АКИО. Такую точку зрения высказывал в свое время и А.Х. Халиков.

6. Мастерами АКИО широко применялась технология производства тонких бифасов – наконечников стрел. В этом процессе использовалась техника сплошного бифасиального утончения заготовок. Эта сложная технология, требующая определенной квалификации и достаточно высокого качества сырья, практиковалась в Волго-Уралье с энеолита.

7. Наряду с этой сложной многоступенчатой технологией применялась простая техника утончения краевых частей заготовок наконечников.

Таблица 1. Каменные наконечники стрел АКИО.

Table 1. ASHA stone arrow points.

№	Памятник	Публикация	культура	Класс, тип
Эпоха бронзы				
1	Маклашевский II мог., погр. 1 (С)	Худяков, 1930, табл. II: 4	Макл.	кл.1 I.3.
2	Маклашевский II мог., погр. 1 (С)	Худяков, 1930, табл. II: 5	Макл.	кл.1 I.5.
3	Икская III ст.	Ашихмина, 2014, рис. 33: 1	Макл.	кл. 2 I.4.
4	Икская III ст.	Ашихмина, 2014, рис. 33: 2	Макл.	кл. 2 I.2.
5	Икская III ст.	Ашихмина, 2014, рис. 33: 3	Макл.	кл. 2 III.3.
6	Икская III ст.	Ашихмина, 2014, рис. 33: 4	Макл.	кл.2 I.3.
7	Икская III ст.	Ашихмина, 2014, рис. 33: 5	Макл.	кл.2 I.3.

8	Икская III ст.	Ашихмина, 2014, рис. 33: 6	Макл.	фрагмент
9	Икская III ст.	Ашихмина, 2014, рис. 33: 7	Макл.	кл.2 III.1.
10	Икская III ст.	Ашихмина, 2014, рис. 33: 12	Макл.	кл.1 III.2.
11	Касьяновская ст.	Збруева, Тихонов, 1970, рис. 21: 2	Макл.	кл. 1 I.2
12	Касьяновская ст.	Збруева, Тихонов, 1970, рис. 21: 3	Макл.	кл. 1 III.3.
13	Касьяновская ст.	Збруева, Тихонов, 1970, рис. 21: 4	Макл.	фрагмент
14	Касьяновская ст.	Збруева, Тихонов, 1970, рис. 21: 5	Макл.	кл. 1 I.2
15	Касьяновская ст.	Збруева, Тихонов, 1970, рис. 21: 6	Макл.	кл. 1 I.3.
16	Касьяновская ст.	Збруева, Тихонов, 1970, рис. 21: 7	Макл.	фрагмент
17	Курманаковская IV ст.	Чижевский, Лыганов, Кузьминых, 2021, рис. 5: 3	Макл.	фрагмент
18	Курманаковская IV ст.	Чижевский, Лыганов, Кузьминых, 2021, рис. 5: 9	Макл.	кл.1 III.2.
Ранний железный век (АКИО)				
19	Ст.Ахмыловский мог., 1963, кв.И/38	Патрушев, Халиков, 1982, табл. 40: 11	АкАх	кл.1 III.2.
20	Ст.Ахмыловский мог., 1963, кв.К/24	Патрушев, Халиков, 1982, табл. 40: 20	АкАх	кл.1 III.5.
21	Ст.Ахмыловский мог., 1968, кв.Б/11	Патрушев, Халиков, 1982, табл. 84: 7	АкАх	кл.1 I.3.
22	Ст.Ахмыловский мог., 1966, кв.Р/5	Патрушев, Халиков, 1982, табл. 64: 8	АкАх	кл.1 III.4.
23	Ст.Ахмыловский мог., 1966, кв.М/2	Патрушев, Халиков, 1982, табл. 64: 13	АкАх	кл.1 III.2.
24	Ст.Ахмыловский мог., погр.615	Патрушев, Халиков, 1982, табл. 93: 3а	АкАх	кл.1 I.4.
25	Ст.Ахмыловский мог., погр.662	Патрушев, Халиков, 1982, табл. 99: 1а	АкАх	кл.1 III.3.
26	Ст.Ахмыловский мог., погр.684	Патрушев, Халиков, 1982, табл. 99: 8а	АкАх	кл.1 III.4.
27	Ст.Ахмыловский мог., 1969, п.м.	Патрушев, Халиков, 1982, табл. 103: 12	АкАх	кл.1 I.3.
28	Ст.Ахмыловский мог., 1969, РI, кв.Г/1	Патрушев, Халиков, 1982, табл. 109: 15	АкАх	кл.2 III.2.
29	Ст.Ахмыловский мог., погр. 926	Патрушев, Халиков, 1982, табл. 130: 1а(17)	АкАх	кл.1 I.4.
30	Акозинский мог., кв. М/2	Патрушев, 1982, рис. 23: 10	АкАх	кл.1 III.2
31	Казанка I гор.	Раскопки П.Н. Старостина	ПМК, АкАх	кл.1 II.1.
32	г. Казань	Раскопки А.Г. Ситдикова	ПМК, АкАх	кл.1 I.3. заготовка
33	Антоновское гор.	Марков, 1992, рис. 2: 2	ПМК	кл.1 I.4.
34	Гремячий Ключ гор.	Чижевский, Хисяметдинова, 2021, рис. 181: 3	ПМК	кл.1 III.2.
35	Гремячий Ключ гор.	Чижевский, Хисяметдинова, 2021, рис. 181: 25	ПМК	кл.1 I.4.
36	Гулькинская I ст.	Збруева, 1960, рис. 21: 12	ПМК, АкАх	кл.1 I.3.
37	Курган пос.	Раскопки П.Н. Старостина	ПМК	кл 1 I.2., заготовка
38	Сорочьегорское гор.	Чижевский, Хисяметдинова, 2021, рис. 188: 10	ПМК	кл.1 I.5.
39	Акозинский мог, погр. 62	Халиков, 1962, табл. VI: 1	ПМК	кл. 2 III.2.
40	Акозинский мог, погр. 3	Халиков, 1977, рис. 76: 1	ПМК	кл.1 II.2.
41	Ананьинский мог.	Сборы В.А. Толмачева	ПМК	кл.1 I.2.
42	Ананьинский мог.	Сборы В.А. Толмачева	ПМК	кл.1 I.2.
43	Измерский VII мог., погр. 3	Казаков, 1994, рис. 7: 2	ПМК	кл.1 III.3.

44	Измерский VII мог., погр. 3	Казаков, 1994, рис. 7: 3	ПМК	кл.1 П.3.
45	Измерский VII мог., погр. 7	Казаков, 1994, рис. 8: 3	ПМК	кл.1 I.3.
46	Луговской мог., погр. 56	Збруева, 1952, табл. II: 6	ПМК	кл.1 I.4.
47	Мурзихинский I мог., погр. 36	Раскопки А.А. Чижевского	ПМК	кл.1 I.6.
48	Мурзихинский II мог., погр. 54	Раскопки А.А. Чижевского	ПМК	кл.1 I.4.
49	Мурзихинский II мог., погр. 54	Раскопки А.А. Чижевского	ПМК	кл.1 I.7.
50	Мурзихинский II мог., погр. 161	Раскопки А.А. Чижевского	ПМК	кл.1 I.3.
51	Мурзихинский II мог., погр. 176	Раскопки А.А. Чижевского	ПМК	кл.1 I.4.
52	Мурзихинский мог., РVII, 1998, кв. 22	Раскопки А.А. Чижевского	ПМК	кл.1 I.6.
53	Пустоморквашинский мог., погр. 36	Патрушев, 1990, рис. 13: 9	ПМК	кл.1 I.3.
54	Пустоморквашинский мог., кв. В/9	Патрушев, 1990, рис. 20: 3	ПМК	кл.1 I.3.
55	Пустоморквашинский мог., кв. В/5	Патрушев, 1990, рис. 20: 18	ПМК	кл.1 I.5.
56	Ст.Ахмыловский мог., погр. 55	Патрушев, Халиков, 1982, табл. 8: 1и;	ПМК	фрагмент
57	Ст.Ахмыловский мог., погр. 59	Патрушев, Халиков, 1982, табл. 9: 3б	ПМК	кл.1 I.3.
58	Ст.Ахмыловский мог., погр. 59	Патрушев, Халиков, 1982, табл. 9: 3в	ПМК	кл.1 I.5.
59	Ст.Ахмыловский мог., 1963, кв.Д/37	Патрушев, Халиков, 1982, табл. 39: 9	ПМК	кл.1 I.4.
60	Ст.Ахмыловский мог., погр. 276	Патрушев, Халиков, 1982, табл. 48: 1и	ПМК	кл.1 I.6.
61	Ст.Ахмыловский мог., погр. 276	Патрушев, Халиков, 1982, табл. 48: 1к	ПМК	кл.1 I.4.
62	Ст.Ахмыловский мог., погр. 312	Патрушев, Халиков, 1982, табл. 52: 6а	ПМК	кл.1 I.3.
63	Ст.Ахмыловский мог., 1966, кв.1/4	Патрушев, Халиков, 1982, табл. 65: 8	ПМК	кл.1 П.2.
64	Ст.Ахмыловский мог., погр.483	Патрушев, Халиков, 1982, табл. 74: 3а	ПМК	кл.1 П.3.
65	Ст.Ахмыловский мог., погр.514	Патрушев, Халиков, 1982, табл. 77: 2а	ПМК	кл.2 I.3.
66	Ст.Ахмыловский мог., 1967, кв.Г/7	Патрушев, Халиков, 1982, табл. 80: 7	ПМК	кл.1 I.4.
67	Ст.Ахмыловский мог., 1969, кв.Д/02	Патрушев, Халиков, 1982, табл. 89: 4	ПМК	кл.1 П.1.
68	Ст.Ахмыловский мог., погр.693	Патрушев, Халиков, 1982, табл. 102: 3г	ПМК	кл.1 I.3.
69	Ст.Ахмыловский мог., 1974, кв. 3/19	Патрушев, Халиков, 1982, табл. 116: 7	ПМК	кл.1 I.3.
70	Тетюшский мог., погр. 28	Халиков, 1977, табл. 24: 4	ПМК	кл.1 I.4.
71	Тетюшский мог., погр. 42	Халиков, 1977, табл. 23: Г1	ПМК	кл.1 П.4.
72	Тетюшский мог., погр. 120	Халиков, 1977, табл. 22: 4	ПМК	кл.1 I.3.
73	Тетюшский мог., погр. 200	Халиков, 1977, табл. 29: 2(1)	ПМК	кл.1 П.3.
74	Тетюшский мог., погр. 200	Халиков, 1977, табл. 29: 2(2)	ПМК	кл.1 П.2.
75	Тетюшский мог., погр. 200	Халиков, 1977, табл. 29: 2(3)	ПМК	кл.1 П.3.
76	Тетюшский мог., погр. 200	Халиков, 1977, табл. 29: 2(4)	ПМК	кл.1 П.2.
77	Ст.Ахмыловский мог., 1963, кв.Л/26	Патрушев, Халиков, 1982, табл. 39: 4а	ПМК	кл.1 I.3.
78	Быргындинская ст.	Ашихмина, Генинг, 1977, рис. 12: 14	АКК, Макл.	кл.1 I.3.
79	Икское I пос.	Ашихмина, 2014, рис. 68: 1	АКК	кл.1 I.3.
80	Ананьинский мог., погр. G	Раскопки П.А. Пономарева	АКК	кл.1 I.3.
81	Ананьинский мог., погр. G	Раскопки П.А. Пономарева	АКК	кл.1 I.6.
82	Зуевский мог., погр. 211	Худяков, 1933, табл. V: 14	АКК	кл.1 I.3.

83	Луговской мог., погр. 53	Збруева, 1952, табл. II: 5	АКК	кл.1 I.7.
84	Котловский мог., мог.16/1893	Нефедов, 1899, табл. 13: 6	АКК	кл.1 I.1.
85	Котловский мог., мог. 16/1893	Нефедов, 1899, табл. 13: 7	АКК	кл.2 III.1.
86	Котловский мог., мог. 15/1893	Нефедов, 1899, табл. 13: 10	АКК	кл.1 I.1.
87	Котловский мог., мог. 2/1894	Нефедов, 1899, табл. 13: 5	АКК	кл.1 I.7.
88	Котловский мог., мог.12/1893	Нефедов, 1899, табл. 13: 8	АКК	кл.1 II.3.
89	Оханский мог., п.м.	Сборы С.Н. Коренюка	АКК	кл.1 I.1.
90	Оханский мог., п.м.	Сборы С.Н. Коренюка	АКК	кл.1 I.2
91	Оханский мог., п.м.	Сборы С.Н. Коренюка	АКК	кл.1 I.2
92	Першинский мог., погр. 108	Голдина, 2004, рис. 82: 1	АКК	кл.2 I.2.
93	Богородское гор.	Бадер, 1951, рис. 19: 2	ВВК, АкАх	кл.1 III.2.
94	Конецгорское сел.	Збруева, 1952, XXXIX: 2	ВВК, АКК	фрагмент
95	Галкинское гор.	Збруева, 1940, рис. 5: 4	ВВК	кл.1 I.3.
96	Щельябож II пос.	Канивец, 1974, рис. 27: 2	ВВК (Тип Ласта)	кл.2 III.2.
97	Щельябож II пос.	Канивец, 1974, рис. 27: 4	ВВК (Тип Ласта)	кл.1 III.2
98	Щельябож III пос.	Канивец, 1974, рис. 28: 5	ВВК (Тип Ласта)	фрагмент
99	Щельябож III пос.	Канивец, 1974, рис. 28: 6	ВВК (Тип Ласта)	фрагмент
100	Щельябож III пос.	Канивец, 1974, рис. 28: 7	ВВК (Тип Ласта)	кл.1 I.4.
101	Щельябож III пос.	Канивец, 1974, рис. 28: 10	ВВК (Тип Ласта)	фрагмент
102	Питюяг IV пос.	Канивец, 1974, рис. 32: 2	ВВК (Тип Ласта)	фрагмент
103	Питюяг IV пос.	Канивец, 1974, рис. 32: 3	ВВК (Тип Ласта)	фрагмент
104	Аргыжское гор.	Черных, Чижевский, 2021, рис. 13: 12	ВВК	кл.1 I.2
105	Аргыжское гор.	Черных, Чижевский, 2021, рис. 13: 14	ВВК	кл.1 I.4.
106	Аргыжское гор.	Оруджов, 2021, рис. 54: 5	ВВК	кл.1 I.6.
107	Истобенское гор.	Оруджов, 2021, рис. 54: 6	ВВК	кл.1 I.7.
108	Ройский Шихан гор.	Оруджов, 2021, рис. 54: 13	ВВК	кл.1 I.3.
109	Васюковское II пос.	Халиков, 1977, рис. 76: 16	ВВК	кл.1 II.6.
110	Пижемское гор.	Раскопки А.С. Лебедева	ВВК	кл.1 I.4.
111	Пижемское гор.	Раскопки А.С. Лебедева	ВВК	кл.1 III.4.
112	Ст.Ахмыловский мог., погр. 71	Патрушев, Халиков, 1982, табл. 13: 2е	ВВК	кл.1 I.3.
113	Ст.Ахмыловский мог., погр. 206	Патрушев, Халиков, 1982, табл. 35: 3а	ВВК	кл.1 III.3.
114	Ст.Ахмыловский мог., погр.429	Патрушев, Халиков, 1982, табл. 70: 4д	ВВК	кл.1 I.4.
115	Ст.Ахмыловский мог., погр.509	Патрушев, Халиков, 1982, табл. 77: 1г	ВВК	кл.1 I.3.

Таблица 2. «Узкие» датировки погребений с каменными наконечниками.
Table 2. "Narrow" dating of burials with stone points.

Тип	Могильник	№ погр.	нижняя граница вв. до н.э.	верхняя граница вв. до н.э.	Общая дата вв. до н.э.
I.1	–	–	–	–	–
I.2	–	–	–	–	–
I.3	Ст. Ахмыловский	509	сер. VIII	2 пол. VIII	сер. VIII – 2 пол. VIII
I.4	Луговской	56	VII	VII	сер. VIII–3 четв. VII
	Ст. Ахмыловский	926	сер. VII	3 четв. VII	–
	Мурзихинский II	176	сер. VIII	нач. VII	–
I.5	–	–	–	–	–
I.6	Ананьинский	G	2 четв. VII	3 четв. VII	сер. VIII–VII
	Мурзихинский I	36	сер. VIII	VII	–
I.7	–	–	–	–	–
II.1	–	–	–	–	–
II.2	Тетюшский	200	2 пол. VIII	2 пол. VIII	2 пол. VIII–VI
	Акозинский	3	VI	VI	–
II.3	Тетюшский	200	2 пол. VIII	2 пол. VIII	2 пол. VIII
	Измерский	3	2 пол. VIII	2 пол. VIII	–
II.4	–	–	–	–	–
II.6	–	–	–	–	–
III.2	–	–	–	–	–
III.3	–	–	–	–	–
III.4	–	–	–	–	–
III.5	–	–	–	–	–
к.2.I.2	Першинский	108	VIII	VIII	VIII
к.2.I.3	–	–	–	–	–
к.2.III.1	–	–	–	–	–
к.2.III.2	Акозинский	62	VII	VII	VII

Таблица 3. Количественное распределение наконечников стрел АКИО по типам.
Table 3. Quantitative distribution of АСНА arrow points by type.

Тип\Культура	АкАх	ПМК	АКК	ВБК	Сумма
кл.1.I.1			3		3
кл.1.I.2		4	2	1	7
кл.1.I.3	2	12	4	4	22
кл.1.I.4	2	11	1	4	18
кл.1.I.5		3			3
кл.1.I.6		3	1	1	5
кл.1.I.7		1	1	1	3
кл.1.II.1		2			2
кл.1.II.2		2			2
кл.1.II.3	1	3	1		5
кл.1.II.4		1			1
кл.1.II.6				1	1
кл.1.III.2	3	1		2	6
кл.1.III.3		1		1	2
кл.1.III.4	2			1	3
кл.1.III.5	1				1
кл.2.I.2			1		1
кл.2.I.3		1			1
кл.2.III.1			1		1
кл.2.III.2	1	1		1	3
	12	46	15	17	90

Таблица 4. Процентное соотношение типов наконечников стрел в культурах АКЮ.
Table 4. Percentage ratio of arrow points types in АСНА cultures.

Тип Культура	АкАх	ПМК	АКК	ВВК
кл. I. I. 1			100%	
кл. I. I. 2		50%	33%	17%
кл. I. I. 3	9%	55%	18%	18%
кл. I. I. 4	13%	70%		27%
кл. I. I. 5		100%		
кл. I. I. 6		60%	20%	20%
кл. I. I. 7		50%	25%	25%
кл. I. II. 1		100%		
кл. I. II. 2		100%		
кл. I. II. 3		71%	29%	
кл. I. II. 4		100%		
кл. I. II. 6				100%
кл. I. III. 2	50%	17%		33%
кл. I. III. 3				100%
кл. I. III. 4	67%			33%
кл. I. III. 5	100%			
кл. 2. I. 2			100%	
кл. 2. I. 3		100%		
кл. 2. III. 1			100%	
кл. 2. III. 2	67%	33%		

ЛИТЕРАТУРА

Ашихмина Л.И. Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье (по материалам керамики и жилищ) / Археология евразийских степей. Вып. 19. Казань: Отечество, 2014. 300 с.

Бадер О.Н. Городища Ветлуги и Унжи // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. III / МИА. № 22 / Ред. В.Н. Чернецов. М.: АН СССР, 1951. С. 110–158.

Базалийский В.И. Морфологический анализ каменных наконечников стрел могильника «Локомотив» // Известия лаборатории древних технологий. 2010. Т. 1 (8). С. 39–53.

Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: УдГУ, 2004. 420 с.

Гурина Н.Н. Опыт первичной классификации кремневых наконечников стрел // Орудия каменного века / Отв. ред. Д.Я. Телегин. Киев: Наукова думка, 1978. С. 57–70.

Денисов В.П. Культуры эпохи бронзы в Верхнем и Среднем Прикамье и их роль в формировании ананьинской культуры // УЗ ПГУ. № 148 / Отв. ред. В.А. Оборин. Пермь: ПГУ, 1967. С. 29–50.

Збруева А.В. Галкинское городище // МИА. № 1 / Ред. П.Н. Третьяков. М.-Л.: АН СССР, 1940. С. 83–99.

Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху / Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. V / МИА. № 30. М.: АН СССР, 1952. 326 с.

Збруева А.В. Памятники эпохи поздней бронзы в Приказанском Поволжье и Нижнем Прикамье // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. III / МИА. № 80 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1960. С. 10–95.

Збруева А.В., Тихонов Б.Г. Памятники эпохи бронзы в Башкирии // Древности Башкирии / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Наука, 1970. С. 40–127.

Казаков Е.П. Измерский VII могильник // Памятники древней истории Волго-Камья / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ, 1994. С. 104–123.

Канивец В.И. Печорское Приполярье. Эпоха раннего металла. М.: Наука, 1974. 150 с.

Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М.: Наука, 1983. 257 с.

Нефедов Ф.Д. Археологические исследования в Южном Приуралье и Прикамье в 1893–1894 гг. // МАВГР. 1899. Т. III. С. 42–74.

Нохрина Т.И., Мыльникова Л.Н., Чемякина М.А. Приемы анализа каменных наконечников стрел // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XII. Ч. II / Отв. ред. Деревянко А.П., Молодин В.И. Новосибирск: ИАЭ СО АН, 2006. С. 30–33.

Оруджов Э.И. Поселенческие памятники вятско-ветлужской археологической культуры ананьинской культурно-исторической области в бассейне реки Вятки. Дисс... канд. ист. наук. Казань, 2021. 254 с.

Патрушев В.С. Исследования Акозинского могильника в 1971–1972 годах // Вопросы этнической истории в первобытную эпоху / Отв. ред. В.С. Патрушев. Йошкар-Ола: МарГУ, 1982. С. 19–56.

Патрушев В.С. Марийский край VII–VI вв. до н. э. (Старший Ахмыловский могильник). Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1984. 232 с.

Патрушев В.С. Новые исследования Пустоморквашинского могильника // Новые источники по этнической и социальной истории финно-угров Поволжья: 1 тыс. до н. э. – 1 тыс. н. э. / Отв. ред. Ю.А. Зеленев. Йошкар-Ола: МарГУ, 1990. С. 25–74.

Патрушев В.С., Халиков А.Х. Волжские ананьинцы (Старший Ахмыловский могильник). М.: Наука, 1982. 277 с.

Песков С.А. Типология каменных наконечников стрел Усть-Илгинского могильника // Известия лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 2. С. 9–28.

Федоров-Давыдов Г.А. Статистические методы в археологии. М.: Высшая школа, 1987. 216 с.

Халиков А.Х. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // Железный век Марийского края / Труды МАЭ. Т. II / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МКИ, 1962. С. 7–187.

Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н.э.). М.: Наука, 1977. 262 с.

Худяков М.Г. Могильник Маклашеевка II // Материалы центрального музея Татарской АССР. Казань, 1930. С. 11–14.

Худяков М.Г. Древности Камы по раскопкам А.А. Спицына в 1898 г. / Материалы ГАИМК. Вып. Л.: ОГИЗ, 1933. 27 с., 11 л. ил.

Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья / МИА. № 172. М.: Наука, 1970. 180 с.

Черных Е.М., Чижевский А.А. Ананьинская культурно-историческая область. Вятско-ветлужская культура (гребенчато-шнуровой керамики) // Ранний железный век / Археология Волго-Уралья. Т. 3 / Под общ ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 217–241.

Чижевский А.А., Волкова Е.В. Ананьинская культурно-историческая область. Постмаклашеевская культура. Памятники белогорского типа // Ранний железный век / Археология Волго-Уралья. Т. 3 / Под общ ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 162–185.

Чижевский А.А., Лыганов А.В., Кузьминых С.В. Маклашеевская культура // Энеолит и бронзовый век / Археология Волго-Уралья. Т. 2 / Отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 601–637.

Чижевский А.А., Лыганов А.В., Храмченкова Р.Х. Образ головы хищной птицы в ананьинской культурно-исторической области // Поволжская археология. 2023. № 1 (43). С. 141–168.

Чижевский А.А., Хисяметдинова А.А. Оборонительные сооружения мысовых городищ Волго-Камья в раннем железном веке и раннем средневековье // Археология Евразийских степей. 2020. №2. С. 8–277.

Чижевский А.А., Черных Е.М., Коренюк С.Н. Ананьинская культурно-историческая область. Ананьинская классическая культура (шнуровой керамики) // Ранний железный век / Археология Волго-Уралья. Т. 3 / Под общ ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 186–216.

Taylor W.W. A study of Archeology. Southern Illinois: Center for Archeological Investigations, 1983. 263 p.

Rous I. The classification of artifacts in archeology // American Antiquity. 1960. №25 (3). p. 313–323.

Информация об авторах:

Чижевский Андрей Алексеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ; chijevski@mail.ru.

Галимова Мадина Шакировна, кандидат исторических наук, зав. отделом первобытной археологии, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); mgalimova@yandex.ru.

REFERENCES

Ashikhmina, L. I. 2014. *Genesis anan'inskoi kul'tury v Srednem Prikam'e (po materialam keramiki i zhilishch)* (*Genesis of the Ananyino Culture in the Middle Kama Area (According to the Ceramics and*

Dwellings). Series: Arkheologiia evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes) 19. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences; "Otechestvo" Publ. (in Russian).

Bader, O. N. 1951. In Chernetsov, V. N. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Urala i Priural'ia* (Materials and Research on the Archaeology of Ural and the Cis-Urals Area) III. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 22. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 110–158 (in Russian).

Bazaliisky, V. I. 2010. In *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologii* (Reports of the Laboratory of Ancient Technologies) 8 (1), 129–146 (in Russian).

Goldina, R. D. 2004. *Drevniaia i srednevekovaia istoriia udmurtskogo naroda* (Antique and Medieval History of the Udmurt People). Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

Gurina, N. N. 1978. In Telegin, D. Ya. (ed.). *Orudiya kamennogo veka* (Implements of the Stone Age). Kiev: "Naukova Dumka" Publ., 57–70 (in Russian).

Denisov, V. P. 1967. In Oborin, V. A. (ed.). *Uchenye zapiski Permskogo gosudarstvennogo universiteta* (Scientific Bulletin of the Perm State University) 148. Perm: Perm State University, 29–50 (in Russian).

Zbrueva, A. V. 1940. In Tretyakov P. N. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii* (Materials and Studies in the Archaeology) 1. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 83–99 (in Russian).

Zbrueva, A. V. 1952. *Istoriia naseleniia Prikam'ia v anan'inskuiu epokhu* (History of the Population of the Kama River Region in the Ananyino Time). Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Urala i Priural'ia (Materials and Research on the Archaeology of Ural and the Cis-Urals Area) V. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 30. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Efimova, A. M. 1960. In Smirnov, A. P. (ed.). *Trudy Kuybyshevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii* (Proceedings of the Kuybyshev Archaeological Expedition) 3. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in the USSR Archaeology) 80. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 10–95 (in Russian).

Zbrueva, A. V., Tikhonov, B. G. 1970. In Smirnov, A. P. (ed.). *Drevnosti Bashkirii* (Antiquities of the Bashkiria). Moscow: "Nauka" Publ., 40–127 (in Russian).

Kazakov, E. P. 1994. In Starostin, P. N. (ed.) *Pamiatniki drevnei istorii Volgo-Kam'ia* (Monuments of the Ancient History of the Volga-Kama Region). Kazan: Institute for Language, Literature and History named after G. Ibragimov, 104–123 (in Russian).

Kanivets, V. I. 1974. *Pechorskoe Pripoliar'e. Epokha rannego metalla* (Pechora Near Arctic. The Early Metal Period). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kuzminykh, S. V. 1983. *Metallurgii Volgo-Kam'ia v rannem zheleznom veke (med' i bronza)* (Metallurgy of the Volga-Kama Region in the Early Iron Age (Copper and Bronze)). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Nefedov, F. D. 1899. In *Materialy po arkheologii vostochnykh gubernii Rossii* (Materials on the Archaeology of Eastern Governorates of Russia) III, 42–74 (in Russian).

Nokhrina, T. I., Myl'nikova, L. N., Chemyakina, M. A. 2006. In Derevianko, A. P., Molodin, V. I. (eds.). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* (Issues of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and the Adjoining Territories). Vol. 12. Part 2 Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 30–33 (in Russian).

Orudzhov, E. I. 2021. *Poselencheskie pamyatniki vyatsko-vetluzhskoy arkheologicheskoy kul'tury anan'inskoy kul'turno-istoricheskoy oblasti v bassejne reki Vyatki* (Settlement sites of the Vyatka-Vetluga archaeological culture of the Ananyino cultural and historical area in the Vyatka River basin). Diss. of Candidate of historical sciences. Kazan (in Russian).

Patrushev, V. S. 1982. In Patrushev, V. S. (ed.). *Voprosy etnicheskoi istorii v pervobytnuiu epokhu* (Issues of Ethnic History in Prehistoric Epoch). Yoshkar-Ola: Mari State University, 19–56 (in Russian).

Patrushev, V. S. 1984. *Mariiskii kraj VII–VI vv. do n.e. (Starshii Akhmylovskii mogil'nik)* (The Mari Land in 7th – 6th Centuries B.C. (The Elder Akhmylovso Burial Ground)). Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Patrushev, V. S. 1990. In Zeleneev, Yu. A. (ed.). *Novye istochniki po etnicheskoy i sotsial'noy istorii finno-ugrov Povolzh'ya: I tys. do n. e. – I tys. n. e.* (New sources on the ethnic and social history of the Volga Finno-Ugric people: I millennium BC – I millennium AD). Yoshkar-Ola: Mari State University, 25–74 (in Russian).

Patrushev, V. S., Khalikov, A. Kh. 1982. *Volzhskie anan'intsy (Starshii Akhmylovskii mogil'nik) (The Volga Ananyino People (The Elder Akhmylovo Burial Ground))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Peskov, S. A. 2012. In *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologii (Reports of the Laboratory of Ancient Technologies)* 15 (2), 9–28 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1987. *Statisticheskie metody v arkheologii (Statistical Methods in Archaeology)*. Moscow: "Vysshaya shkola" Publ. (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 1962. In Arkhipov, G. A. (ed.). *Zheleznyi vek Mariiskogo kraia (Iron Age of the Mari Region)*. Series: (Trudy Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Mari Archaeological Expedition) II. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 7–187 (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 1977. *Volgo-Kam'e v nachale epokhi rannego zheleza. VIII–VI vv. do n. e. (The Volga-Kama Region in the Beginning of the Early Iron Age (8th–6th Centuries BC))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Khudiakov, M. G. 1930. In *Materialy Tsentral'nogo muzeya Tatarskoy ASSR (Materials of the Central Museum of the Tatar ASSR)* 1. Kazan, 11–14 (in Russian).

Khudiakov, M. G. 1933. *Drevnosti Kamy po raskopkam A. A. Spitsyna v 1898 g. (Antiquities of the Kama Area on the A. A. Spitsyn's Excavations in 1898)*. Series: Materialy Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Proceedings of the State Academy for the History of Material Culture) 2. Leningrad: "Pechatnyi Dvor" Typography (in Russian).

Chernykh, E. N. 1970. *Drevneishaia metallurgii Urala i Povolzh'ia (Ancient Metallurgy of Ural and Volga Region)*. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 172. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Chernykh, E. M., Chizhevsky, A.A. 2021. In Sitdikov, A. G., Chizhevsky, A.A. (eds.). 2021. *Rannii zheleznyi vek (Early Iron Age)*. Series: Arkheologiiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 3. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 217–241 (in Russian).

Chizhevsky, A.A., Volkova, E. V. 2021. In Sitdikov, A. G., Chizhevsky, A.A. (eds.). 2021. *Rannii zheleznyi vek (Early Iron Age)*. Series: Arkheologiiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 3. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 162–185 (in Russian).

Chizhevsky, A.A., Lyganov, A. V., Kuzminykh, S. V. 2021. In Sitdikov, A. G., Chizhevsky, A.A. (ed.). *Eneolit i bronzovyi vek (Eneolithic and Bronze Age)*. Series: Arkheologiiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 2. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 601–637 (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Lyganov, A. V., Khramchenkova, R. Kh. 2023. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 43 (1), 141–168 (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Khisyametdinova, A. A. 2020. In *Arkheologiiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 8–277 (in Russian).

Chizhevsky, A.A., Chernykh, E. M., Korenyuk, S. N. 2021. In Sitdikov, A. G., Chizhevsky, A.A. (eds.). 2021. *Rannii zheleznyi vek (Early Iron Age)*. Series: Arkheologiiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 3. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 186–216 (in Russian).

Taylor, W. W. 1983. *A study of Archeology*. Southern Illinois: Center for Archeological Investigations.

Rous, I. 1960. In *American Antiquity*. 25 (3), 313–323 (in English).

About the Authors:

Chizhevsky Andrey A. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; chijevski@mail.ru

Galimova Madina Sh. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; mgalimova@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2023 г.
Статья принята к публикации 01.04.2023 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 903.4(470.51)(045)

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.2.130.156>

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МИКРОРАЙОНЫ АНАНЬИНСКИХ ГОРОДИЩ В УДМУРТСКОМ ПРИКАМЬЕ

© 2023 г. Е.М. Черных

Исследование особенностей расселения ананьинской КИО выполнено для отдельного участка Нижнего Прикамья (правобережье), с учетом базы ГИС-данных археологических памятников, степени изученности территории, ландшафтной ситуации, в соответствии с теорией потенциальных ресурсных зон вокруг памятников. Обосновывается, что в раннеананьинское время заселение территории осуществлялось вдоль низких участков долины Камы. В середине I тыс. до н.э. количество поселенческих памятников резко увеличивается, меняется их структура и месторасположение в рельефе. Центрами археологических микрорайонов становятся городища. Анализ пространственного размещения поселений внутри микрорайонов позволяет говорить, скорее всего, о разных типах хозяйственных стратегий социальных групп, обусловленных особенностями вмещающего ландшафта и пока не совсем очевидных факторах социального порядка.

Ключевые слова: археология, ананьинская КИО, Прикамье, пространственный анализ, микрорайонирование, расселение, городища.

ARCHAEOLOGICAL MICRO-REGIONS OF THE ANANYINO HILLFORTS IN THE UDMURT KAMA REGION

E. M. Chernykh

The study of the settlement features of the Ananyino cultural and historical area has been made for a separate section of the Lower Kama region (right bank), considering the GIS- data of archaeological sites, the degree of the territory study, landscape situation, taking into account the theory of potential resource areas around sites. The author asserts that settling the territory during the early Ananyino time was realized along the low sections of the Kama valley. In the middle of the 1st millennium BC the number of settlement sites sharply increased, their structure and relief location changed. Hillforts were becoming centers of archaeological micro-regions. Spatial placing analysis of settlements within the micro-regions allows the author to claim about different types of economic strategies of social groups which were determined by the enclosing landscape and not yet obvious social order state.

Keywords: archaeology, Ananyino cultural and historical area, Kama River region, spatial analysis, micro-zoning, settling, hillforts.

Знание закономерностей и особенностей расселения в раннем железном веке Прикамья (ананьинская КИО) достойно специального аналитического исследования. В ранних монографических работах этот сюжет рассматривался скорее на макроуровне – выявления общей территории расселения и выделения локальных вариантов (Збруева, 1952; Халиков, 1977). Пожалуй, первым, кто обратился к картографированию ананьинских памятников с целью осмысления особенностей их микрогруппировки был пермский исследователь А.Д. Вечтомов. При обобщении результатов масштабных разведочных и раскопочных работ 1950–1960-х годов в зонах затопления камских водохранилищ, на территории Среднего Прикамья, от г. Перми на севере до пос. Сайгатка на юге, он выделил пять терри-

ториальных групп площадью от 200 до 250 кв. км: пермскую, оханскую, осинскую, еловскую, сайгатскую. На незаселенные пространства между ними приходилось 40–50 км (Вечтомов, 1967, с. 154–155; Вечтомов, 1968, с. 75–81). Особенности группировки поселений внутри таких территориальных групп (2–4 городища с тяготеющими к ним селищами), по предположению исследователя, были связаны с фратриальной структурой племенных образований внутри ананьинского общества (Вечтомов, 1968, с. 86).

Прошедшие 50–60 лет, увы, мало что добавили к высказанным суждениям, хотя степень изученности ананьинских поселений в Прикамье сегодня несравненно выше, а методический арсенал современных археологов позволяет решать различные исследо-

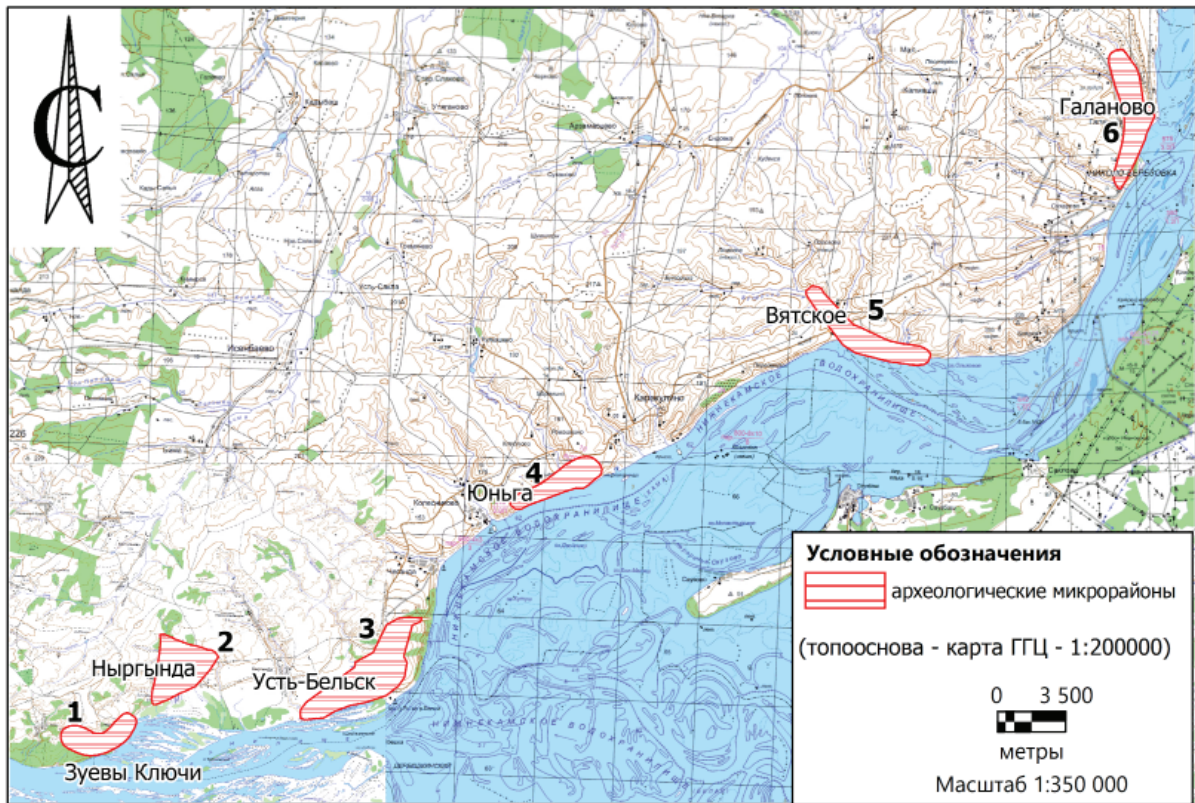

Рис. 1. Каракулинское течение р. Камы. Археологические микрорайоны городищ АКИО: 1 – Зуевключевской; 2 – Ныргындинский; 3 – Усть-Бельский; 4 – Юньгинский; 5 – Вятский; 6 – Галановский.

Fig. 1. The Karakulino part of the Kama River valley. Archaeological micro-districts of the Ananyino hillforts: 1 – Zuevly Klyuchi; 2 – Nyrgynda; 3 – Ust-Belaya; 4 – Yunga; 5 – Vyatka; 6 – Galanovsky

вательские задачи, в том числе с помощью методов пространственного анализа поселенческих систем.

В данной статье за объект анализа была выбрана небольшая территория АКИО, соответствующая современному каракулинскому участку удмуртского течения р. Камы, где пролегает условная граница Среднего и Нижнего Прикамья. Этот выбор не был случайным. Каракулинский район на археологической карте Удмуртской Республики является одним из наиболее хорошо обследованных: его каркас составляют уже более 180 памятников. Конечно, административные границы в данном случае не играют никакой роли. Обозначенный участок почти полностью соответствует особым природно-географическим характеристикам в границах Сарапульского ландшафта Сарапульского физико-географического района – наиболее благоприятного по почвенным характеристикам района Удмуртии (Кашин, Стурман, 2012, рис. 1). Более того, считается возможным выделять особый Каракулинский флористи-

ческий район с более чем 100 видами растений лесостепного происхождения (Баранова, 2016, с. 32). Многослойный характер древних поселений Каракулинского Прикамья также свидетельствует о привлекательности территории в разное время для обществ с различным хозяйственно-культурным укладом (Голдина, Черных, 2011, с. 105–141).

Общая протяженность камского русла, меняющего на каракулинском отрезке свое направление с южного на юго-западное, составляет около 70 км. Достаточно обособлен этот район правобережья и в орографическом отношении; он характеризуется южной ветвью Сарапульской возвышенности, т. н. Красноборско-Мазунинской грядой, гребень которой соответствует абс. отметкам 180–220 м и водоразделу Камы и Ижа (Илларионов, 2012, с. 21–22).

Правый берег Камы высокий и крутой, экспонирован склонами на юг и юго-восток; поднимается уступами-террасами к основному плато, что, несомненно, способствовало самому широкому выбору удобных мест

Таблица 1. Количественное распределение археологических памятников Каракулинского района УР относительно современных населенных пунктов

Table 1. Quantitative distribution of archaeological sites in Karakulino district of the Udmurt Republic relative to modern settlements

Населенный пункт	Кол-во поселений
1. Галаново	9
2. Боярка	5
3. Вятское	12
4. Первомайск	9
5. Каракулино	6
6. Юньга	8
7. Чеганда	10
8. Усть-Бельск	10
9. Быргында-Новопоселенное	36
10. Ныргында	21
11. Зувьы Ключи	22

для поселений в различные эпохи. Высота камских утесов, местами резко обрывающихся к реке (н. п. Боярка, Вятское, Каракулино, Зувьы Ключи), достигает 120–156 м. С их вершин открываются великолепные панорамы низменного левобережья при слиянии Белой и Ика. Гидрографическую характеристику району обеспечивают Кама и ее одиннадцать небольших правых притоков (малых речек) – Большая Емаша, Чегандинка, Ижболдинка, Буториха, а также многочисленные ручьи, питаемые родниками, и пойменные озера. Долины притоков имеют значительную глубину вреза в коренной склон, асимметричные склоны, незначительную протяженность – от 6 до 17 км. Обращает внимание примерно одинаковое расстояние – 3–5 км – между соседними камскими притоками на участке от с. Каракулино до д. Ныргында, с их однонаправленным юго-восточным течением и параллельно-перистым рисунком речной сети; речки в северной части района – Ветлянка, Буториха, Большая – выглядят несколько иначе. Они как бы стягиваются к единому центру водосборных воронок у с. Вятское, д. Сухарево, с. Галаново, образуя ветвистый рисунок. Ширина самых крупных водотоков (рр. Кобылка, Буториха, Ветлянка) в нижнем течении не превышает 10 м; они не представляют серьезного препятствия для передвижений людей. Крутыми являются склоны, обращенные к теплым румбам – на юг и запад. За редким исключением, именно они использовались для устройства городищ. Затененные склоны, обращенные на север и восток, пологие.

Русло Камы на рассматриваемом участке широкопойменное, но после строительства Нижнекамской плотины значительные участки поймы оказались подтоплены, сохранившись крупными фрагментами (до 14 км) лишь внутри крутых излучин между селами Тарасово и Галаново, а также д. Боярка и с. Вятское. Надпойменные террасы (это главным образом II-я и III-я) также сохранились фрагментами. Их высоты в абсолютных отметках соответствуют 14–70 м (Илларионов, 2012, с. 28–29).

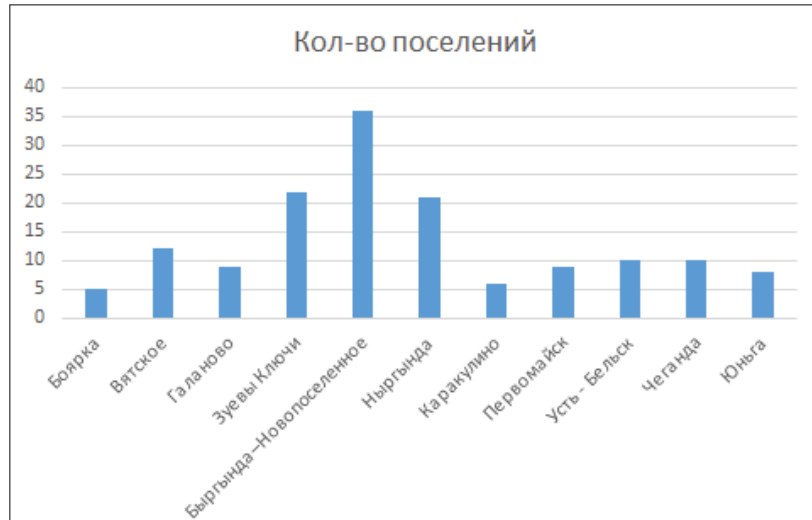
С учетом описанных ландшафтных характеристик и представляется возможным на сегодняшний день судить об особенностях расселения ананьинцев, выбора мест для поселений и их взаиморасположения, обусловленных природным окружением, хозяйственной и иной деятельностью. В границах территории, выбранной для проведения исследования, известно около 70 поселений с культурными напластованиями ананьинского времени; почти четверть из них (24%) изучалась раскопками.

Существенным помощником для выполнения поставленных задач явился такой ресурс, как БД и тематические карты, созданные на кафедре истории Удмуртии, археологии и этнологии Удмуртского государственного университета в среде ГИС «Археологические памятники Каракулинского района УР» в рамках выполнения магистерской диссертации Е.С. Мананковой (2016).

Пространственный анализ с помощью ГИС позволил выделить на территории района скопления разновременных памятников, концентрирующихся прежде всего вокруг

График 1. Количественное распределение археологических памятников Каракулинского района УР относительно современных населенных пунктов

Diagram 1. Quantitative distribution of archaeological sites in Karakulino district of the Udmurt Republic relative to modern settlements

современных крупных населенных пунктов (табл. 1, график 1), что, безусловно, свидетельствует о прямой зависимости системы расселения от природно-ландшафтного фактора. Из локализованных на местности объектов ананьинского времени 32 располагались на поверхностях I–III надпойменных террас; на коренном берегу – 24. Как видим, в выборе мест поселений предпочтения ананьинцев равно принадлежали как надпойменным террасам, так и коренному берегу.

Попробуем провести сортировку с учетом хронологии выбранных объектов: здесь зависимость выбора мест для поселений демонстрирует большую избирательность. Так, все известные раннеананьинские керамические комплексы (постмаклашеевские и раннешнуровые) изучены на небольших по площади пяти поселениях (Зуевоключевское II, Партизанские II и VI, поселение на Зуевоключевском I городище, Быргындинская стоянка), занимавших, как правило, прикраевые участки I и II надпойменных террас, в непосредственной близости от реки, зачастую на местах поселений предшествующего времени – финала позднего бронзового века (Ашихмина, 2014, с. 46–48). Заметим также, что все они, за исключением Зуевоключевских поселений, размещались за границами сформировавшихся позднее городищенских микрорайонов.

В период II АКЮ (втор. пол. VII–VI вв.; Чижевский и др., 2021, с. 211–213) наблю-

дается заметный рост числа ананьинских поселений; керамика этого времени происходит из культурного слоя городищ Зуевоключевское I, Быргындинское II (Каменный Лог), Вятское (Верхнемошкардовское) и открытых поселений. Но должна заметить, что собственно городища, судя по имеющимся хроноиндикаторам и радиоуглеродным датам (Черных, 2004, с. 115; Черных, 2009; Чижевский, 2017, с. 217–222), возникают лишь на позднем этапе АКЮ, не ранее V в. до н. э.

Особенностью размещения городищ в Каракулинском Прикамье является их приуроченность к достаточно высоким террасовидным площадкам – денудационным поверхностям (поверхностям выравнивания). Всего на анализируемом участке известно 16 ананьинских городищ. Степень их сохранности и изученности очень различна: не все памятники сохранились до настоящего времени (Мошкардовское Нижнее), для ряда многослойных городищ не установлена связь ананьинского культурного слоя с фортификациями (Чеганда I). Наличие выровненных естественных площадок вблизи крупной реки и полноводных родников обуславливало в прошлом (I тыс. до н. э. – начало I тыс. н. э.) вполне благоприятные геоморфологические и гидрогеологические условия для формирования сети укрепленных поселений в Каракулинском Прикамье (Сергеев, Черных, 2012, с. 307–310).

Рис. 2. Зуевоключевской археологический микрорайон АКЮ: 1 – расположение памятников на карте: 1 – Зуевоключевское III (Хижняковское) городище; 2 – Зуевоключевское VIII селище; 3 – Зуевоключевское III селище; 4 – Зуевоключевское IV селище; 5 – Зуевоключевское II селище; 6 – Зуевоключевское I городище; 7 – Зуевоключевское II поселение; 8 – Зуевоключевской I (Зуевский) могильник; 9 – Зуевоключевской II могильник. 2 – вид на современную д. Зуевы Ключи и затопленную пойму Камы с СЗ. 3 – Вид урочища «Зуевы Ключи».

Fig. 2. Zuevy Klyuchi archaeological microdistrict of the Ananyino cultural and historical area:

1 – location of sites on the map: 1 – Zuevy Klyuchi III (Khizhnyakovskoye) hillfort; 2 – Zuevy Klyuchi VIII settlement; 3 – Zuevy Klyuchi III settlement; 4 – Zuevy Klyuchi IV settlement; 5 – Zuevy Klyuchi II settlement; 6 – Zuevy Klyuchi I hillfort; 7 – Zuevy Klyuchi II ancient village; 8 – Zuevy Klyuchi I (Zuevsky) burial ground; 9 – Zuevy Klyuchi II burial ground. 2 – view of the contemporary village Zuevy Klyuchi and the flooded floodplain of the Kama River from NW. 3 – view of the survey mark "Zuevy Klyuchi".

На территории, крайними географическими пунктами которой являются д. Зуевы Ключи на юге и с. Галаново – на севере Каракулинского района, выделены шесть скопленных ананьинских поселений, или микрорайонов: Зуевоключевской, Ныргындинский, Усть-Бельский, Юньгинский, Вятский и Галановский (рис. 1). Ядром таких групп всегда

являлись городища, обладающие признаками центральных мест; к ним тяготели поселения более низких рангов. Только в границах двух микрорайонов – вятского и зуевоключевского – известны памятники погребального типа. Кроме того, в галановском микрорайоне выделяются объекты иного типа, например, Галановское III селище, с которого происхо-

Таблица 2. Памятники Зуевоключевского микрорайона
 Table 2. Sites of the Zuevy Klyuchi microdistrict

№ п/п	№ БД	название	дата	Площадь, м ²	расположение
1	99	Зуевоключевское I городище	V–III вв. до н.э.	33000	3-я надпойма, мыс
2	101	Зуевоключевское III (Хижняковское) городище	IV–III вв. до н.э.	2168	коренной берег, мыс
3	44	Зуевоключевское II поселение	VIII–VI вв. до н.э.	2000	1-я надпойма
4		Селище на площадке Зуевоключевского I городища	VIII–VI вв. до н.э.	1000	3-я надпойма
5	36	Зуевоключевское II селище	IV–III вв. до н.э.	10000	3-я надпойма, за валом городища I
6	37	Зуевоключевское III селище	V–III вв. до н.э.	16000	3-я надпойма,
7	38	Зуевоключевское IV селище	V–III вв. до н.э.	13500	3-я надпойма,
8	42	Зуевоключевское VIII селище	ПА,	ок. 45000	3-я надпойма
9	127	Зуевский (Зуевоключевской I) могильник	VI–IV вв. до н.э.		2-я надпойма
10	128	Зуевоключевской II могильник	кон. VI – нач. V вв.		3-я надпойма
11	150	Зуевоключевская I находка меча	V–IV вв. до н.э.		Коренной берег

дит бронзовая секира (Киржнер, Арматынская, 1990), а также Галановское культовое место, обладающее признаками святилищ, известных в Прикамье как костища (Черных, Митряков, 2022, с. 88–91).

Выделенные археологические микрорайоны близки по количеству поселений внутри них, но в системе взаиморасположения селищ и центрального городища заметно различаются. Благодаря картографированию несложно заметить, что почти все указанные микрорайоны приурочены к локальным понижениям рельефа в зоне выноса небольших водотоков – правых притоков Камы и широкой поймы. То есть тяготеют к тем участкам побережья, где наблюдаются стыки различных типов рельефа: Галановский – р. Большая, Вятский – р. Буториха, Юньгинский – р. Кобылка, Усть-Бельский – р. Большая Емаша, Зуевоключевской – руч. Гремячий Ключ. Это еще и места контакта микроландшафтов, предполагающих большое разнообразие природных ресурсов, следовательно, обладающих высоким экологическим потенциалом. Расстояния между характеризуемыми микрорайонами варьируют от 8,6 км до 16 км.

Внутри выделенных микрорайонов известно 1–3 городища и 3–6 поселений открытого типа, размещавшихся на площади от 10 кв. км (Зуевоключевской микрорайон) до 25–30 кв. км (Усть-Бельский и Галанов-

ский микрорайоны). Абсолютные отметки высот территорий варьируются от 30–80 м до 120–160 м. Городища отличаются геоморфологическими характеристиками: Нырғындынские I и II, оба Юньгинских, Каменный Лог были устроены на высоких мысовых участках коренного берега (абс. отметки 140–160 м). Вятское, Зуевоключевское III, Галановское II – на мысах с абс. отметками 100–120 м. Самую низкую отметку имело Нырғындынское IV городище (+80 м), занимавшее узкий мысовидный участок II надпойменной террасы. Иногда городища внутри анализируемых микрорайонов как бы фланкируют участки обширной поймы, иногда – прилегающие понижения денудационных равнин; одновременные им селища занимали различные элементы речных долин, но с пойменными угодьями практически не коррелируются. Рассмотрим выделенные группы памятников.

Начнем с самого южного микрорайона – **Зуевоключевского**. С северной и западной сторон географическим рубежом для местобитания данной локальной группы служил орографически хорошо выраженный подъем рельефа (рис. 2: 1). Коренной берег к западу от Зуевоключевского I городища резко прижимается к руслу Камы. Он сильно изрезан логами и оврагами, здесь довольно часты заросшие воронки-провалы, а в бортах оврагов – «пеще-

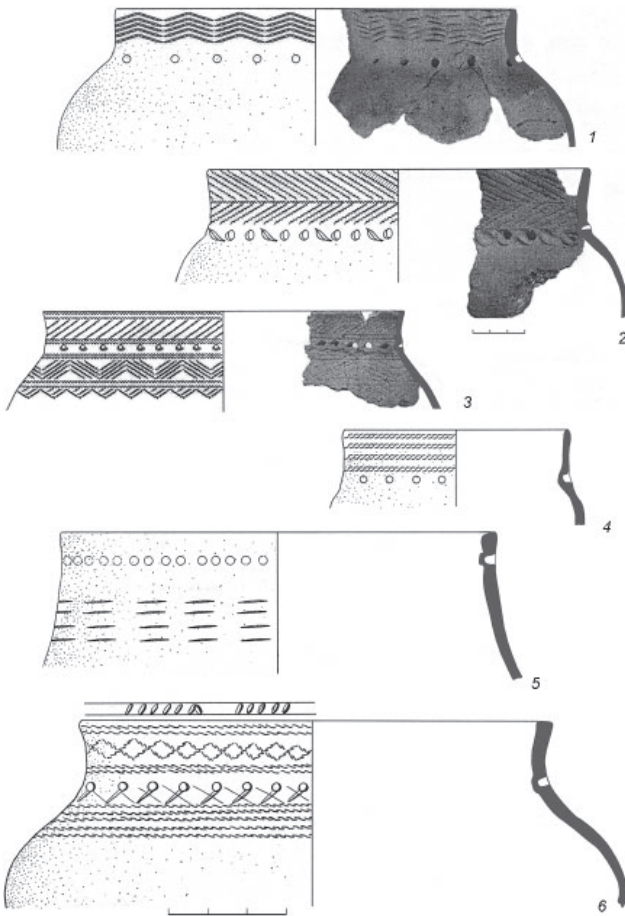

Рис. 3. Зуевключевской археологический микрорайон АКИО. Керамика раннеананьинских поселений:

1–3 – Зуевключевское городище (селище);
4–8 – Зуевключевское II поселение.

Fig. 3. Zuevy Klyuchi archaeological micro-district of the Ananyino cultural and historical area. Ceramics of early Ananyino settlements: 1–3 – Zuevy Klyuchi hillfort (settlement); 4–8 – Zuevy Klyuchi II settlement.

ры» (вероятнее всего, места древних выработок медистых песчаников), весьма опасные, в чем мне пришлось убедиться, выезжая вместе со спасателями на место гибели одного из незадачливых любителей металлодетекторного поиска в 2014 г. Расстояние по прямой до ананьинского Верхнемалиновского городища, находящегося уже на территории нынешней Республики Татарстан, составляет около 6,0 км, но пройти до него вдоль Камы весьма затруднительно; на полпути лежит р. Северная, вероятнее всего, речка и служила естественной западной границей между территориями этих двух крупных ананьинских городищ. С северо-востока границей Зуевключевского микрорайона служили две высокие горы (жители д. Зуевы Ключи называют их Китовская (Китай-гора) и Казань-гора),

пологими юго-восточными склонами спускающиеся в камскую пойму, ныне затопленную (рис. 2: 2). Площадь территории Зуевключевского микрорайона, без учета ныне затопленной поймы, таким образом, очевидно, могла составлять около 10 кв. км. В его границах расположены два городища, шесть поселений открытого типа, два могильника и место отдельной находки меча (табл. 2). Отметки абсолютной высоты поселенческих объектов варьируют от +68 до +135 м.

Освоение ресурсов зуевключевского микрорайона начинается в раннеананьинское время (Зуевключевское II поселение и поселение на I городище). Оба поселения располагались вдоль берега Камы. Керамика ранних постмаклашеевских и раннеананьинских сложношнуровых традиций обнаружена как в жилищах Зуевключевского II поселения (рис. 3: 4–6), так и в объектах (жилищах и ямах) раннего (догородищенского) слоя Зуевключевского I городища (рис. 3: 1–3). До середины I тыс. до н. э. вглубь коренного берега ананьинцы, по-видимому, не проникали, предпочитая невысокие надпойменные террасы вдоль русла Камы. Им принадлежали две группы могил, размещавшихся по краю мысовой площадки будущего городища ((Зуевключевской II могильник; Черных, 2009, с. 81, рис. 14), а также самые ранние погребения Зуевского (Зуевключевского I) могильника (Голдина, Черных, 2011, с. 87–88).

В середине I тыс. до н. э. можно говорить о значительном увеличении численности локальной группы, прочно обосновавшейся в урочище Гремячего Ключа. Ананьинцами осваивается правый берег балки с постоянным многоводным ручьем, вдоль которого возникают селища III, IV и VIII (рис. 2; 3: 3; рис. 4), а прежде неукрепленное поселение на мысу получает дерево-земляные стены с глубоким рвом. Все три селища занимали ровные и сухие мысовидные поверхности, образованные логами глубиной до 10 м и крутизной стенок 35–40°. Почвы урочища плодородные дерново-карбонатные и светло-серые лесные; культурный слой хорошо выражен на всех трех памятниках, но имеет некоторые структурные особенности и различия по химическому составу. Это обстоятельство не позволяет рассматривать их как остатки одного крупного поселения. Расстояния между поселениями были незначительными

(от 70 до 150 м); разделялись они «молодыми» оврагами – правыми притоками основной балки. На IV селище раскопками изучены остатки наземного жилища и отдельно расположенный глинобитный очаг.

За валом городища размещалось еще одно поселение (Зуевоключевское II селище). Возможно, оно являлось частью структуры городища, поскольку вблизи юго-западного фаса вала нами были изучены в 1999 г. остатки канавы шириной 1,1 м и глубиной 0,8 м, выкопанной почти параллельно ему. Соотношение городищенских валов и канавы осталось неясным, так как следов второго вала зафиксировать не удалось. Но еще в начале XX в. его следы были описаны Л.А. Беркутовым (1914, с. 67–68). Распространение поселенческого слоя, насыщенного золой, угольками, кусочками глиняной обмазки, фрагментов керамики (рис. 4: 2, 3, 7, 9), было также зафиксировано в результате работ по определению границ территории памятников в 2018 г. и в северной части мыса, на правом берегу ручья. Пока с некоторой осторожностью можно высказаться о возможном использовании селища в производственных целях.

Многолетние раскопки в границах Зуевоключевского микрорайона показали, что в V–III вв. до н. э. городище развивалось очень интенсивно: его материальная культура представлена многочисленными и разнообразными артефактами (рис. 5); его застройка регулярно обновлялась (Черных, 2004; 2009). В планировочную структуру городища входили жилые, хозяйственные, производственные сооружения, а также святилище. То есть городище выполняло самые разнообразные функции – жизнеобеспечивающие, административные, культовые – как для обитателей самого укрепленного поселения, так и тяготеющих к нему поселений.

При такой топографии и в условиях одновременного существования пяти поселений в границах урочища их ресурсная территория могла быть только общей. В верховьях балки Гремячего Ключа, на высоком холме его левого берега было устроено небольшое Зуевоключевское III (Хижняковское) городище (рис. 2: 1; 4: 6, 8, 10). Оно занимало на местности доминирующую высоту, с которой мог вестись прекрасный визуальный контроль за урочищем.

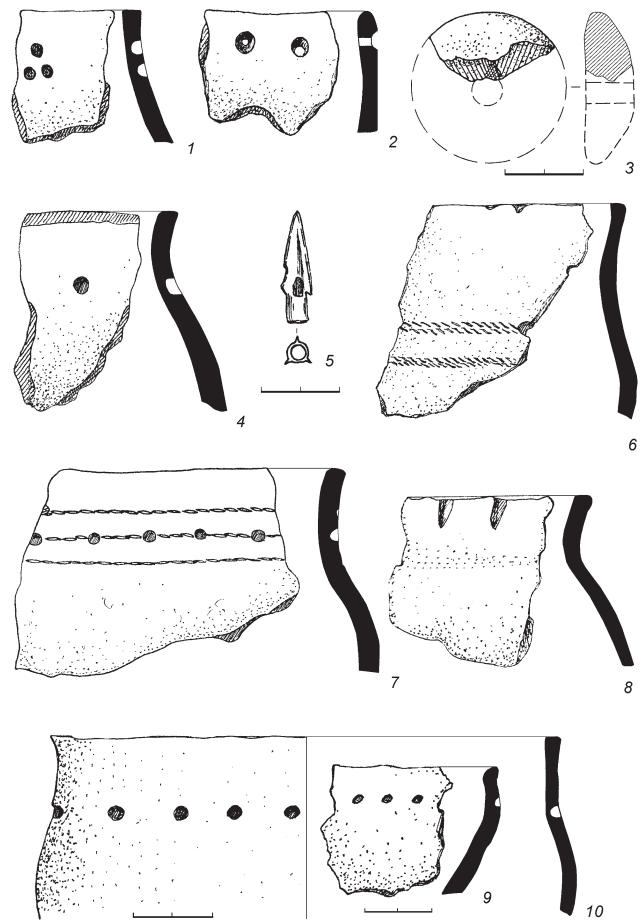

Рис. 4. Зуевоключевской археологический микрорайон АКЮ. Материальная культура 1, 4, 5 – IV-е селище; 2, 3, 7, 9 – II-е селище; 6, 8, 10 – Зуевоключевское III (Хижняковское) городище.

Fig. 4. Zuevy Klyuchi archaeological micro-district of the Ananyino cultural and historical area. Material culture: 1, 4, 5 – IV settlement; 2, 3, 7, 9 – II settlement; 6, 8, 10 – Zuevy Klyuchi III (Khizhnyakovskoe) hillfort.

Радиус расстояния от Зуевоключевского I городища до ближайших городищ – Ныргындинского IV на северо-востоке и Малиновского на западе – составляет 4,5–6,0 км. Это близко параметрам потенциальной ресурсной зоны, эксплуатируемой из центрального поселения (Афанасьев, 1987, с. 24–30). Экологический потенциал окрестностей городища и поселений включал прикраевые участки коренного берега и склоны надпойменных террас, покрытые преимущественно лиственным лесом (по данным В.К. Немковой, в суббореале в основном с доминированием липы (1978, с. 37–39)), кустами лещины, дикой вишни, шиповника. Пойменные луга были удалены от городища на расстояние до 2 км. Для свободного выпаса скота могли использоваться близлежащие опушки и лесные поляны (система

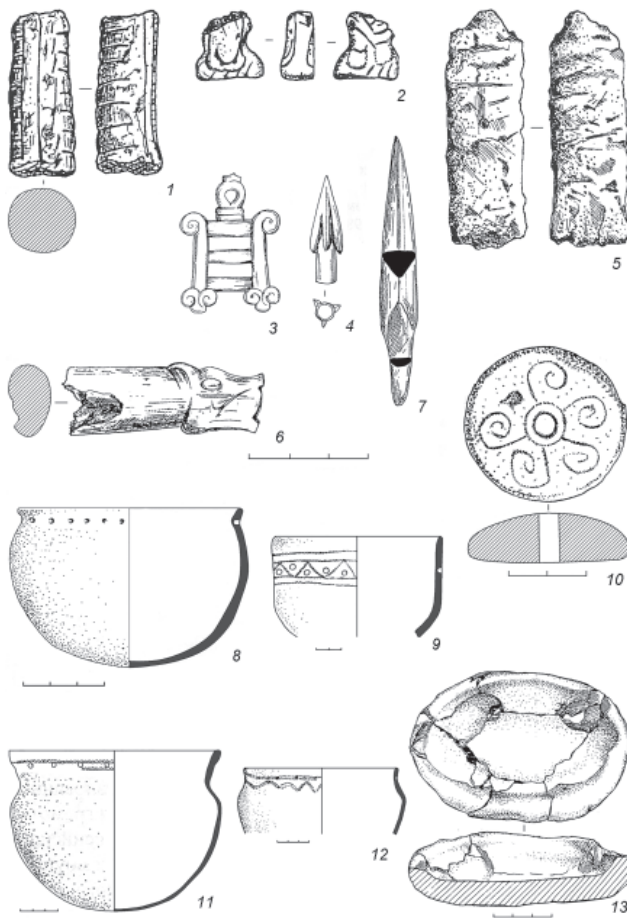

Рис. 5. Зуевоключевской археологический микрорайон АКИО. Материальная культура Зуевоключевского I городища: 1, 2, 5, 8–13 – глина; 3, 4 – сплав на основе меди; 6, 7 – кость.

Fig. 5. Zuevy Klyuchi archaeological micro-district of the Ananyino cultural and historical area. Material culture of Zuevy Klyuchi I hillfort: 1, 2, 5, 8–13 – clay; 3, 4 – copper-based alloy; 6, 7 – bone.

оврагов внутри балки до сих пор используется фермером для перегона скота на другой берег ручья). В условиях длительного проживания даже небольшой локальной группы на весьма ограниченном участке местности, при прочной оседлости и большой плотности поселений экономический уклад ананьинцев вряд ли базировался только на разведении скота и охотничьих промыслах. Несмотря на то, что костей рыб в составе археозоологических коллекций городища и селищ очень мало, зато имеются находки крупных рыболовных крючков и довольно массивных грузил для сетевой ловли – свидетельств промысла крупной речной рыбы, прежде всего осетровых.

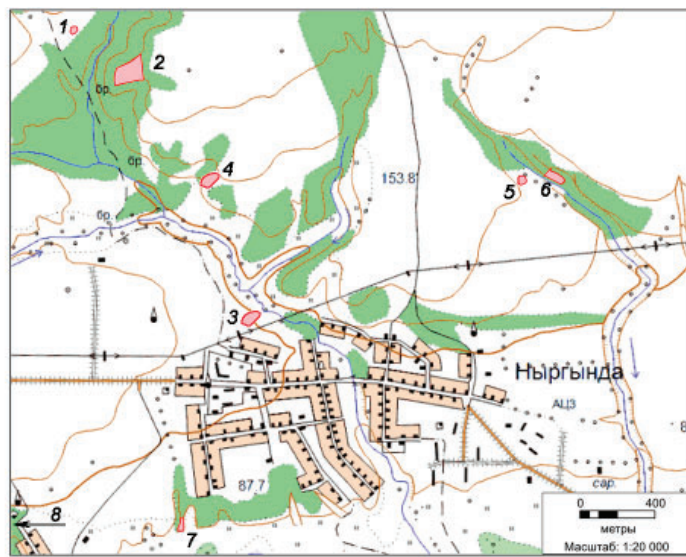
Несколько иные физико-географические и пространственные характеристики имеют поселения **Ныргындинского микрорай-**

на, сконцентрированные главным образом в глубине коренного берега (рис. 6: 1). Современная д. Ныргында занимает поверхность 2-й надпойменной террасы, обрывающейся в пойму Камы уступом высотой 14–20 м (рис. 6: 2). Пойма достигает на этом участке 2 км, а в прошлом могла быть еще шире.

Все три городища на плане микрорайона расположены как бы на периферии территории: Ныргындинское IV – на юго-западе, Ныргындинское I городище – на северо-западе, Ныргындинское II городище – на северо-востоке (табл. 3). Они образуют вершины почти равнобедренного треугольника со сторонами около 2,0 км. Ныргындинское IV городище занимало край надпойменной террасы и было открыто к пойме Камы; два других городища были скрыты в глубине коренного берега, в верховьях небольших камских притоков Ныргындинки и Божьей речки, с узкими долинами. На Ныргындинском IV городище в раскопах 1968 г. В.Е. Стояновым и Л.И. Ашихминой был зафиксирован почти полностью распаханный культурный слой небольшой мощности (до 12 см) и несколько невыразительных ям. Коллекция находок представлена «воротничковой» керамикой, украшенной ямочно-шнуровыми узорами или рядом ямок, позднего облика (рис. 7: 5). Обломок кельта слишком фрагментирован (рис. 7: 3), чтобы дать представление о его типологических особенностях. Не имеют узких хронологических привязок и остальные находки – пряслица, проколки, зернотерки.

Более выразительные следы хозяйственной жизни получены при раскопках Ныргындинских I и II городищ. Правда, исследованиями Р.Д. Голдиной в 1998 г. установлено, что внешний вал Ныргындинского II городища (рис. 7: 1) насыпался, очевидно, в пьяноборское время; связь ананьинского слоя с фортификациями пока не находит подтверждения. Но характер самого ананьинского слоя позволяет рассматривать городище как долговременное поселение. Состав находок, прежде всего керамики (рис. 7: 4, 7, 8), характерен для позднего – ныргындинского – этапа АКИО (Ашихмина, 2014, рис. 72–73; Голдина, Черных, 2011, с. 71–73).

Функцию центрального поселения, как представляется, выполняло Ныргындинское I (Ола-Курук) городище, время наиболее интенсивной жизни на котором пришлось на V–III

1

2

3

4

Рис. 6. Нырғындынский археологический микрорайон АКИО. 1 – расположение памятников на карте: 1 – Нырғындынское IV селище; 2 – Нырғындынское I (Ола-Курук) городище; 3 – Нырғындынское III селище; 4 – Нырғындынское I селище; 5 – Нырғындынское VII селище; 6 – Нырғындынское II городище; 7 – Нырғындынское IV городище; 8 – Дубровское I селище. 2 – 2-я надпойменная терраса между дд. Нырғында и Дубровка. 3 – вид на левый берег р. Нырғындынки с площадки Нырғындынского III селища. 4 – вид с площадки Нырғындынского II селища, с ЮЮЗ, на Нырғындынское I (Ола-Курук) городище.

Fig. 6. Nyrgynda archaeological micro-district of the Ananyino cultural and historical area. 1 – location of sites on the map: 1 – Nyrgynda IV settlement; 2 – Nyrgynda I (Ola-Kuruk) hillfort; 3 – Nyrgynda III settlement; 4 – Nyrgynda I settlement; 5 – Nyrgynda VII settlement; 6 – Nyrgynda II hillfort; 7 – Nyrgynda IV hillfort; 8 – Dubrovskoye I settlement. 2 – 2nd fluvial terrace between the villages Nyrgynda and Dubrovka. 3 – view of the left bank of the Nyrgyndinka River from the site of Nyrgynda III settlement. 4 – view from the site of Nyrgynda II settlement, from the SSW, to the Nyrgynda I (Ola-Kuruk) hillfort.

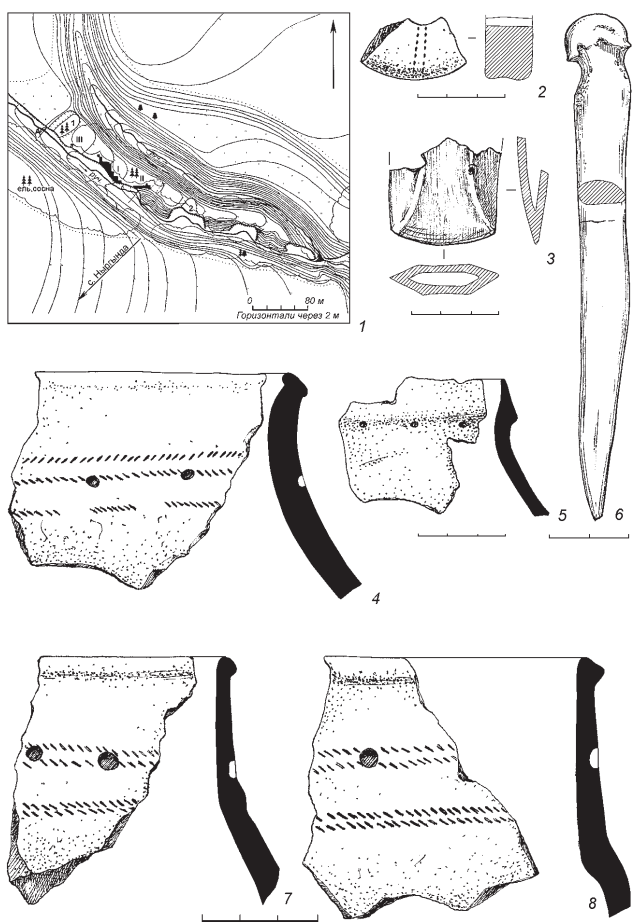

Рис. 7. Нырғындынский археологический микрорайон АКИО. 1 – топографический план Нырғындынского II городища; 2, 3, 5 – материал Нырғындынского IV городища; 4, 6–8 – материал Нырғындынского II городища.

Fig. 7. Nyrgynda archaeological micro-district of the Ananyino cultural and historical area. 1 – topographic plan of the Nyrgynda II hillfort; 2, 3, 5 – material from the Nyrgynda IV hillfort; 4, 6–8 – material from the Nyrgynda II hillfort

вв. до н. э. (Чижевский, 2017, с. 220; рис. 8: 1–10). Городище занимало очень удобный для проживания мыс площадью 1,2 га, с крутыми склонами, возвышавшийся над долиной р. Нырғындынки (рис. 6: 4). Несмотря на хорошую естественную защищенность, поселение с напольной стороны было укреплено высоким валом и рвом (рис. 8). Культурный слой, даже с учетом многолетней распашки, сохранился на площадке мощностью до 0,4 м, а на покато́м северном склоне – до 1,8 м (Ашихмина, 2014, с. 68). Следует учитывать также, что активная жизнь на городище продолжалась в пьяноборскую эпоху и, возможно, в Средние века (Голдина, Черных, 2011, с. 70–71). То

есть все три нырғындынских городища можно синхронизировать по крайней мере в финале АКИО (IV–III вв. до н. э.).

Поселения открытого типа располагались в непосредственной близости от городищ. Своеобразную «пару» Нырғындынскому I городищу составляло селище IV, на противоположном более низком правом берегу Нырғындынки. По словам местных жителей, на этом участке реки издавна находился брод. Аналогичную связку с Нырғындынским II городищем образовывало селище VII. Внутри этого микрорайона, используя теорию ресурсных зон, можно выделить три отдельные зоны радиусом 1 км каждая, с городищами в центре. В ресурсную зону Нырғындынского I городища попадает таким образом Нырғындынское I селище, а в ресурсную зону Нырғындынского IV городища – Нырғындынское III (рис. 6: 3) и Дубровское I селища, располагавшиеся на удалении 1,0 км к С и З, на правом берегу р. Нырғындынки и левом берегу р. Сергы соответственно. Можно предположить, что эти поселения выполняли функцию маркеров территорий социальных групп, родственных по происхождению, но имевших каждая собственные центры.

Площадь территории объединенного Нырғындынского микрорайона, таким образом, очевидно, могла составлять около 16 кв. км. Абсолютные отметки высоты поселений +80+160 м.

Усть-Бельский микрорайон ананьинских поселений занимал высокий коренной берег Камы на участке от устья р. Большой Емаши до городища Чеганда I (около 4,0 км); выше устья лога Большая Чеганда до р. Чегандинки ананьинские памятники не известны. Что касается правого низкого берега Большой Емаши, то здесь, несмотря на тщательные поиски, поселений АКИО найти также не удалось (он будет интенсивно осваиваться уже в пьяноборскую эпоху). В границы микрорайона нами были включены поселения, расположенные южнее, вдоль старицы Камы – оз. Медведка и в устье р. Ижболдинки (табл. 4; рис. 9: 1), удаленные от городища Каменный Лог на расстояние не более 4,0 км (Быргындынские IV и VI).

В пространственной организации поселений данного микрорайона центральное место принадлежит Быргындынскому II городищу («Каменный Лог», рис. 9: 2) (Ашихмина, 1977)

Таблица 3. Памятники Ныргындинского микрорайона
 Table 3. Sites of the Nyrgynda microdistrict

№ п/п	№ БД	название	дата	Площадь, м ²	расположение
1	102	Ныргындинское I городище (Ола-Курук, Ильнешское)	V–III вв. до н.э.	12000	коренной берег, мыс
2	110	Ныргындинское II городище	IV–III вв. до н.э.	4500	коренной берег, мыс
3	112	Ныргындинское IV городище	IV–III вв. до н.э.	10800	2-я надпойма
4	67	Ныргындинское I селище	IV–III вв. до н.э.	3000	коренной берег
5	69	Ныргындинское III селище	IV–III вв. до н.э.	4500	коренной берег
6	70	Ныргындинское IV селище	IV–III вв. до н.э.	1000	коренной берег, склон
7	73	Ныргындинское VII поселение	IV –III вв. до н.э.	Нет данных	коренной берег
8	15	Дубровское I селище	IV –III вв. до н.э.	18000	коренной берег, склон

Таблица 4. Памятники Усть-Бельского микрорайона
 Table 4. Sites of the Ust-Belaya microdistrict

№ п/п	№ БД	название	дата	Площадь, м ²	расположение
1	95	Быргындинское II ("Каменный Лог") городище	VII–III вв. до н.э.	15000	коренной берег, мыс
2	80	Усть-Бельское I ("Плоское место") селище	IV–III вв. до н.э.	500000	коренной берег
3	81	Усть-Бельское II ("Под Клименом") селище	ПА	8000	коренной берег
4	117	Чегандинское I городище (селище)	IV–III вв. до н.э.	6700	коренной берег, мыс
5	16	Быргындинское IV поселение	IV–III вв. до н.э.	3000	1-я надпойма
6	18	Быргындинское VI селище	IV–III вв. до н.э.	12000	1-я надпойма

и его селищам-спутникам – Усть-Бельским I, II (рис. 9: 3). Северо-северо-восточной границей микрорайона, по-видимому, являлась крупная овражно-балочная система, прорезающая крутой склон коренного берега Камы с востока на запад, известная как урочище Малая Чеганда. Здесь, на месте будущего городища Чеганда I, располагалось ананьинское селище (а возможно, и небольшое укрепленное поселение), материал которого синхронен комплексам среднего и позднего горизонтов Каменного Лога (рис. 10; 11).

Высокий берег Камы и Большой Емашы во второй половине I тыс. до н. э. был, скорее всего, как и сегодня, занят смешанным (в основном лиственным) лесом. Небольшие поселения (6–8 тыс. кв. м), расположенные на коренном берегу к В, СВ и ЮВ от городища Каменный Лог на расстоянии от 0,3 до 2,5 км, могли выполнять роль сезонных стойбищ, возможно поселений-мастерских.

Находки в слое чегандинского селища антропоморфных фигурок могут косвенным образом указывать на его использование в качестве культового места. Несколько смущают размеры Усть-Бельского I селища, но напомним, что время активного бытования этого поселенческого объекта пришлось на следующий, пьяноборский период, границы распространения ананьинского слоя и ананьинской керамики на нем не установлены.

В западной части Усть-Бельского микрорайона обширная долина Камы между речками Емашой и Ижболдинкой с богатыми рыбой старицами, сенокосными лугами и дубовыми рощами (по опушкам биологами выявлены сообщества лесостепных растений, в том числе редких, занесенных в Красную книгу УР), скорее всего, использовалась в качестве основной кормовой зоны как для выпаса скота, так и для обеспечения населения продуктами рыболовства и собирательства. На террито-

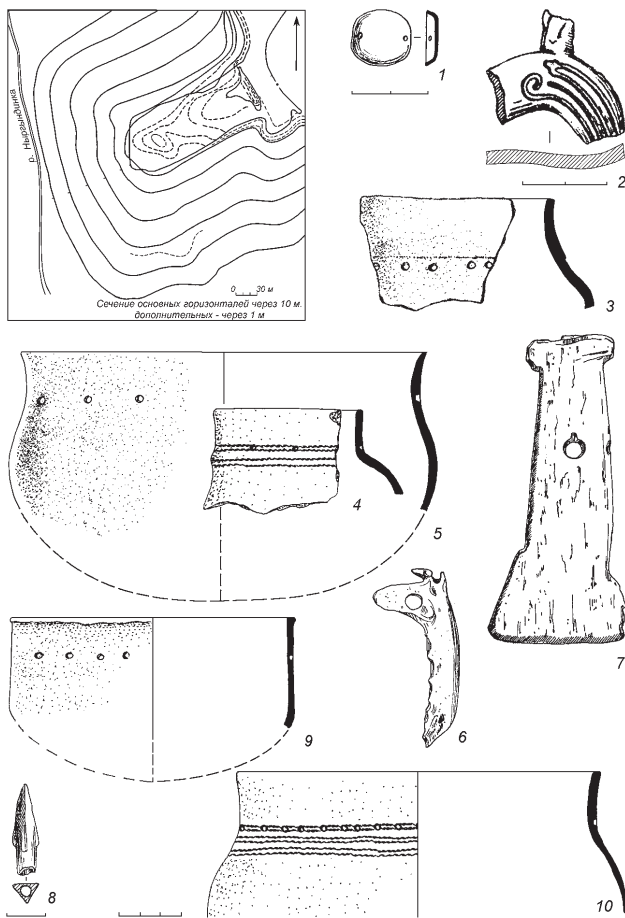

Рис. 8. Нырғындынский археологический микрорайон АКИО. Топографический план и материальная культура Нырғындынского I (Ола-Курук) городища: 1, 2, 8 – сплав на основе меди; 3–5, 9, 10 – керамика; 6, 7 – кость и рог.

Fig. 8. Nyrgynda archaeological micro-district of the Ananyino cultural and historical area. Topographic plan and material culture of the Nyrgynda I (Ola-Kuruk) hill-fort: 1, 2, 8 – copper-based alloy; 3–5, 9, 10 – ceramics; 6, 7 – bone and antler.

рии этого микрорайона мы, пожалуй, сталкиваемся с фактом максимального приспособления ананьинцами различных ландшафтов для ведения продуктивного производящего и присваивающего хозяйства.

Таким образом, потенциальная эксплуатация природных ресурсов округа городища Каменный Лог осуществлялась в радиусе, не превышающем 5 км. Южный радиус этой зоны – 2,5 км – был естественным образом ограничен Камой; северная граница не выходила за радиус 1,0 км; здесь начиналось «высокогорье», представленное т. н. «релками» и суходольными логам. Абсолютные отметки размещения поселений +80+170 м.

Общая площадь этой территориальной группы составляла около 30 кв. м.

Близкой к Усть-Бельскому выглядит поселенческая структура следующего – **Юньгинского** – археологического микрорайона (табл. 5; рис. 12: 1). Оба городища, небольшие по площади, располагаются на соседних мысах высокого коренного берега Камы (+150 м в Балтийской системе высот), являются явными высотными доминантами и центральными местами территории. Склоны городищ очень крутые (рис. 12: 2), но широкая и пологая вершина логвины между ними сближает обе укрепленные площадки, оставляя возможность свободного перехода. Археологически, к сожалению, городища почти не изучены, культурный слой с площадок смывает на склоны (Ашихмина, 2014, с. 68); керамика имеет все характерные признаки позднего ныргындинского этапа культуры (рис. 14). Коренной берег Камы к северо-востоку от Юньгинских городищ протянулся почти на 3 км крутым уступом без удобных спусков к реке. Вплоть до устья р. Каракулинка объекты археологии не только ананьинские, но и других эпох здесь не известны. По всей видимости, с учетом удаленности водных ресурсов, малопродуктивных дерново-подзолистых почв и сильной залесенности в прошлом эта территория могла быть привлекательной только для ведения населением городищ промыслово-охотничьей деятельности.

К западу от городищ коренной берег спускается несколькими уступами в долину правого камского притока р. Кобылки (рис. 12: 3). Пойма Кобылки высокая, ширина ее до 40 м, высота берегов небольшая – 1,5–2,0 м, поэтому при высоких паводках и продолжительных осадках речка выходит из берегов. Вдоль обоих берегов Кобылки, а также по камскому побережью выявлены шесть позднеананьинских селищ. Расстояние от городищ до крайнего западного селища – Юньгинского III – около 3 км. Далее к западу поверхность еще более поднимается, спуски к реке отсутствуют. Камские селища приурочены к бровке коренного берега (рис. 13), поверхность которого имеет общий уклон в юго-восточном направлении (в сторону устья р. Кобылки), и располагаются на абсолютных отметках +80+83,7 м. В недавнем прошлом все поверхности распахивались, что обусловило значительную разрушенность культур-

Таблица 5. Памятники Юньгинского микрорайона
Table 5. Sites of the Yunga microdistrict

№ п/п	№ БД	название	дата	Площадь, м ²	расположение
1	121	Юньгинское I городище	IV–III вв. до н.э.	3400	коренной берег, мыс
2	122	Юньгинское II городище	IV–III вв. до н.э.	4200	коренной берег, мыс
3	84	Юньгинское I селище	V–III вв. до н.э.	9500	коренной берег, склон
4	85	Юньгинское II селище	V–III вв. до н.э.	40000	коренной берег, склон
5	86	Юньгинское III селище	V–III вв. до н.э.	30000	коренной берег
6	87	Юньгинское IV селище	V–III вв. до н.э.	40000	коренной берег
7		Юньгинское V селище	IV –III вв. до н.э.	622	Подошва коренного берега
8		Юньгинское VI селище	V –III вв. до н.э.	2500	Надпойменная терраса

Таблица 6. Памятники Вятского микрорайона
Table 6. Sites of the Vyatka microdistrict

№ п/п	№ БД	название	дата	Площадь, м ²	расположение
1	96	Вятское (Мошкардовское верхнее) городище	VI–III вв. до н.э.	8000	коренной берег, мыс
2	97	Вятское (Мошкардовское нижнее) городище	ПА	Нет данных	коренной берег, мыс
3	23	Вятское I селище	ПА	10000	коренной берег
4	24	Вятское II селище	ПА	4000	коренной берег
5	25	Вятское III селище	ПА	24000	коренной берег
6	91	Вятское V селище	V–III вв. до н.э.	3500	коренной берег, склон
7	126	Вятский (Мошкардовский) могильник	Нет данных	-	коренной берег
8	110	Обуховское городище	IV –III вв. до н.э.	4500	коренной берег, мыс

ного слоя древних поселений. И тем не менее на всех юньгинских селищах он характеризуется мощностью от 0,2 до 0,45 м и насыщен артефактами.

Расчлененность западной половины микрорайона долиной р. Кобылки с ее плодородными почвами и удобным выходом к большой реке, наличие более мелких ручьев и родников, сочетание низкого и высокого рельефа в границах Юньгинского микрорайона предполагают разнообразие природных и пищевых ресурсов и, соответственно, хозяйственных стратегий. Возможно, что обнаруживаемая упорядоченность и регулярность в размещении поселений косвенно демонстрируют комплексность ананьинской экономики, сочетавшей как присваивающие, так и производящие отрасли, прежде всего придомное скотоводство в сочетании с земледелием.

Радиус потенциальной ресурсной зоны Юньгинских городищ вряд ли превышал 3–4 км, а в южном направлении (к Каме) и вовсе отсутствовал. Таким образом, площадь территории микрорайона составляла около 14 кв. км. Абсолютные отметки поселенческих объектов +64+150.

Вятский микрорайон – локальный центр с системой ананьинских городищ и селищ – сформировался в долине правого камского притока р. Буторихи, примыкающей к ее устью с востока гривистой пойме и нижней части правого коренного склона р. Камы (табл. 6; рис. 15: 1). Ландшафт вятской группы памятников отличается особым своеобразием, которое создают и сложный «рисунок» речной сети, древнейших по происхождению нивальных цирков, формирующих современную мозаику сильно изрезанного рельефа со множеством оврагов, возвышенностей

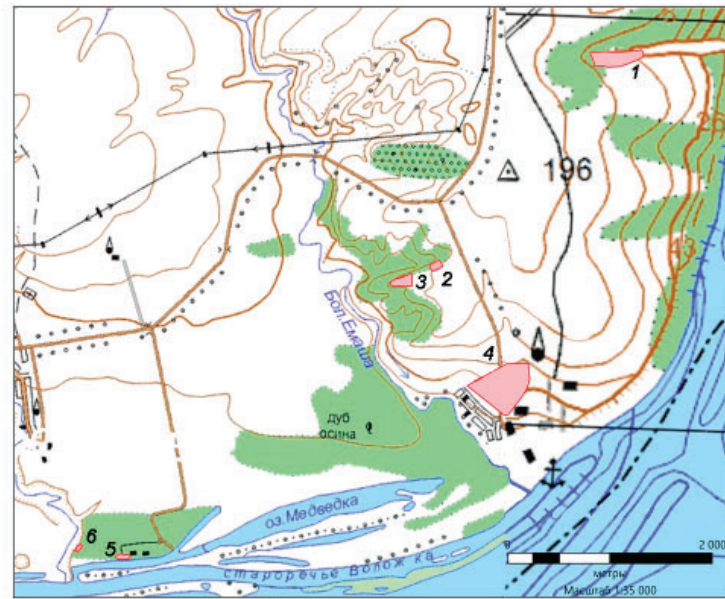

Рис. 9. Усть-Бельский археологический микрорайон АКЦИО. 1 – расположение памятников на карте: 1 – Чегандинское I городище (селище); 2 – Усть-Бельское II («Под Клименом») селище; 3 – Быргындинское II (Каменный Лог) городище; 4 – Усть-Бельское I («Плоское место») селище; 5 – Быргындинское VI селище; 6 – Быргындинское IV поселение. 2 – вид с СЗ на Быргындинское II городище (Каменный Лог). 3 – вид с СЗ на Усть-Бельское I («Плоское место») селище.

Fig. 9. Ust-Belaya archaeological micro-district of the Ananyino cultural and historical area. 1 – location of sites on the map: 1 – Cheganda I hillfort (settlement); 2 – Ust-Belaya II ("Pod Klimenom") settlement; 3 – Byrgynda II (Kamenniy Log) hillfort; 4 – Ust-Belaya I ("Ploskoye mesto") settlement; 5 – Byrgynda VI settlement; 6 – Byrgynda IV settlement. 2 – view from the NW on Byrgynda II hillfort (Kamenniy Log). 3 – view from the NW to Ust-Belaya I ("Ploskoye mesto") settlement.

(рис. 15: 2), и пойма Камы, русло которой выше с. Вятское образует четко выраженный коленчатый изгиб. Коренной склон долины возвышается над поймой на 70–100 м.

Центральным в этой группе поселений, безусловно, являлось Вятское (Мошкаровское верхнее) городище, занимавшее высокий мыс коренного берега Камы, круто обрывающийся в камскую пойму с ее лугами и старичными озерами. Многолетняя распашка не разрушила внушительную систему из валов и рвов (рис. 15: 3), возведенную в ананьинское и усиленную в пьяноборское время (Ашихмина, 2014, с. 69, рис. 75). Присутствие в коллекции городища «валиковой» керамики (рис. 16: 8) позволяет допустить, что поселение на площадке городища было основано еще в VI–V вв., время строительства ананьинского вала не установлено. Вероятно, одновременным городищу являлся Вятский (Мошкаровский) могильник, разрушенный еще в XIX – нач. XX в., располагавшийся вблизи устья р. Буторихи, на ее правом берегу. По сведениям Л.А. Беркутова, в 1911 г. вещи из погребений, находимые при добыче глины, были крестьянами уже утеряны (Голдина, Черных, 2011, с. 86). В последующем обнаружить могильник также не удавалось, как и следы Мошкаровского нижнего городища. В середине прошлого века его остатки еще фиксировали сотрудники Удмуртской археологической экспедиции, но приведенные в отчете весьма общие сведения о местоположении не позволили локализовать его на местности (Голдина, Черных, 2011, с. 59). Третье городище вятской группы – Обуховское – находится вдоль того же южного края террасы, протянувшейся от юго-восточной окраины с. Вятское до д. Боярка, на небольшом мысу треугольной формы (местное назв. «Релка Уточка»), образованном двумя логами с ручьями, впадающими у подножия террасы в старичное оз. Ольховое. Западнее городища коренной берег отходит от речного русла, оставляя заливаемую пойму шириной 300–800 м. Расстояние между двумя городищами – Вятским и Обуховским – 1,75 км. Городище с напольной стороны было защищено невысоким валом (в 1957 г. его еще фиксировал В.Е. Стоянов); после распашки под посадки леса от вала не осталось и следа, но сохранился отвершек западного лога, вычлняющий площадку городища с напольной стороны. По

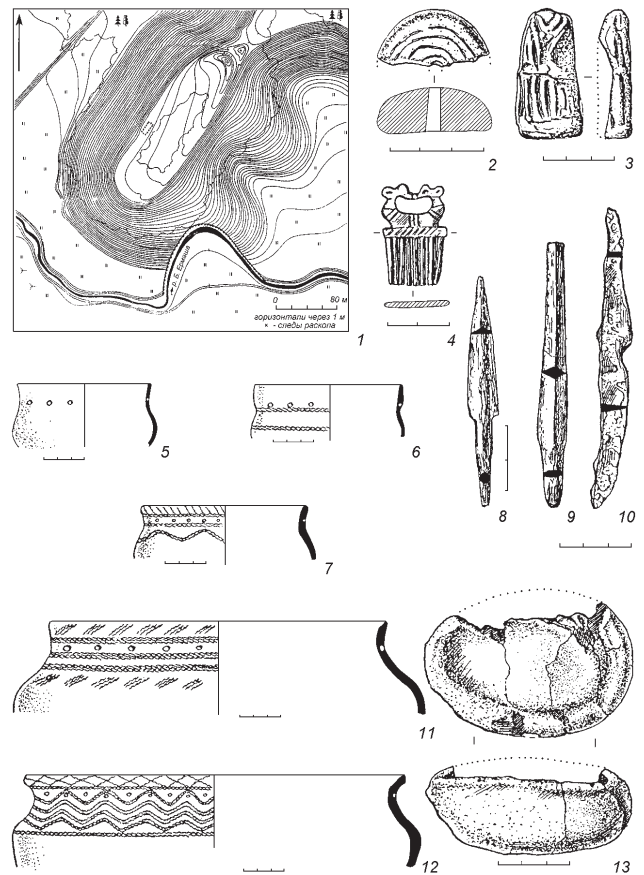

Рис. 10. Усть-Бельский археологический микрорайон АКМО: 1 – топографический план Быргындинского II городища (Каменный Лог) и материальная культура городища: 2, 3, 5–7, 11–13 – керамика; 4 – сплав на основе меди; 8–9 – кость, 10 – железо.

Fig. 10. Ust-Belaya archaeological micro-district of the Ananyino cultural and historical area. 1 – topographic plan of the Byrgynda II hillfort (Kamenniy Log) and the material culture of the hillfort: 2, 3, 5–7, 11–13 – ceramics; 4 – copper-based alloy; 8–9 – bone, 10 – iron.

находкам позднеананьинской керамики датировано IV–III вв. до н. э. (Голдина, Черных, 2011, с. 75–76). С учетом небольших размеров городища (4500 кв. м) и невыразительности культурного слоя укрепленное поселение, очевидно, предназначалось для защиты с восточного фланга подступов к центральному городищу (и всей территории группы).

На противоположном склоне лога, к западу от Обуховского городища, находились два селища (Вятские I и II): первое, покрупнее, занимало мысовидный уступ берега, спускающийся в пойму, селище поменьше – участок бровки склона в вершине лога, над родником. Культурный слой обоих селищ распашан. Керамика имеет позднеананьинский облик.

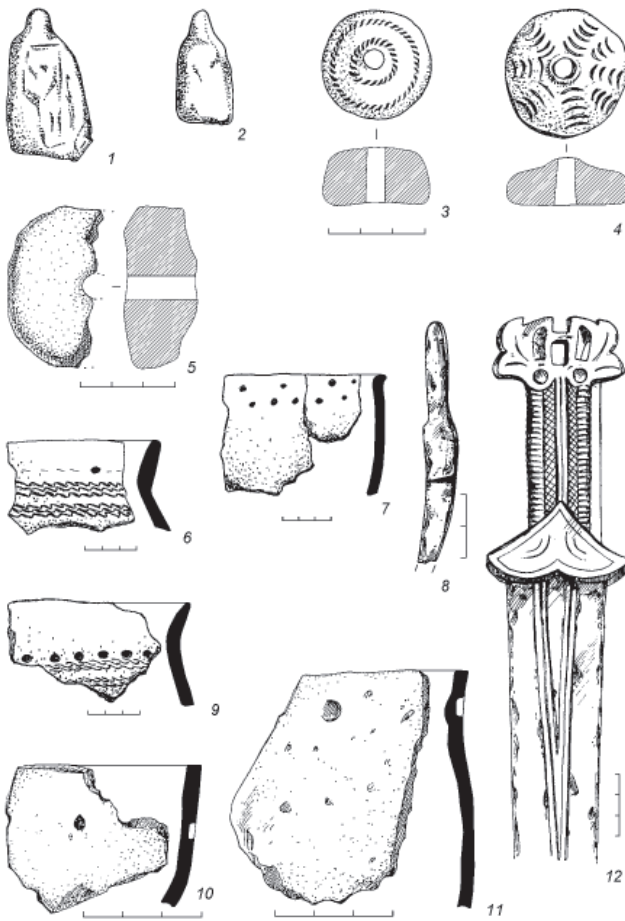

Рис. 11. Усть-Бельский археологический микрорайон АКИО. Материальная культура: 5, 7, 10, 11 – Усть-Бельское I селище; остальное – из ананьинского слоя на городище Чеганда I.

Fig. 11. Ust-Belaya archaeological micro-district of the Anyanino cultural and historical area. Material culture: 5, 7, 10, 11 – Ust-Belaya I settlement; the rest – from the Anyanino layer on the hillfort of Cheganda I.

Еще два позднеананьинских селища известны в долине р. Буториhi, на ее левом берегу. Вятское III селище располагалось почти в 4 км к СЗ от центрального городища, на высоком мысу коренного берега, между двумя логами. Культурный слой селища разрушен распашкой, площадь установлена по сборам подъемного материала. Вятское V селище также занимало склон юго-западной экспозиции высокого левого берега Буториhi, на полпути между центральным городищем и периферийным Вятским III селищем. Культурный слой селища V неплохо сохранился, задернован, толщина его достигала 30 см. Керамика, найденная в слое, ямочно-шнуровая, близка найденной на городище.

Карта дает возможность видеть, что границы потенциальной ресурсной территории

Вятского городища не выходили за радиус пятикилометровой зоны, но и то лишь в СЗ направлении, вдоль долины Буториhi. На север и северо-восток этот радиус вряд ли мог быть столь протяженным: коренной берег в этом направлении приближается к водоразделу, поднимаясь до высот +160+180; пересечен системой многочисленных крупных оврагов с крутыми склонами. В настоящее время все высокие поверхности в окрестностях с. Вятское обезлесены, но еще в начале XIX в. были заняты дремучими лесами. Сообщение между отдельными поселениями осуществлялось по Каме либо по узкой прибрежной полосе, вдоль подножия береговых террас. Продвижение вглубь территории возможно было по довольно широкой долине Буториhi. Западная граница вятской группы вряд ли могла выходить за те же 5 км; здесь она пересекалась с зоной хозяйственно-экономических интересов другой ананьинской группы, оставившей свои поселения у д. Первомайск (бывш. Партизан). Восточная граница вятского микрорайона смыкается с территорией, пока еще едва обозначенной на археологической карте района, занимавшей несколько иной по типу местоположения участок у д. Боярка.

Таким образом, площадь Вятского археологического микрорайона возможно оценить в пределах не более 15–16 кв. км. Высотные отметки поселений в его границах варьировались в пределах +80+130 м.

Последний в характеризуемом ряду микрорайонов ананьинских городищ – **Галановский** (табл. 7, рис. 17: 1). Административным, экономическим центром этой группы поселений, по-видимому, являлось Галановское II городище, находившееся в географическом центре территории. Мыс, занятый городищем, и сегодня хорошо просматривается с различных ракурсов, возвышаясь над широкой и ровной долиной р. Большой, правого притока р. Камы (рис. 17: 2). Река Большая (Серебренка) пересекает Красноборско-Мазунинскую грядку, ее Тарасовско-Сухаревский блок, вытянутый вдоль камского русла от с. Галаново до с. Тарасово в длину около 4 км, почти строго с юга на север. Ширина гряды на этом участке достигает 1,5 км. В 1970-х годах эта часть гряды была совершенно свободной от леса и распаивалась. В настоящее время занята искусственным

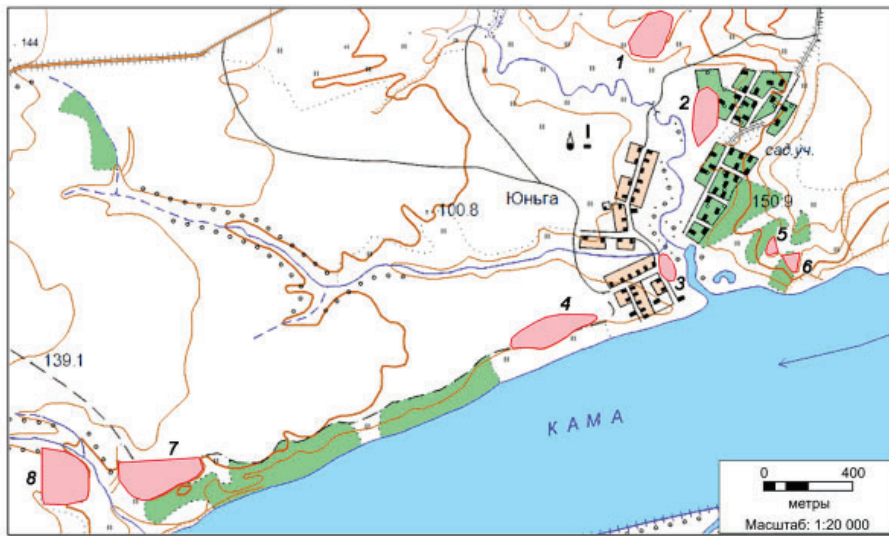

Рис. 12. Юнгинский археологический микрорайон АКЮ. 1 – расположение памятников на карте: 1 – Юнгинское I селище; 2 – Юнгинское V селище; 3 – Юнгинское VI поселение; 4 – Юнгинское II селище; 5 – Юнгинское II городище; 6 – Юнгинское I городище; 7 – Юнгинское IV селище; 8 – Юнгинское III селище. 2 – Вид на городища с ЮЗ, с площадки Юнгинского II селища. 3 – Вид на долину р. Кобылка с Юнгинского II городища.

Fig. 12. Yunga archaeological micro-district of the Ananyino cultural and historical area. 1 – location of sites on the map: 1 – Yunga I settlement; 2 – Yunga V settlement; 3 – Yunga VI settlement; 4 – Yunga II settlement; 5 – Yunga II hillfort; 6 – Yunga I hillfort; 7 – Yunga IV settlement; 8 – Yunga III settlement. 2 – View of the hillfort from the SW, from the site of the Yunga II settlement. 3 – View of the valley of the Kobylyka River from the Yunga II hillfort.

Рис. 13. Юньгинский археологический микрорайон АКЮ.

Вид с ССВ на Юньгинское III селище, с площадки Юньгинского IV селища.

Fig. 13. Yunga archaeological micro-district of the Ananyino cultural and historical area.

View from the NNE of Yunga III settlement, from the site of Yunga IV settlement.

лесом. Восточный склон гряды крутой стеной «падает» в пойму Камы, западные склоны, наоборот, изрезаны многочисленными логами, спускающимися в долину р. Большой. Городищенский мыс, ориентированный в сторону долины малой речки, отделен от основной поверхности гряды высоким валом и рвом. Глубокой распашкой под посадки сосны практически полностью разрушен культурный слой на площадке поселения (в 1970-х годах площадка городища была открытой и выделялась золистым заполнением), но находки из разведочных сборов свидетельствуют о неоднократном посещении его территории в разные периоды (Голдина, Черных,

2011, с. 59–60; рис. 30; Калугина и др., 2022, с. 10–11).

К северу от городища, на западном склоне гряды и левом берегу р. Большой (Серебренки) располагалось Галановское IV селище. Расстояние между обоими поселенческими пунктами составляло около 2,5 км. На плоской вершине гряды, в 2,0 км к северу от городища, находилось Галановское культовое место, выявленное в ходе разведочных работ 2019 г., с небольшим количеством очень ярких находок (рис. 16: 1; Черных, Митряков, 2022, с. 88–91). Объект требует изучения, прежде всего потому, что ряд его признаков соответствует характеристике известных позднеана-

Таблица 7. Памятники Галановского микрорайона
Table 7. Sites of the Galanovsky microdistrict

№ п/п	№ БД	название	дата	Площадь, м ²	расположение
1	98	Галановское II городище	IV–III вв. до н.э.	4900	коренной берег, мыс
2	26	Галановское I селище	ПА	5000	коренной берег, мыс
3	27	Галановское II селище	ПА	15000	коренной берег, мыс
4	28	Галановское III селище	ПА	32200	коренной берег, мыс
5	145	Галановская находка секиры	VI–V вв. до н.э.	-	коренной берег, мыс
6		Галановское IV селище	ПА	3072	коренной берег, склон
7		Галановское культовое место	III вв. до н.э. – рубеж эр	2061	коренной берег

ньинских святилищ, прежде всего Гремячанского и Гляденовского.

Южнее устья р. Большой коренной камский берег вновь плавно повышается, образуя на протяжении почти 2 км, вплоть до устья р. Житковки, хорошо выраженный уступ со стороны поймы. Мысовые поверхности вдоль бровки этого склона занимали три селища, протянувшиеся цепочкой вдоль камской проймы (рис. 17: 3). Замыкало ряд Галановское II селище, удаленное от городища на расстояние до 2,0 км.

Весной р. Большая (Серебренка) разливается, а летом сильно мелеет – долина становится привлекательной для выпаса скота; устье речки «теряется» среди многочисленных стариц и проток в широкой пойме Камы. Камская пойма в районе с. Галаново хорошо выражена; ее кормовая база и водные ресурсы обнаруживают тесную связь с ананьинскими поселениями. В то же время сами ананьинские поселки располагались на достаточно высоких участках коренного берега, тяготея к его склоновым поверхностям, обращенным как к Каме, так и в долину ее малого притока. Очевидно, что этот топографический выбор для поселений был обусловлен, с одной стороны, стремлением сохранить связь с источниками воды, а с другой – занять хорошо проветриваемые и освещенные береговые склоны.

Границы потенциальной ресурсной зоны городища, как представляется, можно обозначить следующими географическими рубежами: на севере – это край высотной гряды, примерно в 1 км от Галановского IV селища понижающейся в долину Камы у с. Тарасово, а также верховья р. Большой (Серебренки); на востоке – русло Камы, на западе – долина р. Большой, на юге – устье р. Житковки. Общая протяженность территории Галановского микрорайона вдоль Камы и ее небольшого притока, таким образом, едва ли превышала 8,0 км, а в ширину составляла от 2,0 до 4,0 км. Общая площадь составляла около 23–25 кв. км. Высотные отметки для известных поселений определяются в интервале +100+140 м. К сожалению, ни одно из поселений этой группы не изучено раскопками, поэтому судить об их функциональном назначении крайне затруднительно. Однако связь поселений между собой и с вмещающим ландшафтом территории выглядит достаточно своеобразной и потому перспективной для изучения.

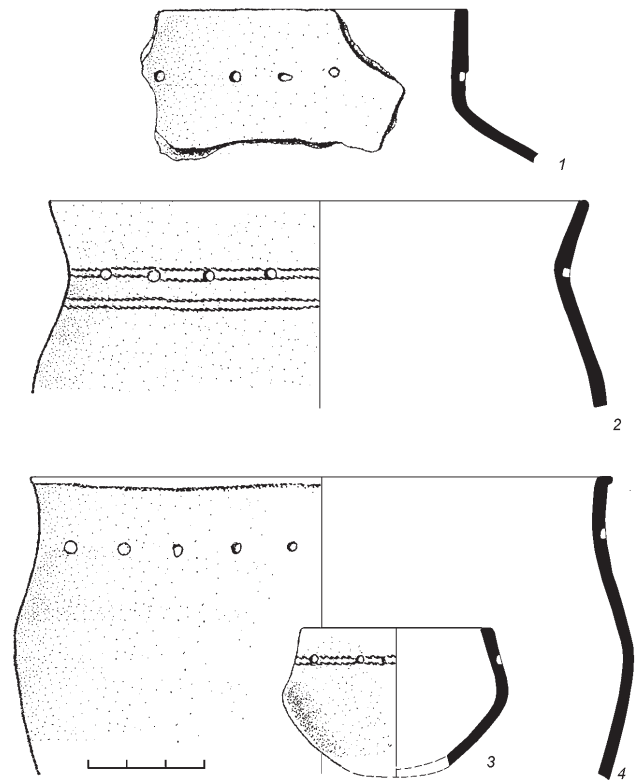

Рис. 14. Юньгинский археологический микрорайон АКЮ. Керамика Юньгинского II городища.
Fig. 14. Yunga archaeological micro-district of the Ananyino cultural and historical area.
Ceramics of the Yunga II hillfort.

Выводы

Основными факторами в динамике расселения ананьинских групп в Удмуртском Прикамье на раннем этапе (VIII–VI вв. до н. э.) являлось освоение новых территорий и закрепление в долине р. Камы. Высокий правый берег Камы был покрыт лесами, для проживания выбирались удобные участки речной долины в местах слияния основных притоков, где впоследствии сформировались локальные центры, связанные с системой городищ. Можно уверенно говорить, что освоение ананьинцами камского побережья шло от поймы (на раннем этапе) к высоким участкам коренного берега, но не удаляясь вглубь водоразделов. Активное заселение высоких террас и продвижение вверх по небольшим притокам Камы пришлось на V–III вв. до н. э.

В контексте палеогеографии этот период приходится на самый пик холодного и влажного суббореала (Sb-3) (Аськеев и др., 2009, с. 63–65). Очевидно, именно эти внешне неблагоприятные условия способствовали строительству долговременных поселений, устойчивой адаптации отдельных групп населения

Рис. 15. Вятский археологический микрорайон АКЮ. 1 – расположение памятников на карте: 1 – Вятское III селище; 2 – Вятское V селище; 3 – Вятский (Мошкарровский) могильник; 4 – Вятское (Мошкарвовское верхнее) городище; 5 – Вятское II селище; 6 – Вятское I селище; 6 – Обуховское городище. 2 – Вид с площадки Вятского V селища на долину р. Буториха. 3 – Вид с С на вал Вятского (Мошкарвовского верхнего) городища и пойму р. Кама.

Fig. 15. Vyatka archaeological micro-district of the Ananyino cultural and historical area. 1 – location of sites on the map: 1 – Vyatka III settlement; 2 – Vyatka V settlement; 3 – Vyatka (Moshkarovsky) burial ground; 4 – Vyatka (Moshkarovsky upper) hillfort; 5 – Vyatka II settlement; 6 – Vyatka I settlement; 6 – Obukhov hillfort. 2 – View of the Butorikha River valley from the site of Vyatka V settlement. 3 – View from the N of the rampart of the Vyatka (Moshkarovsky upper) hillfort and the floodplain of the Kama River.

к выбранной экологической нише, развитию продуктивного скотоводства, увеличению в составе стада лошади, активному накоплению на площадках укрепленных городищ (и некоторых селищ) мощных зольно-пепельных слоев.

Территории археологических микрорайонов каракулинского течения р. Камы близки по геоморфологическим признакам и количественному наполнению. Значительная их часть занимала т. н. урочища, местоположение которых определяется трансэлювиальными крутыми и очень крутыми склонами теплых румбов на стыке их с гидроморфными комплексами низинных и пойменных местоположений камской долины (Егоров, 2012, с. 131–137). Это урочища «Вятское», «Чегандинское», «Усть-Бельское», «Быргындинское». Территория большинства таких урочищ, размещаясь в приустьевой части небольших водотоков, включала как собственно прилегающую прибрежную часть Камы, так и часть долины ее притока. Устойчивая динамика в заселении таких урочищ косвенно может рассматриваться как свидетельство достаточной продуктивности данных территорий (Поселение как исторический источник, 2008, с. 4; Сидоров, 2009, с. 72). Построение буферных зон разного радиуса вокруг археологических памятников и их анализ позволяют считать, что зона вокруг ананьинских городищ радиусом 2–5 км являлась территорией, способной обеспечить обживавшие их группы населения всеми жизненно важными ресурсами. В теории ресурсных зон этот показатель соответствует хозяйственно-культурному типу оседлого населения сельскохозяйственной ориентации (Кренке, 2014, с. 68; Коробов, 2017, с. 88–101, 227–282). Близость демонстрируют и количественные показатели поселений в таких группах (2–3 городища, 4–6 селищ на площади от 14 до 30 кв. км) и, очевидно, их структуры.

Вместе с тем пример Зуевключевского микрорайона, самого небольшого по площади, но с высокой плотностью поселений и довольно небогатыми пастбищами, предполагает допускать более прогрессивный тип экономики, не исключающий совершенно земледельческих занятий. В свете недавних открытий прямых свидетельств выращивания ранними ананьинцами культурных злаков (Чижевский, Хисяметдинова и др., 2014, с. 259) требует проверки наблюдение,

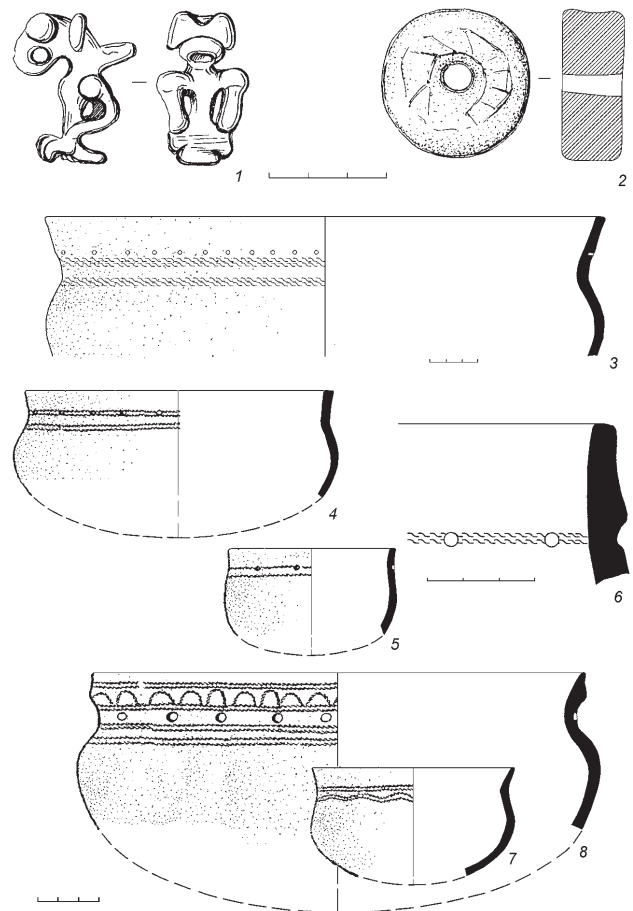

Рис. 16. Вятский и Галановский археологические микрорайоны АКИО. Материальная культура:

- 1 – амулет с Галановского святилища;
- 2–8 – пряслице из глины и керамическая посуда Вятского (Мошкарковского верхнего) городища.

Fig. 16. Vyatka and Galanovsky archaeological micro-districts of the Ananyino cultural and historical area. Material culture: 1 – amulet from the Galanovsky sanctuary; 2–8 – spindle whorl made of clay and ceramic ware from the Vyatka (Moshkarovsky upper) hillfort.

что левый берег Гремячего Ключа, наиболее открытый теплым солнечным румбам, наверное, не случайно в это время еще не был занят поселениями? Возможно, небольшие мысы и более обширная ложбина в тыловой части «горы» Кереметь использовались под небольшие участки-огнища? Зуевключевские склоны и сегодня отличаются максимальной продуктивностью садов и огородов, на которых хозяйки выращивают экзотические для умеренной зоны дыни и арбузы без использования парников. У меня пока нет объяснения особой ситуации в размещении поселений в Нырғындинском микрорайоне, где на каждое из трех городищ, но без ярко выраженного

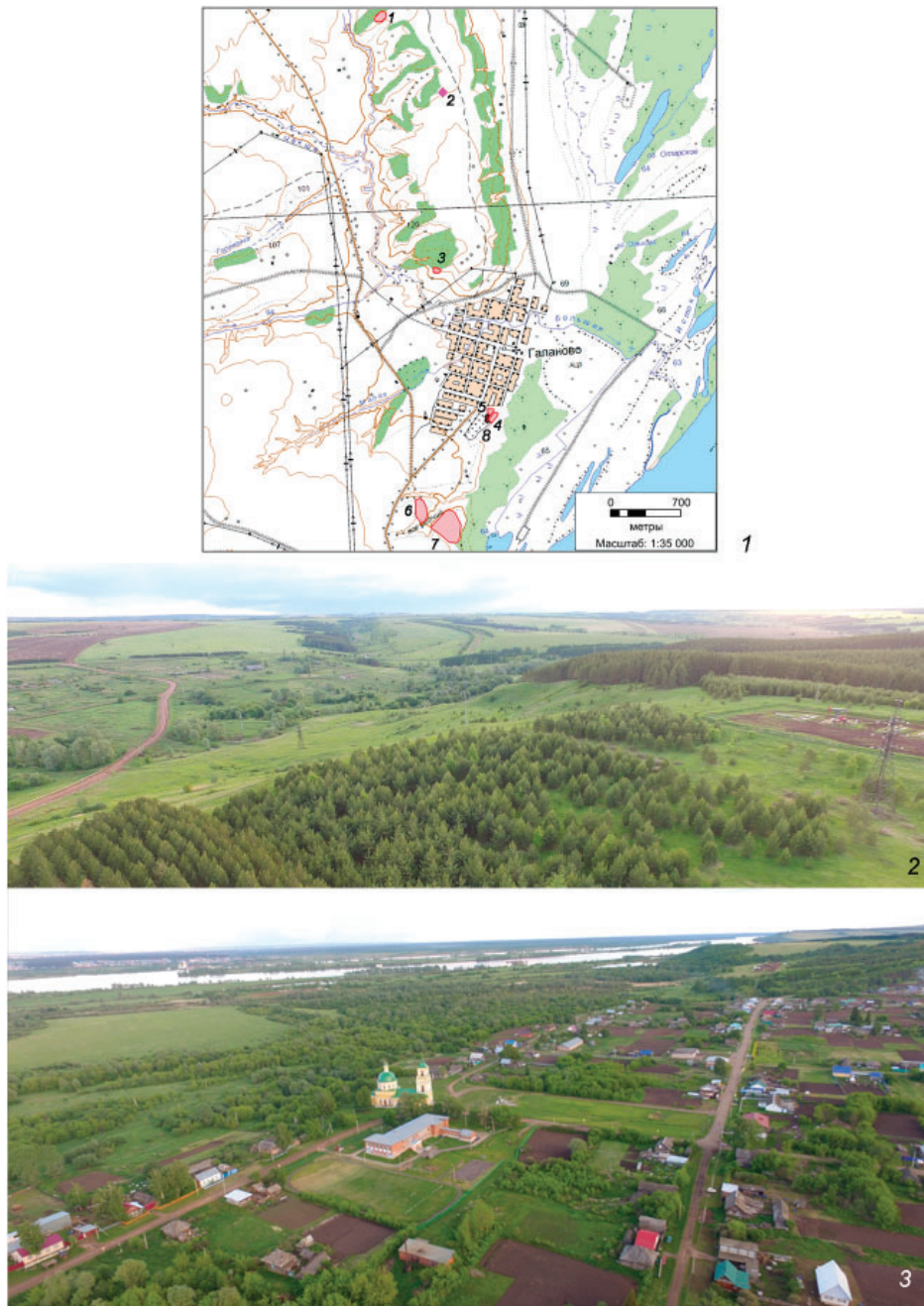

Рис. 17. Галановский археологический микрорайон АКЦИО. 1 – расположение памятников на карте:

1 – Галановское IV селище; 2 – Галановское святилище; 3 – Галановское II городище; 4 – Галановское III селище, 5 – местонахождение Галановской секиры; 6 – Галановское I селище; 7 – Галановское II селище.

Fig. 17. Galanovsky archaeological micro-district of the Ananyino cultural and historical area. 1 – location of sites on the map: 1 – Galanovsky IV settlement; 2 – Galanovsky sanctuary; 3 – Galanovsky II hillfort; 4 – Galanovsky III settlement, 5 – location of Galanovsky battle-axe; 6 – Galanovsky I settlement; 7 – Galanovsky II settlement.

доминирования, приходилась потенциальная ресурсная зона радиусом 2 км.

В итоге предположения, высказанные на основании самого общего моделирования ресурсных территорий ананьинских городищ, требуют дальнейшей проверки с использованием всех доступных современной археологии методов и средств.

Последний момент, на который необходимо обратить внимание, это то, что шесть обозначенных микрорайонов ананьинских городищ не исчерпывают карты расселения ананьинцев в границах каракулинского течения Камы. Расстояния между выделенными микрорайонами, за исключением Зуевключевского и Нырғындинского, – 8,6–16 км – занимает,

отнодь, не археологическая пустота. Так, на территории между бывшей Барановской пристанью и устьем Ижболдинки (Быргындинки) расположена группа неукрепленных поселений, занимавших узкую полосу по краю второй надпойменной террасы с ее реликтовыми дюнами. На полпути между Юньгинским и Вятским микрорайонами также «кучно» располагались неукрепленные поселения у бывшей д. Партизан (Голдина, Черных, 2011, с. 47–50). Другие случаи, когда рядом с городищами (например, Сухаревское и Кухтинское) не известны поселения открытого типа. Окрестности этих городищ сильнее прочих пострадали от техногенного фактора – разработки нефтяных месторождений, но их ландшафтно-географические ориентиры – устья правых притоков Камы рр. Ветлянки и Житковки – не исключают вовсе перспектив выявления в данной округе ананьинских поселений открытого типа. Но это может быть и несколько иная сеть. В любом случае указанные участки поселенческих структур требуют дополнительного специального рассмотрения.

ЛИТЕРАТУРА

- Аськеев И.В., Аськеев О.В., Галимова Д.Н.* Природная среда и человек в Волго-Камье и Предуралье (поздний палеолит – средневековье) // Среднее Поволжье и Южный Урал: человек и природа в древности / Отв. ред. М.Ш. Галимова. Казань: Фэн, 2009. С. 32–112.
- Афанасьев Г.Е.* Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры) / Археологические открытия на новостройках. Вып. 2. М.: Наука, 1987. 200 с.
- Ашихмина Л.И.* Городище Каменный Лог ананьинской культуры Среднего Прикамья // Материальная и духовная культура финно-угров Приуралья / Отв. ред. В.Е. Майер. Ижевск: Удм. ун-т, 1977. С. 139–166.
- Ашихмина Л.И.* Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье (по материалам керамики и жилищ) / Археология евразийских степей. Вып. 19. Казань: ИА АН РТ, Отечество, 2014. 300 с.
- Баранова О.Г.* Предварительное флористическое районирование Удмуртской Республики // Вестник Удмуртского университета. Биология. Науки о Земле. 2016. Т. 26. Вып. 2. С. 27–34.
- Беркутов Л.А.* Разведки и раскопки, произведенные Л.А. Беркутовым по поручению Сарапульского земского музея в 1910–13 гг. // Известия Сарапульского земского музея. Вып. 4. М.: Тов. Печатня Ф.П. Яковлева, 1914. С. 35–89.
- Вечтомов А.Д.* Периодизация и локальные группы памятников ананьинской культуры Среднего Прикамья // Ученые записки ПГУ № 148 / Отв. ред. В.А. Оборин. Пермь, 1967. С. 133–155.
- Вечтомов А.Д.* К вопросу о племенной организации населения Среднего Прикамья в эпоху раннего железного века // Ученые записки ПГУ. № 191 / Отв. ред. В.А. Оборин. Пермь, 1968. С. 72–86.
- Голдина Р.Д., Черных Е.М.* Археологическая карта Каракулинского района Удмуртской Республики / МИКВАЭ. Т. 18 / Отв. ред. Н.Ф. Широкова. Ижевск: Сарапульская тип., 2011. 168 с.
- Егоров И.Е.* Типы ландшафтов // Жемчужина Прикамья: природа, экология, рекреационный потенциал и археологическое наследие / Ред. И.И. Рысин. Ижевск: Удмуртский университет, 2012. С. 130–137.
- Збруева А.В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху / Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. V / МИА. № 30. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 326 с.
- Илларионов А.Г.* Рельеф и рельефообразующие процессы // Жемчужина Прикамья: природа, экология, рекреационный потенциал и археологическое наследие / Ред. И.И. Рысин. Ижевск: Удмуртский университет, 2012. С. 21–37.
- Калугина Д.А., Ясаков В.С., Решетников Н.Л., Черных Е.М.* Археологические разведки в юго-восточных районах Удмуртии // Археологические открытия в Удмуртии – 2021 / Отв. ред. Е.М. Черных. Ижевск: УдмГУ, 2022. С. 10–12.
- Кашин А.А., Стурман В.И.* Уточненная схема физико-географического районирования и количественная характеристика ландшафтов Удмуртии // Вестник Удмуртского университета. 2012. Вып. 4. С. 104–114.
- Киржнер Е.Э., Арматынская О.В.* Бронзовая ананьинская секира из с. Галаново // СА. 1990. № 3. С. 256–259.
- Коробов Д.С.* Система расселения алан Центрального Предкавказья в I тыс. н.э. (ландшафтная археология Кисловодской котловины). М.; СПб.: Нестор-История, 2017. Т. 1. 384 с.

Кренке А.Н., Кренке Н.А. Археологическая карта курганов XI–XIII вв. в бассейне Москвы-реки: подходы к выявлению локальных структур и центра поселенческой системы // КСИА. 2014. Вып. 232. С. 64–73.

Мананкова Е.С. Геоинформационное картографирование археологических памятников (на примере Каракулинского района УР). Выпускная квалификационная (магистерская) работа. Ижевск, 2016 // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 1. Д. 995.

Немкова В.К. Стратиграфия поздне- и послеледниковых отложений Предуралья // К истории позднего плейстоцена и голоцена Южного Урала и Предуралья / Отв. ред. В.Л. Яхимович. Уфа: БФАН СССР, 1978. С. 4–45.

Поселение как исторический источник (теоретические и методические подходы к изучению поселений в современной археологии): Тез. докл. междунар. науч. конф. / Отв. ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2008. 64 с.

Сергеев А.В., Черных Е.М. Геоморфологическое положение городищ раннего железного века на правом берегу р. Кама // Geomorphic processes and geoarchaeology from landscape archaeology to archaeotourism (Геоморфологические процессы и геоархеология: от ландшафтной археологии к археотуризму). Матер. Междунар. конф. (Москва – Смоленск, Россия, 20–24 августа 2012 г.) / Сост.: М.А. Бронникова, А.В. Панин. М.; Смоленск: Универсум, 2012. С. 307–310.

Сидоров В.В. Реконструкции в первобытной археологии. М.: ИА РАН; ТАУС, 2009. 216 с.

Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н.э.). М.: Наука, 1977. 264 с.

Черных Е.М. Зуевключевское I городище в Удмуртском Прикамье: некоторые итоги исследований // Удмуртской археологической экспедиции – 50 лет / Ред. М.Г. Иванова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. С. 113–131.

Черных Е.М. Некоторые итоги изучения культурного слоя Зуевключевского I городища в Удмуртском Прикамье // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / Археология евразийских степей. Вып. 8 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Елабуга: ИИ АН РТ, ИА РАН, ЕИАХМЗ, 2009. С. 76–97.

Черных Е.М., Митряков А.В. Новые находки предметов изобразительного искусства из ареала ананьинской КИО в Среднем Прикамье // Археология Евразийских степей. 2022. № 2. С. 88–102.

Чижевский А.А. Памятники позднего периода ананьинской историко-культурной области // Археология Евразийских степей. 2017. № 4. С. 196–256.

Чижевский А.А., Черных Е.М., Коренюк С.Н. Ананьинская культурно-историческая область. Ананьинская классическая культура (шнуровой керамики) // Ранний железный век / Археология Волго-Уралья. Т. 3. / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 186–216.

Чижевский А.А., Хисметдинова А.А., Спиридонова Е.А., Алешинская А.С., Кочанова М.Д., Асылгараева Г.Ш. Результаты комплексного исследования Сорочьегорского городища // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей» Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 241–262.

Информация об авторе:

Черных Елизавета Михайловна, кандидат исторических наук, профессор, кафедра истории Удмуртии, археологии и этнологии, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия); emch59@mail.ru

REFERENCES

Askeev, I. V., Askeev, O. V., Galimova, D. N. 2009. In Galimova, M.Sh. (ed.). *Srednee Povolzh'e i Iuzhnyi Ural: chelovek i priroda v drevnosti (The Middle Volga Region and the Southern Urals: People and Nature in Prehistory)*. Kazan: "Fen" Publ., 32–112 (in Russian).

Afanasyev, G. E. 1987. *Naselenie lesostepnoi zony basseina Srednego Dona v VIII-X vv. (alanskii variant saltovo-maiatskoi kul'tury) (Population of the Forest-Steppe Area of the Middle Don Basin in 8th – 10th Centuries (the Alan Variant of the Saltovo-Mayaki Culture))*. Series: Rescue Archaeological Investigations 2. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Ashikhmina, L. I. 1977. In Maier, V. E. (ed.). *Material'naiia i dukhovnaia kul'tura finno-ugrov Priural'ia* (*Material and Spiritual Culture of the Finno-Ugrians from Cis-Urals*) Izhevsk: Udmurt State University, 139–166 (in Russian).

Ashikhmina, L. I. 2014. *Genezis anan'inskoi kul'tury v Srednem Prikam'e (po materialam keramiki i zhilishch)* (*Genesis of the Ananyino Culture in the Middle Kama Area (According to the Ceramics and Dwellings)*). Series: Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes) 19. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences; "Otechestvo" Publ. (in Russian).

Baranova, O. G. 2016. In *Vestnik Udmurtskogo universiteta (Bulletin of Udmurt University)* 26 (2) 27–34 (in Russian).

Berkutov, L. A. 1914. In *Izvestiia Sarapul'skogo zemskogo muzeia (Proceedings of Sarapul Local Museum)* 4. Moscow: "Pechatnaya S.P. Yakovleva" Publ., 35–89 (in Russian).

Vechtomov, A. D. 1967. In Oborin, V. A. (ed.). *Uchenye zapiski Permskogo gosudarstvennogo universiteta (Scientific Bulletin of the Perm State University)* 148. Perm: "Permskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 133–155 (in Russian).

Vechtomov, A. D. 1968. In Oborin, V. A. (ed.). *Uchenye zapiski Permskogo gosudarstvennogo universiteta (Scientific Bulletin of the Perm State University)* 191. Perm: "Permskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 72–86 (in Russian).

Goldina, R. D., Chernykh, E. M. *Arkheologicheskaya karta Karakulinskogo rayona Udmurtskoy Respubliki (Archaeological map of the Karakulino district of the Udmurt Republic)*. Series: Materialy i issledovaniya Kamsko-Vyatskoy arkheologicheskoy ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 18. Izhevsk: "Sarapul'skaia tipografiya" Publ. (in Russian).

Egorov, I. E. 2012. In Rysin, I. I. (ed.). *Zhemchuzhina Prikam'ya: priroda, ekologiya, rekreatsionnyy potentsial i arkheologicheskoe nasledie (Pearl of the Kama River region: nature, ecology, recreational potential and archaeological heritage)*. Izhevsk: Udmurt State University. 130–137 (in Russian).

Zbrueva, A. V. 1952. *Istoriia naseleniia Prikam'ia v anan'inskuiu epokhu (History of the Population of the Kama River Region in the Ananyino Time)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Urala i Priural'ia (Materials and Research on the Archaeology of Ural and the Cis-Urals Area) V. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 30. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Illarionov, A. G. 2012. In Rysin, I. I. (ed.). *Zhemchuzhina Prikam'ya: priroda, ekologiya, rekreatsionnyy potentsial i arkheologicheskoe nasledie (Pearl of the Kama River Region: nature, ecology, recreational potential and archaeological heritage)*. Izhevsk: Udmurt State University. 21–37 (in Russian).

Kalugina, D. A., Yasakov, V. S., Reshetnikov, N. L., Chernykh, E. M. 2022. In Chernykh, E. M. *Arkheologicheskie otkrytiya v Udmurtii – 2021 (Archaeological discoveries in Udmurtia – 2021)*. Izhevsk: Udmurt State University, 10–12 (in Russian).

Kashin, A. A., Sturman, V. I. 2012. In *Vestnik Udmurtskogo universiteta (Bulletin of Udmurt University)* (4) 104–114 (in Russian).

Kirzhner, E. E., Armatynskaya, O. V. 1990. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 256–259 (in Russian).

Korobov, D. S. 2017. *Sistema rasseleniya alan Tsentral'nogo Predkavkaz'ya v I tys. n.e. (landshaftnaya arkheologiya Kislovodskoy kotloviny) (The settling system of the Alans of the Central Cis-Caucasus in the I millennium AD (landscape archaeology of the Kislovodsk basin))* 1. Moscow; Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ. (in Russian).

Krenke, A. N., Krenke, N. A. 2014. In *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 232, 64–73 (in Russian)

Manankova, E. S. 2016. *Geoinformatsionnoe kartografirovaniye arkheologicheskikh pamyatnikov (na primere Karakulinskogo rayona UR). (Geoinformation mapping of archaeological sites (on the example of the Karakulino district of the Udmurt Republic)). Final qualification (Master's) work*. Izhevsk. Archive of Institute of the History and Culture of the Cis-Ural Peoples at the Udmurt State University. F. 1, dossier 995 (in Russian).

Nemkova, V. K. 1978. In Yakhimovich, V. L. (ed.). *K istorii pozdnego pleystotsena i golotsena Yuzhnogo Urala i Predural'ya* (On the history of the Late Pleistocene and Holocene of the Southern Urals and the Cis-Urals). Ufa: Bashkir Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 4–45 (in Russian).

Gulyaev, V. I. (ed.). 2008. *Poselenie kak istoricheskiy istochnik (teoreticheskie i metodicheskie podkhody k izucheniyu poseleniy v sovremennoy arkheologii)* (Settlement as a historical source (theoretical and methodological approaches to the study of settlements in modern archaeology)). Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Sergeev, A. V., Chernykh, E. M. 2012. In Bronnikova, M. A., Panin, A. V. (comp.). *Geomorfologicheskie protsessy i geoarkheologiya: ot landshaftnoy arkheologii k arkheoturizmu* (Geomorphic processes and geoarchaeology: from landscape archaeology to archaeotourism). Moscow; Smolensk: "Universum" Publ., 307–310 (in Russian).

Sidorov, V. V. 2009. *Rekonstruktsii v pervobytnoy arkheologii* (Reconstructions in Prehistory archaeology). Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences; "TAUS" Publ. (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 1977. *Volgo-Kam'e v nachale epokhi rannego zheleza. VIII–VI vv. do n. e.* (The Volga-Kama Region in the Beginning of the Early Iron Age (8th–6th Centuries BC)). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Chernykh, E. M. 2004. In Ivanova, M. G. (ed.). *Udmurtskoi arkheologicheskoi ekspeditsii – 50 let (50th Anniversary of Udmurt Archaeological Expedition)* Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 113–131 (in Russian).

Chernykh, E. M. 2009. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *U istokov arkheologii Volgo-Kam'ia (k 150-letiyu otkrytiia Anan'inskogo mogil'nika)* (At the Origins of Archaeology of the Volga-Kama Region (on the 150th Anniversary of Discovery of the Ananyino Burial Ground)). Series: Archaeology of the Eurasian Steppes 8. Yelabuga: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan; Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences; Yelabuga Historical, Architectural and Art Museum, 76–97 (in Russian).

Chernykh, E. M., Mitryakov, A. V. 2022. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 88–102 (in Russian).

Chizhesky, A. A. 2017. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 196–256 (in Russian).

Chizhesky, A. A., Chernykh, E. M., Korenyuk, S. N. 2021. In Sitdikov, A. G., Chizhesky, A. A. (eds.). *Rannii zheleznyi vek (Early Iron Age)*. Series: Arkheologiya Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 3. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 186–216 (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Khisyametdinova, A. A., Spiridonova, E. A., Aleshinskaya, A. S., Kochanova, M. D., Asylgaraeva, G. Sh. 2014. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Anan'inskii mir: istoki, razvitie, svyazi, istoricheskie sud'by* (The World of Ananyino: Origins, Evolution, Relations, Historical Fate). Series: Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 20. Kazan: "Otechestvo" Publ., 187–191 (in Russian).

About the Author:

Chernykh Elizaveta M., Candidate of Historical Sciences, Professor, Udmurt State University. Universitetskaya st. 1, Izhevsk, 426034, Udmurt Republic, Russian Federation; emch59@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2023 г.
Статья принята к публикации 01.04.2023 г.

УДК 902/903

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.2.157.168>

ПРЕДМЕТЫ «ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ» АНАНЬИНСКОГО ВРЕМЕНИ НА ТЕРРИТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРО-ВОСТОКА

©2023 г. И.О. Васкул

Публикация посвящена общей характеристике предметов первобытного искусства на территории Европейского Северо-Востока, датирующихся ананьинским периодом раннего железного века. Описываются основные категории изделий, выполненных в «зверином стиле», дается подробная характеристика различных групп изображений. Хронологически они относятся к двум группам, неравномерно представленным количественно. Меньшая их часть датируется первой половиной I тыс. до н.э. Большинство изображений относится к середине – второй половине этого тысячелетия. Коллекция предметов первобытного искусства на территории региона характеризуется, прежде всего, изображениями хищных животных и птиц, грифонов, полиморфными образами. Выделяются признаки, объединяющие различные группы изделий. Большинство из предметов относится к ананьинскому «звериному стилю» в искусстве населения лесной зоны Приуралья. Представлены одни и те же образы, аналогичны техника изготовления изделий, изображение и декорировка различных частей фигур животных и птиц сходными приемами. Распространение изображений ананьинского «звериного стиля» на Европейском Северо-Востоке связано с мощным культурным импульсом с территории Волго-Камья в середине I тыс. до н.э. Отчетливо прослеживаются зауральские элементы в искусстве населения бассейна р. Печоры.

Ключевые слова: археология, Европейский Северо-Восток, ананьинский «звериный стиль», медведь, грифон, хищные, водоплавающие птицы.

"ANIMAL STYLE" OBJECTS OF ANANYINO PERIOD ON THE TERRITORY OF THE EUROPEAN NORTHEAST

I.O. Vaskul

The article deals with the general features of primitive art objects on the territory of the European North-east, dating back to the Ananyino period of the Early Iron Age. The main categories of items made in the "animal style" are described and a detailed description of various groups of images is given. Chronologically they belong to two groups, unevenly represented quantitatively. A smaller part of them dates back to the first half of the I millennium BC. Most of the images belong to the middle – second half of I millennium BC. The collection of primitive art objects in the region is characterized primarily by depictions of predatory animals and birds, griffins, polymorphic images. There are features that unite different groups of items. Most of the objects belong to the Ananyino "animal style" in the art of the population of the Ural forest zone. The same images are presented, the technique of making objects is similar, the depiction and decoration of various parts of animals and birds figures are of similar techniques. The spread of the Ananyino "animal style" images in the European North-east is associated with a powerful cultural impulse from the territory of the Volga-Kama region in the middle of the I millennium BC. The Trans-Ural elements are clearly traced in the art of the population of the Pechora River basin.

Keywords: archaeology, European North-east, Ananyino "animal style", bear, griffin, predatory, waterfowl.

Первые находки предметов первобытного искусства ананьинского времени на территории Европейского Северо-Востока (далее ЕСВ) относятся к концу XIX – началу XX столетия. Это комплект из ножен и рукояти кинжала, обнаруженный «при устье р. Цильмы» (Чернецов, 1957, с. 158, табл. VII, 2) и клевец, найденный А.В. Журавским в бассейне р. Усы¹ (Канивец, 1964, с. 95–96, рис. 33). В настоящее время в регионе известно 10

пунктов (шесть поселений, могильник, три местонахождения – рис. 1), в которых обнаружены предметы звериного стиля интересующего нас периода. Большинство находок происходит из раскопок Шиховского могильника. Материалы памятников с территории ЕСВ, прежде всего из раскопок Шиховского могильника, неоднократно привлекали пристальное внимание исследователей и были использованы ими при характеристике обра-

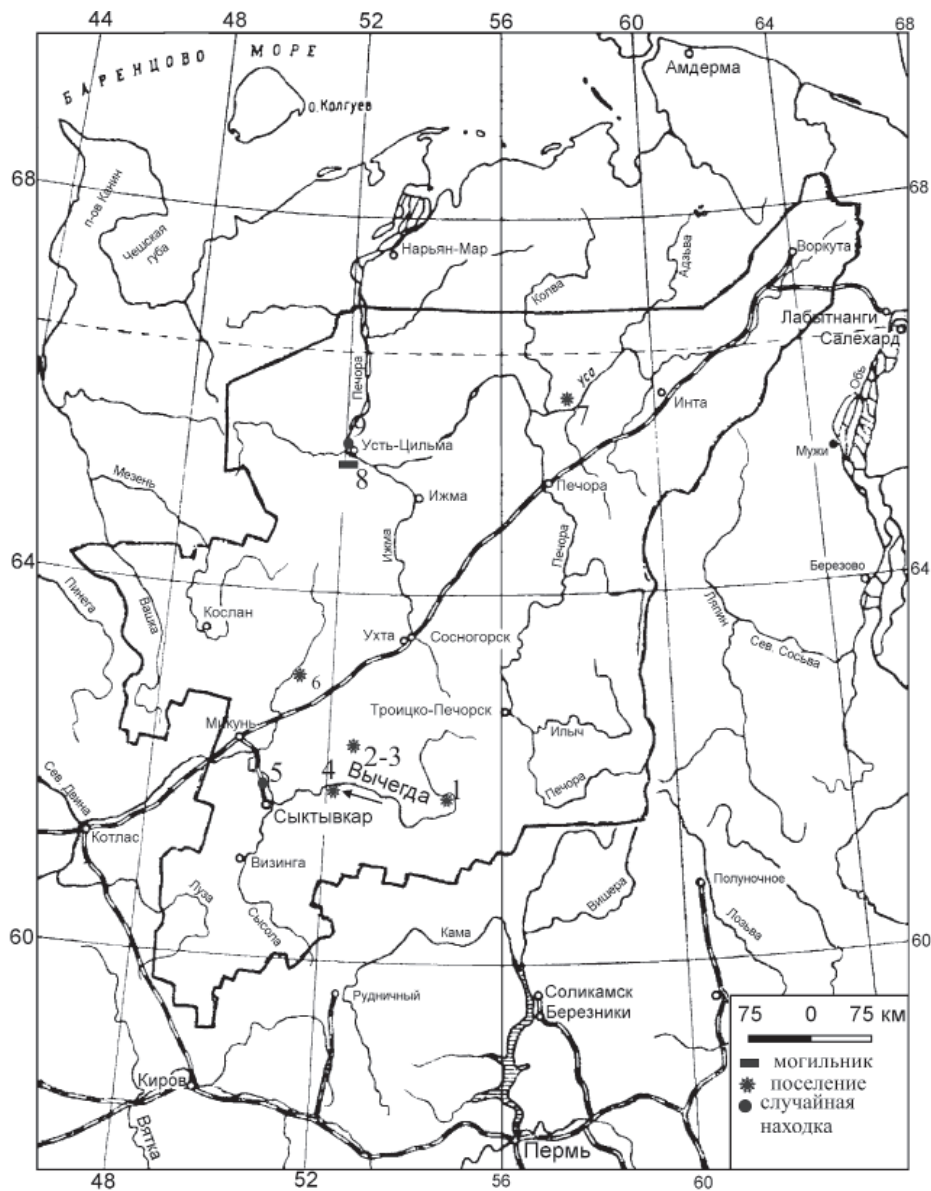

Рис. 1. Карта распространения предметов «звериного стиля» ананьинского времени на территории Европейского Северо-Востока.

- 1 – поселение Мыедлино; 2 – поселение Борганьель I; 3 – поселение Борганьель II; 4 – поселение Угдым III; 5 – Малая Слуда, случайная находка; 6 – поселение Весляна IV; 7 – поселение Сын्याвом I; 8 – Шиховской могильник; 9 – Усть-Цильма, случайная находка.

Fig. 1. Map of spread of the Ananyino period "animal style" items in the territory of the European North-east.

- 1 – Myeldino settlement; 2 – Borganyel I settlement; 3 – Borganyel II settlement; 4 – Ugdym III settlement; 5 – Malaya Sluda, chance find; 6 – Veslyana IV settlement; 7 – Synyavom I settlement; 8 – Shikhovo burial ground; 9 – Ust-Tsilma, chance find.

зов звериного стиля в лесной полосе восточноевропейского Севера, на Урале и в Западной Сибири (Васильев, 2004, с. 275–297; Чемякин, Кузьминых, 2009, с. 216–237; Коренюк, Майстренко, 2011, с. 139–146; Туркина, 2014, с. 94–102; Коренюк М.С., 2016, с. 239–245; Коренюк М.С., Коренюк С.Н., 2016, с. 246–252; Ширин, 2018, с. 177–189 и др.). В то же время до сих пор отсутствует, сводная

работа, посвященная характеристике предметов «звериного стиля» ананьинского времени на ЕСВ. Восполнить этот пробел призвана данная публикация.

В «зверином стиле» выполнены детали предметов вооружения, украшения, бытовые, культовые изделия, поясные принадлежности. Они изготовлены из глины, кости, цветных металлов, выгравированы на металлических

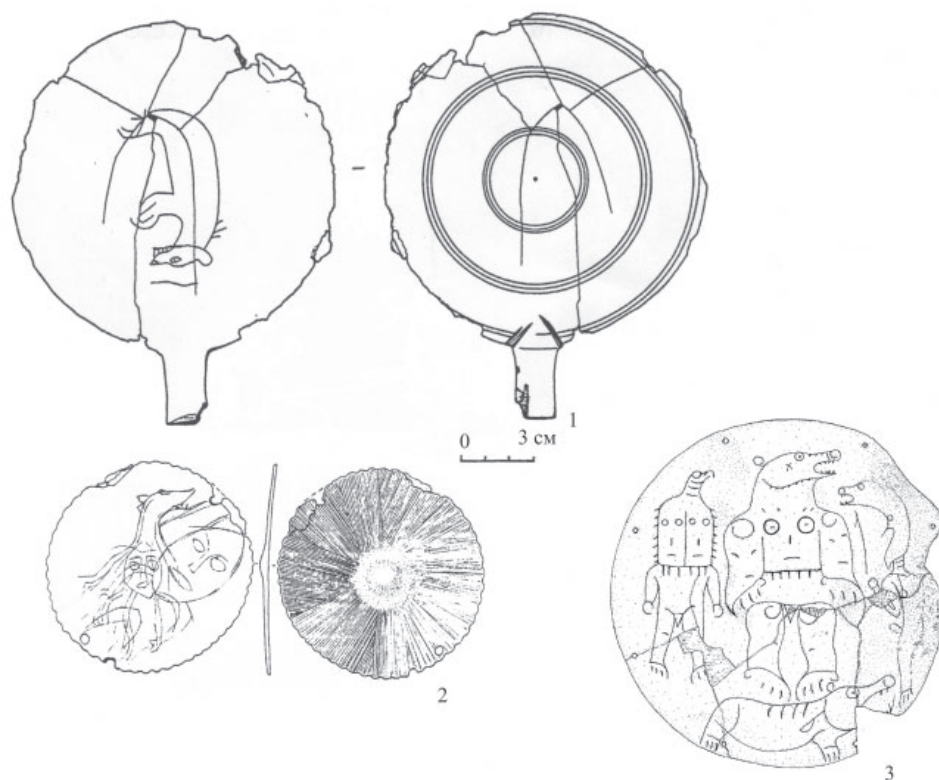

Рис. 2. Предметы «звериного стиля» ананьинского времени на территории Европейского Северо-Востока. Гравировки. 1–3 – Шиховской могильник. Все – бронза.
Fig. 2. Ananyino period "animal style" objects on the territory of the European Northeast. Engravings. 1–3 – Shikhovo burial ground. Bronze.

изделиях. Из кости выделаны изображение головы животного и антропоморфная фигурка, из глины изготовлены фигурки водоплавающих птиц и голова змеи (?- Королев, 2002, с. 27, рис. 26: 5). Остальные предметы «звериного стиля» представлены поделками из цветных металлов и гравировками на бронзовых зеркалах и бляхах. Изделия отлиты в технике плоского, плоского низкорельефного и объёмного литья. Как свидетельствуют имеющиеся данные, предметы изготовлены на медной основе. Искусственными легирующими компонентами являются олово, свинец, реже мышьяк, сурьма (Каликов, Васкул, 1999, с.105-106; Семенов, Кузьминых, Филиппов, Васкул, 2005, с. 104) В химическом составе фиксируются также серебро, висмут, никель, магний, железо.

Большинство изделий являются одиночными фигурами. Композиции из нескольких изображений представлены в гравировках, имеются литые полиморфные изображения.

Полиморфные изображения. К этой группе относятся многофигурные композиции,

выгравированные на бляхе и зеркале, найденных в захоронениях Шиховского могильника, а также литые изделия с поселения Борганьель II, поселения Весляна IV и Шиховского могильника.

Сложная композиция изображена на умбоновидной бляхе из погр. 19 Шиховского могильника. Здесь фигура животного с раскрытой пастью перекрыта двумя антропоморфами в свою очередь накладывающимися друг на друга. Головы фигур непропорционально велики по отношению к крайне схематично прорисованным телам, имеют овально-коническую форму, прочерчены брови, овальные глаза, прямой нос, овальной формы рот. Руки дугообразно изогнуты, ладони полусжаты. Схематично переданы ноги. Голова меньшей по размерам из фигур как бы вписана в туловище животного (рис. 2: 2). Форма головы, глаз, рта, носа антропоморфных изображений позволили Ю.В. Ширину отнести изделие к выделенной им усть-полуйской стилистической группе (Ширин, 2018, с. 182).

На зеркале из погр. 26 выгравирована композиция из четырех фигур. Две анфас,

две – в профиль. Центральное место занимает фигура медведя с человеческой личиной на груди. Голова животного повернута в профиль, изображены круглые с точкой в центре глаза, уши – спиралевидным завитком, выделен нос, пасть раскрыта, на щеке нанесен крест. Руки и ноги когтистые, ноги повернуты стопами внутрь. На плечах и ногах медведя прочерчены спиралевидные завитки. Человеческая личина имеет круглые с точкой в центре глаза, прямой нос, щелевидный рот. Над глазами расположены парные насечки, под ртом нанесен ряд из насечек (изображают волосяной покров-?). Медведь стоит на «ящере» с раскрытой пастью, у которого переданы круглые с точкой в центре глаза, выделен нос, спиралевидным завитком показано ухо, к голове идет линия с сегментовидным изображением. На хребте нанесены гладкие линии. Показаны короткие когтистые лапы. Слева от медведя расположена двухголовая антропоморфная фигуры с «головным убором» в виде повернутой в профиль головы хищной птицы с круглыми глазами. Лица антропоморфов изображены с круглыми глазами, прямыми носами, щелевидными ртами, по сторонам и в нижней части лиц нанесены насечки (изображают волосяной покров-?). Туловище прямое, вдоль него расположены руки с птичьими лапами, ноги прямые с когтистыми повернутыми внутрь звериными лапами. Справа от центральной нанесена развернутая в профиль еще одна зооантропоморфная фигура. Морда зверя с раскрытой пастью, выделенным носом, округлыми глазами по вертикали составляют единое целое с фигурой человека. Лицо имеет округлый глаз, клювовидный нос, свисающий подбородок. Туловище прямое с согнутой в локте рукой со сжатой в кулак ладонью, ноги завершаются когтистыми лапами. На плече нанесены перпендикулярные другу врезные линии, одна из которых заканчивается овалом. У всех зооантропоморфных изображений подчеркнуты половые признаки (рис. 2: 3). Ю.В. Ширин отнес изделие к выделенной им чердынской стилистической группе (Ширин, 2018, с. 182).

В захоронении 23 Шиховского могильника обнаружена зооантропоморфная подвеска. Антропоморфная личина, развернутая в профиль, находится на спине ящера. Личина имеет овальный глаз, прямой нос, выделенный подбородок, прямую шею. На голове -

рога, ниспадающие на голову ящера, образуя тем самым дужку для подвешивания. Ящер имеет удлиненное туловище, морду с овальным глазом, раскрытой зубастой пастью, короткие трехпалые лапы. На туловище животного нанесены углубленные гладкие линии (рис. 5: 3).

К этой же группе отнесено полиморфное изображение, найденное в очаге жилища на раннеананьинском поселении Борганьель II (рис. 5: 1). Нижняя часть изделия представляет собой изогнутый стержень с глубокой продольной бороздой. Верхняя часть предмета состоит из двух половин – антропоморфной и серповидной (схематизированные морды животных?). На нижней границе серпа заметны по четыре небольших выступа и по три выступа и углубления с другой стороны стержня. Изделие, по мнению автора раскопок, является моделью древа жизни (Ашихмина, 1992, с. 9, рис. 2: 1).

Интересна подвеска, представляющая собой изображение двух противостоящих друг другу животных (Рис. 3, 6). В верхней части помещен хищник. Переданы оскаленная пасть, глаза, уши, хвост. На туловище, в верхней части фигуры, две горизонтальные линии, от которых отходят четыре наклонных «зубчатых отпечатка». Еще две линии на шее животного. В нижней части плакетки изображен лось (?). Отчетливо переданы морда и уши зверя, туловище — схематично. Ноги животных смыкаются. На территории ЕСВ это самая ранняя находка со сценой противостояния двух животных.

Среди зооморфных преобладают изделия, изображающие хищных животных, прежде всего, медведя. В очаге на поселении Борганьель I найдена, изготовленная из кости голова медведя (рис. 3: 3). Серия изделий происходит из раскопок Шиховского могильника. На зеркале из погр. 16 выгравирован реалистично выполненный стоящий медведь. Передана фигура животного со вздыбленной на загривке шерстью, оскаленной пастью, когтистыми лапами (рис. 2: 1). Пронизка в виде фигуры медведя, изготовленной в реалистической манере, обнаружена в погр. 26. Показаны характерная фигура с мощным туловищем, трехпалыми лапами, коротким хвостом, головой с круглыми глазами, небольшими овальными ушами и раскрытой пастью (рис. 3: 13). Голова медведя с раскрытой пастью, глазами,

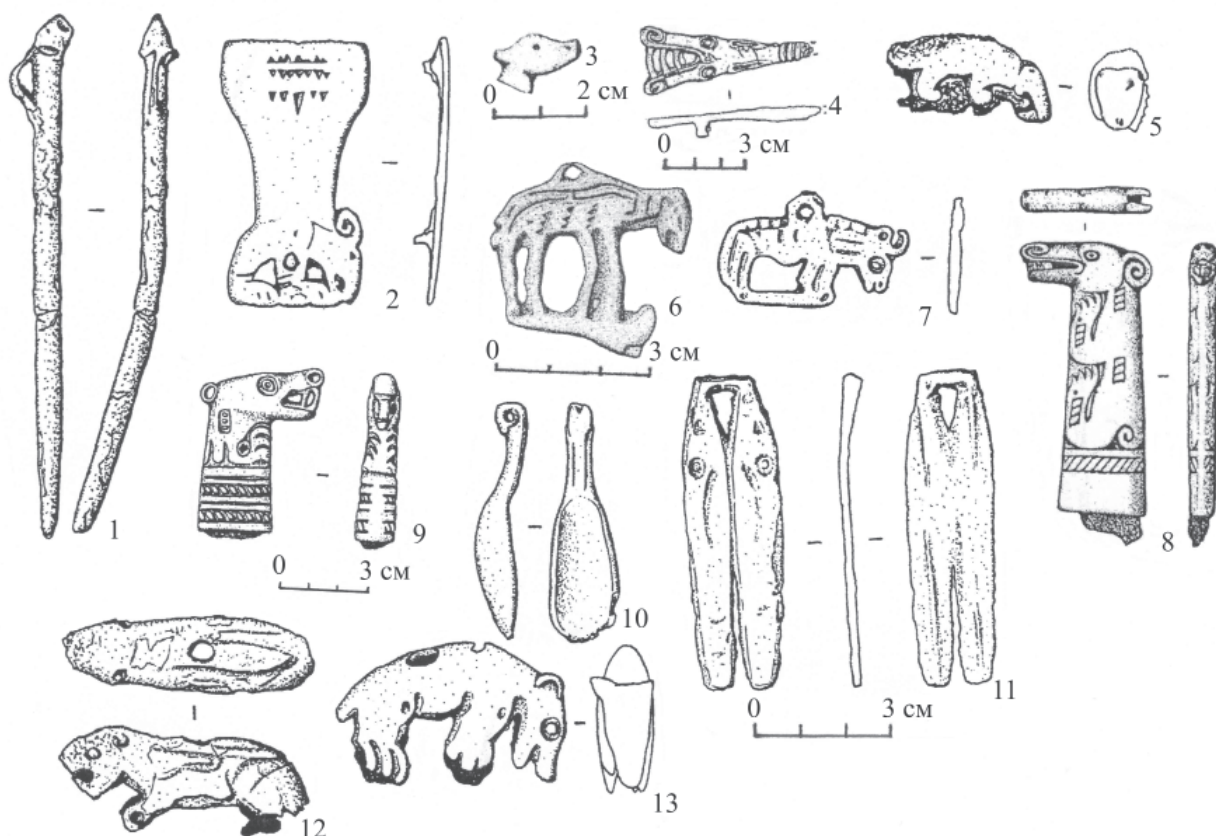

Рис. 3. Предметы «звериного стиля» ананьинского времени на территории Европейского Северо-Востока. Зооморфные изделия.

1–3, 8–9, 13 – изображения медведя; 5 – изображение бобра; 6 – сцена противостояния животных; 7 – фигура быка; 10 – изображение стилизованной головы животного на рукояти ложки; 12 – изображение крадущегося хищника. 1, 2, 4, 5, 7–13 – Шиховской могильник; 3 – поселение Борганьель I; 6 – поселение Весляна IV. 3 – кость; остальное бронза.

Fig. 3. Ananyino period "animal style" objects on the territory of the European Northeast. Zoomorphic items. 1–3, 8–9, 13 – image of bear; 5 – image of beaver; 6 – scene of animal confrontation; 7 – figure of bull; 10 – image of stylized head of animal on spoon handle; 12 – image of crouching predator. 1, 2, 4, 5, 7–13 – Shikhovo burial ground; 3 – Borganyel I settlement; 6 – Veslyana IV settlement. 3 – bone; the rest is bronze.

обозначенными точкой и небольшими овальной формы ушами расположена в верхней части бронзового стержня, обнаруженного в захоронении 36 (рис 3: 1). Поясная бляха-пряжка с фигурой медведя происходит из погр.28 Шиховского могильника. Показаны характерная фигура с мощными трехпальными лапами, головой с раскрытой пастью, треугольным глазом, ухом, изображенным в виде спиралевидного завитка. На туловище также имеются спиралевидные завитки, на туловище и лапах – резные линии. В верхней части пряжки – орнамент из мелких треугольников. С обратной стороны петли для крепления к основе (рис. 3: 2).

Фигурами хищных животных украшены рукояти кинжалов. На рукояти кинжала из

погр. 1 Шиховского могильника изображен хищник с раскрытой пастью с подчеркнутой окантовкой линией губ, овальными с точкой в центре глазами, переданными завитками носом и ухом. Лапы у животного четырехпальные, согнуты в локте. Туловище зверя заканчивается спиральнозавитым хвостом. На туловище и лапах медведя нанесен орнамент в виде столбиков имитирующих шнуровые отпечатки. В нижней части рукояти – окантовка, также имитирующая шнуровые отиски (рис. 3: 11). На рукояти из погр. 28 изображен медведь с оскаленной пастью, круглым глазом с точкой в центре, округлым ухом, когтистой трехпалой лапой, коротким хвостом. На переданном крайне лаконично тулове нанесен столбик, внутри которого четырехугольный

орнамент. В нижней части рукояти двойная окантовка имитирующая шнуровые отпечатки (рис. 3: 8). В зверином стиле выполнен колчаный крючок из погр. 36, на щитке которого изображение головы волка с раскрытой пастью с губами, подчеркнутыми утолщенной линией, смыкающейся со спиралевидным изображением носа, овальными глазами, ушами подтреугольной формы (рис. 3: 4). Еще одним изделием, изготовленным в зверином стиле, является пронизка в виде крадущегося хищника, найденная в межмогильном пространстве. Предмет сильно корродирован. Животное имеет массивную голову с раскрытой пастью, круглыми глазами, маленькими овальной формы ушами, мощную шею. На туловище прослеживаются гладкие линии, ноги согнуты, передние лапы сомкнуты в кольцо (рис. 3: 12).

В коллекции имеются также подвеска в виде фигурки быка и пронизка в виде фигуры бобра из захоронения 26 (рис. 3: 4, 7), а также модель лыж из погр. 36 с изображенными на полозьях головами лосей (рис. 3: 10). Быка характеризуют мощная шея, лобастая голова, венчающаяся загнутым рогом, круглый глаз, поджаристое туловище. По хребту идет кант, на шее и туловище нанесены гладкие линии. Фигура бобра имеет характерную голову, лопатообразный хвост, лапы. У лосей переданы характерные морды, овальные с точкой в центре глаза, треугольные уши. К категории зооморфных отнесена также ложечка из могилы 32, на рукоятке которой изображены уши и стилизованная морда животного (рис. 3: 9).

Возможно, к ананьинскому времени относятся также бронзовая фигурка медведя, выполненная в технике объемного литья, найденная в окрестностях д. Усть-Щугор на средней Печоре. На туловище животного нанесены волютообразные узоры (Aspelin, 1877, fig. 552) характерные для «художественных бронз» ананьинского времени.

Особую категорию изделий звериного стиля составляют **предметы вооружения, декорированные изображениями голов грифонов (хищных птиц)**, выделенные Т.Ю. Туркиной в группу I, подгруппу III по Т.Ю. Туркиной (Туркина, 2014, с. 95, табл. 1, 23, 25–27). Это, прежде всего, парадная секира пинежского типа из окрестностей Сыктывкара (Рябцев, Семенов, 1988, с. 244–245). Втулка и обух

(рис. 4: 1). Именно изображение грифона на обухе отличает находку от других секир этого типа, на обухе которых изображено хищное животное (Збруева, 1952, рис. 14; Чижевский, Черных, Коренюк, 2021, рис. 14: 1). Грифоны имеют круглые глаза, спиральнозавитые уши, хищный клюв. Топор декорирован поясками ложного шнура, рельефными гладкими углубленными линиями, зигзагом. На щеке одного из грифонов - косой крест из точек. Высоко художественен клевец, найденный в бассейне р. Усы. Втулка оформлена в виде головы хищной птицы (грифона) со спиральнозавитым ухом, круглыми с точкой в центре глазами (рис. 4: 2). Головой грифона оформлена рукоять кинжала из раскопок Шиховского могильника (погр. 28). Изображены круглой формы с точкой в центре глаз, спиральнозавитое ухо, мощный клюв (рис. 4: 3). Головки грифона и орла украшены рукоять кинжала и ножны, обнаруженные в окрестностях Усть-Цильмы (рис. 4: 4). Голова грифона на рукояти имеет мощный подчеркнутый дополнительной линией клюв, спиральнозавитое ухо. Рукоять украшена столбиком и двумя горизонтальными поясками из мелких «жемчужин» (по терминологии В.Н. Чернецова – Чернецов, 1957, с. 158). Орел на окончании ножен имеет овальный с точкой в центре глаз. Вдоль ножен по направлению к голове грифона нанесена линия мелких «жемчужин». Верхняя часть ножен окантована тремя поясками «жемчужин» – двумя мелкими между которыми расположен ряд крупных с углублением в центре. На боковой поверхности находится фигура животного с овальным глазом с точкой в центре, линией «жемчужин» вдоль хребта. На лапах имеются кружок и спиральный завиток. На внешней поверхности ножен нанесены контурные фигуры идущих медведей с оскаленной пастью, овальной формы глазами, ушами, когтистыми трехпальными лапами. Изображения животных окантованы мелкими «жемчужинами».

Бляшка в виде профильного изображения сидящей хищной птицы (группа I, подгруппа II по Т.Ю. Туркиной – Туркина, 2014, с. 95, табл. 1, 14) происходит из погр. 26 Шиховского могильника. Выделены голова, туловище, сложенные крылья, согнутые лапы птицы. На голове изображены овальной формы глаз, загнутый мощный клюв. Оперение крыльев передано гладкими продольными углублен-

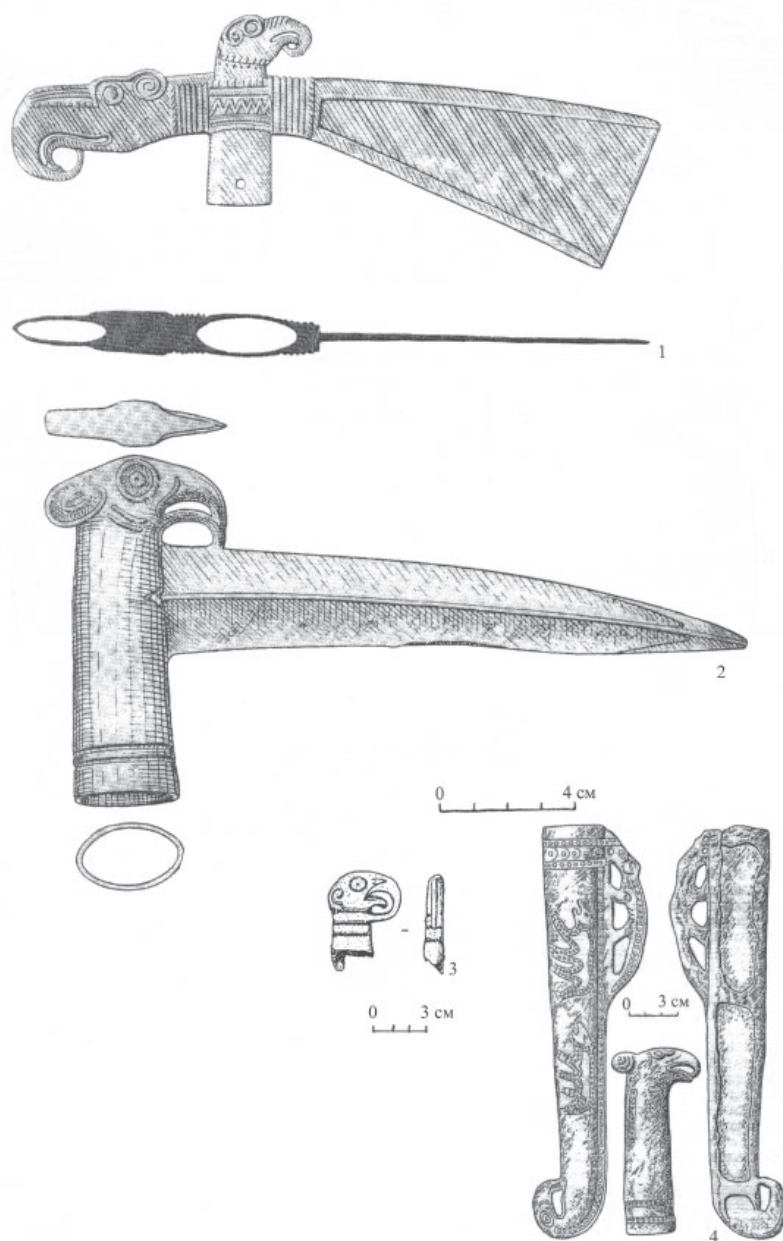

Рис. 4. Предметы «звериного стиля» ананьинского времени на территории Европейского Северо-Востока. Изображения грифонов. 1 – местонахождение Малая Слуда; 2 – местонахождение на р. Уса; 3 – Шиховской могильник; 4 – местонахождение Усть-Цильма. Все – бронза.

Fig. 4. Ananyino period "animal style" objects on the territory of the European Northeast. Images of griffins. 1 – locality of Malaya Sluda; 2 – locality on the Usa River; 3 – Shikhovo burial ground; 4 – locality of Ust-Tsilma. Bronze.

ными линиями, которые нанесены также на туловище птицы. С обратной стороны изделия – петля для крепления к основе (рис. 5: 7). В этом же захоронении найдена еще одна бляшка в виде птичьей фигуры. Она изготовлена в технике низко рельефного литья и обращена к зрителю анфас (группа I, подгруппа I по Т.Ю. Туркиной – Туркина, 2014, с. 95, табл. 1, 1). Голова птицы имеет клюв, небольшие округлые глаза. При переходе от головы

к туловищу нанесен орнамент из треугольников. Крылья полураспахнуты. Оперение на них передано углубленными гладкими линиями, между которыми находятся различной формы углубления. Лапы птицы согнуты, когти сжаты в кольцо. Туловище заканчивается раздвоенным хвостом, на котором нанесены гладкие поперечные линии. С обратной бляшки петли для крепления к основе (рис. 5: 9). Головой хищной птицы украшен наконеч-

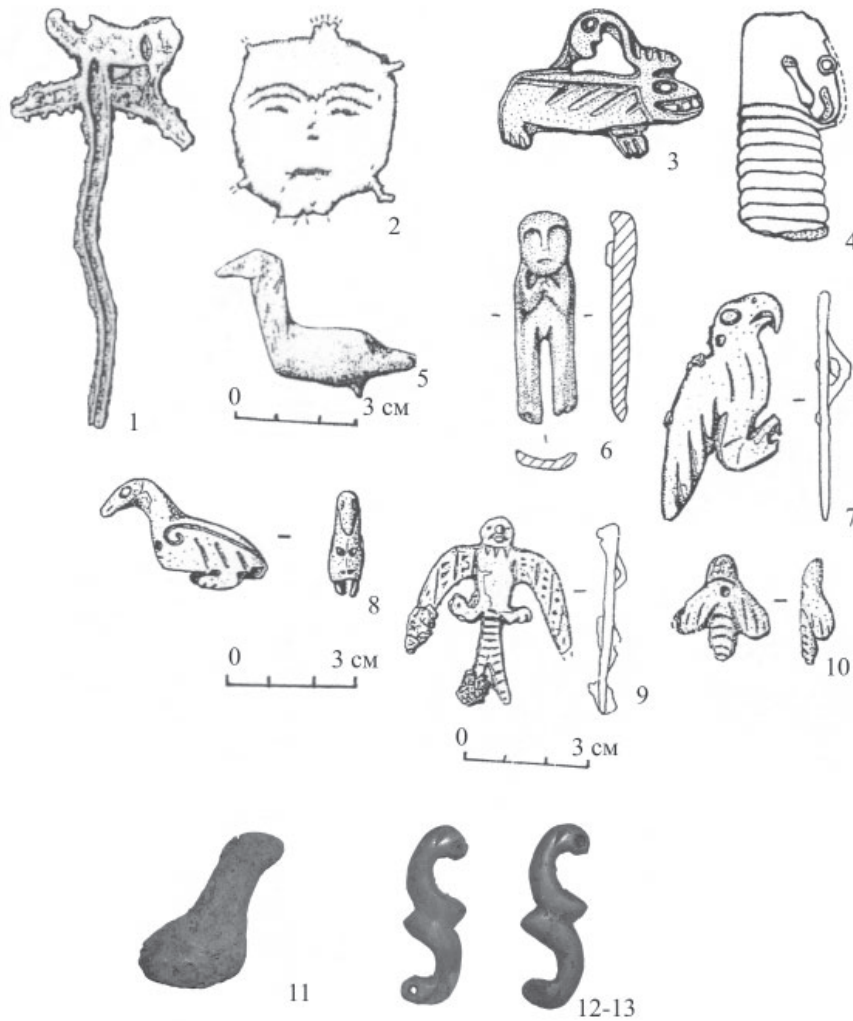

Рис. 5. Предметы «звериного стиля» ананьинского времени на территории Европейского Северо-Востока.

1 – «мировое дерево»; 2 – антропоморфная личина; 3 – зооантропоморфное изображение; 4, 5, 7–9, 11–13 – орнитоморфные изображения; 10 – изображение насекомого.

1 – поселение Борганьель II; 2 – поселение Борганьель I; 3–4, 6–10, 12–13 – Шиховской могильник; 11 – поселение Мыелдино. 1–4, 7–10, 12–13 – бронза. 5, 11 – глина, 6 – кость.

Fig. 5. Ananyino period "animal style" objects on the territory of the European Northeast. 1 – "World tree"; 2 – anthropomorphic face-mask; 3 – zooanthropomorphic image; 4, 5, 7–9, 11–13 – ornithomorphic images; 10 – insect image.

1 – Borganyel II settlement; 2 – Borganyel I settlement; 3–4, 6–10, 12–13 – Shikhovo burial ground; 11 – Myeldino settlement. 1–4, 7–10, 12–13 – bronze. 5, 11 – clay; 6 – bone.

ник ремня из погр. 4 Шиховского могильника (группа I, подгруппа III по Т.Ю. Туркиной – Туркина, 2014, с. 95, табл. 1, 22; рис. 5: 4).

Группа антропоморфных изделий. Собственно антропоморфные изделия представлены бляшкой-личиной, обнаруженной в очаге в наземном жилище на раннеананьинском поселении Борганьель I и костяной антропоморфной фигурой из погр.19 Шиховского могильника (рис. 5: 2, 6). Личина выполнена в технике плоского литья и имеет подквадратно-

округлую форму. Квадрат со стороной 3,5 см как бы вписан в круг. Его углы подчеркнуты небольшими, отходящими в стороны ответвлениями, маркирующими стороны света. На бляшке переданы черты двух лиц (две пары бровей, две родинки, два носа, раздвоенный подбородок). В центре «головы» - небольшой уступ, от которого отходили вверх и в стороны не сохранившиеся три отростка. С обратной стороны петля для крепления к основе. Личина, по мнению автора публикации, «по

стилю и содержанию близка также некоторым изображениям кулайской культуры». Бляшка интерпретируется как «модель мира» (Ашихмина, 1992, с. 8-9, рис. 2: 2). Костяная фигурка мужчины имела овальное лицо с дугообразными бровями, впадинами-глазами (?), прямым носом и овальной формы ртом, древовидное туловище. Трехпалые руки сложены на груди. Ноги также трехпалые, одна короче другой. С обратной стороны изделия расположен выступ для крепления (рис. 5: 6).

Составной частью коллекции «звериного стиля» являются фигуры водоплавающих птиц, выполненные из глины и бронзы. Глиняные поделки (целые и в обломках) найдены на поселениях Сынявом I, Мыелдино и Угдым III. Они довольно схематичны. Переданы голова, высокая шея, туловище птиц (рис. 5: 5, 11). Бронзовая объемная фигурка водоплавающей птицы из погр. 27 (группа I, подгруппа III по Т.Ю. Туркиной – Туркина, 2014, с. 95, табл. 1, 24) Шиховского могильника имеет удлиненную голову с овальным глазом, клювом, вытянутую шею, туловище, трехпалые, прижатые к туловищу лапы. Крылья выделены углубленными гладкими линиями, заканчивающиеся завитками. Гладкими линиями обозначено также оперение (рис. 5: 8). К группе орнитоморфных изделий отнесены также S-видные поясные накладки (не менее 15 экз.) из погр. 38 Шиховского могильника, заканчивающиеся стилизованными птицевидными головками (Рис. 5, 12-13).

В инвентаре погр. 27 имеется единственное в регионе изображение насекомого с расправленными крыльями. На крыльях и туловище – гладкие линии. На спине – отверстие для крепления к основе (рис. 5: 10).

Подводя итог характеристике предметов «звериного стиля» ананьинского времени на территории ЕСВ необходимо отметить, что хронологически они относятся к двум группам, неравномерно представленным количественно. Меньшая их часть датируется первой половиной I тыс. до н.э. (находки с поселений Боргангель I-II, Угдым III). Большинство изображений относится к середине – второй половине этого тысячелетия (второй этап в развитии ананьинского «звериного стиля» по Ст.А. Васильеву – Васильев, 2004, с. 276; этапы II-2 и III-1 развития культур шнуровой и гребенчато-шнуровой керами-

ки АКЮ – Чижевский, Черных, Коренюк, 2021, с. 213–215; Черных, Чижевский, 2021, с. 239–240). Это материалы из раскопок Шиховского могильника, поселений Весляна IV, Мыелдино, Сынявом I, случайные находки предметов вооружения. В целом коллекция предметов первобытного искусства («звериного стиля») на территории Европейского Северо-Востока характеризуется прежде всего изображениями хищных животных и птиц, грифонов, что характерно для искусства ананьинской КЮ в целом. Менее представительны подборки изделий изображающих водоплавающих птиц, антропоморфные и зооантропоморфные фигуры. Единичны изображения нехищных животных. Некоторые из образов звериного стиля уникальны. В тоже время выделяются признаки, сочетающиеся друг с другом, объединяющие различные группы изделий. Это мотив человеческой личины, округлая или овальная с точкой в центре форма глаз, спиралевидное ухо, нос, оформленный в виде завитка, подчеркивание рельефной гладкой линией пасти животных и клюва у грифонов и хищных птиц, орнаментация изделий спиралевидными завитками, косыми крестами, треугольными вдавлениями, «жемчужинами», узорами, имитирующими шнуровые, зубчатые отпечатки. К общим признакам относится оформление крыльев углубленными продольными линиями, оформление ими же туловища животных и птиц. Не вызывает сомнений, что большинство из них относится к ананьинскому «звериному стилю» в древнем искусстве. Сходен ассортимент изделий, несущих на себе изображения в «зверином стиле» (предметы вооружения, детали пояса, украшения, культовые изделия). В искусстве населения Прикамья и ЕСВ распространены одни и те же образы, аналогичны техника их изготовления, изображение и декорировка различных частей фигур животных и птиц сходными приемами (Збруева, 1952, с. 137–141; Смирнов, 1952, табл. XVIII, 12, 39, табл. XIX, 9; Оборин, Чагин, 1988, с. 72 рис. 28; Васильев, 2004, с. 281–283, 286; Коренюк, Майстренко, 2011, рис. 2,3,5; рис. 4: 4–5,7; Коренюк М.С., Коренюк С.Н., 2016, с. 249–252). Распространение ананьинского «звериного стиля» в регионе связано с мощным культурным импульсом из Прикамья в середине I тыс. до н.э., что прослеживается на различных категориях имеющихся

источников (керамика, оружие, украшения, предметы быта, «импортные» изделия). В целом можно уверенно утверждать, что ЕСВ входил в это время в круг культур гребенчато-шнуровой керамики, распространенной в лесной зоне Прикамья и европейского Севера. Изображения антропоморфов на умбоновидной бляхе из раскопок Шиховского могильника, наряду с керамикой типа Ямашор, свидетельствуют о зауральских связях населения бассейна р. Печоры (Чернецов, 1953, табл. XIII, 1-2; XIV, 1-2, 4; Федорова, 2014, рис. 1: 6, 10-11).

К сожалению, большинство вопросов связанных с изучением предметов первобытного искусства на ЕСВ в ананьинское время изучено все еще недостаточно. Требуется дополнительной аргументации датировка изделий

(Ширин, 2018, с. 180-181). Малочисленные работы, посвященные интерпретации образов звериного стиля (Ашихмина, 1992). Небольшое количество предметов первобытного искусства в регионе, хронологические лакуны не позволяют на имеющихся материалах с уверенностью говорить о преемственности в искусстве населения ЕСВ на протяжении железного века в целом. В тоже время нельзя не отметить, что многие образы, отмеченные на предметах ананьинского времени получили свое развитие в последующее время. Это антропоморфные изображения с «головными уборам» в виде хищных животных и птиц, антропоморфные и зооантропоморфные фигуры, стоящие на «ящерах», изображения человеческих личин, лося, медведя, хищных и водоплавающих птиц.

Примечание:

¹ Точное местонахождение неизвестно, на карте не обозначено.

ЛИТЕРАТУРА

Ашихмина Л.И. Реконструкция представлений о мировом дереве у населения Северного Приуралья в эпоху бронзы и раннего железа / Серия препринтов «научные доклады» Вып. 298. Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН, 1992. 32 с.

Васильев Ст.А. Ананьинский звериный стиль. Истоки, основные компоненты и развитие // Археологические вести. 2004. № 11. С. 275-297.

Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху / Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. V / МИА. № 30. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 326 с.

Каликов В.Н., Васкул И.О. ЛМА-анализ изделий из цветных металлов из раскопок Шиховского могильника // История и философия минералогии: Матер. II Международ. минералогического семинара / Отв. ред. Н. П. Юшкин. Сыктывкар, 1999. С. 105-106.

Канивец В.И. Канинская пещера. М.: Наука, 1964. 136 с.

Коренюк М.С. Металлические полиморфные изображения раннего железного века Приуралья // Духовная культура древних народов Урала. Типология художественной пластики/ VII Берсовские чтения / Отв. ред. В.Д. Викторова. Екатеринбург: Квадрат, 2016. С. 238-245.

Коренюк М.С., Коренюк С.Н. Об одной группе пластин пермского звериного стиля (стилистика, датировка) // Духовная культура древних народов Урала. Типология художественной пластики/ VII Берсовские чтения / Отв. ред. В.Д. Викторова. Екатеринбург: Квадрат, 2016. С. 245-252.

Коренюк С.Н., Майстренко Д.А. Скородумский клад // VI Берсовские чтения / Отв. ред. В.Д. Викторова. Екатеринбург: Квадрат, 2011. С. 139-146.

Королев К.С. Угдымский археологический комплекс на средней Вычегде. Сыктывкар, 2002. 112 с.

Оборин В.А., Чагин Г.Н. Чудские древности Рифея: Пермский звериный стиль. Пермь: Пермское кн. изд-во, 1988. 178 с.

Рябцев А.Н., Семенов В.А. Ананьинская парадная секира из-под Сыктывкара.// СА. 1988. № 1. С. 244-245.

Семенов В.А., Кузьминых С.В., Филиппов В.Н., Васкул И.О. Опыт применения электронно-зондового анализа и растровой электронной микроскопии при изучении изделий из цветных металлов археологических памятников Европейского Северо-Востока // Археоминералогия и ранняя история минералогии: материалы Международного семинара (Сыктывкар, 30 мая – 4 июня 2005 г.). Сыктывкар: Геопринт, 2005. С. 104.

Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. № 28. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 274 с.

Туркина Т.Ю. Орнитоморфные мотивы в искусстве населения Европейского Северо-Востока в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2014. №1 (17). С. 94–102.

Федорова Н.В. Антропоморфные образы Усть-Полуя: технология, иконография, композиции сцен // Уральский исторический вестник. 2014. № 2 (43). С. 63–71.

Чемякин Ю.П., Кузьминых С.В. Металлические орнитоморфные изображения эпохи раннего железного века Восточной Европы и Урала // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / Археология евразийских степей. Вып. 8 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Елабуга: ИИ АН РТ, 2009. С. 216–237.

Чернецов В.Н. Бронза Усть-Полуйского времени // Древняя история Нижнего Приобья / МИА. № 35. / Под ред. А.В. Збруевой. М.: АН СССР, 1953. С. 121–178.

Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тыс. н.э. // Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири / МИА. № 58 / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. М.: Наука, 1957. С. 136–244.

Черных Е.М., Чижевский А.А. Ананьинская культурно-историческая область. Вятско-ветлужская культура (гребенчатого-шнуровой керамики) // Ранний железный век / Археология Волго-Уралья. Т. 3 / Под общ ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 217–241.

Чижевский А.А., Черных Е.М., Кореньюк С.Н. Ананьинская культурно-историческая область. Ананьинская классическая культура (шнуровой керамики) // Ранний железный век / Археология Волго-Уралья. Т. 3 / Под общ ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 186–216.

Ширин Ю.В. Хронология выявляемых культурных связей Приуралья и Западной Сибири в конце эпохи раннего железа // Археология Евразийских степей. 2018. № 1. С. 177–189.

Aspelin J. R. Antiquites du Nord Finno-Ougrien. Helsinki, 1877.

Информация об авторе:

Васкул Игорь Орестович, кандидат исторических наук, доцент, Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (г. Сыктывкар, Россия); vaskul@mail.illhkomisc.ru

REFERENCES

Ashikhmina, L. I. 1992. *Rekonstruktsiya predstavleniy o mirovom dereve u naseleniya Severnogo Priural'ya v epokhu bronzy i rannego zheleza (Reconstruction of ideas about the World tree among the population of the Northern Urals in the Bronze and Early Iron Ages)*. Syktyvkar: Komi Scientific Center, Ural Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).

Vasiliev, St. A. 2004. In *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 11. 275–297 (in Russian).

Zbrueva, A. V. 1952. *Istoriia naseleniia Prikam'ia v anan'inskuiu epokhu (History of the Population of the Kama River Region in the Ananyino Time)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Urala i Priural'ia (Materials and Research on the Archaeology of Ural and the Cis-Urals Area) V. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 30. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Kalikov, V. N., Vaskul, I. O. 1999. In Yushkin, N. P. (ed.). *Istoriya i filosofiya mineralogii: Mater. II Mezhdunarod. mineralogicheskogo seminar (History and Philosophy of Mineralogy: Proceedings of II International mineralogical seminar)*. Syktyvkar, 105–106 (in Russian).

Kanivets, V. I. 1964. *Kaninskaya peshchera (Kaninskaya cave)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Korenyuk M.S. 2016. In Viktorova, V. D. (ed.). *Dukhovnaya kul'tura drevnikh narodov Urala. Tipologiya khudozhestvennoy plastiki. VII Bersovskie chteniya (Spiritual culture of the ancient peoples of the Urals. Typology of plastic art. Seventh Bers Readings)*. Yekaterinburg: "Kvadrat" Publ., 238–245 (in Russian).

Korenyuk, M. S., Korenyuk, S. N. 2016. In Viktorova, V. D. (ed.). *Dukhovnaya kul'tura drevnikh narodov Urala. Tipologiya khudozhestvennoy plastiki. VII Bersovskie chteniya (Spiritual culture of the ancient peoples of the Urals. Typology of plastic art. Seventh Bers Readings)*. Yekaterinburg: "Kvadrat" Publ., 125–129 (in Russian).

Korenyuk, S. N., Maistrenko, D. A. 2011. In Viktorova, V. D. (ed.). *VI Bersovskie chteniia (Sixth Bers Readings)*. Yekaterinburg: "Kvadrat" Publ., 139–146 (in Russian).

Korolev, K. S. 2002. *Ugdymskiy arkheologicheskiy kompleks na sredney Vychehde (Ugdym archaeological complex on the Middle Vychehda)*. Syktyvkar (in Russian).

Oborin, V. A., Chagin, G. N. 1988. *Chudskie drevnosti Rifeia: permskii zverinnyi stil' (Chud Antiquities of the Riphean: the Animal style of Perm)*. Perm: "Permskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Ryabtsev, A. N., Semenov, V. A. 1988. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* 1, 244–245 (in Russian).

Semenov, V. A., Kuzminykh, S. V., Filippov, V. N., Vaskul, I. O. 2005. *Arkheomineralogiia i ranniaia istoriia mineralogii: materialy Mezhdunarodnogo seminara (Syktyvkar, 30 maia – 4 iunia 2005 g.) (Archaeomineralogy and the Early History of Mineralogy: Proceedings of the International Seminar (Syktyvkar, May 30th – June 4th, 2005))*. Syktyvkar: "Geoprint" Publ., 104 (in Russian).

Smirnov, A. P. 1952. *Ocherki drevney i srednevekovoy istorii narodov Srednego Povolzh'ya i Prikam'ya (Essays on the ancient and medieval history of the peoples of the Middle Volga and Kama regions)*. Series: *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in Archaeology of the USSR)* 28. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 274 (in Russian).

Turkina, T. Yu. 2014. In *Izvestiia Komi nauchnogo tsentra UrO RAN. (Proceedings of the Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences)* 17 (1), 94–102 (in Russian).

Fedorova, N. V. 2014. In *Ural'skii istoricheskii vestnik (Ural Historical Bulletin)* 43 (2), 63–71 (in Russian).

Chemyakin, Yu. P., Kuzminykh, S. V. 2009. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *U istokov arkheologii Volgo-Kam'ia (k 150-letiiu otkrytiia Anan'inskogo mogil'nika) (At the Origins of Archaeology of the Volga-Kama Region (on the 150th Anniversary of Discovery of the Ananyino Burial Ground))*. Series: *Archaeology of the Eurasian Steppes* 8. Yelabuga: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhanii, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 216–237 (in Russian).

Chernetsov, V. N. 1953. In Zbrueva, A. V. (ed.). *Drevnyaya istoriya Nizhnego Priob'ya (Ancient history of the Lower Ob region)*. Series: *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in the USSR Archaeology)* 35. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 121–178 (in Russian).

Chernetsov, V. N. 1957. In Merpert, N. Ya. (ed.). *Kul'tura drevnikh plemen Priural'ya i Zapadnoy Sibiri (Culture of the ancient tribes of the Urals and Western Siberia)*. Series: *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Proceedings and Research in the USSR Archaeology of the USSR)* 58. Moscow: "Nauka" Publ., 136–244 (in Russian).

Chernykh, E. M., Chizhevsky, A. A. 2021. In Sitdikov, A. G., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Rannii zheleznyi vek (Early Iron Age)*. Series: *Arkheologiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals)* Vol. 3. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 217–241 (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Chernykh, E. M., Korenyuk, S. N. 2021. In Sitdikov, A. G., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Rannii zheleznyi vek (Early Iron Age)*. Series: *Arkheologiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals)* Vol. 3. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 186–216 (in Russian).

Shirin, Yu. V. 2018. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1, 177–189 (in Russian).

Aspelin J. R. 1877. *Antiquites du Nord Finno-Ougrien*. Helsinki.

About the Author:

Vaskul Igor O. Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Institute of Language, Literature and History of the Komi Scientific Center. Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Kommunisticheskaya St., 26, Syktyvkar, 167982, Republic of Komi, Russian Federation; vaskul@mail.illhkomisc.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2023 г.
Статья принята к публикации 01.04.2023 г.

УДК 902/903

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.2.169.181>

ШНУРОВАЯ КЕРАМИКА И ГИБРИДНАЯ АНАНЬИНСКОГО ТИПА ПОСЕЛЕНИЯ ВЁКСА I НА ВЕРХНЕЙ СУХОНЕ

© 2023 г. Н.Г. Недомолкина

В работе впервые рассматриваются материалы с гребенчато-шнуровой, шнуровой и гибридной керамикой РЖВ поселений Верхней Сухоны. К середине I тыс. до н.э. эта территория входила в контактную зону между культурно-историческими общностями сетчатой керамики и ананьинской. По традиции комплексы с сетчатой керамикой относили к позднекаргопольской культуре. Гребенчатая и шнуровая керамика рассматривались в рамках сетчатых комплексов. В результате активных археологических исследований в последние десятилетия на территории Верхней Сухоны источниковедческая база по периоду РЖВ существенно пополнилась. Раскопки опорного поселения Вёкса–I позволили выявить всю культурно-хронологическую шкалу древностей Верхней Сухоны, Кубенского озера. Из комплексов сетчатой керамики выделены материалы ананьинского облика и гибридные. Сопоставление керамических комплексов поселения Вёкса–I раннего железного века с керамикой других регионов АКИО позволило наметить пути проникновения носителей традиции ананьинской гребенчато-шнуровой керамики в бассейн Верхней Сухоны. Изменение культурных традиций на поселениях РЖВ региона фиксируются с VI в. до н.э., когда появляются комплексы со смешанной ананьинской и сетчатой традицией изготовления керамики. Продвижение населения связано с юго-восточным направлением с территории Костромского Поволжья. С V века до н.э. в бассейне Верхней Сухоны формируется население, в материальной культуре которого появляется гибридная воротничковая керамика. Процесс расселения групп населения ананьинской культуры гребенчато-шнуровой керамики происходил неоднократно. Более позднее направление связано с бассейном р. Вятки. Гибридные комплексы возможно рассматривать в рамках позднекаргопольской культуры.

Ключевые слова: археология, ранний железный век, ананьинская культурно-историческая область, гребенчато-шнуровая, шнуровая керамика, гибридная керамика, керамика с воротничком.

CORDED WARE AND ANANYINO TYPE HYBRID CERAMICS FROM THE VYOKSA I SETTLEMENT ON THE UPPER SUKHONA

N.G. Nedomolkina

The article presents for the first time the materials with comb-corded, corded and hybrid ware of the Early Iron Age settlements on the Upper Sukhona basin. By the middle of the I millennium BC this territory was part of the contact zone between the cultural and historical communities of textile ceramics and the Ananyino one. Usually textile ceramic assemblages were related to the Late Kargopol culture. Combed and corded ceramics were considered within the textile assemblages. As a result of active archaeological studies on the territory of the Upper Sukhona in recent decades the source base for the period of the Early Iron Age has been significantly enlarged. The ceramic assemblages of the Vyoksa–I reference settlement were taken as the basis. Excavations of the Vyoksa–I reference settlement made it possible to reveal the entire cultural and chronological scale of the antiquities of the Upper Sukhona basin, Lake Kubenskoye. Ceramics of the Ananyino appearance and hybrid ones were singled out from the assemblages of textile ware. Comparison of ceramic assemblages of the Early Iron Age settlement with settlement materials of other regions АСНА (Ananyino Cultural and Historical Area) made it possible to outline the ways of penetration of the bearers of the Ananyino comb-corded ceramic tradition into the Upper Sukhona basin. Changes of the cultural traditions in the settlements of the Early Iron Age region have been fixed since the VI century BC, when the settlements with a mixed Ananyino and textile ceramics appeared. The movement of the population was connected with the southeast direction from the Kostroma Volga region. Since V century BC the population, in whose material culture hybrid collared ceramics appeared, was formed. The settling process of the Ananyino comb-corded ceramics tradition bearer groups happened more than once. A later direction was linked with the Vyatka River basin. Hybrid ceramic assemblages can be considered within the Late Kargopol culture.

Keywords: archaeology, Early Iron Age, Ananyino Cultural and Historical Area, comb-corded ware, corded ware, hybrid ceramics, collared ceramics.

Вологодская область расположена на северо-востоке Восточно-Европейской равнины, в континентальной части таёжной зоны. Одной из крупнейших рек в области является река Сухона, левая и основная составляющая Северной Двины. К середине I тыс. до н. э. территория Верхней Сухоны входила в контактную зону между культурно-историческими общностями сетчатой керамики и ананьинской. На большей территории от Прибеломорья до Верхней Волги появляются поселения со смешанными комплексами ананьинской и сетчатой керамики и специфичными типами гибридной керамики на отдельных локальных территориях. Впервые на смешанные комплексы керамики с сетчатыми и ананьинскими признаками в рамках позднего этапа каргопольской культуры обратила внимание М.Е. Фосс (Фосс, 1952), в дальнейшем эта тема рассматривалась в работах С.В. Ошибкиной, М.Г. Косменко, И.С. Манюхина (Ошибкина, 1975, с. 18–24; Косменко, 2003, с. 25–35; Манюхин, 2005). И.С. Манюхин предположил, что появляется такая керамика в результате взаимодействия населения местной северной культуры эпохи бронзы (финала) и населения южного Поволжья с середины I тыс. до н. э. (Манюхин, 2005). Памятники Верхней Сухоны непосредственно граничат с самыми южными позднекаргопольскими памятниками Белозерья. И.С. Манюхин отмечал, что сухонские материалы

имеют много общего с близкими древностями Средней и особенно Верхней Волги с одной стороны и позднекаргопольской культурой – с другой (Манюхин, 2002, с. 90). А.Н. Башенькин отмечал отличие материальной культуры населения раннего железного века западной (бассейны рек Мологи и Шексны) и восточной (бассейн р. Сухоны и Ваги) частей Вологодского края: в западных регионах он наблюдал связь с дьяковской средой, в восточных – влияние Урало-Камского региона (Башенькин, 1997, с. 5–35).

Специального исследования памятников периода раннего железного века на Верхней Сухоне не проводилось. По традиции комплексы с сетчатой керамикой относили к позднекаргопольской культуре. Гребенчатая и шнуровая керамика рассматривались в рамках сетчатых комплексов.

Активизировавшиеся работы по изучению древностей РЖВ на территории Костромского Поволжья заставили обратиться к материалам поселений Верхней Сухоны (Новиков, 2018). В результате активных систематических разведок на территории Верхней Сухоны источниковедческая база по разным археологическим периодам региона, в том числе по периоду РЖВ, существенно пополнилась. В основном материалы представлены небольшими коллекциями из разведочных сборов. Раскопки проводились на двух поселениях: Лиминская XIX–XX и Вёкса I (рис. 1).

Рис. 1. Местоположение комплекса многослойных поселений Вёкса.

Fig. 1. Location of the complex of multilayered settlements of Vyoksa.

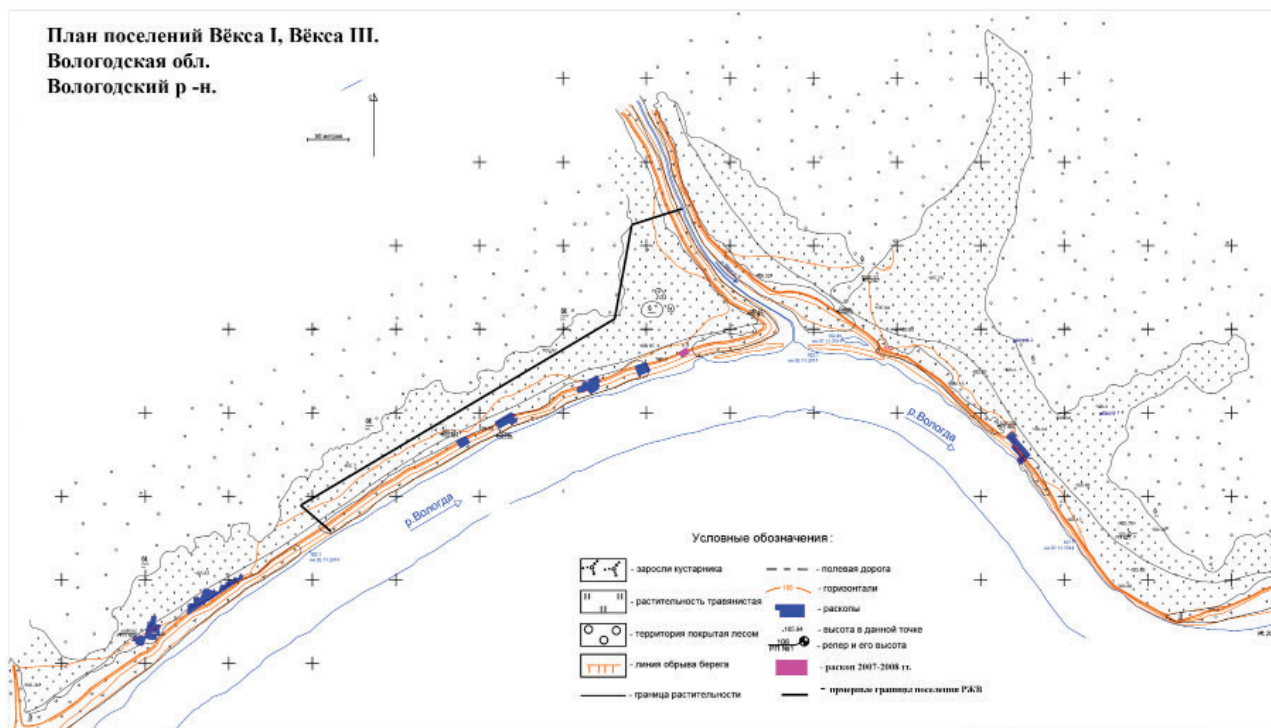

Рис. 2. Поселения Вёкса I и Вёкса III. Инструментальный план поселения.

Fig. 2. Settlements of Vyoksa I and Vyoksa III. Plan of the settlement, taken with use of measuring devices.

Благодаря многолетним исследованиям комплекс многослойных поселений Вёкса I, Вёкса III на левом берегу реки Вологды, правого притока Сухоны, получил широкую известность и стал опорным для территории Верхней Сухоны и сопредельных территорий. Поселение Вёкса I занимает особое место среди памятников эпохи бронзы – раннего железа.

Первые сведения об археологических находках у речки Вёксы поступили от местных жителей в 1980 г. В этом же году Н.В. Гуслистов и участники археологического кружка, студенты ВГПИ впервые побывали на Вёксе, однако высокий уровень воды в р. Вологде не дал возможности провести необходимые работы. Раскопки и сбор подъемного материала на поселении Вёкса проводились И.Ф. Никитинским (1981–1993), В.С. Патрушевым (1987, 1989), С.Ю. Васильевым (1990, 1992), Н.Г. Недомолкиной (1993–2016).

Памятники расположены вдоль левого берега р. Вологды при впадении небольшого притока Вёкса (рис. 2). Протянувшиеся на два километра поселения в верхней западной части от устья Вёксы называются Вёкса I, а в нижней части комплекса к востоку от устья – Вёкса III. Последние исследования показывают, что общая площадь поселений составляет

около 20 га, из которых раскопками и шурфами на Вёксе I и Вёксе III вскрыто около 2200 и около 300 кв. м соответственно.

Поселение Вёкса I, как и многие памятники Присухонской низины, занимает ровный участок береговой линии на высоте 4–5 м над уровнем воды. Береговой склон памятника порос отдельными деревьями и кустарником. Многослойные культурные отложения накапливались здесь на разных участках в период от раннего неолита до древнерусского времени. В настоящее время выделено пятнадцать хронологически и культурно отличных комплексов и слоев заселения Вёксы от раннего неолита до Средневековья и семь на поселении Вёкса III, от периода раннего неолита до эпохи бронзы. Поселенческие материалы дополняются уникальными погребальными комплексами каменного века. Каждому комплексу присвоено название «Вёкса» с буквенным обозначением от Вёкса А до Вёкса Н (Недомолкина, 2000а, с. 277–283). Культурные слои поселения Вёкса III получили нумерацию соответственно уровню залегания – 1–9 (Недомолкина, 2000в, с. 3–5).

Это представляется целесообразным для упорядочения материала, полученного при раскопках памятника не сплошной площадью, в различные годы. Аналогичность литологи-

ческих напластований позволяет рассматривать культурные слои поселений в совокупности.

Стратиграфия на различных участках поселений имеет свои особенности, зависящие от насыщенности этого участка остатками культурных отложений. Общая мощность напластований, включающих стерильные прослойки, на некоторых участках поселений достигает трех метров. Дёрн на всей площади памятников достигает мощности 10–15 см. Под ним идёт коричневая супесь мощностью до 40 см, нижний уровень которой является границей слоя, подвергнувшегося современному антропогенному воздействию. Под пахотой залегают слои в виде серых, серо-коричневых и темно-серых суглинков, насыщенных включениями древесного угля и золы, обожжённых костей, керамики и пр.

Поселения находятся в аварийном состоянии. Береговая линия подвергается интенсивному размыву во время половодий и наводнений. Материалы раскопок дополняются большим количеством подъемного материала.

На протяжении более 700 м (1–8 участки поселения Вёкса I) под пахотой залегают слои железного века (Вёкса Г, Д), местами достигающие мощности 0,4–0,6 м (до 1 м в ямах). Поселение эпохи железа – самое крупное по площади не только для данного памятника, но и для памятников северных областей европейской части России в целом. Лишь малая часть полученных материалов получила отражение в публикациях (Никитинский, 1995; Патрушев, 1989; Недомолкина, 2000; Манюхин, 2002). В 1997, 1998 гг. экспедиция МарГУ под руководством В.С. Патрушева два года вела раскопки культурных слоев раннего железного века на поселении Вёкса I на третьем участке памятника. По результатам работ опубликованы краткие тезисы. По мнению В.С. Патрушева, керамические комплексы поселения Вёкса аналогичны комплексам широкого круга памятников эпохи раннего железа круга культур с «текстильной» керамикой лесного Поволжья и более южных районов, в том числе и Марийского Поволжья (памятники ахмыловского облика), только в смешанном виде. Ближайшие аналогии каменному инвентарю и керамике находят в инвентаре стоянок и поселений с сетчатой керамикой региона в позднекарагопольской культуре.

Обращение к материалам РЖВ этого поселения – только начало определения культурной ситуации в регионе. Развитие сетчатых керамических традиций здесь фиксируется с эпохи поздней бронзы. В 2007–2008 годах исследовался второй участок поселения. На данном участке памятника исследовались два слоя раннего железного века (рис. 3). Стратиграфия участка: дерн 5 см, коричневый паханный суглинок 30–35 см, серый суглинок 17–20 см (Вёкса Г), темно-серый суглинок 10–15 см (Вёкса Д), линза светло-коричневого суглинка 10–20 см, слой светло-серого суглинка 25–30 см, светло-коричневая глина 60 см. Общая глубина выборки 175–170 см (рис. 2–3). Общее количество находок составляет около 3000 предметов, из них керамики 2650 единиц, выборка находок в полевых условиях осуществлена также в контексте данных слоев.

В первом слое поселения выделен комплекс **керамики со штрихованной поверхностью**. Штриховка нанесена горизонтально, наклонно, также часто можно встретить и хаотичные, беспорядочные, накладывающиеся друг на друга, взаимопроникающие штрихи. Следует отметить, что при раскопках поселения В.С. Патрушевым была найдена штрихованная керамика с вертикальными линиями (Патрушев, 2016, рис. 6), в отличие от керамики с горизонтальной и хаотичной штриховкой, собранной в 2007–2008 г. Возможно, появление керамики со штрихованной поверхностью связано с распространением дьяковского влияния на этих территориях (Новиков, Недомолкина, 2021, с. 369).

Заглаженную керамику можно разделить на две группы: слабо орнаментированную только ямками (орнамент разрежен) или совсем неорнаментированную (А), и орнаментированную ямками, наколами, оттисками гребенчатого штампа (Б) (Новиков, Недомолкина, 2021, с. 365).

По мнению А.В. Новикова, заглаженная керамика, орнаментированная ямками, реже оттисками гребенчатого штампа, напоминает волховский тип керамики. Распространение посуды подобного облика происходит в VIII–IV вв. до н. э. (Кулькова, Юшкова, 2008, с. 205).

Скучно орнаментированная заглаженная посуда (Б) с разреженным орнаментом или неорнаментированная совсем, с более грубы-

Рис. 3. Поселение Вёкса I. Раскоп 2007 г. Вид с юга на северную стенку раскопа. Фото Н.Г. Недомолкиной.

Fig. 3. Settlement of Vyoksa I. 2007 excavation. View from the south to the northern wall of the excavation.

Photo by N.G. Nedomolkina.

ми примесями дресвы в формовочной массе, близка керамике из поселений Холопий Городок, Городок на Ловати. Для керамики этих поселений также характерны слабопрофилированные и баночные формы сосудов. Поселения условно датированы первой половиной I тыс. н. э. (Кулькова, Юшкова, 2008, с. 209). Данная датировка более соответствует стратиграфической ситуации памятника. Датировку керамики группы (А) требуется уточнить.

Сетчатая керамика эпохи поздней бронзы. Во втором слое поселения преобладает именно ранняя сетчатая керамика, здесь увеличивается процент сетчатой керамики вообще, при этом в сравнении с сетчатой керамикой из слоя 1 на ней наблюдаются более сложные орнаментальные мотивы. С внешней стороны большинства фрагментов наблюдаются рябчатые мелкоячеистые, как правило, хаотично расположенные отпечатки. Нитчатые и стежковые отпечатки фиксируются редко, такая традиция обработки внешней поверхности не характерна для сетчатой керамики из поселения Вёкса I.

Выделяется группа профилированной сетчатой керамики с блюдцеобразным венчиком, орнаментированным оттисками гребенчатого штампа.

Сетчатая керамика широко распространена на известных поселениях середины – второй половины II тыс. до н. э. Отмечаются некоторые специфичные особенности и признаки сетчатой керамики эпохи поздней бронзы поселения Вёкса I. Прежде всего здесь получает развитие посуда с признаками фатьяновской культуры. Широко распространены и венчики с воротничком по краю (невысокий, утолщенный), имеющие плоский, округлый и скошенный наружу в виде бортика край – такие формы края присущи ранней сетчатой керамике юго-восточной Карелии, южного Приладожья, восточного побережья Онежского озера. Плоский край характерен и для сетчатой керамики из поселений Юго-Западного Прибеломорья. По ряду признаков (орнамент, морфология) сетчатая керамика позднего периода эпохи бронзы из поселения Вёкса I сближается и с посудой из памятников Костромского Поволжья. Близкая керамика

известна на Нижней Сухоне (Новиков, Недомолкина, 2021, с. 356).

В коллекции керамики из поселения Вёкса I выделяется орнаментированная гребенчатыйми оттисками (А), гребенчатыми оттисками в сочетании с ямками (Б) и только ямками (В).

Керамика финала эпохи бронзы, переходного этапа и начала РЖВ

Следующая группа сетчатой керамики достаточно многочисленна на памятнике и представляет собой практически единый по стилю и плохо делимый комплекс бедно орнаментированной (ямки, наколы, тычки) с рябчатыми отпечатками керамики финала эпохи бронзы, переходного этапа и начала раннего железного века. Она встречается в обоих слоях поселения. Подобная орнаментированная ямками сетчатая керамика имеет широкую географию распространения. В сравнении с сетчатой керамикой эпохи поздней бронзы середины – третьей четверти II тыс. до н. э. на посуде этой группы просматривается ряд изменений, в первую очередь связанных с традициями в орнаментации. На второй план уходят мотивы, выполненные оттисками гребенчатого штампа, чаще наносятся ямки с «рваными» краями, при орнаментации применяются неглубокие округлые вдавления и тычки. Традиции ранней сетчатой керамики сохраняются и фиксируются на части горшков этого периода: исключаются элементы орнамента, выполненные гребенчатыми оттисками, на небольшой части горшков сохраняется плоский и округлый край. При обработке поверхности горшков по-прежнему доминируют мелкаячестые рябчатые, хаотично расположенные отпечатки.

Облик сетчатой керамики меняется в VI в. до н. э., и связывается данное обстоятельство с распространением на поселении керамической традиции носителей культуры гребенчато-шнуровой керамики ананьинской культурно-исторической области. Впрочем, такая скудно орнаментированная сетчатая керамика на всем протяжении развития гребенчато-шнуровой, шнуровой и гибридной посуды, вполне вероятно, могла оставаться в обиходе жителей поселения Вёкса I вплоть до III–II вв. до н. э. (Новиков, Недомолкина, 2021, с. 359, 362).

Таким образом, верхние и нижние границы распространения сетчатой керамики, орнаментированной ямками и наколами, на посе-

лении Вёкса I в частности, пока размыты и требуют уточнений

Ранее поселение раннего железного века многослойного памятника Вёкса I датировано В.С. Патрушевым, И.Ф. Никитинским и Н.Г. Недомолкиной VIII–VI вв. до н. э. (Патрушев, 1989; Никитинский, 1995; Недомолкина, 2000 б).

Наиболее подробно остановимся на описании гребенчато-шнуровой, шнуровой керамики ананьинского типа и гибридной посуды.

При выделении гребенчато-шнуровой и шнуровой ананьинской керамики из общей массы керамики раннего железного века поселения Вёкса I, в большинстве своём сетчатой, возникают проблемы типологического определения и дальнейшей интерпретации фрагментарной части комплексов. Зачастую недоступной для культурной идентификации остаются средняя и нижняя части сосудов, содержащие зоны с сетчатой структурой, заглаженные, штрихованные, которые могут относиться к разным типам керамики. По фрагментам верхних частей в материалах раскопа выделяется 13 сосудов гребенчато-шнуровой керамики ананьинского типа (рис. 4). Преобладают горшки слабопрофилированных форм с прямой или слегка вогнутой шейкой, пологими приспущенными плечиками, встречаются плавно профилированные с вогнутой, средней по величине шейкой и выпуклыми округлыми плечиками. Выделяется один фрагмент от профилированной посуды с короткой вогнутой шейкой и округлыми выпуклыми плечиками в виде сглаженного ребра.

Край горшков плоский, с небольшими наплывами наружу (Г-образный), скошен наружу в виде бортика или скруглен, часто утолщен, с валиковым напльвом наружу. Внутренняя и внешняя поверхности заглажены, редко на внешней поверхности нанесены сетчатые отпечатки.

Толщина стенок сосудов в среднем составляет 0,5 см. Цвет керамики неравномерный, от светло-коричневого, коричневого до серого, темно-серого, в изломе коричнево-серых оттенков. Примеси в формовочной массе керамики ананьинского типа минеральные – песок, дресва. Аналогичные характерны и для сходной керамики, распространённой в Костромском Поволжье (Новиков, 2018).

Рис. 4. Поселение Вёкса I. Керамика гребенчато-шнуровая, шнуровая керамики ананьинского типа и гибридная.
Fig. 4. Settlement of Vyoksa I. Comb-corded ceramics, corded ceramics of the Ananyino type and hybrid one.

Орнамент зонально-горизонтальный, мотивы составлены из чередующихся элементов, выполненных оттисками шнура, вдавлениями и отпечатками гребенчатого штампа. Орнаментальная композиция расположена по шейке, спускается и на плечики горшков. Орнамент нанесен только до максимального расширения по тулову. Выделяется керамика с двумя, тремя или более горизонтальными рядами веревки, поставленными вплотную друг к другу, при этом они отделены свободным неорнаментированным пространством или другими элементами орнамента.

Основу орнаментальной композиции составляют спаренные ряды из правонаклонных тонких (редко толстых) шнуровых оттисков. Левонаклонные шнуровые оттиски

единичны. Редко фиксируется двойная волна из шнуровых оттисков. Наряду с округлыми глубокими вдавлениями встречаются ямки меньшего диаметра и неглубокие вдавления, больше похожие на тычки, наблюдаются и каплевидные вдавления. Ямочный орнамент, как правило, нанесен по максимальному изгибу шейки, редко присутствует второй ряд ямок на плечике горшка. Ямки чередуются с линиями из шнуровых оттисков или нанесены поверх рядов из оттисков шнура. Есть неглубокие мелкие вдавления с неровными краями. Орнаменты из оттисков гребенчатого штампа не распространены широко и представлены короткими вертикальными отрезками и однорядным зигзагом, мотив из однорядного зигзага, как правило, замыкает орнаментальную

Рис. 5. Поселение Вёкса I. Керамика ананьинского облика с воротничком
(по Новиков А.В., Недомолкина Н.Г., 2021 г.)

Fig. 5. Settlement of Vyoksa I. Ceramics of the Ananyino appearance with a collar
(according to Novikov A.V., Nedomolkina N.G., 2021)

композицию и нанесен по плечикам (Новиков, Недомолкина, 2021, с. 363).

Керамика культуры гребенчато-шнуровой керамики ананьинской культурно-исторической области находится в одних слоях с сетчатой, заглаженной и подштрихованной посудой. В небольшом количестве начинает появляться керамика гибридных типов. Распространение керамики ананьинского типа на поселениях с сетчатой керамикой сопредельных территорий, в частности в Костромском Поволжье, происходит с VI в. до н. э., а с V в. до н. э. здесь начинают широко распространяться гибридные формы сосудов с ананьинскими

(культура гребенчато-шнуровой керамики) и сетчатыми признаками (Новиков, 2017, 2018).

Продвижение носителей культуры гребенчато-шнуровой керамики ананьинской культурно-исторической области в западном и северо-западном направлениях в районы распространения поселений с сетчатой керамикой приводит к формированию начиная с VI в. до н. э. нового культурного пространства с керамикой гибридного типа.

Керамика ананьинского облика с воротничком. Особый интерес представляет посуда с воротничком по краю (рис. 5), которая найдена как в слое 1, так и в слое 2 поселения

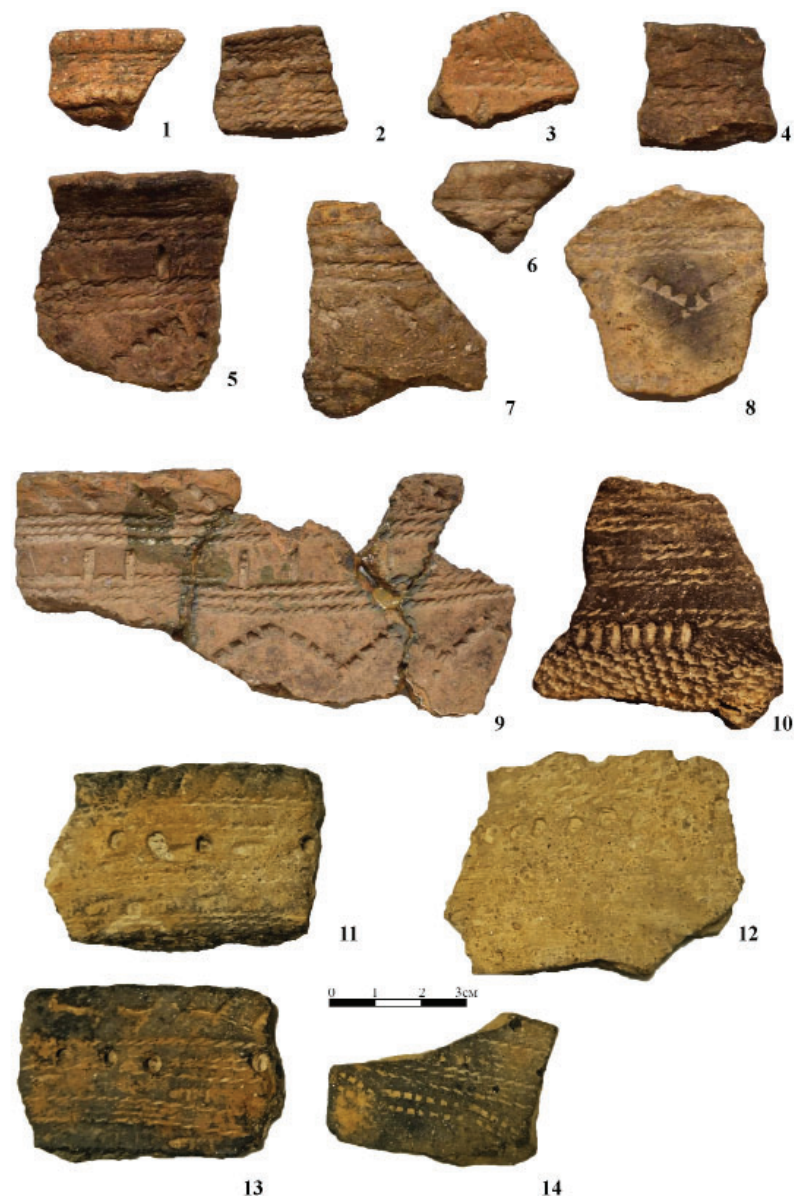

Рис. 6. Керамика гребенчато-шнуровая, шнуровая керамики ананьинского типа со стоянок Верхней Сухоны. 1–9 – поселение Глухая I; 10–14 – Лиминская 16 км левый берег.

Fig. 6. Comb-corded ceramics, corded ceramics of the Ananyino type from the Upper Sukhona basin sites. 1–9 – settlement of Glukhaya I; 10–14 – Liminskaya 16 km left shore.

Вёкса I. Выделяется 18 сосудов этой группы. Сосуды плавно профилированные с вогнутой шейкой и округлыми выпуклыми, реже приспущенными, слабо выделенными плечиками, и слабопрофилированные со слабовогнутой шейкой и низкими пологими плечиками.

Воротничок у такой керамики, как правило, высокий с округлым или округло-приостренным краем. Примеси в формовочной массе минеральные – песок, дресва. Толщина стенок сосудов в среднем составляет 0,5–0,6 см. Цвет керамики неравномерный, от светло-

коричневого, коричневого до серого, темно-серого, в изломе коричнево-серых оттенков. Орнамент достаточно прост, мотивы, как правило, выполнены вдавлениями, реже оттисками гребенчатого штампа, шнуровых оттисков не встречено.

Орнаментированная зона располагается на самом воротничке или под ним (по шейке), в редких случаях орнаментировано плечико. Имеются и неорнаментированные горшки. На многих сосудах под воротом нанесены неглубокие мелкие вдавления (встречаются спаренные), выстраивающиеся в горизонтальные

ряды. Распространены вдавления с рваными краями. Встречаются воротнички, орнаментированные косо поставленными оттисками гребенчатого штампа, иногда дополненные и горизонтальными линиями, выполненными оттисками такого же штампа.

Преобладает посуда с заглаженной поверхностью, с внутренней стороны такая керамика также заглажена. На части сосудов по тулову нанесены мелкаячеистые, хаотично расположенные, рябчатые, сильно затертые отпечатки. На одном сосуде сетчатые отпечатки наложены на воротничок, тулово при этом заглажено, под воротом располагаются глубокие вдавления неправильных форм.

Из морфологических особенностей посуды стоит выделить широкое распространение слабопрофилированных форм горшков, в отличие от воротничковой керамики, фиксируемой на восточных территориях, в частности, в бассейне р. Вятки. В коллекции присутствует керамика с четкими высокими воротничками, но встречаются и намечающиеся воротнички, больше похожие на валики. На воротничковой посуде появляются участки поверхности, обработанные сетчатыми отпечатками.

На примере поселения Вёкса I мы наблюдаем процесс гибридизации именно воротничковой посуды, что не прослеживается на поселениях Костромского Поволжья и бассейна Верхней Волги в целом. Вероятно, что на Верхней Сухоне разворачиваются несколько иные культурные сценарии. По-видимому, процесс расселения групп населения ананьинской культуры гребенчато-шнуровой керамики на эти территории происходил неоднократно. При повторном освоении появляется воротничковая керамика, характерная для памятников позднего периода ананьинской культурно-исторической области бассейна р. Вятки, датируется поздний период АКИО концом V (рубеж V–IV) – III–II вв. до н. э. (Чижевский, 2017, с. 230). Аналогии такой посуде, по мнению А.В. Новикова, находятся на Кривоборском, Пижемском, Скорняковском и Аргыжском городищах, в то же время отмечаются местные особенности, отличающие воротничковую керамику поселения Вёкса I от традиционной ананьинской керамики позднего периода АКИО вятских городищ (Новиков, Недомолкина, 2021, с. 365): это поверхность, обработанная рябчатыми

Рис. 7. Поселение Вёкса I. Фрагмент застежки – сьюльгамы. Бронза.
Fig. 7. Settlement of Vyoksa I. Fragment of a clasp-sulgama. Bronze.

мелкаячеистыми, хаотично расположенными отпечатками, минеральные примеси в формовочной массе, более частое употребление при орнаментации ямочных вдавлений с неровными краями (чаще неглубоких), расположенных под воротничком.

Таким образом, можно говорить о гибридной керамике с ананьинскими (культуры гребенчато-шнуровой керамики) и сетчатыми признаками типа Вёкса I, распространенной на Верхней Сухоне в V – III–II вв. до н. э. Совместное нахождение может свидетельствовать о распространении традиции декорирования поверхности горшков подобными отпечатками вплоть до III–II в. до н. э. Для гибридной керамики также характерен подобный отпечаток. Близкая керамика известна на поселении Лиминское XIX–XX. Такая керамика найдена и на стоянке Яглоба I в окрестностях оз. Белое, соотнесена Козыревой Р.В. с керамикой позднекаропольского типа и в целом правильно датирована в рамках I тыс. до н. э. (Козырева, 1969). Отметим, что гибридная керамика типа Вёкса I несколько отличается от гибридной керамики, распространенной в восточной части Верхневолжского бассейна (Новиков, 2018, 2019). Соот-

ношение гибридной керамики из поселения Вёкса I с подобной посудой из поселений основной области распространения позднекаргопольской культуры и памятников бассейна Верхней Волги еще предстоит определить. Несмотря на наличие локальных территориальных отличий, которые подчеркивают своеобразие гибридных типов керамики, комплексы гибридной керамики памятников Верхней Сухоны имеют общие черты, характерные для позднекаргопольских древностей.

Для памятника Вёкса I имеются две даты (почва) 2480 ± 100 (интервалы калиброванного возраста 770–410) и 2440 ± 100 (760–400), которые хорошо увязываются с распространением на поселении следующих типов керамики: сетчатой, бедно орнаментированной ямками и наколами; гребенчато-шнуровой ананьинского типа и гибридной с ананьинскими и сетчатыми признаками; заглаженной, орнаментированной ямками и реже оттисками гребенчатого штампа; штрихованной. С каким типом керамики точно – сказать сложно.

Керамические комплексы поселения Вёкса I дополняют находки железных наконечников стрел с черешком и листовидным пером, а также черешкового трехлопастного наконечника, ножей, фрагментов литейных форм для отливки копий и украшений, форм для отливки акозинско-меларского кельта. Бронзовые вещи представлены бляхами с концентрическими кругами, шумящим трехлопастным наконечником с выступающей втулкой, двойными бляшками с ушком, орнитоморфными изображениями, каменными орудиями. Интерес представляет обломок сьюльгамы (рис. 7). Плоская пластина орнаментирована тремя слегка изогнутыми полосами, две из которых гладкие, имеют по три насечки, крайняя выполнена ложновитым орнаментом, имита-

цией шнура или веревки. С внешней стороны одиночный фрагмент в виде волюты, он имеет заклепки с внутренней стороны пластины. Нижний край пластины оформлен орнитоморфной фигурой, очевидно хищной птицы. Детально проработаны голова и клюв птицы, крылья оформлены сканью, хвост разделен на четыре изогнутые полоски. С обратной стороны пластины есть небольшое дугообразное ушко для крепления. Интерпретируется подобная застежка как «солнечная упряжь», где птица ведет по небу солнце. Единственная аналогия предмету известна в материалах, которые хранятся в Шиловском музее Рязанской области, и датируется III–IV веком нашей эры (Гаврилов, 2016, с. 55).

Керамика культуры гребенчато-шнуровой керамики ананьинской культурно-исторической области найдена на ряде стоянок Верхней Сухоны, на ее притоках: р. Леже – Глухая I (рис. 6: 1–9), р. Вологде – Лиминская 16 км л. б. (рис. 6: 10–14), Лиминская XIX–XX и других.

Таким образом, появление поселений носителей гребенчато-шнуровой керамики ананьинской культурно-исторической области на Верхней Сухоне относится к VI веку до н. э. Продвижение населения связано с юго-восточным направлением с территории Костромского Поволжья. Процесс расселения групп населения ананьинской культуры гребенчато-шнуровой керамики происходил неоднократно. Более позднее направление связано с бассейном р. Вятки. С V века до н. э. в бассейне Верхней Сухоны формируется население, в материальной культуре которого появляется гибридная воротничковая керамика. Эти комплексы возможно рассматривать в рамках позднекаргопольской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

- Башенькин А.Н.* Вологодская область в древности и средневековье // Вологда: краеведческий альманах. Вып 2 / Гл. ред. М.А. Безнин. Вологда: Легия, 1997. С. 5–35.
- Гаврилов А.П.* Ранний погребальный комплекс культуры рязано-окских могильников из материалов нового Городищенского могильника Рязанской области // Поволжские финны и их соседи в древности и средневековье. Материалы IV Всероссийской научной конференции / Отв. ред. В.В. Гришаков. Саранск: Мордов. Гос. Пед. Ин-т., 2016. С. 49–61.
- Козырева Р.В.* Исследования неолитических стоянок в районе озера Белого в 1965 г. // КСИА. Вып. 117 / Отв. ред. Т.С. Пассек. М.: Наука, 1969. С. 69–75.
- Косменко М.Г.* Проблемы датирования и хронология памятников Карелии // РА. 2003. № 4. С. 25–35.
- Кулькова М.А., Юшкова М.А.* Анализ состава и технологии изготовления керамики эпохи бронзы – раннего железного века из юго-восточного Приладожья, Поволховья и Приильменя // Хронология,

периодизация и кросс-культурные связи в каменном веке. Замятнинский сборник. Вып. 1 / Отв. ред. Г. А. Хлопачев. СПб.: Наука, 2008. С. 201–219.

Манюхин И.С. Происхождение саамов (опыт комплексного изучения). Петрозаводск. Карельский научный центр РАН. 2002. 240 с.

Манюхин И.С. Этногенез саамов (опыт комплексного исследования). Автореф. дисс... докт. ист. наук. Ижевск. 2005. 38с.

Недомолкина Н.Г. Многослойное поселение Векса // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. I / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ, 2000а. С. 277–283.

Недомолкина Н.Г. Векса – предшественница Вологды // Вологда: краеведческий альманах. Вып. 3 / Гл. ред. М.А. Безнин. Вологда: Легия, 2000б. С. 47–77.

Недомолкина Н.Г. Поселение Вёкса III (Устье-Вологодское III) // CRITERION «Традиции в контексте русской культуры» / Ред.-сост. А.В. Чернов. Череповец: ЧГУ, 2000в. С. 3–5.

Никитинский И.Ф. Поселение раннего железного века Векса I на реке Вологде // Послужить Северу...: историко-художественный и краеведческий сборник / Отв. ред. А. В. Быков. Вологда: Ардвисура, 1995. С. 27–42.

Новиков А.В. Поселения РЖВ Костромского Поволжья: (к вопросу об ареале ананьинской культурно-исторической области) // Археология Евразийских степей. 2017. № 4. С. 49–69.

Новиков А.В. Поселения с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой раннего железного века Костромского Поволжья / Археология Евразийских степей. 2018. № 2. 282 с.

Новиков А.В., Недомолкина Н.Г. Керамика позднего периода эпохи бронзы – раннего железного века поселения Векса I (по материалам исследований 2007-2008 гг.) // Тверской археологический сборник. Т. 12 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2021. С. 353–374.

Ошибкина С.В. Краткая характеристика позднекарагопольской культуры // КСИА. Вып. 142 / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1975. С. 18–24.

Патрушев В.С. Поселение Векса-I в Вологодской области // Археологические открытия Урала и Поволжья / Отв. ред. Э.А. Савельева Сыктывкар: Коми науч. центр УрО АН СССР, 1989. С. 30–31.

Патрушев В.С. Археологические памятники с «текстильной» керамикой: итоги и перспективы исследований // Поволжская археология. 2016. № 3 (17). С. 194–224.

Фосс М.Е. Древнейшая история севера европейской части СССР / МИА. № 29. М.: АН СССР, 1952. 278 с.

Чижевский. А.А. Памятники позднего периода ананьинской культурно-исторической области // Археология Евразийских степей. 2017. № 4. С. 196–256.

Информация об авторе:

Недомолкина Надежда Геннадьевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела фондов, Вологодский государственный музей-заповедник (г. Вологда, Россия); Nedomolkinyn_ljv@mail.ru

REFERENCES

Bashen'kin, A. N. 2000b. In Beznin, M. A. (ed.-in-chief). *Vologda: kraevedcheskiy al'manakh (Vologda: local history almanac)* 2. Vologda: "Legiia" Publ., 5–35 (in Russian).

Gavrilov, A. P. 2016. In Grishakov, V. V. (ed.). *Povolzhskie finny i ikh sosedi v drevnosti i srednevekov'e (The Volga Finns and their neighbours in antiquity and Middle Ages)*. Saransk: Mordovian State Pedagogical Institute, 49–61 (in Russian).

Kozyreva, R. V. 1969. In Passek, T. S. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 117. Moscow: "Nauka" Publ., 69–75 (in Russian).

Kosmenko, M. G. 2003. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (4), 25–35 (in Russian).

Kulkova, M. A., Yushkova, M. A. 2008. In Khlopachev, G. A. (ed.). *Khronologiia, periodizaciia i kross-kul'turnye svyazi v kamennom veke. (Chronology, Periodization and Cross-Cultural Relations in the Stone Age)*. Series: Zamyatninskiy sbornik (Zamyatninsky Volume of Papers) 1. Saint Petersburg: "Nauka" Publ., 201–219 (in Russian).

Manyukhin, I. S. 2002. *Proiskhozhdenie saamov (opyt kompleksnogo izucheniya) (Genesis of the Sami (the experience of a comprehensive study))*. Petrozavodsk: Karelian Reseach Centre, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Manyukhin, I. S. 2005. *Etnogenez saamov (opyt kompleksnogo issledovaniya) (Ethnic genesis of the Sami (the experience of a comprehensive study))*. Thesis of Diss. of Doctor of Historical Sciences. Izhevsk (in Russian).

Nedomolkina, N. G. 2000. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Volume of Papers)* 4 (I). Tver: Tver State United Museum, 277–283 (in Russian).

Nedomolkina, N. G. 2000б. In Beznin, M. A. (ed.-in-chief). *Vologda: kraevedcheskiy al'manakh (Vologda: local history almanac)* 3. Vologda: "Legiia" Publ., 47–77 (in Russian).

Nedomolkina, N. G. 2000в. In Chernov, A. V. (ed.). *CRITERION «Traditsii v kontekste russkoy kul'tury» (CRITERION "Traditions in the context of Russian culture")*. Cherepovets: Cherepovets State University, 3–5 (in Russian).

Nikitinsky, I. F. 1995. In Bykov, A. V. (ed.). *Posluzhit' Severu...: istoriko-khudozhestvennyy i kraevedcheskiy sbornik (To serve the North...: historical, art and local history collection)*. Vologda: "Ardivisura" Publ., 27–42 (in Russian).

Novikov, A. V. 2017. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 49–69 (in Russian).

Novikov, A. V. 2018. *Settlements with comb-cord and cord ceramics of the early Iron Age of the Kostroma Volga region. Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2 (in Russian).

Novikov, A. V., Nedomolkina, N. G. 2021. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Volume of Papers)* 12. Tver: "Triada" Publ., 353–374 (in Russian).

Oshibkina, S. V. 1975. In Kruglikova, I. T. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 237. Moscow: "Nauka" Publ., 18–24 (in Russian).

Patrushev, V. S. 1989. In Savel'eva, E. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia Urala i Povolzh'ia (Archaeological Discoveries in the Urals and Volga Region)*. Syktyvkar: Komi Scientific Center, Ural Branch of the USSR Academy of Sciences, 30–31 (in Russian).

Patrushev, V. S. 2016. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 17 (3), 194–224 (in Russian).

Foss, M. E. 1952. *Drevneyshaya istoriya severa evropeyskoy chasti SSSR (Ancient History of the Northern Area of the European Part of the USSR)* 29. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 99. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Chizhevsky, A. A. 2017. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 196–256 (in Russian).

About the Author:

Nedomolkina Nadezhda G. Candidate of Historical Sciences, Vologda State Museum-Reserve. Sergey Orlov str., 15, building 3, Vologda, 160000, Russian Federatoin; Nedomolkiny_ljv@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2023 г.
Статья принята к публикации 01.04.2023 г.

УДК 902.2, 911.5

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.2.182.195>

АНАНЬИНСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ НА КРЕМЛЕВСКОМ МЫСУ Г. КАЗАНИ

© 2023 г. А.А. Чижевский, А.Г. Ситдилов,
А.А. Хисьяметдинова, Г.М. Сайфутдинова

Первые находки раннего железного века на территории Казанского Кремля были сделаны в конце XIX – начале XX вв. Анализ коллекций раскопок конца XX в. позволил определить, что керамика и индивидуальные находки этого времени фиксируются в северо-западной оконечности кремлевского мыса на участке площадью 14487 кв. м. Реконструкция топографической ситуации раннего железного века позволила установить причину заселения этой местности. Северо-западная часть кремлевского мыса в раннем железном веке была разделена ложиной, причем ее восточная сторона имела возвышенную и неровную поверхность, что и предопределило выбор западной оконечности в качестве места размещения поселения АКИО. Керамический комплекс раннего железного века, полученный в результате исследований Казанского Кремля, относится в основном к постмакляшевской культуре, имеется в его составе и текстильная керамика аkozинско-ахмыловской культуры. Анализ керамического комплекса и индивидуальных находок позволил сделать вывод о существовании на месте северо-западной оконечности Казанского Кремля в течение длительного времени IX–IV вв. до н.э. постоянного поселения постмакляшевской культуры АКИО.

Ключевые слова: археология, ранний железный век, ананьинская культурно-историческая область, Казанский Кремль, поселение, постмакляшевская культура, аkozинско-ахмыловская культура, топографическая ситуация.

ANANYINO SETTLEMENT ON THE KREMLIN HEADLAND IN THE CITY OF KAZAN

A.A. Chizhevsky, A.G. Sitdikov, A.A. Khisyametdinova, G.M. Sayfutdinova

The first finds of the Early Iron Age on the territory of the Kazan Kremlin were found in the late 19th and early 20th centuries. Analysis of excavation collections of the end of the 20th century allowed to determine that pottery and individual finds of that time are fixed on the north-western end of the Kremlin headland on the square of 14487 m². Reconstruction of the Early Iron Age topographic situation has revealed the reason for the settling on this area. The north-western part of the Kremlin headland in the Early Iron Age was divided by a hollow and its eastern side had an elevated and uneven surface that predetermined the choice of the western end as the location of the Ananyino cultural-historical area settlement. The Early Iron Age pottery assemblage, received during archaeological works at the Kazan Kremlin, refers mainly to the post-Maklasheyevka culture, there is also textile ceramics of the Akozino-Akhmylovo culture in this complex. The analysis of the ceramic assemblage and individual finds made it possible to make a conclusion that a permanent settlement of the post-Maklasheyevka culture АСНА existed on the site of the north-western end of the Kazan Kremlin for a long time in the IX–IV centuries BC.

Keywords: archaeology, Early Iron Age, Ananyino cultural-historical area, Kazan Kremlin, settlement, post-Maklasheyevka culture, Akozino-Akhmylovo culture, topographic situation.

Территория г. Казани хорошо изучена археологически, здесь известны памятники всех эпох от камня до Нового времени. Многочисленны на данной территории и объекты, относящиеся к раннему железному веку (рис. 1). Так, в приустьевой части р. Казанки в настоящее время известно 10 памятников ананьинского времени, семь из них относятся к неукрепленным поселени-

ям: Аэродромное II селище, Борисоглебская стоянка и Борисоглебское I селище, селища Казанка I и Казанка II, Казанская стоянка, Савиновская стоянка I. Два памятника относятся к укрепленным поселениям: это городища Казанка I и II и, наконец, собственно поселение на месте Казанского Кремля (Галимова и др., 2007, №2, 15, 17, 32–34, 42, 84).

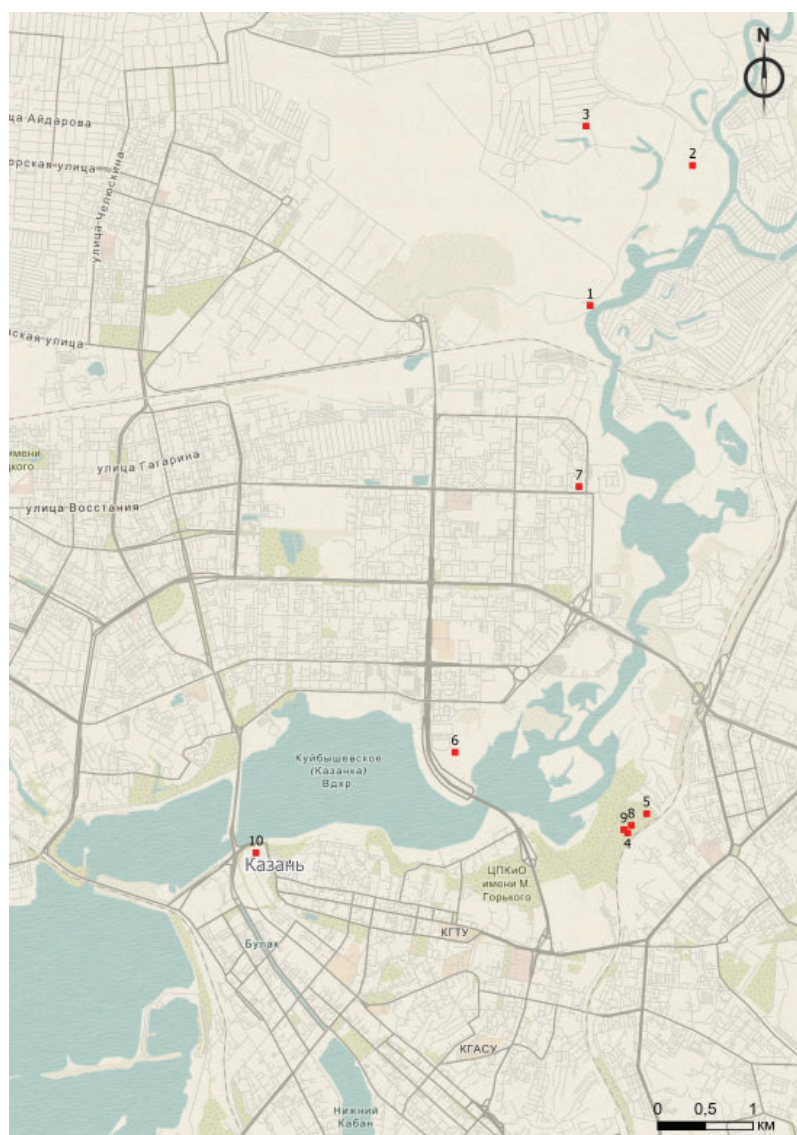

Рис. 1. Памятники ананынской культурно-исторической области в приустьевой части р. Казанка. Неукрепленные поселения: 1 – Аэродромное II селище; 2 – Борисоглебская стоянка; 3 – Борисоглебское I селище; 4 – Казанка селище; 5 – Казанка II селище; 6 – Казанская стоянка; 7 – Савиновская стоянка. Укрепленные поселения: 8 – Казанка I городище; 9 – Казанка II городище; 10 – поселение на кремлевском мысу.

Fig. 1. Monuments of the Ananyino cultural-historical area in the estuary part of the Kazanka river. Unfortified settlements: 1 – Aerodromnoye II settlement; 2 – Borisoglebskoye site; 3 – Borisoglebskoye I settlement; 4 – Kazanka settlement; 5 – Kazanka II settlement; 6 – Kazanka site; 7 – Savinovo site. Fortified settlements: 8 – Kazanka I hillfort; 9 – Kazanka II hillfort; 10 – settlement on the Kremlin headland.

В то время как часть памятников приустьевой части Казанки довольно подробно исследовалась (Борисоглебская стоянка, городища Казанка I и II, Казанская стоянка), а материалы этих исследований опубликованы, другие памятники изучались только разведочно и известны в основном по сборам с разрушаемых участков этих поселений (Чижевский, Галимова, 2010; Чижевский, Галимова, Губайдуллина 2019; Чижевский, Хисяметдинова, 2020, с. 113–120, 166–169).

Поселение на месте Казанского Кремля стоит особняком и от тех и других. Обусловлено это тем, что раскапывалось оно большими площадями, но до последнего времени не было учтено в археологических картах или публикациях, за исключением нескольких иллюстраций в монографии В.Н. Маркова и небольшой информации в монографии одного из авторов, посвященной Казанскому Кремлю (Марков, 2007, рис. 15: 1–3; Ситдинов, 2006, с. 6, 50, 106, рис. 83: 15; 140).

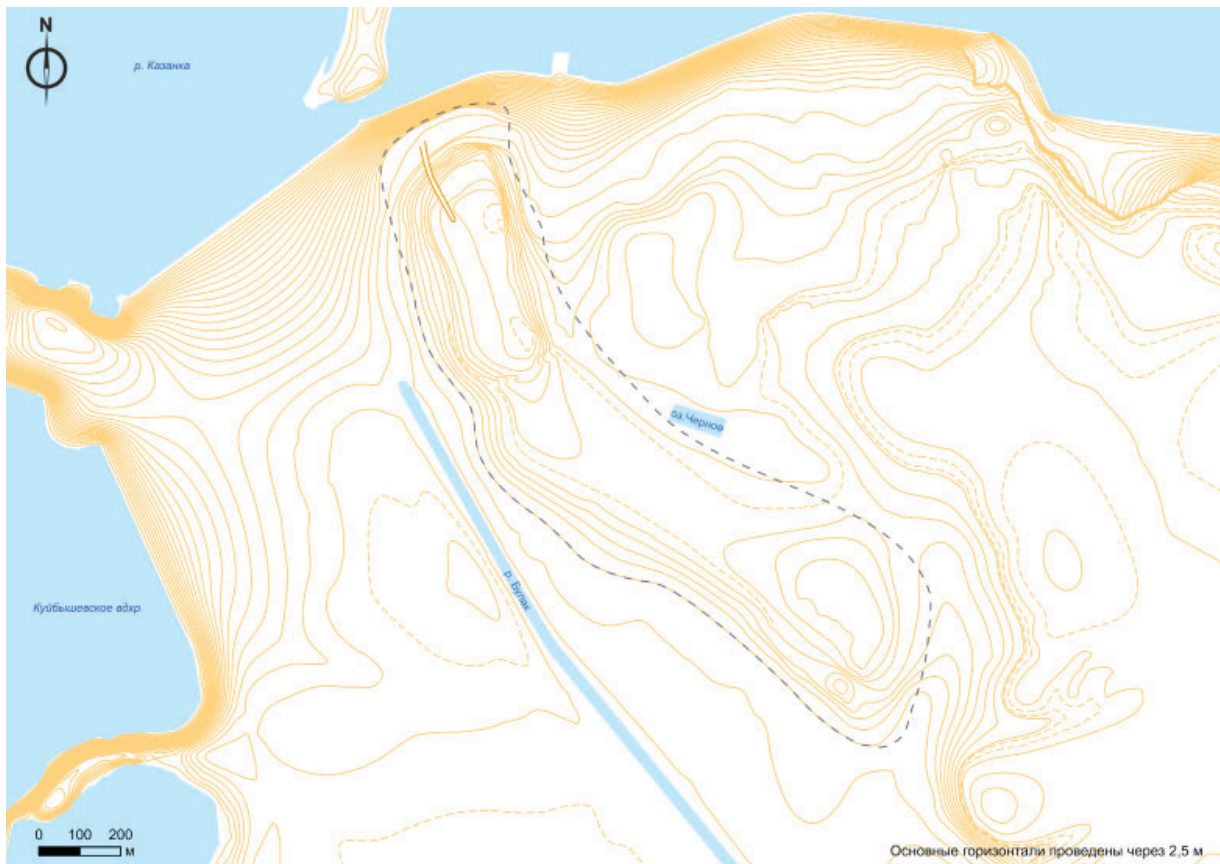

Рис. 2. Останец высокой среднелепистоценовой террасы, в мысовой части, которого размещен Казанский Кремль, современная топографическая ситуация. Пунктиром показана территория останца.

Fig. 2. Farewell rock of a high Pleistocene terrace, on the promontory part of which the Kazan Kremlin is located, the current topographic situation. The dotted line shows the area of the farewell rock.

Геоморфологическая характеристика (рис. 2–4). Склоны возвышенности, на которой располагается Казанский Кремль, крутые, местами обрывистые, а сама она имеет сложную форму в виде неправильного овала. Высота уступа террасы в обрывах р. Казанки относительно современного уровня Куйбышевского водохранилища составляет 30 м и 40 м относительно уровня Волги и уреза р. Казанки до их затопления водами водохранилища. По определению А.П. Деткова и Г.П. Бутакова, Казанский Кремль построен на мысообразном выступе высокой среднелепистоценовой террасы (Детков, Бутаков, 1990, с. 11).

Останец террасы имеет следующие ограничения. У подножья его северного склона протекает р. Казанка. Вдоль восточного склона террасы тянется понижение с некогда протекающей здесь Черноозерской протокой, заболоченными участками и озерами, образованными в карстовых провалах. В настоящее время все эти обводненные участки засыпа-

ны, кроме Черного озера. Западный склон останца, у подножья которого проложена улица Баумана, образован эрозией доголоценового палеорула Волги, протекающего в южном направлении. Старое русло Волги подверглось карстовым провалам с образованием системы озер под названием Кабан. Уровень воды в озерах оказался выше нового русла Волги, в связи с чем сток из оз. Кабан стал осуществляться по р. Булак, которая стала течь в северном направлении и впадать в р. Казанку. Южная оконечность террасы также ограничивается уступом, по подножью которого проходит ул. Пушкина. Таким образом, останец террасы по всему периметру обрамляется хорошо выраженными в рельефе уступами. Общая протяженность останца составляет около 1700 м, из них на территорию современного Кремля приходится около 500 м.

Кремлевский мыс и его ближайшее окружение в течение длительного времени является зоной экологического благополучия. Об

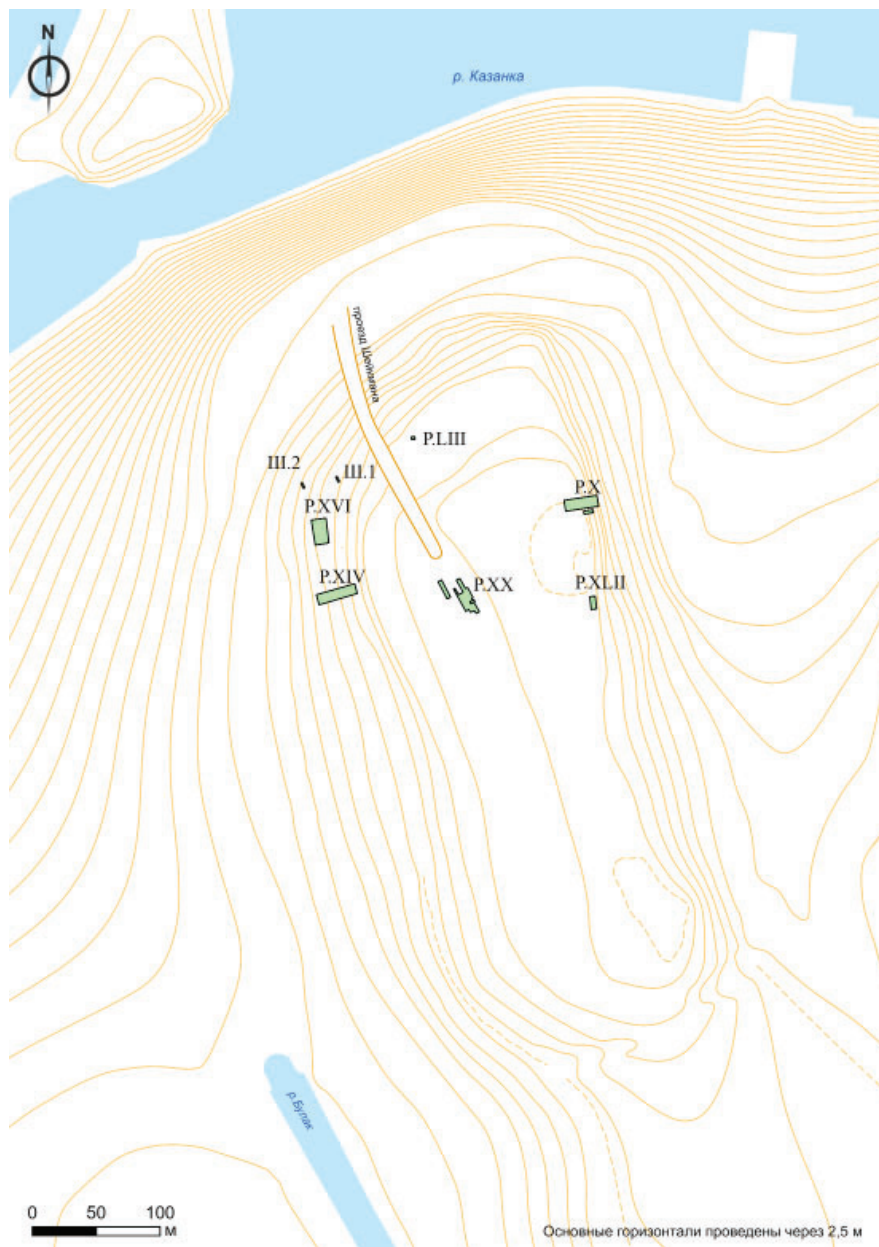

Рис. 3. Территория Казанского Кремля с раскопами, в которых зафиксированы находки АКИО, современная топографическая ситуация.

Fig. 3. The territory of the Kazan Kremlin with the excavations, where the Ananyino cultural-historical finds were fixed, the current topographic situation.

этом свидетельствуют зафиксированные на данной территории многочисленные находки и поселения от мезолита до современности.

Благоприятные экологические условия, приемлемые для обитания людей, обусловлены тем, что данная территория с геологических и геоморфологических позиций находится в геодинамически активной зоне. Особые геодинамические условия влияют на развитие экзогенных геологических процессов, что приводит к усилению карстово-суффозионных процессов, оврагообразования, оползней,

склоновой денудации, береговой эрозии, к смене гидрологического режима, образованию озер и заболоченных участков. Все эти процессы активно преобразуют ландшафт, влияют на биоразнообразие, обогащают биоресурсы, тем самым создаются благоприятные природные условия для жизни людей и заселения территории Казанского Кремля в древности.

Предметы материальной культуры. Первые находки на территории Казанского Кремля, связанные с АКИО, относятся к

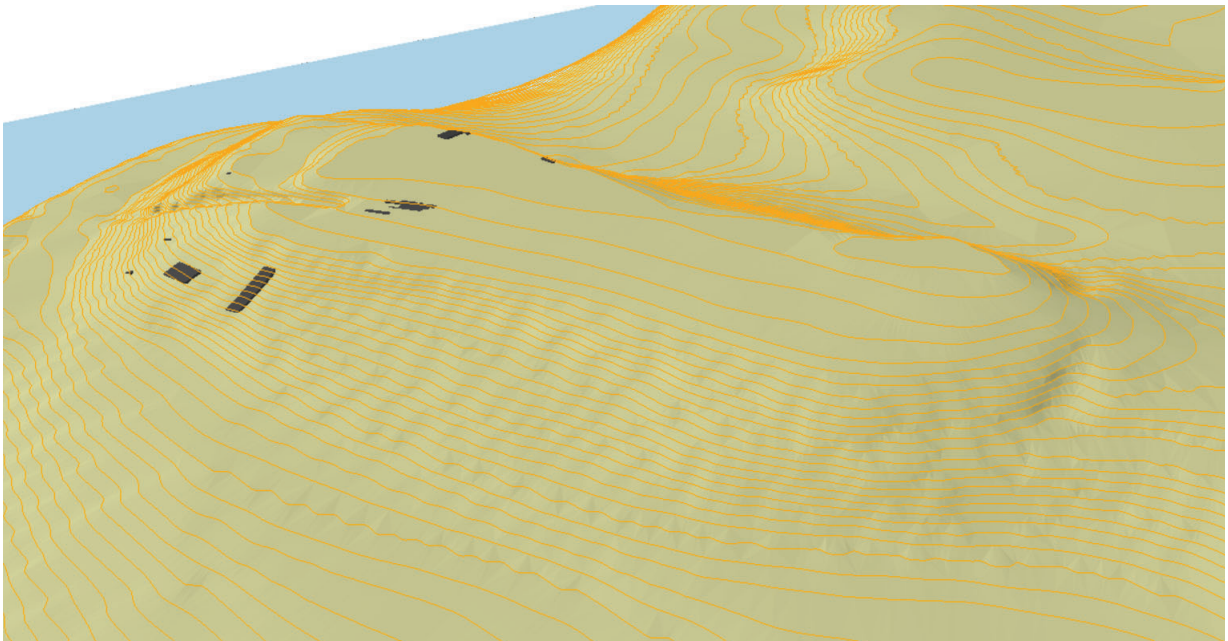

Рис. 4. 3-D модель территории Казанского Кремля, современная топографическая ситуация.

Fig. 4. 3D-model of the territory of the Kazan Kremlin, modern topographic situation.

изделиям из кости. Так, из коллекции А.Ф. Лихачева 1878 г. (ОА П-11) происходит рукоять орудия, подобная такого рода изделиям из ананьинских памятников (рис. 5: 3) (Ашихмина, Черных, Шаталов, 2006, рис. 64; 83; 84: 1, 2, 4; 87: 5). Вторая находка относится к 1928 г., когда в результате раскопок на территории Казанского Кремля Н.Ф. Калинин и А.С. Башкировым была найдена сверленная таранная кость КРС, аналогичная подобным образцам из памятников маклашеевской культуры и АКИО (рис. 5: 2).

Значительную коллекцию керамики АКИО собрал в 1980 г. в траншее на склоне Казанского Кремля В.Н. Марков (рис. 6).

Большая коллекция предметов ананьинского времени была получена в результате раскопок территории Казанского Кремля в 90-х гг. XX – начале XXI в. Среди этих предметов серия фрагментов керамики, костяные псалии и фрагмент гарпуна (рис. 5: 1), фрагмент каменного топора-молота (рис. 5: 4), каменная пешня (рис. 5: 7), а также кельт (рис. 5: 5) (Ситдилов, 2006, с. 50). Кроме того, из подъемного материала происходит железный наконечник копья (рис. 5: 6). Кельт и наконечник копья были интерпретированы как вещи из разрушенного погребения ананьинского времени. К сожалению, большая часть коллекции была утрачена, и в настоящее время доступны лишь отдельные предметы,

такие как гарпун, кельт, железный наконечник копья, пешня и фрагмент молота.

Рассмотрим теперь территорию распространения находок ананьинского времени. Вся керамическая коллекция, собранная на памятнике, относится к северо-западной части кремлевского мыса, здесь осуществлял свои сборы В.Н. Марков, непосредственно в раскопах керамика фиксировалась в раскопе I, а также в шурфах 1, 2. В раскопе XIV был выявлен костяной псалий, а в раскопе XX гарпун из рога. В раскопе XLII, размещенном на склоне, отмечена находка каменной пешни.

Находки в северо-восточной части представлены бронзовым линзовидным кельтом из раскопа X, обнаруженным на уровне погребенной почвы, и каменным молотом, выявленным в слое перекопа изо рва болгарского времени в раскопе LIII.

Таким образом, при анализе карты раскопов и мест сбора подъемного материала оказывается, что большая часть находок, и в частности вся керамика, сосредоточены в пределах северо-западной оконечности кремлевского мыса. В пределах участка, ограниченного Тезицким оврагом, ныне совершенно сnivelированным, и подъемом (ныне проезд Шейкмана), идущим от Тайницкой башни к верхней части Кремлевской террасы. Находка кельта из раскопа 20 относится к предполагаемому могильнику АКИО.

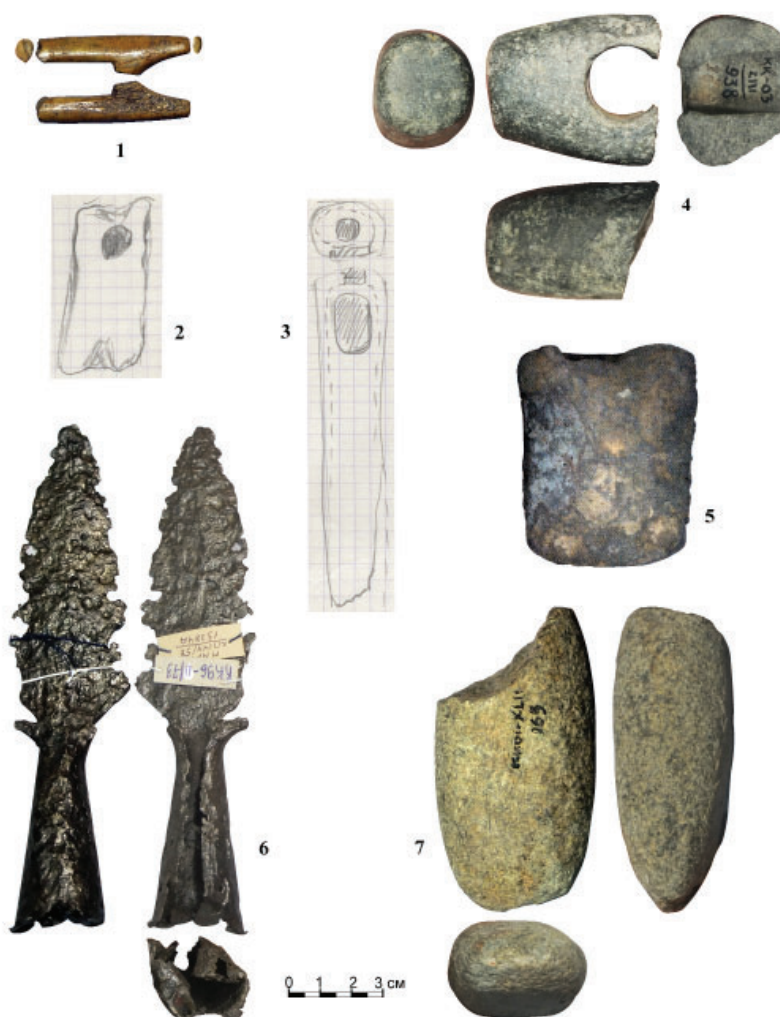

Рис. 5. Индивидуальные находки с территории Казанского Кремля.

1 – костяной гарпун, раскоп XX, участок Б.8, 1999 г., раскопки А.Г. Ситдикова; 2 – таранная кость крупного рогатого скота, раскопки 1928 г. Н.Ф. Калинина и А.С. Башкирова; 3 – костяная рукоять ножа, коллекция А.Ф. Лихачева 1878 г.; 4 – фрагмент каменного молота, р. LIII, 2003 г.; 5 – кельт бронзовый, р. X, 1997, 1998 гг., раскопки А.Г. Ситдикова и А.С. Старкова; 6 – железный наконечник копья, случайная находка; 7 – каменная пешня, р. XLII, 2001 г., раскопки А.Г. Ситдикова.

2, 3 – рисунки из архива В.Н. Маркова; 5 – по: Ситдиков, 2006, рис. 82: 15. **Fig. 5.** Infrequent finds from the territory of the Kazan Kremlin.

1 – bone harpoon, excavation XX, square Б.8, 1999, excavations by A.G. Sitdikov; 2 – *Talus* of cattle, excavations in 1928 by N.F. Kalinin and A.S. Bashkirov; 3 – bone handle of a knife, A.F. Likhachyov's collection 1878; 4 – fragment of a stone hammer, ex. LIII, 2003; 5 – bronze celt, ex. X, 1997, 1998, excavations by A.G. Sitdikov and A.S. Starkov; 6 – iron spearhead, occasional find; 7 – stone ice-pick, ex. XLII, 2001, excavations by A.G. Sitdikov.

2, 3 – drawings from V.N. Markov's archive; 5 – by Sitdikov, 2006, fig. 82: 15.

Исходя из представленной информации, большая часть предметов ананьинского времени располагается на участке площадью 14 487 кв. м. К сожалению, вся эта площадка изучена относительно слабо по сравнению с остальной частью Казанского Кремля. К тому же следует отметить, что на некоторых раскопах разрушение культурного слоя поздними пере-

копами достигает 50%, а сохранность самого нижнего – домонгольского – слоя составляет не более 10–15% (Ситдиков, 2006, с. 38). Соответственно, более ранний ананьинский слой сохранился еще хуже. Необходимо отметить, что часть находок ананьинского времени была выявлена в слое подзола под тонкой углистой прослойкой, отделяющей домон-

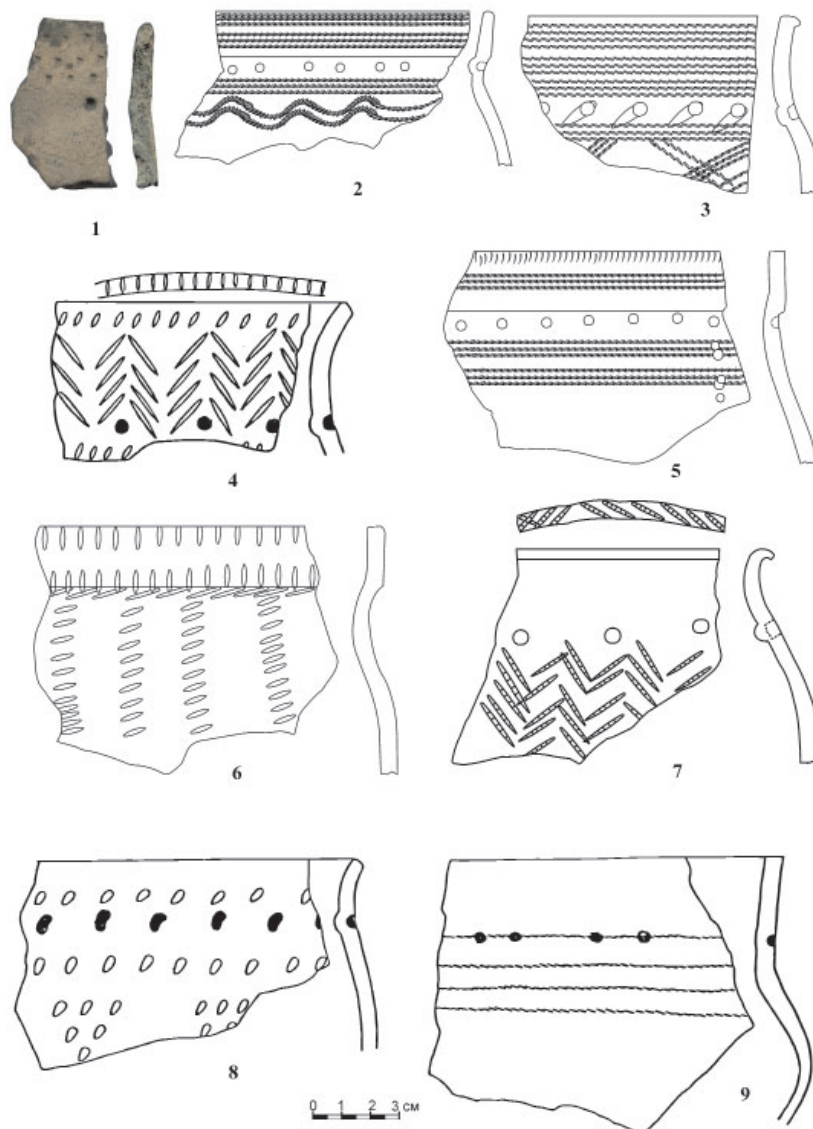

Рис. 6. Казанский Кремль, керамика ананьинской культурно-исторической области, сборы В.Н. Маркова.

4, 8, 9 – по: Марков, 2007, рис. 15: 1–3.

Fig. 6. Kazan Kremlin, the Ananyino cultural and historical area ceramics, V.N. Markov's collecting.

4, 8, 9 – by Markov, 2007, fig. 15: 1–3.

гольский слой от погребенной почвы, или в переотложенном виде в более поздних горизонтах (Ситдигов, 2006, с. 43). По всей вероятности, эта прослойка и является остатками культурного слоя ананьинского времени.

Таким образом, характеристику поселения ананьинского времени на месте Казанского Кремля в настоящее время можно дать лишь по известной нам коллекции предметов, в том числе и утраченных.

В своей работе мы опираемся на коллекцию керамики из сборов В.Н. Маркова 1980 г. Большая часть керамического комплекса (24 фр., 80%), имеющегося в нашем распо-

ряжении, относится к постмаклашевской культуре. Она представляет собой керамику, украшенную ямочными отпечатками, вдавлениями, гребенчатым штампом, которые располагаются на сосудах в различных сочетаниях (рис. 6: 1, 6–8).

Около 20% (6 фр.) керамического комплекса представлено шнуровой керамикой, сочетающей ямочный и шнуровой орнамент (рис. 6: 2–5, 9). На одном сосуде зафиксированы глазки (рис. 6: 3). Однозначно трактовать эту керамику как ананьинскую классическую нельзя, шнуровые композиции на ней выполнены небрежно, преобладают простые гори-

зонтальные линии, а относительно сложные композиции единичны.

Подобное сочетание глиняной посуды с простым ямочным и шнуровым орнаментом в одном керамическом комплексе в целом характерно для постмаклашеевской культуры. Возьмем такие городища, как Гремячий Ключ, Маклашеевское II, Сорочьегорское, – там картина такая же (Марков, 1984; 1985, рис. 3: 1, 8, 14; 1987; 2007; Чижевский, 2008, рис. 10: 1–7; Чижевский, Хисяметдинова, 2020). По всей вероятности, весь имеющийся в нашем распоряжении керамический комплекс поселения ананьинского времени на территории Казанского Кремля относится к постмаклашеевской культуре. Тем не менее имеется информация о находках в раскопе XVI керамики с сетчатыми отпечатками, поэтому отрицать наличие на памятнике аозинско-ахмыловской керамики нельзя. Тем более что остальные широко исследованные памятники приустьевой части р. Казанки демонстрируют сочетание постмаклашеевской и аозинско-ахмыловской керамики (Чижевский, Галимова, 2010, рис. 4, 5; Чижевский, Галимова, Губайдуллина 2019, рис. 11, 12; Чижевский, Хисяметдинова, 2020, рис. 166: 2, 4–10, 12).

Хронология. Определение хронологической позиции рассматриваемого поселения возможно с опорой на керамический комплекс и находку каменного топора-молота. Какую-то дополнительную информацию мог бы дать костяной псалей, однако, как уже говорилось, он пропал вместе с остальной коллекцией, а изображений его не сохранилось.

Наиболее ранним в коллекции является фрагмент керамики (рис. 6: 4), орнаментированный по шейке горизонтальными рядами ямок и вдавлений, а также оттисками гладкого штампа, образующего ряды вертикальной елочка. Керамика такого облика относится к посуде так называемого «переходного периода» от бронзового века к раннему железному, которая датируется IX в. до н. э. или же шире, в границах этапа I-1 раннего периода АКЮ (по: Марков, 2007, с. 43, рис. 43; Чижевский и др., 2019а, с. 97, рис. 3: 8).

Керамика с ямочным и гребенчатым орнаментом имеет аналогии на постмаклашеевских памятниках Приустьевого Прикамья. Наибольшее сходство керамики, орнаментированной ямками и вдавлениями (рис. 6: 1, 8) из поселения на месте Казанского Кремля,

наблюдается с глиняной посудой из материалов нижнего горизонта городища Сорочьи Горы и нижней части позднего стратиграфического горизонта (основного слоя, по В.Н. Маркову) городища Гремячий Ключ (Марков, 1984, рис. 3: 3, 5; 2007, с. 30, 32, рис. 1: 8; 2: 3, 4, 6; 4: 1–5). Датируется такая керамика в рамках этапа I-2 раннего периода АКЮ серединой VIII – первой четвертью/первой половиной VII в. до н. э. (Чижевский и др., 2019а, с. 237). Подтверждает эту датировку фрагмент каменного молота, выявленный на территории Казанского Кремля, подобные изделия также существовали в ареале АКЮ в пределах этапа I-2 раннего периода (Чижевский, 2022, с. 172).

Необходимо отметить, что в составе глиняной посуды из нижней части позднего стратиграфического горизонта городища Гремячий Ключ были зафиксированы и другие фрагменты, аналогичные керамике из коллекции Казанского Кремля (рис. 6: 7). Данная керамика орнаментирована многорядными вертикальными рядами «елочки», выполненной гребенчатым штампом, который размещен на плечиках сосудов. Наличие такой керамики в очередной раз подтверждает факт существования на кремлевском поселении материалов этапа I-2 раннего периода (Чижевский, Хисяметдинова, 2020, рис. 184: 14; 186: 15).

Фрагменты сосудов с воротничком (рис. 6: 2, 5, 6), присутствующие в материалах коллекции Казанского Кремля, известны в верхней части верхнего горизонта городища Гремячий Ключ, датированного в широких пределах второй половины VII – V вв. до н. э. (Марков, 2007, табл. 13, рис. 1: 3; Чижевский, Хисяметдинова, 2020, рис. 184: 23).

Большую помощь в хронологической атрибуции может оказать шнуровая керамика при сравнении ее с хорошо разработанной периодизацией керамических комплексов ананьинской классической культуры Среднего Прикамья.

Наиболее раннюю позицию занимает фрагмент керамики с глазковым орнаментом (рис. 6: 3). Он имеет аналогии среди глиняной посуды зуювключевской стадии развития керамики классической культуры АКЮ, датируемой VIII в. до н. э. (Ашихмина, 2014, с. 73, 74, рис. 40: 10–13; 41: 6, 8; 42: 1, 2, 7; Чижевский, Черных, Коренюк, 2021, рис. 8: 7, 8, 12–14, 17, 19, 20).

Воротничок в сочетании со сложношнуровой орнаментальной композицией позволяет отнести ряд фрагментов глиняной посуды (рис. 6: 2, 5) из кремлевской коллекции ко времени существования каменнолоужской стадии развития керамических комплексов ананьинской классической культуры АКЮ, которая датируется VI–V вв. до н. э. (Ашихмина, 2014, с. 73, 74; Чижевский, Черных, Коренюк, 2021, рис. 10).

Сосуд с небрежно выполненным, разреженным шнуровым орнаментом, размещенным в нижней части шейки и на плечиках (рис. 6: 9), имеет аналогии с сосудами ныргындинской стадии развития керамических комплексов ананьинской классической культуры АКЮ, датированным IV–III вв. до н. э. (Ашихмина, 2014, с. 73, 74; Чижевский, Черных, Коренюк, 2021, рис. 11).

Исходя из озвученного выше анализа, можно утверждать, что поселение постмаклашеевской культуры на месте Казанского Кремля возникло на этапе I-1 раннего периода АКЮ в IX – середине VIII вв. до н. э. и существовало вплоть до конца ананьинской эпохи – этапа III-1 позднего периода АКЮ, время существования которого определено концом V–IV/III вв. до н. э. (Кузьминых, Чижевский, 2014, с. 102, 107, 124; Чижевский, 2017, с. 230).

Интерес вызывает время существования предполагаемого могильника. К сожалению, состояние кельта таково (рис. 5: 5), что можно уверенно утверждать лишь одно – это линзовидный кельт, и датировать его в рамках всего времени существования подобных изделий IX–VI вв. до н. э. (Кузьминых, 1983; Кузьминых, Чижевский, 2014). Железный наконечник копья (рис. 5: 6) хронологического значения не имеет, однако, судя по материалам некрополей, погребения с железными наконечниками копий появляются лишь на этапе II-2, то есть с середины VIII в. до н. э. (Чижевский, 2012, с. 424; Кузьминых, Чижевский, 2014, с. 111–122). Таким образом, можно предположить, что могильник и поселение какое-то время существовали синхронно.

Судя по имеющимся данным, после ухода носителей постмаклашеевской культуры данная территория посещалась представителями азелинской культуры (Ситдииков, 2006, с. 18). Единичность находок, относящихся к первой половине I тыс. н. э., и отсутствие куль-

турного слоя позволяют рассматривать их как свидетельства кратковременного пребывания данных групп населения на месте Казанского Кремля.

Реконструкция топографической ситуации раннего железного века. Топографическая ситуация на территории Казанского Кремля в раннем железном веке существенно отличалась от современной, это связано с большими строительными работами, осуществлявшимися здесь в Новое и Новейшее время. Работы по выравниванию поверхности начались здесь еще в 18 в. Во второй половине 19 в. они достигли своей кульминации. По проекту известного петербургского архитектора К.А. Тона был снят грунт на глубину до 2,5 м и выровнена поверхность северо-восточной части кремлевского мыса, на которой в дальнейшем был построен дом генерал-губернатора. Нивелировка поверхности и масштабные строительные работы на территории Казанского Кремля осуществлялись и в XX столетии (Ситдииков, 2010).

Учитывая все эти нюансы, попытаемся сделать реконструкцию ландшафта Казанского Кремля в I тыс. до н. э. (рис. 7; 8). Первое, на что обращает внимание современный наблюдатель, это отсутствие здесь в настоящее время овражной системы, хотя овраги известны по историческим описаниям и археологическим раскопкам. Самый глубокий из них, Тезицкий, достигал подошвы террасы (глубина около 30 м), в дальнейшем он использовался болгарями в качестве рва. Так же как ров, в период Казанского ханства использовался и менее глубокий овраг Старый. Вторая по важности пара оврагов (овраг Спасский) располагалась в районе площади Первого Мая. По дну западного оврага проложен взвоз на ул. Кремлевскую. Восточный овраг меридионального заложения безымянный. К этим оврагам приурочена южная граница современного Кремля.

Кроме того, известны еще два оврага, которые врезались в кремлевскую террасу между Тезицким и Старым оврагами, однако выявлены они только на западной стороне террасы и не пересекали мыс на всем его протяжении. Таким образом, вся территория Казанского Кремля оврагами делилась на три части.

Самая ближняя к острюке мыса часть, в западной половине которой собственно и располагалось ананьинское поселение, дели-

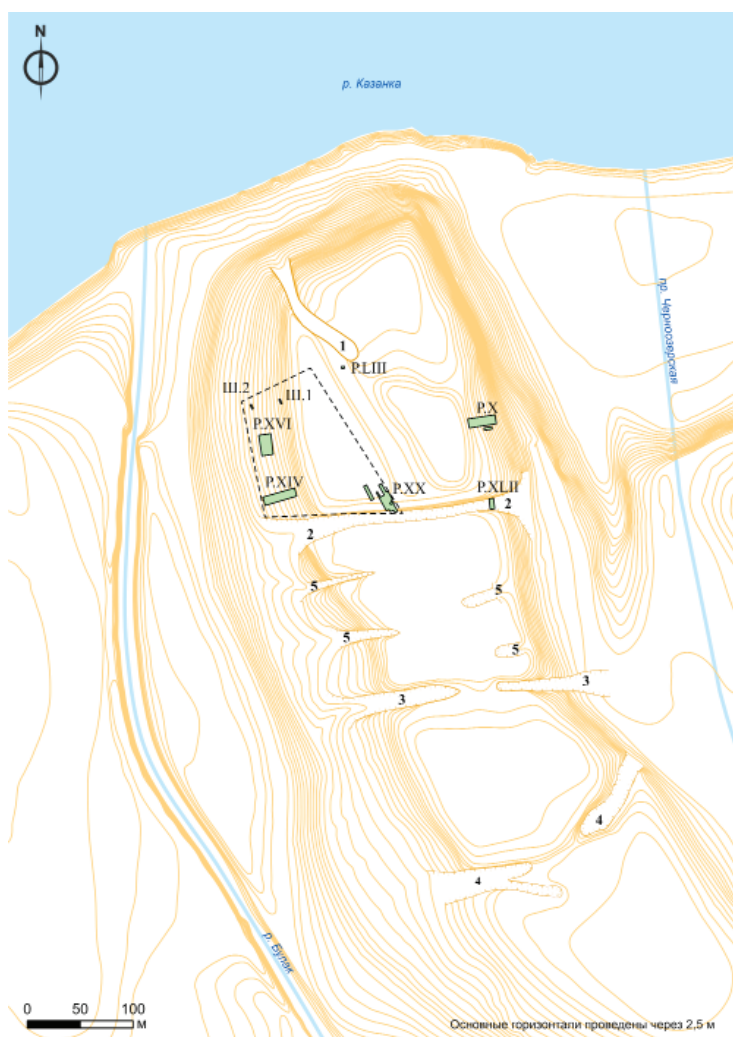

Рис. 7. Реконструкция топографической ситуации территории Казанского Кремля в раннем железном веке.

1 – лощина (совр. Проезд Шейнкмана); 2 – овраг Тезицкий; 3 – овраг Старый; 4 – овраг Спасский; 5 – безымянные овраги. Пунктиром показана предполагаемая территория поселения раннего железного века.

Fig. 7. Reconstruction of the topographical situation on the territory of the Kazan Kremlin in the Early Iron Age.

1 – hollow (nowadays – Sheinkman's passage); 2 – Tezitsky ravine; 3 – Stary ravine; 4 – Spassky ravine; 5 – unnamed ravines. The dotted line shows the presumed territory of the Early Iron Age settlement.

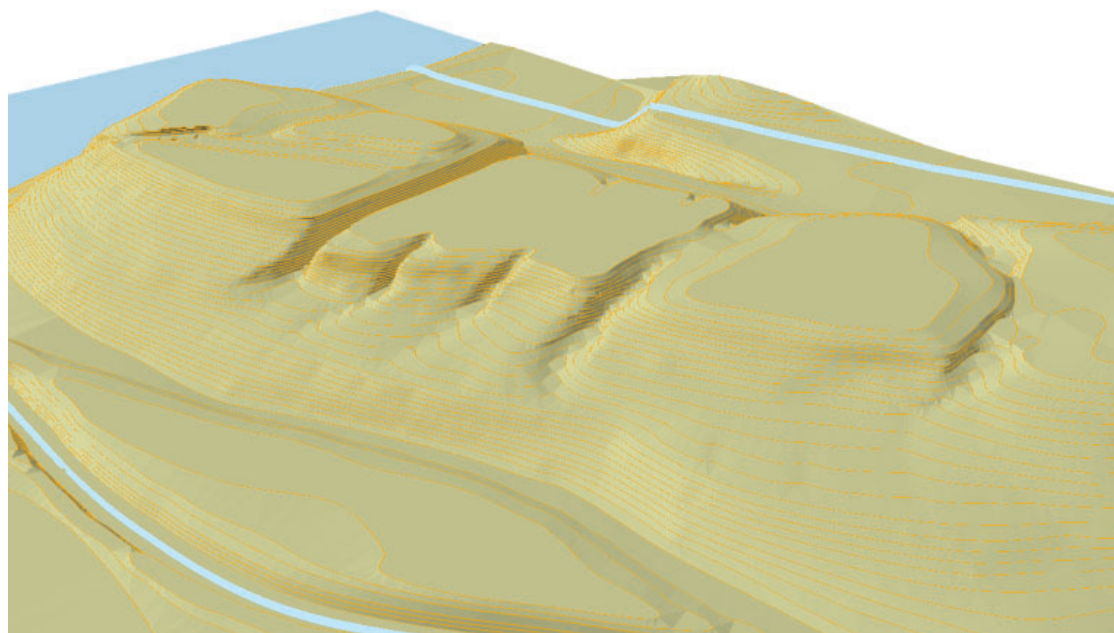

Рис. 8. 3-D модель территории Казанского Кремля, реконструкция топографической ситуации в раннем железном веке.

Fig. 8. 3D-model of the territory of the Kazan Kremlin, reconstruction of the topographic situation during the Early Iron Age.

лась примерно пополам лощиной, на месте которой сейчас располагается проезд Шейкмана. Лощина эта шла не по прямой линии, как сейчас, а изгибалась к башне Сююмбике. В свою очередь, восточная половина этой части мыса, на которой по все видимости размещался ананьинский могильник, имела возвышенную и неровную поверхность, что собственно и привело к тому, что первопоселенцы не стали размещать здесь свое поселение, а предпочли западную оконечность мыса.

Заключение.

1. Территория левобережья Волги в месте впадения в нее р. Казанки с геолого-геоморфологических позиций находится в геодинамически активной зоне. Процессы, происходящие здесь, активно преобразуют ландшафт, влияют на биоразнообразие, обогащают биоресурсы, тем самым создаются благоприятные природные условия для жизни людей.

2. Предметы раннего железного века фиксировались в слое подзола под тонкой углистой прослойкой, отделяющей домонгольский слой от погребенной почвы, в основном на северо-западной оконечности Казанского Кремля на участке площадью 14 487 кв. м.

3. Керамический комплекс раннего железного века относится к постмаклашевской

культуре АКИО, однако в его составе была и керамика с текстильными отпечатками. Такое сочетание постмаклашевской и акозинско-ахмыловской керамики демонстрируют и другие широко исследованные памятники приустьевой части р. Казанки.

4. Анализ керамического комплекса и индивидуальных находок позволил сделать вывод о существовании на месте северо-западной оконечности Казанского Кремля в течение длительного времени IX–IV вв. до н. э. постоянного поселения постмаклашевской культуры АКИО.

5. О наличии предполагаемого могильника АКИО на северо-восточной оконечности кремлевского мыса свидетельствуют находки кельта и наконечника копья. Судя по имеющимся данным, могильник и поселение какое-то время существовали синхронно.

6. Многочисленные строительные работы XVIII–XX вв. существенно изменили топографическую ситуацию на территории Казанского Кремля. Северо-западная часть кремлевского мыса в раннем железном веке была разделена лощиной, причем ее восточная сторона имела возвышенную и неровную поверхность, что и предопределило выбор западной оконечности в качестве места размещения поселения АКИО.

ЛИТЕРАТУРА

Ашихмина Л.И. Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье (по материалам керамики и жилищ) / Археология Евразийских степей. Вып. 19. Казань: ИА АН РТ; Отечество, 2014. 300 с.

Ашихмина Л.И., Черных Е.М., Шаталов В.А. Вятский край на пороге железного века: костяной инвентарь ананьинской эпохи (I тысячелетие до н. э.). Ижевск: УдГУ, 2006. 220 с.

Дедков А.П., Бутаков Г.П. Геологическое строение и рельеф // Научный путеводитель по Казани и окрестностям (К IX съезду Географического общества СССР) / Науч. ред. и сост. Ю.П. Переведенцев, А.М. Трофимов. Казань: КГУ, 1990. С. 3–19.

Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М.: Наука, 1983. 257 с.

Кузьминых С.В., Чижевский А.А. Хронология раннего периода ананьинской культурно-исторической области // Поволжская археология. 2014. № 3 (9). С. 101–137.

Марков В.Н. Керамика городища «Сорочьи горы» // Археологические памятники Нижнего Прикамья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1984. С. 5–17.

Марков В.Н. Об особенностях юго-западных памятников ананьинской общности // АЭМК. Вып. 9 / Науч. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1985. С. 38–56.

Марков В.Н. Городище Гремячий Ключ // Древности Среднего Поволжья / АЭМК. Вып. 13 / Отв. ред. Б. С. Соловьев. Йошкар-Ола: Мар НИИ, 1987. С. 102–130.

Марков В.Н. Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (Об этнокультурных компонентах ананьинской общности) / Археология евразийских степей. Вып. 4. Казань: ИИ АН РТ, 2007. 136 с.

Свод памятников археологии Республики Татарстан. Т. 3 / Отв. ред. А.Г. Ситдилов, Ф.Ш. Хузин. Казань: ИИ АН РТ, 2007. 528 с.

Ситдигов А.Г. Казанский кремль: историко-археологическое исследование. Казань: Фолиант, 2006. 288 с.: ил.

Ситдигов А.Г. Казанский Кремль: история фортификации // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия Гуманитарные науки, 2010. Т. 152, кн. 3, ч. 1. С. 97–106.

Чижевский А.А. Памятники позднего периода ананьинской культурно-исторической области // Археология Евразийских степей. 2017. №4. С. 196–256.

Чижевский А.А. Исследования Сорочьегорского городища в 2007 г. // УАВ. Вып. 8 / Отв. ред. В.В. Овсянников. Уфа: Гилем, 2008. С. 91–98.

Чижевский А.А. К вопросу о начале раннего железного века в Волго-Камье // Российский археологический ежегодник. Вып. 2 / Гл. ред. Л.Б. Вишняцкий. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2012. С. 383–399.

Чижевский А.А. Каменные молоты ананьинской культурно-исторической области // Поволжская археология. 2022. № 1 (35). С. 159–177.

Чижевский А.А., Антипина Е.Е., Асылгараева Г.Ш., Нуретдинова А.Р. Коллекции археологического музея Казанского (Приволжского) федерального университета. Часть 2 // Поволжская археология. 2019а. № 1 (27). С. 84–103.

Чижевский А.А., Галимова М.Ш. Результаты исследований Борисоглебской стоянки на р. Казанке // Научный Татарстан. 2010. № 4. С. 127–136.

Чижевский А.А., Галимова М.Ш., Губайдуллина А.В. Казанская стоянка (по материалам исследований 1938 г.) // Археология Евразийских степей. 2019. № 2. С. 124–164.

Чижевский А.А., Хисьяметдинова А.А. Оборонительные сооружения мысовых городищ Волго-Камья в раннем железном веке и раннем средневековье // Археология Евразийских степей. 2020. № 2. С. 8–277.

Чижевский А.А., Черных Е.М., Коренюк С.Н. Ананьинская культурно-историческая область. Ананьинская классическая культура (шнуровой керамики) // Ранний железный век / Археология Волго-Уралья. Т. 3 / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. 186–216.

Информация об авторах:

Чижевский Андрей Алексеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); chijevski@mail.ru.

Ситдигов Айрат Габитович, доктор исторических наук, декан, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); начальник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); sitdikov_a@mail.ru

Хисьяметдинова Асия Абдулкадировна, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); asiatat@yandex.ru

Сайфутдинова Гузель Маратовна, кандидат технических наук, заведующий отделом геоинформационных технологий Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); доцент кафедры геофизики и геоинформационных технологий Казанского федерального университета (г. Казань, Россия); saiif_gm@mail.ru

REFERENCES

Ashikhmina, L. I. 2014. *Genesis anan'inskoi kul'tury v Srednem Prikam'e (po materialam keramiki i zhilishch) (Genesis of the Ananyino Culture in the Middle Kama Area (According to the Ceramics and Dwellings))*. Series: Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes) 19. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences; "Otechestvo" Publ. (in Russian).

Ashikhmina, L. I., Chernykh, E. M., Shatalov, V. A. 2006. *Vyatskiy kray na poroge zheleznogo veka: kostyanoy inventar' anan'inskoy epokhi (I tysyacheletie do n. e.) (Vyatka region at the threshold of the Iron Age: bone inventory of the Ananyino epoch (1st millennium BC))*. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

Dedkov, A. P., Butakov, G. P. 1990. In Perevedentsev, Yu. P., Trofimov, A. M. (eds.). *Nauchnyy putevoditel' po Kazani i okrestnostyam (K IX s"ezdu Geograficheskogo obshchestva SSSR) (Scientific guide to Kazan and its surroundings (for the IX Congress of the geographical society of the USSR))*. Kazan: Kazan State University, 3–19 (in Russian).

Kuzminykh, S. V. 1983. *Metallurgiiia Volgo-Kam'ia v rannem zheleznom veke (med' i bronza) (Metallurgy of the Volga-Kama Region during the Early Iron Age (Copper and Bronze))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. 2018. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 9 (3), 101–137 (in Russian).

Markov, V. N. 1984. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Nizhnego Prikam'ia (Archaeological Sites of the Lower Kama Region)*. Kazan: G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 5–17 (in Russian).

Markov, V. N. 1985. In Arkhipov, G. A. (ed.). *Arkheologiiia i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of Mari Land)* 9. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature, and History Institute, 38–56 (in Russian).

Markov, V. N. 1987. In Soloviev, B. S. (ed.). *Drevnosti Srednego Povolzh'ia (Antiquities of the Middle Volga Region)*. Series: Arkheologiiia i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of the Mari Land) 13. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History, 102–130 (in Russian).

Markov, V. N. 2007. *Nizhnee Prikame v ananinskuii epokhu (The Lower Kama River Region during the Ananyino Epoch)*. Series: Arkheologiiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 4. Kazan: Institute for History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Sitdikov, A. G., Khuzin, F. Sh. (eds.). 2007. *Svod pamiatnikov arkheologii Respubliki Tatarstan (Corpus of Archaeological Sites in the Republic of Tatarstan)* 3. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Sitdikov, A. G. 2006. *Kazanskii Kreml': istoriko-arkheologicheskoe issledovanie (Kazan Kremlin: Historical and Archaeological Study)*. Kazan: "Foliant" Publ. (in Russian).

Sitdikov, A. G. 2010. In *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriiia Gumanitarnye nauki (Scientific Bulletin of the Kazan State University. Series: Humanities)*. Vol. 152, book 3, part 1, 97–106 (in Russian).

Chizhevsky, A. A. 2019. In *Arkheologiiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 196–256 (in Russian).

Chizhevsky, A. A. 2008. In Ovsyannikov, V. V. (ed.). *Ufmskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 8. Ufa: "Gilem" Publ., 91–98 (in Russian).

Chizhevsky, A. A. 2012. In Vishnyatsky, L. B. (ed.-in-chief). *Rossiiskii arkheologicheskii ezhegodnik (Russian Archaeological Yearbook)* 2. Saint Petersburg: Saint Petersburg University, 383–399 (in Russian).

Chizhevsky, A. A. 2018. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 35 (1), 159–177 (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Antipina, E. E., Asylgaraeva, G. Sh., Nuretdinova, A. R. 2019a. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 27 (1), 84–103 (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Galimova, M. Sh. 2010. In *Nauchnyi Tatarstan (Scientific Tatarstan)* (4), 127–136 (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Galimova, M. Sh., Gubaidullina, A. V. 2019. In *Arkheologiiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 124–164 (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Khisyametdinova, A. A. 2020. *Defensive structures of the cape settlements of the Volga-Kamya in the Early Iron Age and early Middle Ages*. In *Arkheologiiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 8–277 (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Chernykh, E. M., Korenyuk, S. N. 2021. In Sitdikov, A. G., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Rannii zheleznyi vek (Early Iron Age)*. Series: Arkheologiiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 3. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 186–216 (in Russian).

About the Authors:

Chizhevsky Andrey A. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; chijevski@mail.ru

Sitdikov Airat G. TAS Corresponding Member. Doctor of Historical Sciences. Professor, Head of department, Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic

of Tatarstan, Russian Federation; Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru

Khisyametdinova Asiya A. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; asiatat@yandex.ru

Sayfutdinova Guzel M. Candidate of Technical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Associate professor, Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; saif_gm@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2023 г.

Статья принята к публикации 01.04.2023 г.

Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.2.196.204>**ПОСЕЛЕНИЕ ГРАННОЕ УХО В УЛЬЯНОВСКОМ ПОВОЛЖЬЕ**

© 2023 г. М.Р. Гисматулин

В статье представлены результаты исследований поселения Гранное Ухо, расположенного на территории Национального парка «Сенгилеевские горы». Памятник был открыт в 2015 г., его изучение было продолжено в 2017 г. Археологические материалы, полученные в результате разведочных работ, позволяют отнести поселение Гранное Ухо к постмакляшевской культуре ананьинской культурно-исторической области. Керамический комплекс поселения наиболее близок к материалам памятников постмакляшевской культуры, расположенных в южной части Республики Татарстан и севере Ульяновской области. Памятник, вероятно, датируется второй половиной VI–V вв. до н.э. Поселение Гранное Ухо остается единственным известным поселением постмакляшевской культуры в Ульяновском Поволжье, что объясняется, прежде всего, слабой изученностью региона.

Ключевые слова: археология, постмакляшевская культура, Ульяновское Поволжье, поселение Гранное Ухо, национальный парк «Сенгилеевские горы».

**GRANNOYE UKHO SETTLEMENT
IN THE ULYANOVSK VOLGA REGION****M.R. Gismatulin**

The article presents the results of studies of the Grannoye Ukho settlement, located on the territory of the Sengileevskie Mountains National Park. This site was discovered in 2015, its study was continued in 2017. Archaeological materials received as a result of reconnaissance allow author to refer the Grannoye Ukho settlement to the Post-Maklasheevka culture of the Ananyino cultural and historical area. Ceramic complex of the settlement is closer to the materials from the sites of the Post-Maklasheevka culture, located in the southern part of the Republic of Tatarstan and the north of the Ulyanovsk region. The site is probably dated to the second half of the 6th–5th centuries BC. Grannoye Ukho settlement is the only known settlement of the Post-Maklasheevka culture in the Ulyanovsk Volga region, it is explained, first of all, by the poor study of the region.

Keywords: archaeology, Post-Maklasheevka culture, Ulyanovsk Volga region, Grannoye Ukho settlement, Sengileevskie Mountains National Park.

Останец Гранное Ухо расположен на территории национального парка «Сенгилеевские горы» в 1,1 км к западу от пос. Цемзавод Сенгилеевского района Ульяновской области, в 2,3 км от берега Куйбышевского водохранилища. Гранное Ухо – останец верхнего плато, отделенный от основного массива седловиной. Высота вершины останца составляет 314,9 м над уровнем моря. Относительная высота останца со стороны седловины 40–50 м, со стороны Волги – вдвое больше.

Останец в основе своей сложен диатомитом – осадочной горной породой, состоящей преимущественно из раковин диатомовых водорослей. Пласт диатомита, мощность которого составляет 30–35 м, сверху перекрыт толщей песков, песчаников и опок. Юго-западный и юго-восточный склоны останца срезаны карьером – в конце 1960-х – начале 1970-х гг. месторождение диатомита разраба-

тывалось Сенгилеевским цементным заводом. В настоящее время места добычи диатомита обозначаются обрывами высотой до 20 м. Склоны останца покрыты лесом. На вершине останца Гранное Ухо расположена относительно ровная площадка размером около 1600 м², с которой открывается живописный вид на десятки километров вокруг. Сам останец виден в ясную погоду даже из центральной части г. Ульяновска, т. е. с расстояния в 40 км.

Останец Гранное Ухо впервые был обследован нами в 2015 г. На основе подъяемого керамического материала выявленный археологический памятник был отнесен к постмакляшевской культуре ананьинской культурно-исторической области. В 2017 г. изучение памятника осуществлялось сотрудниками Ульяновского областного краеведческого музея и Института истории и культуры Ульяновской области им. Н.М. Карамзина. Ещё

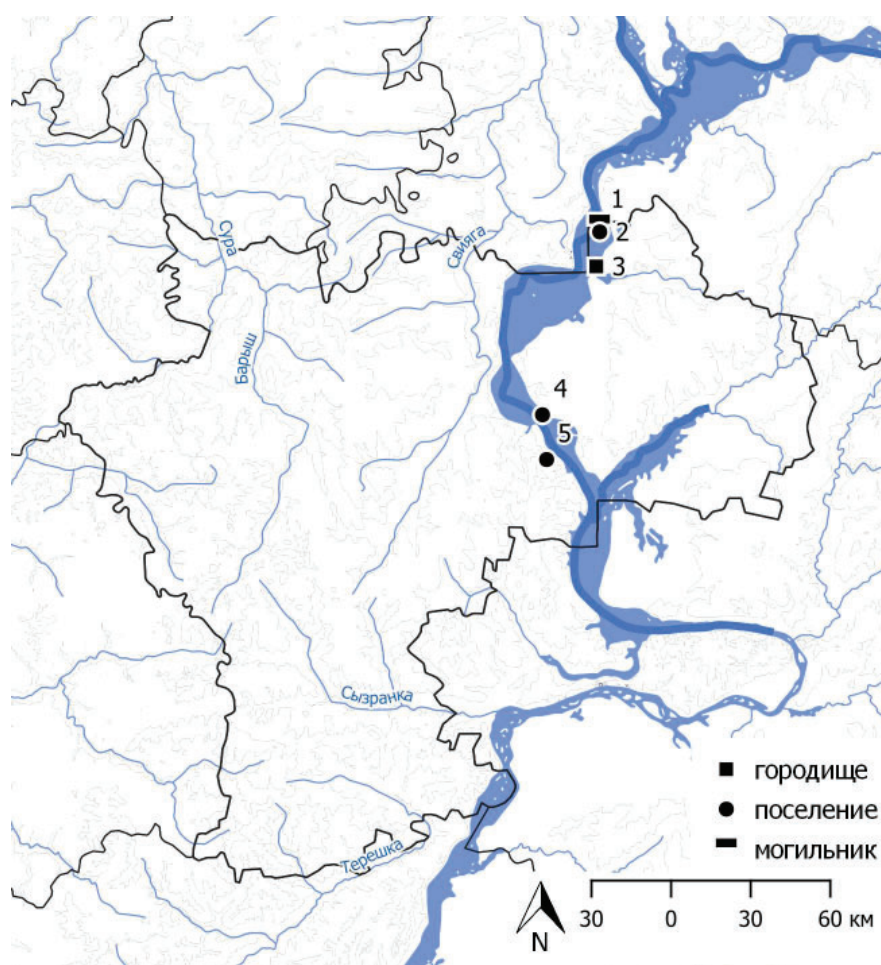

Рис. 1. Памятники постмакласеевской культуры в Ульяновском Поволжье: 1 – Гулькинский могильник; 2 – Гулькинское поселение; 3 – Старомайнское городище; 4 – поселение Кайбелы I; 5 – поселение Гранное Ухо.
Fig. 1. Sites of Post-Maklasheevka culture in the Ulyanovsk Volga region: 1 – Gulkinsky burial ground; 2 – Gulkinsky settlement; 3 – Staraya Mayna hillfort; 4 – Kaybely I settlement; 5 – Grannoye Ukho settlement.

до создания национального парка «Сенгилевские горы» останец Гранное Ухо был включен в перечень особо охраняемых природных территорий Ульяновской области. В связи с этим разведочные работы были ограничены сбором подъемного археологического материала на склонах останца и зачисткой естественных обнажений. В двух различных частях останца были выполнены зачистки, зафиксировавшие наличие культурных отложений. Следов оборонительных укреплений выявить не удалось. На вершине останца хорошо заметны более десятка ям глубиной до 1,5 м, которые, вероятно, представляют собой остатки геологических шурфов или являются результатом деятельности кладоискателей.

На территории Ульяновской области известен лишь один могильник постмакласеевской культуры – Гулькинский, исследованный А.В. Збруевой в 1950 г. В Ульяновском Завол-

жье материалы постмакласеевской культуры выявлены на нескольких многослойных памятниках, расположенных в приустьевой части левобережных притоков Волги – Гулькинском поселении, Старомайнском городище, поселении Кайбелы I. Вплоть до недавнего времени в Ульяновском Предволжье были зафиксированы лишь случайные находки, датируемые преимущественно VI–IV вв. до н. э. Однослойное поселение Гранное Ухо является первым обследованным поселением постмакласеевской культуры в правобережной части Ульяновской области.

Коллекция керамики, происходящая в основном из подъемного материала, насчитывает более 250 фрагментов. Керамика, судя по имеющимся находкам, круглодонная. В качестве примесей использовались дробленая раковина, шамот, песок и, вероятно, органика. Раковина преобладает, визуально она

Рис. 2. Останец Гранное Ухо. Вид с востока.
Fig. 2. Farewell rock Grannoye Ukho. View from the east.

Рис. 3. Останец Гранное Ухо. Вид с юга.
Фото М. В. Корепова, 2020 г.
Fig. 3. Farewell rock Grannoye Ukho.
View from the south. Photo by M.V. Korepov, 2020.

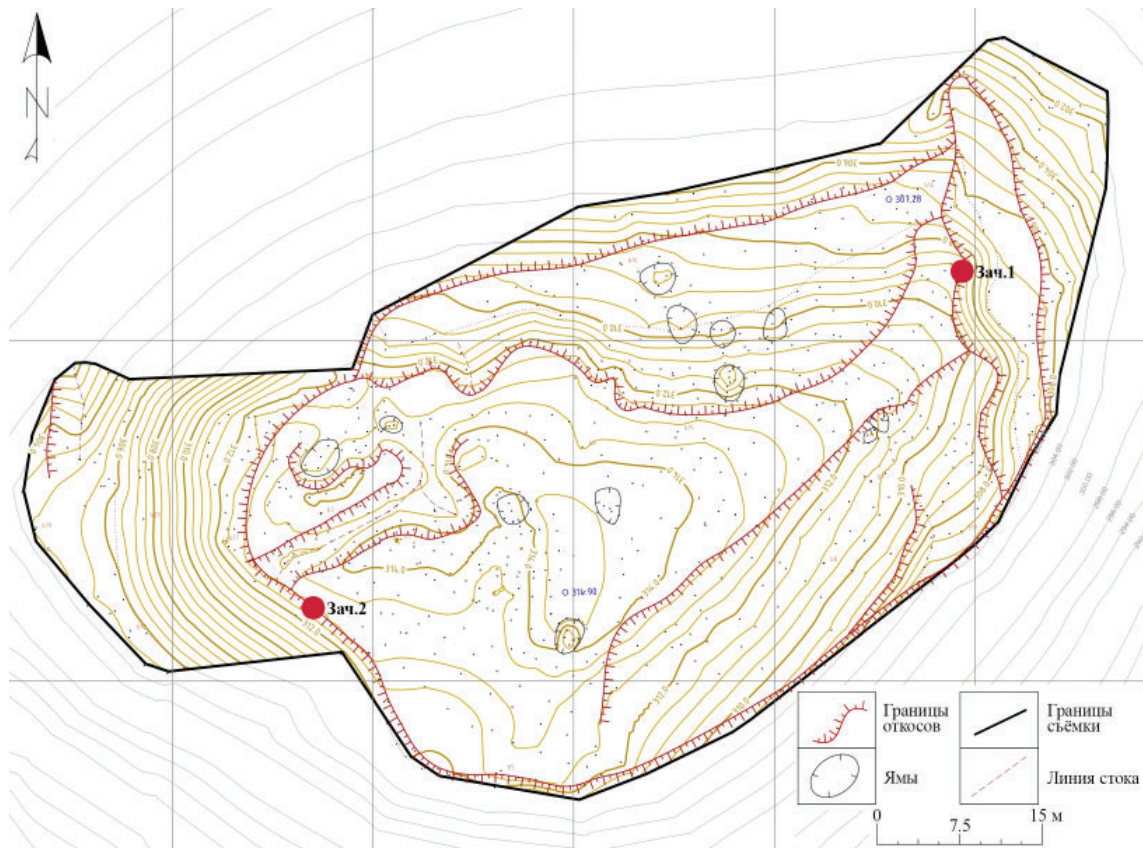

Рис. 4. План поселения Гранное Ухо.
Fig. 4. Plan of Grannoye Ukho settlement.

выявлена в 35% всей керамики. На поверхности многих фрагментов имеются характерные «расчёсы», выполненные зубчатым штампом. Орнаментация представлена преимущественно глубокими ямками треугольной и округлой формы (часто они сопровождаются характерными сферическими выпуклинами – «жемчужинами» с внутренней стороны), а также

разнообразными вдавлениями – подтреугольными, клиновидными, каплевидными, овальными. Реже встречаются отпечатки шнура и гребенчатого штампа. На отдельных сосудах отпечатки гребенчатого штампа нанесены по срезу венчика.

Керамический комплекс поселения Гранное Ухо имеет наибольшее сходство с мате-

Рис. 5. Поселение Гранное Ухо. Зачистка 2.
Fig. 5. Grannoye Ukho settlement. Cleaning 2.

риалами памятников постмаклашеевской культуры, расположенных в южной части Республики Татарстан и севере Ульяновской области: Маклашеевского II городища, поселений Зольное, Гулькинское и др., для которых характерна керамика с орнаментом из подтреугольных вдавлений и ямок (Марков, 2007, рис. 34–36; Чижевский, 2014, с. 216). На многих фрагментах керамики, происходящих с поселения Гранное Ухо, присутствует ряд из сдвоенных треугольных ямок (рис. 6: 4; рис. 9: 1–4, 6; рис. 10: 3, 4; рис. 11: 1, 2, 4, 8; рис. 12: 8; рис. 13: 2). Как правило, они располагаются на плечиках сосудов. Среди памятников постмаклашеевской культуры наибольшее количество фрагментов керамики с аналогичной орнаментацией отмечено среди материалов Маклашеевского II городища – 11,4% (Марков, 2007, табл. 8).

Остеологические материалы, обнаруженные на поселении Гранное Ухо, немногочисленны. Старшим научным сотрудником Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ Г.Ш. Асылгараевой определены кости следующих животных: медведь, лось, лошадь, свинья, а также мелкого рогатого скота. Из зачистки 2 происходит фрагмент лосиного рога со следами обработки (рис. 7: 5).

Среди материалов поселения Гранное Ухо отсутствуют датирующие находки. Для датировки памятника большое значение имеет керамика, которую можно отнести к классической постмаклашеевской. Поселение Гранное Ухо существовало в рамках среднего этапа постмаклашеевской культуры, скорее всего во второй половине VI–V вв. до н. э. (этап II-2 по А.А. Чижевскому) (Чижевский, Волкова, 2021, с. 180–183).

В поздний период постмаклашеевской культуры (конец V–III вв. до н. э.) в Среднем Поволжье функционировали поселения с керамикой белогорского типа. В Самарском Поволжье большинство из них расположено на Самарской Луке. В Ульяновской области керамика белогорского типа выявлена на Гулькинском могильнике, Старомайновском городище и поселении Кайбелы I. Орнаментация белогорской керамики отличается значительной стандартизацией. Орнамент, как правило, состоял из рядов вдавлений или ямок подтреугольной или овальной формы, размещенных по шейке (Чижевский, Волкова, 2021, с. 183). Керамика поселения Гранное Ухо орнаментирована не только различными ямками и вдавлениями, но и оттисками гребенчатого штампа и шнура, что отличает её от керамики белогорского типа.

Рис. 6. Поселение Гранное Ухо. Зачистка 1. Фрагменты керамики.
Fig. 6. Grannoye Ukho settlement. Cleaning 1. Ceramic fragments.

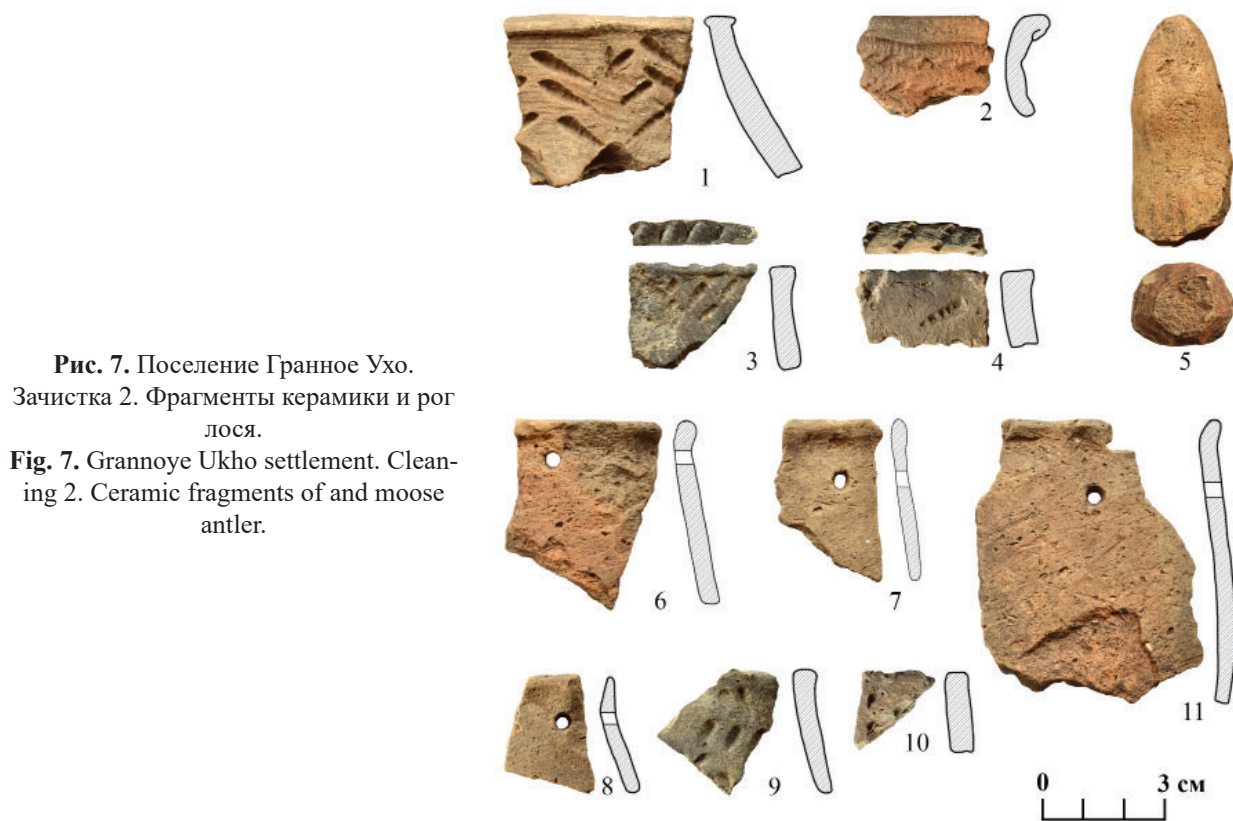

Рис. 7. Поселение Гранное Ухо. Зачистка 2. Фрагменты керамики и рог лося.

Fig. 7. Grannoye Ukho settlement. Cleaning 2. Ceramic fragments of and moose antler.

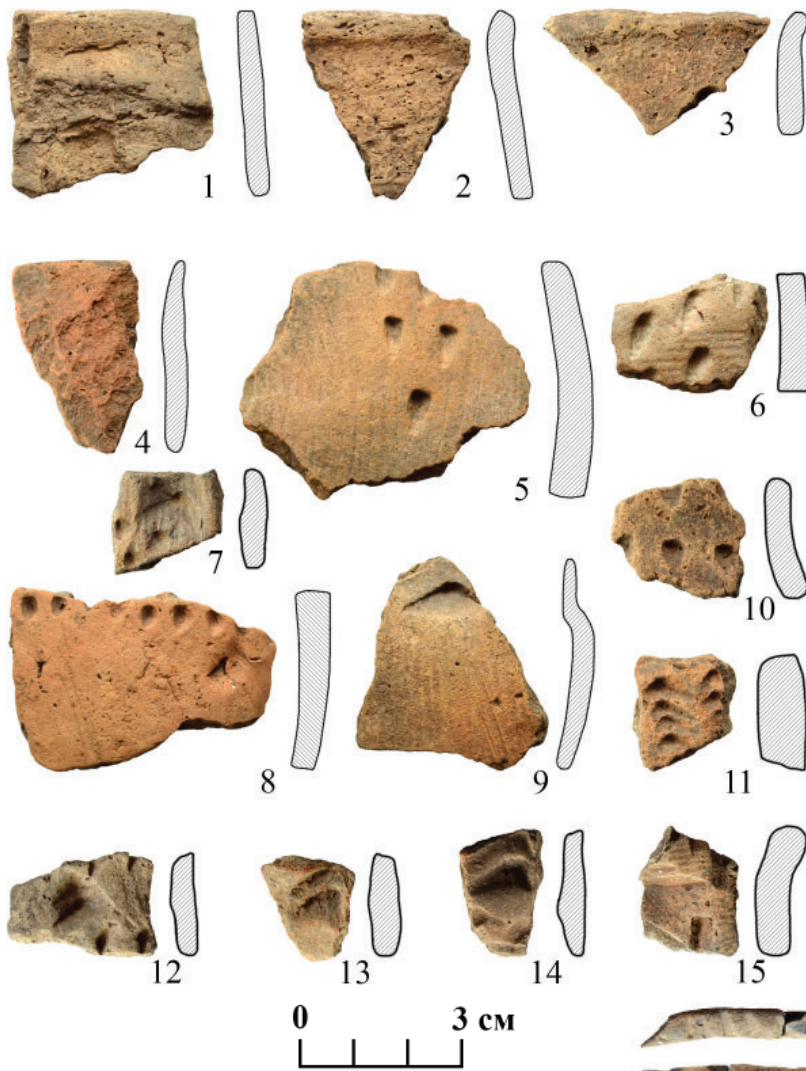

Рис. 8. Поселение Гранное Ухо. Зачистка 2. Фрагменты керамики.

Fig. 8. Grannoye Ukho settlement. Cleaning 2. Ceramic fragments.

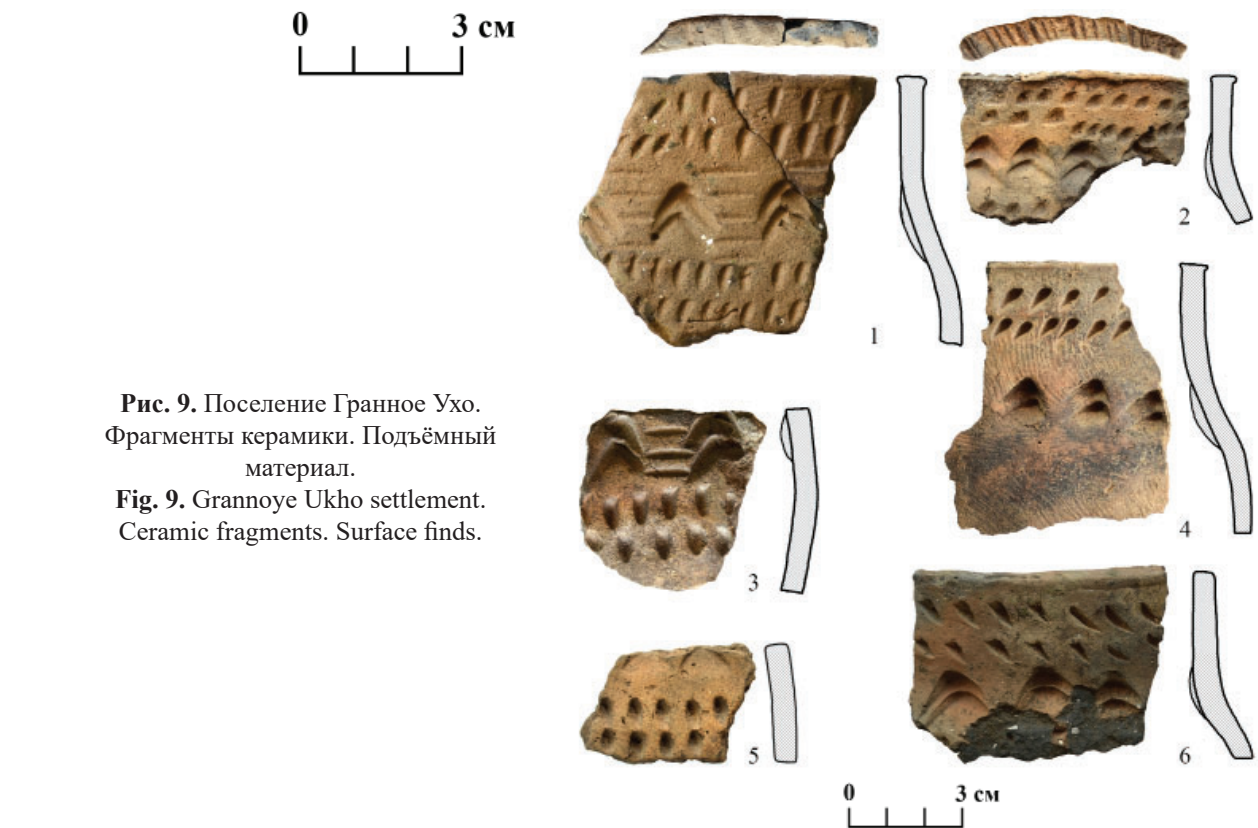

Рис. 9. Поселение Гранное Ухо. Фрагменты керамики. Подъёмный материал.

Fig. 9. Grannoye Ukho settlement. Ceramic fragments. Surface finds.

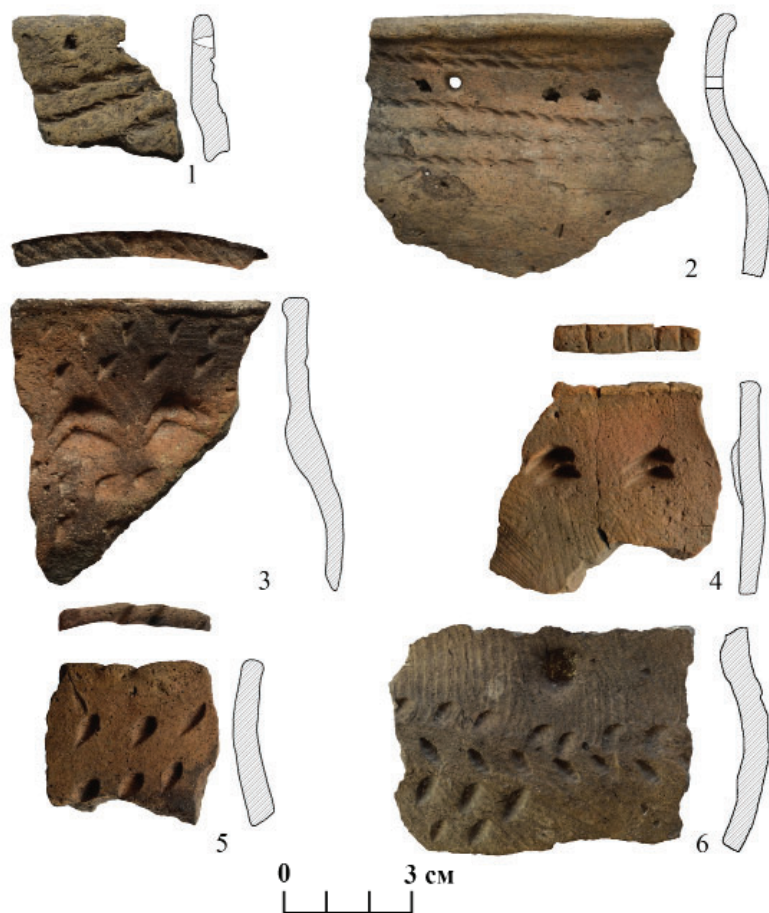
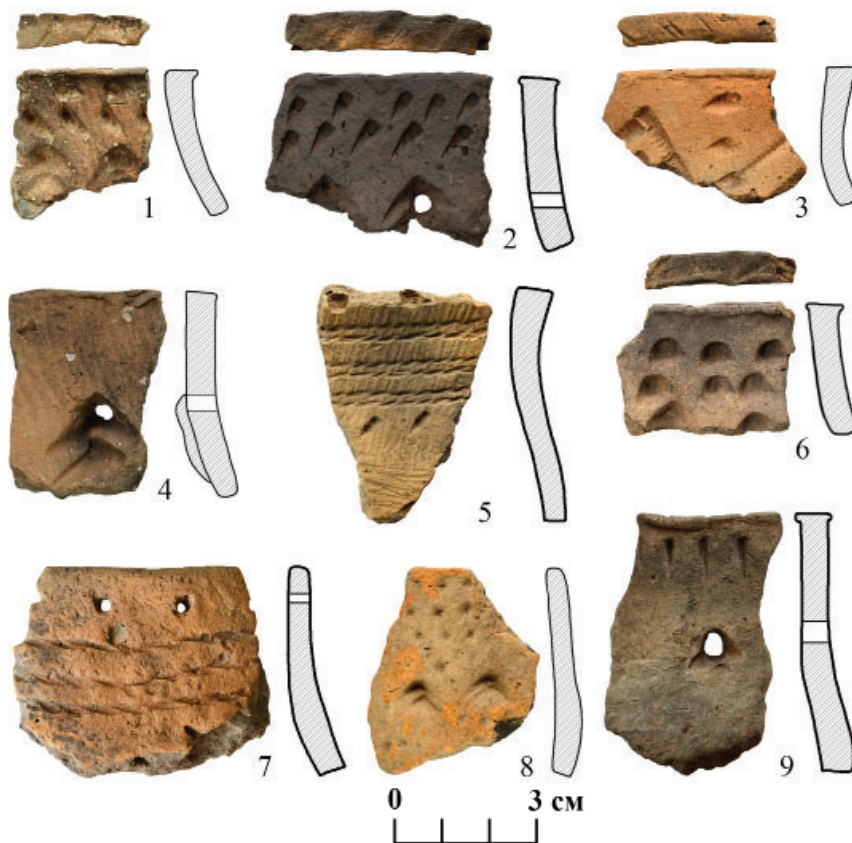

Рис. 10. Поселение Гранное Ухо. Фрагменты керамики. Подъёмный материал.
Fig. 10. Grannoye Ukho settlement. Ceramic fragments. Surface finds.

Рис. 11. Поселение Гранное Ухо. Фрагменты керамики. Подъёмный материал.
Fig. 11. Grannoye Ukho settlement. Ceramic fragments. Surface finds.

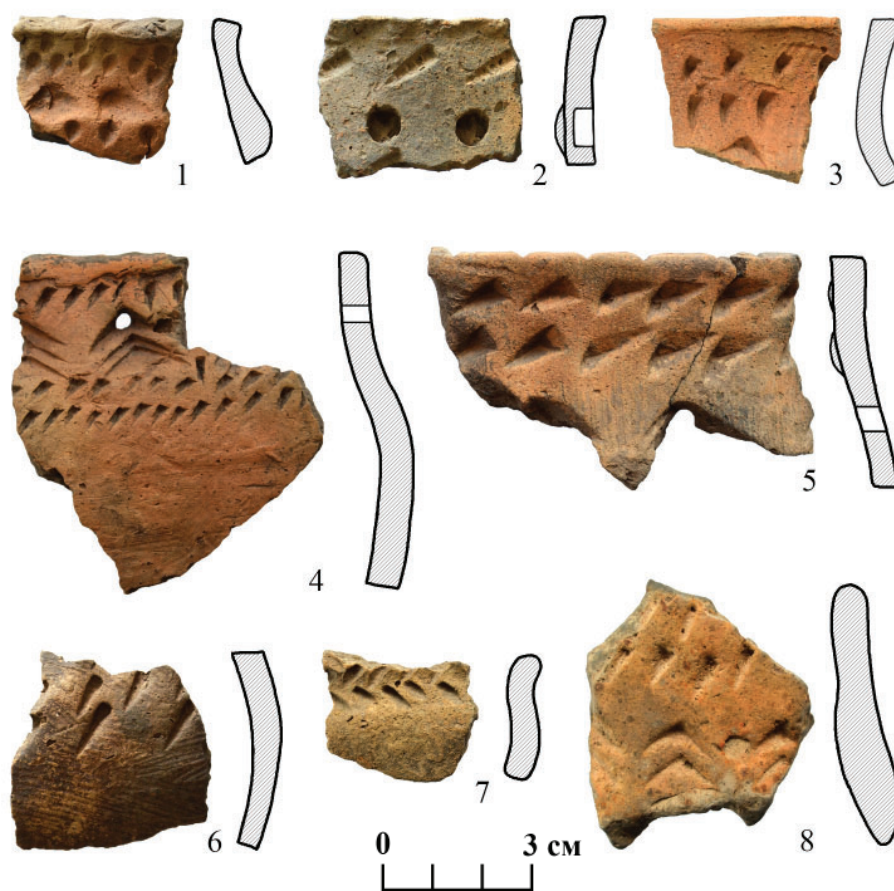
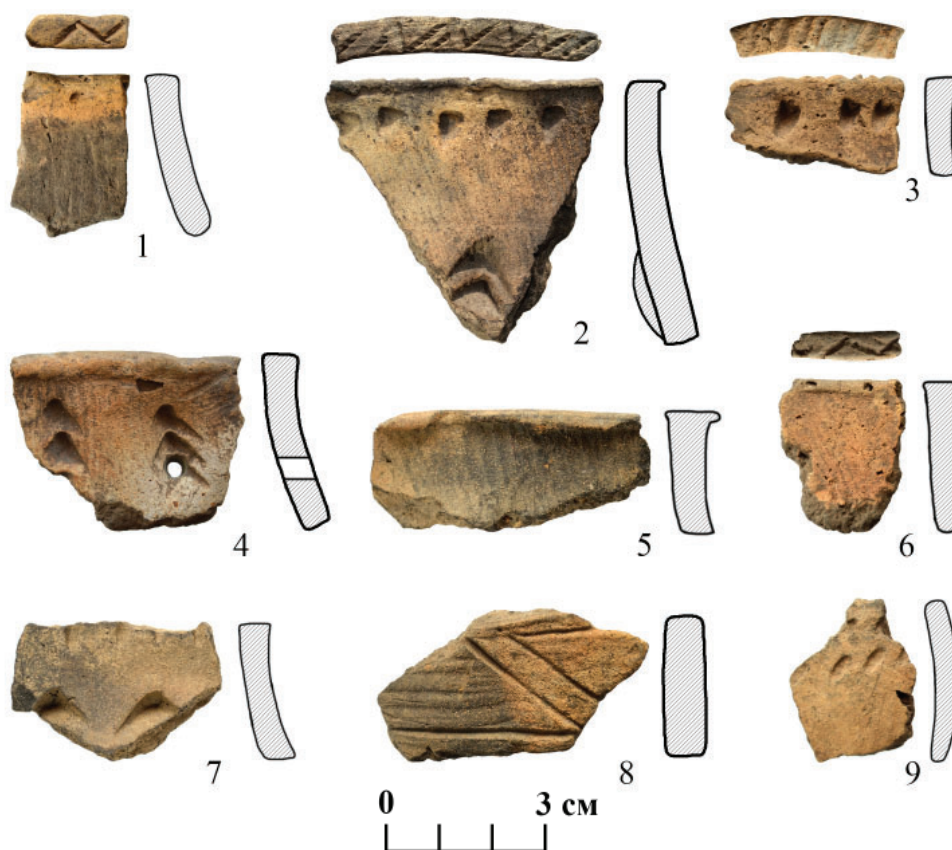

Рис. 12. Поселение
Гранное Ухо. Фрагменты
керамики. Подъёмный
материал.

Fig. 12. Grannoye Ukho
settlement. Ceramic frag-
ments. Surface finds.

Рис. 13. Поселение
Гранное Ухо.
Фрагменты керамики.
Подъёмный материал.

Fig. 13. Grannoye
Ukho settlement.
Ceramic fragments.
Surface finds.

ЛИТЕРАТУРА

Марков В.Н. Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (об этнокультурных компонентах ананьинской общности) / Археология евразийских степей. Вып. 4. Казань: Институт истории АН РТ, 2007. 136 с.

Чижевский А.А. Керамика белогорского типа в Самарском Поволжье // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 211–224.

Чижевский А.А., Волкова Е.В. Ананьинская культурно-историческая область. Постмаклашеевская культура. Памятники белогорского типа // Ранний железный век / Археология Волго-Уралья. Т. 3 / Под общ ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: АН РТ, 2021. С. 162–185.

Информация об авторе:

Гисматулин Марат Рашитович, заведующий сектором, Ульяновский областной краеведческий музей имени И.А. Гончарова (г. Ульяновск, Россия); научный сотрудник, Национальный парк «Сенгилеевские горы» (г. Сенгилей, Россия); gismatu@yandex.ru

REFERENCES

Markov, V. N. 2007. Nizhnee Prikame v ananinskuiu epokhu (The Lower Kama River Region in the Ananyino Epoch). Series: Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 4. Kazan: Institute for History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Chizhevsky, A. A. 2014. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). Anan'inskii mir: istoki, razvitie, svyazi, istoricheskie sud'by (The World of Ananyino: Origins, Evolution, Relations, Historical Fate). Series: Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 20. Kazan: "Otechestvo" Publ., 211–224 (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Volkova, E. V. 2021. Sitdikov, A. G., Chizhesky, A.A. (eds.). Rannii zheleznyi vek (Early Iron Age). Series: Arkheologiya Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 3. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 162–185 (in Russian).

About the Author:

Gismatulin Marat R., Ulyanovsk Regional Museum of Local Lore named after I.A. Goncharov. Novy Venets Bd., 3/4, Ulyanovsk, 432017, Russian Federation; Sengileevskie Mountains National Park Sadovaya Str., 1, Sengilei, 433380, Russian Federation; gismatu@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2023 г.
Статья принята к публикации 01.04.2023 г.

УДК 908 (470.41)

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.2.205.213>

АНАНЫНСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ РАСКОПОВ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ НА ЕЛАБУЖСКОМ ГОРОДИЩЕ

© 2023 г. А.З. Нигамаев

Елабужское городище привлекает внимание исследователей вот уже более 250 лет. Это один самых хорошо изученных археологических памятников Республики Татарстан. Несмотря на сильную разрушенность юго-западной и центральной частей, городище до сих пор является особым объектом для изучения эпох раннего железа, средневековья и начала нового времени. Статья посвящена результатам исследований последних лет на территории памятника. Раскопки в северной части внутренней площадки дали интересный комплекс находок раннежелезного века. В двух раскопах общей площадью 232 кв.м., кроме более десятка объектов, было обнаружено 1820 фрагментов ананынской посуды, изделия из кости, камня и бронзы. В то же время исследование в восточной части территории между первым и вторым валами показало слабое присутствие ананынского материала, что противоречит утверждениям других исследователей. Интересные выводы сделаны по интенсивности заселения отдельных территорий городища в определенные периоды. По мнению автора, уже в раннем железном веке северная часть мыса начинает активно заселяться.

Ключевые слова: археология, Нижняя Кама, ранний железный век, Елабужское городище, вал, раскоп, находка, ананынский материал, керамика, сооружение.

ANANYINO MATERIALS FROM RECENT EXCAVATIONS ON THE YELABUGA HILLFORT

A.Z. Nigamaev

The Yelabuga hillfort has attracted the attention of researchers for more than 250 years. This is one of the most well-studied archaeological sites of the Republic of Tatarstan. Despite the severe destruction of the southwestern and central parts, the hillfort is still a special object for studying the Early Iron Age, the Middle Ages and the beginning of the modern era. The article deals with the results of studies in recent years on the territory of the site. Excavations in the northern part of the inner area revealed an interesting set of finds of the Early Iron Age. In two excavations with a total area of 232 m², in addition to more than a dozen artifacts, 1820 fragments of the Ananyino ware, items made of bone, stone and bronze were found. At the same time, study in the eastern part of the territory between the first and second ramparts showed a weak presence of the Ananyino material, that contradicts the claims of other specialists. Interesting conclusions were made on the settling intensity of some zones of the hillfort during certain periods. According to the author, northern part of the headland began to be actively populated already in the Early Iron Age.

Keywords: archaeology, Lower Kama, Early Iron Age, Yelabuga hillfort, rampart, excavation, find, Ananyino materials, ceramics, construction.

История изучения известного Елабужского городища насчитывает более 250 лет (рис. 1). Правда, лишь с конца XX в. она ведется относительно большими раскопами (Нигамаев, 2005). К сожалению, в 30–60 гг. нефтяники на городище добывали камень, что привело к полному уничтожению культурных отложений на 40% площади городища. И лишь реставрационно-реконструкционные работы 2002–2007 гг. привели памятник в нынешний вид (рис. 2). На сегодняшний день мы пришли к единому стратиграфическому видению культурных отложений памятника. Надо сказать,

что целенаправленного изучения раннежелезного века памятника не проводилось, хотя все исследователи отмечают заметное присутствие ананынских древностей в комплексе находок.

В июле 2022 года на Елабужском городище проводилось состязание по стрельбе из лука «Туган батыр». Лучники пристреливались по мишеням, установленным чуть наискось между I и II валами на стандартном расстоянии 100 шагов, что соответствует прицельному (прямому) полету стрелы. Как известно, расстояние по восточному склону от башни

Рис. 1. Елабужское городище. Вид с северо-запада.

Fig. 1. Elabuga hillfort. View from the northwest.

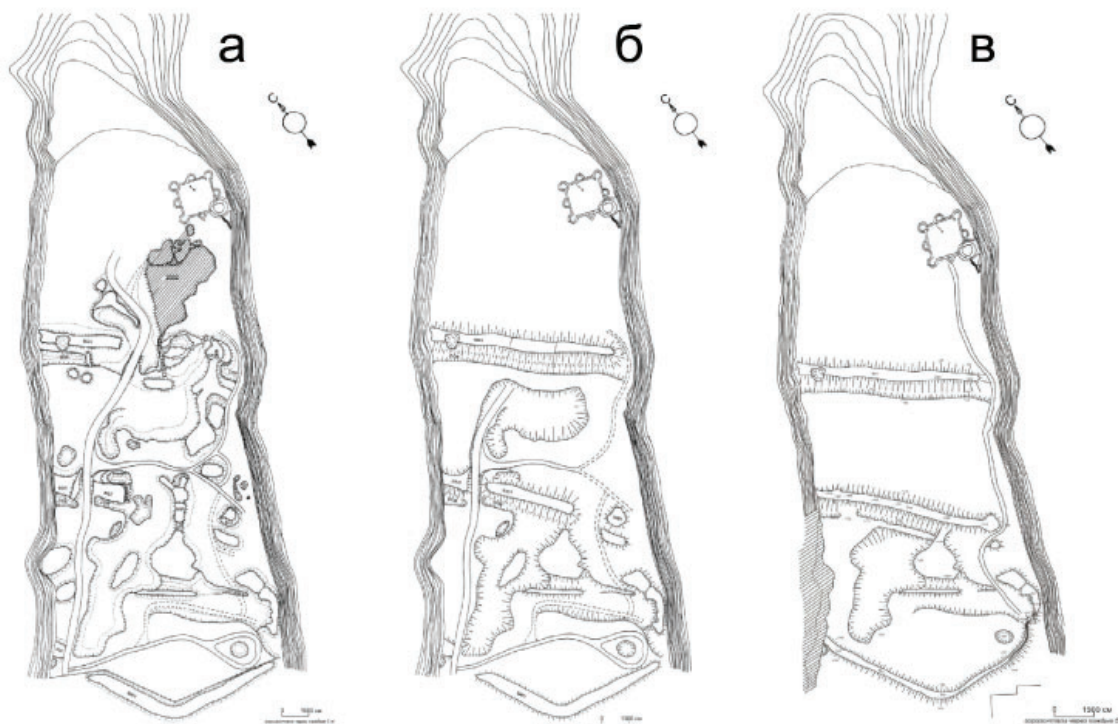

Рис. 2. Елабужское городище. Итоги реставрации (а – до 2006 г., б – 2006 г., в – после 2007 г.).

Fig. 2. Elabuga hillfort. The results of the restoration (a – before 2006, б – 2006, в – after 2007).

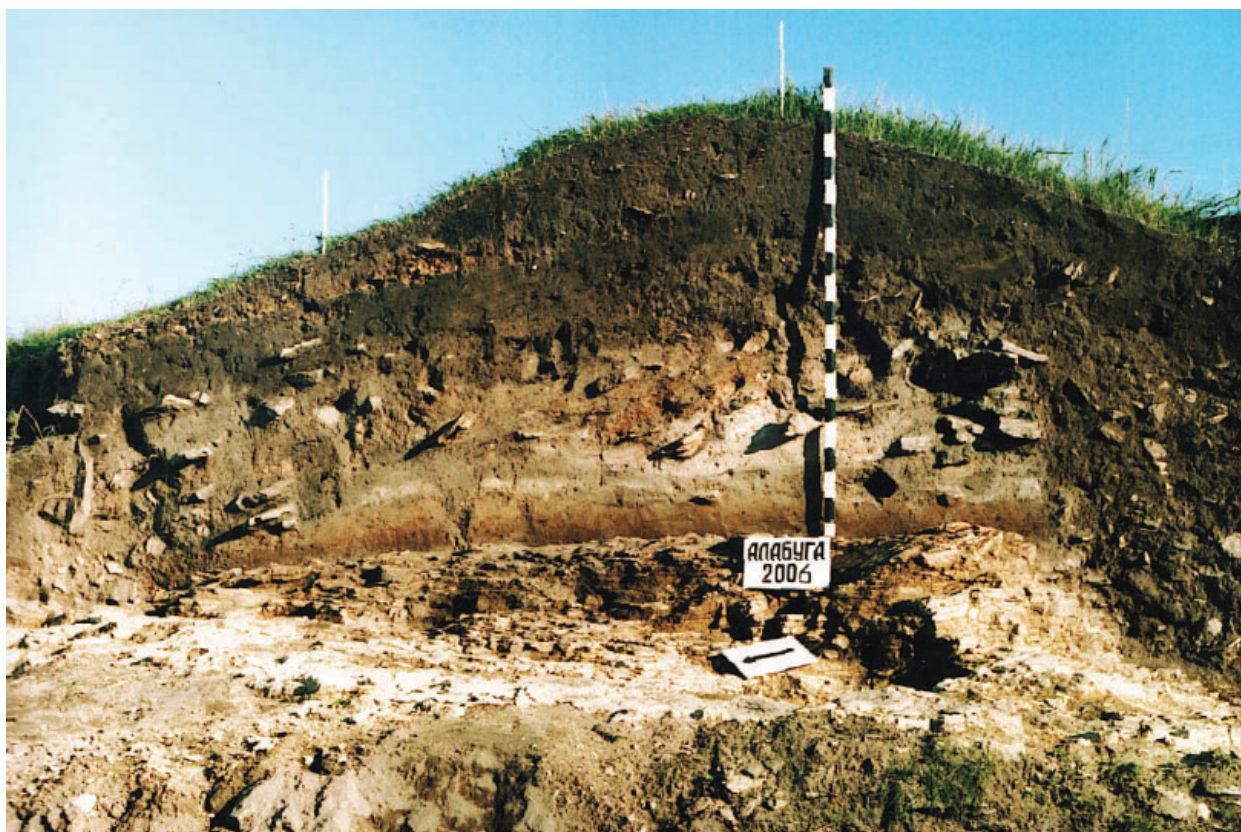

Рис. 3. Следы ананьинского вала во внутренней линии обороны городища.
Fig. 3. Traces of the Ananyino rampart in the inner defense line of the hillfort.

до внутреннего вала, между I и II, II и III валами 75 м, или 100 шагов. По западному склону 100 шагов между II и III валами, а между I и II – несколько меньше (иначе внутренняя линия получилась бы несимметричной). Такая система расчета прямого удара стрелы начала применяться в регионе лишь в Средневековье. Внутренний вал уже тогда существовал, т. к. он был насыпан еще в ананьинское время, а именьковцы и болгары его лишь нарастили.

Внутренний, или первый, вал является наиболее крупной конструкцией на городище. Даже в нынешнем состоянии при длине 102 м ширина основания вала 15–20 м, а высота колеблется от 1,7 до 2,1 м. Ананьинский вал, как показывает его срез в пределах VI раскопа, состоит из плотного суглинка различных оттенков коричневого цвета с обильными включениями золы, угля и камней (рис. 3). Сохранившаяся высота около 80 см. В центре «ананьинского» вала просматривается золистая линза с углистыми прослойками толщиной 2–4 см. Длина линзы 180 см, толщина 20–45 см. На ней «лежит» линза из перекаленной глины длиной 70 см, толщиной 10–15 см. Под слоем плотного суглинка также

просматривается слой золы и угля толщиной до 6 см и 2 см соответственно. На южной, «наружной», стороне вала, на его основании обнаружен череп собаки. Из слоя происходят выразительные фрагменты ананьинской керамики. Насыпь вала лежит на материковой глине (плотный пластичный суглинок) толщиной 10–20 см, под которым начинается материковый известняк. Вероятнее всего, данный вал не имел рва, а был насыпан из настилающей известняк глины. Сохранившаяся ширина материковой глины 3 м, предполагаемая – около 4 м.

Необходимо было остановиться на внутреннем вале потому, что это непосредственно связано с вопросом о планировке данного поселения в ананьинское время. Логичнее, если во внутренней защищенной территории заселение носило более плотный характер. Но М.М. Кавеев (1984) и К.И. Корепанов (1991) отмечают, что ананьинскими находками более насыщена территория между I и II валами. Правда, к таким выводам они пришли лишь осматривая карьерные разрушения по обе стороны I вала. Но и А.Х. Халиков пишет: «Поселение возникло здесь

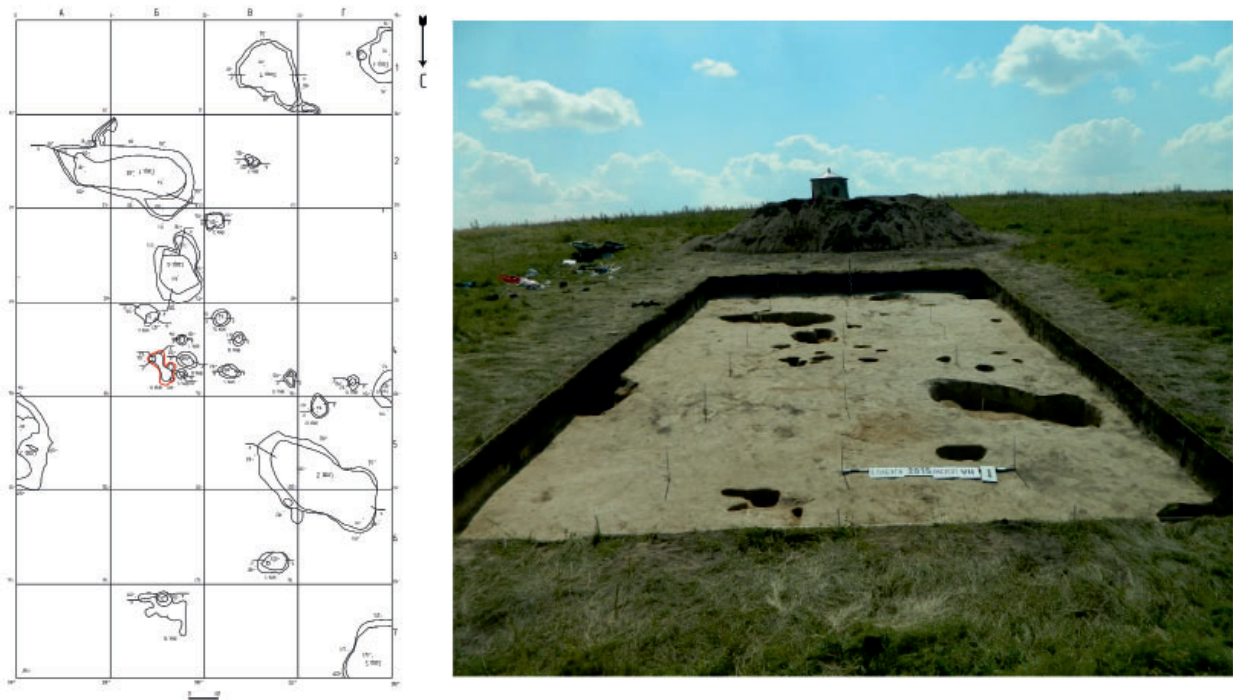

Рис. 4. Общий план и вид с севера раскопа VII.

Fig. 4. General plan and view from the northern part of excavation VII.

в ананьинскую эпоху, располагалось оно в мысовой части и в пространстве между I и II валами. Лишь затем был засыпан вал II из отложений культурного слоя ананьинского времени и отложений, привнесенных извне. С северо-восточной стороны вала II ананьинский слой наиболее значителен... Возникновение городища, очевидно, следует отнести к средней поре ананьинской культуры – около VI–V вв. до н. э.» (Казаков, Старостин, Халиков, 1987, с. 125).

В связи с этим было интересно посмотреть более отдаленные от внутреннего вала территории. В 2015 г. на городище проводились охранно-спасательные работы по Госконтракту № 1440-01-41. Исследования были заказаны Елабужским государственным историко-архитектурным и художественным музеем-заповедником и велись Елабужской археологической экспедицией. Раскоп VII площадью 112 кв. м, был заложен в северной части площадки мыса чуть южнее выступа подтреугольной формы (рис. 4). Мощность культурного слоя в раскопе вне конструкций колеблется от 28 до 60 см. Стратиграфия его не такая сложная, как на раскопах I–III. Нижний слой в виде сухой коричнево-серой суглинистой супеси имеет мощность 4–24 см. Именно с этим «доболгарским слоем» связа-

ны нижние заполнения большинства ямных сооружений. Было выявлено и изучено 8 ямных конструкций и 16 столбовых ям (что еще раз доказывает, что даже самые крайние пределы внутренней площадки были активно задействованы). Из ямных сооружений одна конструкция – остатки жилища, четыре – хозяйственного назначения именьковского, одна – болгарского, остальные – ананьинского времени.

В пределах данного небольшого раскопа было обнаружено 4053 фр. керамики, 3972 костей животных, металлургический шлак, глиняные обмазки. 2678 фрагментов керамики, или 66,7% от общего числа, – лепная посуда с толченой раковинной в тесте. На Елабужском городище раковина присутствует как в ананьинской, так и средневековой прикамско-приуральской керамике (ППК). Они очень схожи по форме, обжигу, толщине стенок. Отличие в основном в орнаменте. Из 504 орнаментированных фрагментов 212 относятся к ананьинской, 292 – ППК. По используемой нами методике получается 1124 фр. ананьинской керамики, что составляет почти 28% от всего количества (рис. 5). А ведь эта сторона городища всегда рассматривалась как территория, где лучше всего представлен именьковский материал.

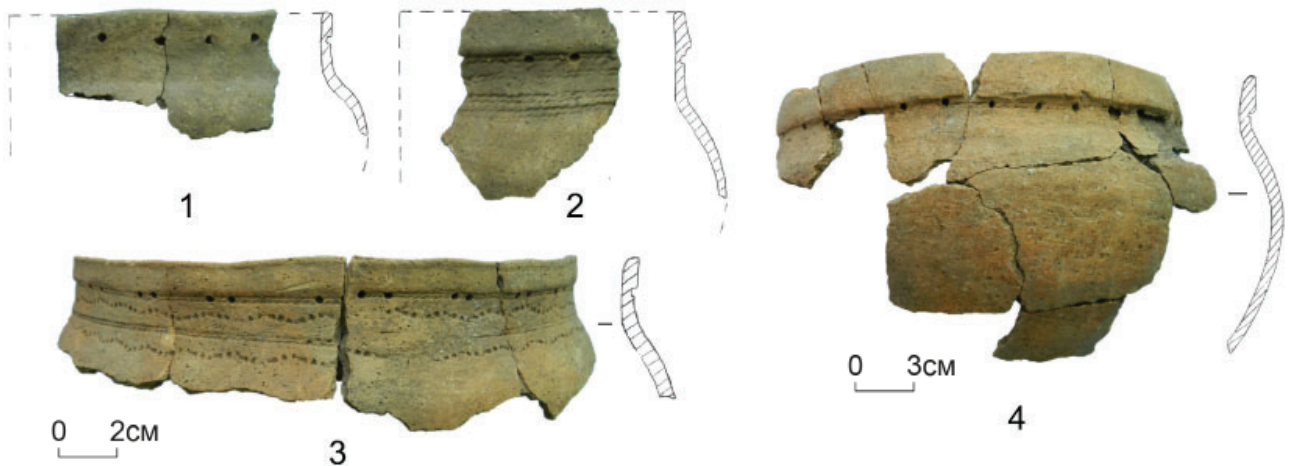

Рис. 5. Ананынская посуда из раскопа VII.
Fig. 5. Ananyino ware from excavation VII.

Рис. 6. Индивидуальные находки из раскопа VII.
Fig. 6. Individual finds from excavation VII.

Другие находки из культурного слоя представлены изделиями из кости, кремня и бронзы. Бронзовый наконечник стрелы из пласта 2 длиной 3,1 см имеет вес 3,5 г. (рис. 6: 1). Такие бронзовые втульчатые наконечники стрел с треугольным пером, выступающей втулкой и заостренными концами лопастей (тип С40), датируются исследователями V–III вв. до н. э. (Кузьминых, 1983). Подвески из кости (рис. 6: 3) и зуба (рис. 6: 5) могли служить в

качестве украшений, а также носить ритуальный характер «оберегов» (Ашихмина, Черных, Шаталов, 2006, с. 64). Еще один просверленный насквозь зуб лошади (лося?) происходит из заполнения соор. 2 (рис. 6: 6). Восьмеркообразная костяная пряжка длиной 4,9 см, диаметром отверстий 1,8 и 1 см также встречается на ананынских памятниках Нижнего Прикамья (рис. 6: 4). Обломок орнаментированного каменного пряслица

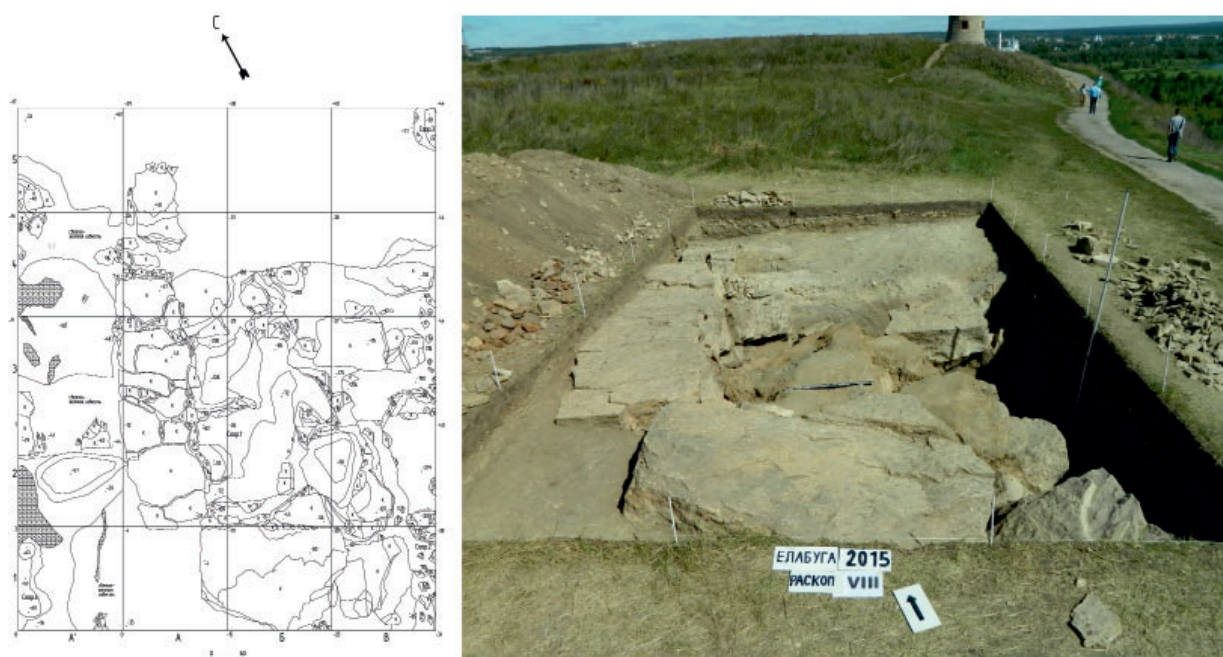

Рис. 7. Общий план и вид с юго-юго-запада раскопа VIII.
 Fig. 7. General plan and view from the south-south-west of excavation VIII.

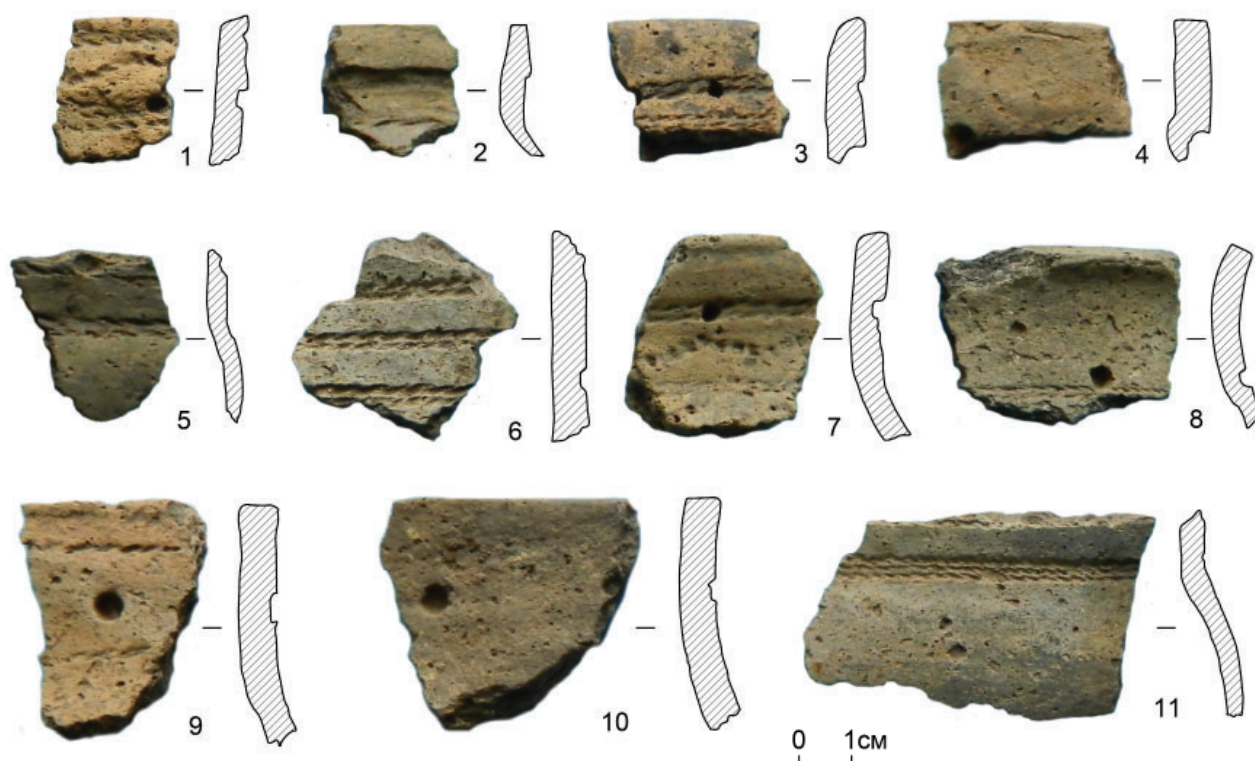

Рис. 8. Ананьинская керамика из раскопа VIII.
 Fig. 8. Ananyino ceramics from excavation VIII.

диаметром 4,5 см (рис. 6: 9) и два кремневых отщепы (3,4 см, 6 г; рис. 6: 8) и (3,7 см, 6,6 г; рис. 6: 7) относятся к нередким находкам Елабужского городища. Из соор. 4 происходят костяная подвеска (дл. 3,5 см, 4 г) и просверленная каменная пластина (рис. 6: 10). В

хозяйственного назначения яме № 14, датированной ананьинским временем, обнаружена ручная зернотерка из пористого известняка (рис. 6: 12).

В том же году между первым и вторым валами рядом с восточным краем площадки

Рис. 9. Общий план и вид с юга раскопа IX.
Fig. 9. General plan and view from the southern part of excavation IX.

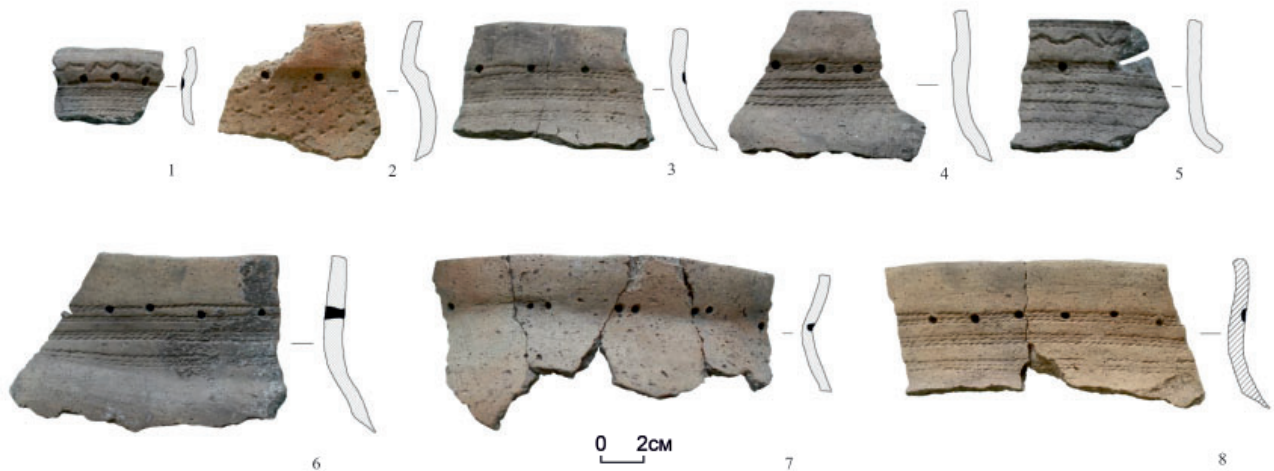

Рис. 10. Ананьинская керамика из раскопа IX.
Fig. 10. Ananyino ceramics from excavation IX.

был заложен раскоп VIII площадью 80 кв. м (рис. 7). В свое время в 2006 г. там был обнаружен т. н. «фундамент». Для нас была возможность проверить и степень насыщенности данной территории ананьинскими древностями. В северо-восточной части и западном углу раскопа сохранился слой коричнево-серой суглинистой супеси в пределах от 2 до 15 см, идентичный «доболгарскому слою» раскопа VII. В ходе раскопок была исследована мастерская XVII–XVIII вв. с двухкамерной печью. Всего из раскопа происходит 1806 фр. керамики, из которых лепная с толченой раковинной – 263 фр. При этом 6 фр. имеют харак-

терный орнамент керамики «постпетрогром», 38 – ананьинский (рис. 8).

По применяемой системе подсчета численность ранней посуды колеблется в пределах 225–230 фр., что менее 13% от общего количества керамики раскопа. Явное доминирование в раковинной керамике ананьинской посуды над ППК не только в слое, но и в конструкциях является особенностью данного раскопа, может, и всей данной территории. Ранних индивидуальных находок не обнаружено.

В 2019 г. на северной части городища были продолжены раскопки. Они проводились в

Рис. 11. Ручные зернотерки из раскопа IX.
Fig. 11. Hand grinding stones from excavation IX.

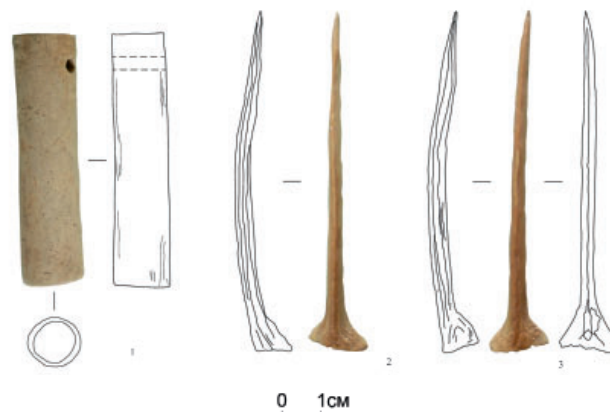

Рис. 12. Костяные индивидуальные находки из раскопа IX.
Fig. 12. Items made of bone from excavation IX.

рамках гранта ПАО «Татнефть» «Ferrira semita». Западнее раскопа VII был заложен раскоп IX площадью 120 кв. м (рис. 9).

Здесь мощность культурного слоя колеблется от 35 до 60 см. «Доболгарский слой» мощностью от 5 до 25 см лучше сохранился на северо-западной части раскопа. Полностью и частично было изучено девять ямных сооружений. В заполнении всех ям материал смешанный, представлен общеболгарской, прикамско-приуральской, именьковской и ананьинской керамикой. Всего было обнаружено 2506 фр. керамики. Из 1686 фр. с толченой раковиной посуды чуть меньше половины определена как ананьинская (рис. 10).

Индивидуальные находки ананьинского времени представлены ручными зернотерками (рис. 11), костяными проколками и несколькими костяными неопределенными предметами (рис. 12).

Исследования последних лет на Елабужском городище позволяют сделать некоторые предварительные выводы. Во-первых, можно констатировать, что северная часть площадки мыса была хорошо в древности обитаема. Во-вторых, в северной части памятника ананьинский материал хорошо представлен, чего не скажешь о территории между I и II валами. В-третьих, необходимо начать исследование в северо-восточной и северо-западной частях внутренней площадки городища.

ЛИТЕРАТУРА

Ашихмина Л.И., Черных Е.М., Шаталов В.А. Вятский край на пороге железного века: костяной инвентарь ананьинской эпохи (I тыс. до н.э.). Ижевск: УдГУ, 2006. 220 с.

Кавеев М.М. Исследование Елабужского городища // Археологические памятники Нижнего Прикамья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1984. С. 18–27.

Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х. Археологические памятники Татарской АССР. Казань: Татар. кн. изд-во, 1987. 240 с.

Корепанов К.И. Научный отчет об археологических исследованиях Елабужского (Чертова) городища в 1991 году. Елабуга, 1991. // Архив ЕГМЗ.

Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М.: Наука, 1983. 257 с.

Нигамаев А.З. Болгарские города Предкамья: Алабуга, Кирмень, Чаллы: Своеобразие материальной культуры населения. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2005. 228 с.

Нигамаев А.З. Историко-археологическое наследие Восточного Предкамья. Елабуга: ЕлТиК, 2020. 144 с.

Информация об авторе:

Нигамаев Альберт Зуфарович, кандидат исторических наук, доцент, Елабужский институт Казанского федерального университета (г. Елабуга, Россия); доцент, Набережночелнинский государственный педагогический университет (г. Набережные Челны, Россия); alnig.07@mail.ru

REFERENCES

Ashikhmina, L. I., Chernykh, E. M., Shatalov, V. A. *Vyatskiy kray na poroge zheleznogo veka: kostyanoy inventar' anan'inskoy epokhi (I tys. do n.e.) (Vyatka Region on the Threshold of the Iron Age: Bone Inventory of the Ananyino Period (1st Millennium B.C.))*. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

Kaveev, M. M. 1984. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Nizhnego Prikam'ia (Archaeological Sites of the Lower Kama Region)*. Kazan: G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 18–27 (in Russian).

Kazakov, E. P., Starostin, P. N., Khalikov, A. Kh. 1987. *Arkheologicheskie pamiatniki Tatarskoi ASSR (Archaeological Sites of the Tatar ASSR)*. Kazan: “Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ. (in Russian).

Korepanov, K. I. 1991. *Nauchnyy otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh Elabuzhskogo (Chertova) gorodishcha v 1991 godu (Scientific report on archaeological research of the Yelabuga (Chyortovo) hillfort in 1991)*. Elabuga, Archive of the Yelabuga State Museum-Reserve (in Russian).

Kuzminykh, S. V. 1983. *Metallurgiya Volgo-Kam'ia v rannem zheleznom veke (med' i bronza) (Metallurgy of the Volga-Kama Region in the Early Iron Age (Copper and Bronze))*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Nigamaev, A. Z. 2005. *Bolgarskie goroda Predkam'ia: Alabuga, Kirmen', Chally. Svoeobrazie material'noi kul'tury i naseleniia (Bolgar Towns of the Cis-Kama area: Alabuga, Kirmen, Chally. Originality of Material Culture and Population)*. Kazan: Kazan State University (in Russian).

Nigamaev, A. Z. 2020. *Istoriko-arkheologicheskoe nasledie Vostochnogo Predkam'ya (Historical and Archaeological Heritage of the Eastern Cis-Kama)*. Elabuga: “EITiK” Publ. (in Russian).

About the Author:

Nigamaev Albert Z. Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Elabuga Institute of Kazan (Volga Region) Federal University. Kazanskaya St., 89, Yelabuga, 423604, Republic of Tatarstan; Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, Nizametdinova st., 28, Naberezhnye Chelny, 423806 Republic of Tatarstan, Russian Federation; alnig.07@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2023 г.
Статья принята к публикации 01.04.2023 г.

УДК 902/903

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.2.214.242>

КЕРАМИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ПОСЕЛЕНИЯ «ПАНОВО ГОРОДИЩЕ»

© 2023 г. А.В. Новиков

Статья вводит в научный оборот материалы, полученные при раскопках Пановской стоянки (поселения «Паново городище») в 1925 г. Б. С. Жуковым. «Паново городище» – памятник многократного заселения, первоначально данное место обживается в неолите, далее в эпоху бронзы осваивается носителями чирковских культурных традиций. В финале бронзы здесь появляется посёлок, связанный с носителями сетчатых керамических традиций (СКТК), на начальном этапе раннего железного века занятый представителями акозинской культуры АКХО. В VII–V вв. до н.э. поселение входит в круг памятников вятско-ветлужской культуры АКХО. Материалы, полученные при раскопках поселения, являются ценным источником для понимания процессов освоения бассейна р. Ветлуги ананьинскими коллективами, а также взаимодействия между носителями разных культурных традиций внутри самого ананьинского мира. В IV/III–III вв. до н. э. местность посещается носителями рогожных керамических традиций. Заключительный этап освоения площадки памятника приходится на конец I тыс. до н.э. – первую половину I тыс. н. э. и середину – третью четверть первого тыс. н. э. На поселении этого периода фиксируются разные керамические традиции, следующие друг за другом. Находки ярко отражают перечисленные выше этапы освоения площадки памятника. Важно отметить, что поселений первой половины I тыс. н. э. на лесных заволжских территориях на сегодняшний день известно крайне мало, материалов собрано недостаточно и изучены они пока слабо, в связи с чем актуальность обращения к материалам раскопок поселения «Паново городище» высока.

Ключевые слова: Поветлужье, Пановское поселение, эпоха бронзы, СКТК, ранний железный век, сетчатая и рогожная керамика, акозинская и вятско-ветлужская культура АКХО, лесное Заволжье, поздний этап железного века.

THE IRON AGE POTTERY ASSEMBLAGES OF THE SETTLEMENT "PANOVO HILLFORT"

A.V. Novikov

The paper includes into the scientific circulation the materials received during the excavations of the Panovo station in 1925 by B.S. Zhukov. "Panovo hillfort" is a monument of multiple settling, at first this place was inhabited in Neolithic, then in the Bronze Age it was populated by the bearers of Chirki cultural traditions. In the final Bronze Age settlement appears here, associated with the bearers of textile ceramics traditions, at the initial stage of the Early Iron Age occupied by the representatives of the Akozino culture ACHA (Ananyino Cultural and Historical Area). In VII-V centuries BC the settlement was included into the circle of monuments of Vyatka-Vetluga culture ACHA. The materials obtained during the excavations of the settlement are a valuable source for understanding the processes of development of the Vetluga River basin by the Ananyino communities as well as the interaction between the bearers of different cultural traditions within the Ananyino world itself. In IV/III-III centuries BC in this site the bearers of Gorodetz culture appear. The final stage of developing of the site falls at the end of the I millennium BC - first half of the I millennium AD and at the middle - third quarter of the I millennium AD. Different ceramic traditions, following each other, are fixed at the settlement of this period. The finds clearly reflect the above-mentioned stages of developing of the site. It is important to note that the settlements of the first half of the I millennium AD in the forest territories of the Transvolga region are very little known today, not enough materials have been collected and they are still poorly studied, and therefore the use the excavation materials from the settlement "Panovo hillfort" is relevant.

Keywords: Vetluga River region, Panovo settlement, Bronze Age, textile ceramics, Early Iron Age, textile and matting ceramics, Akozino and Vyatka-Vetluga cultures ACHA, forest Transvolga region, late stage of the Iron Age.

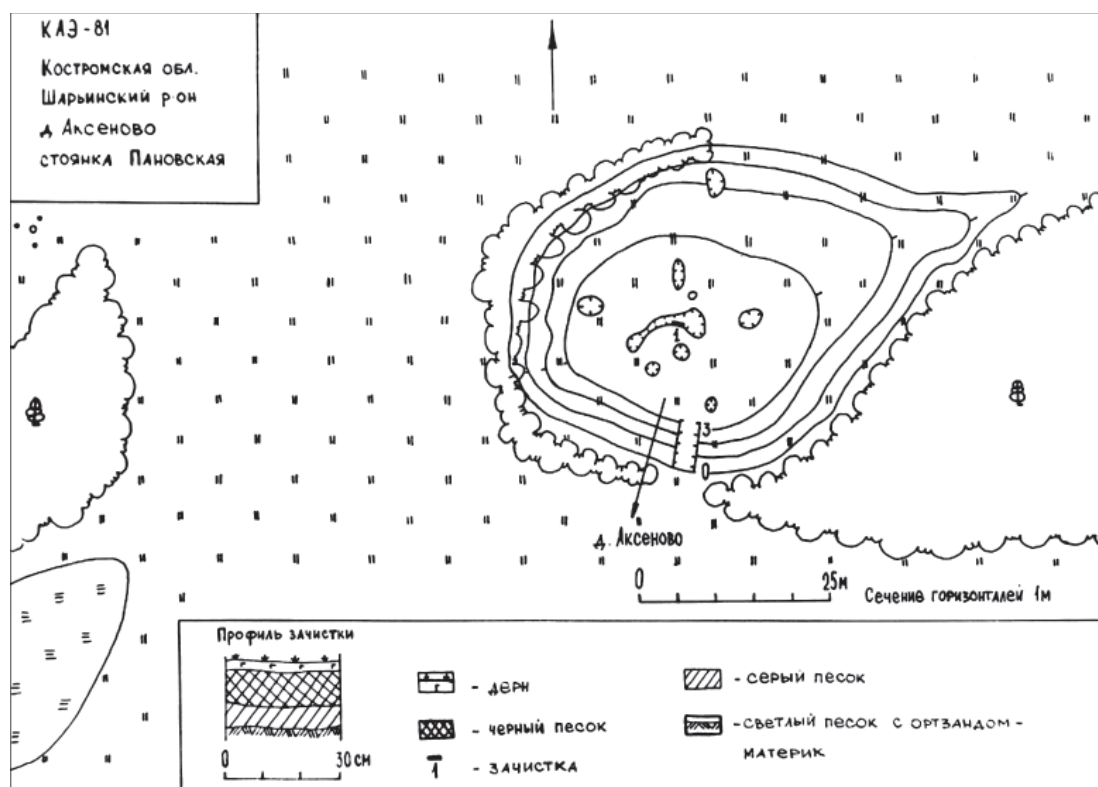

Рис. 1. План поселения «Паново городище». Выкопировка из паспорта памятника археологии. Составитель – К. И. Комаров, 21 ноября 1981 г.

Fig. 1. Plan of the settlement "Panovo hillfort". A copy of the passport of the monument of archaeology. Compiled by K. I. Komarov, November 21, 1981

Статья посвящена 130-летию со дня рождения выдающегося археолога Б.С. Жукова, чей вклад в изучение памятников археологии первобытной эпохи сложно переоценить. Большинство известных сейчас памятников железного века в регионе Поветлужья открыты и обследованы Антропологической экспедицией 1925–1927 гг., возглавляемой Б.С. Жуковым, при участии О.Н. Бадера и др. Среди изученных экспедицией памятников можно выделить такие городища, как Одоевское, Федоровское или Чортово, Богородское, Русенихинское и др. (Бадер, 1951а). О.Н. Бадером и М.В. Воеводским интерпретированы и систематизированы материалы экспедиции, определены характер памятников и их принадлежность (городища отнесены к ананьинской культуре). Материалы, собранные экспедицией, востребованы и сейчас. В настоящей статье рассмотрены комплексы керамики, полученные Б.С. Жуковым в 1925 г. при раскопках Пановского поселения.

Поселение «Паново городище» располагается в 1,3 км к ССВ от д. Аксеново (Шарьинский район Костромской области) на дюнном всхолмлении, возвышающемся над широ-

кой поймой правого берега р. Ветлуги на 3,5–4,0 м (рис. 1; 2) (Комаров, 1999, с. 287; Новиков, 2000). Останец находится в 60 м к ВСВ от озера Пановское. Местное название – «Городище» или «Курган». Памятник выявлен экспедицией под руководством Б.С. Жукова, обследующей берега р. Ветлуги, и получил название «Пановская дюнная стоянка близ д. Аксеново Ветлужского уезда» (Жуков, 1929, с. 63). В 1981 г. поселение обследовано К.И. Комаровым, а в 1999 г. – А.В. Новиковым (Новиков, 2000).

Первые раскопки на памятнике проведены Б.С. Жуковым в 1925 г. (рис. 3) (Бадер, 1951б, с. 17). Автор исследований отмечает, что культурный слой поселения значительно перемешан и содержит разновременные находки (Жуков, 1929, с. 66), а керамика, по его мнению, распадается на «неолитоидную», текстильную, сходную с городищами Одоевское I и Богородское I и др. (Жуков, 1929, с. 67).

Б.С. Жуков одним из первых советских археологов указал на важную роль керамики при изучении исторических процессов в древности, он своевременно поставил ключе-

Рис. 2. Пановская стоянка. Процесс раскопок 1925 г. Фото, номер в Госкаталоге 35129572. Местонахождение – Государственное бюджетное учреждение культуры Нижегородской области «Нижегородский государственный историко-архитектурный музей-заповедник». ГОМ-15617/8.

Fig. 2. Panovo site. Excavation in 1925. Photo, number in the State Catalogue 35129572. Location – State budget institution of culture of Nizhny Novgorod region "Nizhny Novgorod State Historical and Architectural Museum-Reserve". GOM-15617/8.

Рис. 3. Поселение «Паново городище». Фото памятника, 1981 г. (из паспорта памятника археологии).

Fig. 3. Settlement "Panovo hill-fort". Photo of the site, 1981 (from the passport of the monument of archaeology).

вой вопрос о гибридных комплексах посуды, заложил основы для ее изучения и, что немаловажно, предположил, что на территории заволжских лесов облик культуры более консервативный, долго сохраняющий самобытность (Жуков, 1929, с. 72). Проблематика, определённая Б.С. Жуковым, востребована и в настоящее время, а предложенные схемы (Жуков, 1929, рис. 13) вовсе не лишены оснований (не считая ряда формулировок) и выглядят вполне допустимыми даже почти сто лет спустя. Культуры неолита, представленные вместе с городищами дьякова типа, костенос-

ными и «Пенза – Саратов», на выработанной Б.С. Жуковым схеме не должны смущать, здесь автор попытался показать достаточно архаичный облик культурных образований на территориях лесного Заволжья, при этом определяя и последовательное их развитие.

Небольшой обзор материалов из Пановского поселения сделал О.Н. Бадер, вслед за Б.С. Жуковым пришедший к выводу о неоднократном заселении данного места (Бадер, 1951б). Ранний комплекс находок из поселения, к которому относится многочисленный каменный инвентарь и керамика с расти-

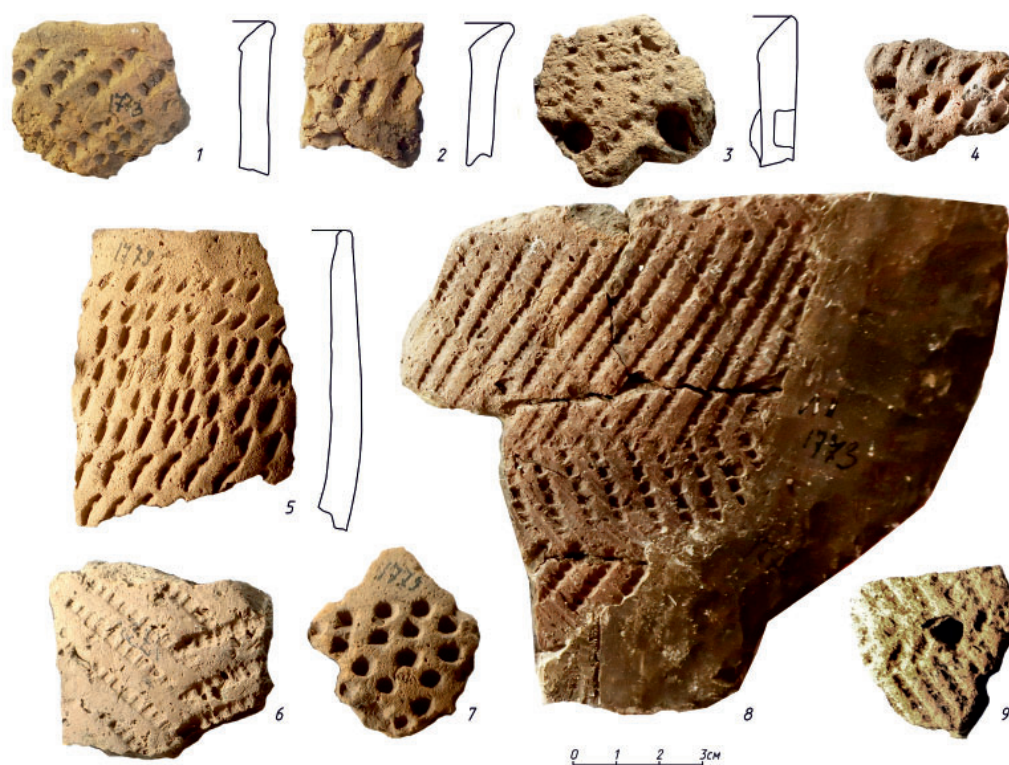

Рис. 4. Керамика эпохи неолита.

Fig. 4. Neolithic ceramics.

тельными примесями и зубчатым и ямочным орнаментом, по мнению О.Н. Бадера, близок стоянкам Балахнинской низины и Прикамья. Последующие в хронологическом отношении комплексы представлены обломками сосудов с «текстильными» отпечатками и сосудами баночной или горшковидной форм, с примесью шамота к глине, со сглаженной поверхностью, с орнаментом на шейках и частью на плечах в виде ямочных, зубчатых и линейных вдавлений (Бадер, 1951б, с. 18–19).

Далее приступим к характеристике керамической посуды, полученной при раскопках памятника Б.С. Жуковым. Выделяющиеся типологически и не связанные между собой разновременные комплексы керамики находились в перемешанном культурном слое (Жуков, 1929, с. 66). Особенность многих поселений, расположенных в левобережье Верхневолжского бассейна, заключается в многослойности и одновременно значительной смешанности находок. Поселение «Паново городище» входит в круг таких памятников и обладает, можно сказать, феноменальными характеристиками, его исключительность обусловлена прежде всего наличием не менее восьми керамических разновременных комплексов, в данной статье более подробно

рассмотрим часть коллекции, которая соотносится с РЖВ.

Керамические комплексы.

При исследованиях памятника в 1925 г. получена коллекция находок из глины и камня. Общее количество предметов по книге поступлений составляет 247 шт. Коллекция под номером ГОМ (Горьковский областной музей) 4059 хранится в ГБУК Нижегородской области «Нижегородский государственный историко-архитектурный музей-заповедник». Автор выражает огромную благодарность Л.Д. Шакуловой за помощь при работе с находками в фондах НГИАМЗ, а также А.А. Швецовой за содействие при определении исходного сырья и формовочных масс.

Коллекция керамики фрагментирована, целых форм сосудов нет. Анализ керамического материала позволил выделить несколько групп посуды с различными признаками, самая ранняя относится к неолиту (рис. 4). Из особенностей формирования коллекции керамики следует отметить ее стратиграфическую неразделенность. Весьма интересен в коллекции один фрагмент, на котором имеются отиски, напоминающие рамчатый штамп (рис. 5: 5). Не будем сейчас подробно останавливаться на особенностях такого деко-

ра, только обратим внимание, что подобный стиль орнаментации характерен для керамики из Одоевского городища (Новиков, 2021б). Нельзя не отметить, что в 2022 г. при обследовании городища О.В. Новиковой обнаружена керамика, орнаментированная сгруппированными оттисками шнура, что типично для керамической традиции ВВК АКИО, и рамчатым декором, подобные мотивы известны и на посуде Богородского городища (рис. 6: 1–4). Посуда с рамчатым декором из Богородского городища, найденная при раскопках О.Н. Бадером и В.Е. Стояновым, часто украшается оттисками рамчатого штампа, сочетающимися именно с шнуровыми оттисками (коллекция ГОМ 12520). На Одоевском городище посуда, орнаментированная рамчатым декором, более представительна, а ее доля в целом в коллекции значительна. На наш взгляд, допустимо ставить вопрос о распространении и в ананьинской среде во второй четверти I тыс. до н. э. посуды с рамчатым декором т. н. «одоевского типа», что отражает некоторое локальное своеобразие подобной керамики ВВК АКИО на памятниках в Верхнем и отчасти Среднем Поволжье. Посуда раннего железного века с рамчатым штампом обнаружена и в Верхнем Посухонье на поселении Векса I (Новиков, Недомолкина, 2021, рис. 10: 18), небольшой шлейф распространения такой керамики фиксируется и далее на северо-западе (Новиков, 2021 б, с. 127–128), что может являться свидетельством участия населения Верхней и Средней Ветлуги в процессах культурогенеза на Северо-Западе.

Возвращаясь к фрагменту керамики из поселения «Паново городище», обратим внимание, что оттиски гребенчатого штампа на нём узкие и длинные, с не полностью замкнутыми концами, в отличие от керамики из Одоевского городища. Структура черепка довольно рыхлая, концентрация раковины в формовочной массе большая. Очевидно, правильно предположить, что он соотносится с чирковскими древностями. В частности, подобный стиль декора с узкими и длинными оттисками и не совсем замкнутыми концами использовался обитателями Юринской стоянки (Соловьев, 2016, рис. 68: 2).

Кроме комплексов керамики, относящихся к раннему железному веку, в коллекции «Панова городища» имеется посуда предше-

ствующего времени, кратко её охарактеризуем.

Самый ранний комплекс находок представлен фрагментами керамики развитого и позднего *неолита* (рис. 4). Облик находок позволяет говорить, что поселение развивается в традициях Волго-Камских неолитических культурных образований. Часть рыхлой по своей структуре керамики, по всей видимости, соотносится с волосовскими древностями. Толщина стенок сосудов 0,5–0,8 см. Встречается как хорошо заглаженная (плотная), так и рыхлой структуры. Орнаментирована посуда оттисками гребенчатого штампа (наклонные и вертикальные отрезки, многорядные зигзаги) и ямочными вдавлениями, встречаются ямки с плоским дном и конические в сечении. Край у сосудов скошен внутрь. Очевидно, с керамикой первой группы соотносится и большинство предметов из камня.

Керамика эпохи бронзы.

Следующая группа керамики принадлежит носителям чирковских культурных традиций (рис. 5). Керамика сильно измельчена, в большинстве рыхлая пористая. По фрагментам верхней части в коллекции выделяется не менее четырех сосудов. Поверхность заглажена. Посуда с органическими примесями (выщелоченная раковина) в формовочной массе. Край у сосудов плоский приостренный, отогнуто-округлый наружу. Шейки отогнутые (раструбообразные или желобчатые), один сосуд – с слегка вогнутой шейкой (рис. 5: 2). Переход шейки к плечикам достаточно резкий. Толщина сосудов в верхней части 0,5–0,7 см. Керамика орнаментирована оттисками длинного гребенчатого штампа, каплевидными и овальными вдавлениями, наколами. У одного сосуда под краем имеется волнистый рельефный валик-«змейка». Посуда близка чирковской керамике с Галанкиной Горы и Юринской стоянки (Соловьев, 2000; 2016). Чирковские древности Б.С. Соловьев датирует концом III – первой третью II тыс. до н. э. (Соловьев, 2016, с. 93).

Сетчатая керамика финала бронзы — начала РЖВ.

В третью группу выделена посуда, поверхность которой обработана сетчатыми отпечатками (рис. 7; 8). В коллекции насчитывается небольшое количество фрагментов такой керамики – 41. По фрагментам верхних частей выделяется не более девяти сосудов. Коллек-

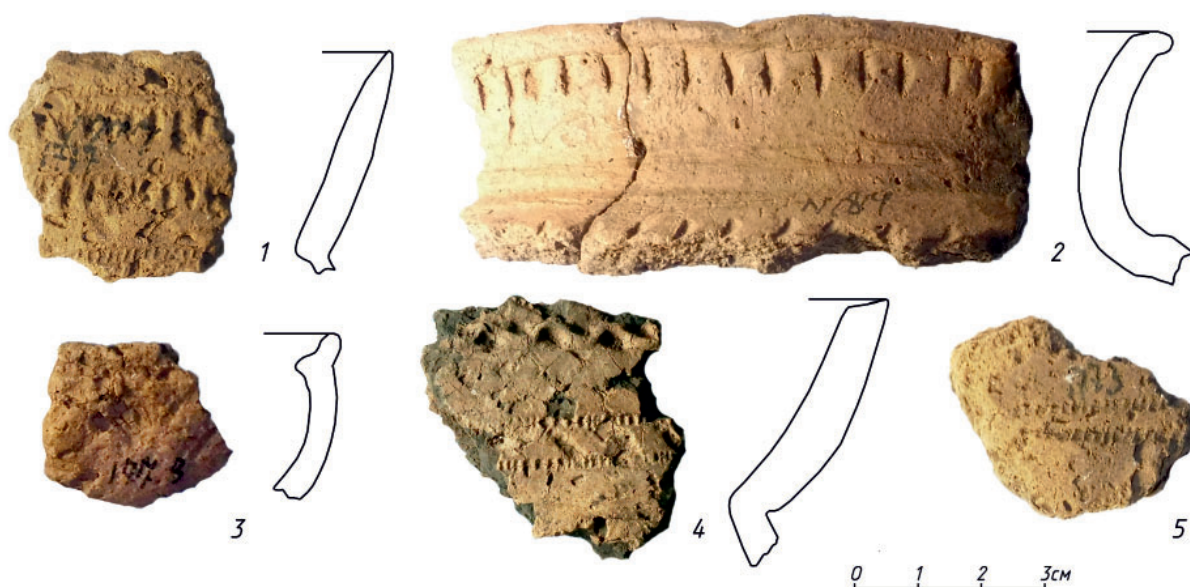

Рис. 5. Керамика чирковской культуры.
Fig. 5. Chirki culture pottery.

Рис. 6. Керамика с рамчатым декором «одоевского» типа из Богородского городища.
Fig. 6. Ceramics with frame decor of the "Odoevskoye" type from Bogorodskoye hillfort

ция сетчатой керамики выглядит достаточно цельно и имеет аналогии на памятниках финала бронзы – начального этапа РЖВ (СКТК (средневожская культура текстильной керамики) и аозинской АКЮ). По морфологическим особенностям оформления верхней части выделяются только горшковидные сосуды. Горшки с высокой цилиндрической,

иногда слабоотогнутой наружу шейкой. Переход к плечикам у одного горшка выражен, резкий, плечики выпуклые, у других (большинства) – плавный, плечики слабовыпуклые (рис. 7). Внутреннее ребро на керамике из Пановского поселения становится менее заметным, переход к плечикам – более плавным. Посуда с прямым горлом, переходящим

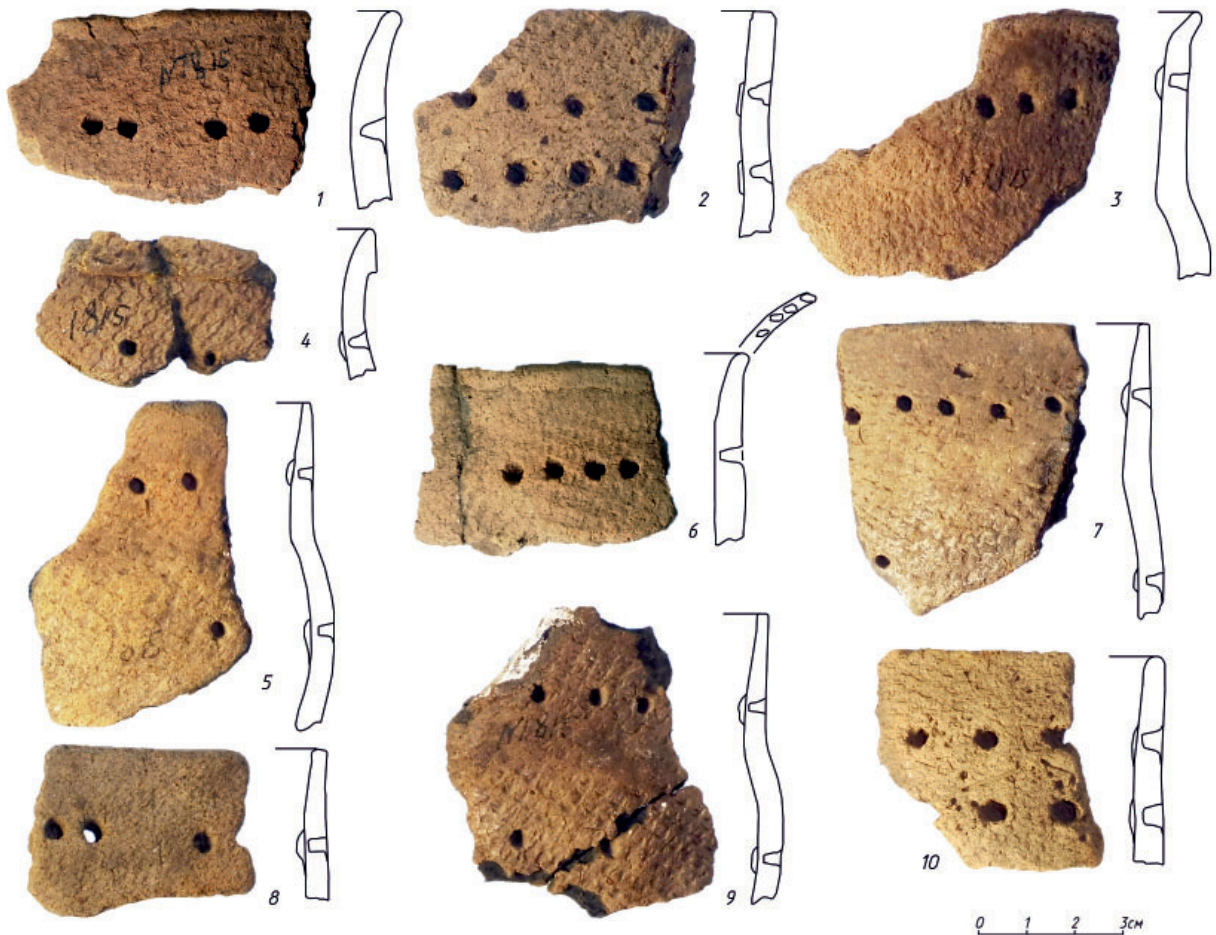

Рис. 7. Сетчатая керамика СКТК (№3), сетчатая керамика аказинской культуры АКЮ (№№ 1–2, 4–10).

Fig. 7. Textile ceramics (No. 3), textile ceramics of the Akozino culture Ananyino cultural and historical area (No. 1-2, 4-10).

в слабовыпуклое тулово, имеется на Ардинском (Патрушев, 2017, с. 65) и Богородском (коллекция ГОМ 12520) городищах. Реже в коллекции представлена плавнопрофилированная керамика со слегка вогнутой шейкой (рис. 7: 1, 4).

Выделяется край одного горшка, оформленный в виде небольшого приостренного валика (или короткого воротничка) – аналогичные венчики известны на Ардинском городище (Патрушев, 2017, с. 65). Шейка у этого сосуда плавновогнутая, поверхность обработана крупноячеистыми сетчатыми отпечатками (рис. 7: 4). У большинства же представленных сосудов край плоский, без утолщений, или округлый.

У одного сосуда, относящегося к СКТК, венчик, имеющий округлое окончание, сужается и слегка отгибается или заворачивается наружу (рис. 7: 3) – близкие сосуды известны на Казанской стоянке, Ардинском городище,

поселениях Мазарском и Мольбище (Чижевский, Галимова, Губайдуллина, 2019, рис. 12: 15; Михеев, 2017, рис. 8: 14; Соловьев, 1987, рис. 3: 9; Патрушев, 2017, рис. 4: 4; Соловьев, 2000, рис. 78: 2–4). Посуда с подобным отворотом только самого верха отчасти близка традициям формирования венчиков в эпоху поздней бронзы.

Весьма представительна в коллекции посуда, имеющая прямой срез края и утончающийся кверху венчик (рис. 7: 5, 7, 9), похожая собрана при раскопках Маклашеевского II и Ардинского городищ (Марков, 2007, рис. 32; Патрушев, 2017, рис. 4: 3). Сужающийся к краю венчик наблюдается и у плавнопрофилированной посуды. Близкие по стилю единичные горшки с цилиндрической шейкой и приостряющимся венчиком известны на поселении Умиленье (Новиков, 2021a, рис. 2: 14, 21), но отличают их от керамики из Пановского поселения орнаментальные мотивы (для

Рис. 8. Сетчатая керамика финала бронзы – начального этапа РЖВ (№№ 1–11), оборотная сторона (№№ 12–14). «Гибридная» керамика из Васильсурского II городища (№ 15).
Fig. 8. Textile ceramics of the Late Bronze Age – beginning of the Early Iron Age (No. 1–11), the reverse side (No. 12–14). "Hybrid" ceramics from Vasilsursk II settlement (No. 15).

керамики из поселения Умиленье характерны зигзаги из ямок, которых нет на керамике из Пановской стоянки). В целом следует отметить, что такая форма венчика не типична для сетчатой керамики Костромского Поволжья.

Фрагменты от донных частей в коллекции из Пановской стоянки отсутствуют, однако вполне вероятно, что посуда была округлодонной.

Черепки плотные. Керамика в основном коричневых оттенков, имеется и серо-коричневых. С внутренней стороны поверхность сосудов заглажена или заштрихована, штрихи при этом тонкие и сгруппированы в широкие разнонаправленные полосы (рис. 8: 12–14). Структура штрихов отличается от керамики

из поселений Верхней Волги (Федоровская, Вознесенское I, IV, Говядиново), где штрихи более широкие и с четкими выраженными глубокими бороздками, или выполнена беспорядочная легкая штриховка внутренней поверхности, как на поселении Умиленье (Новиков, 2021a, с. 52). Толщина стенок посуды Пановского поселения составляет от 0,45 до 1,0 см, в среднем около 0,5 см. Изготовлена керамика, как правило, из запесоченной глины, размерность зерен песка от 0,1 до 1,0 мм. Реже делалась посуда из среднезапесоченной или слабозапесоченной глины. Различия в источниках исходного сырья проявляются достаточно явно. Пылевидный песок присутствует как в большом количестве, так

и в малом, в формовочной массе некоторых фрагментов его практически нет. Часто встречаются включения окислов железа и оолиты бурого железняка. Прослеживаются и следы органического раствора, а также пустоты от выгоревшей растительной примеси в малой концентрации – можно предположить использование выжимки из навоза (исходное сырье и формовочные массы здесь и далее – определение А.А. Швецово́й). Единично в аозинскую керамику добавлен редкий шамот (рис. 7: 5). Отметим интересный, на наш взгляд, момент: у ряда сосудов (СКТК) глина запесоченная, пылевидного песка в нём практически нет, в отличие от аозинских сосудов, у которых может наблюдаться различное исходное сырье.

Представленная сетчатая керамика из Пановского поселения орнаментирована только вдавлениями (округлой формы) – это основной элемент орнамента, такая же картина характерна и для сетчатой керамики из Казанской стоянки (Чижевский, Галимова, Губайдуллина, 2019, с. 126). Только на одной стенке сделан тычок. Ямки с рваными краями поставлены нечасто (при этом диаметр ямок обычно небольшой – 0,3–0,4 см). Ямки выполнены примерно через одинаковые интервалы и, вероятно, редко группировались по две в ряд (рис. 7: 1). Несгруппированные ямки типичны для аозинской керамики (Чижевский, 2019, с. 134). Вдавления чаще глубокие, образующие выпуклины с обратной стороны, редко слабо вдавленные. Ямки – с округлым или плоским дном. Для сетчатой керамики из Пановского поселения характерен поясок из ямок по шейке горшка, второй ряд из вдавленных обычно выполнен по плечикам или реже – в основании шейки, в более редких случаях ямки нанесены по тулову. Только один горшок орнаментирован по краю небольшими тычками (рис. 7: 6).

Внешняя поверхность керамики декорирована рябчатыми и нитчатыми отпечатками начиная от края горшка. Рябчатые отпечатки – мелкоячеистые и крупноячеистые, хаотично расположенные, редко регулярно построенные, встречаются узкой ногтевидной формы. Отпечатки в основном чётко вдавленные (чаще нитчатые или крупноячеистые рябчатые), имеются и слабо вдавленные подзатертые (как правило, мелкоячеистые рябчатые). Сетчатая керамика с нитчатым отпечатком на

поселении встречается несколько реже, впрочем, как и на Ардинском городище (Патрушев, 2017, с. 65), что сближает эти памятники с верхневолжскими. Структура нитей мелкая, наложены они близко друг к другу (чаще хаотично), встречаются и стежковые отпечатки. В коллекции из Пановского поселения отсутствует сетчатая посуда с заглаженными участками по шейке.

Относительно аозинской керамики стоит заметить, что ее поверхность декорировалась как нитчатыми, так и рябчатыми отпечатками (Патрушев, 1989а, с. 71; Новиков, 2021б, с. 115; Патрушев, 1989б, с. 108). Доля сосудов с нитчатым отпечатком на волжских поселениях достигает 38,3% (Патрушев, 1989а, с. 71). На поселениях Верхней Волги такое сочетание отпечатков у населения, изготавливавшего сетчатую керамику в РЖВ, становится менее популярным, превалирующий тип отпечатка – рябчатый мелкоячеистый (Новиков, 2015; 2020; 2021а), крупноячеистый отпечаток на сетчатой керамике появляется здесь уже в начале первого тысячелетия до н. э. (Новиков, 2020). Нитчатый отпечаток более характерен для керамики из памятников Окского бассейна (Фоломеев, 2017, с. 321).

На Пановском поселении нет керамики с подштрихованной внешней поверхностью, сочетающей штриховку (часто хаотичную) и сетчатые отпечатки, следами штриховки, наносимой поверх сетчатых отпечатков, а также сосудов, иногда совмещающих заглаженные, подштрихованные и обработанные сетчатыми отпечатками участки внешней поверхности, что весьма характерно для поселений финала бронзы – начального этапа РЖВ верховьев Волги и более северных территорий – Посухонья. Аозинская керамика при определенных сходствах с сетчатой керамикой верхневолжских типов все-таки обладает своеобразием и имеет свою выраженную специфику, в то же время влияние носителей аозинских традиций на население Верхневолжских регионов вполне ощутимо: по некоторому ряду признаков определяется сходство западных аозинских памятников и верхневолжских.

После распада текстильного мира эпохи поздней бронзы происходит перегруппировка населения, на посттекстильном пространстве образуются самостоятельные локальные культурные образования (раннедьяковская,

волховского типа, позднекаргопольская, городская, аозинская и др.), для большинства которых на ранних этапах становления характерна именно сетчатая обработка поверхности посуды, которая занимала главное место в керамических наборах. На верхневолжских поселениях, находящихся в окружении этих культур, практика сетчатой обработки сохраняется наиболее долго, почти на всем протяжении развития поселений в РЖВ население бережно сохраняет традиции, восходящие к эпохе поздней бронзы. В то же время при наличии особенностей, выраженных в керамическом производстве отдельных локальных обособленных культурных образований, в среде пока близкого населения культурно-исторической области с сетчатой керамикой на начальном этапе раннего железного века (IX–VI вв. до н. э.) коммуникации остаются ещё, очевидно, на высоком уровне: население достаточно легко обменивается информацией и новыми технологиями. Это объясняет и свободное обращение некоторой категории изделий на обширной территории, в частности аозинско-меларских кельтов, на данное обстоятельство обращает внимание С.В. Кузьминых (Кузьминых, 1977, с. 139). В пользу этого предположения говорят и находки литейных форм для изготовления кельтов аозинско-меларского типа на поселениях Верхневолжского региона (Ватажка) и Посухонья (Векса I), расположенных вне основного ареала аозинской культуры, вполне отчетливо определённого С.В. Кузьминых и А.А. Чижевским и включающего Казанское, Чувашское, Марийское Поволжье и Нижнюю Оку (Кузьминых, Чижевский, 2009, с. 34; Кузьминых, Чижевский, 2020, ил. 2).

Основной массив находок аозинско-меларских кельтов и форм для их изготовления вне главного ареала аозинской культуры в Волго-Камье приходится на районы Скандинавии. Судя по карте М.А. Юшковой, концентрируются такие находки и на территориях, располагающихся западнее – юго-западнее верхневолжского бассейна, замечен небольшой шлейф и севернее Волги (Юшкова, 2011, рис. 5). Распространение подобных изделий на запад из района Средней Волги до Скандинавии по цепочке среди родственного населения РЖВ с сетчатой керамикой предполагает и обосновывает С.В. Кузьминых (Кузьминых, 1977, с. 139).

Характер орнаментации сетчатой керамики РЖВ Поволжья имеет явные отличия в различных областях ее распространения, но основные принципы построения при этом остаются схожими. Морфология аозинской посуды, в свою очередь, также несколько отличается от керамики РЖВ из Верхневолжских поселений и раннедьяковской, при этом влияние носителей аозинских культурных традиций АКЮ на изготовление посуды на ряде поселений в верхневолжских регионах не исключается, а заимствования фиксируются. Например, на Минском городище известна керамика, орнаментированная гладким штампом, что не свойственно для сетчатой керамики из поселений Верхней Волги начала РЖВ. Для раннедьяковской посуды и сетчатой керамики верхневолжских типов начального периода раннего железного века характерны добавки дресвы (Лопатина, 2011, с. 128; Новиков, Швецова, 2022), примесь шамота в формовочную массу не добавлялась или составляет незначительные доли, отмечаясь в единичных сосудах. В аозинскую керамику шамот, напротив, включался, хотя примесь дресвы так же составляет большие доли (Михеев, 2017, с. 35). В формовочной массе керамики Пановского поселения фиксируются следы органического раствора и пустоты от выгоревшей растительной примеси, редко – единичный шамот.

Таким образом, на начальном этапе РЖВ между носителями сетчатых керамических традиций на сопредельных территориях – Верхней и Средней Волге – на качественном уровне сохраняются коммуникации и поддерживаются связи, о чем свидетельствует распространение аозинских материалов на поселениях Верхнего Поволжья, – на данное обстоятельство указывает и А. А. Чижевский (Чижевский, Кузьминых, Патрушев, 2021, с. 141). Сетчатая керамика из поселений Ярославского и Костромского Поволжья имеет определённые схожие черты с посудой Верхней Сухоны (Новиков, Недомолкина, 2021, с. 362), близость обнаруживается и с посудой из памятников Тверского Заволжья, но при этом керамика разных регионов уловимо различается между собой по характеру орнаментации: так, у материалов с памятников Тверского и Ярославского Поволжья более ощутим дьяковский след.

В свою очередь, керамические наборы и их сочетание на поселениях РЖВ Посухо-

нья и Белозерья несколько иные в сравнении с верхневолжскими. Выделяя отличия позднекаргопольских поселений от более южных (волжских), с сетчатой керамикой, нужно отметить, что на позднекаргопольских памятниках сочетается заглаженная керамика с узкой гребенкой, подштрихованная и сетчатая с рябчатым отпечатком (отличительный признак), на второй стадии развития появляется посуда ВВК АКЮ и гибридная, которая формируется на основе совокупного разнообразия признаков всей предшествующей керамики из поселений, в отличие от памятников бассейна Волги, где гибридный комплекс типа «ватажка» складывается на сетчатой основе (Новиков, 2018; 2022). Хорошо представлены на позднекаргопольских поселениях и изделия из кости, встречены из металла и камня (Ошибкина, 1975, с. 18) – данное обстоятельство также несколько отделяет позднекаргопольские поселения от верхневолжских с сетчатой керамикой. Важно обозначить и тот момент, что доля сетчатой керамики в соотношении с другими типами посуды на позднекаргопольских поселениях меньше (Ошибкина, 1975, с. 21; Манюхин, 1988, с. 13), в отличие от верхневолжских, где она значительно превалирует. Нетипична для волжских памятников и посуда с заглаженной поверхностью и оттисками гребенчатого (длинного и узкого) штампа, такая керамика, по мнению С.В. Ошибкиной, характерна для ранней стадии развития позднекаргопольской культуры (Ошибкина, 1975, с. 19): в это время на берегах Верхней Волги население по большей части поддерживало традицию изготовления сетчатой посуды, иногда и с подштрихованной поверхностью (штриховка чаще хаотичная), на Средней Волге – сетчатой.

Южные границы для керамики такого типа (с оттисками узкого гребенчатого штампа) стоит очерчивать регионом Белозерья и Верхней Сухоны, где она еще встречается на поселениях вместе с сетчатой и подштрихованной посудой, что, по сути, и оконтуривает южные границы позднекаргопольских древностей. На поселениях, приближенных к основному течению р. Волги, например, на городище Минском, она отмечается, но в единичном экземпляре, а по тулову обработана сетчатыми отпечатками (Новиков, 2019а, рис. 6: 4), ее появление здесь можно рассматривать в

рамках контактов между группами населения в РЖВ.

География распространения поселений с схожими традициями изготовления и развития сетчатой керамики в финале бронзы – начале раннего железного века (X/IX–VII/VI вв. до н. э.) в Верхневолжском регионе охватывает Молого-Шекснинское междуречье на западе и достигает долины р. Унжи на востоке (Новиков, 2022). Регион располагается на стыке культур начального этапа РЖВ – раннедьяковской, аозинской, позднекаргопольской, что определяет его своеобразие и способствует взаимодействию ряда культурных образований начального этапа РЖВ на этих территориях. Именно эти области с VI в. до н. э. станут активно осваиваться населением ВВК АКЮ. Данные лесные, в первую очередь левобережные, волжские районы объединяет схожесть проистекавших на них культурных процессов в финале бронзы – начале раннего железного века (до VI в. до н. э.). Выражается это в консервативности изготовления сетчатой керамики с традициями, восходящими к позднему бронзовому веку и долго сохраняющимися в керамическом наборе, наличии на поселениях предметов из камня (чаще это отщепы и односторонние скребки), практически полном отсутствии изделий из цветных и черных металлов (появляющихся во второй четверти I тыс. до н. э., ближе к окончанию), обязательном сочетании посуды с сетчатой (в большинстве), заглаженной и подштрихованной поверхностью, стиле орнаментации, морфологии верхней части, плоскодонности (часто дно с закраиной или уступом), значительном превалировании керамики, декорированной рябчатыми мелкоячеистыми отпечатками, которая, по сути, является индикатором поселений с сетчатой керамикой бассейна Верхней Волги, сходстве хозяйственного уклада, устройстве большинства поселений на краях низкой надпойменной террасы или останцах.

Безусловно, все выше поднятые проблемы требуют самостоятельного глубокого освещения. Сейчас рассуждения могут трактоваться только как постановка этого важного вопроса. Изучение специфики сетчатой посуды необходимо продолжить, предстоит четче определить и более узкие хронологические рамки изменений традиций ее изготовления на протяжении РЖВ.

Следует также отметить, что в коллекции находок из поселения «Паново городище» отсутствует гибридная керамика РЖВ. Очевидно, что расселение носителей сетчатых керамических традиций предшествовало появлению на берегах Верхней Ветлуги населения ВВК АКИО, которое активно проявляет себя в этих местах начиная с VII в. до н. э. Следовательно, можно предположить, что уже с VII в. до н. э. в верхнем и среднем течении Ветлуги происходит изживание традиции декорирования стенок горшков сетчатыми отпечатками (акозинская АКИО) и распространяется заглаженная керамика с шнуровыми и гребенчатыми отпечатками (ВВК АКИО). О данном обстоятельстве можно судить по материалам Богородского городища и собственно Пановской стоянки. Весьма немногочисленна посуда, сочетающая примесь раковины и сетчатую обработку поверхности, в коллекции Богородского городища, полученной при раскопках памятника в 1958 г. В.Е. Стояновым (коллекция ГОМ 12520). Гибридная керамика с сетчатыми отпечатками на поверхности и примесью раковины в формовочной массе начинает определять специфику поселений РЖВ, расположенных по берегам р. Волги, в приустьевых районах Ветлуги. Она встречается на Ардинском, Копаньском, II Васильсурском городищах (рис. 8: 15), Токаревском, Нижне-Услонском поселениях (Патрушев, 2017, с. 65; Халиков, 1962, с. 94, 104, 111, 151). А.Х. Халиков одним из первых обращает внимание на такую посуду. Близкая керамика была определена В.Н. Марковым на II Маклашеевском городище (Марков, 2007, с. 40). Рассматривая общий контекст взаимодействия культур АКИО (акозинской и вятско-ветлужской), можно говорить, что появление керамики с сетчатыми отпечатками, примесями раковины и гребенчато-шнуровым орнаментом на поселениях Средней Волги и Ветлуги, предположительно, происходит в конце VII в. до н. э., развитие подобной керамической традиции – в VI в. до н. э.

Общие признаки (стиль и характер орнамента, степень выпуклости плечика, морфология верхней части горшка, отсутствие чашевидных форм сосудов, присущих для памятников СКТК, характер сетчатых отпечатков (в т. ч. наличие крупночешуйчатых отпечатков)) позволяют отнести основной массив керамики из Пановского поселения к акозин-

ской (или акозинско-ахмыловской) культуре АКИО, впервые выделенной С.В. Кузьминых (Кузьминых, 1977, с. 138–139; 1983), период бытования последней приходится на IX–VI вв. до н. э. (Кузьминых, Чижевский, 2017, с. 25; Чижевский, 2020, с. 167).

Поселение «Паново городище» – одно из самых северных известных сейчас поселений акозинской культуры, круг аналогий посуды из культурного слоя памятника входит в её очерченный ареал. Подобная керамика имеется на целой серии поселений: Ардинском, Васильсурском II, Сомовском I, II и Богородском городищах, Сиухинском, Мольбище, Казанском, Нижне-Услонском поселениях (Патрушев, 2017, рис. 3–6; Патрушев, 1989 б, рис. 2: 7, 9–10, рис. 3: 1; Михеев, 2017, рис. 9–10; Ефремова, Соловьев, 2014, рис. 13; Халиков, 1962, табл. XXII, XXX, Никитин, Соловьев, 2001, рис. 8: 3–10; Стоянов, 1959; Чижевский, Галимова, Губайдуллина, 2019, рис. 12). Вместе с тем появление носителей сетчатых керамических традиций на поселении «Паново городище» происходит уже в эпоху поздней бронзы, финале бронзы. Посуда из поселения имеет некоторые общие черты с частью керамических комплексов из Мазарского поселения, поселения Мольбище и Гулькинской стоянки – памятников круга древностей средневожской культуры текстильной керамики (СКТК) (Чижевский, Соловьев, Азаров, 2021).

В целом сетчатая керамика бассейна р. Ветлуги (особенно в верхнем и среднем ее течении) изучена еще недостаточно. На поселенческую активность носителей сетчатых керамических традиций в финале бронзы – раннем железном веке на берегах р. Ветлуги может указывать керамика, найденная в нижних слоях Богородского городища (Стоянов, 1959, с. 162, 181), на Одоевском городище и поселении «Паново городище». Небольшое количество сетчатой керамики при разведках собрано на Нагорном поселении и городище Селиваниха (Николаенко, 2013).

Керамика ВВК (гребенчато-шнуровой керамики) АКИО.

Комплекс керамики ананьинского облика (ВВК) в коллекции немногочисленный. По фрагментам верхней части насчитывается шесть горшковидных сосудов этой группы (рис. 9). Керамика измельчена (ломкая, рыхловатая), редко встречаются крупные обломки. Поверхность фрагментов снаружи и изнутри

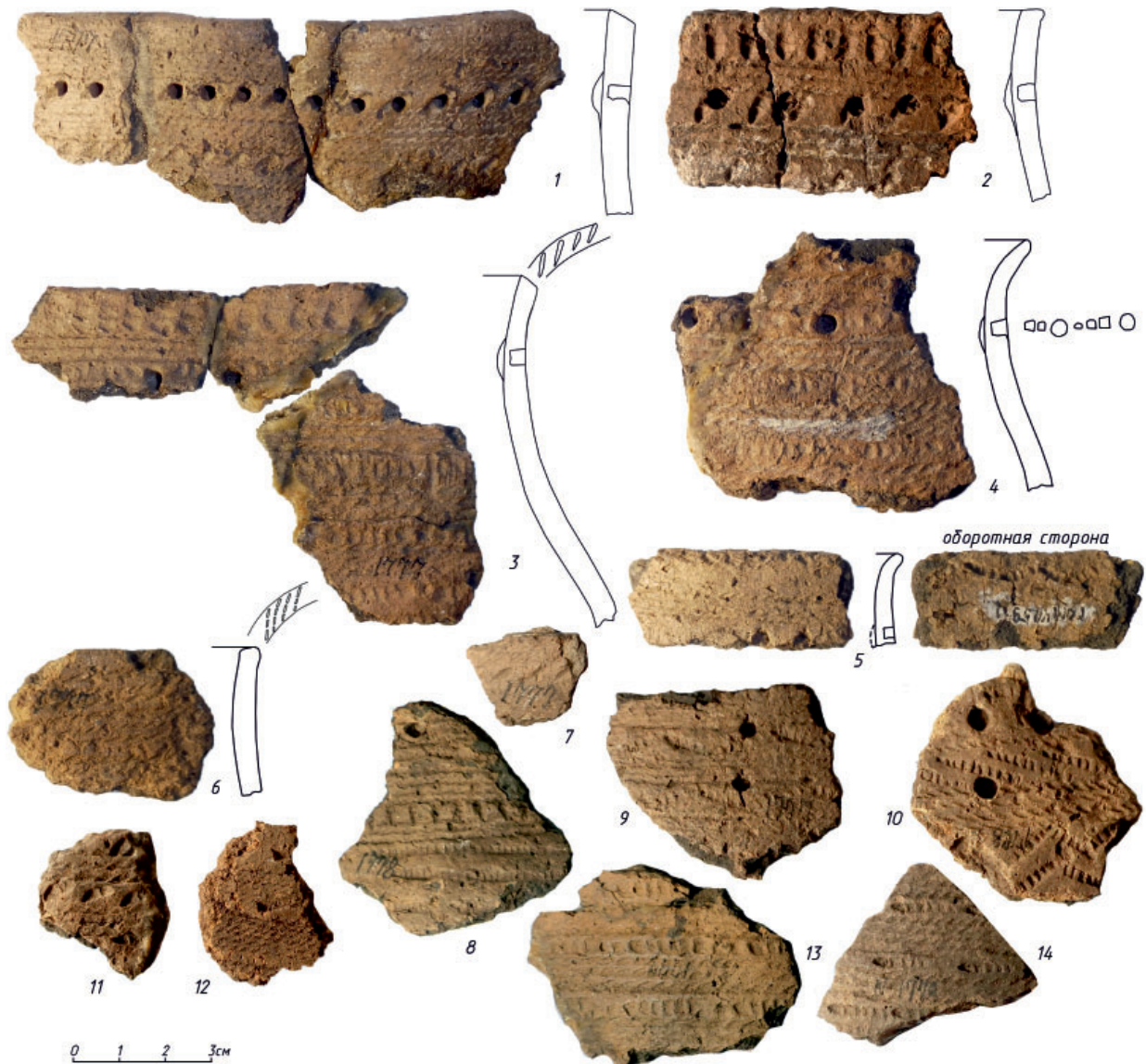

Рис. 9. Керамика вятско-ветлужской культуры АКЮ.

Fig. 9. Ceramics of the Vyatka-Vetluga culture Ananyino cultural and historical area.

заглажена. Толщина стенок посуды варьирует в пределах 0,4 до 0,5 см, редко достигая 0,6 см. Цвет керамики с внешней стороны чаще коричневых оттенков, с внутренней – от серо-коричневого до серого, темно-серого. В изломе – от темно-серого до черного цветов.

По морфологическим признакам выделяется посуда с вертикальными или слабоотогнутыми горловинами. Шейка средняя или высокая. Плечики слабовыпуклые. Преобладают горшки с относительно высокой шейкой и слабовыпуклыми плечиками. Имеются в коллекции сосуды с сильно отогнутыми наружу венчиками и плавновогнутой шейкой (рис. 9: 4, 5) – керамической традицией, характерной для памятников ВВК АКЮ бассейна р.

Вятки. На преобладание цилиндрических сосудов на Ветлуге при наличии горшковидных с плавно отогнутым горлом указывал еще А.Х. Халиков (Халиков, 1977, с. 243). Следует отметить, что на ближайшем к Пановскому поселению Одоевском городище также преобладает посуда со слабовыпуклыми плечиками (Новиков, 2021б).

Оформление края посуды – плоский, округлый, округло-утолщенный, слегка скошенный наружу. У двух горшков срез орнаментирован косо поставленными отрисками гребенчатого штампа и косыми нарезками.

В состав формовочной массы керамики ВВК АКЮ добавлялась раковина моллюсков (выщелочена). Для изготовления посу-

ды употреблялась незапесоченная глина без пылевидного песка или с мельчайшим пылевидным песком.

Украшена керамика ВВК АКИО из Пановского поселения гребенчатым штампом, шнуровыми оттисками, вдавлениями. Орнаментальная зона начинается сразу из-под края сосудов. При орнаментации используется сочетание оттисков гребенчатого штампа и шнура; гребенчатого штампа, шнуровых оттисков и ямок; шнуровых оттисков с ямками. Особенность вятско-ветлужской керамики, выраженную в сочетании посуды с гребенчато-шнуровой и гребенчатой орнаментацией, часто дополняемой и ямками, выделяет А.А. Чижевский (Чижевский, 2020, с. 228). Гребенчато-шнуровую керамику с вятско-ветлужским междуречьем связывал и В.Н. Марков (Марков, 2007).

Оттиски многорядного шнура всегда наложены с разделителями. В одной полоске группируются по три, четыре, шесть рядов из шнуровых оттисков. Направление оттисков – левонаклонное и правонаклонное. В качестве разделителей использованы ряды каплевидных вдавлений, однорядные зигзаги из оттисков гребенчатого штампа, короткие наклонные и вертикальные оттиски гребенчатого штампа, округлые, подпрямоугольные, каплевидные и подовальные неглубокие вдавления, неорнаментированное пространство. Часто фиксируются именно неглубокие вдавления, больше напоминающие тычки. У одного сосуда в качестве разделителей присутствуют горизонтально нанесённые короткие отрезки гребенчатого штампа – аналогичное расположение оттисков гребенчатого штампа характерно для лебяжской посуды (Буров, 1983, с. 35, рис. 2: 18).

Из оттисков гребенчатого штампа создавались однорядные и многорядные зигзаги, делались наклонные отрезки и горизонтальные линии. Один фрагмент в коллекции украшен с внутренней стороны однорядным зигзагом из оттисков гребенчатого штампа, выполненным сразу под краем (рис. 9: 5). Оттиски гребенки встречаются как четко вдавленные, так и слабо углубленные. Едва заметные оттиски гребенчатого штампа характерны для лебяжской орнаментальной традиции (Буров, 1983, с. 35). Ямки делались глубокие, образующие выпуклины с обратной стороны, дно у них плоское. Вдавления размещены по шейке

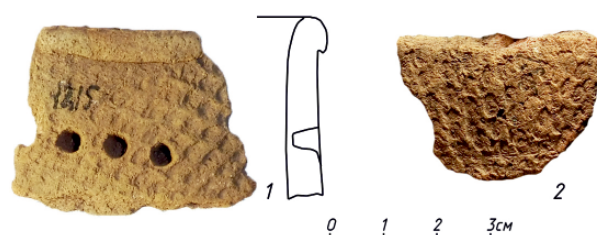

Рис. 10. Рогожная керамика.

Fig. 10. Matting ceramics.

сосудов – тождественная посуда собрана на Богородском, Русенихинском, Ардинском городищах, других памятниках Поветлужья и в районах Средней Волги, прилегающих к устью Ветлуги. Встречаются «глазчатые» ямки, на одном горшке они состоят из круглых ямок, поставленных поверх коротких наклонных оттисков гребенчатого штампа (рис. 9: 2).

Орнаментальные характеристики части керамики из Пановского поселения близки посуде европейского Северо-Востока типа ластва (использование однорядных зигзагов в качестве разделителей шнурового орнамента) (Васкул, Ашихмина, 2021, рис. 11: 2–3). Чередование глубоких ямок и коротких оттисков гребенчатого штампа (вертикальных и наклонных) с трехрядными оттисками шнура (присуще для керамики Пановского поселения) прослеживается и на посуде из поселения Себьяг I (Васкул, Ашихмина, 2021, рис. 13: 4).

В целом керамика рассматриваемой группы типична для вятско-ветлужской культуры. Формирование такого керамического набора на Пановском поселении происходит в VII–V вв. до н. э. и связано с первым и вторым этапами среднего периода развития АКИО (Черных, Чижевский, 2021, с. 239–240).

Керамика с рогожными отпечатками.

В коллекции имеется всего два фрагмента керамики с рогожными отпечатками, по форме близкими к подпрямоугольным (рис. 10). Отпечатки четкие. Один фрагмент является обломком венчика: край утолщен, с валиковым наплывом наружу и свисающим приостренным кончиком (рис. 10: 1) – такая форма не совсем типична для городецкой рогожной посуды (Ставицкий, 2021, рис. 6, 7). Шейка практически прямая. Фрагмент коричневого цвета. Сосуд изготовлен из запесоченной глины, орнаментирован по шейке ямками, вероятно, группирующимися в один ряд, вдавления при этом округлые и глубо-

Рис. 11. Заглаженная керамика середины – третьей трети I тыс. н. э.
 Fig. 11. Smoothed ceramics of the middle – third third of the I millennium AD.

кие, однако выпуклин с обратной стороны не образуют. С внутренней стороны фрагмент хорошо заглажен. Следует отметить, что для поселений левобережных заволжских лесных районов керамика, обработанная рогожными отпечатками, не свойственна: единично она встречается на Ардинском городище, один фрагмент известен в коллекции из Одоевского городища (Новиков, 2021 б; Новиков, 2018, рис. 128; Михеев, 2017), в небольшом количестве рогожная посуда присутствует на Чортовом городище (Ефремова, 2010, с. 45). На памятниках археологии западнее Ветлуги, в левобережных районах Верхней Волги, керамика, декорированная рогожными отпечатками, неизвестна. Её появление собственно в городецкой среде относится исследователями к VI–V вв. до н. э., а доминирование на памятниках отмечается в IV в. до н. э. (Ставицкий, 2021, с. 326–327).

Ставить вопрос о возможных культурных контактах населения ВВК АКЮ с носителями городецких керамических традиций на берегах р. Ветлуги, на наш взгляд, преждевременно. Сейчас, чтобы утвердительно говорить об этом, нужны дополнительные материалы, а пока имеющихся данных недостаточно для таких выводов. Повторимся, что сами комплексы керамики на Пановском поселении сильно перемешаны в культурном слое, что не позволяет установить стратиграфическую

позицию подобной посуды. По всей вероятности, появление немногочисленных групп населения с традициями рогожной обработки поверхности керамики происходит уже после активной фазы развития ананьинских поселений на берегах Ветлуги и до плотного освоения данного региона населением с традициями изготовления керамики с заглаженной и подштрихованной поверхностью, в II–I вв. до н. э. Предлагаемая хронологическая позиция для рогожной керамики из Пановского поселения, соответственно, не ранее середины I тыс. до н. э. (предположительно, IV/III–III вв. до н. э.), когда происходит увеличение доли такой керамики собственно и на самих городецких поселениях.

Керамика позднего этапа железного века (конец I тыс. до н. э. – первая половина I тыс. н. э.) и середины – третьей четверти I тыс. н. э.

Керамика этой группы, так же как и предшествующей, измельчена. По характеру обработки поверхности и составу примесей в формовочной массе выделяются два разных типа (рис. 11; 12). В то же время вектор взаимодействия групп населения, оставивших заглаженную керамику разных типов, сейчас не совсем понятен. Истоки и развитие различных керамических традиций на поселении пока трудно объяснимы, но, вероятно, следует предположить их последовательную смену.

Надо отметить, что существует сложность при интерпретации и выделении заглаженной керамики на территориях лесного Заволжья (Верхнего Поволжья в частности), так как немногочисленные памятники, появившиеся на берегах р. Ветлуги следом за ананьинскими, изучены на сегодняшний день слабо, керамика первой половины I тыс. н. э. также не выделена.

Керамика первого типа с заглаженной (шероховатой или бугристой) поверхностью и примесями в формовочной массе крупного грубого шамота (рис. 11). Для изготовления сосудов использовалась слабозапесоченная или незапесоченная глина (проявляются некоторые различия в источниках исходного сырья). Шамот в среднем в концентрации 1:5. Есть признаки наличия органического раствора в виде выжимки. Толщина стенок 0,5–0,6 см. В коллекции имеются стенки, одна из них – со сквозным отверстием, и два венчика, в основании шейки одного из них также сделано сквозное отверстие. Посуда горшковидная плавнопрофилированная. Шейка у сосудов относительно короткая, слегка отогнутая наружу, плечики слабовыпуклые (рис. 11: 4–5). Отметим, что горшки близки по морфологическим характеристикам посуде второго типа группы 2 Пановского поселения. Такая посуда известна на Чортовом городище (Ефремова, 2010, рис. 116–117, 119). Схожая керамика, только с более крутыми плечиками, известна и на Пайгусовском городище, и на Удельно-Шумецком селище (Никитина, 2002, рис. 33: 2, 3).

Заглаженная керамика с примесями шамота в формовочной массе характерна для древнемарийских памятников (Архипов, 1962; Никитина, 2002, с. 116). В частности собрана на Ардинском городище, ее принадлежность А.В. Михеевым вслед за Г.А. Архиповым и В.С. Патрушевым (Архипов, Патрушев, 1985, с. 60–61) определена как древнемарийская, найдена она была в одном горизонте вместе с датирующим предметом – бронзовой сьюлгамой, по совокупности находок горизонт формируется в IV–VII вв. н. э. (Михеев, 2018, с. 247–250). Керамика с шамотом значительно преобладает в верхнем слое Чортова городища, ее доля среди раннесредневековой керамики составляет 84% (Ефремова, 2010, с. 41). В целом география памятников с такой близкой керамической традицией довольно

широка (Никитина, 2002, с. 116–117). В низовьях Ветлуги керамика с примесями крупного шамота собрана В.В. Никитиным на селищах Сутыри I и II (Никитин, 2009, с. 274), известна она и на других памятниках Поволжья.

В Марийском Поволжье памятники I тыс. н. э. были обследованы МАЭ в 1956–1959 гг. и по большей части относятся к середине – началу второй половины I тыс. н. э. Первоначально их специфику определил Г.А. Архипов (Архипов, 1962), в дальнейшем материалы систематизированы Т.Б. Никитиной (Никитина, 2002).

Таким образом, посуда с примесями грубого шамота в формовочной массе из Пановского поселения могла изготавливаться в конце второй четверти – середине I тыс. н. э., бытовала такая посуда и в третьей четверти, находит ближайшие аналогии на памятниках Марийского Поволжья, однако процесс развития поселений с подобной посудой на берегах верхней и средней Ветлуги еще необходимо детализировать и уточнять: керамика не типологизировалась, и более узкое время появления тех или иных керамических форм сейчас определить сложно.

Традиция изготовления керамики с бугристой, небрежно обработанной поверхностью и грубыми шамотными примесями фиксируется еще на памятниках писеральско-андреевского типа (Зубов, 2021, с. 408), что в целом может наметить время начала формирования керамики подобного облика на прилегающих к лесному Заволжью территориях, но, конечно, никак не свидетельствовать о принадлежности Пановского поселения к кругу писеральско-андреевских древностей.

Керамика второго типа с хорошо заглаженной (у части сосудов с подлощенной) поверхностью (рис. 12). Посуда изготавливалась из среднезапесоченной и слабозапесоченной глины с пылевидным песком. Часто встречаются включения окислов железа и оолиты бурого железняка. Шамот чаще всего в концентрации 1:6. Преимущественная крупность 1–2 мм, много мелкой крошки. Есть признаки наличия органического раствора в виде выжимки. В целом керамика этой группы по исходному сырью несколько неоднородна. Выделяется сосуд с пальцевидными вдавлениями по краю. Глина слабозапесоченная, практически без пылевидного песка, хотя

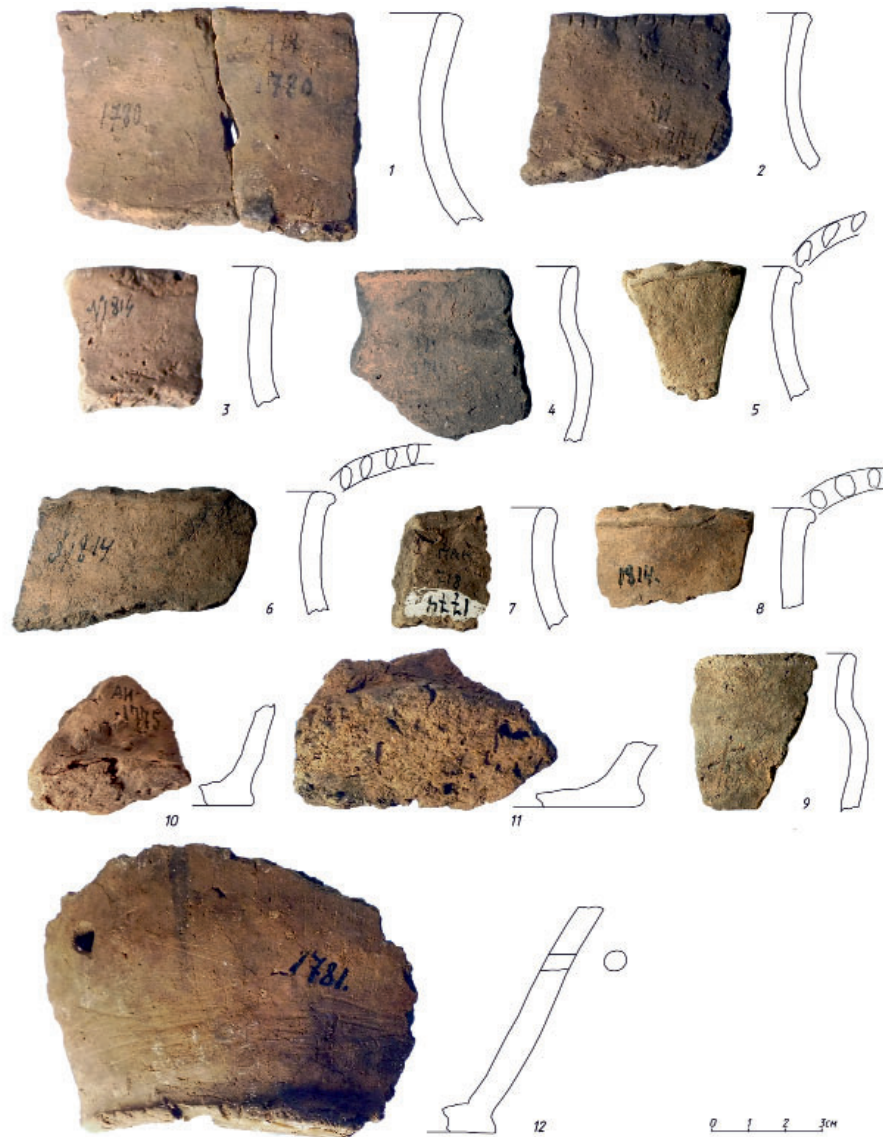

Рис. 12. Заглаженная керамика первой половины I тыс. н. э.
Fig. 12. Smoothed ceramics of the first half of the I millennium AD.

состав формовочных масс близок остальной керамике этой группы.

Изнутри поверхность посуды подштрихована или заглажена (чаще). Толщина стенок 0,45–0,8 см. Посуда плоскодонная, донца с небольшим уступом или закраиной (рис. 12: 10–12). Один сосуд в придонной части имеет сквозное отверстие (рис. 12: 12). По верхним частям возможно выделить девять сосудов и разделить их на три группы.

Керамика с высокой плавно вогнутой шейкой и округло-утолщённым краем (плечики, вероятно слабовыпуклые, обломаны) (рис. 12: 1–2). У одного сосуда сразу под краем нанесены вертикальные насечки (рис. 12: 2). Близкий, но не идентичный горшок с насечками под краем, только с грубо заглаженной поверх-

ностью и орнаментом в основании шейки и по плечикам, был найден на Криушинской дюне. Погребение, в котором он обнаружен, датировано концом III – первой половиной IV вв. н. э. (Мясников, с. 25, рис. 12: 12). Схожая посуда, датирующаяся III–V вв. н. э., имеется и на поселении Говядиново, для нее так же характерно и плоское дно с небольшой закраиной (Новиков, 2019б, с. 299–300, рис. 13: 1–2, 14). Керамика с насечками известна на Шилихинском городище (Архипов, 1985, с. 13). Наконец, насечки, размещенные по краю сосудов, весьма характерны для городищ Марийского Поволжья (Архипов, 1962, с. 230).

С относительно короткой, слегка отогнутой наружу, прямой шейкой или слегка вогнутой и слабовыпуклыми или выпуклыми плечиками

(рис. 12: 4, 9). Явно крутых плечиков у горшков нет. Край у этого вида сосудов скруглен.

Со средней по величине плавно вогнутой или практически прямой шейкой (рис. 12: 3, 5–8). Край округлый или Г-образный. Керамика с Г-образным краем орнаментирована большими тычками (или пальцевидными вдавлениями, защипами) и приобретает гофрированную поверхность (рис. 12: 5–6, 8). Керамика с подобным Г-образным выступом наружу традиционна для сетчатой посуды верхневолжских регионов.

Обращая внимание на особенность орнаментации края посуды из Пановского поселения, следует сказать, что близкая традиция декорирования края пальцевидными вдавлениями характерна для памятников позднескифского круга Среднего Поволжья, датирующихся I–III в. н. э. (Стащенко, 2021, рис. 2, 4, с. 413–414, 420).

Керамика из Пановского поселения обладает определенными сходными чертами с заглаженной посудой из первого (верхнего) слоя Одоевского и Богородского городищ, на эту близость обращал внимание еще Б.С. Жуков, выделив ее в т. н. группу «С». В то же время на Одоевском городище в верхнем слое содержится подштрихованная, сетчатая, с неплотным заполнением поверхности отпечатками (разреженными) и заглаженная керамика, а на Пановском поселении получают развитие только заглаженные типы посуды. Учитывая эти обстоятельства, время формирования керамической коллекции на Пановском поселении, вероятнее всего, приходится на самый конец I тыс. до н. э. (не ранее I в. до н. э.), предположительно именно *первую треть I тыс. н. э.*, до появления на памятнике в IV/V–V вв. н.э. керамики с грубыми шамотными добавками. Более детальное хронологическое деление для керамики левобережных лесных районов Верхней Волги пока сделать не представляется возможным. Керамические традиции, их преемственность и развитие еще не изучены.

В 2022 г. по углю из верхнего культурного слоя Одоевского городища получена радиоуглеродная дата, указывающая на начало его формирования на рубеже III/II (II) в. до н. э. – I в. н. э.: 2087 ± 45 BP (68,3% 164–46 cal BC (68,3%); 95,4% 343–321 cal BC (3,2%), 202 cal BC – 20 cal AD (92,2%)). О.Н. Бадер комплексы керамики из этого слоя датировал первыми

веками н. э. (Бадер, 1951б, с. 31). Радиоуглеродное датирование выполнено в Лаборатории изотопных исследований ФГБОУ ВПО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена» (г. Санкт-Петербург). Работы проведены канд. геол.-минерал. наук, доцентом кафедры геологии и геоэкологии М.А. Кульковой.

Вполне допустимо, что слой формировался и на протяжении всей первой половины первого тысячелетия н. э. или по крайней мере первой его трети. Выделяется и комплекс керамики с шамотом и органическими добавками в формовочной массе, который может быть датирован и серединой I тыс. н. э. Для конкретизации данных по финалу этих древностей нужны новые полевые работы. Верхний слой Богородского городища Г.А. Архипов датировал городецким временем, серединой I тыс. н. э. (Архипов, 1985, с. 13).

О.Н. Бадер на основании изучения керамики из верхнего слоя Одоевского городища предположил, что она близка посуде позднедьяковских городищ из более западных районов Поволжья, включая бассейн р. Унжи, и сделал вывод о смене «культурных форм» в Поветлужье (Бадер, 1951а, с. 153–155). К близкому выводу пришёл и Г.А. Архипов, но связывал он это с продвижением позднегородецкого населения в левобережные волжские районы (Архипов, 1962, с. 230). А.Х. Халиков предполагал освоение Поветлужья в III–IV вв. н. э. населением из правобережных районов Волги и ассоциировал данный процесс с носителями позднегородецких традиций (Халиков, 1962, с. 22).

Керамика второго типа из Пановского поселения находится в одном хронологическом диапазоне с слабопрофилированной посудой из Дьякова городища, найденной в основании верхнего слоя и его среднем горизонте, датирующемся I вв. до н. э. – IV вв. н. э. (Кренке, 2011, с. 143–144) – схожи стиль оформления края, профилировка, характер обработки поверхности. Близкая посуда известна и на позднегородецких памятниках. Безусловно, это только намечаемые хронологические параллели, какие-то общие эпохальные черты, фиксирующиеся при изготовлении керамической посуды, но не культурная идентичность. В труднодоступных лесных заволжских районах определенно намечается свой, пока слабоизученный, контекст разви-

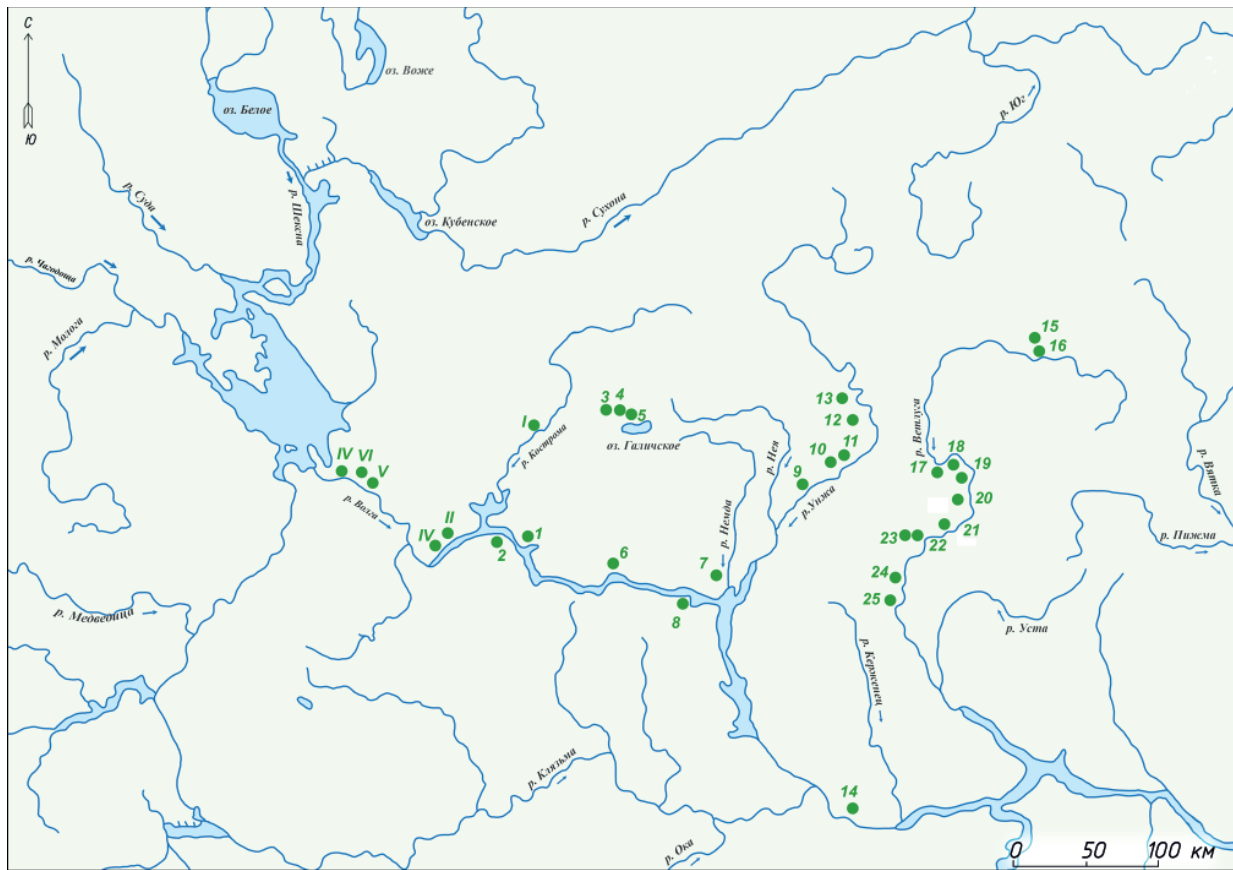

Рис. 13. Карта памятников II в. до н. э. – первой половины I тыс. н. э. лесного Заволжья

(от бассейна р. Ветлуги до р. Костромы), включая Серюпитинское городище и поселение Говядиново.

1 – городище Минское; 2 – поселение Говядиново; 3 – городище Унорож; 4 – городище Брюхово; 5 – поселение Вознесенское IV; 6 – городище Городище; 7 – селище Хохлянки; 8 – Серюпитинское городище; 9 – поселение Унжа 3; 10 – селище Леонтьево; 11 – городище Городищево; 12 – Сезеневское городище; 13 – Рапоновское городище; 14 – селище Память Парижской коммуны 2; 15 – поселение Никола II; 16 – поселение Красноборы IV; 17 – поселение Паново городище; 18 – Троицкое городище; 19 – Одоевское городище; 20 – Спасское городище; 21 – Чортово (Федоровское) городище; 22 – Шилихинское городище; 23 – Шилихинское II городище; 24 – селище Подушкино 2; 25 – Богородское городище.

Ряд памятников I тыс. н. э. (предположительно, первой половины) в междуречье рек Костромы и Шексны.

I – селище Княгинино; II – селище Тимохино 3; III – Диево городище; IV – селище Гаврилово 1; V – поселение Шашково 3; VI – Василево.

Fig. 13. Location of sites of the II century BC – the first half of the I millennium AD of the forest Transvolga region (from the Veluga River basin to the Kostroma River), including the Seryupitino hillfort and Govyadinovo settlement. 1 – Minskoye hillfort; 2 – Govyadinovo settlement; 3 – Unorozh hillfort; 4 – Bryukhovo hillfort; 5 – Voznesenskoye IV settlement; 6 – Goroditche hillfort; 7 – Khokhlyanki settlement; 8 – Seryupitino hillfort; 9 – Unzha 3 settlement; 10 – Leontyeyev settlement; 11 – Goroditchevo hillfort; 12 – Sezeneyev hillfort; 13 – Raponovo hillfort; 14 – Pamyat Parizhskoy kommuny settlement 2; 15 – settlement Nikola II; 16 – settlement Krasnobory IV; 17 – settlement Panovo hillfort; 18 – Troitskoye hillfort; 19 – Odoyevskoye hillfort; 20 – Spasskoye hillfort; 21 – Chortovo (Fedorovskoye) hillfort; 22 – Shilikhi hillfort; 23 – Shilikhi II hillfort; 24 – Podushkino settlement 2; 25 – Bogorodskoye settlement.

A number of sites of the I millennium AD (presumably, the first half) in the Kostroma and Sheksna rivers basin.

I – Knyaginino settlement; II – Timokhino 3 settlement; III – Diyevo hillfort; IV – Gavrilovo 1 settlement; V – settlement Shashkovo 3; VI – Vasilevo.

тия, однако контакты с сопредельными культурными образованиями отметить можно.

Поселений этого периода в лесном Заволжье в промежутке между бассейнами рек Ветлуги и Костромы известно немного (рис. 13), системного их изучения не проводилось.

Аналогичная ситуация складывается и в Ярославском Поволжье, на левобережных участках р. Волги, в междуречье Костромы и Шексны, где памятники этого периода малочисленны и обследованы только разведками. Предположительно, к этому времени можно отнести

поселения Тимохино 3, Василево, Гаврилово 1, Шашково 3 и Диево городище, на которых обнаружена лепная керамика без орнамента, предварительно отнесенная к дьяковской культуре (Комаров, 2005, с. 144, 148, 241, 247). Керамическая шкала для памятников этого микрорегиона не разработана, сейчас поселения только условно могут быть датированы первой половиной I тыс. н. э.

К западу от этих регионов, в Молого-Шекснинском междуречье, ярко представлены погребальные памятники конца I тыс. до н. э. – первой половины I тыс. н. э. (Башенькин, 1997; Башенькин, Васенина, 2006), в то же время А.Н. Башенькин обращает внимание, что в восточной части Вологодской области памятники этого времени изучены слабо (Башенькин, 1997).

Еще П.Н. Третьяков считал, что памятников начала I тыс. н. э. в Волжском левобережье, в промежутке от р. Костромы до р. Унжи, «вовсе не известно» (Третьяков, 1941, с. 43). И.В. Исланова констатирует, что сведения о материальной культуре населения Верхневолжского региона II–IV вв. н. э. в целом немногочисленны, известно небольшое количество памятников и предшествующего времени (вторая половина I тыс. до н. э.) (Исланова, 2019, с. 55, 69). А.Е. Леонтьев отмечает, что в Костромском Поволжье в основном имеются только ранние памятники РЖВ, из поздних выделяется Минское городище (раскопки Е.И. Горюновой), которое содержит материалы до III в. н. э. (Леонтьев, 1997 с. 113–114). Дополняя эти данные материалами исследований последних лет, необходимо отметить, что в 2016 г. О.В. Новиковой в окрестностях Галичского озера на городище Брюхово обнаружены находки III–V вв. н. э. (Новиков, 2020). Среди памятников в бассейне р. Унжи можно выделить Рапоновское городище (раскопки Г.А. Архипова 1979 г.), селища Унжа III и Леонтьево, обнаруженные разведками Ю.Н. Урбана (Новиков, 2018), а также городища Сезеневское (Бадер, 1951а, рис. 1) и Городищево (Комаров, 1999, с. 230). В правобережье р. Волги в пределах современной Костромы известно поселение Говядиново, где помимо сетчатой керамики эпохи поздней бронзы выявлена керамика второй четверти I тыс. н. э. (Новиков, 2019б). В пределах Костромского Поволжья нужно упомянуть городище Городище и поселение Хохлянки, открытые

К.И. Комаровым, а также селище Княгинино, обследованное Ю.Н. Урбаном (Новиков, 2018, с. 100, 115, 135). При раскопках в 2021–2022 гг. в Галичском приозерье на городище у с. Унорож и поселении Вознесенское IV также получены материалы первой половины I тыс. н. э. В пределах левобережья Нижегородского Поволжья известно селище Память Парижской коммуны 2, обследованное П.Н. Старостиным и причисленное им к кругу позднегородецких древностей (Николаенко, 2013, с. 155). В Поветлужье среди памятников, которые могут быть отнесены к кругу поселений позднего этапа эпохи железа, следует назвать Троицкое, Спасское (?), Одоевское, Федоровское (Чортово) (?), Богородское городища, где собрана заглаженная керамика (Воеводский, 1951, с. 168–170). Дополнить этот список, очевидно, можно селищем Подушкино 2, где найдена керамика позднегородецкого облика (Николаенко, 2013, с. 174). В этот ряд можно включить и городище Шилиха II, открытое в 2022 г. А.Х. Халиков к памятникам первой половины и середины I тыс. н. э. в Поветлужье относил Богородское, Осетровское, Шилихинское, Чортово и Спасское городища (Халиков, 1962, карта 2). В частности, на Шилихинском городище вместе с плоскодонной заглаженной керамикой найден колокольчик, датируемый не ранее III в. н. э. (Архипов, 1982, с. 16). Необходимо акцентировать внимание и на том, что на городищах имеется и керамика середины – третьей четверти I тыс. н. э., то есть многие из этих памятников Ветлужского бассейна получили развитие и во второй половине I тыс. н. э.

В верховьях бассейна р. Ветлуги известно два памятника: поселение Никола (Красноборы IV), выявленное К.И. Комаровым в 1985 г. (Комаров, 1999, с. 138), и поселение Никола II, открытое О.В. Новиковой в 2022 г. На обоих поселениях обнаружена керамика с подштрихованной и заглаженной поверхностью, синхронная посуде из верхних слоев Одоевского и Богородского городищ. Безусловно, на многих из перечисленных памятников требуются стационарные исследования для уточнения датировок.

Таким образом, определяя круг известных на сегодняшний день поселений позднего этапа железного века лесного Заволжья, можно прийти к выводу, что памятники этого времени малочисленны и рассредоточены на

достаточно большой территории. Керамика из поселений данного периода плоскодонная (нередко донце с закраиной или уступом), с неорганическими примесями в формовочной массе (песок, дресва, шамот), с заглаженной (чаще) или подштрихованной поверхностью. По морфологическим признакам посуда разделяется на слабопрофилированную с прямой или иногда слегка прогнутой шейкой (преимущественно высокой) и слабовыпуклыми плечиками; посуду, близкую к тюльпановидным формам, с выпуклыми плечиками, встречаются со сглаженным ребристым выступом (или крутые); плавнопрофилированную керамику с вогнутой шейкой, выпуклыми округлыми или слабовыпуклыми плечиками; сосуды баночно-чашевидной формы (редко). Слабая профилировка верхней части горшков с заглаженной поверхностью продолжает традиции сетчатой керамики. Популярность горшков со слабым профилем в лесной полосе сохраняется и на позднем этапе железного века. Особый интерес вызывает сохранение в первых веках н. э. на памятниках лесного Заволжья (от Молого-Шекснинского междуречья до бассейна рек Унжи и Ветлуги) собственно сетчатой керамики, но следует признать, что традиция подобного декора постепенно изживает себя. Характерно, что сетчатые отпечатки на поверхности сосудов этого времени нанесены не так плотно, как на ранних памятниках, а разреженно, большие участки стенок при этом остаются заглаженными. В частности, такая керамика имеется на городищах у с. Унорож, Минском и Рапоновском и в верхних горизонтах Одоевского, где она находится вместе с подштрихованной и заглаженной керамикой, что косвенно вполне может указывать на совместное бытование этих типов посуды. Украшаются горшки редко, в основном орнаментируется край. Близкие процессы отражают и материалы Серюпитинского городища (Столяр, Хлобыстин, 1963).

Вполне допустимо, что в дальнейшем на столь обширной территории выявятся отличия в керамических наборах и выделятся отдельные локальные группы памятников с характерными типами керамики на Ветлуге, Унже, Галичско-Чухломской возвышенности, Костромской низине и Ярославском Заволжье. Например, уже сейчас можно наблюдать, что для памятников западных территорий харак-

терна добавка дресвы в формовочную массу, а восточных – шамот. Обнаруживается и сочетание керамики с различными примесями (песок, дресва и шамот) на одном памятнике, среди таких отметим городища Рапоновское, Городищево, Сезеневское и поселение Хохлянки (Новиков, 2018, с. 115–116; Комаров, 1999, с. 230–231), расположенные в бассейне р. Унжи. Развитие и финал этих древностей в лесном Заволжье от бассейна р. Ветлуги до бассейна р. Костромы представляются пока еще очень слабо, материалов собрано недостаточно, а имеющиеся требуют переосмысления. Вещей индивидуального характера – хроноиндикаторов первой половины I тыс. н. э. на поселениях практически нет. Заселялись площадки (чаще всего высокие городищенские), преимущественно обжитые ранее населением с сетчатой керамикой и ВВК АКЮ.

Разумеется, материалы одного конкретного поселения не позволяют делать окончательные выводы о складывании культурно-исторической среды и преемственности отдельных традиций, но поставить вопросы выделения поселений первой половины I тыс. н. э. лесного Заволжья и определения их отличительных признаков, несомненно, следует: в каких историко-культурных традициях происходило развитие данного микрорегиона, как взаимосвязаны между собой керамические комплексы, под каким внешним влиянием они развивались – это лишь небольшой перечень, требующий решения.

Учитывая географическое расположение лесного Заволжья (от Молого-Шекснинского междуречья на западе до бассейна р. Унжи на востоке), благодаря чему на начальном этапе раннего железного века регион оказался на стыке культурных традиций (раннедыяковской, аозинской, позднекаргопольской), стоит признать его открытость и естественный потенциал к взаимодействию и восприятию различных новых культурных импульсов.

Начиная с середины I тыс. до н. э. местное население начинает активнее ориентироваться на восток и поддерживает устойчивые связи с Волго-Камьем, достаточно быстро сокращая и нивелируя культурную дистанцию в этом направлении. Высокая инкорпорированность носителей разных культурных традиций (с сетчатой керамикой и ВВК АКЮ) позволяет говорить об одном культурном мире уже в VI/V–III вв. до н. э. На позднем этапе желез-

ного века (II в. до н. э. – V в. н. э.) поселения в заволжских лесах малочисленны и находятся на пересечении разных культурных миров – позднедьяковского и позднегородецкого с одной стороны и гляденовской и пьяноборской культурно-исторических общностей – с другой.

Основные выводы, которые можно сделать на основании изучения керамических комплексов из поселения «Паново городище», полученных Б.С. Жуковым в 1925 г., сводятся к следующим. Поселок раннего железного века был организован на донном всхолмлении, на месте поселения предшествующих эпох – неолита и бронзы, что в целом отражает специфику лесных заволжских поселенческих памятников. Ананьинское расселение по берегам Ветлуги начинается в IX в. до н. э., первопоселенцами являются представи-

тели аозинской культуры. Само появление носителей традиции изготовления сетчатой керамики на берегах Ветлуги можно соотносить с финалом бронзы (СКТК). Начиная с VII в. до н. э. эти места активно осваиваются населением ВВК АКЮ, оставившим яркий след в истории не только этого региона, но и всей лесной полосы Восточной Европы. В IV/III–III вв. до н. э. данное место посещается, очевидно, немногочисленными носителями рогожных керамических традиций городецкой культуры. Характер их взаимодействия с местным населением остается еще невыясненным. В конце I тыс. до н. э. – первой половине I тыс. н. э. и середине – третьей четверти I тыс. н. э. здесь существует поселение, индикатором которого является заглаженная керамика, изготовленная в двух разных, вероятно следующих друг за другом, традициях.

ЛИТЕРАТУРА

Архипов Г.А. Городища и селища Поветлужья и Горьковского Заволжья (к истории марийско-славянских контактов) // Поселения и жилища Марийского края / АЭМК. Вып. 6 / Научн. ред. Г.А. Архипов, Г.А. Сепеев. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1982. С. 5–50.

Архипов Г.А. Городища первой половины I тыс. н. э. в Марийской АССР // Труды МАЭ. Т. II. / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1962. С. 206–231.

Архипов Г.А., Патрушев В.С. Ардинское городище // Поселения и жилища Марийского края / АЭМК. Вып. 6 / Научн. ред. Г.А. Архипов, Г.А. Сепеев. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1982. С. 51–82.

Бадер О.Н. Городища Ветлуги и Унжи // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. III / МИА. № 22 / Ред. В.Н. Чернецов. М.: АН СССР, 1951а. С. 110–158.

Бадер О.Н. Древнее Поветлужье в связи с вопросами этногенеза Мари и ранней истории Поволжья // СЭ. 1951б. № 2. С. 15–41.

Башенькин А.Н. Вологодская область в древности и средневековье // Вологда: краеведческий альманах. Вып. 2 / Гл. ред. М.А. Безнин. Вологда: Легия, 1997. С. 5–35.

Башенькин А.Н., Васенина М.Г. Городище и погребальный комплекс раннего железного века у д. Городок в верховьях р. Чагоды // Археология: история и перспективы: Вторая межрегиональная конференция / Ред. А.Е. Леонтьев. Ярославль, 2006. С. 49–58.

Буров Г.М. О нижнем хронологическом пределе лебяжской культуры // СА. 1983. № 2. С. 34–50.

Васкул И.О., Ашихмина Л.И. Памятники ананьинского времени на территории Европейского Северо-Востока // Ранний железный век / Археология Волго-Уралья. Т. 3 / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 242–287.

Воеводский М.В. Краткая характеристика керамики городищ Ветлуги и Унжи // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. III / МИА. № 22 / Ред. В.Н. Чернецов. М.: АН СССР, 1951. С. 159–180.

Ефремова Д.Ю. Отчёт о раскопках Чортова городища в Нижегородской области летом 2009 г. Йошкар-Ола, 2010. 196 с. // Архив МарНИИЯЛИ им. В. М. Васильева. Оп. 1. № 1138.

Ефремова Д.Ю., Соловьев Б.С. Сиухинское поселение (предварительные итоги исследований 2009–2011 гг.) // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С. В. Кузьминых, А. А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 225–240.

Жуков Б.С. Теория хронологических и территориальных модификаций некоторых неолитических культур Восточной Европы по данным изучения керамики // Этнография. 1929. № 1. С. 54–77.

Зубов С.Э., Гришаков В.В., Мясников Н.С. Памятники писеральско-андреевского типа // Ранний железный век / Археология Волго-Уралья. Т. 3 / Под общ ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 392–409.

Исланова И.В. Культурно-исторические процессы во II–VIII вв. н. э. в бассейнах Верхней Волги и Верхней Мсты. Дисс. ... докт. истор. наук. М., 2019. 697 с.

Археологическая карта России. Костромская область / Отв. ред. Ю.А. Краснов. М.: «Восточная литература» РАН, 1999. 368 с.

Комаров К.И. Археологическая карта России. Ярославская область. М.: ИА РАН, 2005. 408 с.

Кренке Н.А. Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. М.: ИА РАН, 2011. 548 с.

Кузьминых С.В. Об ананьинской обработке бронзы // Из истории и культуры волосовских и ананьинских племен Среднего Поволжья / АЭМК. Вып. 2 / Ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1977. С. 127–166.

Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М.: Наука, 1983. 257 с.

Кузьминых С.В., Чижевский А.А. Ананьинский мир: взгляд на современное состояние проблемы // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / Археология евразийских степей. Вып. 8 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Елабуга: ИИ АН РТ, 2009. С. 29–55.

Кузьминых С.В., Чижевский А.А. Введение в археологию ананьинской культурно-исторической области: Северо-Восток Европы в финале бронзового и раннем железном веках // Археология Евразийских степей. 2017. № 3. С. 22–36.

Кузьминых С.В., Чижевский А.П. Культуры раннего железного века лесной зоны Восточной Европы // Каталог выставки «Железный век. Европа без границ. Первое тысячелетие до н. э.» / А.Ю. Алексеев, М. Наврот, А. Гасс, Ю.Ю. Пиотровский. Спб.: Чистый лист, 2020. С. 244–255.

Леонтьев А.Е. Железный век // Археология Костромского края / Отв. ред. А.Е. Леонтьев. Кострома: ГНПЦ по сохранению, реставрации и использованию ист.-культур. наследия Костром. обл., 1997. С. 84–137.

Лопатина О.А. Некоторые технологические данные о керамике дьякова городища и городищ дьякова типа // Кренке Н.А. Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. М.: ИА РАН, 2011. С. 127–134.

Манюхин И.С. Специфические черты позднекаргопольской культуры // КСИА. Вып. 194 / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1988. С. 11–16.

Марков В.Н. Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (об этнокультурных компонентах ананьинской общности) / Археология евразийских степей. Вып. 4. Казань: ИИАН РТ, 2007. 136 с.

Михеев А.В. Ананьинский горизонт Ардинского городища // Археология Евразийских степей. 2017. № 4. С. 33–43.

Михеев А.В. Средневековый слой Ардинского городища (по материалам исследования 2013 г.) // Поволжская археология. 2018. № 1 (23) С. 241–252.

Мясников Н.С. Этнокультурные процессы в Чувашском Поволжье в I–VIII веках нашей эры в свете археологических данных. (Научные доклады ЧГИГН. Вып. 13. Чебоксары, 2013. 72 с.

Никитин В.В., Соловьев Б.С. Сомовское II городище // Древности Поволжья и Прикамья / АЭМК. Вып. 25 / Ред. В.В. Никитин, Б.С. Соловьев. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2001. С. 4–41.

Никитин В.В. Археологическая карта Республики Марий Эл. Йошкар-Ола: Изд-во ОАО «МПИК», 2009. 415 с.

Никитина Т.Б. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2002. 432 с.

Николаенко Т.Д. Археологическая карта России. Нижегородская область. Часть 3. ИА РАН. М. 2013. 405 с.

Новиков А.В. Отчет об археологической разведке в 1999 г. в Вохомском и Шарьинском районах Костромской области. Кострома, 2000 // Архив ИА РАН. Р-1. № 23320.

Новиков А.В. Керамический комплекс поселения Ватажка (по материалам раскопок В. И. Смирнова 1925–1927 гг.) // Тверской археологический сборник. Вып. 10. Т. II / Под ред. И. Н. Черных Тверь: Триада, 2015. С. 69–86.

Новиков А.В. Поселения с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой раннего железного века Костромского Поволжья // Археология Евразийских степей. 2018. № 2. 282 с.

Новиков А.В. Актуальные проблемы изучения поселений РЖВ восточной части бассейна Верхней Волги (Костромское и Ивановское Поволжье). К постановке вопросов // Археология Евразийских степей. 2019а. № 2. С. 179–200.

Новиков А.В. Керамика поселения Говядиново (из исследований В. И. Смирнова, 1925–1926, 1928 гг.) // Археология Евразийских степей. 2019б. № 4. С. 291–316.

Новиков А.В. К вопросу о развитии сетчатых керамических традиций в поздний период эпохи бронзы – раннем железном веке в окрестностях Галичского озера (по материалам городища Брюхово) // Археология Евразийских степей. 2020. № 2. С. 329–368.

Новиков А.В. Сетчатая керамика поселения Умиленье // Поволжская археология. 2021а. № 1 (35). С. 49–64.

Новиков А.В. Одоевское городище. К вопросу о культурной специфике Повелужья в раннем железном веке // Археология Евразийских степей. 2021б. № 2. С. 108–169.

Новиков А.В. Культурная трансформация на Верхней Волге в раннем железном веке // Археология Евразийских степей. 2022. № 2. С. 382–405.

Новиков А.В., Недомолкина Н.Г. Керамика эпохи поздней бронзы – раннего железного века поселения Векса I (по материалам исследований 2007–2008 гг.) // Тверской археологический сборник. Вып. 12 / Отв. ред. И. Н. Черных. Тверь: Триада, 2021. С. 353–374.

Новиков А.В., Швецова А.А. Технологическое изучение сетчатой керамики из поселения Умиленье // Поволжская археология. 2022. № 3 (41). С. 151–157.

Ошибкина С.В. Краткая характеристика позднекаропольской культуры // КСИА. Вып. 142 / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1975. С. 18–24.

Патрушев В.С. У истоков Волжских финнов. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1989 а. 122 с.

Патрушев В.С. Сомовское I городище // Археологические работы 1980–1986 годов в зоне Чебоксарского водохранилища / АЭМК. Вып. 15 / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1989б. С. 103–114

Патрушев В. С. Текстильная керамика эпохи раннего железа на Ардинском городище // Вестник Пермского университета. Серия История. 2017. Вып. 1 (36). С. 63–73.

Соловьев Б.С. Изучение памятников эпохи бронзы в Марийской АССР // Древности Волго-Вятского междуречья / АЭМК. Вып. 12 / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1987. С. 72–88.

Соловьев Б.С. Бронзовый век Марийского Поволжья / Труды МАЭ. Т. VI. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2000. 264 с.

Соловьев Б.С. Археологические культуры юга лесного Поволжья на рубеже среднего и позднего бронзового века / Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 9. Йошкар-Ола: МарГУ, 2016. 412 с.

Ставицкий В.В. Городецкая культура // Ранний железный век / Археология Волго-Уралья. Т. 3 / Под общ ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 313–338.

Сташенков Д.А. Памятники позднескифского круга в Среднем Поволжье // Ранний железный век / Археология Волго-Уралья. Т. 3 / Под общ ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 410–421.

Столяр А. Д., Хлобыстин Л. П. Городище у дер. Серюпитино // МИА. № 110 / Отв. ред. П.Н. Третьяков. М.-Л.: АН СССР, 1963. С. 227–238.

Стоянов В.Е. Отчет об исследованиях Богородского городища // Отчет о полевых работах Марийской археологической экспедиции за 1958 г. Т. I. Казань – Йошкар-Ола, 1959 / НФ МАРТ ИА АН РТ. Ф-1. Оп. 1. № 20. С. 191–194.

Третьяков П.Н. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э. / МИА № 5. М., Л.: АН СССР, 1941. 367 с.

Фоломеев Б.А. Типология текстильных отпечатков и хронологическое распространение отдельных видов сетчатых фактур. Дополнения из черновиков // Археология Евразийских степей. 2017. № 4. С. 319–335.

Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н.э.). М.: Наука, 1977. 264 с.

Халиков А.Х. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // Железный век Марийского края / Тр. МАЭ. Т. II / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: Марийское книж. изд-во, 1962. С. 7–187.

Черных Е.М., Чижевский А.А. Ананьинская культурно-историческая область. Вятско-ветлужская культура (гребенчато-шнуровой керамики) // Ранний железный век / Археология Волго-Уралья. Т. 3 / Под общ ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 217–241.

Чижевский А.А., Галимова М.Ш., Губайдуллина А.В. Казанская стоянка (по материалам исследований 1938 г.) // Археология Евразийских степей. 2019. № 2. С. 124–164.

Чижевский А.А., Кузьминых С.В., Патрушев В.С. Ананьинская культурно-историческая область. Культура текстильной керамики (акозинско-ахмыловская) // Ранний железный век / Археология Волго-Уралья. Т. 3 / Под общ ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 141–161.

Чижевский А.А., Хисьяметдинова А.А. Оборонительные сооружения мысовых городищ Волго-Камья в раннем железном веке и раннем средневековье / Археология Евразийских степей. 2020. № 2. 8–277 с.

Чижевский, А.А., Соловьев Б.С., Азаров Е.С. Средневожская культура текстильной керамики // Энеолит и бронзовый век / Археология Волго-Уралья. Т. 2 / Под общ ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 580–600.

Юшкова М.А. Новые находки металлических изделий эпохи бронзы на Северо-Западе России // Тверской археологический сборник. Вып. 8. Том 1. / Отв. ред. И. Н. Черных. Тверь: Триада, 2011. С. 273–288.

Информация об авторе:

Новиков Александр Викторович, кандидат исторических наук, заместитель генерального директора, ООО «Костромская археологическая экспедиция» (г. Кострома, Россия); kae44@mail.ru; novikov-kostroma@mail.ru

REFERENCES

Arkhipov, G. A. 1982. In Arkhipov, G. A., Sepeev, G. A. (eds.). *Poseleniia i zhilishcha Mariiskogo kraia (Settlements and Dwellings of the Mari Land)*. Series: Arkheologii i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of the Mari Land) 6. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History, 5–50 (in Russian).

Arkhipov, G. A. 1962. In Arkhipov, G. A. (ed.). *Trudy Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Mari Archaeological Expedition)* II. Yoshkar-Ola: “Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ., 06–231 (in Russian).

Arkhipov, G. A., Patrushev, V. S. 1982. In Arkhipov, G. A., Sepeev, G. A. (eds.). *Poseleniia i zhilishcha Mariiskogo kraia (Settlements and Dwellings of the Mari Land)*. Series: Arkheologii i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of the Mari Land) 6. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History, 51–82 (in Russian).

Bader, O. N. 1951a. In Chernetsov, V. N. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Urala i Priural'ia (Materials and Research on the Archaeology of Ural and the Cis-Urals Area)*. III. Series: *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Research in Archaeology)* 22. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 110–158 (in Russian).

Bader, O. N. 1951b. In *Sovetskaia etnografiia (Soviet Ethnography)* (2), 15–41 (in Russian).

Bashen'kin, A. N. 2006. In Beznin, M. A. (ed.-in-chief). *Vologda: kraevedcheskiy al'manakh (Vologda: local history almanac)* 2. Vologda: “Legiia” Publ., 5–35 (in Russian).

Bashen'kin, A. N., Vasenina, M. G. 2006. In Leontiev, A. E. (ed.). *Arkheologii: istoriia i perspektivy (Archaeology: History and Perspectives)*. Yaroslavl: Yaroslavl State Historical, Architectural and Art Museum-Reserve, 49–58 (in Russian).

Burov, G. M. 1983. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 34–50 (in Russian).

Vaskul, I. O., Ashikhmina, L. I. 2021. In Sitdikov, A. G., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Rannii zheleznyi vek (Early Iron Age)*. Series: Arkheologiya Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 3. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 242–287 (in Russian).

Voevodskiy, M. V. 1951. In Chernetsov, V. N. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Urala i Priural'ia (Materials and Research on the Archaeology of Ural and the Cis-Urals Area) III*. Series: *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Research in Archaeology)* 22. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 159–180 (in Russian).

Efremova, D. Yu. 2010. *Otchet o raskopkakh Chortova gorodishcha v Nizhegorodskoy oblasti letom 2009 g. (Report on the excavations of Чортова городища in the Nizhny Novgorod region in the summer 2009)*. Yoshkar-Ola. Archive of the Mari Research Institute of Language, Literature, and History. Inv. 1, dossier 1138 (in Russian).

Efremova, D. Yu., Solov'ev, B. S. 2014. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Anan'inskii mir: istoki, razvitie, svyazi, istoricheskie sud'by (The World of Ananyino: Origins, Evolution, Relations, Historical Fate)*. Series: Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 20. Kazan: "Otechestvo" Publ., 225–240 (in Russian).

Zhukov, B. S. 1929. In *Etnografiia (Ethnography)* 1. 54–77 (in Russian).

Zubov, S. E., Grishakov, V. V., Myasnikov, N. S. 2021. In Sitdikov, A. G., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Rannii zheleznyi vek (Early Iron Age)*. Series: Arkheologiya Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 3. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 392–409 (in Russian).

Islanova, I. V. 2019. *Kul'turno-istoricheskie protsessy vo II–VIII vv. n. e. v basseynakh Verkhney Volgi i Verkhney Msty (Cultural and historical processes in the II–VIII centuries AD in the Upper Volga and Upper Msta basins)*. Diss. of Candidate of Historical Sciences. Moscow (in Russian).

Krasnov, Yu. A. (ed.). 1999. *Arkheologicheskaya karta Rossii. Kostromskaya oblast' (Archaeological Map of Russia: Kostroma Oblast)*. Moscow: "Vostochnaya Literatura" Publ., Russian Academy of Sciences (in Russian).

Komarov, K. I. 2005. *Arkheologicheskaya karta Rossii. Yaroslavskaya oblast' (Archaeological Map of Russia. Yaroslavl Region)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Krenke N. A. 2011. *Dyakovo gorodishche: kultura naseleniya basseyna Moskvyy-reki v I tys. do n. e. – I tys. n. e. (Dyakovo Hillfort: culture of the population of the basin of the Moscow river in the I Millennium BC – I Millennium BC)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Kuzminykh, S. V. 1977. In Arkhipov, G. A. (ed.). *Iz istorii i kul'tury volosovskikh i anan'inskikh plemen Srednego Povolzh'ia (Concerning the History and Culture of Volosovo and Ananyino Tribes from the Middle Volga Region)*. Series: Arkheologiya i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of Mari Land) 2. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History, 127–166 (in Russian).

Kuzminykh, S. V. 1983. *Metallurgiya Volgo-Kam'ia v rannem zheleznom veke (med' i bronza) (Metallurgy of the Volga-Kama Region in the Early Iron Age (Copper and Bronze))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. 2009. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *U istokov arkheologii Volgo-Kam'ia (k 150-letiiu otkrytiia Anan'inskogo mogil'nika) (At the Origins of Archaeology of the Volga-Kama Region (on the 150th Anniversary of Discovery of the Ananyino Burial Ground))*. Series: Archaeology of the Eurasian Steppes 8. Yelabuga: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 29–55 (in Russian).

Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. 2017. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 3. 22–36 (in Russian).

Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. 2020. In Alekseev, A. Yu., Navrot, M., Gass, A., Piotrovskiy Yu. Yu. (eds.). *Zheleznyy vek. Evropa bez granits. Pervoe tysyacheletie do n. e. Katalog vystavki (The Iron Age. Europe without Borders. First Millennium Before the Common Era. Catalogue of Exhibition)*. Saint Petersburg: "Chisty list" Publ., 244–255 (in Russian).

Leont'ev, A. E. 1997. In Leont'ev, A. E. (ed.). *Arkheologiya Kostromskogo kraia (Archaeology of the Kostroma Land)*. Kostroma: State Research and Production Center for the conservation, restoration and use of historical and cultural heritage of the Kostroma region, 84–137 (in Russian).

Lopatina, O. A. 2011. In Krenke N. A. *Dyakovo gorodishche: kultura naseleniya basseyna Moskvyy-reki v I tys. do n. e. – I tys. n. e. (Dyakovo Hillfort: culture of the population of the basin of the Moscow river in the I Millennium BC – I Millennium BC)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 127–134 (in Russian).

Manyukhin, I. S. 1975. In Kruglikova, I. T. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 194. Moscow: “Nauka” Publ., 11–16 (in Russian).

Markov, V. N. 2007. *Nizhnee Prikame v ananinskiu epokhu (The Lower Kama Region during the Ananyino Epoch)*. Series: Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 4. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (in Russian).

Mikheev, A. V. 2017. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 33–43 (in Russian).

Mikheev, A. V. 2018. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 23 (1), 241–252 (in Russian).

Myasnikov, N. S. 2013. *Etnokul'turnye protsessy v Chuvashskom Povolzh'e v I–VIII vekakh nashey ery v svete arkheologicheskikh dannyykh (Ethnic-cultural Processes in the Chuvash Volga Region in the 1st–8th Centuries AD in the Light of Archaeological Data)*. Nauchnye doklady ChGIGN (Scientific Reports of Chuvash State Institute for Humanities) 13. Cheboksary: Chuvash State Research Institute for Humanities (in Russian).

Nikitin, V. V., Solov'ev, B. S. 2001. In Nikitin, V. V., Solov'ev, B. S. (eds.). *Drevnosti Povolzh'ia i Prikam'ia (Antiquities of the Volga and Kama Regions)*. Arkheologiya i etnografiya Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of the Mari Land) 25. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, History and Ethnography Institute, 4–41 (in Russian).

Nikitin, V. V. 2009. *Arkheologicheskaya karta Respubliki Marii El (Archaeological Map of the Mari El Republic)*. Yoshkar-Ola: “Mariiskii poligraficheskoy izdatel'skii kombinat” Publ. (in Russian).

Nikitina, T. B. 2002. *Mariitsy v epokhu srednevekov'ia (po arkheologicheskim materialam) (Mari People in the Middle Ages (by archaeological materials))*. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature and History (in Russian).

Nikolaenko, T. D. 2013. *Arkheologicheskaya karta Rossii. Nizhegorodskaya oblast' (Archaeological Map of Russia. Nizhny Novgorod Region)*. Part 3. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Novikov, A. V. 2000. *Otchet ob arkheologicheskoy razvedke v 1999 g. v Vokhomskom i Shar'inskom rayonakh Kostromskoy oblasti (Report on reconnaissance in 1999 in Vokhomskiy and Sharyinskiy districts of Kostroma region)*. Kostroma. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. R. 1, no. 23320 (in Russian).

Novikov, A. V. 2015. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Volume of Papers)* 10 (II). Tver: “Triada” Publ., 69–86 (in Russian).

Novikov, A. V. 2018. *Settlements with comb-cord and cord ceramics of the early Iron Age of the Kostroma Volga region*. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2 (in Russian).

Novikov, A. V. 2019a. *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2 (in Russian), 179–200.

Novikov, A. V. 2019b. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 291–316 (in Russian).

Novikov, A. V. 2020. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 329–368 (in Russian).

Novikov, A. V. 2021a. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 35 (1), 49–64 (in Russian).

Novikov, A. V. 2021b. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 108–169 (in Russian).

Novikov, A. V. 2022. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 382–405 (in Russian).

Novikov, A. V., Nedomolkina, N. G. 2000. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Volume of Papers)* 12. Tver: “Triada” Publ., 353–374 (in Russian).

Novikov, A. V., Shvetsova, A. A. 2022. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 41 (3), 151–157 (in Russian).

Oshibkina, S. V. 1975. In Kruglikova, I. T. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 142. Moscow: “Nauka” Publ., 18–24 (in Russian).

Patrushev, V. S. 1989. *U istokov volzhskikh finnov (At the Origins of the Volga Finns)*. Yoshkar-Ola: “Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ. (in Russian).

Patrushev, V. S. 1989. In Arkhipov, G. A. (ed.). *Arkheologicheskie raboty 1980–1986 godov v zone Cheboksarskogo vodokhranilishcha (Archaeological Activities of 1980–1986 in the Area of Cheboksary Reservoir)*. Series: Arkheologiya i etnografiya Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of Mari Land) 15. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History, 149–173 (in Russian).

Patrushev, V. S. 2017. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya «Istoriia» (Bulletin of the Perm University. History Series)* 36 (1), 63–73 (in Russian).

Solov'ev, B. S. 1987. In Arkhipov, G. A. (ed.). *Drevnosti Volgo-Viatskogo mezhdurech'ia (Antiquities of the Volga and Vyatka Interfluvial Area)*. Series: Arkheologiya i etnografiya Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of the Mari Land) 12. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History I, 8–24 (in Russian).

Solov'ev, B. S. 2000. *Bronzovyi vek Mariiskogo Povolzh'ia (Bronze Age of Mari Volga Area)*. Series: Trudy Mariyskoy arkheologicheskoy ekspeditsii (Proceedings of the Mari Archaeological Expedition) VI. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History (in Russian).

Solov'ev, B. S. 2016. *Arkheologicheskie kul'tury iuga lesnogo Povolzh'ia na rubezhe srednego i pozdnego bronzovogo veka (Archaeological Cultures of the Southern Forest Volga Region at the Turn from the Middle to the Late Bronze Age)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Povolzh'ia (Materials and Research on the Archaeology of the Volga Region) 9. Yoshkar-Ola: Mari State University (in Russian).

Stavitsky, V. V. 2021. In Sitdikov, A. G., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Rannii zheleznyi vek (Early Iron Age)*. Series: Arkheologiya Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 3. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 313–338 (in Russian).

Stashenkov, D. A. 2021. In Sitdikov, A. G., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Rannii zheleznyi vek (Early Iron Age)*. Series: Arkheologiya Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 3. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 410–421 (in Russian).

Stolyar, A.D., Khalikova, E. A. 1963. In Tretyakov P. N. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 110. Moscow; Leningrad: the USSR Academy of Sciences, 239–268 (in Russian).

Stoyanov, V. E. 1959. *Otchet o polevykh issledovaniyakh mariyskoy arkheologicheskoy ekspeditsii za 1958 g. (Report on Field Studies of the Mari Archaeological Expedition in 1958)* I. Kazan' – Yoshkar-Ola. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Archaeology Institute named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Fund 1. Inv. 1, dossier 20, 191–194 (in Russian).

Tret'yakov, P. N. 1941. *K istorii plemen Verhnego Povolzh'ia v pervom tysyacheletii n. e. (The History of the Tribes of the Upper Volga Region in the First Millennium AD.)* Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology) 5. Moscow, Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Folomeev, B. A. 2017. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 319–335 (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 1977. *Volgo-Kam'e v nachale epokhi rannego zheleza (VIII–VI vv. do n. e.) (The Volga-Kama Region in the Beginning of the Early Iron Age (8th–6th Centuries BC))*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 1962. In Arkhipov, G. A. (ed.). *Zheleznyi vek Mariiskogo kraia (Iron Age of the Mari Region)*. Series: Proceedings of the Mari Archaeological Expedition II. Yoshkar-Ola: “Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ., 7–187 (in Russian).

Chernykh, E. M., Chizhevsky, A. A. 2021. In Sitdikov, A. G., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Rannii zheleznyi vek (Early Iron Age)*. Series: Arkheologiya Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 3. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 217–241 (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Galimova, M. Sh., Gubaidullina, A. V. 2019. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2. 124–164 (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Kuzminykh, S. V., Patrushev, V. S. 2021. In Sitdikov, A. G., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Rannii zheleznyi vek (Early Iron Age)*. Series: Arkheologiya Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 3. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 141–161 (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Khisyametdinova, A. A. 2020. *Defensive structures of the cape settlements of the Volga-Kamya in the Early Iron Age and early Middle Ages*. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 8–277 (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Solov'ev, B. S., Azarov, E. S. 2021. In Sitdikov, A. G., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Eneolit i bronzovyi vek (Eneolithic and Bronze Age)*. Series: Arkheologiya Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 2. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 580–600 (in Russian).

Yushkova, M. A. 2011. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Volume of Papers)* 8 (1). Tver: "Triada", 273–288 (in Russian).

About the Author:

Novikov Aleksander V. Candidate of Historical Sciences. "Kostromskaia Arkheologicheskaja Ekspedit-sia" Ltd. Marshal Novikov Str., 10, Kostroma, 156013, Russian Federation; kae44@mail.ru; novikov-kostroma@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2023 г.
Статья принята к публикации 01.04.2023 г.

УДК 902.01

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.2.243.257>

КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ГОРОДИЩА «РОЙСКИЙ ШИХАН»

©2023 г. Э.И. Оруджов

В статье представлены новые сведения о топографии городища Ройский Шихан, полученные в результате инструментальной съемки с помощью современных приборов геопозиционирования (GNSS приемник South S660), в частности, размеры оборонительных сооружений, высота стрелки мыса от подножия городища. При использовании методов статистической обработки, на основе методики А.Г. Федорова-Давыдова, осуществлен детальный анализ керамического комплекса городища (2898 фр.). Для вышеуказанной коллекции керамики определены основные (качественные) признаки, которые являются общими для всех сосудов, а также альтернативные качественные признаки, которые присутствуют либо отсутствуют на том или ином сосуде. Выделен ряд альтернативных качественных признаков (орнаментальных мотивов) в оформлении ананьинской керамики, свидетельствующих о возникновении Ройского городища в первом периоде АКХО (IX – первая четверть / первая половина VII вв. до н.э.), предположительно, с VIII в. до н.э., тем самым обозначив его как наиболее ранний памятник среди городищ вятско-ветлужской культуры (ВВК) ананьинской культурно-исторической области (АКХО) бассейна реки Вятки.

Ключевые слова: археология, вятско-ветлужская культура, ранний железный век, ананьинская культурно-историческая область, городище "Ройский Шихан", р. Вятка, керамический комплекс, хронология, VIII в. до н.э.

CULTURAL AND CHRONOLOGICAL ASPECTS OF THE MATERIAL CULTURE DEVELOPMENT OF THE EARLY IRON AGE HILLFORT OF "ROISKY SHIKHAN"

E.I. Orudzhov

The paper presents new data on the topography of "Roisky Shikhan" hillfort, received by instrumental survey using modern ge positioning devices (GNSS receiver South S660), in particular, the size of defensive structures, the height of the headland from the foot of the hillfort. Using statistical processing methods, based on A.G. Fedorov-Davydov's methodology, analyzing of ceramic assemblage peculiarities of the settlement (2898 fragments) was carried out. For the above-mentioned collection of ceramics the main (qualitative) features that are common for all vessels are identified, as well as alternative qualitative indicators that are present or absent on a particular vessel. A number of alternative qualitative features (ornamental motifs) in the decoration of Ananyino ceramics are identified, indicating the emergence of the Roisky hillfort in the I period of the Ananyino cultural and historical area (ACHA) (IX – first quarter / first half of the VII century BC), probably from the VIII century BC, thereby defining it as the earliest site among the settlements of the Vyatka-Vetluga culture ACHA in the Vyatka River basin.

Keywords: archaeology, Vyatka-Vetluga culture, Early Iron Age, Ananyino cultural-historical area, hillf.

Городище Ройский Шихан располагается в среднем течении реки Вятки, на высоком мысу ее правого берега, ограниченном с двух сторон глубокими оврагами. Высота мыса варьируется в пределах 28–30 м. Площадка городища, площадью около 2000 м², вытянута с юго-запада на северо-восток. Высота вала по отношению к площадке составляет 6 м, с напольной стороны, от дна рва, данная высота

увеличивается до 7 м. Ширина 22 м при длине 25 м. Ров располагается в естественной седловине, его глубина в современном реликтовом состоянии достигает одного метра. С напольной стороны глубину рва проследить сложно, т. к. здесь фиксируется пологий склон, уходящий в седловину мыса, на котором расположено городище (Глушков, 2019; рис. 1). Памятник расположен в 300 м к юго-востоку

от пос. Шишкино. В 100 м к западу от него, на соседнем мысу, расположено Шишкинское поселение (VIII–III вв. до н. э.).

Первые упоминания и краткие сведения о Ройском (Ройский Шихан) городище встречаются в отчете Вятского губернского статистического комитета за 1873 год (Спицын, 1881, с. 37).

Начало археологическому изучению памятника было положено Обществом археологии, истории и этнографии при Казанском университете.

Сотрудниками Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете П.А. Пономаревым, С.К. Кузнецовым, М.В. Малаховым, А.А. Штукенбергом в июне 1881 года на территории городища «Ройский Шихан» были проведены первые археологические раскопки, а также дано подробное географическое описание городища и составлен его первый инструментальный топографический план.

Раскопки проводились в три этапа. На первом этапе была заложена траншея на площадке и произведен разрез вала городища. Полученные на данном этапе находки представлены изделиями из кости (несколько стрел и костяное копьё) и фрагментами богато орнаментированной керамики, а также двумя бронзовыми предметами, один из которых С.К. Кузнецов определил как изделие, напоминающее рукоять от меча, другой – бронзовой подвеской (Кузнецов, 1884, с. 327). На втором этапе было выявлено большое количество костяных наконечников стрел, копий, шильев, проколочек из лосинного рога, несколько амулетов из медвежьих и бобровых клыков, а также два железных меча. Последний этап исследований дал больше всего находок, среди которых автор отчета выделил костяную рукоять от железного ножа, имеющую форму медвежьей либо кабаньей головы, костяную ложку, несколько костяных рыболовных крючков и два медвежьих черепа (Кузнецов, 1884, с. 328).

В 1952 г. А.В. Збруева в своей монографии «История населения Прикамья в Ананьинскую эпоху», используя археологические материалы с раскопок 1881 года, описала хозяйство и быт населения городища в раннем железном веке и датировала памятник V–III вв. до н. э. (Збруева, 1952). В данной публикации впервые упоминаются шестигранные

кельты (3 экз.), два из которых (согласно А.В. Збруевой) были обнаружены непосредственно при раскопках С.К. Кузнецова, один – подарен местным учителем Жилиным (Збруева, 1952, с. 294–295). Информация о принадлежности данных кельтов к Ройскому городищу вызывает определенные сомнения, т. к. упоминания о них в первоисточнике (Кузнецов, 1884) отсутствуют.

Следующий этап изучения культурных напластований городища «Ройский Шихан» связан с деятельностью Марийской археологической экспедиции под руководством А.Х. Халикова. Сотрудником экспедиции Г.А. Архиповым на территории городища в 1956 году были проведены археологические раскопки. В северо-западной части площадки было заложено два раскопа общей площадью 260 м² (рис. 1). В результате проведенных исследований на городище были выявлены культурные напластования мощностью от 0,15 до 2,3 м (от центра площадки городища к его склону), состоящие из подзола и коричневого суглинка с включением зольных и углистых пятен.

В планиграфическом контексте жилищных сооружений не обнаружено, однако выявлено шесть ям с углисто-зольным заполнением, в пределах которых обнаружено большое количество находок (изделия из кремня, кости, железа, бронзы и керамики) (Архипов, 1957, с. 108–110).

В результате археологических раскопок 1956 г. на городище был выявлен широкий спектр находок из металла, кости и кремня, а также свыше 2000 фрагментов керамики.

Среди изделий из металла автор выделил предметы-хроноиндикаторы (бронзовый наконечник стрелы, железный меч и наконечник копья). Анализ данных находок позволил ему датировать ананьинский культурный слой городища VII–VI вв. до н. э. (Архипов, 1957, с. 115).

Изделия из кости были распределены на две категории: костяные орудия (наконечники стрел, гарпуны, остря, ножи, игла, рукояти ножей и шильев) и украшения (амулеты из клыков животных, пронизи, застежка с рельефным изображением головы лося и кольцо). Среди орудий из камня выделены кремневые наконечники стрел ланцетовидной и листовидной формы, скребки овальной и трапециевидной формы с двухсторонней либо

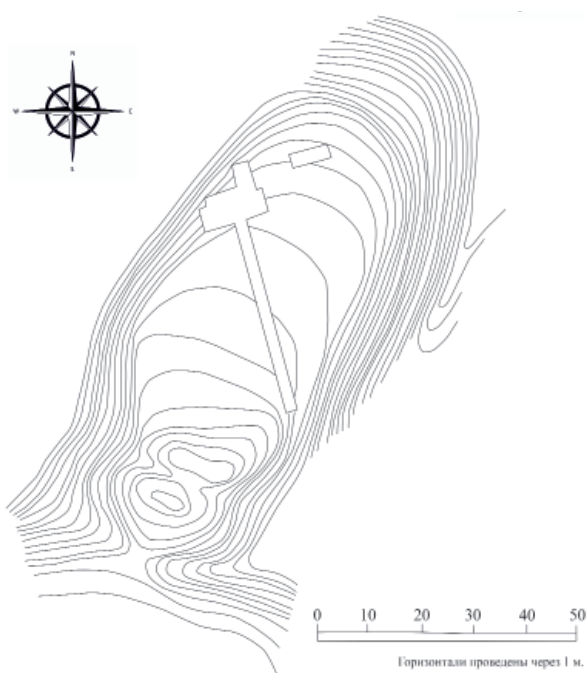

Рис. 1. Топографический план городища Ройский Шихан (по: Архипов, 1956).

Fig. 1. Topographic plan of the Roisky Shikhan hillfort by Arkhipov, 1956.

односторонней ретушью, сколы со следами ретуши и каменные пряслица с резным орнаментом (Архипов, 1957, с. 115–122).

Из более чем 2000 фрагментов керамики автором было отобрано 310 венчиков и 28 орнаментированных стенок сосудов (Архипов, 1962, с. 203). Используя метод сравнительно-типологического анализа с учетом критерия изменения формы и орнаментации сосуда, А.Г. Архипов распределил керамику с данного поселения на группы. Выделено две разновременные группы посуды: чирковская (вторая половина III тыс. до н. э.) и ананьинская (VII–III вв. до н. э.) (Архипов, 1956, с. 203). В свою очередь, ананьинская керамика по изменениям формы сосудов была распределена на три типа: 1) с диаметром горла меньше диаметра тулова, 2) диаметр горла больше диаметра тулова, 3) диаметр горла близок к диаметру тулова (Архипов, 1962, таб. XLI). По сочетанию орнаментальных мотивов на ананьинской посуде из ямочных, зубчатых и шнуровых отпечатков в различных вариациях автор распределил керамический комплекс Ройского городища на четыре группы:

1) с наибольшим процентом встречаемости ямочных вдавлений, как отдельно, так и в сочетании с другими элементами;

2) зубчатых, как отдельно, так и в сочетании с другими элементами;

3) шнуровых, как отдельно, так и в сочетании с другими элементами;

4) неорнаментированных, как отдельно, так и в сочетании с рельефным оформлением шейки венчика.

Комплексный анализ керамической посуды с городища Ройский Шихан позволил ему выделить две разновременные группы керамики – чирковскую (вторая половина III тыс. до н. э.) и ананьинскую (VII–III вв. до н. э.), а также сделать вывод о том, что большинство керамики с данного поселения относится к раннеананьинскому времени (VII–V вв. до н. э.) (Архипов, 1962, с. 196, 203).

В дальнейшем археологические исследования на городище проводились неоднократно, но в основном они носили разведочный характер, связанный с мониторингом его сохранности (Королев, 1977; Ванчиков, 1989; Глушков, 2019).

На сегодняшний день городище Ройский Шихан относится к вятско-ветлужской культуре ананьинской культурно-исторической области (АКИО). Всего в пределах АКИО выделяется четыре археологические культуры: постмаклашеевская, акозинско-ахмыловская, вятско-ветлужская и культура шнуровой керамики, материальная культура которых содержит как много общего, так и существенные различия, позволяющие выделять их в качестве самостоятельных культур ананьинского мира.

Хронологические рамки ананьинской культурно-исторической области (АКИО) укладываются в диапазон с IX по III/II вв. до н. э. Всего выделяется три периода ее развития: ранний (I) период – IX – первая четверть/первая половина VII вв. до н. э., средний (II) – вторая четверть/вторая половина VII – V вв. до н. э., поздний (III) – IV–III вв. до н. э. (Кузьминых, Чижевский, 2014, с. 102).

Для большинства городищ вятско-ветлужской культуры обосновано существование на протяжении среднего (II) – вторая четверть/вторая половина VII – V вв. до н. э. и позднего периодов (III) – IV–III вв. до н. э. (Чижевский, Оруджов, 2021, с. 12).

К сожалению, в данном списке памятников городище Ройский Шихан отсутствует, в связи с этим обстоятельством автор данной статьи вновь обратился к материальной куль-

туре Ройского городища и его богатейшей археологической коллекции (полученной в результате раскопок А.Г. Архипова), хранящейся в фондах Национального музея Республики Марий Эл им. Т. Евсева.

В основе данного исследования лежит статистический анализ керамического комплекса городища как наиболее массового материала в коллекции для его культурно-хронологического определения с использованием предметов, которые подходят под определение «хроноиндикаторов». В качестве предметов-хроноиндикаторов служат изделия из металла.

Всего было проанализировано 2898 фрагментов ананьинской керамики, для анализа использовалась только верхняя часть сосуда.

При анализе керамики Ройского городища была использована методика А.Г. Федорова-Давыдова (Федоров-Давыдов, 1987), ранее апробированная автором при культурно-хронологических построениях на других памятниках вятско-ветлужской культуры АКИО бассейна р. Вятки (Оруджов, 2021).

Для вышеуказанной коллекции керамики были определены основные (качественные) признаки, которые являются общими для всех сосудов, а также альтернативные качественные признаки, которые присутствуют либо отсутствуют на том или ином сосуде.

К основным качественным признакам следует отнести то, что посуда является лепной, с примесью толченой раковины и песка. Наиболее часто встречаются сосуды горшковидной формы, однако присутствуют и чаши. Тулово сформировано при помощи спирально-ленточного налета, венчик чаще всего прилепной (составной). Для горшковидных сосудов по форме выделяется три вида венчиков: 1) невысокий, сильно отогнутый; 2) средний, средне отогнутый; 3) средний, прямой либо слегка отогнутый, для чашевидных – слегка вогнут внутрь (Оруджов, 2021, с. 83).

Для поверхности сосудов характерен неравномерный обжиг: на фоне серого или коричневого часто выделяются темные и красноватые пятна. Довольно часто как с внешней, так и с внутренней стороны фиксируется нагар (Оруджов, 2017, с. 90). При заглаживании поверхности сосудов предположительно использовалась кожа, иногда ткань (Бобрин-

ский, 1978, с. 225, 226). Орнаментальное поле занимает верхнюю часть сосуда.

Данные признаки характерны не только для керамики с городища Ройский Шихан, но также служат в качестве основных признаков ананьинской посуды в целом.

Для культурно-хронологических построений при определении развития городища в рамках периодизации АКИО выделены альтернативные качественные признаки. К альтернативным качественным признакам относятся элементы рельефного оформления верхней части сосуда и расположенные на ней орнаментальные мотивы и композиции, которые присутствуют либо отсутствуют на том или ином сосуде, переходя в количественный дискретный признак.

Мотивом является сочетание однотипных элементов. Мотивы в свою очередь образуют композиции.

Среди композиций выделяются:

- одно-двухкомпонентные, образованные одним либо двумя мотивами;
- многокомпонентные, образованные сочетанием мотивов (более трех).

При выделении хронологических групп керамики использован принцип обеднения орнаментальной композиции от более раннего к более позднему периоду развития АКИО (Вечтомов, 1967, с. 136; Ашихмина, 2014, с. 72). Чем более насыщенное орнаментальное поле сосуда, чем больше в нем компонентов, тем вероятнее всего оно относится к более раннему периоду развития АКИО, за исключением тех компонентов (мотивов), которые изначально характерны для раннеананьинской посуды.

Анализ орнаментации керамики с городища Ройский Шихан показал, что все мотивы выполнены с помощью шнуровых оттисков, гребенчатого штампа, ямочных вдавлений, прочерченного, резного штампа и различных видов геометрических вдавлений. Распределение элементов орнамента свидетельствует в пользу преобладания ямочных вдавлений (32%), оттисков гребенчатого штампа (30%) и шнура (29%), присутствие в оформлении сосуда различных видов вдавлений, а также резного и прочерченного штампа ограничено 7%, количество неорнаментированной посуды и вовсе снижается до 2%.

Всего в керамической коллекции с городища было выделено пятьдесят мотивов (табл.

Рис. 2. Керамический комплекс I-ого периода ВВК АКЮ (IX – первая четверть / первая половина VII вв. до н.э.).

Fig. 2. Pottery assemblage of the I period of the VVC АСНА (IX – first quarter / first half of the VII century BC).

1). Среди них фиксируются мотивы, которые предположительно использовались в раннеананьинское время (I период АКЮ) и позднеананьинское (III период АКЮ).

К I периоду (IX – первая четверть/первая половина VII вв. до н. э.) относятся орнаментальные мотивы:

1) в виде ямочных вдавлений, оформленных гребенчатым штампом либо косыми овально-заостренными продолговатыми вдавлениями (рис. 2: 1–5, 7–8, 10), аналогии в подобном оформлении керамических сосудов встреча-

ются в могильниках Средней Камы, датируются с X–VII вв. до н. э. (Коренюк, 1999, с. 117; Митряков, Черных, 2014, с. 183). Всего зафиксировано с данным видом орнамента 377 фр., что составляет 13% от используемой в рамках анализа естественной выборки ананьинской керамики с Ройского городища;

2) «решетки», выполненной из отисков пересекающегося гребенчатого либо резного штампа (рис. 2: 2, 8–9), подобная орнаментация распространена в Среднем Прикамье на ранней стадии (зуево-ключевской, по Л.И.

Таблица 1. Орнаментированные мотивы керамики с городища «Ройский Шихан»
Table 1. Ornamental motifs of ceramics from the "Roiskiy Shikhan" hillfort

№	МОТИВЫ	ИЗОБРАЖЕНИЯ
1	наклонные линии гребенчатого штампа	
2	горизонтальные линии гребенчатого штампа	
3	вертикальные линии гребенчатого штампа	
4	гребенчатый штамп в виде зигзага	
5	гребенчатый штамп в виде креста	
6	гребенчатый штамп в виде елочки	
7	гребенчатый штамп в виде ромба	
8	разнонаправленный наклонный гребенчатый штамп	
9	гребенчатый штамп в виде клина	
10	гребенчатый штамп в виде галочки	
11	одиночный горизонтальный шнур	
12	двухрядный шнур	
13	трехрядный шнур	
14	четырёхрядный шнур	
15	пятирядный шнур	
16	двухрядный редкий шнур	

№	МОТИВЫ	ИЗОБРАЖЕНИЯ
29	округлые вдавления	
30	квадратные вдавления	
31	насечки по срезу венчика	
32	косой резной штамп	
33	прочерченные круги	
34	ромбовидные вдавления	
35	мелкоямочные вдавления в виде зигзага	
36	ямочные вдавления в виде треугольника	
37	треугольные вдавления	
38	вдавления в виде гусиной лапки	
39	сплошной шнур	

№	МОТИВЫ	ИЗОБРАЖЕНИЯ
17	шнур в виде волны	
18	шнур в виде наклонной линии	
19	редкий хаотично расположенный крупный шнур	
20	несгруппированные ямочные вдавления	
21	сгруппированные ямочные вдавления	
22	ромбовидная группировка ямочных вдавлений	
23	т-образная группировка ямочных вдавлений	
24	ямочные вдавления оформленные гребенчатым штампом, либо косыми овально-заостренными продолговатыми вдавлениями	
25	косые овально-заостренные продолговатые вдавления	
26	овальные вдавления	
27	каплевидные вдавления	
28	ногтевидные вдавления	

№	МОТИВЫ	ИЗОБРАЖЕНИЯ
40	лепестковые вдавления	
41	трехрядный редкий разнонаправленный шнур	
42	протасенная гребенка	
43	сгруппированные мелкоямочные подтреугольные вдавления	
44	ногтевидные вдавления при помощи гребенчатого штампа	
45	каплевидные вдавления при помощи гребенчатого штампа	
46	шестирядный шнур	
47	пересекающиеся линии косого резного штампа	
48	прочерченный горизонтальный штамп	
49	пересекающиеся линии гребенчатого штампа	
50	вдавления в виде стрелки	

Ашихминой) развития ананьинской керамики, VIII–VII вв. до н. э. (Ашихмина, 2014, с. 71–72, 298). Узоры, выполненные с помощью оттисков гребенчатого либо резного штампа в виде «решетки», известны еще с эпохи энеолита. Встречаются на территории Волго-Камья на керамике позднего энеолита (Королев А.И., 2021, рис. 13:5; 15:6) и бронзового века: баланово-атликасинской (Соловьев, Ставицкий, 2021, рис. 4), абашевской (Кузьмина, 2021, рис. 3: 4) луговской (Лыганов, 2021, рис. 3: 15, 17, 22, 24; 8:15), маклашеевской (атабаевский этап) (Чижевский, Лыганов, Кузьминых, 2021, рис. 3: 7, 12, 17, 23) культур. Аналогичные мотивы известны и за пределами Волго-Камья в энеолитической чюжъяельской культуре Северо-Востока (Карманов, Косинская, 2021, рис. 5), на иткульских в Туро-Пышминском междуречье (Зими́на, 2009, рис. 37: 1, 5–6; 48: 6; 49: 2) и сугузких керамических комплексах лесного Притоболья VIII–VII вв. до н. э. (Зими́на, 2009, рис. 87: 4). Наиболее близким по орнаментальному оформлению являются мотивы «решетки», изображенные на керамике атабаевского этапа маклашеевской культуры (Чижевский, Лыганов, Кузьминых, 2021, рис. 3: 7, 12, 17, 23). По всей вероятности, они доживают до раннеананьинского времени как пережиток уходящей эпохи бронзового века. Всего с данным видом орнамента зафиксировано 123 фр., что составляет 4% от естественной выборки ананьинской керамики с Ройского городища;

3) гребенчатого штампа в виде косо́го креста (рис. 2: 4, 6–7, 10), подобные мотивы также известны на раннеананьинской керамике с Аргыжского городища (Черных, Ванчиков, Шаталов, 2002, рис. 19: 3; 20: 9; 21: 8; 22: 3; 23: 5) и в более раннее время на атабаевском этапе маклашеевской культуры (Чижевский, Лыганов, Кузьминых, 2021, рис. 3: 17, 20, 26). Всего с данным видом орнамента зафиксировано 114 фр., что составляет около 4% от естественной выборки фрагментов ананьинской керамики с Ройского городища;

4) сплошного шнура по всему орнаментальному полю сосуда либо на большей его части (рис. 2: 1, 3, 5, 7, 9). Принцип определения данного мотива к I периоду АКЮ основан на его присутствии в орнаментальных композициях отдельных фрагментов керамики совместно с вышеперечисленными мотивами, а также исходя из принципа «обедне-

ния» орнаментальных композиций от более раннего к более позднему периоду развития вятско-ветлужской культуры (ВВК) АКЮ. Всего с данным видом орнамента зафиксировано 201 фр., что составляет 7% от естественной выборки фрагментов ананьинской керамики с Ройского городища.

Довольно часто обозначенные выше мотивы встречаются совместно в составе орнаментальной композиции. Из 377 фр. керамики с ямкой, оформленной гребенчатым штампом либо овальными вдавлениями, 50 фр. (13%) фиксируются в единой композиции с мотивом в виде косо́го креста, 40 фр. (12%) (рис. 2: 4, 6–7, 10) – в единой композиции с мотивом «косо́й решетки», 42 фр. (11%) (рис. 2: 2, 8) – в единой композиции с мотивом в виде «сплошного шнура». Орнаментальный мотив в виде сплошного шнура с мотивами «косо́й решетки» встречаются в единой композиции на шести фрагментах ананьинской керамики (рис. 2: 9), с мотивом «косо́го креста» – на 13 фр. (рис. 2: 7). Подобное сочетание орнаментальных мотивов служит еще одним аргументом в пользу их использования для украшения ананьинской посуды в одном хронологическом диапазоне, предположительно в I периоде АКЮ.

Подтверждением наличия на городище Ройский Шихан культурно-хронологического горизонта первого периода АКЮ служит бронзовая бляшка с изображением рельефного плоского кружка с исходящими от него четырьмя лучами (солярный символ) (рис. 3: 9) (из раскопок А.Г. Архипова). Сходные по оформлению бляшки относятся к элементам конской упряжи, встречаются в погребениях ананьинских могильников (Акозинский, Измерский VII, Мурзихинский I–II, Морквашинский, Першинский, Тетюшский и Старший Ахмыловский) и датируются второй половиной VIII – первой половиной VII вв. до н. э. (Кузьминых, Чижевский, 2014, с. 122). Подобное оформление было распространено в VIII–VII вв. до н. э. у протомеотской, кобанской и фрако-кимерийской культур (Тереножкин, 1976, рис. 22: 3–4, 6, 10–15). Еще одним подтверждением существования данного памятника в раннеананьинское время является сохранение традиций каменной индустрии на городище (рис. 4). Изделия из кремня известны в основном на раннеананьинских памятниках и фиксируются либо в основании

Рис. 3. Предметы-хроноиндикаторы: 1 – проволочная восьмерковидная подвеска с зооморфной привеской с Буйского городища (по: Чижевский, 2017); 2-4 – бронзовые наконечники стрел типа С-40 с Аргыжского городища (по: Чижевский, 2017); 5 – литая бронзовая подвеска с изображением натянутого сложного скифского лука с наложенной стрелой и петлей для подвешивания с Буйского городища (по: Чижевский, 2017); 6-8 – бронзовые наконечники стрел, типа С-50 с Аргыжского и Буйского городищ (по: Чижевский, 2017); 9 – бронзовая бляшка с городища "Ройский Шихан"; 10 – зооморфная костяная рукоять с Кривоборского городища; 11 – железный меч с городища "Ройский Шихан".

Fig. 3. Chronoindicator objects: 1 – wire 8-shaped pendant with zoomorphic ornaments from the Bouisky hillfort (by Chizhevsky, 2017); 2-4 – bronze arrowheads, type C-40 from the Argyzh hillfort (by Chizhevsky, 2017); 5 – cast bronze pendant depicting a drawn complicated Scythian bow with arrow and loop for hanging from the Bouisky hillfort (by Chizhevsky, 2017); 6-8 – bronze arrowheads, type C-50 from the Argyzh and Bouisky hillforts (by Chizhevsky, 2017); 9 – bronze badge from the "Roisky Shikhan" hillfort; 10 – zoomorphic bone handle from the Krivobor hillfort; 11 – iron sword from "Roisky Shikhan" hillfort.

культурного слоя, либо в котлованах наиболее ранних сооружений, что подтверждается наличием абсолютной даты (конец X – началом IX вв. до н. э.), полученной с помощью радиоуглеродного анализа керамики, обнаруженной в заполнении ямы № 22 Аргыжского городища (Митряков, Черных, 2014, с. 182–183).

Предположительно, изделия из кремня, так же как и орнаментальные мотивы в виде «косой решетки» или «косого креста», относятся к наследию бронзового века и продолжают свое существование на ранних этапах развития ВВК АКЮ.

Орнаментальные мотивы III периода (IV–III вв. до н. э.) представлены:

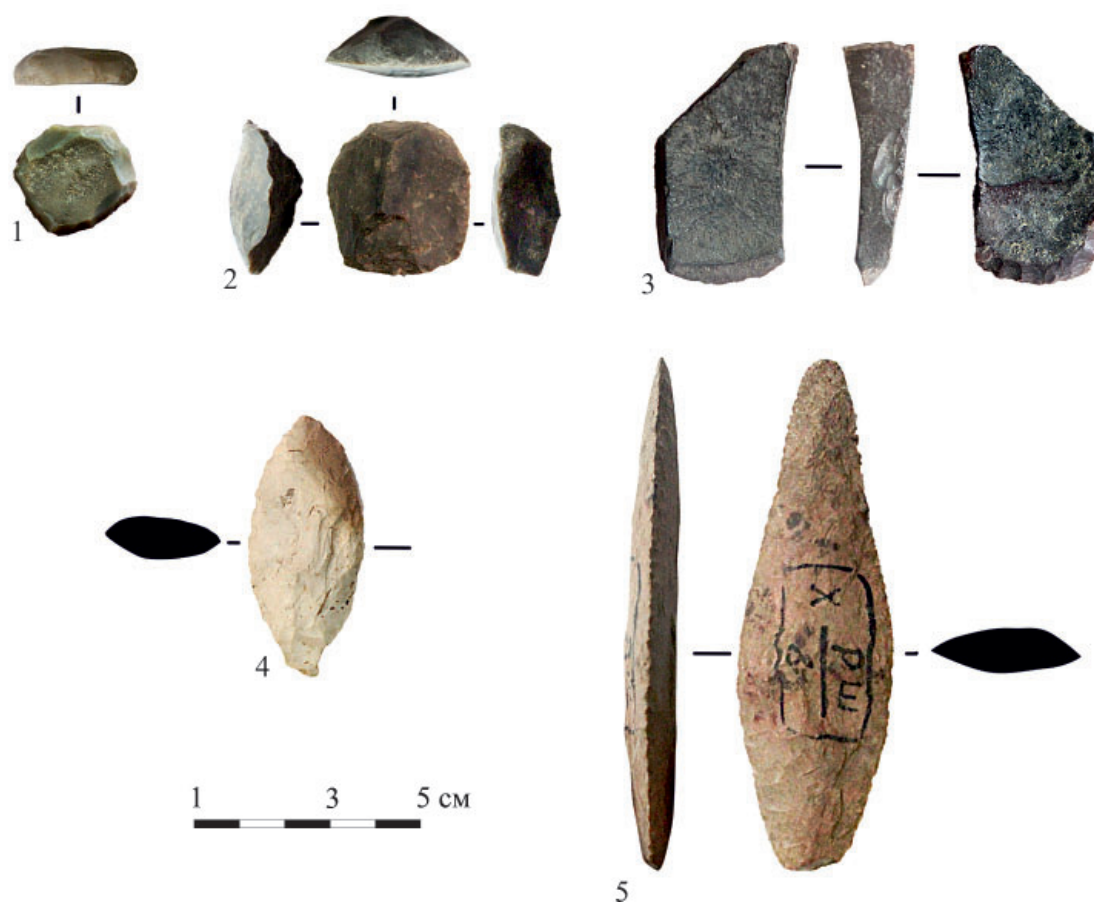

Рис. 4. Изделия из кремня: 1–3 – скребки; 4–5 – наконечники стрел.

Fig. 4. Flint items: 1–3 – scrapers, 4–5 – arrowheads.

1) крупными разреженными оттисками шнура (одиночного, двухрядного либо хаотично расположенного в верхней части ананьинского сосуда), чаще всего подобные композиции выполнены небрежно (рис. 5: 1, 3, 8);

2) различными видами вдавлений, прочерченным либо резным штампом (рис. 5: 2, 6–7, 9–10);

3) отсутствием орнаментации (рис. 5: 4).

Данные мотивы характерны для позднего периода АКЮ только в составе одно-двухкомпонентных композиций, тем самым подтверждая присутствие процессов упрощения орнаментального поля к концу ананьинской эпохи. Подобные мотивы широко распространены на позднеананьинских городищах (Скорняковское, Наговицынское, Буйское, Никульчинское и Кривоборское) (Оруджов, 2021, с. 81). Время существования памятников этой группы определяется радиоуглеродной датой, полученной по углю из догородищенского слоя Скорняковского городища AMS ^{14}C дата ETH 60648–428 CalBC (68,2%) – 384 CalBC

(Чижевский и др., 2016, с. 46), а также серией предметов-хроноиндикаторов: проволочной восьмерковидной подвеской с зооморфной привеской с Буйского городища (рис. 3: 1), крупными бронзовыми трехлопастными наконечниками стрел типа С-40 (рис. 3: 6–8) и мелкими типа С-50 с Буйского и Аргыжского городищ (рис. 3: 2–4). Оба типа наконечников стрел датируются IV–III вв. до н. э. Литая бронзовая подвеска с изображением скифского лука с Буйского городища (рис. 3: 5) датирована IV–III/II вв. до н. э. (Чижевский, 2017, с. 226). Костяная рукоять в виде стилизованного изображения хищника (медведя) с Кривоборского городища (рис. 3: 10) датируется V–IV вв. до н. э. (Васильев, 2002, с. 110).

Средний период, характеризуется в большей степени многокомпонентным формированием орнаментального поля, а также появлением рельефного оформления верхней части сосуда валиком, а затем и воротничком.

При этом следует отметить, что затруднительным остается выделить орнаментальные

Рис. 5. Керамический комплекс III периода ВВК АКШО (IV–III вв. до н.э.).
Fig. 5. Ceramic assemblage of the III period of the VVC ASHA (IV – III centuries BC).

композиции первого периода от второго. На всем протяжении этих периодов орнаментальное поле, несмотря на постепенное упрощение, остается довольно насыщенным.

Единственным критерием керамического комплекса II периода, который удалось зафиксировать при стратиграфическом анализе его распространения в культурном слое Аргыжского городища (Черных, Ванчиков, Шаталов, 2002, с. 31), является появление в оформлении верхней части сосуда валика.

Это подтверждается данными по изучению керамики с поселений раннего этапа АКШО на Средней Каме (Заюрчимское I и др.), где

окончательное оформление валика/воротничка происходит на протяжении всего среднего периода АКШО (последняя четверть VII–V вв. до н. э.) (Вечтомов, 1967, с. 136).

Ананьинские сосуды с рельефным оформлением горловины в рамках изучаемой естественной выборки с Ройского городища представлены всего 219 ед. (около 8% от всей выборки). Морфологический анализ данного элемента в оформлении верхней части сосуда позволил выделить две группы керамики: валиковая (22 фр.) (рис. 6) и воротничковая (197 фр.) (рис. 2: 3–5, 8). Причем вторая группа составляет почти 90% от всех валико-

Рис. 6. Керамический комплекс II периода ВВК АКЮ (вторая четверть / вторая половина VII – V вв. до н.э.).
Fig. 6. Ceramic assemblage of the II period of the VVC ACHA (second quarter / second half of the VII – V centuries BC).

во-воротничковых сосудов. Различия между этими группами проявляется не только в морфологическом плане, но и по отношению к орнаментальному полю. Валиковая керамика встречается исключительно наряду с многокомпонентными композициями орнамента, сочетающими в себе разнообразные мотивы, за исключением вышеописанных раннеананьинских. Сосуды, оформленные воротничком, уже характерны для керамики, содержащей одно-двухкомпонентные композиции.

Подобные совпадения позволяют отнести группу валиковой керамики к I этапу II периода АКЮ (2 четв./2 пол. VII – 1 пол./конец VI вв. до н. э.), который представлен керамическими сосудами с рельефно неоформленной либо оформленной валиком горловиной, с густо расположенным в верхней части ямочно-гребенчато-шнуровым, шнуровым и гребенчатым орнаментом (рис. 6). В качестве основного критерия здесь выступает оформление валиком шейки сосуда и богатство (насыщенность) орнаментального поля (Чижевский, Оруджов, 2021, с. 13, 15). Существование городища Ройский Шихан на I этапе II периода АКЮ подтверждают зафиксированные

в культурном слое городища А.Г. Архиповым предметы-хроноиндикаторы: бронзовый двухлопастной наконечник с лавролистным пером и выступающей наружу втулкой соответствует типу С-6 по Кузьминых, датируется VII–VI вв. до н. э. (Архипов, 1962, с. 194: таб. XXXIX), и железный двухлезвийный меч с тремя вертикальными выпуклыми линиями по лезвию с обеих сторон (рис. 3: 11). По А.Х. Халикову он относится к четвертому типу. Судя по аналогиям на территории Западной и Центральной Европы, данный тип мечей был распространен в VII–VI вв. до н. э. (Халиков, 1977, с. 170–171).

Таким образом, детальный анализ керамического комплекса Ройского городища с использованием предметов-хроноиндикаторов позволил выделить ряд альтернативных качественных признаков в оформлении ананьинской керамики, свидетельствующих о возникновении данного памятника в I периоде АКЮ (IX – первая четверть/первая половина VII вв. до н. э.), предположительно с VIII в. до н. э., тем самым обозначив и обосновав его как наиболее ранний памятник среди городищ ВВК АКЮ бассейна реки Вятки.

В результате данного исследования удалось проследить развитие изменений орнаментального поля на керамической посуде городища на всем протяжении существования ананьинской культурно-исторической области (АКИО) с VIII–IV/III вв. до н. э., от более раннего к более позднему периодам.

Благодарности. Автор выражает благодарность старшему научному сотруднику отдела фондов Национального музея Республики Марий Эл им. Т. Евсеева Бахтину Андрею Николаевичу за оказанную помощь при обработке коллекции керамики городища Ройский Шихан, заместителю директора КОГАУ «НПЦ по охране ОКН Кировской области» А.Л. Кряжевских за предоставление дополнительных сведений по топографии памятника.

ЛИТЕРАТУРА

Архипов Г.А. Результаты раскопок городища "Ройский Шихан" // Отчет о полевых исследованиях Марийской археологической экспедиции в 1956 году. Казань–Йошкар-Ола, 1957 // Архив МАРНИИ. Оп. 1. Д. 80.

Архипов Г.А. Ананьинские городища на р. Вятке // Труды МАЭ. Т. II / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1962. С. 188–205

Ашихмина Л.И. Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье (по материалам керамики и жилищ) / Археология Евразийских степей. Вып. 19. Казань: Отечество, 2014. 300 с.

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 274 с.

Ванчиков В.В. Отчет об археологической разведке в Уржумском районе Кировской области, проведенной летом 1989 года // Фонды Института истории и культуры народов Приуралья при УдГУ. Ф. 2. Д. 285.

Васильев Ст.А. Искусство древнего населения Волго-Камья в ананьинскую эпоху (истоки и формирование). Дисс. ... канд. ист. наук. СПб.: СПбГУ, 2002. 513 с.

Вечтомов А.Д. Периодизация и локальные группы памятников ананьинской культуры Среднего Прикамья // Труды IV Уральского археологического совещания / УЗ ПГУ. № 148 / Отв. ред. В.А. Оборин. Пермь: ПГУ, 1967. С. 133–155.

Глушков К.Н. Отчет об археологической разведке в Уржумском районе Кировской области в 2019 г. (рукопись).

Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху / Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. V / МИА. № 30. М.: АН СССР, 1952. 326 с.

Зими́на О.Ю. Нижнее Притоболье на рубеже бронзового и железного веков. Новосибирск: Наука, 2009. 232 с.

Карманов В.Н., Косинская Л.Л. Чужьяельская культура на Европейском Северо-Востоке // Энеолит и бронзовый век / Археология Волго-Уралья. Т. 2 / Под общ ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 236–249.

Коренюк С.Н. Основы хронологии раннеананьинских могильников Волго-Камья // Музей XXI века: взгляд в прошлое и будущее / Отв. ред. Ю.Ю. Каширина, С.В. Волегова. Пермь: Пермский областной краеведческий музей, 1999. С. 114–117.

Королев В.М. Отчет о разведочных работах проведенных в Уржумском и Лебяжском районах Кировской области летом 1977 года // Фонды Института истории и культуры народов Приуралья при УдГУ. Ф. 2. Д. 60.

Королев А.И. Памятники позднего энеолита лесостепного Поволжья // Энеолит и бронзовый век / Археология Волго-Уралья. Т. 2 / Под общ ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 106–126.

Кузнецов С.К. Предварительное сообщение о результатах раскопок над Ройским Истоком, на границе Уржумского и Малмыжского уездов Вятской губернии, произведенных летом 1881 // ИОАИЭ. 1884. Т. III. С. 326–329.

Кузьминых С.В., Чижевский А.А. Хронология раннего периода ананьинской культурно-исторической области // Поволжская археология. 2014. № 3 (10). С. 101–124.

Кузьмина О.В. Абашевская культура // Энеолит и бронзовый век / Археология Волго-Уралья. Т. 2 / Под общ ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 442–468.

Лыганов А.В. Андронидные культуры Волго-Камья (луговская и сусканская культуры) // Энеолит и бронзовый век / Археология Волго-Уралья. Т. 2 / Под общ ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 522–547.

Митряков А.Е., Черных Е.М. Вятские древности начала железного века: полтора столетия после открытия культуры «костеносных городищ // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский Казань: Отечество, 2014. С. 147–186.

Оруджов Э.И. Керамический комплекс Кривоборского городища // Археология Евразийских степей. 2017. № 4. С. 89–104.

Оруджов Э.И. Поселенческие памятники вятско-ветлужской археологической культуры ананьинской культурно-исторической области в бассейне реки Вятки. Дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2021. 256 с.

Соловьев Б.С., Ставицкий В.В. Балановская и атликасинская культуры // Энеолит и бронзовый век / Археология Волго-Уралья. Т. 2 / Под общ ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 420–441.

Спицын А.А. Каталог древностей Вятского края // Календарь Вятской губернии на 1882 г. Вятка, 1881. С. 25–90.

Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев: Наукова Думка, 1976. 222 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Статистические методы в археологии / Учебное пособие для вузов по спец. "История". М.: Высш. шк., 1987. 216 с.

Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н.э.). М.: Наука, 1977. 262 с.

Черных Е.М., Ванчиков В.В., Шаталов В.А. Аргъжское городище на реке Вятке. М.: ИКИ, 2002. 188 с.

Чижевский А.А., Черных Е.М., Хисяметдинова А.А., Митряков А.Е., Спиридонова Е.А., Кочанова М.Д., Алешинская А.С. Скорняковское городище на Вятке / Археология Евразийских степей. Вып. 22. Казань: Казанская недвижимость, 2016. 156 с.

Чижевский А.А. Памятники позднего периода ананьинской культурно-исторической области // Археология Евразийских степей. 2017. № 4. С. 196–256.

Чижевский А.А., Оруджов Э.И. Вятско-ветлужская археологическая культура (гребенчато-шнуровой керамики) ананьинской культурно исторической области // Поволжская археология. 2021. № 1 (35). С. 8–22.

Чижевский А.А., Лыганов А.В., Кузьминых С.В. Маклашеевская культура // Энеолит и бронзовый век / Археология Волго-Уралья. Т. 2 / Под общ ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 601–637.

Информация об авторе:

Оруджов Эдуард Игоревич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); orudzhov.eduard@mail.ru

REFERENCES

Arkhipov, G. A. 1957. In *Otchet o polevykh issledovaniyakh Mariyskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v 1956 g. (Report on Field Studies of the Mari Archaeological Expedition in 1956)*. Kazan'–Yoshkar-Ola. Archive of the Mari Research Institute of Language, Literature, and History. Inv. 1, dossier 80 (in Russian).

Arkhipov, G. A. 1962. In Arkhipov, G. A. (ed.). *Trudy Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Mari Archaeological Expedition)* II. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 188–205 (in Russian).

Ashikhmina, L. I. 2014. *Genezis anan'inskoi kul'tury v Srednem Prikam'e (po materialam keramiki i zhilishch) (Genesis of the Ananyino Culture in the Middle Kama Area (According to the Ceramics and Dwellings))*. Series: Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes) 19. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences; "Otechestvo" Publ. (in Russian).

Bobrinsky, A. A. 1978. *Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniia (East European Pottery. Sources and Research Methods)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Vanchikov, V. V. 1989. *Otchet ob arkheologicheskoy razvedke v Urzhumskom rayone Kirovskoy oblasti, provedennoy letom 1989 goda (Report on the archaeological reconnaissance in the Urzhum district of the Kirov region, conducted in the summer of 1989)*. Funds of the Institute of History and Culture of the Peoples of the Cis-Urals at Udmurt State University. Inv. 2. D. 63 (in Russian).

Vasiliev, St. A. 2002. *Iskusstvo drevnego naseleniia Volgo-Kam'ia v anan'inskuiu epokhu (istoki i formirovanie) (Art of the Ancient Population of Volga–Kama Rivers Region in the Ananyino Epoch: Origins and Formation)*. Diss. of Candidate of Historical Sciences. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University (in Russian).

Vechtomov, A. D. 1967. In Oborin, V. A. (ed.). *Trudy IV Ural'skogo arkheologicheskogo soveshchaniya (Proceedings of the 4th Ural Archaeological Conference)*. Series: *Uchenye zapiski Permskogo gosuniversiteta (Scientific Bulletin of the Perm State University)* 148. Perm: Perm State University, 133–155 (in Russian).

Glushkov, K. N. 2019. *Otchet ob arkheologicheskoy razvedke v Urzhumskom rayone Kirovskoy oblasti v 2019 g. (Report on the archaeological reconnaissance in the Urzhum district of the Kirov region, carried out in 1989)* Manuscript. (in Russian).

Zbrueva, A. V. 1952. *Istoriia naseleniia Prikam'ia v anan'inskuiu epokhu (History of the Population of the Kama River Region in the Ananyino Time)*. Series: *Materialy i issledovaniia po arkheologii Urala i Priural'ia (Materials and Research on the Archaeology of Ural and the Cis-Urals Area)* V. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 30. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Zimina, O. Yu., Zakh, V. A. 2009. *Nizhnee Pritobol'e na rubezhe bronzovogo i zheleznogo vekov (Lower Tobol River Area at the Turn of Bronze and Iron Ages)*. Novosibirsk: “Nauka” Publ. (in Russian).

Karmanov, V. N., Kosinskaya, L. L. 2021. In Sitdikov, A. A. Chizhevsky, A. A. (eds.). *Eneolit i bronzovyi vek (Eneolithic and Bronze Age)*. Series: *Arkheologiya Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals)* Vol. 2. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 236–249 (in Russian).

Korenyuk, S. N. 1999. In Kashirina, Yu. Yu., Volegova, S. V. (eds.). *Muзей XXI veka: vzglyad v proshloe i budushchee (Museum of the XXI century: a look into the past and future)*. Perm: Perm Regional Museum of Local Studies, 114–117 (in Russian).

Korolev, V. M. 1977. *Otchet o razvedochnykh rabotakh provedennykh v Urzhumskom i Lebyazhskom rayonakh Kirovskoy oblasti letom 1977 goda (Report on reconnaissance carried out in Urzhum and Lebyazhye districts of Kirov region in the summer of 1977)*. Funds of the Institute of History and Culture of the Peoples of the Cis-Urals at Udmurt State University. Inv. 2. D. 63 (in Russian).

Korolev, A. I. 2021. In Sitdikov, A. A. Chizhevsky, A. A. (eds.). *Eneolit i bronzovyi vek (Eneolithic and Bronze Age)*. Series: *Arkheologiya Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals)* Vol. 2. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 106–126 (in Russian).

Kuznetsov, S. K. 1884. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete (Proceedings of the Society For History, Archaeology and Ethnography Affiliated to Kazan University)* 3, 326–329 (in Russian).

Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. 2021. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 9 (3), 101–124 (in Russian).

Kuz'mina, O. V. 2021. In Sitdikov, A. A. Chizhevsky, A. A. (eds.). *Eneolit i bronzovyi vek (Eneolithic and Bronze Age)*. Series: *Arkheologiya Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals)* Vol. 2. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 442–468 (in Russian).

Lyganov, A. V. 2021. In Sitdikov, A. A. Chizhevsky, A. A. (eds.). *Eneolit i bronzovyi vek (Eneolithic and Bronze Age)*. Series: *Arkheologiya Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals)* Vol. 2. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 522–547 (in Russian).

Mitryakov, A. E., Chernykh, E. M. 2014. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Anan'inskii mir: istoki, razvitie, svyazi, istoricheskie sud'by (The World of Ananyino: Origins, Evolution, Relations, Historical Fate)*. Series: *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 20. Kazan: “Otechestvo” Publ., 147–186 (in Russian).

Orudzhov, E. I. 2017. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 89–104 (in Russian).

Orudzhov, E. I. 2021. *Poselencheskie pamyatniki vyatsko-vetluzhskoy arkheologicheskoy kul'tury anan'inskoy kul'turno-istoricheskoy oblasti v bassejne reki Vyatki (Settlement sites of the Vyatka-Vetluga*

archaeological culture of the Ananyino cultural and historical area in the Vyatka River basin). Diss. of Candidate of historical sciences. Kazan (in Russian).

Solov'ev, B. S., Stavitsky, V. V. 2021. In Sitdikov, A. A. Chizhevsky, A. A. (eds.). *Eneolit i bronzovyi vek (Eneolithic and Bronze Age)*. Series: Arkheologiya Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 2. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 420–441 (in Russian).

Spitsyn, A.A. 1881. In *Kalendar' Viatskoi gubernii na 1882 god. (1882 Year Calendar of the Vyatka Province)*. Vyatka, 25–90 (in Russian).

Terenozhkin, A. I. 1976. *Kimmeriitsy (The Cimmerians)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1987. *Statisticheskie metody v arkheologii (Statistical Methods in Archaeology)*. Moscow: "Vysshaya shkola" Publ. (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 1977. *Volgo-Kam'e v nachale epokhi rannego zheleza. VIII–VI vv. do n. e. (The Volga-Kama Region in the Beginning of the Early Iron Age (8th–6th Centuries BC))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Chernykh, E. M., Vanchikov, V. V., Shatalov, V. A. 2002. *Argyzhskoe gorodishche na reke Viatke (Argyzh Hillfort on the Vyatka River)*. Moscow: Institute of Computer Research (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Chernykh, E. M., Khisiametdinova, A. A., Mitriakov, A. E., Spiridonova, E. A., Kochanova, M. D., Aleshinskaia, A. S. 2016. *Skorniakovskoe gorodishche na Viatke (Skornyakovo settlement on Vyatka)*. Series: Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 22. Kazan: "Kazanskaia nedvizhimost'" Publ. (in Russian).

Chizhevsky, A. A. 2017. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 196–256 (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Orudzhov, E. I. 2021. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 35 (1), 8–22 (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Lyganov, A. V., Kuzminykh, S. V. 2021. In Sitdikov, A. A. Chizhevsky, A. A. (eds.). *Eneolit i bronzovyi vek (Eneolithic and Bronze Age)*. Series: Arkheologiya Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 2. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 601–637 (in Russian).

About the Author:

Orudzhov Eduard I. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; orudzhov.eduard@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2023 г.
Статья принята к публикации 01.04.2023 г.

УДК 902/903

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.2.258.267>

ТРИ КРАТКИХ СЮЖЕТА ОБ ОРНАМЕНТАЦИИ И ПРОИЗВОДСТВЕ АНАНЫНСКОЙ ПОСУДЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАБОТ 2017 ГОДА НА УСТЬ-НЕЧКИНСКОМ I ГОРОДИЩЕ В СРЕДНЕМ ПРИКАМЬЕ)

©2023 г. А.Е. Митряков

Статья посвящена некоторым особенностям керамического комплекса Усть-Нечкинского I городища в Среднем Прикамье. Дано краткое описание комплекса, выделены характерные особенности ананьинской керамики, которые обычно не берутся в расчёт при формально-статистическом анализе комплексов. Показывается, что три таких особенности – наличие ямок, «воротничок» на части сосудов и небрежный декор на поздней стадии развития, могут рассматриваться как элементы, в большей степени обусловленные технологией изготовления и жизненным циклом посуды, нежели как элементы декора. В связи с этим ставится вопрос о методе учёта признаков и придании им веса при формально-статистическом анализе комплексов и сравнении их между собой. Предполагается, что в результате реконструкции технологического процесса и анализа хозяйственно-культурного контекста ананьинского гончарства, исследователи должны акцентировать внимание на тех характеристиках посуды, которые обусловлены культурными, а не технологическими или хозяйственными различиями древних коллективов.

Ключевые слова: археологическая керамика, ананьинская культура, Среднее Прикамье, формально-статистические методы, технология изготовления керамической посуды, орнаментация посуды.

THREE SKETCHES ABOUT THE DECORATION AND PRODUCTION OF THE ANANYINO WARE (ACCORDING TO THE MATERIALS OF 2017 EXCAVATIONS ON THE UST-NECHKINSKOYE I SETTLEMENT IN THE MIDDLE KAMA REGION)

A.E. Mitryakov

The paper deals with some features of ware assemblage of the Ust-Nechkinskoye I hillfort in the Middle Kama region. A brief description of the complex is given, some characteristic features of the Ananyino ceramics are marked out, that are usually not taken into account in the formal statistical analysis of the assemblages. It is claimed that three features – the presence of pits, the "collar" on the part of the vessels and the slipshod decoration at a late stage of development may be considered as the elements that are more determined by the production technology and the life cycle of ware than as decorative patterns. In this regard, the question is raised about the method of features registration and giving them weighty reasoning in the formal and statistical analysis of complexes and comparing them with each other. It is assumed that as a result of reconstruction of the technological process and understanding of the economic and cultural context of the Ananyino pottery, researches should focus on those characteristics of ware that are due to cultural, but not to technological or economic differences between the ancient groups.

Keywords: archaeological ceramics, Ananyino culture, Middle Kama region, formal and statistical methods, ceramic ware production technology, ware decoration

Введение. Современные представления о первой половине эпохи раннего железа в Прикамье в значительной мере опираются на исследования керамического материала. Деление ананьинского мира в Волго-Камской части его ареала, представленное в томе «Археологии Волго-Уралья», посвященном эпохе раннего железа, концептуально опирается на выделенные В.Н. Марковым ареалы

распространения различных типов керамики (гребенчато-шнуровой, «классической» шнуровой, «текстильной») (Чижевский, Черных, 2021, с. 138–139). Хронологическая схема ананьинского времени в Среднем Прикамье, разработанная В.Ф. Генингом и В.Е. Стояновым (Генинг, Стоянов, 1961), была уточнена и фундирована Л.И. Ашихминой, в первую очередь с опорой на формально-типо-

логический анализ посуды городищ Каменный Лог, Зуевключевского I и других (Ашихмина, 2014).

В то же время в течение последних десятилетий становится всё более очевидно, что существующие подходы к анализу массового керамического материала исчерпывают свой эвристический потенциал. Отчасти это связано с общим свойством формально-типологических подходов к материалу, основанных на выделении некоторых признаков и редукции всех остальных, отчасти – с концептуальными проблемами конкретной методики обработки керамики В.Ф. Генинга (Генинг, 1973), наиболее существенными из которых на сегодняшний день видятся две.

Первая из них лежит в поле формально-статистического анализа. Формальным результатом обработки материала по методике В.Ф. Генинга является коэффициент сходства комплексов, который далее интерпретируется как показатель связи (генетической близости) между ними (Генинг, 1973, с. 133–134). Само по себе это – допущение, которое нуждается в дополнительном анализе, так как непонятно, какого рода связь отражает коэффициент сходства. Сам Генинг пользуется понятием «коэффициент сходства», однако далее на его основании делаются культурогенетические выводы (см., например: Ашихмина, 1985, с. 64, 77–78), которые должны описываться не как корреляция, а как каузация (то, что объекты А и Б имеют высокую степень сходства и Б хронологически наследует А, ещё не обозначает, что А является причиной Б, возможно, есть объект(ы) В, которые определяют свойства и А и Б). Но даже если пренебречь этим моментом (представляется, что основная интуиция Владимира Фёдоровича о взаимозаменяемости корреляции и каузации на этом уровне обобщения была верна), более существенной проблемой видится то, что его методика не вводит понятия веса признаков. Если обратиться к описанию методики В.Ф. Генинга, можно видеть, что на финальной стадии определения коэффициента сходства все признаки имеют равный вес (Генинг, 1973, с. 130–134). Однако фактически, с точки зрения технологии производства, это не так: например, такой признак, как примесь толченой раковины в тесте, может быть обнаружен в прикамской посуде от неолита до Средневековья, что, безусловно, не будет обозначать

генетической связи этих традиций, но с математической точки зрения повысит коэффициент их сходства.

Вторая связана именно с формальным методом вычленения и описания признаков и игнорированием их прикладной, технической сущности. Так, указатели формы описываются соотношением различных частей сосуда и имплицитно предполагается, что гончар воспроизводит одну и ту же эталонную форму с большими или меньшими отклонениями и в разных размерах (что само по себе дискуссионно). Однако, если рассмотреть такой параметр сосуда, как высотно-горловинный указатель ФБ, который рассчитывается как отношение высоты шейки сосуда к её диаметру (Генинг, 1973, с. 121), для ананьинской посуды мы обнаружим, что в рамках одного комплекса его значение падает с увеличением диаметра сосудов. Это можно объяснить тем, что ширина ленты, из которой делается подлепляемое к тулову отогнутое горло сосуда, ограничена длиной рабочей части пальцев мастера. Она не может увеличиваться пропорционально диаметру сосуда до бесконечности. Без учета этого обстоятельства мы получим искаженное представление о близости или различии в морфологии сосудов разного диаметра.

Необходимо заметить, что и без учета подобных тонкостей формально-статистические методы позволили получить позитивные результаты, отражающие ход эволюции ананьинской керамики Прикамья на макроуровне. Однако представляется, что на сегодняшний момент такой уровень обобщения при статистическом анализе уже не может дать качественно новых результатов, и если нас по-прежнему интересует работа с керамикой как с массовым материалом, то «доводка» статистического метода должна осуществляться с учетом разного веса различных признаков, который должен определяться тем, какие реальные (технологические, культурные, археологизационные) процессы влияют на их значения и размах вариаций.

Краткое описание источника. Настоящий текст представляет ряд наблюдений, сделанных в ходе обработки керамического комплекса Усть-Нечкинского I городища в Среднем Прикамье, полученного при работах 2017 года. Усть-Нечкинское I городище располагается в Сарапульском районе Удмуртской

Республики, на правом берегу р. Камы, в 14 км к северу от г. Сарапула. В литературе известно с 1859 года (Алабин, 1859), впоследствии осматривалось А.А. Спицыным, археологически изучалось в 1913 году А.А. Беркутовым, неоднократно обследовалось в советские годы, с 2007 по 2014 годы раскапывалось Е.М. Черных, а затем С.А. Перевозчиковой. Более подробные сведения об истории изучения городища и результатах этих работ можно найти в статье (Черных, Перевозчикова, 2015). Датировка городища, основанная на вещевом материале (в т. ч. трёхлопастном наконечнике стрелы типа С-50 по С.В. Кузьминых (Кузьминых, 1983)) дана авторами с V или рубежа V/IV вв. до н. э., верхняя дата, как это часто бывает с ананьинскими памятниками Прикамья, осталась открытой.

После небольшого перерыва в 2017 году на краю площадки городища был заложен

оттисками (49,1%) или без них (44,1%). Без орнаментации – только сосуды малого (6–11 см) диаметра. Поверхность сосудов достаточно хорошо обработана, в большей части случаев подложена как минимум с одной из сторон (82%).

Стратиграфическая ситуация раскопа непростая (рис. 1): он представляет собой присклоновую часть площадки, на которую, очевидно, приходится окончание вала, исследованного ранее. Привязка в описи дана по пластам от поверхности, однако благодаря сравнительно монотонной линии падения слоя по склону можно допустить, что в целом глубина залегания материала отражает хронологический порядок формирования комплекса.

В целом по таблице прослеживаются довольно характерные для описаний позднеананьинской керамики тенденции (ср., напри-

Таблица 1. Основные показатели ананьинских сосудов из выборки по стратиграфическим горизонтам
Table 1. The core characteristics of the Ananyino vessels from the sampling by stratigraphic horizons

пласт	всего сосудов	шнур	воротнички	Средний диаметр	Отверстия
30-40	16	43,7 %	25 %	31,9	25 %
40-50	22	54,5 %	0 %	25,9	45,5 %
50-70	48	60,4 %	35,4 %	26,7	14,6 %
70-90	25	60 %	32,1 %	21,0	8 %

небольшой раскоп (рис. 1), из которого был получен богатый керамический материал, в том числе пригодный для реконструкции полных форм сосудов.

Всего по описи коллекция насчитывает 1054 фрагмента глиняной посуды, из которых 111 – верхние части сосудов, сохранившиеся хотя бы до середины плечика, при обработке которых получены предлагаемые результаты. В целом коллекция остаточна типична для поздней стадии ананьинского времени в Прикамье. В комплексе преобладают горшковидные сосуды с невысокими венчиками, слабо- и среднераздутым туловом, орнаментированные ямками в сочетании со шнуровыми

мер, Ашихмина, 2014, с. 68–69; Голдина, Колобова, Казанцева, 2013, с. 31–41; Митряков, 2014; Митряков, Черных, 2017, с. 24–25; Чижевский, 2017, и т. д.): постепенное падение доли шнуровой орнаментации при сохранении обоих (ямочного и ямочно-шнурового) типов орнаментации, увеличение среднего диаметра сосудов при сохранении высоты шейки (как было указано выше, этот признак имеет скорее технологическую, нежели морфологическую увязку), почти полное исчезновение «воротничков» на поздних стадиях функционирования комплекса (25% верхнего слоя после нулевого показателя в пласте 40–50 не должны вводить в заблуждение: фактически

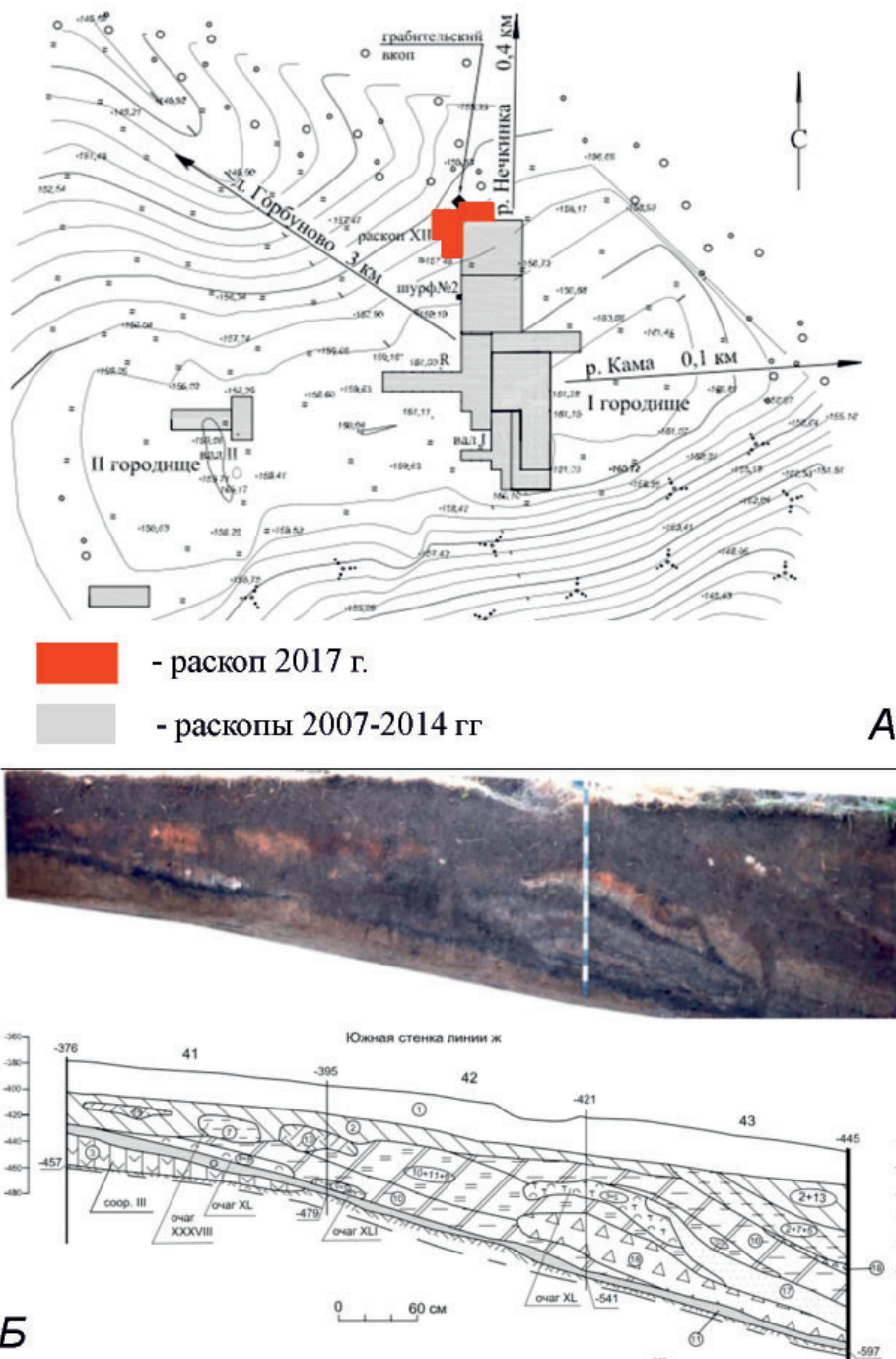

Рис. 1. Усть-Нежкинское I городище. А – раскоп 2017 года; Б – профиль южной стенки раскопа 2017 года
Fig. 1. Ust-Nezhkinskoye I hillfort. А – 2017 excavation; Б – southern wall profile of 2017 excavation

от общего количества в 16 фрагментов это – четыре, причем для двух из них воротничок «обозначен» (см. ниже). Этой диспропорцией, которая, вероятнее всего, связана с погрешностью учета сосудов сейчас можно пренебречь).

При работе с керамикой городища было сделано три наблюдения, которые, на наш взгляд, заслуживают озвучивания в простран-

стве научного исследования, поскольку позволяют в известной мере сместить акценты в описании и анализе керамического материала ананьинского времени.

Отверстия. Типичным для ананьинской и пьяноборской посуды является наличие отверстий в стенке посуды, в большинстве случаев пробивающих дно ямки. Таких сосудов в коллекции зафиксировано 24 (22%), фактиче-

ски же количество фрагментов со отверстиями существенно больше, потому что достаточно часто отверстия находятся по двум сторонам стыка фрагментов, во всех случаях это старые (возникшие до начала процесса раскопок сколы) (рис. 2). Стоит отметить, что так как до нас доходят в подавляющем большинстве неполные формы сосудов (обычно до 20% диаметра), то реальное количество сосудов с отверстиями, весьма вероятно, было больше. Автору уже приходилось описывать керамический комплекс с аналогичным свойством – Барановское III поселение в Каракулинском Прикамье (Митряков, 2011) – и высказывать предположение о том, что ямка на ананьинской посуде этого периода имеет функционал как минимум не только орнаментальный, а возможно, и в целом технологический: ямки наносятся по всей окружности сосуда через сравнительно равные промежутки, чтобы в случае повреждения сосуда стянуть его тем или иным способом (археологически известны случаи скрепления сверлин металлическими скобами (Гутков, 2000, с. 170–171 и далее), однако представляется более вероятным, что в настоящем случае это делалось просто верёвкой).

Это предположение кажется значимым не столько с точки зрения реконструкции «жизненного цикла» посуды в ананьинском хозяйстве (хотя обилие отремонтированных горшков наводит на мысль, что глиняная посуда для самих жителей ананьинского времени отнюдь не была «массовым материалом»), сколько с точки зрения метода. Ямка традиционно описывается как элемент орнамента, однако приведенные данные показывают, что в этом конкретном случае эстетическая функция ямки оказывается явно вторичной по отношению к утилитарной. Должны ли мы при «доводке» формально-статистических методов учитывать ямки как технологический элемент – наряду с отверстиями сырниц, носиками, рукоятками и т. п. (к слову, последние два элемента, при очевидной утилитарности, имеют огромную эстетическую традицию в гончарном производстве)? Если да – то в каких хронологических и географических пределах? Очевидно, то, что верно для ананьинской посуды Среднего Прикамья, будет совершенно нерелевантно для других культур и эпох.

2. Воротнички. Ещё одним сюжетом, который вызывает вопросы относительно

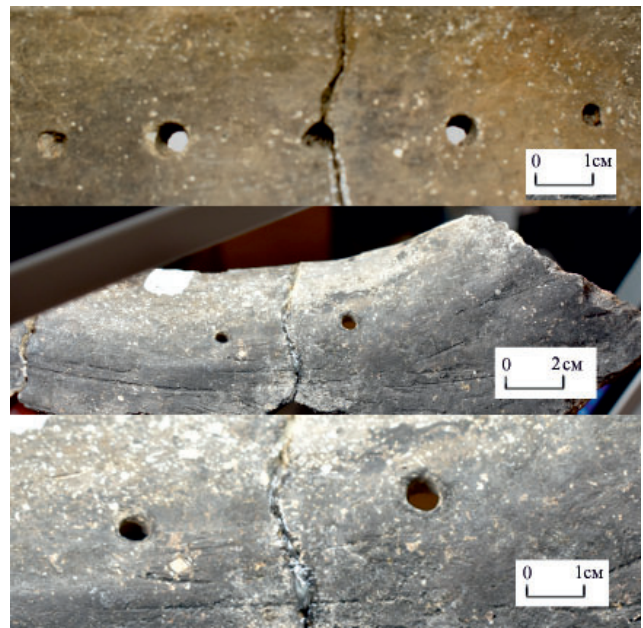

Рис. 2. Усть-Нечкинское I городище.
Сосуды с отверстиями на месте ямок
Fig.2. Ust-Nechkinskoye I hillfort.
Vessels with holes in the place of pits

традиционной категоризации в описании ананьинской посуды, является «воротничок» в верхней части сосудов. На части ананьинской керамики он явно выражен и целенаправленно подчеркнут; на других сосудах он читается слабо, наконец, на некоторых сосудах он «обозначен» так, что практически не может быть описан как «элемент рельефа». Хотя Л.И. Ашихминой в обработке ананьинской посуды «воротнички» и «валики» учитываются как «детали шейки сосуда» наряду с формой венчика и шейки (Ашихмина, 2014, с. 44 и далее, а также табл. V-11–13), практически везде речь идёт об «оформлении», то есть целенаправленной процедуре придания определённой формы этому элементу сосуда.

Рискну высказать предположение, что появление «воротничка» в верхней части горловины ананьинского сосуда также имеет далекое от эстетики происхождение. На сколах верхних частей Усть-Нечкинских сосудов довольно четко читается, что верхняя часть сосудов формировалась путем подлепа дополнительной ленты к тулову изнутри (это видно по сколам (рис. 3), течению теста в профиле и характерному выступу на внутренней поверхности). Технологически такая операция удобнее всего осуществляется, когда лента лежит на четырех пальцах кисти, подносится к месту присоединения изнутри, а снаружи

Рис. 3. Усть-Нечкинское I городище. Фрагмент сосуда со сколом по стыку лент.

Fig. 3. Ust-Nechkinskoye I hillfort. Fragment of a vessel with a chip at the joint of the bands.

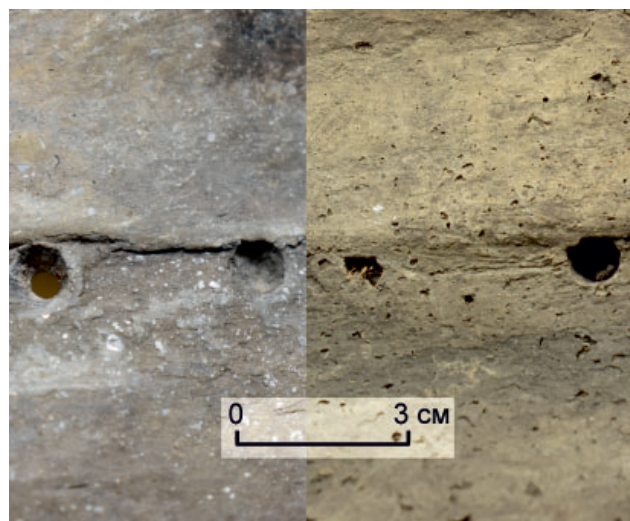

Рис. 4. Усть-Нечкинское I городище. Имитация «воротничка» на внешней стороне сосудов

Fig.4. Ust-Nechkinskoye I hillfort. Imitation of a "collar" on the outer side of the vessels

первая фаланга большого пальца сдавливает место стыка лент для образования прочного соединения. Так как ширина ленты больше длины фаланги, давление приходится только на нижний край ленты, в результате в том месте, где оно оканчивается, возникает специфическое утолщение, которое потом может быть выровнено, подрезано или дооформлено иным способом. Таким образом, «воротничок» опять же оказывается зависим не столько от эстетической, сколько от процедурной стороны традиции производства посуды. Об эстетической его составляющей мы можем говорить скорее на поздних этапах ананьинского гончарства, когда наличие «воротничка» становится исключением, а не правилом, но для некоторых сосудов он «обозначается» едва заметным выступом (рис. 4). В этот момент из категории особенностей технологии он должен переноситься в категорию орнаментальных признаков.

3. Ямки неправильной формы. Третий и последний сюжет, возникший в ходе работы с керамическим комплексом Усть-Нечкнского городища, касается специфики ямочно-шнуровой и ямочной орнаментации позднеананьинской посуды. Как правило, посуда ранних стадий ананьинской культуры в Среднем Прикамье оформлена, вне зависимости от сложности композиции, как правило, достаточно аккуратно. Шнуровые линии параллельны и четко отпечатаны, так что можно различить направление закручивания

шнура (также примечательный сюжет, практически не упоминаемый в литературе: от 8 до 20% шнуровых оттисков на ананьинской посуде имеют «обратную» закрутку шнура – с «левым наклоном» вместо более традиционного «правого»). Сблэзн связать это с долей левшей в популяции опровергается тем фактом, что иногда даже на одной полосе строенного шнура присутствуют противоположные закрутки), ямка имеет правильную округлую форму по всей глубине, и т. д. Позднеананьинская посуда начинает постепенно терять этот «классический облик»: шнуровые оттиски постепенно становятся более бедными и смазанными, в некоторых случаях читается нечто похожее на оттиск шнура, но ни одного отдельного витка зафиксировать не удастся. Ямка становится меньше в диаметре, а её края из правильной окружности превращаются в замкнутую кривую неопределенной траектории.

То, что с течением времени сложные ямочно-шнуровые композиции теряют своё значение для ананьинских гончаров Среднего Прикамья, довольно очевидно. Менее очевидно, почему они продолжают воспроизводиться в столь неэстетичном виде, вместо того чтобы просто исчезнуть за ненадобностью. Можно предположить, что здесь мы имеем дело с воспроизводством операций, той самой спецификой передачи традиции, о которой много пишут представители историко-культурного подхода. Нанесение шнуровых отти-

сков и ямок – операции, составляющие неотъемлемую часть цикла производства посуды на протяжении как минимум трёх столетий; последние, как было показано выше, имеют и практический смысл (вопрос о шнуровых оттисках в этом плане остается открытым). Однако операции орнаментирования вступают в своеобразный конфликт с другой значимой операцией технологического цикла – обработкой внешней поверхности, которое необходимо для придания сосуду влагонепроницаемости. Проблема заключается в том, что для получения эстетичного отпечатка орнаментация должна производиться по достаточно свежей, влажной поверхности сосуда, а операция лощения – уже по подсушенной, то есть позже по времени. При этом лощение – затирание орнаментированной поверхности – приводит к тому, что орнамент, нанесенный на эту поверхность, может пострадать. Рассматривая сосуды верхних горизонтов раскопа 2017 года на Усть-Нечкинском городище, мы видим, что «неаккуратная», неправильная форма элементов орнаментации (в первую очередь ямок, хотя и для шнуровых оттисков это верно) возникает именно таким образом. В частности, видно, что контур ямки по поверхности не соответствует её профилю на глубине, который сохраняет правильную округлую форму, деформация окружности произошла именно из-за затирания поверхности и смещения тонкого слоя глины с края ямки (рис. 5: ср. форму нижней ямки и стенки на сколе; на дне ямки виднеется характерный выступ, оставляемый полым инструментом типа соломины или птичьей кости).

Иными словами, операции орнаментации воспроизводятся в соответствии с традицией, однако по каким-то причинам эстетическая/символическая составляющая их результата больше не имеет существенного значения для гончара и может быть принесена в жертву более утилитарной операции лощения поверхности.

Проблематизация. Автор отдает себе отчет в том, что на сегодняшний момент высказанные выше идеи о некоторых элементах ананьинского гончарства нуждаются в дополнительном фундировании, в первую очередь методами технико-технологического анализа и экспериментальной реконструкции соответствующих технологических операций. Однако даже с учётом этого обстоятель-

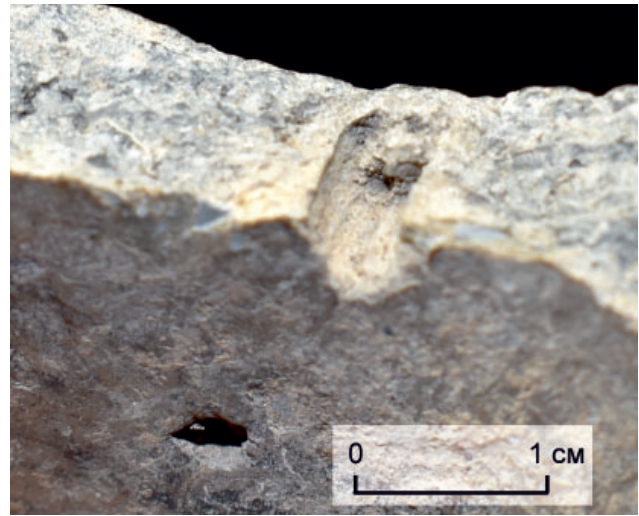

Рис. 5. Усть-Нечкинское I городище.

Пример сосуда с деформированным контуром ямки и её изначальным профилем на сколе

Fig. 5. Ust-Nechkinskoye I hillfort.

An example of a vessel with a deformed contour of the pit and its initial profile on a chip

ства представляется правильным уже сейчас сделать следующий шаг, проблематизируя сложившийся подход к описанию ананьинской керамики как массового материала.

Все три представленные выше сюжета могут быть обобщены следующим образом: то, что сегодня категоризуется исследователем ананьинской посуды как характеристики орнаментации, на самом деле может: а) более или менее слабо касаться эстетической/символической стороны ананьинского гончарства в принципе и б) иметь разнородное происхождение и содержание, связанное с различными областями жизненного цикла сосуда – конкретными приемами формовки сосуда (воротнички), последовательностью операций при изготовлении (ямки), ремонте (отверстия). Сведение этих признаков в единую категорию, уравнивание их веса и производство выводов о сходстве керамических комплексов по этим признакам – безусловно, вполне допустимое статистико-математическое упражнение.

Однако, если рассматривать конечной целью применения статистических методов получение знания об исторических процессах, которые отражаются в эволюции керамических комплексов, то начинать надо с того, что описываемые признаки определяются значительным количеством **разных** внешних условий **в разной** мере. Это не только

условия, связанные с особенностями ресурсной и навыковой базы в конкретное время на конкретной территории, но и условия, связанные с функционированием готовой посуды в заданных культурных обстоятельствах. Безусловно, керамический сосуд в крайне незначительной мере является результатом сознательного инжиниринга конкретного гончара и в подавляющей степени обязан своим обликом и свойствами существующей традиции. Однако в процессе изготовления посуды всё же существует известная вариативность, и изменения, которые таким образом возникают, оказываются либо отброшены, либо приняты в канон, что в первую очередь должно зависеть от того, насколько они отвечают функциональности или совершенствованию процесса изготовления посуды. Если для описания процесса изменений в гончарном производстве использовать метафору биологической эволюции, такие изменения подобны мутациям, которые подвергаются дальнейшему процессу испытания факторами среды – своего рода естественному отбору.

Исходя из этого, при выделении признаков сосуда для формально-статистического анализа важно понимать, в какой мере они детерминированы ресурсной базой, в какой – функционированием сосуда в культуре (хозяйственным и символическим), в какой – просто являются традиционно повторяемыми элементами технологической цепочки. В этом плане, если высказанная выше интуиция относительно снижения эстетической/символической значимости шнура и ямок для позднеананьинского гончара верна, возникает вопрос, насколько в принципе имеет смысл сравнивать раннеананьинские и позднеананьинские комплексы по орнаментации статистически: мы фиксируем здесь именно качественные различия, а не количественные. Речь идет не об «изменении моды», которым часто объясняют смену орнаментальных традиций на посуде, а банальной утрате фокуса на этой производственной операции. Это, естественно, не должно влиять на оценку близости и (при наличии) генетической связи этих комплексов.

По истории гончарной технологии сегодня накоплена обширная библиография, принадлежащая в первую очередь представителям историко-культурного подхода в исследовании керамики (наиболее актуально текущую

картину в этой области отражают работы группы «История керамики» ИА РАН, см., например, вестник «История керамики» (Вестник..., 2022)). Отдельные аспекты, связанные с проблематикой функционирования археологической керамики в культуре, уже разрабатывались в отечественной литературе (Глушков, 1996, гл. 7; Зданович, Куприянова, 2002; Калинина, 2009; и т. д.), однако насколько известно автору, эта тема не обобщалась на русском языке и ни один из подходов полноценно не применялся на ананьинских материалах Прикамья.

Заключение. Изложенные выше соображения не ставят своей целью поставить под вопрос существующие представления об ананьинских древностях в Волго-Камье в той их части, что опирается на типологические и хронологические исследования керамики. Представляется, что при всех указанных (и неуказанных) несовершенствах обобщенный статистический анализ ананьинской посуды, в том числе сделанный по методике В.Ф. Генинга, позволил вполне адекватно описать макроэволюцию ананьинской керамики в регионе. Однако складывается впечатление, что дальнейший экстенсивный рост обработки источника в том же ключе не способен существенно продвинуть нас в понимании исторических процессов, которые отражаются в изменении облика глиняной посуды ананьинцев Прикамья, и это связано с теми концептуальными особенностями методики, которые составляют одновременно её силу и её слабость и сводятся к редукции сложности керамики как элемента традиционной культуры и концентрации на легко измеримых численных показателях.

Первыми шагами к более тонкой отстройке статистических методов видятся:

- а) серийное технико-технологическое изучение ананьинских материалов Прикамья;
- б) усиленная реконструкция условий функционирования керамики в культуре ананьинцев.

Эти шаги позволят более точно определить различие характеристик посуды, обусловленных технологически, функционально и символически, и, как следствие, понимать, какие из признаков на разных стадиях эволюции ананьинской посуды будут иметь большее или меньшее значение для выделения типов керамики. Выделенные таким образом типы,

на наш взгляд, смогут стать более эффективным инструментом для различения оставших их коллективов и/или популяций древнего населения и понимания его истории.

ЛИТЕРАТУРА

Алабин П.В. Ананьинский могильник (близь города Елабуги) // Вятские Губернские Ведомости. 1859. №30. Часть неофициальная. С. 207–208.

Ранний железный век / Археология Волго-Уралья. Т. 3 / Под общ ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. 676 с.

Ашихмина Л.И. Керамика ананьинских поселений Среднего Прикамья // Археологические памятники Северного Приуралья // МАЕСВ. Вып 9. / Отв. ред. В.И. Каневец. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми фил. АН СССР, 1985. С. 55–80.

Ашихмина Л.И. Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье (по материалам керамики и жилищ) / Археология евразийских степей. Вып. 19. Казань: ИА АН РТ; Отечество, 2014. 300 с.

Вестник «История керамики». Вып. 4. / Отв. ред. Ю.Б. Цетлин. М.: ИА РАН, 2022. 214 с.

Генинг В.Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. 1973. № 1. С. 114–136.

Генинг В.Ф., Стоянов В.Е. Итоги археологического изучения Удмуртии // ВАУ. Вып.1 / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск, 1961. С. 76–90.

Глушков И.Г. Керамика как археологический источник. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1996. 327 с.

Голдина Р.Д., Колобова Т.А., Казанцева О.А., Митряков А.Е., Шаталов В.А. Тарасовское святилище раннего железного века в среднем Прикамье / Науч. ред. Л.И. Липина. МИКВАЭ. Т. 26. Ижевск, 2013. 184 с.

Гутков А.И. О традиции ремонта глиняной посуды // Археологический источник и моделирование древних технологий: труды музея-заповедника Аркаим: сб. научных трудов / Науч. ред. С.Я. Зданович. Челябинск: Институт истории и археологии УО РАН, 2000. С. 170–186.

Зданович Д.Г., Куприянова Е.В. "Use life" глиняной посуды и динамика стилевых изменений (к исследованию синташтинской проблемы) // Степи Евразии в древности и средневековье: Материалы Международной научно конференции, посвященной 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова, Санкт-Петербург, 20–24 марта 2002 года / Отв. ред. М.Б. Пиотровский. Т. I. СПб.: ГЭ, 2002. С. 141–145.

Калинина И.В. Очерки по исторической семантике. СПб: СПбГУ, 2009. 272 с.

Митряков А.Е. К вопросу о функции ямок на пьяноборской посуде (по материалам Барановского III поселения) // Новые материалы и методы археологического исследования. Тезисы докладов / Отв. ред. В.Е. Родинкова, А.Н., Федорина. М.: ИА РАН, 2011. С. 29–31

Митряков А.Е. Керамические комплексы финала ананьинской - начала пьяноборской эпохи Удмуртского Прикамья (По материалам Барановского III поселения) // Международная полевая школа в Болгаре. Вып. 1 / Отв. ред. А.Г. Ситдигов. Казань, Болгар: Институт археологии им. А.Х. Халикова, Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2014. С. 69–74.

Черных Е.М., Митряков А.Е. Абсолютная и относительная хронология Зуевключевского I городища: проблемы сопоставления // Археология Евразийских степей. 2017. № 4. С. 17–32.

Черных Е.М., Перевозчикова С.А. Усть-Нечкинские городища в среднем Прикамье на этапе ананьинской культуры (топография, планировка, инвентарь) // Поволжская археология. 2015. № 2 (12). С. 114–135.

Чижевский А.А. Памятники позднего периода ананьинской культурно-исторической области // Археология Евразийских степей. 2017. №4. С. 196–256.

Информация об авторе:

Митряков Александр Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия); al.mitriakov@yandex.ru

REFERENCES

Alabin, P. V. 1859. In *Vyatskie gubernskie vedomosti (Vyatka Provincial Bulletin)* 30, 207–208 (in Russian).

Sitdikov, A. G., Chizhevsky, A. A. (ed.). 2021. *Rannii zheleznyi vek (Early Iron Age)*. Series: Arkheologiya Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 3. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Ashikhmina, L. I. 1985. In Kanivets, V. I. (ed.). *Arkheologicheskie pamyatniki Severnogo Priural'ya (Archaeological sites of the Northern Urals)*. Series: Materialy po arkheologii Evropeyskogo Severo-Vostoka (Materials on the Archaeology of North-east) 9. Syktyvkar, 55–80 (in Russian)

Ashikhmina, L. I. 2014. *Genezis anan'inskoi kul'tury v Srednem Prikam'e (po materialam keramiki i zhilishch) (Genesis of the Ananyino Culture in the Middle Kama Area (According to the Ceramics and Dwellings))*. Series: Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes) 19. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences; "Otechestvo" Publ. (in Russian).

Tsetlin, Yu. B. 2022. (ed.). *Vestnik «Istoriya keramiki» "History of Ceramics" Bulletin* 4. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Gening, V. F. 1973. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 114–136 (in Russian).

Gening, V. F., Stoianov, V. E. 1961. In Gening, V. F. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Ural Archaeology)* 1. Sverdlovsk, 76–90 (in Russian).

Glushkov, I. G. 1996. *Keramika kak arkheologicheskiy istochnik (Ceramics as an archaeological source)*. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography (in Russian)

Goldina, R. D., Kolobova, T. A., Kazantseva, O. A., Mitriakov, A. E., Shatalov, V. A. 2013. *Tarasovskoe sviatilishche rannego zhelezного века v srednem Prikam'e (Early Iron Age Sanctuary Tarasovo in the Middle Kama River Basin)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 26. Izhevsk (in Russian).

Gutkov, A. I. 2000. In Zdanovich, S. Ya. (ed.). *Arkheologicheskiy istochnik i modelirovanie drevnikh tekhnologii: trudy muzeya-zapovednika Arkaim: sb. nauchnykh trudov (Archaeological Sources and Modeling of Ancient Technologies: Proceedings of Museum-Reserve Arkaim)*. Chelyabinsk: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for History and Archaeology, 170–186 (in Russian).

Zdanovich, D. G., Kupriyanova E.V. 2002. In Piotrovskii, Yu. Yu. (ed.). *Stepi Evrazii v drevnosti i srednevekov'e (Steppes of Eurasia in Ancient Times and the Middle Ages)* I. Saint Petersburg: The State Hermitage Museum, 141–145 (in Russian).

Kalinina, I. V. 2009. *Ocherki po istoricheskoy semantike (Essays on historical semantics)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University (in Russian)

Mitryakov A.E. 2011. In Rodinkova, V. E., Fedorina, A. N. (eds.). *Novye materialy i metody arkheologicheskogo issledovaniia New Materials and Methods of Archaeological Studies*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 29–31 (in Russian).

Mitryakov, A. E. 2014. In Sitdikov, A. G. (ed.). *Mezhdunarodnaia polevaia shkola v Bolgare. (International Field School in Bolgar)* 1. Kazan; Bolgar: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov; Kazan (Volga Region) Federal University, 69–74 (in Russian).

Chernyh, E. M., Mitryakov, A. E. 2017. *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 17–32 (in Russian).

Chernyh, E. M., Perevozchikova, S. A. 2015. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 12 (2), 114–135 (in Russian).

Chizhevsky, A.A. 2017. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 196–256. (in Russian).

About the Author:

Mitryakov Aleksander E. Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Udmurt State University, Institute of History and Sociology. Universitetskaya St., 1, building 2, Izhevsk, 426034, Russian Federation; al.mitriakov@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2023 г.
Статья принята к публикации 01.04.2023 г.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.2.268.280>

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ МЕТОДИКИ ОБРАБОТКИ И ОПИСАНИЯ КЕРАМИКИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ПРИКАМЬЯ

© 2023 г. М.Л. Перескоков, Д.А. Якимова

В данной статье характеризуются основные методологические проблемы, сложившиеся в прикамской археологии, связанные с описанием и изучением керамических комплексов. Предлагается алгоритм и методика описания керамического материала, позволяющая фиксировать как отдельные элементы узора, так и мотивы и орнаментальные композиции, в их взаимном сочетании. В основу типологии признаков легли геометрические принципы. За основу выделения элементарных частиц – элементов узора, взяты геометрические понятия, которые отражаются терминами: точка, линия, отрезок. Мотивы соответствуют сочетаниям простейших элементов: отдельные геометрическая фигура (точка или отрезок), могут располагаться относительно друг друга в определенном порядке, выстраивать ряды и линии. Форма описания признаков в виде бинарного кода позволяет использовать полученные данные в дальнейшем анализе методами многомерной статистики.

Ключевые слова: археология, керамика, методика изучения, узор, мотив, композиция, признаки, статистических анализ.

SOME ASPECTS OF RESEARCH AND DESCRIPTION METHODS OF THE EARLY IRON AGE POTTERY IN THE KAMA BASIN REGION

M.L. Pereskokov, D.A. Yakimova

In this article the basic methodological problems of Kama archaeology, related with the description and studying of pottery assemblages, are characterized. The algorithm and methods of the description of the ceramic items, allowing researchers to fix both individual elements of the pattern and motifs and ornamental compositions in their mutual combination, are offered. The basis of the typology of the features is based on geometric principles. The basis for the singling out of elementary particles – the elements of the pattern, geometric concepts are taken, that are reflected by terms: dot, line, segment. The motifs correspond to combinations of the simplest elements: individual geometric shapes (dot or line segment), can be arranged relative to each other in a certain order, make rows and lines. The form of the description of features in the form of a binary code allows using the data received in further analysis by methods of multivariate statistics.

Keywords: archaeology, ceramics, study methodology, pattern, motif, composition, features, statistical analysis.

Вводные замечания и постановка проблемы

Обломки глиняной посуды являются наиболее массовой категорией среди археологических находок. Керамике отведена значимая роль и в определении культурной принадлежности археологических памятников, а изучение керамики как, наиболее массового информативного источника, остается наиболее актуальным и по сей день.

Рост интереса к изучению бытовой керамики наблюдается с последней трети XIX в., тогда же впервые была поднята проблема отсутствия в археологической науке специальной номенклатуры и системы описания работы с древней посудой. Первая методологическая работа в отечественной историографии по

изучению керамики принадлежит В.А. Городцову (Городцов, 1901, с. 577–672). Он ввел образные названия составных частей сосуда, выделив тулово, плечико, устье, шею, дно сосуда. Также, на основании традиций современного ему гончарства, он создал систему для фиксации технологических особенностей изготовления посуды, куда вошли особенности глины, примесей, обжига и приемов лепки сосудов. Данная система включала в себя и технологию нанесения орнамента. В.А. Городцов придавал большое значение изучению орнаментации керамических сосудов. По его мнению, орнамент пользовался большим значением у первобытного человека. Система описания орнаментации подразделялась на несколько отделов и включала в себя описа-

ние орудий и инструментов для нанесения узора, классификацию орнаментов в зависимости от технологии их нанесения, типы узоров и распределение орнамента по поверхности сосуда (Городцов, 1901, с. 583–586). Таким образом, В.А. Городцов ввел основу номенклатуры для описания керамических сосудов. Однако, данная система не получила широкого распространения среди исследователей-археологов и выполняла исключительно описательную функцию, а вопрос работы с керамическим материалом, как с объектом научного анализа оставался открытым.

Об изучении культурных традиций древнего гончарства впервые заговорил в своей монографии А.А. Бобринский (Бобринский, 1978). Основанием для выделения культурных традиций послужили данные технико-технологического анализа древней керамики. А.А. Бобринский разработал методологию для изучения культурных традиций создания форм глиняной посуды. Суть подхода А.А. Бобринского заключалась в том, что сосуд рассматривается не как материальный предмет, а как закономерный результат деятельности гончара, приведший к его созданию. В отличие от своих предшественников А.А. Бобринский отказывается от привычных понятий «тип» и «признак» и заменяет их понятиями «культурная традиция» и «навыки труда». Таким образом, формируется историко-культурный подход к изучению керамики. А.А. Бобринский, основываясь на изучении естественной структуры форм глиняных сосудов экспериментальным путем и технико-технологическим анализом, сформулировал методы исторической интерпретации и реконструкции культурных традиций.

Так, в отечественной археологической науке сформировалось несколько методологических подходов к изучению керамического материала.

Эволюция развития исследовательских подходов к изучению керамики рассмотрена в работе Ю.Б. Цетлина (Цетлин, 2012). Он выделяет три основных подхода к изучению древней керамики – эмоционально-описательный, формально-классификационный, историко-культурный, которые отличаются друг от друга по объектам исследования, задачам исследования, по способам интерпретации получаемой информации, по основным

позитивным и основным негативным чертам (Цетлин, 2012, с. 30–31).

Начало системному исследованию данной категории находок в Прикамье было положено В.Ф. Генингом, анализируя керамический материал могильника Качка, он разделил сосуды на три формы, характерные для прикамских культур эпохи железного века. Таким образом, сосуды делятся на открытые чаши без шеек, сосуды с сужающейся горловиной и короткой шейкой, наклоненной венчиком вовнутрь и высокогорлые сосуды со слабо раздутым туловом (Генинг, 1959а, с. 196–209). Также, им была проанализирована керамика с комплексов пьяноборско-гладеновского времени и сопоставлен керамический материал Осинского городища, городища Чеганда I и Гладеновского костыща, особенности керамики были одним из критериев, на основании которых В.Ф. Генинг предлагал выделить в Прикамье новую археологическую культуру – осинскую (Генинг, 1959б, с. 164–195).

Позднее В.Ф. Генингом была предложена программа, в которой дана схема описания сосудов, методика первичной обработки комплексов и проведения сравнительного анализа (Генинг, 1973, с. 114–136). Им была предложена схема деталей форм сосудов, где были выделены отдельные части, составляющие форму сосудов: венчик, шейка, основание шейки, плечико, тулово, придонная часть и днище сосуда, и их параметры. Основными категориями показателей, введенных В.Ф. Генингом, стали: размеры, форма, орнаментация и техника изготовления сосудов. Для учета основных параметров сосуда В.Ф. Генинг предлагает использовать статистические таблицы. Важнейшим отличительным признаком сосуда В.Ф. Генинг считает его форму и предлагает базироваться на получении математических данных, в статье подробно приводятся формулы для вычисления данных показателей.

Особое внимание уделялось способу орнаментации сосудов. Им также был выделен ряд показателей орнаментации сосудов: элементы узора, техника орнаментации и степень орнаментации сосуда. Элементами узора служат геометрические, или линейные фигуры: зигзаги, треугольники, линии, ряды прямых, или наклонных отрезков. Показателями техники орнаментации выступают технические приемы: штампы, прочерчивание, ямки, вдавления,

наколы и т. д. В качестве показателя степени орнаментированности сосуда В.Ф. Генингом были предложены индекс орнаментированности отдельных частей и индекс абсолютной орнаментированности.

Данный способ работы с керамикой предполагал возможность обработки материала по так называемой сокращенной программе. Это вызвано тем, что керамическая коллекция чаще всего представлена сильно фрагментированными частями сосудов, и выделить среди них достаточное количество крупных фрагментов не представляется возможным. По мнению автора, комплексы, которые подвергаются сравнению, должны происходить из функционально однородных памятников.

Важно отметить, что сам автор говорит о том, что предлагаемая им программа статистической обработки керамики не является готовым алгоритмом для изучения керамического материала, а лишь определяет основные принципы учета признаков, характерных для керамики, на этапе ее первичной обработки. А для того, чтобы керамический материал мог служить историческим источником, необходимо выявить закономерность взаимосвязи различных признаков керамики с определенными явлениями социально-экономического развития (Генинг, 1973, с. 114-136). При описании орнаментации керамических сосудов В.Ф. Генинг руководствовался формальными признаками, не разграничивая технику нанесения узоров и композиции орнамента, что, в итоге, приводит к количественному сравнению лишь его отдельных элементов. Изучение керамического материала таким образом, сводится к анализу процентного соотношения сосудов по их наиболее формализованным признакам.

После публикации работы В.Ф. Генинга, о важности изучения керамического материала начинают писать многие исследователи. Более широкий контекст гляденовской керамики был показан Ю.А. Поляковым. В опубликованной посмертно статье, специально посвященной керамике, им были приведены результаты сравнительного анализа комплексов более 10 памятников гляденовской культуры (Поляков, 1999). Сравнивая керамику, Ю.А. Поляков приходит к выводу, что для каждого племени характерен свой способ орнаментации, а именно встречаемость преимущественно резного, зубчатого и ямочного орнамента

при декорировании венчика, или шейки сосуда в разном процентном соотношении.

Исследование Ю.А. Полякова показало, что по форме сосудов, технике их изготовления и орнаментации керамика гляденовских памятников очень схожа, тем самым он доказывает культурную общность всех гляденовских племен. Однако, в орнаментации керамики памятников разных территорий можно выделить ряд отличий, которые он связывает с локальными особенностями племенных территорий (Поляков, 2001, с. 13).

Исследованием гляденовской культуры занимался и А.Н. Лепихин. В обобщающей работе, посвященной костякам гляденовского времени, он проанализировал вещевой материал костяк, уделив внимание, в том числе, керамике, и рассмотрел её в контексте разных костяк гляденовской культуры (Лепихин, 2007). В его работе рассматриваются керамические комплексы Гляденовского, Юго-Камского, Гаревского, Ильинского, Усть-Туйского и Слепушкинского костяк.

Основываясь на форме сосудов, керамика костяк была разделена на три типа: сосуды с округлым дном, плавно переходящим в тулово, и четко выраженной вертикальной, или слабоотогнутой шейкой, сосуды с круглым дном, плавно переходящим в тулово и слабо выраженной короткой шейкой и чашевидные сосуды, не имеющие шейки (Лепихин, 2007, с. 64). Также керамика была разделена по своему функциональному назначению, выделяется бытовая и жертвенная керамика. Основным критерием для выделения жертвенной посуды послужил размер сосудов. Под жертвенной керамикой подразумеваются мелкие сосуды, чаще всего по форме относящиеся к третьему типу (чаши). При проведении статистического анализа А.Н. Лепихин учел хронологический диапазон смешанных комплексов, он выделяет керамику аньинского и гляденовского периода, рассматривая их в отдельности. Для выделения керамики ананьинского времени критерием послужило наличие воротничка.

Однако, полученные при обработке керамического материала статистические данные, касающиеся орнаментации сосудов не были подвержены серьезной аналитике, предлагалась лишь описательная статистика.

Попытка исследования гляденовских керамических комплексов статистическими методами была предпринята В.В. Мингалевым

(Мингалев, 2009), который проанализировал все доступные данные по керамике на тот период. Был проведен кластерный иерархический анализ по средним показателям по каждому по памятнику. Полученные данные исследователь интерпретирует как хронологические критерии. М.Л. Перескоков в своей статье, посвященной позднегляденовской керамике, критикует выводы В.В. Мингалева и отмечает, что его статистический анализ объединил в себе комплексы, которые сильно разнятся хронологически, а также являются культурно смешанными, а, следовательно, данная статистика не может отражать хронологические изменения (Перескоков, 2015; 2018).

Программа статистической обработки керамики, получила свое развитие в трудах Л.И. Ашихминой. Развивая схему, предложенную В.Ф. Генингом, она выделила хронологические стадии бытования ананьинской керамики. К анализу были привлечены данные с 30 комплексов (10 комплексов луговской, 5 – быргындинской и 15 ананьинской культур). Всего было проанализировано 3682 сосуда. Для сравнения керамических комплексов Л.И. Ашихмина дает им суммарную характеристику, которая представляет собой набор сумм признаков по отдельным показателям для данного комплекса. При описании керамики наиболее характерные признаки керамических комплексов были объединены в совокупности. Таким образом, ей учитывались технология изготовления сосудов, форма сосудов и их орнаментация. Технология изготовления сосудов включает в себя несколько показателей: примеси, обработка наружной поверхности сосудов и обработка внутренней поверхности сосудов. Форма сосудов также подразделяется на несколько характеристик и включает в себя общую форму сосудов, форму венчика, форму шейки. Отдельными совокупными характеристиками для формы сосуда стали детали на шейках сосудов («валик» и «воротничок») и наличие «бортика» (небольшой карниз, расположенный на внутреннем крае венчика) (Ашихмина, 2014, с. 23).

При анализе орнаментации все узоры были разделены на отдельные простейшие элементы. Весь набор орнамента, используемый для сравнения комплексов, отражен в суммарных характеристиках сосудов в комплексах. Выделены способы орнаментации, представленные

наиболее часто, которые в свою очередь делятся на 5 отделов, отделы же подразделяются по степени сложности на варианты. По форме мотивов узоры были разделены на одно и многорядные горизонтальные линии, различные наклонные линии, горизонтальные зигзаги, треугольники, ромбы и «флажки» (Ашихмина, 2014, с. 23).

Для каждого памятника были составлены таблицы, дающие суммарную характеристику комплексов по всем признакам (Ашихмина, 2014, с. 22). На основании сравнительно-статистического анализа Л.И. Ашихмина выделяет следующие стадии бытования ананьинской керамики: Зуево-Ключевская (VIII–VII вв. до н.э.), Каракулинская (VII–VI вв. до н.э.), Каменноложская (VI–V вв. до н.э.), Ныргындинская (IV–III вв. до н.э.), Переходная (III в. до н.э.) (Ашихмина, 2014, с. 22). Л.И. Ашихмина значительно дополнила систему обработки керамики, предложенную В.Ф. Генингом, разграничив технику нанесения орнамента и его композиционные составляющие. Однако, данный способ обработки керамического материала является достаточно сложным для его применения, и данная методика не получила широкого распространения среди исследователей.

Изучением ананьинской керамики с 1970-х годов занимался В.А. Иванов. В его статьях проводится сравнительная характеристика орнамента на керамике памятников, образующих локальные варианты ананьинской культурно-исторической общности (области). Обработка керамики также проводилась им по методике, разработанной в свое время В.Ф. Генингом. Статистический анализ керамического материала проводится автором по так называемой неполной программе. В.А. Иванов формирует статистические выборки, обосновывая это необходимостью подборки материалов, по которым и дает статистическую характеристику керамики. «Статистические выборки мы формировали исходя из необходимости подборки материала, по которому можно было бы дать статистическую характеристику керамики по ее основным параметрам, доступным для обработки по неполной программе». Данные по основным параметрам керамики приводятся автором в процентном соотношении от выборки (Иванов, Чичко, 2019, с. 126). Однако, стоит отметить, что данный способ формирования

выборки вызывает некоторые сомнения. В результате сравнения между собой показателей, полученных данным образом, можно говорить лишь о степени сходства выборок между собой. А так как археологическая коллекция керамики уже представляет собой выборку от генеральной совокупности всей керамики памятника, необходимо подвергать анализу весь массив (100%), полученного в ходе раскопок керамического материала, чтобы получить данные о сочетании техники орнаментации, а не отдельных элементов орнамента (Якимова, 2020). Вопрос о том, какая должна быть коллекция, способная наиболее объективно отразить состояние керамики памятника, также поднимался В.Ф. Генингом. Им отмечалось, что, вне всякого сомнения, лучшими по качеству будут коллекции целых сосудов, однако, подобные коллекции обычно исходят из раскопок могильников, при анализе поселенческой керамики целые сосуды встречаются крайне редко, поэтому археологу приходится работать с фрагментами сосудов, коллекции которых иногда насчитывают десятки тысяч единиц. В случае, когда коллекции включают в себя сильно фрагментированные части сосудов, В.Ф. Генинг предлагает сокращенную программу обработки материала (Генинг, 1973, с.114-136). Позже им была разработана таблица соответствия нижнего уровня процентного показателя и минимального объема выборки (Генинг и др., 1990, с.64). В 70-е гг. это было обусловлено еще и отсутствием технической возможности анализа больших массивов данных, но, на сегодняшний день, современные методы многомерной статистики могут решить эту задачу (Перескоков, Якимова, 2021).

Зачем же изобретать велосипед?

Таким образом, основные существующие подходы к изучению керамических комплексов Прикамья базируются на методике, предложенной В.Ф. Генингом в 1950–70-е гг. XX века. Чаще всего сравнение орнаментации керамического материала происходит по формализованным признакам и становится по сути дела сравнением количества слов, обозначающих признаков, а не самих признаков. Причем признак зачастую отражает лишь технику и/или инструмент нанесения орнамента, а не его качественные характеристики. Нам же представляется необходимым, рассмотрение признаков в их совокупности, а имен-

но, необходимо учитывать, как технику, так и мотивы и композицию орнамента, состоящую из отдельных элементов узора (Якимова, 2020; Перескоков, Якимова, 2021; 2022).

В исследованиях керамического материала территории Прикамья до сих пор отсутствует единая методика описания и работы с ними. В работах большинства исследователей приводятся процентные соотношения основных параметров, по которым анализируется керамика. Однако, еще В.Ф. Генинг в своей работе отмечал, что эти исследования являются сугубо эмпирическими и лишь констатируют факты, а не объясняют их. Существующие методы обработки керамики, активно применяемые в археологической науке, разработанные в 50–70-е гг. XX в. уже не отвечают запросам современной науки. Отсутствие некой конвенции среди исследователей-археологов, занимающихся вопросом изучения керамики, относительно терминологии и методики работы с керамическим материалом, является также актуальной проблемой.

На сегодняшний день, применение современных методов машинного анализа может значительно увеличить информативный потенциал керамики как исторического источника. Предлагаемая методика описания и обработки керамического материала позволяет использовать как методы многомерной статистики, так и методы пространственного анализа, при наличии данных о её пространственном положении в культурном слое. Некоторые аспекты данной работы, в том числе и некоторые результаты, были предварительно опубликованы (Якимова, 2020; Перескоков, Якимова, 2021; 2022; Головчанский и др., 2023). Настоящая работа дает более детальный разбор предлагаемой методики описания и характеристики керамического материала.

Методика описания и анализа

Первоочередной задачей для реализации поставленной цели стала разработка информативной базы данных, которая бы позволила учесть наиболее, на наш взгляд, важные признаки, характерные для керамического материала. На основании такой базы данных становится возможным проведение статистического анализа материала.

База данных была создана в программных продуктах Microsoft Office. Собственно база данных выполнена в программе Microsoft Access, где были представлены основ-

ные характеристики керамики и её фото. Для аналитических процедур данные экспортировались в таблицу Microsoft Excel и обрабатывались отдельно для конкретных задач.

Таблица для внесения данных учитывала следующие параметры: № коллекции, № фрагмента согласно описи, № фрагмента согласно плану фиксации находок, участок, где был найден фрагмент, горизонт фиксации, тип сосуда, форма венчика, диаметр сосуда, толщина зон сосуда и орнаментация. Опираясь на опыт предыдущих исследователей, по форме сосуда также были разделены на три категории, каждая из которых делится на 2 подтипа. 1 тип – сосуды с выпуклым туловом и четко выраженной шейкой; у разновидности «А» шейка отогнута наружу, «Б» – прямая, или слегка наклоненная внутрь. Тип 2 включает в себя сосуды с более узкой горловиной. Разновидность «А» имеет слабо выраженный переход от шейки к тулову, сосуды разновидности «Б» имеют очень короткую шейку и раздутое тулово. Тип 3 составляют низкие открытые чаши без шеек, у разновидности «А» они отогнуты наружу, у «Б» прямые или слегка загнутые вовнутрь (Поляков, 2001, с. 13).

Форма венчика сосуда включает в себя: округлую, плоскую, утолщенную снаружи, заостренную, г-образную, с валиком вовнутрь, с загибающимся валиком, т-образную, сильно утолщенную, обратно-г-образную, обратную заостренную и плоскую заостренную формы. Таблица позволяет фиксировать диаметр сосуда, а также толщину венчика, шейки, плечика, стенки и дна.

Особое внимание уделяется орнаментации сосуда, так как именно она, на наш взгляд, представляется наиболее важным для керамического комплекса показателем культурной идентификации. В таблице фиксируется наличие орнамента и зона, подверженная орнаментации.

Орнаментация включает в себя характеристику техники нанесения орнамента (и/или инструмент нанесения) и отдельное описание элементов орнамента, мотивов и набора композиции¹.

В основу типологии признаков легли геометрические принципы. За основу выделения элементарных частиц – элементов узора, взяты геометрические понятия, которые отражаются терминами: точка, линия, отрезок².

Мотивы соответствуют сочетаниям простейших элементов: отдельные геометрическая фигура (точка или отрезок), могут располагаться относительно друг друга в определенном порядке, выстраивать ряды и линии.

Отдельные геометрические фигуры могут располагаться как бессистемно, так и в системе, образовывать различные комбинации или ряды. В редких случаях, могут образовывать и линии. В основном, отдельные геометрические фигуры либо сами по себе являются узорами, отдельно, или в комбинациях, либо могут осуществлять функцию заполнения орнаментальных зон. Отдельные геометрические фигуры – инструмент заполнения пространства. Нелинейность этого элемента позволяет заполнять орнаментальные пространства любой формы.

Ряды – системно расположенные на значительном расстоянии друг от друга отдельные геометрические фигуры, через которые можно провести прямую линию. Так же, как и отдельные фигуры, являются инструментом заполнения пространства, но есть определённая специфика. Ряды могут заполнять только вытянутые орнаментальные зоны. При заполнении большого свободного орнаментального пространства, ряды имеют четкий линейный геометризм и не заполняют его целиком.

Линия – множество точек или отдельных геометрических нелинейных объектов. Имеет функцию разделения пространства, и не может его заполнять. Расположенные параллельно линии создают орнаментальные пояса, которые так же имеют функцию деления пространства. Линия может делить пространство либо на не орнаментированные участки, либо на орнаментальные зоны, которые заполнены другими элементами орнамента. Таких зон может быть много. Крайняя к тулову орнаментальная зона, не ограничена с низу линией – подвал: отдельный орнаментальный элемент в сложных композициях.

Все элементы имеют универсальный принцип и функциональное назначение, при этом могут быть выполнены любой техникой.

Отдельно в таблице фиксируется орнаментация сосудов по венчику. Венчик, является своеобразной орнаментальной зоной, отделяемой гранями, разделяющим поверхности, которые в полном смысле соответствует геометрическим критериям линии. Технологически, орнамент по венчику разделится на

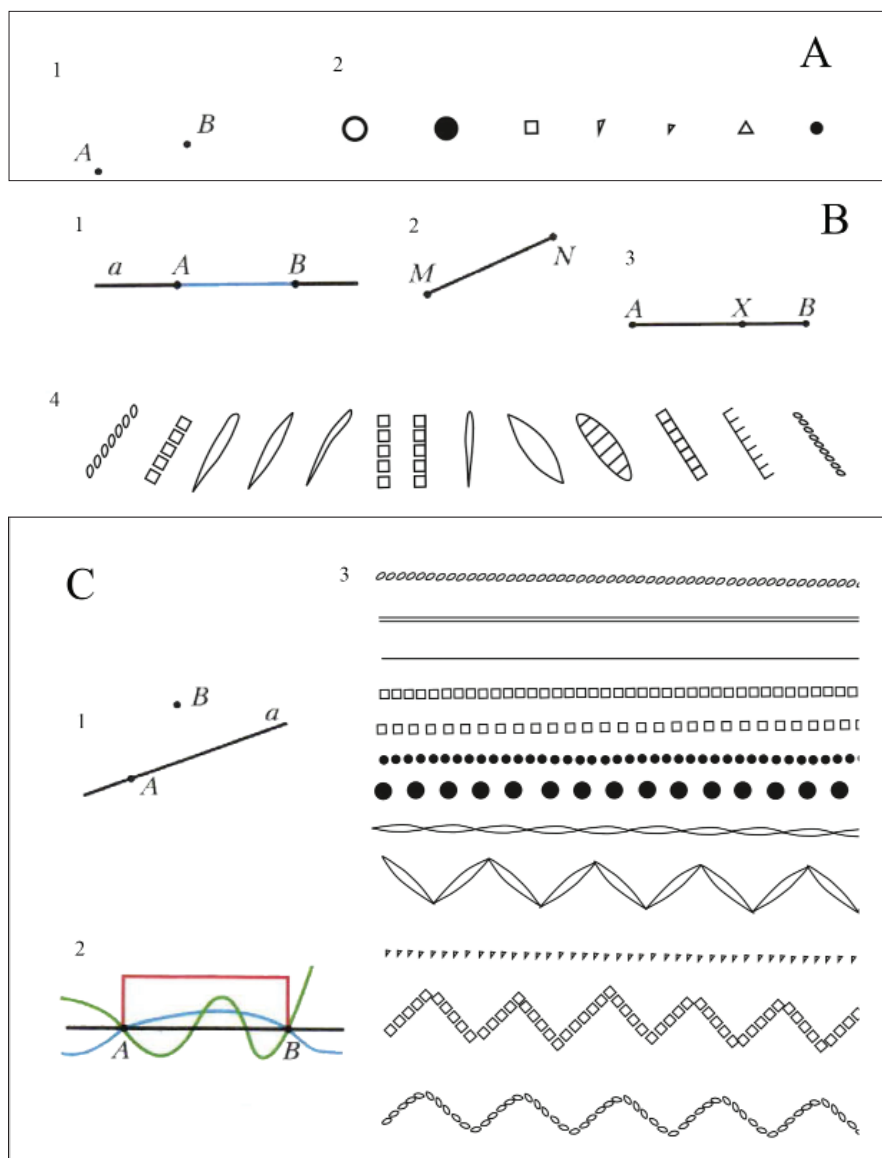

Рис. 1. А. Точки: 1 – геометрическая точка (Мерзляк и др., 2015, с. 9); 2 – некоторые варианты нанесения орнамента в виде «точки» на керамике; В. Отрезки: 1 – отрезок АВ на прямой а; 2 – отрезок MN; 3 – точка X, принадлежащая отрезку АВ, но не совпадающая с его концами (Мерзляк и др., 2015, с. 13); 4 – некоторые варианты нанесения орнамента в виде «отрезков» на керамике; С. Линия и прямая: 1 – прямая а, проходящая через точку А и не проходящая через точку В; 2 – линии и прямая через точки АВ (Мерзляк и др., 2015, с. 9-10); 3 – некоторые варианты нанесения орнамента в виде «линии» и «прямой» на керамике.

Fig. 1. А. Dots: 1 – geometric dot (Merzlyak et al., 2015, p. 9); 2 – some variants of the "point" ornamentation on ceramics; В. Segments: 1 – segment AB on line a; 2 – segment MN; 3 – point X belonging to the segment AB but not coinciding with its ends (Merzlyak et al., 2015, p. 13); 4 – some variants of drawing the ornament in the form of "segments" on pottery; С. Line and straight line: 1 – straight line, passing through point A and not passing through point B; 2 – lines and straight line through points AB (Merzlyak et al., 2015, p. 9-10); 3 – some variants of the "line" and "straight line" ornamentation on pottery.

несколько способов его нанесения. Выделяется резной, ямочный, гребенчатый, шнуровой орнаменты, а также способ орнаментации насечками, защипом, двузубым штампом и вдавлениями. Эта техника нанесения носит универсальный характер. При ее помощи, могут наноситься любые типы и фигуры

орнамента. По узору композиция орнамента разделена на простейшие элементы, наиболее часто используемые при декорировании среза венчика сосуда, и обозначена вариациями линий, иллюстрирующими угол наклона отдельного элемента узора. Отдельным признаком указывается повторение орнамен-

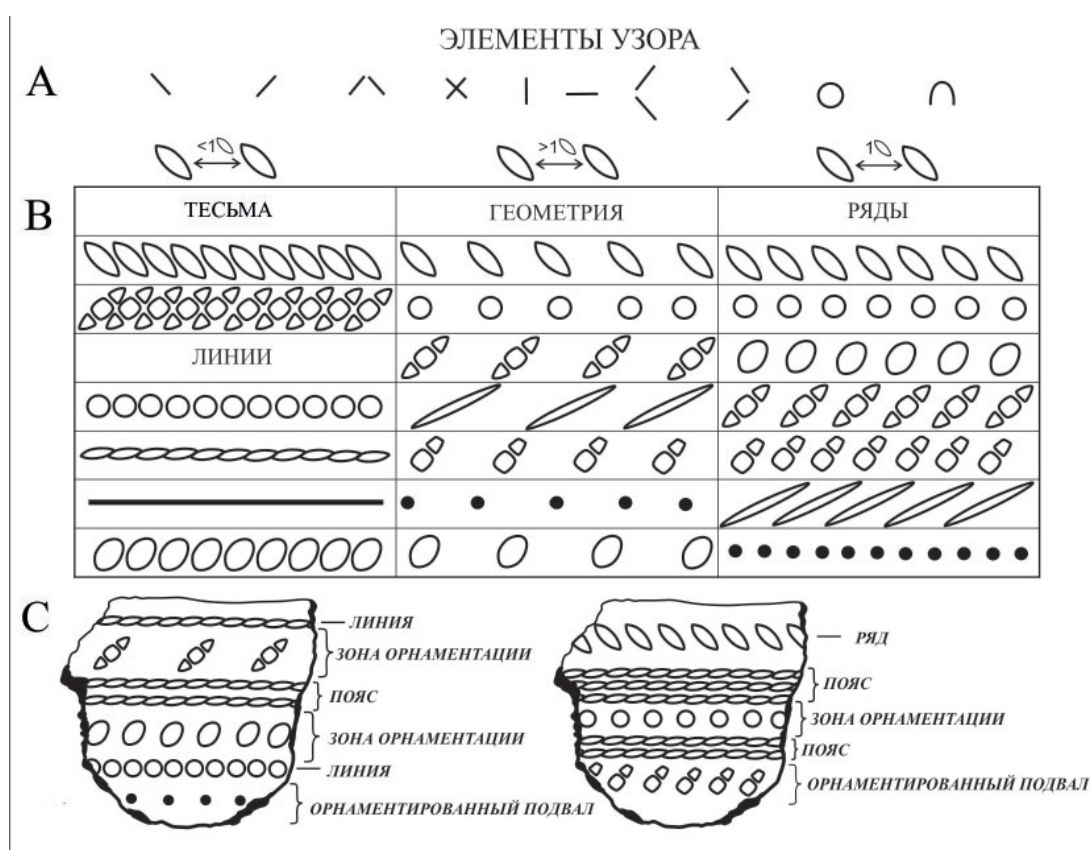

Рис. 2. Орнаментация керамики: А – элементы узора; В – орнаментальные мотивы; С – орнаментальные композиции. Приводится по: Перескоков, Якимова, 2021 (с дополнениями).

Fig. 2. Pottery ornamentation: A – elements of pattern; B – ornamental motifs;

C – ornamental compositions. According to Pereskokov, Yakimova, 2021, with additions.

тов. Сочетание данных признаков дает либо единственно возможный вариант орнаментации, либо очень близкие комбинации, которые можно считать вариантами одного орнамента. Таким образом, наборы признаков становятся уникальными для определенных орнаментов, при этом, учитывается сходство в отдельных элементах.

Линии

Критерием для выделения линий послужило расстояние между отдельными «элементарными частицами» - отдельными геометрическими фигурами, из которых состоит линия (рис. 2). Данные фигуры должны соответствовать основным признакам геометрической точки, то есть не иметь размеров, которыми нельзя было бы пренебречь³. Расстояние между отдельными «точками» не должно превышать ширину отдельного элемента орнамента, или же отсутствовать полностью, как в случае с шнуровым орнаментом, или орнаментом, нанесенным чертой. Такое расстояние делает её единой и отражает функцию линии – разделение поверхности, т.е. единого пространства

сосуда на отдельные участки – зоны орнаментации и зоны без орнамента. По технике орнаментации линии делятся на шнуровой, резной, ямочный, гребенчатый, накольчатый орнаменты, а также, орнамент, нанесенный с помощью черты, или вдавлений. Линии из гребенчатого или резного орнамента возможны, если каждый следующий штамп или насечка начинаются с окончания предыдущего отрезка, т.е. геометрически образуют ломаную линию.

В ряде случаев, орнаментация может быть выполнена несколькими, близко расположенными параллельными линиями. Расстояние между ними не превышает нескольких размеров ширины линии. В таком случае это орнаментальный пояс – комбинация из линий, несущих ту же функцию – разделения пространства. По технике нанесения орнамента линии, составляющие пояс, могут повторяться, или же быть различными. Компоновка пояса учитывает характер нанесенной линии, она может быть прямой, или волнообразной (зигзагом). Далее учитывается количество

линий, которое фиксируется в столбцах («1», «2», «3», «от 4 до 6», «больше 6»), что может в ряде случаев иметь хронологическое значение. Следующий блок, составляющий композицию орнамента – это вертикальная компоновка, где учитывает количество поясов, от 1 до 4-х и более («n поясов»). Также, вертикальная компоновка учитывает зоны орнаментации. Под зонами орнаментации мы подразумеваем, орнаментированные участки сосуда, ограниченные линиями или, (от «2» до «5 и более зон»). Вертикальная компоновка орнамента позволяет учесть наличие орнаментированного подвала: ближняя к тулову орнаментальная зона, не ограниченная снизу линией или поясом. При этом, линии/пояса могут как являться границами орнаментальных зон, так и не являться (пространства между ними не заполнено орнаментом). Причем такие комбинации могут встречаться и на одном сосуде. Такой признак фиксируется отдельно. Таким образом, набор из отдельных признаков дает уникальное сочетание для каждого орнаментального набора, или для группы близких наборов, где, например, меняются последовательности орнаментом, но не меняется общая композиция.

Геометрические фигуры

По технике исполнения, орнаментация геометрическими фигурами включает в себя резной, ямочный, гребенчатый, шнуровой, накольчатый орнаменты, а также орнаментацию насечками, двузубым штампом, вдавлениями, парными вдавлениями и тройными вдавлениями. Основным критерием для выделения орнаментации геометрическими фигурами, так же, как и в случае с линиями, послужило расстояние между отдельными элементами орнамента. В случае с геометрическими фигурами расстояние между отдельными элементами орнамента должно существенно превышать ширину и длину единичного элемента (рис. 2).

Мотивы, выполненные отдельными геометрическими фигурами, могут быть разделены на простейшие элементы, иллюстрирующие способ нанесения орнамента и их угол наклона. Геометрически, отдельные элементы могут соответствовать «точкам» - ямки, вдавления различной формы, и «отрезкам» - гребенчатый и гладкий штамп, резной орнамент, насечки, оттиски шнура и др. Выделяются фигуры, отрезок которых имеет угол наклона влево,

или вправо. Фигуры «домиком» (два примыкающих друг к другу отрезка), перекрестия (перекрещивающиеся отрезки), фигуры на вертикальных, или горизонтальных отрезках, фигуры, состоящие из парных отрезков, один из которых имеет угол наклона в правую сторону, а другой в левую и наоборот. Также, геометрические фигуры, нанесенные в виде круга и подковки (например, шнуровым орнаментом).

Горизонтальное распределение композиции орнамента позволяет зафиксировать количество отдельных элементов узора, их может быть от 1 до 4-х и более 4-х.

Вертикальное распределение композиции позволяет описать характер распределения узора по поверхности сосуда. Здесь мы выделили от 1 до 3-х и более 3-х рядов, в случае, когда геометрические фигуры нанесены рядами. Геометрические фигуры могут быть нанесены в шахматном порядке, могут образовывать собой треугольные фигуры, могут быть нанесены по диагонали, или же иметь хаотичный порядок нанесения. Также, таблица позволяет фиксировать наложение одного орнамента на другой.

Отдельные геометрические фигуры могут заполнять орнаментальные зоны любой формы.

Ряды

Ряды – расположенные близко отдельные геометрические объекты, через которые можно провести линию. Критерием для выделения рядов, как и в предыдущих случаях, послужило расстояние между отдельными элементами орнамента, в случае рядами, элементы орнамента являются одинаковыми и расположены друг от друга на равном расстоянии, соответствующему размеру отдельного элемента или незначительно его превышающему (рис. 2). По технике орнаментации ряды делятся на резной, ямочный, шнуровой, гребенчатый, накольчатый орнаменты, а также, орнамент, нанесенный с помощью вдавлений, насечки, двузубого штампа и «жемчужин», которые могут находиться, как внутри, так и снаружи сосуда.

Композиция орнамента, выполненная рядами, включает в себя набор узоров и его распределение по поверхности сосуда (вертикальное распределение).

Набор узоров разделен на простейшие элементы, иллюстрирующие способ нанесе-

ния элементов орнамента и их угол наклона. Выделяются элементы орнамента, имеющие угол наклона влево, вправо, «домиком», перекрестия, вертикальные и горизонтальные, парные элементы с углом наклона влево и парные элементы с углом наклона вправо, а также, они могут быть нанесены в виде круга, подковки, решетчатого штампа и др.

Вертикальное распределение композиции орнамента позволяет учитывать количество рядов, которое фиксируется в столбцах («1», «2», «3», «n»). Зоны сосудов могут быть заполнены рядами в чередующемся порядке, шахматном, или диагонально.

Если сосуды одновременно декорированы рядами и поясами линий, то данная таблица позволяет учесть факт, когда ряды орнамента заполняют зоны орнаментации. Иногда ряды могут заполнять зоны орнаментации сосуда и в то же время являться при этом отдельным элементом орнамента.

Также к группе мотивов, объединенных нами как ряды, предполагается отнести мотивы, которые можно условно назвать «тесьма»⁴. Под этим предлагается понимать расположенные близко отдельные геометрические объекты, через которые можно провести линию, при этом расстояние между отдельными объектами менее размера отдельного объекта, а иногда и вовсе отсутствует. Сами объекты имеют ширину, которой нельзя пренебречь. К таким объектам относятся «отрезки», располагающиеся поперек направлению «тесмы» (рис. 2). Таким образом, тесьма заполняет линейные зоны орнаментации, и может заполнять их полностью и на всю длину, и на всю ширину. К данному типу мотивов относиться так же узор в виде «косой сетки», а также выделенные Л.И. Ашихминой шесть типов мотивов, отнесенные ей к группе 4) треугольники и 5) ромбы и флажки (Ашихмина, 2014, с. 23; 220, рис. 6). Орнамент, имею-

щий вид «косой сетки» чаще всего характерен для техники нанесения узора с помощью насечек или шнура. Треугольники, ромбы и флажки наносятся с помощью гребенчатого, шнурового орнаментов, прочерченных линий или рядами из отдельных геометрических фигур.

Обсуждение и выводы

Таким образом, предлагаемая описательная методика позволяет учесть недостатки «классической» для Прикамской археологии описательной матрицы. Предложенные признаки являются качественными и отражают «элементарные частицы» орнаментальной композиции, которые в совокупности дают уникальный набор признаков для каждой композиции, отражая её своеобразие, но в то же время и единый набор инструментов и техник выполнения узора для подавляющего большинства керамической посуды Прикамья характерной для эпохи финальной бронзы, раннего железного века и Средневековья. Таблица имеет открытый характер и при необходимости, таблица может быть дополнена новыми признаками. Предлагаемый формат занесения данных и их качественный характер дают возможность перевода в бинарные ряды для последующего выполнения выполнения статистических процедур, а дополненные сведениями о пространственном расположении объектов в культурном слое, позволяют дополнить статистические исследования пространственным анализом (Перескоков, Якимова, 2021).

В настоящее время, необходимо стремиться к публикации полного источника, т.е. рисунков всех определимых фрагментов сосудов, используемых в анализе и полных статистических таблиц, что делает открытым и прозрачным как собственно методику, так и алгоритм исследования и дает возможность верификации результатов.

Примечания:

¹ Необходимо отметить, что предлагаемая методика не преследует целью отрицания всего предыдущего опыта изучения и анализа орнаментации керамической посуды. Для каждого периода развития научного знания характерны определенные идеи и решения, которые, безусловно, актуальны и до настоящего времени и нет причин от них отказываться. Более того, предложенные принципы описания и формирования источника – базы данных по керамическим комплексам, являются развитием идей и наработок предыдущих исследователей, в частности описательная матрица орнаментации, предложенная Л.И. Ашихминой на основе разработок В.Ф. Генинга, несмотря на свою громоздкость, имеет и очень удачные решения.

²Здесь необходимо пояснить содержание терминов, чтобы не вызвать дальнейших разночтений. Математические понятия: точка, прямая, линия – это абстрактные понятия, имеющие идеальные свойства. Основываясь на них для выделения признаков, мы, безусловно, делаем некоторые допущения, но ключевые их свойства учитываем.

Точка – самая простая геометрическая фигура (рис. 1: А1). Это единственная фигура, которую нельзя разбить

на части (Мерзляк и др., 2015, с. 9). Реальная точка, отмеченная на бумаге, всегда имеет размеры, пусть и малые. А вот математическая точка размеров не имеет, это воображаемая точка (Казаков, 2017, с.5).

Линия – геометрическое понятие, точное и в то же время достаточно общее определение которого представляет значительные трудности и осуществляется в разных разделах геометрии различно. В рамках элементарной геометрии понятие Л. не получает отчетливой формулировки и иногда определяется как "длина без ширины" или как "граница поверхности". По существу в элементарной геометрии изучение Л. сводится к рассмотрению примеров (прямая, отрезок, ломаная, окружность и др.) (рис. 1: С1-2).

В аналитической геометрии Л. на плоскости определяется как множество точек, координаты которых удовлетворяют уравнению $F(x, y)=0$. При этом на функцию F должны быть наложены ограничения так, чтобы, с одной стороны, уравнение это имело бесконечное множество решений и, с другой стороны, чтобы это множество решений не заполняло "куска плоскости" (Линия...).

Отрезок – множество точек на прямой, расположенных между двумя данными точками a, b и удовлетворяющих условию вида $a \leq x \leq b$ обозначают $[a, b]$ (Отрезок...) (рис. 1: В1-3). Пример: «для любых точек M и N существует единственный отрезок, для которого эти точки являются концами, т.е. отрезок своими концами задается однозначно» (Мерзляк и др., 2015, с.13) (Курсив оригинального текста, М.П., Д.Я.).

³ В ряде предыдущих публикаций, где уже был представлен алгоритм исследования (Перескоков, Якимова, 2021; 2022) характеристика данного признака была сформулирована не совсем корректно. Так за основной критерий линии бралось лишь расстояние между отдельными элементами, без учета специфики самого элемента. При этом не был учтен фактов ширины, что противоречит геометрическому понятию линии, у которой ширина отсутствует. В настоящей работе, этот недостаток исправлен. Элементом линии может являться только «точка». «Отрезки», располагающиеся на близком расстоянии, формируют «тесьму» (рис. 2), которая обладает шириной (см. ниже).

⁴ **Тесьма** – узкая тканая или плетеная полоска, находящая самое разнообразное применение в домашнем обиходе, шитье платья и т. п. (Тесьма...)

ЛИТЕРАТУРА

Ашихмина Л.И. Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье (по материалам керамики и жилищ) / Археология Евразийских степей. Вып. 19. Казань: ИА АН РТ; Отечество, 2014. 300 с.

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.

Генинг В.Ф. Осинское городище // Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. Вып. 1 / Отв. ред. С.В. Киселёв. М.: ИА АН СССР, 1959. С. 164–195.

Генинг В.Ф. Могильник Качка // Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. Вып. 1 / Отв. ред. С.В. Киселёв. М.: ИА АН СССР, 1959. С. 196–209.

Генинг В.Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. 1973 № 1. С. 114–136.

Генинг В.Ф., Бунятян Е.П., Пустовалов С.Ж., Рычков Н.А. Формализованно-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников). Киев: Наукова думка, 1990. 304 с.

Головчанский Г.П., Коренюк С.Н., Перескоков М.Л., Якимова Д.А. Поселение винный завод II на р. Сытва в системе памятников позднего этапа ананьинской культуры Пермского Прикамья // Вестник Пермского университета. История. 2023. № 1 (60). С. 19–38.

Городцов В.А. Русская доисторическая керамика // Труды XI Археологического съезда в Киеве (Киев, 1899). Т. 1 / Ред. графиня Уварова, С.С. Слуцкий. М.: Типография Г. Лиснера и А. Гепеля, 1901. С. 577–672.

Иванов В.А., Чичко Т.В. Статистико-типологический анализ керамики с поселений эпохи поздней бронзы в низовьях р. белой (еще раз о проблеме генезиса ранней ананьинской культуры шнуровой керамики – АКШК) // Поволжская археология. 2019. № 1 (27). С. 121–135.

Казаков В.В. Геометрия: учеб. пособие для 7-го кл. учреждений общ. сред. образования с рус. яз. обучения. Минск: Народная асвета, 2017. 173 с.

Летихин А.Н. Костица гляденовской культуры в Среднем и Верхнем Прикамье. Березники, 2007. 224 с.

Линия // Математическая энциклопедия онлайн. URL: <https://rus-math.slovaronline.com/2837-ЛИНИЯ> (дата обращения: 15.01.2023).

Мерзляк А.Г., Полонский В.Б., Якир М.С. Геометрия: 7 класс. М.: Вентана-Граф, 2015. 192 с.

Мингалев В.В. Керамика Чазевского I могильника // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. VI. Пермские финны и угры Урала в эпоху железа / Отв. ред. А.М. Белавин. Пермь: ПГПУ, 2009. С. 125–133.

Отрезок // Математическая энциклопедия онлайн. URL: <https://rus-math.slovaronline.com/3828-ОТРЕЗОК> (дата обращения: 15.01.2023).

Перескоков М.Л. Керамические комплексы памятников финала раннего железного века в Пермском Прикамье. // Вестник Пермского университета. История. 2015. № 1 (28). С. 99–122.

Перескоков М.Л. Пермское Приуралье в финале раннего железного века. Пермь: ПГУ, 2018. 320 с.

Перескоков М.Л., Якимова Д.А. Опыт статистического и пространственного анализа керамики Гляденовского костыща (по материалам раскопок 2015–2018 годов): первые результаты // Археология Евразийских степей. 2021. № 2. С. 175–190.

Перескоков М.Л., Якимова Д.А. Орнаментальные мотивы (к вопросу о методике описания и обработки керамического материала) // XXII Уральское археологическое совещание. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 300-летию первых археологических раскопок в Сибири и 85-летию со дня рождения Тамилы Михайловны / Отв. ред. Д.Н. Маслюженко. Курган: КГУ, 2022. С. 217–220.

Поляков Ю.А. Керамика Гляденовской культуры // *Finno-Ugrica*. 1999. №1. С.4–10.

Поляков Ю.А. Гляденовская культура // Археология и этнография Среднего Приуралья. Вып. 1. Березники, 2001. С. 10–19.

Тесьма // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона онлайн. URL: <https://rus-brokgauz-efron.slovaronline.com/121197-Тесьма> (дата обращения: 15.01.2023).

Цетлин Ю.Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2012. 430 с.

Якимова Д.А. К вопросу о подходах к изучению керамики Прикамья: методологический аспект // ЛП Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых. (УПАСК, 5–9 февраля 2020 г.): материалы Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов, молодых ученых / Отв. ред. М.К. Мингалева. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2020. С. 229–232.

Информация об авторах:

Перескоков Михаил Львович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и археологии, директор НИЦ "Камская археологическая экспедиция", Пермский государственный национальный исследовательский университет (г. Пермь, Россия); pereskoff@yandex.ru

Якимова Дарья Алексеевна, старший преподаватель кафедры ГиСЭД ФГБОУ ВО "Пермская государственная фармацевтическая академия" инженер НИЦ "Камская археологическая экспедиция" Пермский государственный национальный исследовательский университет (г. Пермь, Россия); d.yakimova@yandex.ru

REFERENCES

Ashikhmina, L. I. 2014. *Genezis anan'inskoj kul'tury v Srednem Prikam'e (po materialam keramiki i zhilishch)* (*Genesis of the Ananyino Culture in the Middle Kama Area (According to the Ceramics and Dwellings)*). Series: *Arkheologija evrazijskikh stepei* (Archaeology of the Eurasian Steppes) 19. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences; "Otechestvo" Publ. (in Russian).

Bobrinsky, A. A. 1978. *Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniia* (*East-European Pottery. Sources and Research Methods*). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Gening, V. F. 1959. In Kiselev, S. V. (ed.). *Otchety Kamskoy (Votkinskoy) Arkheologicheskoy ekspeditsii* (*Reports of the Kama (Votkinsk) Archaeological Expedition*) 1. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, Institute for Archaeology, 164–195 (in Russian).

Gening, V. F. 1959. In Kiselev, S. V. (ed.). *Otchety Kamskoy (Votkinskoy) Arkheologicheskoy ekspeditsii* (*Reports of the Kama (Votkinsk) Archaeological Expedition*) 1. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, Institute for Archaeology, 196–209 (in Russian).

Gening, V. F. 1973. In *Sovetskaya Arkheologiya* (*Soviet Archeology*) (1), 114–136 (in Russian).

Gening, V. F., Buniatian, E. P., Pustovalov, S. Zh., Rychkov, N. A. 1990. *Formalizovanno-statisticheskie metody v arkheologii (analiz pogrebal'nykh pamiatnikov)* (*Formalized Statistical Methods in Archaeology (Analysis of Burial Sites)*). Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

Golovchansky, G. P., Korenyuk, S. N., Pereskokov, M. L., Yakimova, D. A. 2023. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya Istoriia* (*Bulletin of the Perm University: History Series*) 60 (1), 19–38 (in Russian).

Gorodtsov, V. A. 1901. In Countess Uvarova, Slutsky, S. S. (eds.). *Trudy XI Arkheologicheskogo s'ezda v Kieve (Proceedings of 11th Archaeological Congress at Kiev)*. Moscow: "Tipografiya G. Lissnera i A. Gepelya" Publ., 577–672

Ivanov, V. A., Chichko, T. V. 2019. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 27 (1), 121–135 (in Russian).

Kazakov, V. V. 2017. *Geometriya (Geometry)*. Minsk: "Narodnaya asveta" Publ. (in Russian).

Lepikhin, A. N. 2007. *Kostishcha gliadenovskoi kul'tury v Srednem i Verhnem Prikam'e (Bone Beds of the Glyadenovo Culture in the Middle and Upper Kama Regions)*. Berezniki (in Russian).

In *Matematicheskaya entsiklopediya onlayn (Online Encyclopedia of Mathematics)*. Available at: <https://rus-math.slovaronline.com/2837-ЛИНИЯ> (accessed 15.01.2023) (in Russian).

Kazakov, V. V. 2017. *Geometriya 7 (Geometry 7)*. Moscow: "Ventana-Graf" Publ. (in Russian).

Mingalev, V. V. 2009. In Belavin, A. F. (ed.). *Trudy Kamskoy Arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii. Vyp. 6. Permskiye finny i ugry v epokhy zheleza (Proceedings of the Kama Archaeologic–Ethnographic Expedition. Issue 6. The Perm Finns and Ugrians during the Iron Age)* Perm: Perm State Pedagogical University, 2009, 125–133.

In *Matematicheskaya entsiklopediya onlayn (Online Encyclopedia of Mathematics)*. Available at: <https://rus-math.slovaronline.com/3828-ОТРЕЗОК> (accessed 15.01.2023) (in Russian).

Pereskokov, M. L. 2015. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya Istoriia (Bulletin of the Perm University: History Series)* 28 (1), 99–122 (in Russian).

Pereskokov, M. L. 2018. *Permskoe Priural'e v finale rannego zheleznogo veka (Perm Cis-Urals Region in Final Stage of the Early Iron Age)*. Perm: Perm State University (in Russian).

Pereskokov, M. L., Yakimova, D. A. 2021. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 175–190 (in Russian).

Pereskokov, M. L., Yakimova, D. A. 2022. In Maslyuzhenko, D. N. (ed.). *XXII Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie (22nd Urals Archaeological Congress)*. Kurgan: Kurgan State University, 217–220 (in Russian).

Polyakov, Yu. A. 1999. In *Finno-Ugrica* (1), 4–10 (in Russian).

Poliakov, Yu. A. 2001. *Arkheologiya i etnografiya Srednego Priural'ia (Archaeology and Ethnography of the Middle Cis-Urals)* 1. Berezniki, 10–19.

In *Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona onlayn (Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary online)* Available at: <https://rus-brokgauz-efron.slovaronline.com/121197-Тесьма> (accessed 15.01.2023) (in Russian).

Tsetlin, Yu. B. 2012. *Drevniaia keramika. Teoriia i metody istoriko-kul'turnogo podkhoda (Ancient Ceramics. The Theory and Methods of Historical and Cultural Approach)*. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Yakimova, D. A. 2020. In Mingaleva, M. K. (ed.). *LII Uralo-Povolzhskaya arkheologicheskaya studencheskaya konferentsiya (UPASK, 5-8 fevralya 2020 goda): materialy vserossiyskoy (s mezhdunarodnym uchastiem) konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh (52nd Ural-Volga Archaeological Student Conference (UPASK, February 5–8, 2020): Proceedings of the All-Russian (with International Participation) Conference of Students, Postgraduates and Young Scientists)*. Perm: Perm State University, 229–232 (in Russian).

About the Authors:

Pereskokov Mikhail L. Candidate of Historical Sciences. Perm State National Research University. Bukireva str., 15, Perm, 614990, Russian Federation; pereskokoff@yandex.ru

Yakimova Daria A. Perm State Pharmaceutical Academy. Polevaya Str., 2, Perm, 614990, Russian Federation; Perm State National Research University. Bukireva str., 15, Perm, 614990, Russian Federation; d.yakimova@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2023 г.
Статья принята к публикации 01.04.2023 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 904(976):562/569

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.2.281.295>

ТИПОЛОГИЯ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ КУЛЬТУР ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ПРИКАМЬЯ И ПРЕДУРАЛЬЯ: СТЕПЕНЬ ГЕНЕТИЧЕСКОЙ СВЯЗИ¹

©2023 г. В.А. Иванов

Настоящая статья фактически продолжает статьи, опубликованные в 2017 и 2021 годах (Иванов, Проценко, 2017; Иванов, 2021). Данное исследование от предшествующих отличается тем, что автор дополнил базу источников материалами ахмыловской/акозинской и худяковской культур. То есть, в своем сравнительно-статистическом анализе использовал практически весь известный материал по погребальному обряду культур Прикамья и Предуралья эпохи раннего железного века: ахмыловской/акозинской, ананьинской «классической», пьяноборской, карабызской и худяковской. В ходе проведенной работы были получены результаты, позволяющие сделать следующие выводы: ахмыловская/акозинская и «классическая ананьинская» (ананьинская культура шнуrowой керамики – АКШК) хотя и входили в единую ананьинскую культурно-историческую общность (АКИО), но различались по типам керамической посуды и ассортименту погребального инвентаря; ахмыловская/акозинская культура («волжские ананьинцы») не участвовали в формировании этнокультурного состава населения Прикамья и Предуралья второй половины I тыс. до н.э.; карабызская и пьяноборская культуры хотя и сложились при участии носителей АКШК, но в их этногенезе не менее активную роль играл пришлый этнокультурный компонент. По своим морфологическим признакам это культуры разные и считать карабызскую культуру вариантом пьяноборской неверно.

Ключевые слова: археология, ахмыловская/акозинская, пьяноборская, карабызская, худяковская культуры, сравнительно-статистический анализ, формально-типологическое сходство, культурно-историческая общность, признак погребального обряда.

TYPOLOGY OF EARLY IRON AGE BURIAL RITES OF THE KAMA RIVER REGION AND CIS-URAL CULTURES: DEGREE OF GENETIC LINK²

V.A. Ivanov

The paper continues the articles presented in 2017 and 2021 (Ivanov, Protsenko, 2017; Ivanov, 2021). This study differs from the previous ones in that the author supplemented the source base with the materials of the Akhmylovo/Akozino and Khudyaki cultures. That is, in his comparative statistical analysis, he used almost all known material on the burial rite of the Kama River region and Cis-Ural cultures of the Early Iron Age: the Akhmylovo/Akozino, Ananyino "classical", Pyany Bor, Kara-Abyz and Khudyaki. In the course of the work, author have received the results, that allow him to draw the following conclusion: Although the Ahmylovo/Akozino and "Classical Ananyino" (Ananyino culture of corded ware – ACCW) were a part of a single Ananyino cultural-historical community (ACIO), they differed by types of pottery and set of the burial equipment; the Ahmylovo/Akozino culture ("Volga Ananyino population") was not involved in forming the ethnic-cultural composition of the Kama River Region and Cis-Ural population of the second half of the 1st millennium BC; the Kara-Abyz and Pyany Bor cultures, although they were formed with the participation of ACCW bearers, but in their ethnic genesis no less active role was played by the alien ethnic-cultural component. In their morphological features, these cultures were different and it is wrong to consider the Kara-Abyz culture as a variant of the Pyany Bor one.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01153, <https://rscf.ru/project/22-28-01153/>

² The research was carried out by the grant of the Russian Science Foundation No. 22-28-01153, <https://rscf.ru/project/22-28-01153/>

Keywords: archaeology, Akhmylovo/Akkozino, Piany Bor, Kara-Abyz, Khudyaki cultures, comparative statistical analysis, formal and typological similarity, cultural and historical community, characteristic attributes of burial rite.

Типология погребального обряда культур эпохи раннего железного века (РЖВ) – ананьинской, пьяноборской (она же чегандинская иногда), караабызской, гляденовской – в археологии Прикамья и Предуралья тема отнюдь не новая и имеет довольно обширную историографию. Начиная с середины прошлого столетия исследователи региона в своих трудах обязательно уделяли внимание характеристике погребального обряда носителей культур РЖВ, придерживаясь при этом визуально-дискурсного стиля описания имеющегося материала. В результате к концу столетия сложилась определенная матрица погребального обряда культур РЖВ. Устойчивыми элементами этой матрицы являются топографическая связь могильников с рекой, однотипное захоронение умерших в простых могильных ямах разной глубины, если не преобладающая, то обязательно присутствующая ориентировка погребенных головой или ногами к реке. При преобладании ингумации фиксируется полная или частичная кремация, использование в обряде деревянных конструкций (например, «дома мертвых»), наличие сопровождающего инвентаря, позволяющего различать погребения не только по половому (мужские и женские), но и по имущественному принципу (богатые и бедные) (Збруева, 1952, с. 111–124; Смирнов, 1952, с. 66–76; 1957, с. 31–34; Бадер, Оборин, 1958, с. 96–97, 113, 129; Генинг, 1962; 1970, с. 29; Пшеничнюк, 1973, с. 177–178; Халиков, 1977, с. 88–101).

Количественные характеристики погребального обряда археологических культур РЖВ начинают применяться примерно с середины 1980-х гг. на материале Старшего Ахмыловского могильника, принадлежащего к кругу памятников ахмыловской (по В.С. Патрушеву) или акозинской культуры (по А.А. Чижевскому и С.В. Кузьминыху) (Патрушев, Халиков, 1982; Патрушев, 1984, с. 143–166).

Историографию погребального обряда культур Прикамья и Предуралья эпохи РЖВ в XX столетии завершает дискурс Б.Б. Агеева, контекст которого составляет реконструкция общественного строя и решение вопроса о происхождении пьяноборской культуры

именно на базе данных по погребальному обряду. По справедливому замечанию исследователя (в чем я его полностью поддерживаю), «...погребальный обряд является одним из основных признаков, характеризующих археологическую культуру, и его наиболее полная характеристика (здесь и далее выделено мной – авт.) имеет важное значение для обоснованного выделения локальных вариантов, выявления племенных различий, освещения социального и общественного строя ее носителей» (Агеев, 1992, с. 13).

По сравнению со своими предшественниками Б.Б. Агеев дает более расширенное описание пьяноборского погребального обряда, опираясь на данные по 2032 погребениям из 17 исследованных могильников (Агеев, 1992, с. 8–9, 13–26). Что же касается вопроса о происхождении пьяноборской культуры, то в его решении автор как раз в основном следует за своими предшественниками, уделив основное внимание стратиграфии городищ, морфологическому сходству керамики ассортименту и типам артефактов из погребений. Однако его итоговый вывод заслуживает внимания: «...на раннем этапе формирования пьяноборской культуры приняли участие потомки позднеананьинских племен Нижнего Прикамья и ранне-караабызское население среднего течения р. Белой. Однако решающую в ней роль сыграли среднебельские племена, что подтверждается элементами материальной культуры (керамика и типы бронзовых предметов). Доля участия нижнекамского населения в этом процессе остается неясной и слабо прослеживается в погребальном обряде (sic! – авт.)» (Агеев, 1992, с. 106).

С переходом в текущее столетие ситуация с анализом и характеристикой погребального обряда культур эпохи РЖВ в регионе радикально меняется, как в плане описания отдельных памятников, так и применительно к археологическим культурам в целом. На первое место начинает выходить уже не дискурс-перечень элементов погребального обряда, а их описательная и сравнительная статистика. Применительно к культурам РЖВ Прикамья и Предуралья пионером в этой области выступает С.Н. Коренюк, по материалам 320 погребений

из Залазинского, Першинского и Оханского могильников давший сравнительно-статистическую характеристику обряда ананьинской культуры шнуrowой керамики (АКШК) Среднего Прикамья. По данным статистических таблиц, составленных автором, следует, что по основным категориям погребального обряда – ориентировке могил, погребальным конструкциям, способу захоронения, украшениям костюма, наличию в могилах костей животных – могильники АКШК и могильники ахмыловской/акозинской культуры¹ в культурном отношении едины между собой (Кореньюк, 2000).

Далее следует ряд нарративов-дискурсов, в которых приводится детальная сравнительно-статистическая характеристика как отдельных могильников рассматриваемой эпохи (Овсянников, Яминов, 2003; Голдина, 2003; 2004; Голдина и др., 2015), так и целых этнокультурных горизонтов: АКШК (Чижевский, 2008), пьяноборской (худяковской) культуры на Вятке (Лещинская, 2014, с. 15–30) и гляденовской культуры в Среднем Прикамье (Перескоков, 2018).

Результаты сравнительно-статистического анализа погребального обряда АКШК, полученные А.А. Чижевским, приводят автора к выводу, который я полностью поддерживаю исходя из собственных аналогичных результатов: «ананьинская КИО **представляет собой разнокультурное и неоднородное в этническом плане образование**, общие элементы которого обусловлены мощнейшим влиянием лесостепного (постмаклашевского) компонента на культуры лесной зоны. Судя по данным погребального обряда и инвентаря, **сильнейшее воздействие на постмаклашевцев – самый активный и сильный компонент АКШК – оказали культуры европейской лесостепи и степи**» (Чижевский, 2008, с. 90).

Приведенный краткий историографический обзор изучения погребального обряда культур РЖВ Прикамья и Предуралья дает основание для следующих выводов:

Источниковая база по интересующей нас теме в настоящее время огромна. Если исходить только из опубликованных материалов, сейчас мы можем оперировать данными по 6412 погребениям, из которых 8,6% – погребения АКШК; 17,5% – погребения ахмыловской/акозинской культуры; 31,8% –

погребения пьяноборской культуры; 22,3% – карабызской; 6,3% – худяковской; 13,5% – гляденовской. Характеристика такого объема погребальных комплексов методом **просто-го визуально-дискурсного описания** уже просто не имеет информационного смысла.

Для получения объективных и проверяемых результатов и выводов смысл имеет только метод статистико-комбинаторного анализа массового археологического материала. Разработан он уже более полувека тому назад² и сейчас активно и вполне продуктивно применяется исследователями Уральского региона. Наглядный тому пример – совсем недавно успешно защищенные кандидатские диссертации А.С. Проценко и А.С. Зеленкова, целиком построенные именно по данной методике (Проценко, 2022; Зеленков, 2022).

Имеющаяся источниковая база по погребальному обряду культур РЖВ Прикамья и Предуралья³, обработанная по единой современной методике, приблизит нас к ответу на вопросы, касающиеся этнокультурной принадлежности и генетической связи этих культур: ахмыловской и АКШК – одна культура или разные (В.С. Патрушев, С.Н. Кореньевский, А.А. Чижевский), карабызская культура – самостоятельная культура или вариант пьяноборской (чегандинской) (Р.Д. Голдина). Первая попытка подобного сквозного анализа уже была предпринята нами (Иванов, Проценко, 2017).

Настоящая работа от предыдущей (совместной с А.С. Проценко) отличается тем, что её источниковая база расширена за счет данных по Старшему Ахмыловскому могильнику⁴ и могильникам худяковской культуры, опубликованным Н.А. Лещинской (403 погребения – Лещинская, 2014, с. 212–445) (рис. 1). К сожалению, использовать данные по могильникам гляденовской культуры пока не представляется возможным. Описание их обряда (694 грунтовых и 169 подкурганых захоронения) А.А. Перескоков по-прежнему дает в визуальном-дискурсивном стиле⁵. Причем оперируя в основном ещё не опубликованным материалом⁶.

Прежде чем перейти к изложению полученных результатов позволю себе остановиться на некоторых довольно важных методических вопросах. Так, среди коллег часто возникает вопрос об объеме выборок, необходимых для статистического анализа. Ответ на него дали

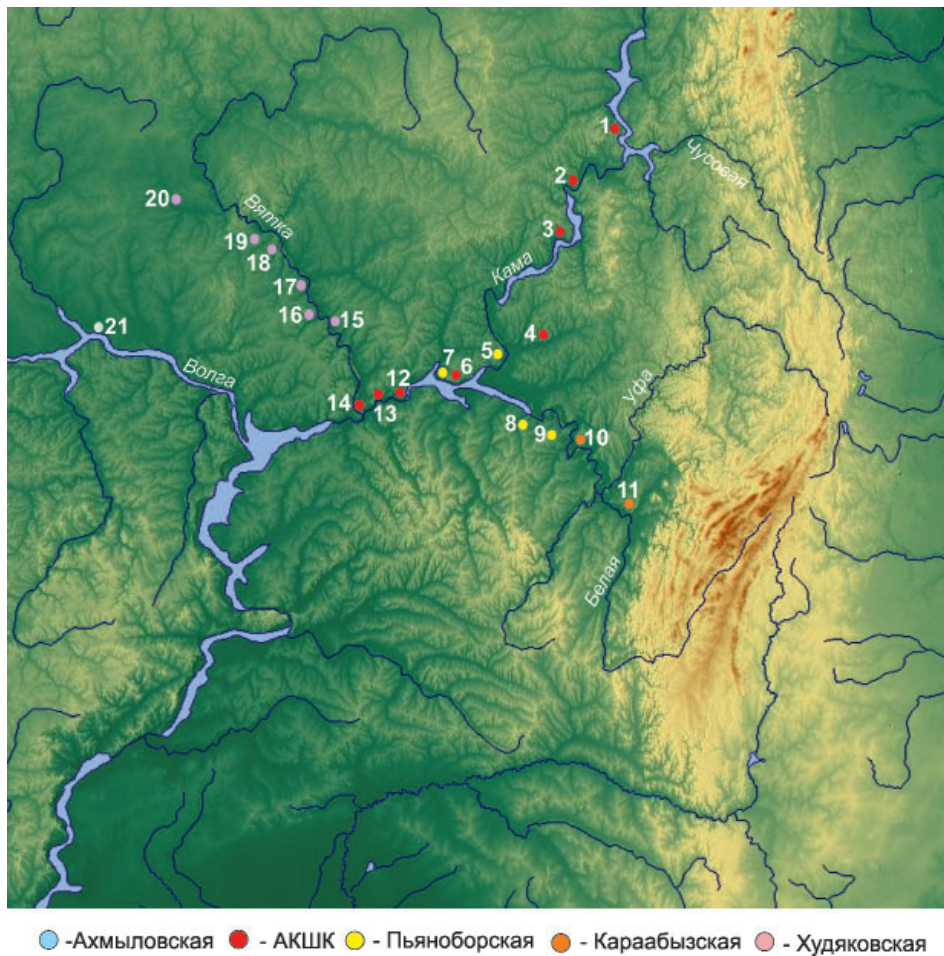

Рис. 1. Карта могильников эпохи РЖВ Прикамья и Предуралья, данные по которым использованы в настоящей работе. 1 – Скородум; 2 – Першинский; 3 – Оханский; 4 – Таш-Елга; 5 – Тарасовский; 6 – Зуевский; 7 – Чеганда I; 8 – Юлдашевский; 9 – Кушулевский; 10 – Биктимировский; 11 – Охлебининский; 12 – Луговской; 13 – Ананьинский; 14 – Котловский; 15 – Кордон; 16 – Азелинский; 17 – Тюм-Тюм; 18 – Ошкинский; 19 – Суворовский; 20 – Худяковский; 21 – Старший Ахмыловский.

Fig. 1. Location of the Early Iron Age burial grounds in the Kama River Region and Cis-Urals, the data of which are used in this work. 1 – Skorodum; 2 – Pershino; 3 – Okhansk; 4 – Tash-Yelga; 5 – Tarasovo; 6 – Zuevsky; 7 – Cheganda I; 8 – Yuldashevo; 9 – Kushulevo; 10 – Biktimirovo; 11 – Okhlebinino; 12 – Lugovskoy; 13 – Ananyino; 14 – Kotlovka; 15 – Cordon; 16 – Azelino; 17 – Tyum-Tyum; 18 – Oshkinsky; 19 – Suvorovo; 20 – Khudyaki; 21 – Starshy Akhmylovsky.

ещё основоположники статистических методов в археологии, и его мы привели в своей предыдущей работе (Иванов, Проценко, 2017, с. 119): выборка должна быть **случайной и репрезентативной**. И это отнюдь не предполагает использования абсолютно всего имеющегося материала. В нашем случае это более 1000 погребальных комплексов из Ахмыловского могильника, более 2000 пьяноборских и почти 1500 караабызских погребений. Теоретически их можно просчитывать все. На практике же, проведя сложную и трудоемкую работу, мы получим громоздкие и сложные для восприятия результаты. Наглядный пример

– серия статистических таблиц, составленных и опубликованных В.С. Патрушевым. Таблицы содержат данные по 1270 погребениям могильников волжской части АКЮ (Старшего Ахмыловского, Акозинского, Тетюшского, Пустоморквашинского, Ново-Мордовского и др.) и 118 погребениям т. н. камских могильников (Ананьинского, Луговского, Гулькинского, Таш-Елга, Скородум) (Патрушев, 2011, с. 125–154, табл. I–XVII). Указанные территориальные группы памятников сравниваются по 120 признакам обряда. Из них в волжских могильниках как представительные зафиксированы 118 признаков⁷, в камских – 74 призна-

ка (из них 23 признака представительными не являются⁸) (Патрушев, 2011, с. 137–144, табл. XII).

Результаты сравнительно-статистического анализа могильников Волго-Камья по сумме признаков по критерию Стьюдента, представленные в соответствующем графе, привели В.С. Патрушева к выводу о том, что прикамское население, представленное перечисленными выше могильниками, **являлось одним из компонентов ахмыловской культуры** (Патрушев, 2011, с. 72, рис. 52).

К сожалению, автор не считал необходимым пояснить, какими статистическими факторами было обусловлено то обстоятельство, что две разновеликие по объему группы погребений, имеющие незначительное количество общих морфологических признаков, оказались объединенными в одну археологическую культуру.

Второй серьезный вопрос состоит в том, что некоторые из исследователей, практикующих в своей работе методы сравнительно-статистического анализа, кажется, менее всего озабочены тем, чтобы коллеги, заинтересованные в результатах их исследований, имели возможность получить первичную статистическую информацию об объекте анализа. В этом отношении обращает на себя внимание статья С.Н. Коренюка, в которой автор указывает, что сравнение трех локальных групп АКШО он проводит по 135 признакам обряда, сгруппированным в четыре категории.

Однако в опубликованных автором таблицах показатель исчисления удельного веса того или иного признака не указан. Поэтому если исходить из единственного показателя исчисления, приведенного автором, – 320 погребений могильников АКШК⁹ и 1255 погребений могильников Волго-Камья и Поволжья (Коренюк, 2000, с. 68) – удельный вес того или иного признака в сравниваемых выборках оказывается просто невообразимым.

Из сказанного выше вытекает ещё один вывод: при проведении статистического анализа погребального обряда могильников той или иной АК следует оперировать **только опубликованным исходным материалом**.

Для данной работы, продолжающей упомянутую выше предыдущую, были дополнительно использованы две новых выборки: 304 погребения худяковской культуры из Худяковского, Суворовского, Ошкинского, Тюм-Тюм, Азелинского и Кордон могильников¹⁰ и случайная выборка из 560 погребений Старшего Ахмыловского могильника. Последние отбирались из опубликованных материалов исходя из принципа максимальной фиксации набора признаков погребального обряда в погребении. Далее все следует уже по отработанной схеме: суммарная характеристика погребального обряда культур Прикамья и Приуралья, выраженная **только через представительные для каждой из сравниваемых выборок признаки**, представлена в табл. 1.

Таблица 1. Суммарная характеристика погребального обряда ахмыловской/акозинской, АКШК, карабызской, пьяноборской и худяковской культур (в %%)

Table 1. Summary characteristics of the burial rite of the Akhmylovo/Akozino, Ananyino “classical” culture of corded ware, Kara-Abyz, Pyany Bor and Khudyaki cultures (in %%)

№	Признак	Культуры				
		Ахмылов.	АКШК	Караабыз	Пьянобор.	Худяковск.
I. Тип, объем и топография могильников						
1	бескурганый	100	100	100	100	100
2	от 10 до 50 погр.	-	8,8	-	6,0	33,2
3	более 50 погр.	-	56,7	-	15,2	66,8
4	более 200 погр.	100	38,5	88,4	78,7	-
5	расположение могил: рядами	-	67,0	-	6,0	86,3
6	смешанное	100	32,2	-	29,7	-
7	бессистемное	-	-	100	64,2	13,6
II. Тип и глубина могильной ямы						
8	простая	82,5	69,0	99,8	95,6	86,0
9	стенки сужаются ко дну	8,8	-	-	-	13,9

10	стенки обложены камнем	-	-	14,0	-	-
11	дом мертвых	6,9	1,7	-	-	-
12	до 0,5 м	27,0	47,0	45,3	66,2	26,3
13	до 1 м	66,8	38,0	48,0	29,1	33,7
14	1-1,5 м	5,2	9,5	2,5	1,3	13,9
15	Глубина не установлена	-	5,5	4,2	3,4	26,1
III. Тип захоронения, количество погребенных в могиле, их поза и пол						
16	ингумация	100	94,1	98,0	91,1	60,0
17	кремация	-	-	-	-	12,9
18	костей нет	21,4	15,5	-	9,0	27,1
19	один	39,1	81,5	98,0	89,2	100
20	два	10,7	5,6	-	3,0	-
21	три и более	7,5	3,2	-	-	-
22	Мужской	40,7	29,6	16,3	20,1	2,7
23	женский	25,8	8,6	18,5	25,7	2,0
24	ребенок	2,6	6,6	16,5	15,0	-
25	пол не установлен	30,9	52,6	21,0	37,4	94,5
26	вытянуто на спине	33,8	50,1	76,3	69,3	16,3
27	лицом направо	1,4	-	-	-	-
28	лицом налево	1,4	-	-	-	1,0
29	руки вытянуты	2,3	12,0	1,8	5,4	8,2
30	кисти на груди	-	-	-	0,7	-
31	одна на тазе	-	1,5	-	5,6	1,2
32	обе на тазе	1,5	1,1	-	6,4	1,2
33	частичное захоронение	5,6	-	-	-	-
34	кенотаф	4,8	-	-	-	-
35	поза не установлена	77,2	48,6	21,0	29,9	10,4
IV. Ориентировка погребенных: по азимуту и относительно реки						
36	север	20,5	19,0	8,6	25,9	19,1
37	юг	4,6	3,6	3,2	8,2	7,4
38	восток	2,0	3,4	1,1	33,2	-
39	запад	13,6	8,8	11,0	3,2	1,7
40	северо-восток	10,5	6,2	7,4	12,9	6,7
41	северо-запад	24,7	25,4	38,5	2,4	16,6
42	юго-восток	3,4	5,2	8,1	4,3	1,0
43	юго-запад	20,7	8,6	-	0,7	-
44	не установлена	-	19,8	22,1	9,2	45,9
45	головой к реке	18,6	8,6	1,5	67,6	8,9
46	ногами к реке	49,4	51,8	75,6	6,4	6,4
47	вдоль по течению реки	26,1	17,9	-	15,9	2,9
V. Детали ритуала						
48	дощатая рама	1,1	2,2	-	-	1,7
49	дощатый настил	22,0	2,2	9,0	5,6	2,0
50	завернут в бересту	1,1	3,0	-	-	13,6
51	Берестяная подстилка	1,1	-	-	-	-
52	кости животных в изголовье	1,3	3,0	33,0	-	-
53	кости животных у ног	2,2	3,2	3,7	-	-
54	кости животных в заполнении мог.	5,6	-	-	-	-
55	глиняный сосуд в изголовье	3,8	27,5	9,3	1,1	-

56	глиняный сосуд у ног	3,0	3,2	20,1	-	-
57	жертвенный комплекс у ног	-	-	-	1,7'	2,5
58	жертвенный комплекс в изголовье	-	-	-	4,1'	1,0
59	Жертвенный комплекс у пояса	-	-	-	-	1,2
60	угли в могиле	52,4	11,7	-	-	17,8
VI. Ассортимент погребального инвентаря:						
61	удила	-	-	13,0	3,5	7,9
62	псалии	-	-	3,9	0,9-	-
63	стрелы железные.	6,9	0,7	19,2	7,5	5,4
64	стрелы бронзовые	1,3	9,0	7,8	-	-
65	стрелы костяные	-	4,3	5,9	13,1	6,9
66	стрелы кремневые	1,6	-	-	-	-
67	кинжал/меч	3,3	1,7	8,2	3,9	3,4
68	копье	13,8	10,5	16,2	5,0	8,7
69	кельт/топор	35,8	21,9	1,3	-	12,6
70	топорик-чекан	1,4	0,7	-	-	-
71	шлем	-	-	-	-	2,0
72	кольчуга	-	-	-	-	1,7
73	накладки ремня зооморфные	-	-	4,4	-	-
74	поясные накладки	6,1	-	19,2	14,3	3,2
75	наконечник пояса	-	-	10,9	1,3	7,4
76	эполетообразная застежка	-	-	-	6,0	6,9
77	поясная пряжка	-	-	26,7	22,7	11,1
78	пояс целый	-	-	2,2	1,8	-
79	портупея	-	-	2,5	-	-
80	подвески трапецевидные	-	-	13,8	1,1	1,0
81	витая височная подвеска	8,3	1,1	2,4	24,0	7,0
82	височная подвеска с трубицей или литая	-	-	-	7,7	-
83	подвеска листовидная	-	-	-	4,5	-
84	серьга-кольцо	2,7	2,4	-	2,6	-
85	перстень	-	1,5	10,2	4,3	8,9
86	браслет	-	1,7	1,8	3,7	4,7
87	гривна	9,1	3,4	3,5	3,2	3,4
88	1-5 бусин	1,4	1,7	18,5	10,7	4,4
89	ожерелье из бус	2,7	1,8	18,0	17,1	8,2
90	пронизки спиральные	1,9	5,8	2,7	4,7	9,9
91	обоймы	-	2,2	30,8	8,6	2,0
92	бляха литая круглая	9,7	13,9	5,5	18,4	4,9
93	бляха с умбоном	3,6	-	1,3	-	2,0
94	бляхи-зеркала	-	-	12,0	-	-
95	нашивки медн. / мелкие круглые бляшки	-	10,5	22,0	5,4	4,0
96	фибула	-	-	-	1,8	-
97	сюльгама	-	-	-	4,1	6,4
98	украшения обуви: пряжки, накл.	-	-	-	9,4	1,2

99	нож	40,5	15,0	43,0	22,7	41,9
100	ножны	-	-	-	3,4	2,2
101	шило	13,6	0,9	3,0	1,8	1,2
102	мотыжка	-	-	-	-	1,5
103	коса	-	-	-	-	2,5
104	оселок	8,6	1,3	4,7	-	1,2
105	пряслице	3,6	1,1	13,1	-	-
106	без вещей	12,5	37,0	12,5	24,8	10,6
Всего погребений:		560	527	581	532	403

Для большей «жесткости эксперимента» степень вероятности (p) установлена 0,95. Соответственно, нижний уровень значимости признака (α) для каждой из сравниваемых выборок будет: ахмыловская, АКШК, карабызская и пьяноборская – 0,7%; худяковская – 0,9%. Показатели всех исчислений это объемы сравниваемых выборок.

Комментирование (по сути – словесный пересказ содержания таблицы) из экономии места считаю излишним.

Значения коэффициента формально-типологического сходства (C_3) погребального обряда могильников ахмыловской/акозинской, АКШК, карабызской, пьяноборской и худяковской культур, исчисленные по 106 представительным признакам¹¹, показывают наличие тесной близости между ахмыловски-

ми/акозинскими и могильниками АКШК. Причем настолько тесной, что сравниваемые выборки формально должны считаться принадлежащими к одной археологической культуре (табл. 2).

Аналогично должны рассматриваться и значения коэффициента C_3 для могильников АКШК, карабызских, пьяноборских и худяковских (табл. 2).

Таблица 2. Значения коэффициента формально-типологической близости (C_3) погребального обряда могильников эпохи РЖВ Волго-Камья

Table 2. Values of the coefficient of formal typological proximity (C_3) of the burial rite of the Early Iron Age burial grounds in the Volga-Kama region

	Ахмылов	АКШК	Карабыз	Пьянобор	Худяковск
Ахмылов	-				
АКШК	0,73	-			
Карабыз	0,51	0,60	-		
Пьянобор	0,43	0,61	0,58	-	
Худяковск	0,41	0,55	0,18	0,68	-

Но это в том случае, если мы оперируем формальным набором представительных признаков, не учитывающим их удельный вес и значение для каждой из сравниваемых выборок. Обратившись к вычислению **тенденции признаков**, мы получаем возможность

конкретизировать результаты сравнительного анализа и определить, какие признаки влияют на степень типологического сходства выборок и в чем заключается их конкретное сходство и различие. Полученные результаты приведены в табл. 3.

Таблица 3. Тенденция распространения признаков погребального обряда культур эпохи РЖВ Прикамья и Приуралья (признаки, имеющие близкую к нормальной, нормальную или повышенную тенденцию выделены полужирным шрифтом)

Table 3. The trend of the spread of characteristic attributes of the burial rite of the cultures of the Kama River Region and Cis-Urals (features with close to normal, normal or increased tendency are marked in bold)

№	Признак	Норма распределения	Тенденция признака				
			Ахмыловская	АКШК	Карабыз	Пьяноборье	Худяковск
I Тип, объем и топография могильников							
1	бескуртанный	100	1	1	1	1	1
2	от 10 до 50 погр.	9,6	-	0,91	-	0,62	3,4

3	более 50 погр.	27,7	-	2,04	-	0,55	2,4
4	более 200 погр.	61,1	1,6	0,63	1,4	1,3	-
5	расположение могил: рядами	31,8	-	2,1	-	0,18	2,7
6	смешанное	32,4	3,08	0,99	-	0,91	-
7	бессистемное	35,5	-	-	2,8	1,8	0,38
II. Тип и глубина могильной ямы							
8	простая	86,6	0,95	0,79	1,15	1,1	0,99
9	стенки сужаются ко дну	4,5	1,9	-	-	-	3,08
10	стенки обложены камнем	2,8	-	-	5,0	-	-
11	дом мертвых	1,7	4	1	-	-	-
12	до 0,5 м	38,7	0,69	1,2	0,65	1,7	0,68
13	до 1 м	43,2	1,5	0,89	1,1	0,68	0,78
14	1-1,5 м	6,5	0,8	1,4	0,38	0,2	2,1
15	не установлена	9,4	-	1,7	0,12	0,36	2,7
III. Тип захоронения, количество погребенных в могиле, их пол и поза							
16	ингумация	88,6	1,13	1,06	1,1	1,02	0,67
17	кремация	2,6	-	-	-	-	5,0
18	костей нет	14,6	1,4	1,06	-	0,6	1,8
19	один	81,5	0,48	1,0	1,2	1,09	1,2
20	два	3,8	2,8	1,4	-	0,79	-
21	три и более	2,1	3,5	1,5	-	-	-
22	мужской	21,8	1,8	1,3	0,74	0,92	0,12
23	женский	16,1	1,6	0,53	1,14	1,6	0,18
24	ребенок	8,1	0,32	0,81	2,03	1,8	-
25	не установлен	47,2	0,65	1,11	0,44	0,79	2,0
26	вытянуто на спине	49,1	0,68	1,02	1,55	1,4	0,33
27	лицом направо	0,28	5,0	-	-	-	-
28	лицом налево	0,48	2,9	-	-	-	2,08
29	руки вытянуты	5,9	0,38	2,03	0,3	0,91	1,4
30	кисти на груди	0,14	-	-	-	5,0	-
31	одна на тазе	1,6	-	0,93	-	3,5	0,75
32	обе на тазе	2,04	0,73	0,54	-	3,1	0,59
33	частичное захоронение	1,12	5,0	-	-	-	-
34	кенотаф	0,96	5,0	-	-	-	-
35	поза не установлена	37,4	2,06	1,3	0,56	0,8	0,27
IV. Ориентировка погребенных: по азимуту и относительно реки							
36	север	18,6	1,1	1,02	0,46	1,4	1,02
37	юг	5,4	0,85	0,66	0,59	1,5	1,3
38	восток	7,9	0,25	0,43	0,14	4,2	-
39	запад	7,6	1,8	1,1	1,4	0,42	0,09
40	северо-восток	8,7	1,2	0,71	0,85	1,5	0,77
41	северо-запад	22,1	1,25	1,1	1,7	0,1	0,75
42	юго-восток	4,4	0,84	1,18	1,8	0,97	0,22
43	юго-запад	6,0	3,45	1,4	-	0,11	-
44	не установлена	19,4	-	1,02	1,13	0,47	2,3
45	головой к реке	21,04	0,88	0,4	0,07	3,2	0,42
46	ногами к реке	37,9	1,3	1,3	2,0	0,18	0,18
47	вдоль по течению реки	12,0	2,17	1,5	-	1,3	0,24

V. Детали ритуала							
48	дощатая рама	1,0	1,1	2,2	-	-	1,7
49	дощатый настил	4,8	4,5	0,45	1,8	1,1	0,41
50	завернут в бересту	3,5	0,31	0,85	-	-	3,88
51	Берестяная под- стилка	0,22	5,0	-	-	-	-
52	кости животных в изголовье	7,4	0,17	0,4	4,4	-	-
53	кости животных у ног	1,82	1,2	1,7	2,03	-	-
54	кости животных в заполнении мог.	1,12	5,0	-	-	-	-
55	глиняный сосуд в изголовье	8,3	0,45	3,3	1,1	0,13	-
56	глиняный сосуд у ног	5,26	0,57	0,61	3,8	-	-
57	жертвенный ком- плекс у ног	0,84	-	-	-	2,02 '	3,0
58	жертвенный ком- плекс в изголовье	1,02	-	-	-	4,0 '	0,98
59	Жертвенный ком- плекс у пояса	0,24	-	-	-	-	5,0
60	угли в могиле	16,3	3,2	0,71	-	-	1,09
VI. Ассортимент погребального инвентаря:							
61	удила	4,9	-	-	2,6	0,7	1,6
62	псалии	0,96	-	-	4,0	0,93-	-
63	стрелы железные.	7,9	0,87	0,08	2,4	0,94	0,68
64	стрелы бронзовые	3,6	0,36	2,5	2,1	-	-
65	стрелы костяные	6,0	-	0,7	0,98	2,1	1,1
66	стрелы кремневые	0,54	2,9	2,03	-	-	-
67	кинжал/меч	4,1	0,8	0,4	2,0	0,95	0,83
68	копье	10,8	1,2	0,97	1,5	0,46	0,8
69	кельт/топор	14,3	2,5	1,5	0,09	-	0,88
70	топорик-чекан	0,42	3,3	1,6	-	-	-
71	шлем	0,4	-	-	-	-	5,0
72	кольчуга	0,34	-	-	-	-	5,0
73	накладки ремня зооморфные	0,88	-	-	5,0	-	-
74	поясные накладки	7,9	0,77	-	2,4	1,8	0,4
75	наконечник пояса	3,9	-	-	2,8	0,33	1,9
76	эполетообразная застежка	2,6	-	-	-	2,3	2,6
77	поясная пряжка	12,1	-	-	2,2	1,8	0,91
78	пояс целый	0,8	-	-	2,72	2,25	-
79	портупея	0,5	-	-	5,0	-	-
80	подвески трапеце- видные	3,18	-	-	4,3	0,34	0,3
81	витая височная подвеска	8,5	0,97	0,13	0,28	2,8	0,8
82	височная подвеска с трубицей или литая	1,5	-	-	-	5,0	-
83	подвеска листовидная	0,9	-	-	-	5,0	-

84	серьга-кольцо	1,5	1,8	1,6	-	1,7	-
85	перстень	5,0	-	0,3	2,04	0,86	1,8
86	браслет	2,4	-	0,7	0,75	1,5	1,9
87	гривна	4,5	2,0	0,75	0,77	0,71	0,75
88	1-5 бусин	7,3	0,19	0,2	2,5	1,4	0,6
89	ожерелье из бус	9,5	0,28	0,19	1,9	1,8	0,86
90	пронизки спиральные	5,0	0,38	1,1	0,54	0,94	2,0
91	обоймы	8,7	-	0,25	3,5	0,99	0,2
92	бляха литая круглая	10,5	0,92	1,3	0,52	1,75	0,46
93	бляха с умбоном	1,4	2,5	-	0,93	-	1,4
94	бляхи-зеркала	2,4	-	-	5,0	-	-
95	нашивки медн. / мелкие круглые бляшки	8,4	-	1,25	2,6	0,64	0,4
96	фибула	0,36	-	-	-	5,0	-
97	сюльгама	2,1	-	-	-	1,9	3,0
98	украшения обуви: пряжки, накл.	2,1	-	-	-	4,4	0,57
99	нож	32,6	1,2	0,46	1,3	0,7	1,3
100	ножны	1,1	-	-	-	3,1	2,0
101	шило	4,1	3,3	0,2	0,7	0,4	0,29
102	мотыжка	0,3	-	-	-	-	5,0
103	коса	0,5	-	-	-	-	5,0
104	оселок	3,1	2,7	0,4	1,5	-	0,4
105	пряслице	7,3	0,5	0,15	1,8	-	-
106	без вещей	19,5	0,64	1,9	0,64	1,27	0,54

Значения коэффициента C_3 по показателям тенденции признаков раскрывают перед нами иную картину (табл. 4).

Из табл. 4 следует, что могильники ахмыловской/акозинской культуры и могильники АКШК демонстрируют высокую степень

Таблица 4. Значения коэффициента типологической близости могильников РЖВ Прикамья и Предуралья по тенденции признаков обряда

Table 4. The values of the coefficient of typological proximity of the Early Iron Age burial grounds of the Kama River Region and Cis-Urals according to the trend of the characteristic attributes of the rite

	Ахмылов.	АКШК	Караабыз	Пьянобор	Худяковск
Ахмылов	-				
АКШК	0,28	-			
Караабыз	0,07	0,07	-		
Пьянобор	0,06	0,05	0,09	-	
Худяковск	0,03	0,06	0,02	0,02	-

сходства между собой. Достигается это тем, что из общего количества признаков обряда, имеющих повышенную тенденцию встречаемости в указанных группах (ахмылово – 43 признака, АКШК – 40), 18 признаков являются для них общими. Все остальные сравниваемые группы такого большого количества признаков с одинаково повышенной тенденцией не содержат. Например, между могиль-

никами пьяноборской и худяковской культур, каждая из которых характеризуется 74 признаками с повышенной тенденцией, совпадают только 13 признаков, и т. д.

Приведенные выше данные окончательно, на мой взгляд, закрепляют следующие **выводы**: точку зрения В.Н. Маркова и А.А. Чижевского о разнокультурном характере АКШК следует признать окончательной.

Участие ахмыловской/акозинской культуры в этно- и культурогенезе постананьинского времени в Волго-Камье не прослеживается.

Ни карабызская, ни пьяноборская культуры **только от культур АКЮ** не произошли. В этом направлении следует более детально прорабатывать тему инокультурного пришлого компонента.

Примечания:

¹ То есть, практически все могильники АКЮ.

² Поэтому описывать его в очередной раз не имеет смысла.

³ Что бы ни писали и ни говорили сторонники альтернативной точки зрения, но по моему убеждению, именно языческий погребальный обряд является основным этнокультурным маркером.

⁴ 560 погребений из 1010 опубликованных В.С.Патрушевым и А.Х.Халиковым (Патрушев, Халиков, 1982). Приведенная цифра будет объяснена ниже.

⁵ Хотя при описании гляденовской керамики автор результаты статистического анализ использует широко (Перескоков, 2018, с. 201–216).

⁶ Автором данной статьи была предпринята попытка использовать в сравнительно-статистическом анализе культур РЖВ материалы 67 ранних погребений Красноярского могильника, опубликованных О.А.Казанцевой (Казанцева, 2012). Столь незначительная, по сравнению с другими культурами, выборка показала, что в ней присутствуют только 15 представительных признаков обряда из 91. Соответственно и значение типологического сходства оказалось очень малым (Иванов, 2021).

⁷ Исходя из объема выборки, два признака – положение костяка вытянуто на боку и глубина могилы от 141 до 180 см – не являются представительными.

⁸ Вторичное одиночное захоронение, частичное, на спине с подогнутыми ногами, вытянуто на боку, неправильная форма могильной ямы, следы деревянного перекрытия или подстилки, наличие в засыпи могилы пережженных костей и т.д.

⁹ Как уже было сказано – не опубликованным.

¹⁰ На сегодняшний день это фактически весь известный массив погребальных комплексов.

¹¹ По сравнению с публикацией 2017 г. (Иванов, Проценко, 2017) количество признаков возросло за счет включения выборок из Ст. Ахмыловского могильника и могильников худяковской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

- Бадер О.Н., Оборин В.А. На заре истории Прикамья. Пермь: Пермск. кн. изд-во, 1958. 244 с.
- Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Часть I. Чегандинская культура (III в. до н.э. – II в. н.э.) / ВАУ. Вып. 10. Свердловск–Ижевск: УдГУ, 1970. 224 с., 30 табл.
- Генинг В.Ф. Узловые проблемы изучения пьяноборской культуры / ВАУ. Вып. 4 / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск, 1962. С. 5–51.
- Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. II. Ижевск: Удмуртия, 2003. 721 с.
- Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. I. Ижевск: Удмуртия, 2004. 318 с.
- Голдина Р.Д., Сабиров Т.Р., Сабирова Т.М. Погребальный обряд Тарасовского могильника I–V вв. на Средней Каме. Т. III / МИКВАЭ. Т. 29. Казань, Ижевск: ИА АН РТ, УдмГУ, 2015. 297 с.
- Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху / Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. V / МИА. № 30. М.: АН СССР, 1952. 326 с.
- Зеленков А.С. Культурогенез лесостепного и подтаежного населения Тоболо-Иртышья в эпоху раннего средневековья. Автореф. Дисс...канд. ист. наук. Тюмень, 2022. 22 с.
- Зубов С.Э. Новые элементы погребальной обрядности раннепьяноборского населения в низовьях р. Белой (по материалам раскопок Кипчаковского курганно-грунтового могильника в 2006 году) // УАВ. Вып. 10. Уфа: Гилем, 2010. С. 64–82.
- Зубов С.Э., Саттаров Р.Р., Тагиров Ф.М. Кипчаковский I курганно-грунтовой могильник // Археология Евразийских степей. 2021. № 2. С. 261–300.
- Иванов В.А. Культуры эпохи раннего железного века Прикамья и Предуралья: взгляд из третьего тысячелетия // УАВ. 2021. Т. 21, № 1. С. 89–97.

Иванов В.А. История населения Урало-Поволжья в эпоху раннего железного века (дискурс-анализ исследований XX столетия) // Археология Евразийских степей. 2022. № 5 С. 129–139.

Иванов В.А., Проценко А.С. Погребальный обряд как индикатор генетической преемственности культур эпохи раннего железного века Прикамья и Предуралья // Археология Евразийских степей. 2017. № 1. С. 117–129.

Казанцева О.А. Красноярский могильник I–V вв. н.э. в бассейне р. Тулвы Среднего Прикамья / МИКВАЭ. Т. 24. Ижевск: УдмГУ, 2012. 180 с.

Коренюк С.Н. Ананьинская культура в трудах А.П. Смирнова и новые данные в ее изучении // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья / Труды ГИМ. Вып. 122 / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М.: ГИМ, 2000. С. 68–78.

Лецинская Н.А. Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н.э.) / МИКВАЭ. Т. 27. Ижевск: УдмГУ, 2014. 472 с.

Овсянников В.В., Савельев Н.А., Акбулатов И.М., Васильев В.Н. Шиповский могильник в лесостепном Приуралье. Уфа: Гилем, 2007. 166 с.

Овсянников В.В., Яминов А.Ф. Исследования могильника у Чёртова городища в Уфе (1911–1912 годы) // УАВ. Вып. 4 / Отв. ред. А.Ф. Яминов. Уфа: Гилем, 2003. С. 16–57.

Патрушев В.С. Марийский край VII–VI вв. до н. э. (Старший Ахмыловский могильник). Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1984. 229 с.

Патрушев В.С., Халиков А.Х. Волжские ананьинцы (Старший Ахмыловский могильник). М.: Наука, 1982. 277 с.

Перескоков М.Л. Пермское Приуралье в финале раннего железного века. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2018. 320 с.

Проценко А.С. Погребальный обряд кара-абызской культуры как отражение социальной структуры оседлого населения Южного Приуралья. Автореф. Дисс...канд. ист. наук. Барнаул, 2022. 26 с.

Пшеничнюк А.Х. Кара-абызская культура (население Центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // АЭБ. Т. V / Под ред. Н.В. Бикбулатова, Р.Г. Кузеева, Н.А. Мажитова. Уфа, 1973. С. 162–243.

Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья / МИА. № 28. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 274 с.

Смирнов А.П. Железный век Башкирии // Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири / МИА. № 58. Отв. ред. Н.Я. Мерперт. М.: АН СССР, 1957. С. 5–113.

Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н. э.). М.: Наука, 1977. 264 с.

Чижевский А.А. Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового - раннем железном веках (предананьинская и ананьинская культурно-исторические области) / Археология евразийских степей. Вып. 5. Казань: Школа, 2008. 172 с.

Информация об авторе:

Иванов Владимир Александрович, доктор исторических наук, профессор, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (г. Уфа, Россия), ivanov-sanyuch@inbox.ru

REFERENCES

Bader, O. N., Oborin, V. A. 1958. *Na zare istorii Prikam'ia (At the Dawn of History of the Kama Basin)*. Perm: "Permskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Gening, V. F. 1970. *Istoriia naseleniia Udmurtskogo Prikam'ia v p'ianoborskuiu epokhu. Ch. I. Chegandinskaia kul'tura (III v. do n.e. – II v. n.e.) (History of Udmurt Kama Population during the Pyany Bor epoch. Part I. The Cheganda culture (3rd Century BC – 2nd Century AD))*. In Semenov, V. A. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Ural Archaeology)* 10. Sverdlovsk–Izhevsk: Udmurt State University Publ. (in Russian).

Gening, V. F. 1962. In Gening, V. F. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Urals Archaeology)* 4. Sverdlovsk, 5–51 (in Russian).

Goldina, R. D. 2003. *Tarasovskii mogil'nik I–V vv. na Srednei Kame (Tarasovo Burial Ground of 1st–5th Centuries in the Middle Kama Region. Vol. II. Izhevsk: "Udmurtiia" Publ. (in Russian)*.

Goldina, R. D. 2004. *Tarasovskii mogil'nik I–V vv. na Srednei Kame (Tarasovo Burial Ground of 1st – 5th centuries in the Middle Kama Region)* Vol. 1. Izhevsk: “Udmurtiia” Publ. (in Russian).

Goldina, R. D., Sabirov, T. R., Sabirova, T. M. 2015. *Pogrebal'nyi obriad Tarasovskogo mogil'nika I–V vv. na Srednei Kame (Burial Rite in the Tarasovo Burial Ground from 1st–5th Centuries in the Middle Kama Area)* Vol. III. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Viatka Archaeological Expedition) Vol. 29. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences; Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

Zbrueva, A. V. 1952. *Istoriia naseleniia Prikam'ia v anan'inskiu epokhu (History of the Population of the Kama River Region in the Ananyino Time)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Urala i Priural'ia (Materials and Research on the Archaeology of Ural and the Cis-Urals Area) Vol. V. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 30. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Zelenkov, A. S. 2022. *Kul'turogenез lesostepnogo i podtaezhnogo naseleniya Tobolo-Irtysh'ya v epokhu rannego srednevekov'ya (Cultural genesis of the forest-steppe and sub-taiga population of the Tobol-Irtysh region in the Early Middle Ages)*. Thesis of Diss. of Candidate of Historical Sciences. Tyumen (in Russian).

Zubov, S. E. 2010. In *Istoriia i pedagogika estestvoznaniia (History and Pedagogy of Natural Science)* 10. Ufa: “Gilem” Publ., 64–82 (in Russian).

Zubov, S. E., Sattarov, R. R., Tagirov, F. M. 2021. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 261–300 (in Russian).

Ivanov, V. A. 2021. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 21 (1), 89–97 (in Russian).

Ivanov, V. A. 2022. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 5, 129–139 (in Russian).

Ivanov, V. A., Protsenko, A. S. 2017. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1, 117–129 (in Russian).

Kazantseva, O. A. 2012. *Krasnoiarskii mogil'nik I–V vv. n.e. v basseine r. Tulvy Srednego Prikam'ia (Krasny Yar Burial Ground from 1st–5th cc. AD in the Tulva River Basin, Middle Kama Area)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) Vol. 24. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

Korenuk, S. N. 2000. In Belotserkovskaia, I. V. (ed.). *Arkheologicheskii sbornik. Pogrebal'nyi obriad (Archaeological Collection of Papers. Burial Rite)*. Series: Proceedings of the State Historical Museum 122. Moscow: State Historical Museum, 68–78 (in Russian).

Leshchinskaya, N. A. 2014. *Viatskii krai v p'ianoborskiu epokhu (po materialam pogrebal'nykh pamiatnikov I–V vv. n.e.) (Vyatka Area during the Pyany Bor Age: by Materials from Burial Sites of the 1st – 5th Centuries AD)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) Vol. 27. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

Ovsiannikov, V. V., Savelyev, N. S., Akbulatov, I. M., Vasilyev, V. N. 2007. *Shipovskii mogil'nik v lesostepnom Priural'e (Shipovo Burial Ground in the Cis-Urals Forest-Steppe Area)*. Ufa: “Gilem” Publ. (in Russian).

Ovsiannikov, V. V., Yaminov, A. F. 2003. In Yaminov, A. F. (ed.). *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 4. Ufa: “Gilem” Publ., 16–57 (in Russian).

Patrushev, V. S. 1984. *Mariiskii krai VII–VI vv. do n.e. (Starshii Akhmylovskii mogil'nik) (The Mari Land in 7th – 6th Centuries B.C. (Starshiy Akhmylovsky Burial Ground))*. Yoshkar-Ola: “Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ. (in Russian).

Patrushev, V. S., Khalikov, A. Kh. 1982. *Volzhskie anan'intsy (Starshii Akhmylovskii mogil'nik) (The Volga Ananyino People (The Elder Akhmylovo Burial Ground))*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Pereskokov, M. L. 2018. *Permskoe Priural'e v finale rannego zheleznogo veka (Perm Cis-Urals Region in Final Stage of the Early Iron Age)*. Perm: Perm State National Research University (in Russian).

Protsenko, A. S. 2022. *Pogrebal'nyy obryad kara-abyzskoy kul'tury kak otrazhenie sotsial'noy struktury osedlogo naseleniya Yuzhnogo Priural'ya (Burial rite of the Kara-Abyz culture as a reflection of the social structure of the settled population of the Southern Cis-Urals)*. Thesis of Diss. of Candidate of Historical Sciences. Barnaul (in Russian).

Pshenichniuk, A. Kh. 1973. In Bikbulatov, N. V., Kuzeev, R. G., Mazhitov, N. A. (eds.). *Arkheologiya i etnografiya Bashkirii (Archaeology and Ethnography of Bashkiria)* Vol. V. Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences, 162–243 (in Russian).

Smirnov, A. P. 1952. *Ocherki drevney i srednevekovoy istorii narodov Srednego Povolzh'ya i Prikam'ya (Essays on the ancient and medieval history of the Middle Volga and the Kama regions peoples)*. Series: *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in Archaeology of the USSR)* 28. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Smirnov, A. P. 1957. In Merpert, N. Ya. (ed.). *Kul'tura drevnikh plemen Priural'ya i Zapadnoy Sibiri (Culture of the Cis-Urals and Western Siberia ancient tribes)*. Series: *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in Archaeology of the USSR)* 58. Moscow: Academy of Sciences of the USSR. 5–113

Khalikov, A. Kh. 1977. *Volgo-Kam'e v nachale epokhi rannego zheleza. VIII–VI vv. do n. e. (The Volga-Kama Region in the Beginning of the Early Iron Age (8th–6th Centuries BC))*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Chizhevsky, A. A. 2008. *Pogrebal'nye pamiatniki naseleniia Volgo-Kam'ia v finale bronzovogo – rannem zheleznom vekakh (predanan'inskaia i anan'inskaia kul'turno-istoricheskie oblasti) Burial sites of the population of Volga-Kama in the Final Bronze – Early Iron Ages (pre- Ananyino and Ananyino cultural and historical areals)*. Series: *Archaeology of Eurasian Steppes*, 5. Kazan: “Shkola” Publ. (in Russian).

About the Author:

Ivanov Vladimir A. Doctor of Historical Sciences, Professor. Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmullah. October Revolution St., 3a, Ufa, 450000, Russian Federation; ivanov-sanych@inbox.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2023 г.
Статья принята к публикации 01.04.2023 г.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.2.296.309>

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КОЧЕВОГО И ОСЕДЛОГО НАСЕЛЕНИЯ В ЛЕСОСТЕПИ ПРЕДУРАЛЬЯ В САРМАТСКИЙ ПЕРИОД

© 2023 г. В.В. Овсянников

В V в. до н.э. в ходе миграции в долину р. Белой различных групп прикамского населения, при преобладании носителей постмакляшевской культуры, произошла их трансформация в кара-абызскую культуру. В результате на лесостепном правобережье р. Белой образовалось несколько центров-агломераций расселения кара-абызской культуры: южная (гафурийская), зилимская (убаларская), центральная (шиповско-охлебининская) и ряд северных центров (Уфа, Кара-Абыз, Биктимирово, Камышинка, Бирск и др.). С другой стороны, левобережье р. Белой вплоть до устья р. Демы с рубежа V–IV вв. до н.э. было доступно кочевому раннесарматскому населению. Наиболее плотное освоение номадами этой территории относится к III–II вв. до н.э. Каждая из кара-абызских групп реализовала различные модели взаимодействия с кочевыми соседями. Наиболее тесное взаимодействие с номадами прослеживается в южной и центральной вплоть до инкорпорирования кочевников в оседлую среду. Контакты зилимской и северных группировок с кочевым миром выражены значительно слабее.

Ключевые слова: археология, Предуралье, лесостепь, ранний железный век, кара-абызская культура, кочевники, миграционные процессы, модели взаимодействия.

RELATIONSHIP OF NOMADIC AND SETTLED POPULATION IN THE CIS-URAL FOREST-STEPPE ZONE IN THE SARMATIAN PERIOD

V.V. Ovsyannikov

In the 5th century BC during the migration to the Belaya River valley of different groups of the Kama population with the predominance of bearers of the post-Maklasheyevka culture, their transformation into the Kara-Abyz culture took place. As a result, on the Belaya River forest-steppe right bank several centers-agglomerations of the Kara-Abyz culture settling were formed: southern (Gafuriyskaya), Zilim (Ubalar), central (Shipovo-Okhlebinino) and a number of northern centers (Ufa, Kara-Abyz, Biktimirovo, Kamyshinka, Birsk etc). Belaya River left bank up to the estuary of the Dyoma River from the turn of the V–IV centuries BC was accessible to the nomadic early Sarmatian population. The most dense settling of this territory by nomads dates back to the III–II centuries BC. Each of the Kara-Abyz groups realized different relationship models with their nomadic neighbours. The closest interrelation with nomads can be seen in the south and central areas up to the incorporation of nomads into the settled environment. Contacts of the Zilim and northern groups with the nomadic world are traced much weaker.

Keywords: archaeology, Cis-Urals, forest-steppe, Early Iron Age, Kara-Abyz culture, nomads, migration processes, relationship models.

В результате различных миграционных процессов и под влиянием усиливающейся аридизации климата (Овсянников, 2018; Курманов и др., 2019) в среднем течении р. Белой в III в. до н. э. сложилась следующая социокультурная ситуация. На правобережье р. Белой между устьями ее притоков Уфы и Сим отмечается значительная концентрация памятников оседлого населения. Здесь выделяются три основных центра: Охлебининский, Шиповский и Акбердинский. В Охлебининский комплекс входит городище и грунтовый могильник (рис. 1: 9–10); в Шиповский – городище и курганно-грунтовый могильник

(рис. 1: 11–12); в Акбердинский – городище и два курганных могильника (рис. 1: 15–17). Эти центральные комплексы дополняются вуалью из десятков селищ с различными характеристиками культурного слоя. Уже по типу некрополей этих центров понятна их неоднородность. Охлебининский археологический комплекс включает в себя грунтовый могильник, структура и погребальный обряд которого говорит о преобладании здесь потомков ананьинской/постмакляшевской культурной традиции. В Шиповский археологический комплекс входит биритуальный некрополь, где в грунтовой части оставлены захоронения

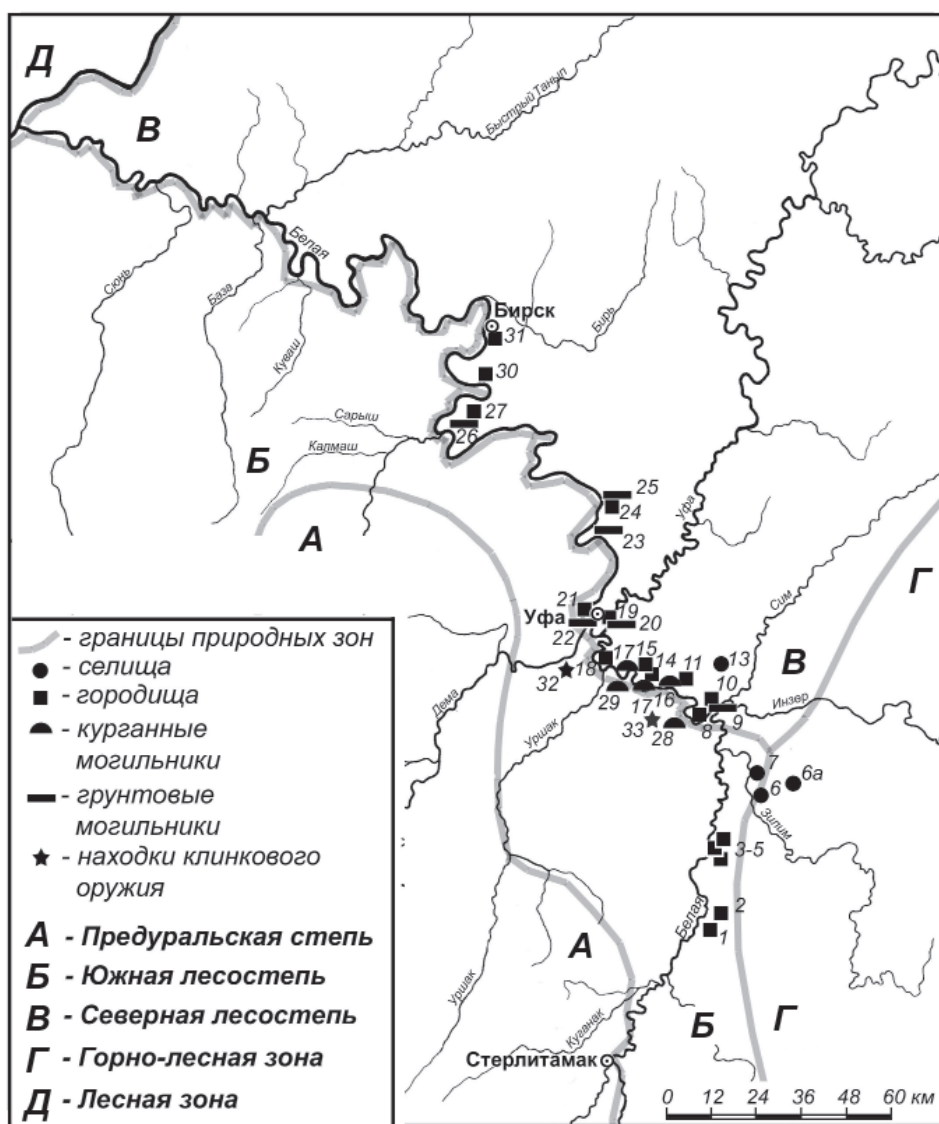

Рис. 1. Памятники III–II вв. до н.э. в лесостепном Предуралье

- 1 – Табынское городище; 2 – Воскресенское городище; 3 – Касьяновское городище; 4 – Михайловское городище; 5 – Курмантаевское городище; 6 – селище Магаш II; 6а – селище Убалар; 7 – селище Красный Зилим I; 8 – Охлебининское III городище; 9 – Охлебининский могильник; 10 – Охлебининское II городище; 11 – Шиповское городище; 12 – Шиповский курганно-грунтовый могильник; 13 – Ивано-Казанкинское II селище; 14 – Акбердинское III городище; 15 – Акбердинское II городище; 16 – Акбердинские курганы; 17 – Нагаевские курганы; 18 – Нагаевское I городище; 19 – Уфимское (Чортово) городище; 20 – Уфимский могильник; 21 – Уфимское IV городище; 22 – Ново-Уфимский могильник; 23 – могильник Турбаслы–7; 24 – городище Кара-Абыз; 25 – могильник Кара-Абыз–2; 26 – Биктимировские I–III могильники; 27 – Биктимировское городище; 28 – Бишунгаровские курганы; 29 – Старокиишкинские курганы; 30 – Камышинские I–II городища; 31 – Бирское городище; 32 – Уфимские находки; 33 – Ибрагимовские находки

Fig. 1. Sites of the III–II centuries BC in the forest-steppe Cis-Urals

- 1 – Tabynskoye hillfort; 2 – Voskresenskoye hillfort; 3 – Kasyanovskoye hillfort; 4 – Mikhailovka hillfort; 5 – Kurman-Tau hillfort; 6 – Magash II settlement; 6a – Ubalar settlement; 7 – Krasny Zilim I settlement; 8 – Okhlebinino III hillfort; 9 – Okhlebinino burial ground; 10 – Okhlebinino II hillfort; 11 – Shipovo hillfort; 12 – Shipovo barrow and subsoil burial ground; 13 – Ivano-Kazanka II settlement; 14 – Akberdino III hillfort; 15 – Akberdino II hillfort; 16 – Akberdino barrows; 17 – Nagayevo barrows; 18 – Nagayevo I hillfort; 19 – Ufa (Chortovo) hillfort; 20 – Ufa burial ground; 21 – Ufa IV hillfort; 22 – Novo-Ufa burial ground; 23 – Turbasly–7 burial ground; 24 – Kara-Abyz hillfort; 25 – Kara-Abyz–2 burial ground; 26 – Biktimirovo I–III burial grounds; 27 – Biktimirovo hillfort; 28 – Bishaul-Ungarovo barrows; 29 – Stariye Kiyeshki barrows; 30 – Kamyshinka I–II hillforts; 31 – Birsch hillfort; 32 – Ufa finds; 33 – Ibrahimovo finds

населения, родственного Охлебнинскому центру, а в курганной – наследников кочевой приуральской и лесостепной зауральской традиций. В свою очередь некрополи Акбердинского археологического комплекса демонстрируют исключительно зауральские черты.

Одновременно на противоположном, левом берегу р. Белой в непосредственной близости от центров оседлого населения исследованы два крупнейших курганных могильника, оставленных номадами, связи которых прослеживаются вплоть до Хорезма (рис. 1: 28–29).

Таким образом, на сравнительно небольшой территории одновременно бок о бок проживали носители различных культурных, хозяйственных и, скорее всего, языковых традиций. Тесные контакты этих групп населения маркируются общими предметами быта, украшений, вооружения, конской упряжи и др. (Овсянников, 2014). Широкое распространение во всех памятниках изображений в зверином стиле скифо-савроматской традиции говорит о формировании общего мировоззрения или по крайней мере общей моды.

Наиболее отчетливо это прослеживается на примере глиняной лепной посуды, в первую очередь погребальной. Для населения всех перечисленных групп общими являлись три типа сосудов: первый – круглодонные, низкогорлые, слабопрофилированные неорнаментированные горшки (рис. 2); второй – плоскодонные, среднегорлые, хорошо профилированные сосуды с богатым орнаментом (рис. 3), и третий – небольшие сосудики на ножке, нередко орнаментированные, именуемые в литературе курильницами (рис. 4). Данная посуда имеет различное происхождение. Первый тип связан с местной керамической традицией, восходящей к ананьинской посуде; второй – имеет общие корни с тальковой керамикой лесостепных культур Зауралья и номадов Приуралья; третий – является отголосками хорезмийской гончарной традиции (Савельев, 2010). Тем не менее эта разнотипная посуда встречается примерно в одинаковых пропорциях на всех памятниках указанной территории.

Этот факт является отражением тесных связей, вероятно, на уровне семейно-брачных отношений, что говорит о довольно мирном сосуществовании рассматриваемых групп населения. В пользу последнего говорит

также то, что в данном микрорайоне фиксируется наибольшая плотность памятников с материалами III–II вв. до н. э. (рис. 1). Военная напряженность вряд ли способствовала бы такой концентрации населения. Например, курганные могильники кочевников располагались в прямой видимости от городищ оседлого населения.

В пользу мирного сосуществования групп оседлого и кочевого населения Среднего Прибеля свидетельствует также обилие южных импортов в могилах оседлого населения: бронзовые зеркала, височные подвески, бусы, металлическая и гончарная посуда и др. Это также говорит об устойчивой меновой торговле между оседлой и кочевой частями этого населения. При этом как кочевое, так и оседлое (также неоднородное) население сохраняло свои погребальные традиции и хозяйственный уклад.

Такое тесное сотрудничество может предполагать и существование некоего потестарного объединения на уровне племени или союза племен. Этому мог способствовать опыт сложноорганизованной социальной жизни, имевшийся у кочевого населения – носителей «филипповской» традиции, внедрившихся в южные группы кара-абызского населения (Савельев, 2008). Последние как минимум на протяжении 1–2 поколений жили в условиях сложного или сверхсложного вожества. С другой стороны, подкочевывавшие от границ Хорезма номады, оставившие Старокиишкинские и Бишунгаровские курганы, имели представление уже о раннегосударственных отношениях. Однако уровень осмысления материала на сегодняшний момент пока не дает полной уверенности в истинности этого предположения.

Памятники среднебельской лесостепи, как правило, в литературе рассматриваются в различных дискурсах. Памятники правобережья – как южный вариант кара-абызской культуры и в этой ипостаси включены в контекст финно-пермской проблематики. Кочевнические некрополи левобережья – как северная периферия раннесарматской культуры и соответственно включены в сарматское единство. При этом в обоих дискурсах отмечается своеобразие данных памятников для своих категорий.

Лишь в последнее время начинают выходить работы, где древности Средней Белой

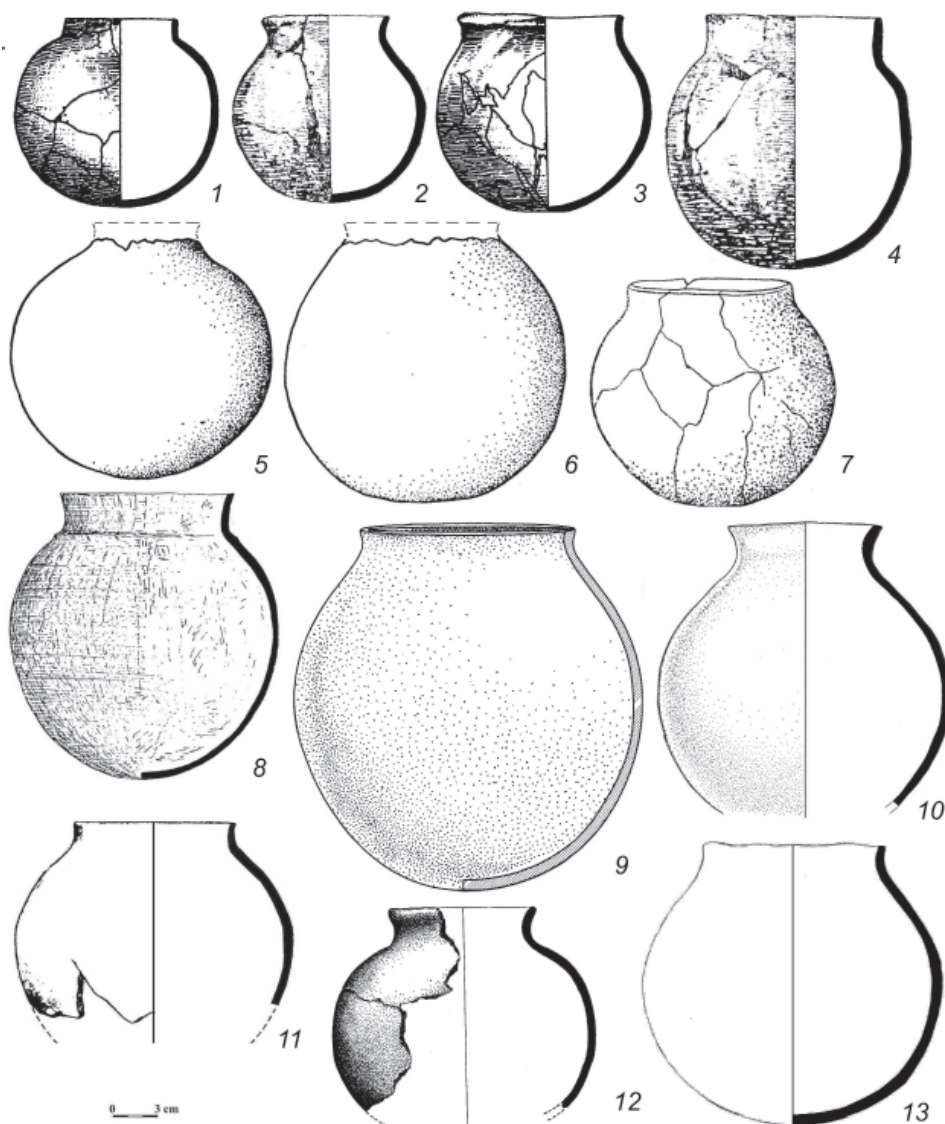

Рис. 2. Сосуды первого типа из памятников лесостепного Предуралья.

1–4 – Старокиишкинский могильник; 5–7 – Бишунгаровский могильник; 8–11 – Шиповский могильник;
12, 13 – Охлебининский могильник

Fig. 2. Ware of the first type from the sites of the forest-steppe Cis-Urals.

1–4 – Stariye Kiyeshki burial ground; 5–7 – Bishaul-Ungarovo burial ground; 8–11 – Shipovo burial ground;
12, 13 – Okhlebinino burial ground

рассматриваются в рамках общего пространства (Овсянников, 2009; Овсянников, 2014; Савельев, Яблонский, 2014). Для сарматского дискурса, ввиду масштабности материала, данная ситуация не вызывает значительных деформаций. Если не считать стабильного включения во все обобщающие работы по ранним сарматам инвентаря, заведомо не принадлежащего к сарматской традиции, но встреченного у номадов лесостепной зоны Прибеля.

В сравнении с сарматскими древностями, распространенными по всей степной полосе Европы, памятники оседлого населения лесо-

степного Прибеля не так многочисленны. До последнего времени для характеристики кара-абызской культуры применялись в основном данные с трех некрополей: Шиповского, Охлебининского и Биктимировского как наиболее представительных (Иванов, Проценко, 2017). При этом основной массив погребений происходит из Шипово и Охлебинино. В свою очередь, из этого массива большинство погребений относится к рубежу эр (II–I в. до н. э. – II–III вв. н. э.). Таким образом, все количественные и качественные характеристики кара-абызской культуры, хронологические границы которой постулируются в пределах с

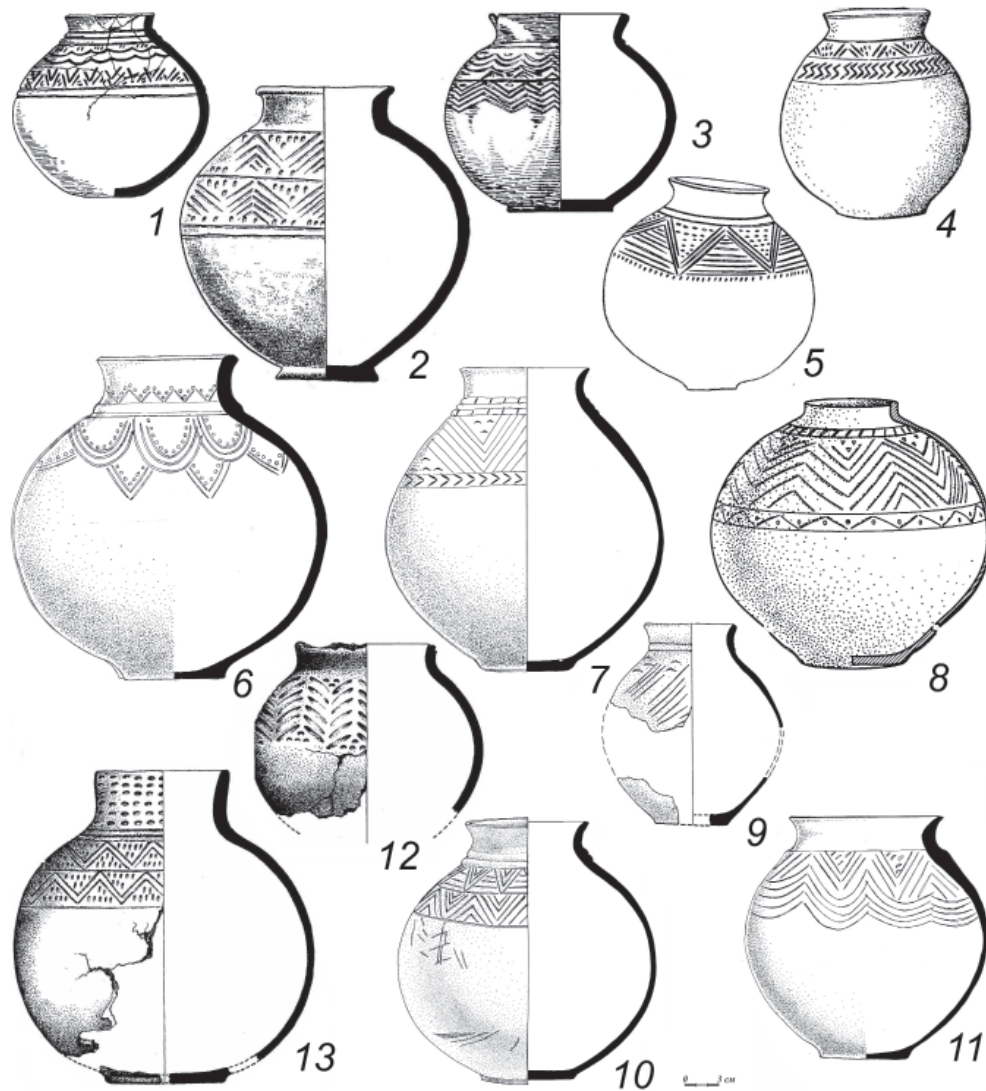

Рис. 3. Сосуды второго типа из памятников лесостепного Предуралья.

1–3 – Старокиишкинский могильник; 4, 5 – Бишунгаровский могильник; 6–11 – Шиповский могильник;
12, 13 – Охлебининский могильник

Fig. 3. Ware of the second type from the sites of the forest-steppe Cis-Urals.

1–3 – Stariye Kiyeshki burial ground; 4, 5 – Bishaul-Ungarovo burial ground; 6–11 – Shipovo burial ground;
12, 13 – Okhlebinino burial ground

рубежа V–IV вв. до н. э. по рубеж III–IV вв. н. э., определяются погребальными традициями, зафиксированными на двух некрополях в отрезок времени от рубежа II–I в. до н. э. до рубежа II–III вв. н. э. Исходя из этих данных определялась роль кара-абызского социума в целом в развитии культурных процессов в Предуралье. Тогда как в реальности использовалась информация лишь о небольшом анклаве из междуречья Уфы и Сима, к тому же подвергнутого значительным социальным деформациям благодаря притоку инокультурного населения.

А.Х. Пшеничнюком выделялись северный и южный ареалы культуры, между которыми

прослеживались некоторые отличия в материальной культуре, связанные со степенью влияния инокультурных элементов на культурогенез различных групп кара-абызского населения (Пшеничнюк, 1973; Пшеничнюк, 1988). Отмечаются также и различия в антропологических характеристиках северной и южной групп кара-абызского населения. Межгрупповое сопоставление кара-абызских краниологических серий показало, что они входят в разные субкластеры. Один образован материалами из Шиповского и Охлебининского могильников, другой – из Биктимировских I–III и Кара-Абыз-2 (Ефимова, 1991, рис. 2; Нечвалода, 2016; Лейбова, 2021, с. 120).

Одонтологическая серия из курганной части Шиповского могильника оказалась близка материалам из кочевнических групп Приуралья, Приаралья, лесостепного Алтая и северо-западного Туркестана (Лейбова, 2021, с. 123). С другой стороны, одонтологическая серия из Охлебинино продемонстрировала близость к кулайским и саргатским материалам, тогда как серия из Кара-абыз-2 оказалась близка к мазунинским сериям Прикамья (максимально близка серии из Ижевского могильника) (Лейбова, 2021, с. 123–124). В целом серии, полученные с некрополей кара-абызской культуры (Шипово, Охлебинино, Кара-абыз-2), по мнению Н.А. Лейбовой, значительно удалены от ананьинских, пьяноборских и мазунинских серий (Лейбова, 2021). Эти данные говорят о чрезвычайно пестром происхождении кара-абызской популяции и ее значительных отличиях от коренного прикамского населения.

В.Ф. Генингом была предпринята попытка обосновать выделение на материалах Среднего Прибеля рубежа эр двух археологических культур: собственно кара-абызской (на основе северных памятников) и гафурийско-убаларской (на основе южных памятников, включая памятники Гафурийского района Башкирии) (Генинг, 1988, с. 118–126). Однако это предложение не утвердилось в литературе, хотя исследователи продолжали отмечать различия северных и южных кара-абызских памятников. Это, как правило, объяснялось сильным влиянием степного сарматского населения и участия угорско-«гафурийского» населения в культурогенезе южного кара-абызского населения (Пшеничнюк, 1988). Механизм этого влияния и участия практически не раскрывался.

Новые материалы, полученные на южных памятниках кара-абызской культуры, в своей работе обобщил Н.С. Савельев, что позволило ему выдвинуть новую концепцию происхождения так называемого убаларского типа (Савельев, 2017). С учетом этих данных сейчас можно говорить не только о южном и северном вариантах, но о нескольких территориальных группах кара-абызского населения, имеющих различия в материальной культуре, погребальных традициях, хозяйстве и хронологических рамках бытования.

Наиболее южная группировка расположена в зоне южной лесостепи Бельского правобережья (рис. 1: 1–5). Памятники здесь распо-

ложены вблизи коренной террасы р. Белой, большая часть из них хорошо укреплена, что говорит о беспокойной обстановке на фронтире степь – лесостепь. Характерной особенностью группы является большое количество находок металлических изделий и следов металлургического и металлообрабатывающего производства (Воробьева, 2019). Последнее позволяет говорить о существовании в пределах этой группы металлургического центра, который привлекал к границам лесостепи в том числе и кочевое население. Здесь известны пока только поселенческие памятники, где зафиксирована наиболее ранняя кара-абызская керамика, близкая постмаклашеевской посуде Прикамья. Находки, сделанные при раскопках, позволяют отнести появление этой группы к рубежу V–IV вв. до н. э. (Юсупов, 1959; Троицкая, 1959; Пшеничнюк, 1983). В IV в. до н. э. в эту группу раннекара-абызского населения внедряются носители «гафурийской» керамики, связанные своим происхождением с кочевниками Приуралья. В рамках этой территориальной группы фиксируются наиболее тесные контакты между оседлым и кочевым населением, результатом которых стало формирование поселений со смешанной материальной культурой. Верхняя дата этих памятников пока остается открытой.

В долине р. Зилим локализуется еще одна группа памятников, связанная с кара-абызским населением (рис. 1: 6–7). Здесь также фиксируется раннекара-абызская керамика (селища Красный Зилим, Магаш-3 и пещерная стоянка Имендяшевская (Сизякуй)). На этих памятниках преобладала традиция изготовления керамики с примесью песка, на базе которой сформировалась посуда убаларского типа (Савельев, 2017). Памятники данной группы демонстрируют гомогенность и минимальное влияние раннесарматской кочевой традиции на их материальную культуру. В отличие от южной группировки памятники Зилимской (убаларской) группы расположены на удалении от р. Белой и концентрируются у границы горнолесной зоны. Тесные контакты с кочевым населением здесь начинают фиксироваться лишь в позднесарматское время, когда часть номадов переселяется в правобережную Бельскую лесостепь, где оставляет некрополи III–IV вв. н. э. со смешанной материальной культурой (Салихово, Дербенево, Ахмерово, Нижнеарметово, Камбулатово).

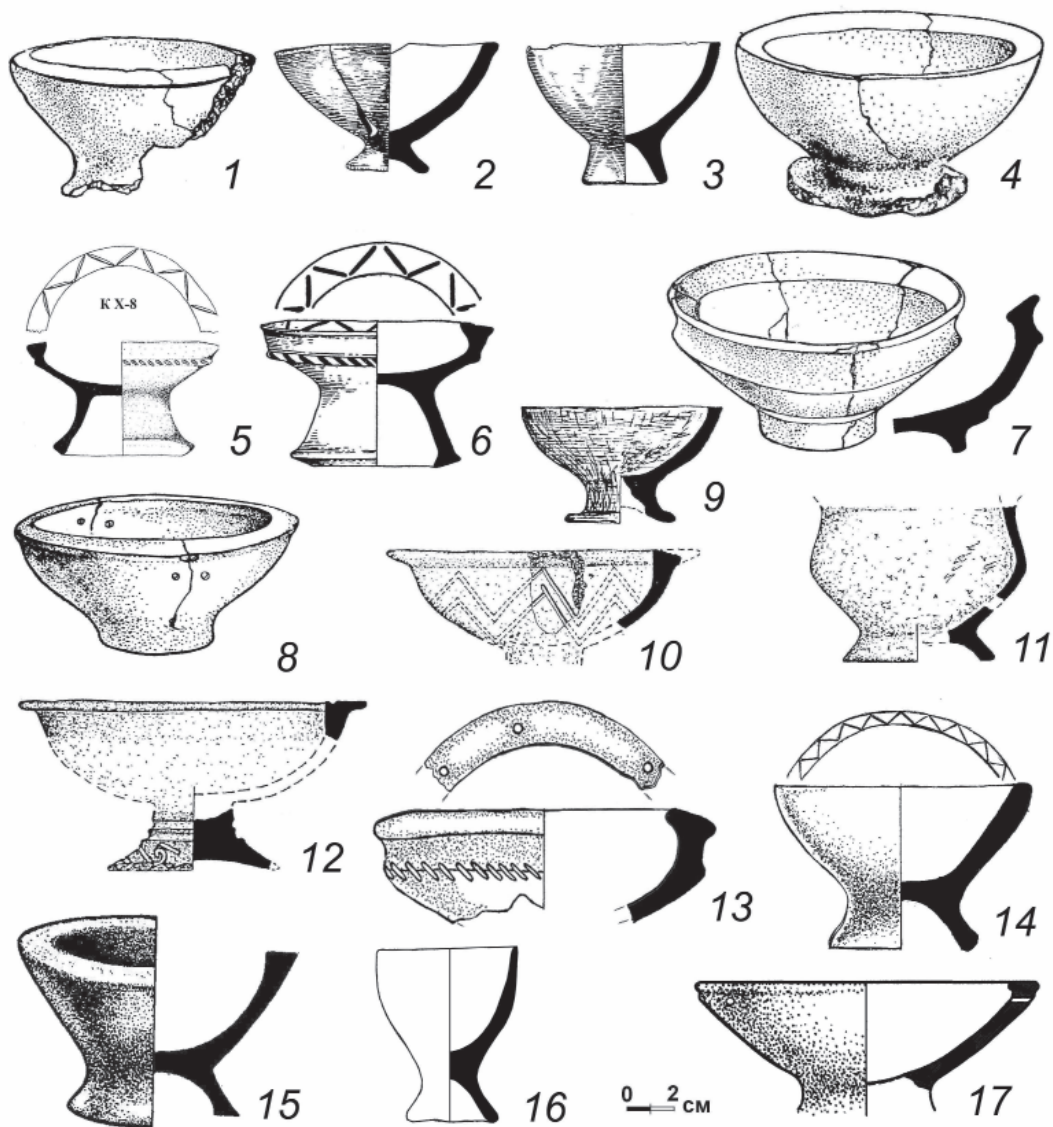

Рис. 4. Сосуды третьего типа из памятников лесостепного Предуралья.

1, 4, 7, 8 – Бишунгаровский могильник; 2, 3, 5, 6, – Старокиишкинский могильник;
9–14, 17 – Шиповский могильник; 15, 16 – Охлебнинский могильник

Fig. 4. Ware of the third type from the sites of the forest-steppe Cis-Urals.

1, 4, 7, 8 – Bishaul-Ungarovo burial ground; 2, 3, 5, 6, – Stariye Kiyeshki burial ground;
9–14, 17 – Shipovo burial ground; 15, 16 – Okhlebinino burial ground

Как уже упоминалось выше, в междуречье Уфы и Сима концентрируется значительное количество памятников кара-абызской культуры. Эта группа занимает центральное положение в ареале культуры (рис. 1: 8–18). Среди поселений этой группы, расположенных по краю коренной террасы Белой, значительное число хорошо укреплены и маркируют собой линию фронта лесостепь – степь. В глубине территории все поселения не имеют укреплений, что характеризует их «тыловое» расположение. Население, входящее в эту группу, представляло различные культурные традиции. Здесь фиксируются значительные соци-

окультурные трансформации, что привело к формированию своеобразного смешанного анклава. В этом процессе активное участие принимает также значительная группа кочевого населения, оставившая на левобережье курганные могильники Бишунгарово и Старые Киешки. По нашему мнению, на этом этапе можно говорить о сложении в этом микрорайоне некой потестарной организации, свидетельством чего является высокая концентрация памятников, а также схожесть погребального инвентаря и элементов погребальных традиций как в могильниках оседлого, так и кочевого населения.

Основой такой тесной интеграции могла выступить меновая торговля. При которой номады, имевшие связи с ремесленными центрами Хорезма, являлись поставщиками предметов престижа (украшений, оружия, посуды и др.). Со своей стороны оседлое население могло предложить пушнину, воск и другие продукты, характерные для лесных и горнолесных угодий. Аналогичная ситуация сложилась, например, в Зауралье в саргатское время (Матвеева, 2000).

Мирному сосуществованию также могло способствовать то, что оседлые и кочевые группы занимали различные экологические ниши. Оседлое – правобережную лесостепь с преобладанием широколиственных лесов, кочевое – левобережную лесостепь с остепенной растительностью (Почвы Башкортостана, 1997, с. 49–54, рис. 7). Немаловажную роль также мог играть и фактор военного паритета. С одной стороны, подвижное конное войско, поголовно вооруженное луками и клинковым оружием, с другой – лучники и копейщики, защищенные дерево-земляными укреплениями городищ. Бесперспективность военной конфронтации могла привести данные социумы к консенсусу.

Исследованиями последних лет были получены новые материалы как с центральных, так и северных некрополей кара-абызской культуры. Исследования Шиповского и Охлебининского могильников показали, что данные некрополи непрерывно функционировали с IV в. до н. э. по рубеж III–IV вв. н. э. (Овсянников и др., 2007). Раскопки на Ново-Уфимском, Биктимировском II, Кара-Абыз-2 и Турбаслы-7 могильниках северного ареала кара-абызской культуры показали отсутствие материалов позднее рубежа эр (Овсянников, 2021; Щербаков и др., 2020; Савельев, 2015). Аналогичная картина была зафиксирована еще при исследовании Биктимировских I и III могильников в 60-х гг. XX в., но тогда данная ситуация объяснялась недостаточной исследованностью памятников (Пшеничнюк, 1964; Агеев, 1992, с. 105). Новые материалы однозначно указывают, что северные некрополи кара-абызской культуры перестали функционировать на рубеже I в. до н. э. – I в. н. э.

Таким образом, к культурным и антропологическим различиям добавляется асинхронность памятников центрального и северного ареалов кара-абызской культуры. Из этого

следует, что все выводы о социокультурных процессах в Среднем Прибелье необходимо пересматривать.

Имеющиеся на сегодняшний момент данные позволяют предполагать следующее. В период IV–II вв. до н. э. на правобережье р. Белой функционируют грунтовые некрополи (с севера на юг): Биктимировские I–III, Кара-Абыз-2, Турбаслы-7, Уфимский, Ново-Уфимский и Охлебининский. Суммарно материалы этих некрополей еще не рассматривались, но в первом приближении эти могильники довольно схожи и могут быть объединены в ранний этап кара-абызской культуры (возможно, более подробный анализ и выявит какие-то различия). Эта культурная традиция, получившая импульс благодаря постмаклашеевской миграции, продолжала развиваться в Среднем Прибелье до рубежа I в. до н. э. – I в. н. э.

К рубежу эр ситуация меняется. Как уже упоминалось выше, перестают заполняться некрополи северных кара-абызских групп. Прекращаются захоронения в Старокиишкинском и Бишунгаровском могильниках. Забрасываются памятники Акбердинского центра. Причины этих изменений пока нам не известны.

В центральной группе Охлебининский и Шиповский центры после рубежа эр демонстрируют рост населения. В этот период закладываются новые некрополи (Юрмашевский могильник). Отмечается снижение количества и качества импортных изделий. Качественно меняется звериный стиль, в искусстве остается только изображение медведя. Связи с кочевым миром ослабевают, но тем не менее сохраняются. Об этом говорит немногочисленный южный импорт.

Правобережье среднего течения р. Белой к северу от Шиповско-Охлебининской агломерации, вероятно, заустевает. Памятников начала эры здесь не выявлено. Фактически в начале новой эры только Шиповский и Охлебининский центры продолжают поддерживать кара-абызские традиции в Среднем Прибелье.

Параллельно этим процессам в низовьях Белой начинают формироваться новые центры оседлого населения, объединяемые в пьяноборскую культуру. Ранние пьяноборские некрополи закладываются на неосвоенных участках в «археологическом измерении» практически одновременно. Погребальных памятников с предшествующей пьяноборской

традицией здесь не зафиксировано. Это может трактоваться только как одновременное переселение нескольких групп нового оседлого населения на незанятую территорию.

В период преобладания в Урало-Поволжской археологии эволюционистской парадигмы пьяноборская культура рассматривалась как звено в непрерывной цепочке культур от «ананьино» к «мазунино» и далее к средневековым культурам Прикамья, вплоть до современных финно-пермских народов. В этом ключе кара-абызская культура воспринималась как некая аномалия, нарушавшая стройный эволюционный процесс. С этой точки зрения, она и рассматривалась В.Ф. Генингом. Отсюда его попытка расчленить культуру, отделив от нее, на его взгляд, инородные элементы и включить «чистый кара-абыз» в эволюционную линейку, заполнив тем самым разрыв между ананьинскими и пьяноборскими древностями (Генинг, 1988, с. 57–63).

С другой стороны, Б.Б. Агеев, придя к выводу, что самые ранние пьяноборские комплексы появились в низовьях Белой только к концу II в. до н. э., существенно усилил позиции сомневающих в непрерывности развития прикамских культур (Агеев, 1992, с. 79). Он же высказал мысль о причастности кара-абызского населения к происхождению пьяноборской культуры (Агеев, 1992, с. 102–106). В.А. Иванов, используя статистико-математическую методику, также пришел к выводу о возможной генетической преемственности кара-абызского и пьяноборского населения (Иванов, 1985, с. 96).

На тот момент (рубеж 80–90-х гг. XX в.) у исследователей не оказалось достаточной источниковой базы для развития своих концепций. В настоящее время новый материал позволяет вернуться к этим незаслуженно подзабытым гипотезам. В первую очередь обращает на себя внимание почти синхронное прекращение функционирования северных кара-абызских некрополей и закладка новых пьяноборских. Эти процессы укладываются в довольно узкий период конца II – начала I вв. до н. э. Если выявлять происхождение пьяноборской погребальной традиции, то её необходимо сравнивать уже не со всем массивом исследованных кара-абызских комплексов (где, как было показано выше, большую часть будут составлять комплексы с позднекара-абызскими чертами), а только с погре-

бениями предшествующего пьяноборскому периоду этапа, желательнее наиболее близкого хронологически. Это могут быть погребения III–II вв. до н. э., исследованные как на Охлебининском, так и на северных кара-абызских некрополях (Уфимский, Ново-Уфимский, Турбаслы-7, Кара-Абыз-2, Биктимирово I–III). Возможно, при этом получит объяснение наличие в пьяноборском обряде «архаичных» ананьинских черт, не сохранившихся в позднекара-абызских комплексах.

Таким образом, в первые века нашей эры в Прибелье функционируют два культурных очага расселения оседлого населения, продолжающих ананьинские/постмаклашеевские традиции, но развивающиеся уже самостоятельно. Первый в низовьях рек Белой и Ика, получивший в литературе определение как «пьяноборская культура», и второй – на правом берегу среднего течения р. Белой, за которым закрепилось название «кара-абызская культура», хотя правильнее, на наш взгляд, называть его «позднекара-абызская культура». Оба культурных формирования сохраняют родственные черты, в первую очередь это прослеживается в мировоззрении (Овсянников, Зубов, 2022). Прослеживаются также определенные контакты, отражающие не очень интенсивные семейно-брачные отношения.

Можно наметить также ряд отличий. В первую очередь исследователями отмечается большая представительность воинских комплексов и четкая структура наборов оружия и конского снаряжения в позднекара-абызской культуре, близкая к кочевнической паноплии (Иванов, 1984, с. 84–85; Зубов, 2012, с. 123). С другой стороны, пьяноборские воинские комплексы выглядят более бессистемно, хотя в них чаще встречаются мечи, практически отсутствующие в кара-абызских некрополях (Иванов, 1984, с. 84–85).

Различны и источники поступления импорта в ареалы пьяноборской и позднекара-абызской культур. Для первого характерны импорты римской металлической посуды, фибул и ременной гарнитуры, поступающих Волжским путем из лесостепного Поднепровья (возможно) через лесостепь Поочья и Посурья. Благодаря этому торговому пути пьяноборское Прикамье становится центром производства как дериватов римской ременной гарнитуры и фибул, так и оригинальных

бронзовых украшений. «Вуаль» моды на пьяноборские формы украшений простирается от Поочья до устья Оби.

Позднекара-абызское население сохраняет южные связи с кочевым миром и продолжает получать оттуда образцы бронзовых украшений, фибул и ременной гарнитуры. В позднесарматское время эти связи усиливаются, что связано с выдвиганием поздних сармат на север Предуралья ближе к ареалу «кара-абыза». Шиповский некрополь при этом демонстрирует сохранение импульса кочевых погребальных традиций, полученных в IV–III вв. до н. э. Это выражается в делении могильника на грунтовую и курганную части до рубежа III–IV вв. н. э. при полной идентичности погребального инвентаря.

Погребения продолжают совершаться на Охлебининском некрополе до III в. н. э., в Шиповском – до середины IV в. н. э. Финал пьяноборских древностей в низовьях Белой наступает несколько раньше. Наиболее поздние погребения здесь встречены в Ново-Сасыкульском могильнике и датируются не позднее II в. н. э.

Заключение. Археологические материалы, полученные в последнее время, позволяют выделить в ареале кара-абызской культуры несколько групп памятников, имеющих различия в культуругенезе, хронологии и пространственном расположении. Также эти группы различаются по степени интенсивности контактов с кочевым населением.

Основой для всех групп являются памятники с раннекара-абызской керамической традицией, возникшие в результате миграции постмаклашеевских групп в лесостепную зону Прибелья в V в. до н. э. Наиболее ранние контакты с кочевым населением были установлены в южной группе раннекара-абызских памятников. В результате переселения части номадов на правобережье Белой здесь сложился «гафурийских тип» памятников со смешанными культурными традициями.

В долине р. Зилим на базе раннекара-абызского населения складывается «убаларский тип» памятников. Эта часть населения проживала в некоторой изоляции в горно-лесной зоне и испытывала минимальное влияние со стороны номадов в раннесарматское время. Кочевники лишь в первые века нашей эры начали проникать в южную часть Бельского правобережья, что привело к некоторой

интенсификации контактов между оседлыми и кочевыми группами.

В междуречье правых притоков Белой – Сима и Уфы – складывается центральная группировка кара-абызской культуры. Наиболее многочисленная и образовавшаяся на базе раннекара-абызской группы и миграции части гафурийского и зауральского населения, эта группировка имела тесные контакты с раннесарматским кочевым населением, что позволяет предполагать сложение здесь в III–II вв. до н. э. некоей потестарной структуры.

В северном ареале кара-абызской культуры между устьями рек Уфы и Бири оформляется несколько центров, которые маркируются городищами Уфа IV, Кара-Абыз, Биктимирово, Камышинка I, Бирск. Эта часть кара-абызского населения испытывает минимальное влияние кочевого мира, в основном опосредовано через центральную группу.

К рубежу эр происходит ряд значительных изменений в кара-абызском ареале. В результате откочевки основной массы номадов от границ центральной группы её связи с кочевым миром ослабевают. В северном ареале перестают функционировать все известные некрополи. Одновременно в низовьях Белой закладываются новые могильники, относящиеся к раннепьяноборской традиции, что ставит вопрос о генетической связи северного кара-абызского и раннепьяноборского населения.

Таким образом, на фронтире степь – лесостепь в сравнительно небольшом Бельском регионе фиксируется несколько моделей взаимодействия оседлого и кочевого населения. Модель инкорпорации кочевников в оседлую среду в результате климатических катаклизмов демонстрируют южная (гафурийская) и центральная группы кара-абызской культуры. Модель тесного взаимодействия на уровне торговых, семейно-брачных и, возможно, потестарных связей при сохранении этнокультурной идентичности – центральная группа. Модель слабых опосредованных контактов с номадами демонстрируют зилимская (убаларская) и северные группировки кара-абызского населения. Первая – в силу изолированности в горно-лесной зоне (возможно, как сознательно выбранной стратегии выживания), вторая – по причине либо удаленности от территории, освоенной номадами (что маловероятно), либо в результате посредничества/

противодействия со стороны сложившегося союза центральной кара-абызской группировки и бельской группы кочевников. Последующая миграция северного кара-абызского населения в Нижнее Прибелье могла быть вызвана как потребностью установления самостоятельных путей сбыта продуктов из своих угодий и получения за них импортов, так и давлением со стороны союзных сил южных соседей.

Фиксация нескольких моделей взаимодействия кочевого и оседлого населения на такой сравнительно небольшой территории, как Бельский регион, обусловлено разнообразием природных ландшафтов, создающих различные экологические ниши, которые позволяют реализовывать разные стратегии взаимодействия как между природой и социумами, так и между социумами.

ЛИТЕРАТУРА

- Агеев Б.Б.* Пьяноборская культура. Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. 140 с.
- Воробьева С.Л.* Металлообработка эпохи раннего железа по материалам исследований металлургического комплекса горы Курмантау в Гафурийском районе Республики Башкортостан // SCYTHIAet-SARMATIA / Отв. ред. А.А. Малышев. М.: МАКС Пресс, 2019. С. 341–351.
- Генинг В.Ф.* Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры (пьяноборская эпоха III в. до н. э. – II в. н. э.). М.: Наука, 1988. 240 с.
- Ефимова С.Г.* Палеоантропология Поволжья и Приуралья. М.: МГУ, 1991. 95 с.
- Зубов С.Э.* О военной структуре среднебельских племен раннего железного века (по материалам Охлебининского могильника) // УАВ. 2012. Вып. 12. С. 108–123.
- Иванов В.А.* Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа (I тыс. до н.э. – первая половина I тыс. н.э.). М.: Наука, 1984. 88 с.
- Иванов В.А.* О времени функционирования могильников эпохи раннего железа в Приуралье // Древности Среднего Поволжья / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Куйбышев: Куйбышевский гос. университет, 1985. С. 85–99.
- Иванов В.А., Проценко А.С.* Погребальный обряд как индикатор генетической преемственности культур эпохи раннего железного века Прикамья и Предуралья // Археология Евразийских степей. 2017. № 1. С. 117–129.
- Курманов Р.Г., Овсянников В.В., Савельев Н.С., Галеев Р.И.* Реконструкция растительности и климата Южного Предуралья в суббореале и субатлантике (по материалам памятников кара-абызской культуры) // Геологический вестник. 2019. №1. С. 35–44.
- Лейбова Н.А.* Население кара-абызской культуры Южного Приуралья по данным одонтологии // УАВ. 2021. Т. 21, № 1. С. 118–127.
- Матвеева Н.П.* Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке (лесостепная и подтаежная зоны). Новосибирск: Наука, 2000. 399 с.
- Нечвалода А.И.* Палеоантропология кара-абызской культуры южного Приуралья // Тезисы XVII Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции: «Восток и Запад: проблемы синхронизации этнокультурных взаимодействий», посвященной 110-летию В.Н. Чернецова, 110-летию Г.Ф. Дебеца, 115-летию А.П. Дульзона (20–22 апреля 2016 г., Томск, Россия)
- Овсянников В.В.* Опыт выделения зон активного взаимодействия оседлого и кочевого населения Предуралья в савромато-сарматскую эпоху // УАВ. Вып. 9 / Ред. Г.Н. Гарустович. Уфа: Гилем, 2009. С. 144–156.
- Овсянников В.В.* Общие элементы в погребальном обряде и инвентаре населения кара-абызской культуры и сармат лесостепи Южного Предуралья (по материалам Шиповских, Старо-Кишишских и Бишунгаровских курганов) // Сарматы и внешний мир. Материалы VIII Всероссийской научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» (12–15 мая 2014 г.) / УАВ. Вып. 14. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014.. С. 168–177.
- Овсянников В.В.* Естественно-научные исследования культурного слоя поселений Прибелья эпохи раннего железа // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева, Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. 8–11 октября 2018 г. / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: СГСПУ; Порто-принт, 2018. С. 232–234.

Овсянников В.В. Биктимировский II могильник // Археология Евразийских степей. 2021. № 2. С. 191–206.

Овсянников В.В., Зубов С.Э. Новые находки с изображением медведя из Кипчаковского археологического комплекса (лесостепное Предуралье) // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2022. № 1 (56) С. 37–47.

Овсянников В.В., Савельев Н.А., Акбулатов И.М., Васильев В.Н. Шиповский могильник в лесостепном Приуралье. Уфа: Гилем, 2007. 166 с.

Хазиев Ф.Х., Рамазанов Р.Я., Мукатанов А.Х., Габбасова И.М., Хамидуллин М.М., Хабиров И.К. Почвы Башкортостана. Т. 2: Воспроизводство плодородия: зонально-экологические аспекты. Уфа: Гилем, 1997. 328 с.

Пшеничнюк А.Х. Кара-абызская культура (население Центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // АЭБ. Т. V / Под ред. Н.В. Бикбулатова, Р.Г. Кузеева, Н.А. Мажитова. Уфа: ИИЯЛ БФАН СССР, 1973. С. 162–243.

Пшеничнюк А.Х. Новые материалы с поселений Гафурийского района // Поселения и жилища древних племен Южного Урала / Отв. ред. А.Х. Пшеничнюк, В.А. Иванов. Уфа: БФАН СССР, 1983. С. 77–103.

Пшеничнюк А.Х. Об угорском компоненте в культурах Приуралья эпохи раннего железа // Проблемы древних угров на Южном Урале / Отв. ред. А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БНЦ УрО АН СССР, 1988. С. 5–9.

Савельев Н.С. Происхождение гафурийского комплекса лесостепи Южного Приуралья середины – второй половины I тысячелетия до н.э. // Ранние кочевники Волго-Уральского региона / Отв. ред. Л.Т. Яблонский. Оренбург: ОГПУ, 2008. С. 116–136.

Савельев Н.С. Керамические импорты кара-абызской культуры: их происхождение, контекст и датирующие возможности // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий / МИАР. Вып. 13 / Отв. ред. М.М. Герасимова, В.Ю. Малашев, М.Г. Мошкова. М.: Таус, 2010. С. 299–322.

Савельев Н.С. Некрополь городища Кара-Абыз: хроника выявления, научного изучения и разграбления // Известия Археологического общества Республики Башкортостан. Вып. 1 (2) / Отв. ред. С.Л. Воробьева. Уфа, 2015. С. 14–15.

Савельев Н.С. О происхождении убаларского культурного типа в лесостепи Южного Приуралья // УАВ. 2017. Вып. 17. С. 18–38.

Савельев Н.С., Яблонский Л.Т. Степь и лесостепь на начальном этапе раннесарматской культуры Южного Приуралья // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей. Вып. 20. / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 478–504.

Троицкая Т.Н. Раскопки Михайловского городища в Башкирии // Башкирский археологический сборник / Ред. А.П. Смирнов, Р.Г. Кузеев. Уфа: БФАН СССР ИИЯЛ, 1959. С. 88–96.

Щербаков Н.Б., Овсянников В.В., Шутелева И.А. Ярусные захоронения Ново-Уфимского могильника кара-абызской культуры: феномен или ранее не выявленная особенность // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. Т. II / Ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Мочалов. Самара: СГСПУ, 2020. С. 136–137.

Юсупов В.Г. Древнейшие поселения Гафурийского района БАССР // Башкирский археологический сборник / Ред. А.П. Смирнов, Р.Г. Кузеев. Уфа: БФАН СССР ИИЯЛ, 1959. С. 58–87.

Информация об авторе:

Овсянников Владимир Владиславович, кандидат исторических наук, заведующий отделом, Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН (г. Уфа, Россия); atliural@yandex.ru

REFERENCES

Ageev, V. B. 1992. *P'ianoborskaja kul'tura (The Pyany Bor Culture)*. Ufa: Bashkir Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Vorob'eva, S. L. 2019. In Malyshev, A. A. (ed.). SCYTHIAetSARMATIA. Moscow: "MAKS Press" Publ., 341–351 (in Russian).

Gening, V. F. 1988. *Etnicheskaia istoriia Zapadnogo Priural'ia na rubezhe nashei ery (p'ianoborskaia epokha III v. do n. e. – II v. n. e.) (Ethnic History of the Western Cis-Urals at the Turn of the Millennium (the Pyany Bor Period of the 3rd c. B.C. – 2nd c. A.D.))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Efimova, S. G. 1991. *Paleoantropologiia Povolzh'ia i Priural'ia (Paleoanthropology of the Volga Region and the Cis-Urals)*. Moscow: Moscow State University Publ. (in Russian).

Zubov, S. E. 2012. *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* (12), 108–123 (in Russian).

Ivanov, V. A. 1984. *Vooruzhenie i voennoe delo finno-ugrov Priural'ia v epokhu rannego zheleza (I tys. do n.e. – pervaiia polovina I tys. n.e.) (Armament and Warfare of the Finno-Ugrians of the Cis-Urals in the Early Iron Age (1st Millennium B.C. – first half of 1st Millennium A.D.))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Ivanov, V. A. 1985. In Matveeva, G. I. (ed.). *Drevnosti Srednego Povolzh'ia (Antiquities of the Middle Volga Area)*. Kuybyshev: Kuybyshev State University, 173–178 (in Russian).

Ivanov, V. A., Protsenko, A. S. 2017. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1, 117–129 (in Russian).

Kurmanov, R. G., Ovsyannikov, V. V., Savel'ev, N. S., Galeev, R. I. 2019. In *Geologicheskii vestnik (Geological Bulletin)* (1), 35–44 (in Russian).

Leibova, N. A. 2012. *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 21 (1), 118–127 (in Russian).

Matveeva, N. P. 2000. *Sotsial'no-ekonomicheskie struktury naseleniya Zapadnoy Sibiri v rannem zheleznom veke (lesostepnaya i podtaezhnaya zony) (Social and Economic Structures of the Population of Western Siberia in the Early Iron Age (Forest-Steppe and Sub-Boreal Forest Areas))*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Nechvaloda, A. I. 2016. In *Tezisy XVII Mezhdunarodnoy Zapadnosibirskoy arkheologo-etnograficheskoy konferentsii: «Vostok i Zapad: problemy sinkhronizatsii etnokul'turnykh vzaimodeystviy», posvyashchennoy 110-letiyu V.N. Chernetsova, 110-letiyu G.F. Debetsa, 115-letiyu A.P. Dul'zona (20–22 aprelya 2016 g., Tomsk, Rossiya) (Abstracts of papers presented at the XVII International West Siberian archaeological and ethnographic conference: "East and West: problems of synchronization of ethnic-cultural interactions", dedicated to the 110th anniversary of V.N. Chernetsov, 110th anniversary of G.F. Debets, 115th anniversary of A.P. Dulzon (April 20–22, 2016, Tomsk, Russia))* (in Russian).

Ovsyannikov, V. V. 2009. In Garustovich, G. N. (ed.). *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 9, 144–156 (in Russian).

Ovsyannikov, V. V. 2014. In Yablonsky, L. T., Savel'ev, N. S. (eds.). *Sarmaty i vneshnii mir (Sarmatians and the External World)*. Series: *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 14. Ufa: Russian Academy of Sciences, Urals Scientific Center, Institute for History, Language, and Literature, 168–177 (in Russian).

Ovsyannikov, V. V. 2018. In Vybornov, A. A. (ed.). *XXI Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie (21st Urals Archaeological Congress)*. Samara: "Samara State University of Social Sciences and Education", "Porto-Print" Publ., 232–234. (in Russian).

Ovsyannikov, V. V. 2021. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 191–206 (in Russian).

Ovsyannikov, V. V., Zubov, S. E. 2022. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya «Istoriia» (Bulletin of the Perm University. History Series)* 56 (1), 37–47 (in Russian).

Ovsyannikov, V. V., Savel'ev, N. S., Akbulatov, I. M., Vasil'ev, V. N. 2007. *Shipovskii mogil'nik v lesostepnom Priural'e (Shipovo Burial Ground in the Cis-Urals Forest-Steppe Area)*. Ufa: "Gilem" Publ. (in Russian).

Khaziev, F. Kh., Ramazanov, R. Ya., Mukatanov, A. Kh., Gabbasova, I. M., Khamidullin, M. M., Khabirov, I. K. *Pochvy Bashkortostana. T. 2: Vosproizvodstvo plodorodiya: zonal'no-ekologicheskie aspektya (Soils of Bashkortostan. Vol. 2: Reproduction of fertility: zonal and ecological aspects)*. Ufa: "Gilem" Publ. (in Russian).

Pshenichniuk, A. Kh. 1973. In Bikbulatov, N. V., Kuzeev, R. G., Mazhitov, N. A. (eds.). *Arkheologiia i etnografiia Bashkiri (Archaeology and Ethnography of Bashkiria)* V. Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences, 162–243 (in Russian).

Pshenichnyuk, A. Kh. 1983. In Pshenichnyuk, A. Kh., Ivanov, V. A. (eds.). *Poseleniia i zhilishcha drevnikh plemen Iuzhnogo Urala (Settlements and Dwellings of the Ancient Tribes of the Southern Ural)*. Ufa: Bashkirian Branch of the Academy of Sciences of the USSR, 77–103 (in Russian).

Pshenichiuk, A. Kh. 1988. In Pshenichiuk, A. Kh. (ed.). *Problemy drevnikh ugrov na Iuzhnom Urale (Issues of the Ancient Ugric Peoples in the Southern Urals)*. Ufa: Bashkir Scientific Center, Ural Branch of the Academy of Sciences of the USSR, 5–9 (in Russian).

Savel'ev, N. S. 2008. In Yablonsky, L. T. (ed.). *Rannie kochevniki Volgo-Ural'skogo regiona (Early Nomads of the Volga-Ural Region)*. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 116–136 (in Russian).

Savel'ev, N. S. 2010. In Gerasimova, M. M., Malashev, V. Yu., Moshkova, M. G. (eds.). *Arkheologiya i paleoantropologiya evraziiskikh stepei i sopredel'nykh territorii (Archaeology and Paleoanthropology of Eurasian Steppes and Adjacent Territories)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Rossii (Materials and Studies in the Russian Archaeology) 13. Moscow: "Taus" Publ., 299–322 (in Russian).

Savel'ev, N. S. 2015. In Vorob'eva, S. L. (ed.). *Izvestiia Arkheologicheskogo obshchestva Respubliki Bashkortostan (Bulletin of the Archaeological Society of the Republic of Bashkortostan)* 2 (1). Ufa, 14–15 (in Russian).

Savel'ev, N. S. 2017. *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 17, 18–38 (in Russian).

Savel'ev, N. S., Yablonsky, L. T. 2014. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Anan'inskii mir: istoki, razvitie, svyazi, istoricheskie sud'by (The World of Ananyino: Origins, Evolution, Relations, Historical Fate)*. Series: Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 20. Kazan: "Otechestvo" Publ., 478–504 (in Russian).

Troitskaya, T. N. 1959. In Smirnov, A. P., Kuzeev, R. G. (eds.). *Bashkirskiy arkheologicheskii sbornik (Bashkir Archaeological Collection of Papers)*. Ufa, 88–96 (in Russian).

Shcherbakov, N. B., Ovsyannikov, V. V., Shuteleva, I. A. 2020. In Derevianko, A. P., Makarov, N. A., Mochalov, O. D. (eds.). *Trudy VI (XXII) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Samare (Proceedings of the 6th (22nd) All-Russian Archaeological Congress at Samara)* Vol. II. Samara: Samara State Social and Pedagogical University, 136–137 (in Russian).

Yusupov, V. G. 1959. In Smirnov, A. P., Kuzeev, R. G. (eds.). *Bashkirskiy arkheologicheskii sbornik (Bashkir Archaeological Collection of Papers)*. Ufa, 58–87 (in Russian).

About the Author:

Ovsyannikov Vladimir V. Candidate of Historical Sciences, Institute for History, Language and Literature, Ufa Scientific Center, Russian Academy of Sciences. Oktyabrya Av., 71, Ufa, 450054, the Republic of Bashkortostan, Russian Federation; atliural@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2023 г.
Статья принята к публикации 01.04.2023 г.

УДК 902/904 902.64 903.222

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.2.310.325>

К ВОПРОСУ О РАННЕЙ ДАТЕ ПЬЯНОБОРСКИХ ПАМЯТНИКОВ. Ч. 4-2: БРОНЗОВЫЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ

© 2023 г. А.А. Красноперов

Статья продолжает цикл публикаций, обсуждающих основания датировки начала пьяноборской культуры в Прикамье в двух аспектах: во-первых, на чем основаны утверждения о начале культуры в III в. до н.э., во-вторых, насколько привлекаемые находки соответствуют современному состоянию хронологии. Одной из категорий выступают бронзовые наконечники стрел. В первой части работы (Красноперов, 2021) обсуждались находки бронзовых наконечников стрел в позднем контексте в памятниках, прежде всего, степной зоны. Проведенный обзор, даже с учетом неполноты, показал, что обоснования ранних дат памятников с опорой на находки бронзовых наконечников стрел, повторяющиеся в публикациях, недостаточно аргументированы. «Повсеместной смены бронзовых наконечников железными во II в. до н.э.» не произошло. В данной части рассматриваются комплексы (погребения) с бронзовыми наконечниками стрел в ареале пьяноборской культуры. Были проверены пространственные списки находок, составленные другими авторами. Из них исключены погребения только с наконечниками и неопределимыми и неинформативными находками. Остальной сопровождающий материал, регулярно повторяющийся во всей группе погребений, не имеет никаких оснований для датирования. Важными являются два погребения из Старо-Чекмакского и Юлдашевского могильников. Сопровождающий инвентарь Юлдашево, п.16 позволяет сопоставить его с памятниками андреевско-писеральского круга, что не дает возможности датировать набор ранее I (возможно 2 пол.) – нач. (возможно 1 четв.) II в. н.э. В данном случае это показывает, что бронзовые наконечники стрел продолжают бытовать и после рубежа эр. Из-за того, что наконечники перестали использовать в «сарматском» погребальном обряде *мы не знаем даты окончания бытования типа*. Имеющиеся факты, их не единичность, показывают, что бронзовые наконечники *не являются принципиальным датирующим инвентарем*. Простой факт находки бронзовых наконечников в комплексе – недостаточное основание для обязательно ранней датировки комплекса или памятника. Однако эта категория находок продолжает сохранять потенциал для определения ранней даты пьяноборской культуры.

Ключевые слова: археология, хронология, раннесарматское время, среднесарматское время, пьяноборская культура, памятники андреевско-писеральского круга, памятники типа Упа-2, бронзовые наконечники стрел, удила, псалии, сьюльгама.

TO THE QUESTION OF THE EARLY DATE OF THE PIANY BOR SITES. PART 4-2: BRONZE ARROWHEADS

A.A. Krasnopeorov

The article continues the series of publications discussing the reasons for dating the beginning of the Piany Bor culture in the Kama region in two aspects: firstly, what are the grounds for the assertions about the beginning of the culture in the 3rd century BC and secondly, how the extracted finds correspond to the modern state of chronology. One of the discussed categories of finds is bronze arrowheads. In the first part of the work (Krasnopeorov, 2021) bronze arrowheads findings in a late context in sites, primarily in the steppe zone, were discussed. The review, even taking into account the incompleteness, showed that the justifications for the early dates of the sites, based on the finds of bronze arrowheads, repeated in publications, are insufficiently argumentative. «The widespread replacement of bronze arrowheads with iron ones in the 2nd century BC" did not happen. This part examines the complexes (burials) with bronze arrowheads in the area of the Piany Bor culture. Extensive lists of finds compiled by other authors were checked. They exclude burials with arrowheads and indeterminate and non-informative finds. The rest of the accompanying materials, that are regularly repeated throughout the entire group of burials, has no basis for dating. Two burials from the Stariy Chekmak and Yuldashevo burial grounds are important. The accompaniment inventory of Yuldashevo, burial 16 make it possible to compare them with the sites of the Andreyevka-Piseraly 'circle', which does not allow dating the set earlier than I (possibly 2nd half) – beginning (possibly 1st quarter) II century AD. In this case, it shows that

bronze arrowheads continue to exist after the turn of the era. Due to the fact that arrowheads were no longer used in the «Sarmatian» burial rite, we do not know the date of the end of the existence of the type. The available facts, their uniqueness show that bronze arrowheads are not a fundamental dating inventory. The mere fact that bronze arrowheads were found in a complex is insufficient evidence for necessarily early dating of a complex or site. However, this category of finds continues to retain the potential to determine an early date for the Piany Bor culture.

Keywords: archaeology, chronology, early Sarmatian time, middle Sarmatian time, Piany Bor culture, Adreyevka-Piseraly type sites, 'Ура-2 type' sites, bronze arrowheads, horse bits, cheek-pieces, sulgama.

В первой части работы (Красноперов, 2021) обсуждались находки бронзовых наконечников стрел в позднем контексте в памятниках прежде всего степной зоны. Проведенный обзор, даже с учетом неполноты, показал, что повторяющиеся в публикациях обоснования ранних дат памятников с опорой на находки бронзовых наконечников стрел не соответствуют действительности. «Повсеместной смены бронзовых наконечников железными во II в. до н. э.» не произошло.

При этом: 1) бронзовые наконечники как тенденция действительно более ранние по отношению к наконечникам из других материалов; 2) отсутствие наконечников в погребальных комплексах – обрядовая черта, и не может отражать реального функционирования (наконечники нужны как минимум для охоты); 3) бронзовые наконечники многократно встречены в комплексах рубежа эр и первых веков н. э.; 4) часть из этих находок найдена в сочетании с амулетами; 5) другие найдены определенно не среди амулетов.

В любом случае важно не просто указание на находки бронзовых наконечников, а их сопровождающий контекст.

Вторая часть посвящена находкам бронзовых наконечников стрел в могильниках пьяноборской культуры в Прикамье. Базовой здесь является сводка Б.Б. Агеева (Агеев, 1992, с. 45, 117) по состоянию на 1982 г.¹ Существенные изменения внесены С.Э. Зубовым и Р.Р. Саттаровым, неоднократно возвращавшимися к вопросу на основе обширных раскопок Кипчаковского I могильника (Саттаров, 2017; Зубов, Саттаров, 2018; Зубов, Саттаров, Тагиров, 2021). Новая сводка составлена Р.Р. Саттаровым в диссертационном исследовании (Саттаров, 2019д). Сведения из перечней перепроверялись по отчетам и коллекциям.

Собственно, типологий бронзовых наконечников много, и они плохо сопоставляются друг с другом. Основными параметрами являются форма головки, профилировка лопастей,

выступление втулки. В пьяноборских могильниках разнообразие ограничено. Форма трехлопастных с выступающей втулкой соответствует типам (Кузьминых, 1983; Мошкова, 1962; 1963; Шинкарь, 2007; Куринских, 2011): Кузьминых – С34, возможно С41 (длинная втулка), Мошкова'62 – гр. VIб, IXа, Мошкова – гр. III, VIа,б, IX, Шинкарь – 2-II-3/2-III-3, Куринских – II-5-а-17. Форма трехлопастных со скрытой втулкой: Кузьминых – С48, возможно С50 (опущенные жальца), С96 (более сводчатая головка), Мошкова'62 – гр. X, XI, Мошкова – гр. X, XI, возможно XII (опущенные жальца), Шинкарь – 2-I-2, Куринских – II-6-а-26. Форма трехгранных с выступающей втулкой: Мошкова – гр. I, IV, Куринских – IV-3-27. Форма трехгранных со скрытой втулкой: Кузьминых – С98, возможно С94 (опущенные жальца), С100 (треугольная втулка), Мошкова'62 – гр. XVI, Мошкова – гр. X, XIV, Куринских – IV-4-а-28.

При этом в типологии О.А. Шинкарь предполагается строгая ритмичность, чего не удалось реализовать фактически, типология М.Г. Мошковой очень нечеткая, а типология О.И. Фризен, наоборот, точнее соответствует наличному материалу.

Проведенная Р.Р. Саттаровым ревизия типологии (Саттаров, 2019д, прил. 4) показала, что наконечники со скрытой и с выступающей втулкой встречаются в одних и тех же наборах, т. е. хронологического значения этот признак не имеет.

Корпус находок. Бронзовые наконечники происходят далеко не из всех могильников пьяноборской культуры. Их нет в Афонином, Ахметовском, Деуковском II, Кулушевском островном III, Куштиряжском I=II, Кырнышском IV, Меллятамакском V, Нырғындынском I, Партизанском, Суондюковском, Тойгузинском островном = Биурганском, Урманаевском II, Чегандинском II, Янгизнарском. По ряду памятников недостаточно данных: Бакалинский I, II, Деуков-

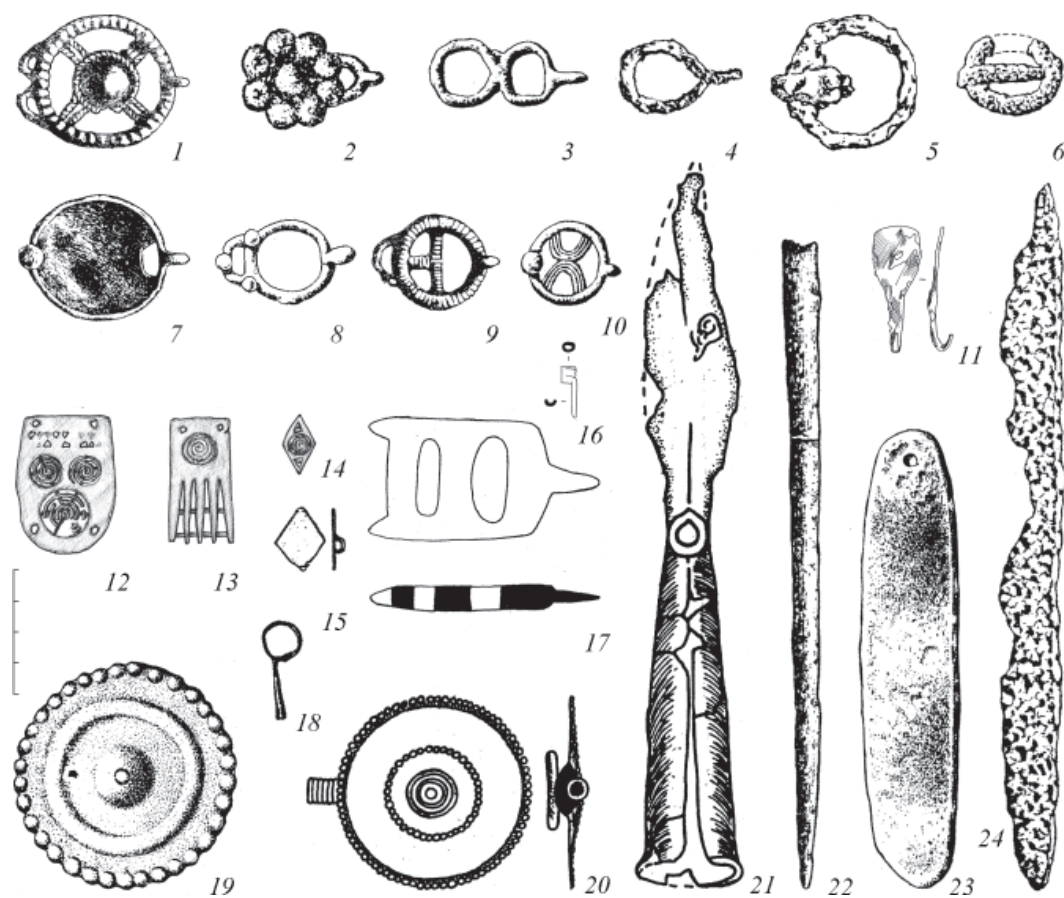

Рис 1. Набор находок из пьяноборских могильников, связанный с находками бронзовых наконечников стрел. 1–4, 7–10 – застёжки с неподвижным крючком; 5, 6 – пряжки; 11 – (колчаный?) крючок; 12–14 – ажурные накладки, 15 – накладка, 16 – ложечковидный наконечник, 17 – костяная пряжка; 18 – височная подвеска; 19 – бляха; 20 – эполетообразная застёжка; 21 – наконечник копья; 22 – костяная «проколка»; 23 – оселок; 24 – нож (Мажитов, Пшеничнюк, 1968, рис. 5: 3, 4, 6, 11; Пшеничнюк, 1986а, рис. 6: 5, 6; 1986б, рис. 3: 13, 14; 6: 21; Агеев, Мажитов, 1986, рис. 11: 11, 15, 16; 12: 8; 14: 13; 15: 10; Саттаров, Камалеев, 2022, рис. 3: 10, 20; 5: 5; Зубов, Саттаров, Тагиров, 2022, рис. 9: 33; 10: 24; 11: 4; Васюткин, 1982, табл. II: 18; Тагиров, 1993, рис. 7: 6; 8: 9). 1–3, 7–15, 18–20 – бронза; 4–6, 11, 21, 22, 24 – железо; 16, 17, 22 – кость (рог); 23 – камень.

Fig 1. A set of finds from the Pnyan Bor burial grounds, associated with finds of bronze arrowheads. 1–10, 17, 20 – clasps with fixed hook; 5, 6 – buckles; 11 – (quiver-?) hook; 12–15, 19 – openwork overlays; 15 – overlay; 16 – spoon-shaped nozzle; 17 – bone buckle; 18 – temple pendant; 19 – badge; 20 – epaulette type clasp; 21 – spear-head; 22 – bone “borer”; 23 – whetstone; 24 – knife (Mazhitov, Pshenichnyuk, 1968, fig. 5: 3, 4, 6, 11; Pshenichnyuk, 1986a, fig. 6: 5, 6; 1986b, fig. 3: 13, 14; 6: 21; Ageyev, Mazhitov, 1986, fig. 11: 11, 15, 16; 12: 8; 14: 13; 15: 10; Sattarov, Kamaleyev, 2022, fig. 3: 10, 20; 5: 5; Zubov, Sattarov, Tagirov, 2022, fig. 9: 33, 10: 24; 11: 4; Vasyutkin, 1982, table II: 18; Tagirov, 1993, fig. 7: 6; 8: 9).

1–3, 7–15, 18–20 – bronze; 4–6, 11, 21, 22, 24 – iron; 16, 17, 22 – bone (antler); 23 – stone.

ский III, Камышлы-Тамакский II, Нагайбаковский, Новотумутукский, Приют-Шуранский, Сарлинский(?), Старо-Чекмакский II, Тамьянский I, Уразаевский, Чиялекский могильники. Что связано с состоянием исследований – единичные раскопанные погребения или разведочные сборы с поверхности и осыпей берега. Находки из Пьяноборских I и II спутаны и недостоверны. Материалы Кипчаковско-го I могильника учитываются в доступном

объеме (часть опубликована, часть известна мне по отчетам)². Определяющим является комплекс находок, включающий бронзовые наконечники стрел.

Далеко не все находки равнозначны. Составление сплошных списков всех комплексов с находками бронзовых наконечников стрел неэффективно. Слишком многие из них хронологически неинформативны. По результатам сверки исключены из рассмотрения

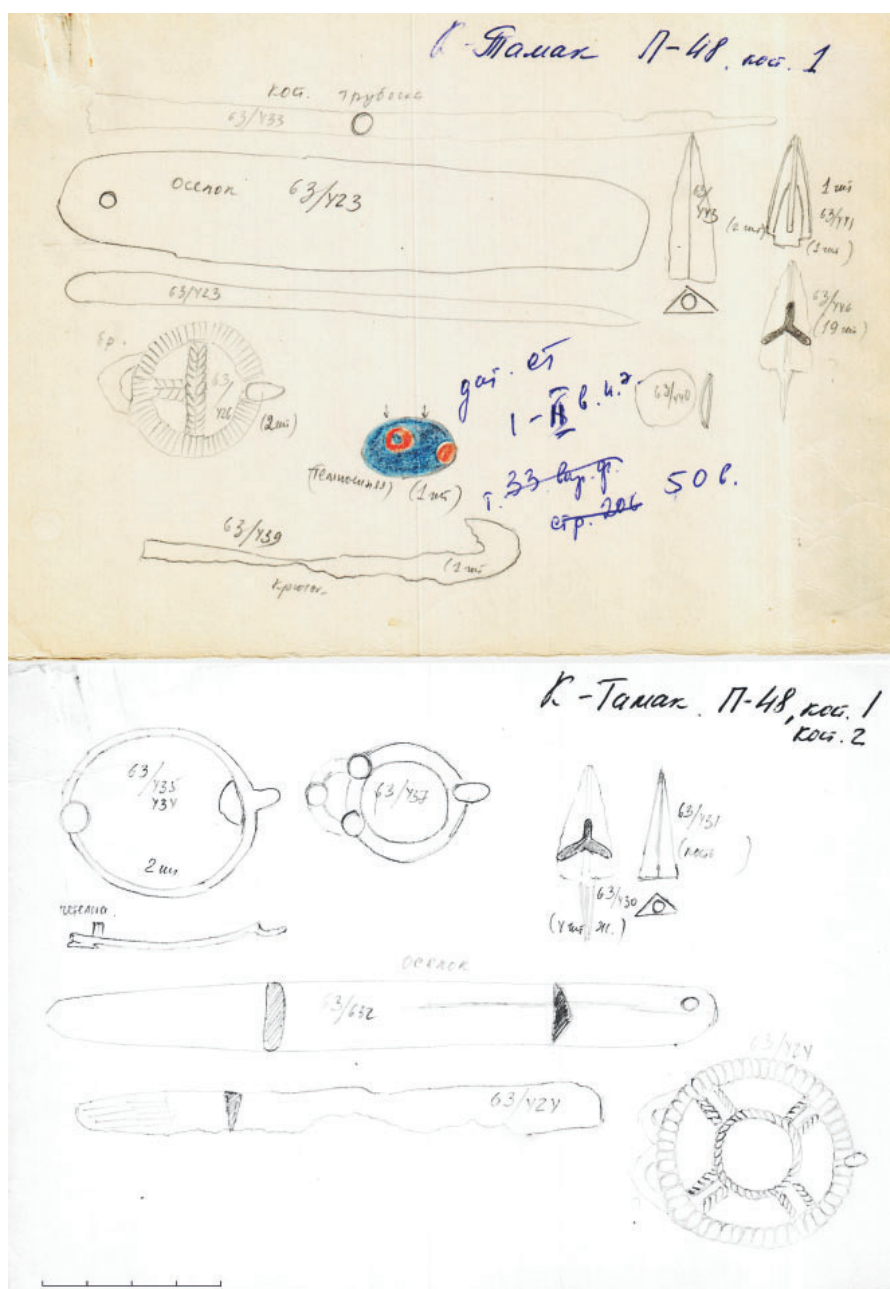

Рис. 2. Камышлы-Тамак I, погребение 48 («карточки Агеева»).
 Fig. 2. Kamyshly-Tamak I, burial 48.

комплексы, содержащие только бронзовые наконечники³; содержащие кроме бронзовых наконечников полностью разрушенные неопределимые фрагменты; содержащие кроме бронзовых наконечников хронологически неинформативные находки (напр.: ножи, бляшки простых форм)⁴. Основной акцент сделан на комплексы, состав которых позволяет аргументированно обсуждать их хронологию⁵.

Относительно постоянно с бронзовыми наконечниками стрел встречаются копия,

оселки, костяные проколки, кинжалы, крючки, удила, застежки с неподвижным крючком разных форм, височные подвески; реже – ажурные накладки, ромбические накладки, костяные пряжки (рис. 1). Ни один из этих предметов не имеет независимой обоснованной датировки. Любопытно, что с набором инвентаря, который можно было охарактеризовать как «мужской», часты находки эполептообразных застежек и схожих с ними блях. Но только с одним, основным, крючком. Однако следует с осторожностью относиться

Рис. 3. Кушутево III, погребение 275

(фотография в отчете дана в зеркальном отображении, см.: Красноперов, 2018) (Агеев, 1971о, рис. 324).

Fig 3. Kushulevo III, burial 275.

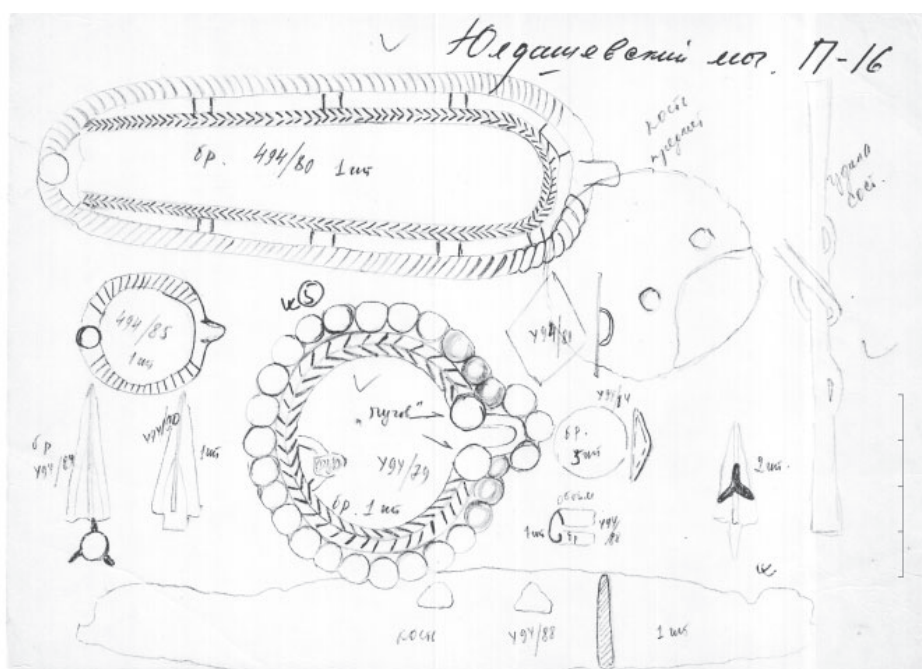

Рис. 4. Юлдашево, погребение 16 («карточки Агеева»)/

Fig 4. Yuldashevo, burial 16.

к гендерным определениям исключительно по сопровождающему материалу.

Пытаться «датировать» одну недатированную вещь через другую недатированную довольно бессмысленно. Можно лишь говорить об определенном однообразии/повторяемости наборов инвентаря (рис. 2, 3) и на этом основании предполагать их синхронность. Поэтому принципиальными оказываются

единичные комплексы с неместными типами находок или, что еще любопытнее, с подражаниями неместным типам.

Можно обратить внимание на два случая нахождения ложечковидных застёжек (наконечников) (рис. 1: 16) (Кипчаково I, п. 1994/11, 2006/8), которые (как форма) типичны для хуннских/сюннских памятников и распространяются со II-I вв. до н. э.⁶ (Кунгурова,

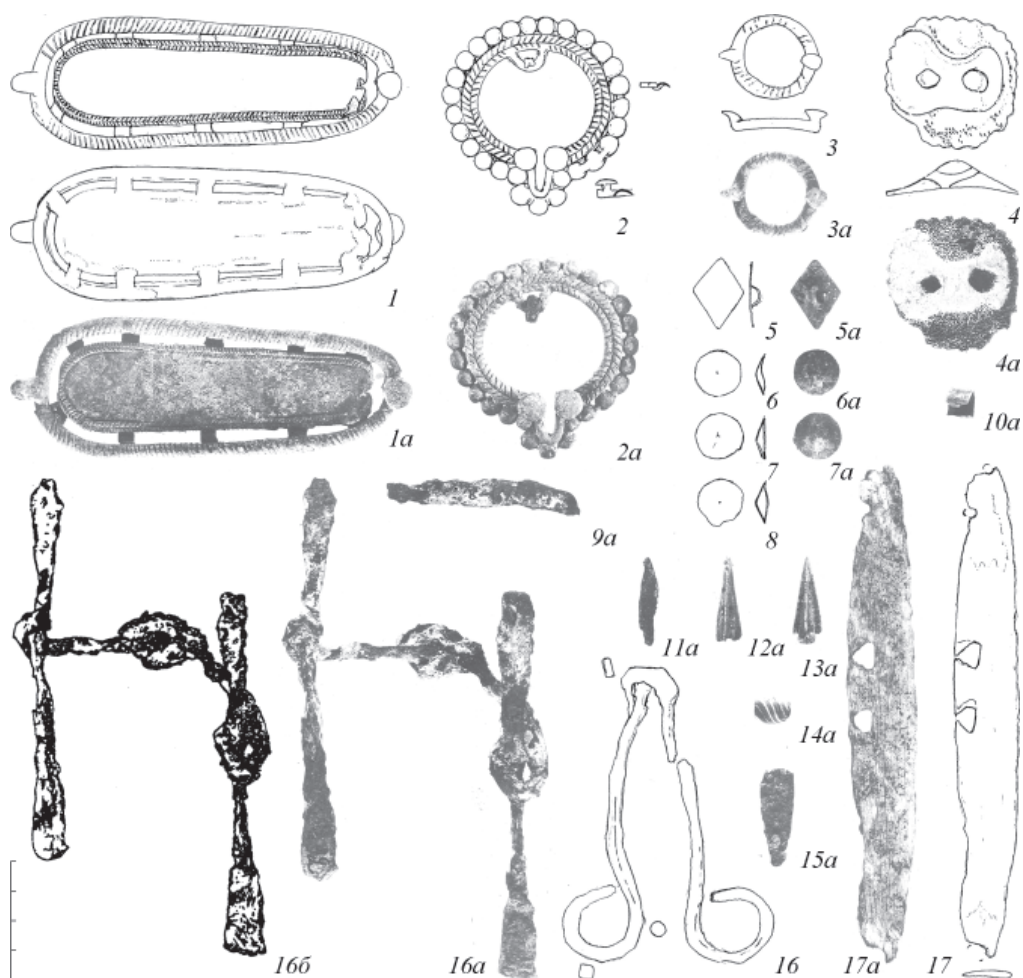

Рис. 5. Юлдашево, погребение 16. 1, 3 – застёжки с неподвижным крючком; 2 – сьюльгама; 4 – застёжка(?); 5 – накладка; 6-8 – бляшки; 9 – предмет; 10 – пронизка; 11-13 – наконечники стрел; 14 – бусина; 15 – нож(?); 16 – удила; 17 – колчанная накладка (с оригиналов, МАЭ ИЭИ УНЦ РАН, колл. ОФ-494; с литерой «а» – фотографии из отчета (Пшеничнюк, 1970о, рис. 106), 16б (Пшеничнюк, 1986б, рис. 5: 10)).

1-3, 5-8, 10, 12, 13 – бронза; 4, 17 – кость; 9, 11, 16 – железо; 14 – стекло.

Fig. 5. Yuldashevo, burial 16. 1, 3 – clasps with fixed hook; 2 – sulgama; 4 – clasp (?); 5 – overlay, 6-8 – badges; 9 – item; 10 – elongated bead; 11-13 – arrow-heads; 14 – bead, 15 – knife (?); 16 – bit; 17 – quiver plate (from the originals, MAE IES USC RAS, coll.ОФ-494; with the littera "a" – photos from the report (Pshenichnyuk, 1970o, fig. 106), 16b (Pshenichnyuk, 1986b, fig. 5: 10)).

1-3, 5-8, 10, 12, 13 – bronze; 4, 17 – bone; 9, 11, 16 – iron; 14 – glass.

Оборин, 2013, с. 131-132; Тишкин, Матренин, 2017, с. 80-81), но в среднесарматских не единичны и в I, вплоть до сер. II вв. н. э. (Шарапова, Малашев, 2021, с. 176).

Важнейшим оказывается Юлдашево, п. 16⁷ (рис. 4, 5). Сьюльгама (Пшеничнюк, 1986б, рис. 3: 5) (рис. 5: 2) относится к кругу «андреевского типа». Е.В. Столяровым предложена их типология: тип 2 – концы заканчиваются трубочками (рис. 6: 1), кольцо рифленое, тип 1 – концы заканчиваются пуговицами (рис. 6: 2), кольцо гладкое. На собственно андреевско-писеральских памятниках нижняя дужка приостренная (рис. 6: 3), в остальных случа-

ях округлая⁸ (Столяров, 2021, с. 134-135, 137-138). Типологию можно дополнить⁹ (рис. 6). Развитием (или исходным образцом) типа 1 является серия застёжек с гипертрофированными пуговицами (рис. 6: 4), которые были собраны С.Э. Зубовым (Зубов, 2011, рис. 62). И есть несколько экземпляров с дополнительным декором, к которым относится и экземпляр из Юлдашево, п. 16: рамка «косичкой» и полугорошины по всему периметру (рис. 6: 7). В данном случае важен вектор и контекст связей. На верхней Оке сьюльгамы андреевско-писеральского типа регулярно встречаются со стержневидными двухпетельчатыми псали-

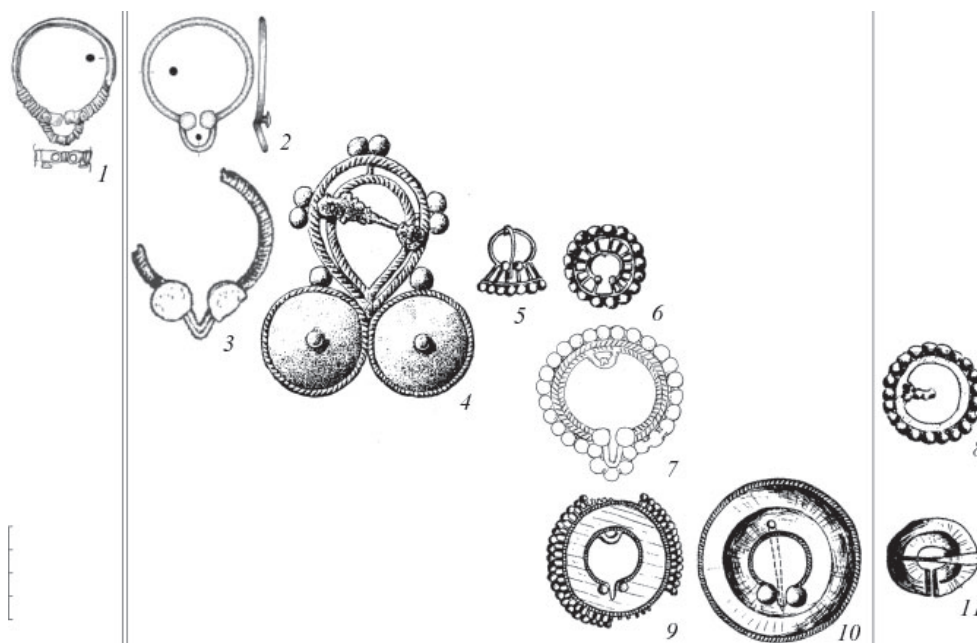

Рис. 6. Сюльгамы «андреевско-писеральского типа» и их контекст.

1 – Афанасьево, случайная находка; 2 – Страхово-2, городище; 3 – Писералы 2, насыпь; 4 – Кушулево III; 5, 6, 8–11 – Сасыкуль; 7 – Юлдашево (Столяров, 2018, рис. 2: 1; 3: 2; 4: 3; Агеев, Мажитов, 1986, рис. 9: 20; Васюткин, Калинин, 1986, рис. 14: 6, 11, 12, 16, 19, 26; с оригинала). Все – бронза.

Fig. 6. Sulgams of the «Andreyevka-Piseraly type» and their context.

1 – Afanasyevo, accidental find; 2 – Strakhovo-2, hillfort; 3 – Piseraly 2, mound; 4 – Kushulevo III; 5, 6, 8–11 – Sasykul; 7 – Yuldashevo (Stolyarov, 2018, fig. 2: 1; 3: 2; 4: 3; Ageyev, Mazhitov, 1986, fig. 9: 20; Vasyutkin, Kalinin, 1986, fig. 14: 6, 11, 12, 16, 19, 26; from the original). All are bronze.

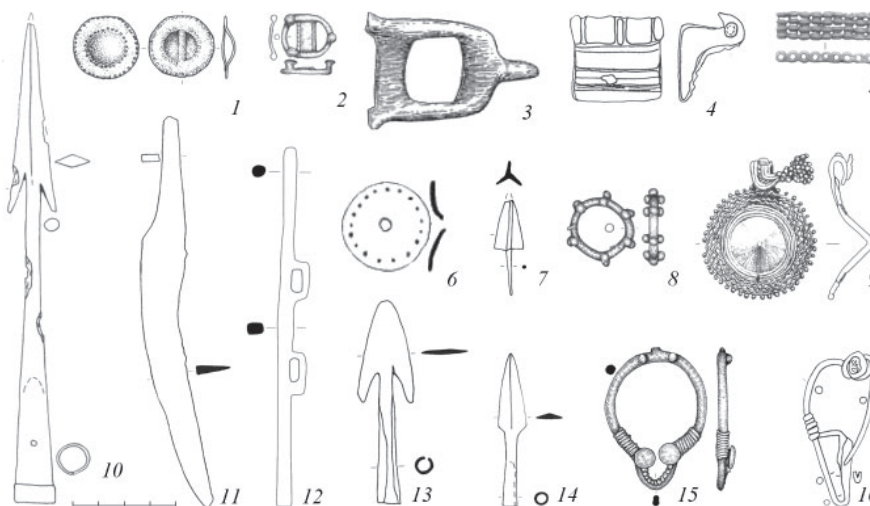

Рис. 7. Комплекс находок с памятников типа Упа-2 «андреевско-писеральского времени».

1, 6 – бляшка; 2 – застежка с неподвижным крючком; 3 – костяная пряжка; 4 – фрагмент бронзового сосуда; 5 – пронизка; 7, 13, 14 – наконечники стрел; 8 – «кольцо с шишечками»; 9 – умбовидная подвеска; 10 – наконечник дротика; 11 – нож; 12 – псалий; 15 – сюльгама; 16 – фибула (Воронцов, Столяров, 2019, рис. 2: 2, 8; 9: 2; 11: 1; 12: 2; 13: 8; 14: 2; 2022, рис. 10: 3; 34: 3; 43: 2, 3; 45: 5, 6, 8; Столяров, 2021, рис. 3: 5; 5: 4). 1, 2, 4–6, 8, 9, 15, 16 – бронза; 3 – кость; 7, 10–14 – железо.

Fig. 7. Set of finds from sites of the Upa-2 type of the «Andreyevka-Piseraly period».

1, 6 – badge; 2 – clasp with fixed hook; 3 – bone buckle; 4 – fragment of a bronze vessel; 5 – pin; 7, 13, 14 – arrowheads; 8 – ring with “cones”; 9 – umbon-shaped pendant; 10 – dart-head; 11 – knife; 12 – cheek-piece; 15 – sulgama; 16 – fibula (Vorontsov, Stolyarov, 2019, fig. 2: 2, 8; 9: 2; 11: 1; 12: 2; 13: 8; 14: 2; 2022, fig. 10: 3; 34: 3; 43: 2, 3; 45: 5, 6, 8; Stolyarov, 2021, fig. 3: 5; 5: 4). 1, 2, 4–6, 8, 9, 15, 16 – bronze; 3 – bone; 7, 10–14 – iron.

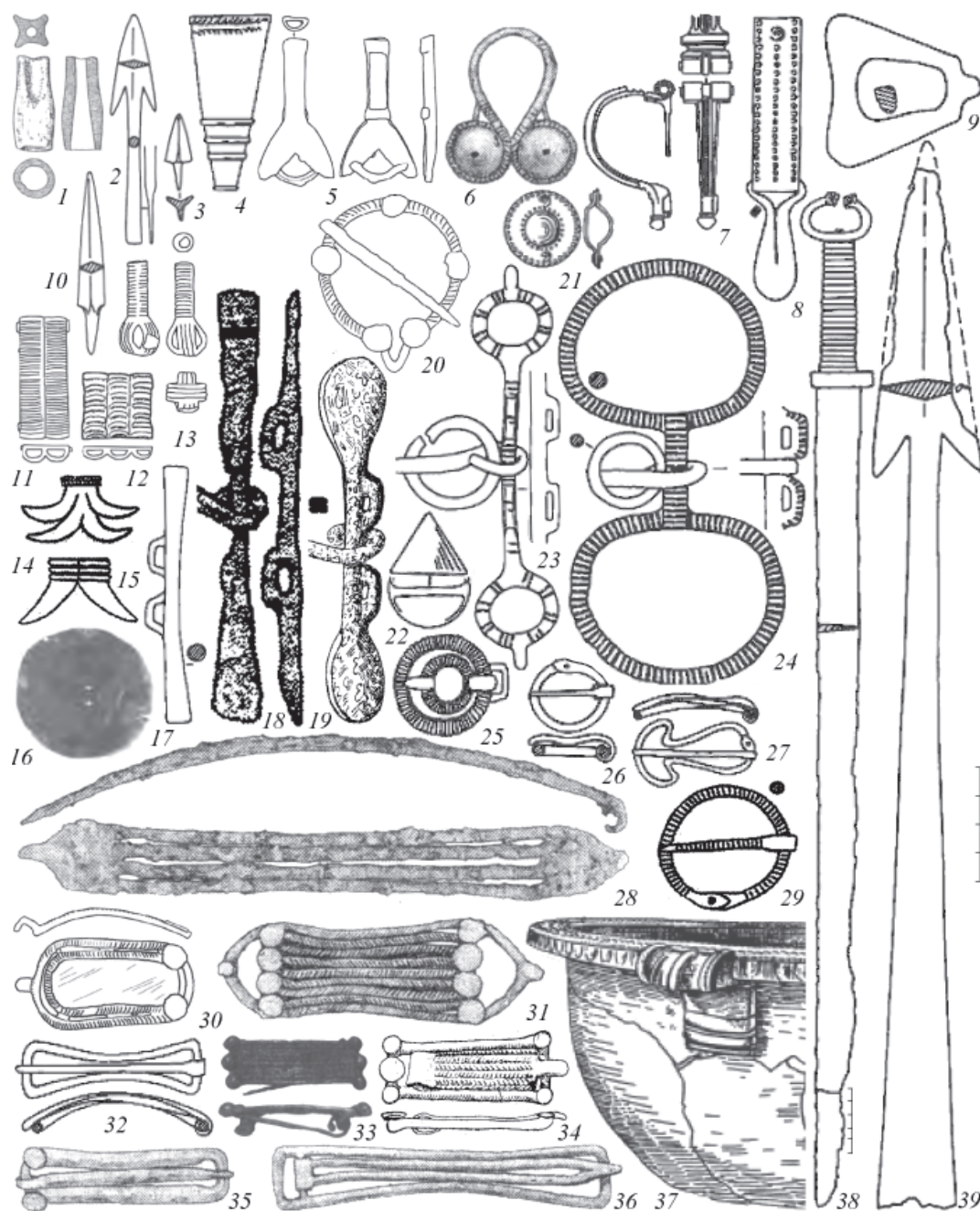

Рис. 8. Характерный комплекс находок с памятников андреевско-писеральского типа (без разделения на периоды). 1–3, 10 – наконечники стрел; 4 – ножны; 5, 11–15 – пронизки; 6, 20 – сьюльгамы; 7, 33 – фибулы; 8 – поясная привеска(?); 9 – костяная пряжка; 16, 21, 22 – бляшки; 17–19, 23, 24 – псалии; 25–27, 29, 32, 34–36 – пряжки; 28, 30, 31 – застёжки с неподвижным крючком; 37 – сосуд; 38 – палаш; 39 – наконечник копья (Зубов, Лифанов, Радюш, 2011, рис. 5: 12; 9: 6; 10: 1, 3, 6, 8; 17: 2; Гришаков, Зубов, 2009, рис. 18: 11, 16, 21; 23: 7; 22: 1, 2, 5, 9; 24: 7; 25: 2–4, 8, 12, 21, 23–25, 33; 26: 3, 10; 27: 8; Мясников, 2017а, рис. 4: 2, 5; 2; 2017б, рис. 3: 13, 16, 7; 7, 9, 10; Халиков, 1962, табл. XXIV: 12, XXV: 13).

1, 9, 10 – кость; 2, 3, 17–19, 23, 24, 28, 38, 39 – железо; 4–8, 11–16, 20–22, 25–27, 29, 30–37 – бронза.

Fig. 8. A characteristic set of finds from the sites of the Andreyevka-Piseraly type (without division into periods). 1–3, 10 – arrowheads; 4 – scabbard; 5, 11–15 – elongated beads; 6, 20 – sulgamas; 7, 33 – fibulae; 8 – waist pendant (?); 9 – bone buckle; 16, 21, 22 – badges; 17–19, 23, 24 – cheek-pieces; 25–27, 29, 32, 34–36 – buckles; 28, 30, 31 – clasps with fixed hook; 37 – vessel; 38 – broadsword; 39 – spear-head (Zubov, Lifanov, Radyush, 2011, fig. 5: 12; 9: 6; 10: 1, 3, 6, 8; 17: 2; Grishakov, Zubov, 2009, fig. 18: 11, 16, 21; 23: 7; 22: 1, 2, 5, 9; 24: 7; 25: 2–4, 8, 12, 21, 23–25, 33; 26: 3, 10; 27: 8; Myasnikov, 2017a, fig. 4: 2; 5: 2; 2017b, fig. 3: 13, 16, 7; 7, 9, 10; Khalikov, 1962, table XXIV: 12, XXV: 13). 1, 9, 10 – bone; 2, 3, 17–19, 23, 24, 28, 38, 39 – iron; 4–8, 11–16, 20–22, 25–27, 29, 30–37 – bronze.

Рис. 9. Комплекс находок с пьяноборских памятников «андреевско-писеральского времени».

1–3 – фибулы; 4, 5, 11–13 – пронизки; 6–8 – наконечники стрел; 9, 10, 16 – застёжки с неподвижным крючком; 14, 15, 17–19 – пряжки; 20, 21 – костяные пряжки; 22, 24 – сьюльгамы; 23 – «кольцо с шишечками»; 25 – палаш; 26 – меч; 27 – наконечник дротика; 28–30 – псалии; 31 – ножны (Васюткин, Калинин, 1986, рис. 9: 2, 6, 14; 12: 20; 13: 10, 15; 14: 3, 4, 17, 20; 15: 21; Генинг, 1970/1971, табл. IV: 9, 18, 20; VIII: 3; IX: 3; X: 17; XI: 1; Пшеничнюк, 1986, рис. 10: 2, 14; Казаков, Старостин, Халиков, 1972, рис. 3: 35; Мажитов, Пшеничнюк, 1968, рис. 3: 9; Агеев, Мажитов, 1986, рис. 9: 20; 12: 12, 13; 23: 10; Генинг, Журавлева, 2019, рис. 3: 18; Генинг, [подготовительные материалы], табл. XVII: 1; Голдина, Красноперов, 2012, табл. 218: 28; с оригиналов).

1–5, 9–13, 15, 16, 18, 22–24 – бронза; 6, 14, 17, 25–30 – железо; 7, 8, 20, 21 – кость.

Fig. 9. Set of finds from the Piany Bor sites of the «Andreyevka-Piseraly period».

1–3 – fibulae; 4, 5, 11–13 – elongated bead; 6–8 – arrow-heads; 9, 10, 16 – clasps with fixed hook; 14, 15, 17–19 – buckles; 20, 21 – bone buckles; 22, 24 – sulgamas, 23 – ring with “cones”; 25 – broadsword; 26 – sword; 27 – dart-head; 28–30 – cheek-pieces; 31 – scabbard (Vasyutkin, Kalinin, 1986, fig. 9: 2, 6, 14; 12: 20; 13: 10, 15; 14: 3, 4, 17, 20; 15: 21; Gening, 1970/1971, table IV: 9, 18, 20; VIII: 3; IX: 3; X: 17; XI: 1; Pshenichnyuk, 1986, fig. 10: 2, 14; Kazakov, Starostin, Khalikov, 1972, fig. 3: 35; Mazhitov, Pshenichnyuk, 1968, fig. 3: 9; Ageyev, Mazhitov, 1986, fig. 9: 20; 12: 12, 13; 23: 10; Gening, Zhuravleva, 2019, fig. 3: 18; Gening, [preparatory materials], table XVII: 1; Goldina, Krasnopeorov, 2012, table 218: 28; from the originals).

1–5, 9–13, 15, 16, 18, 22–24 – bronze; 6, 14, 17, 25–30 – iron; 7, 8, 20, 21 – bone.

ями, прямоугольными/квадратными костяными пряжками с неподвижным крючком, мелкими железными трехлопастными наконечниками стрел и плоскими наконечниками с шипами, наконечниками дротиков с шипами, лучковыми фибулами (второй период памятников типа Упа-2¹⁰) (Воронцов, Столяров, 2019; 2022) (рис. 7). В андреевско-писеральских памятниках встречаются с мелкими железными трехлопастными наконечниками стрел, «сапожковыми» пронизками, длинной пряжкой с прогнутыми сторонами (группы типов Раддац – U, или Труфанов – «восьмерковидные»), прямоугольной пряжкой с креплением язычка на стержне (группы типов Раддац – С, или Труфанов – «дугоконечные») (Гришаков, Зубов, 2009, рис. 25) (рис. 8). В пьяноборских могильниках встречаются с застежками с неподвижным крючком с рифленной рамкой, пряжкой Малашев-0, сапожковыми пронизками, эполетообразной застежкой (рис. 9). Таким образом можно говорить об устойчивой повторяемости наборов находок, связующим звеном между которыми являются, по-видимому, андреевско-писеральские памятники.

В хронологическом плане горизонт находок сьюльгам андреевско-писеральской группы связан с событиями, названными А.М. Воронцовым и Е.В. Столяровым «войной I в.» (Воронцов, Столяров, 2019; Красноперов, в печати). Речь идет о сложном клубке относительно одновременных, но локальных по масштабу событий, участники которых связаны между собой по цепочке, но лишь с двумя «соседними» участниками. При этом векторы связей взаимны, проявления не ограничиваются только объектами материальной культуры (см.: Бугров, Мясников, 2018), а хронология несколько шире непосредственно I в. События отличаются по составу находок и времени. В одном случае это вещи скорее «причерноморских» форм, но связанные

с «сарматами», в другом – оружие, детали экипировки центральноевропейских типов (Гавритухин, Воронцов, 2018). Причем взаимодействие было в обе стороны (например, распространение пьяноборских вещей и, может быть, костяных наконечников стрел на запад) и не одномоментным. Археологическими маркерами являются мелкие железные трехлопастные наконечники стрел, плоские двушипные наконечники стрел и дротиков, стержневые двудырчатые псалии, фибулы («авцисса» (Ахмедов, 2020), лучковые ранних типов), кольца с шишечками и др.

В Юлдашево, п. 16, найдена бусина типа Алексеева-249 (Алексеева, 1978, с. 47; Красноперов, 2009, с. 93, рис. 4), известная по фотографии в отчете, но в настоящий момент отсутствующая в коллекции (рис. 5: 14а). Датировка Юлдашево, п. 16, определяется именно контекстом находок – типом удила и сьюльгамы – I (возможно 2 пол.) – нач. (возможно 1 четв.) II в. н. э. В данном случае это показывает, что бронзовые наконечники стрел продолжают бытовать и после рубежа эр.

Пьяноборская культура не является чем-то исключительным и в вопросе хронологии наконечников соответствует тенденциям сарматских, кавказских, крымских, памятников. Из-за того, что наконечники перестали использовать в «сарматском» погребальном обряде, *мы не знаем даты окончания бытования типа*. Имеющиеся факты, их неединичность (Красноперов, 2021) показывают, что бронзовые наконечники *не являются принципиальным датировующим инвентарем*. Повторение как заклинания: «повсеместная смена бронзовых наконечников железными произошла во II в. до н. э.» – не работает. Простой факт находки бронзовых наконечников в комплексе – недостаточное основание для обязательно ранней датировки комплекса или памятника¹¹.

Примечания:

¹ К моменту издания в 1992 г. материал не обновлялся. Так, из Икского могильника учтены только комплексы из раскопок Л.И. Ашихминой и Г.Н. Журавлевой (Ашихмина, Клюева, 1984). Изданные в 1987 г. комплексы из раскопок О.А. Армагынской (Армагынская, 1987) не использованы.

² Дополнительные трудности создает дублирующаяся нумерация и попытки ее унификации. Так, Р.Р. Саттаров указывает на наличие бронзовых стрел в п.5/р./1990–1991 г. (Саттаров, 2019д, прил. 4). При этом «раскоп I» позже переименован в «раскоп III», «погребение 5» – в «погребение 8», «погребением 5» стало бывшее «погребение 2» (Зубов, Саттаров, Тагиров, 2021, с. 289). Погребения 1, 5, 6 за 1994 г. дублируются в раскопах С.Э. Зубова и Ф.М. Тагирова. Из них из раскопок Ф.М. Тагирова получили нумерацию 23 (нет вещей), 27 (нет стрел), 28 (нет стрел), о перенумеровании из раскопок С.Э. Зубова мне не известно.

³ Из списка Б.Б. Агеева: Меллятамак, п. 24; Уяндык I, п. 35; Уяндык II, п. 2; Ст. Чекмак, п. 1; Ныргында II, п. 128; Юлдашево, п. 130; Кушулево II, п. 322. Из списка С.Э. Зубова – Р.Р. Саттарова: Кипчаково I, 1990/5, 1991/21, 1992/17,20, к.51/п.1. А также: Ст. Киргизово, п.57/2017; Шидали I, пп. 27, 29; Трикол, пп. А/19, 17; Куяново II, п. 1.

⁴ Из списка Б.Б. Агеева: Меллятамак I, п. 12; Кушулево III, п. 324; Уяндык I, п. 1, 27, 31; Ик, пп. 1, 39. Из списка С.Э. Зубова – Р.Р. Саттарова: Кипчаково I, 1992/3-9, 1994/2, 1994/3-1,6,33,44, 2006/4, к.1/п.1. А также: Трикол, п. 25, Ст. Киргизово, п.59/2017.

⁵ Из *этого* обзора исключены два могильника: Икский, который надо обсуждать отдельно как целостный комплекс (микрорайон) памятников, и Старо-Чекмакский I – он важен для рассматриваемой темы, но уже много лет готовится к публикации. Материалы обоих известны мне по отчетам, рисункам и коллекциям.

⁶ С.С. Миняев специально подчеркивает, что более дробное деление периода со II в. до н. э. по I в. н. э. вообще невозможно, для этого нет никаких критериев (Миняев, 2007, с. 76).

⁷ Эта работа не смогла бы состояться без помощи хранителя фонда «Археология» МАЭ ЦЭИ УНЦ РАН Эльвира Винеровича Камалеева.

⁸ Есть исключения – Кипчаковский I могильник (Саттаров, 2019д, прил. 6-3: 42).

⁹ Являются ли сьюльгамы с широким полем плоскими (Васюткин, Калинин, 1986, рис. 14: 19) (рис. 6: 9), или с ребром (Васюткин, Калинин, 1986, рис. 14: 26) (рис. 6: 10), или ажурными (Васюткин, Калинин, 1986, рис. 14: 11,15) (рис. 6: 5, 6), другими вариантами в «андреевско-писеральской группе» – вопрос открытый.

¹⁰ Памятники (Столяров, 2012) долгое время невозможно было датировать из-за отсутствия находок. Очевидны два хронологически разных пласта. Один, очевидно ранний, связан с юхновскими древностями (которые тоже, в свою очередь, должны разделяться на ранние и поздние), другой – с сарматскими, дьяковскими и андреевско-писеральскими материалами.

¹¹ Однако эта категория находок продолжает сохранять потенциал для определения ранней даты пьяноборской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

Агеев Б.Б. Научный отчет об итогах полевых исследований на территории БАССР и Оренбургской области в 1971 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №4479, 4479а

Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. 140 с.

Агеев Б.Б., Мажитов Н.А. III Кушулевский могильник // Археологические работы в низовьях Белой / Отв. ред. А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БФ АН СССР, 1986. С. 75–94.

Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья / САИ. Вып. Г1-12/2. М.: Наука, 1978. 104 с., табл. 20–34.

Арматынская О.В. Новые исследования Икского могильника в устье р. Ик // Новые археологические памятники Камско-Вятского междуречья / Отв. ред. Л.Д. Макаров. Ижевск: Изд-во УдГУ, 1988. С. 31–42.

Ахмедов И.Р. Фибулы «AVCISSA» в Посурье и Поочье // История вещей – история и вещи. К 60-летию юбилею И.О. Гавритухина / РСМ. Вып. 20 / Отв. ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2020. С. 36–48. DOI: <https://doi.org/10.25681/IARAS.2020.978-5-94375-325-1.36-48>

Ашихмина Л.И., Клюева Г.Н. Икский могильник – новый памятник пьяноборской культуры // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья / Отв. ред. Б.Г. Плющевский. Ижевск, 1984. С. 44–53.

Бугров Д.Г., Мясников Н.С. Некоторые проблемы выделения «этнокультурных компонентов» памятников андреевско-писеральского типа: погребальный обряд // Поволжская археология. 2018. № 3 (25). С. 314–335. DOI: <https://doi.org/10.24852/2018.3.25.314.335>

Васюткин С.М. Исследования пьяноборских могильников в Западной Башкирии // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа / Под ред. В.А. Иванова, А.Х. Пшеничнюка. Уфа: БФАН СССР, 1982. С. 125–144.

Васюткин С.М., Калинин В.К. Ново-Сасыкульский могильник // Археологические работы в низовьях Белой / Отв. ред. А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БФ АН СССР, 1986. С. 95–122.

Воронцов А.М., Столяров Е.В. Война I века на границе лесной зоны: Окско-Донской водораздел // Stratum plus. 2019. № 4. С. 51–74.

Воронцов А.М., Столяров Е.В. Городище Малая Стрекаловка на левобережье средней Упы // Археологическое наследие. 2022. № 1 (5). С. 121–180.

Гавритухин И.О., Воронцов А.М. Узкие ременные наконечники с щелью для крепления, бытовавшие во 2–3 веках на востоке Европы // Profesorowi Andrzejowi Kokowskiemu w 65. rocznicę rodzin. T.1 /

Redakcja B. Nieabitowska-Wisniewska, P. Łuczkiewicz, S. Saowski, M. Stasiak-Cyan, M. Erdrich. Lubin: UMCS, 2018. S. 592–617.

Генинг В.Ф. История населения удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч. II. Археологические памятники чегандинской культуры III в. до н.э. – II в. н.э. / ВАУ. Вып. 11. Ижевск; Свердловск, 1971. 162 с., XXX табл., вкладыш.

Генинг В.Ф., Журавлева Г.Н. Классификация вещевого комплекса могильника Нырғында II: застежки и съемные украшения // Поволжская археология. 2019. № 1 (27). С. 150–163. DOI: <https://doi.org/10.24852/2019.1.27.150.163>

Голдина Р.Д., Красноперов А.А. Нырғындинский I могильник II–III вв. на Средней Каме / МИКВАЭ. Т. 22. Ижевск: УдмГУ, 2012. 364 с.

Гришаков В.В., Зубов С.Э. Андреевский курган в системе археологических культур раннего железного века Восточной Европы / Археология евразийских степей. Вып. 7 / Отв. ред. В.А. Иванов. Казань: Институт Истории им. Ш. Марджани АН РТ; Самарский муниципальный институт управления, 2009. 173 с.

Зубов С.Э. Воинские миграции римского времени в Среднем Поволжье (I–III вв.). Миграционные процессы в формировании новой этнокультурной среды по материалам археологических данных. Saarbrücken: Lap Lambert Academic Publishing, 2011. 201 с.

Зубов С.Э., Лифанов Н.А., Радюш О.А. Новые памятники писеральско-андреевского типа I–III вв. н.э. на территории Нижегородской области (предварительное сообщение) // Вояджер: мир и человек: теоретический и научно-методический журнал. № 1. Самара, 2011. С. 13–30.

Зубов С.Э., Саттаров Р.Р. Наконечники стрел пьяноборской культуры как хронологические маркеры (по материалам погребений Кипчаковского I курганно-грунтового могильника) // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: Изд-во СГСПУ, ООО «Порто-Принт», 2018. С. 210–214.

Зубов С.Э., Саттаров Р.Р., Тагиров Ф.М. Кипчаковский I курганно-грунтовой могильник // Археология Евразийских степей. 2021. № 2. С. 261–300. DOI: <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.2.261.300>

Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х. Деуковский II могильник // Отчеты Нижнекамской экспедиции. Вып. 1 / Отв. ред. О.Н. Бадер. М.: Знание, 1972. С. 105–121.

Красноперов А.А. К вопросу о хронологии пьяноборской культуры: заметки к констатации ответа // Древняя и средневековая археология Волго-Камья: сб. ст. к 70-летию П.Н. Старостина / Археология евразийских степей. Вып. 10 / Отв. ред. Д.Г. Бугров. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 92–105.

Красноперов А.А. Погребение 28 Икского могильника: К вопросу о ранней дате пьяноборских памятников // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология Евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 331–351.

Красноперов А.А. Комментарии к плану Кушулевских I и III могильников // Этнос. Общество. Цивилизация: Пятое Кузеевские чтения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Уфа, 27–28 сентября 2018 г.) / Гл. ред. Р.М. Мухаметзянова-Дуггал. Уфа: Диалог, 2018. С. 367–372.

Красноперов А.А. К вопросу о ранней дате пьяноборских памятников. Ч.4-1: бронзовые наконечники стрел // Археология Евразийских степей. 2021. № 2. С. 221–249. DOI: [10.24411/2587-6112-2021-10021](https://doi.org/10.24411/2587-6112-2021-10021)

Красноперов А.А. Фибулы с кнопкой на конце сплошного пластинчатого приемника в Прикамье и вероятные пути их поступления (в печати).

Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М.: Наука, 1983. 257 с.

Кунгурова Н.Ю., Оборин Ю.В. Клад, обнаруженный на р. Уйбат (Минусинская котловина) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 2. С. 126–136.

Куринских О.И. Наконечники стрел ранних кочевников Левобережного Илека VI–I вв. до н.э. (по материалам могильников у с. Покровка) // РА. 2011. № 3. С. 42–54.

Мажитов Н.А., Пшеничнюк А.Х. Камышлы-Тамакский могильник // АЭБ. Т. III / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: БФАН СССР, 1968. С. 38–58.

Миняев С.С. Дырестуйский могильник / Археологические памятники сюнну. Вып. 3. СПб.: Филфак СПбГУ, 2007. 233 с.

Мошкова М.Г. О раннесарматских втульчатых стрелах // КСИА. Вып. 89 / Отв. ред. Т.С. Пассек. М.: АН СССР, 1962. С. 77–82.

Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры / САИ. Вып. Д1-10. М.: АН СССР, 1963. 55 с.

Мясников Н.С. Новое городище писеральско-андреевского типа в Среднем Посурье // Актуальные проблемы отечественной и всеобщей истории: материалы LVII конференции преподавателей и студентов ЧГПУ им. И.Я. Яковлева по итогам научно-исследовательской работы за 2016 г. Вып. 2 / Отв. ред. П.Н. Волков. Чебоксары: ЧГПУ, 2017а. С. 190–204.

Мясников Н.С. Клады и отдельные находки писеральско-андреевского времени в Сурско-Свияжском междуречье // Чувашский гуманитарный вестник. № 12 / Отв. ред. Г.А. Николаев. Чебоксары: ЧГИГН, 2017б. С. 3–26.

Пиеничнюк А.Х. Научный отчет об археологических исследованиях на территории Башкирии в 1970 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 4107, 4107а

Пиеничнюк А.Х. Памятники ананьинской и пьяноборской культур в низовьях р. Белой // Археологические работы в низовьях Белой / Отв. ред. А.Х. Пиеничнюк. Уфа: БФ АН СССР, 1986а. С. 26–44.

Пиеничнюк А.Х. Юлдашевский могильник // Археологические работы в низовьях Белой / Отв. ред. А.Х. Пиеничнюк. Уфа: БФ АН СССР, 1986б. С. 45–74.

Саттаров Р.Р. Импортные предметы в пьяноборской культуре (конец II в. до н.э. – II в. н.э.). Дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2019. 167 с.

Саттаров Р.Р. К вопросу о применении импортных бронзовых наконечников стрел населением пьяноборской культуры // Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность: мат-лы XI Всероссийской научно-практической конф. молодых ученых / Отв. ред. Э.В. Камалеев. Уфа: ИЭИ УНЦ РАН, 2017. С. 103–106.

Саттаров Р.Р., Камалеев Э.В. Бронзовые восьмеркообразные застёжки как хронологические маркеры пьяноборской культуры // Поволжская археология. 2022. № 3 (41). С. 225–247 DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2022.3.41.225.247>

Столяров Е.В. Памятники типа Упа-2 // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 3 / Под. ред. А.М. Воронцова, И.О. Гавритухина. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2012. С. 79–118.

Столяров Е.В. Сюльгамы андреевско-писеральского типа с территории Окско-Донского водораздела // Поволжская археология. 2021. № 1 (35). С. 131–147. DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2021.1.35.131.147>

Тагиров Ф.М. Шидалинский I могильник // Башкирский край. Вып. 3 / Отв. ред. М.И. Роднов. Уфа: Литера, 1993. С. 175–203.

Тишкин А.А., Матренин С.С. Изделия из художественного металла в поясных гарнитурах кочевников Алтая хуннского времени (по материалам памятника Яломан-II) // КСИА. 2017. Вып. 247. С. 74–86.

Халиков А.Х. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // Труды МАЭ. Т. II / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1962. С. 7–187.

Шарапова С.В., Малашев В.Ю. Хроноиндикаторы I–III вв. н.э. из лесостепных памятников Тоболо-Иртышья // Нижневолжский археологический вестник. 2022. Т. 21, № 1. С. 171–192. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.9>

Шинкарь О.А. Типология и хронология раннесарматских наконечников стрел по материалам Нижнего Поволжья // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2007. № 1. С. 103–119.

Информация об авторе:

Красноперов Александр Анатольевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Удмуртский институт истории, языка, литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН (г. Ижевск, Россия); alexander.kaa@mail.ru, ORCID – 0000-0001-7931-4536, ResearcherID-AAN -4831-2021

REFERENCES

Ageev, B. B. 1971. *Nauchnyy otchet ob itogakh polevykh issledovaniy na territorii BASSR i Orenburgskoy oblasti v 1971 g* (Scientific report on the results of field research on the territory of the BASSR and the Oren-

burg region in 1971). Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, no. 4479, 4479a (in Russian).

Ageev, B. B. 1992. *P'ianoborskaia kul'tura (The Piany Bor Culture)*. Ufa: Bashkir Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Ageev, B. B., Mazhitov, N. A. 1986. In Pshenichniuk, A. Kh. (ed.). *Arkheologicheskie raboty v nizov'iax Beloi (Archaeological Works in the Belaya Mouth Area)*. Ufa: Bashkir Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 75–94 (in Russian).

Alekseeva, E. M. 1978. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ia (Ancient Beads of Northern Pontic Region)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) GI-12. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Armatynskaia, O. V. 1988. In Makarov, L. D. (ed.). *Novye arkheologicheskie pamiatniki Kamsko-Viatskogo mezhdurech'ia (New Archaeological Sites in the Kama and Vyatka Interfluves Area)*. Izhevsk: Udmurt State University, 31–42 (in Russian).

Akhmedov, I. R. 2020. In Oblomskiy A.M. (ed.). *Istoriya veshchej – istoriya i veshchi (History of things – history and things)*. Series: Ranneslavianskii mir. Arkheologiiia slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors) 20 Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 36–48. DOI: <https://doi.org/10.25681/IARAS.2020.978-5-94375-325-1.36-48> (in Russian).

Ashikhmina, L. I., Klyueva, G. N. 1984. In Pliushchevskii, B. G. (ed.). *Pamiatniki zheleznogo veka Kamsko-Viatskogo mezhdurech'ia (Iron Age Sites in the Kama and Vyatka Interfluves Area)*. Izhevsk: Udmurt State University, 44–53 (in Russian).

Bugrov, D. G., Myasnikov, N. S. 2018. In *Povolzhskaya arkheologiya (The Volga River Region Archaeology)* 25 (3), 314–335 DOI: <https://doi.org/10.24852/2018.3.25.314.335> (in Russian).

Vasiutkin, S. M. 1982. In Ivanov, V. A. Pshenichniuk, A. Kh. (eds.). *Priural'e v epokhu bronzy i rannego zheleza (Cis-Urals Region in the Bronze and Early Iron Ages)*. Ufa: Bashkiria Branch of the USSR Academy of Sciences, 125–144 (in Russian).

Vasyutkin, S. M., Kalinin, V. K. 1986. In Pshenichniuk, A. Kh. (ed.). *Arkheologicheskie raboty v nizov'iax Beloi (Archaeological Works in the Belaya Mouth Area)*. Ufa: Bashkir Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 95–122 (in Russian).

Vorontsov, A. M., Stolyarov, E. V. 2019. In *Stratum plus* (4), 51–74 (in Russian).

Vorontsov, A. M., Stolyarov, E. V. 2022. In *Arheologicheskoe nasledie (Archaeological heritage)* 5 (1), 121–180 (in Russian).

Gavritukhin, I. O., Vorontsov, A. M. 2018. In Nieabitowska-Wiśniewska B., Łuczkiwicz P., Saowski S., Stasiak-Cyan M., Erdrich M. (eds.). *Profesorowi Adrzejowi Kokowskiemu w 65. rocznicę rodzin* 1. Lubin: UMCS, 592–617 (in Russian).

Gening, V. F. 1971. *Istoriia naseleniia Udmurtskogo Prikam'ia v p'ianoborskuiu epokhu. Ch. II. Arkheologicheskie pamiatniki chegandinskoi kul'tury (III v. do n.e. – II v. n.e.) (History of Udmurt Kama Population in the Piany Bor epoch. Part II. Cheganda Culture Archaeological Sites (3rd Century BC – 2nd Century AD))* Series: Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Ural Archaeology) 11. Sverdlovsk; Izhevsk (in Russian).

Gening, V. F., Zhuravleva, G. N. 2019. In *Povolzhskaya arkheologiya (The Volga River Region Archaeology)* 27 (1), 150–163 DOI: <https://doi.org/10.24852/2019.1.27.150.163> (in Russian).

Goldina, R. D., Krasnopeorov, A. A. 2012. *Nyrgyndinskii I mogil'nik II-III vv. na Srednei Kame (Nyrgynda I Burial Ground from 2nd–3rd Centuries in the Middle Kama Area)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) Vol. 22. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

Grishakov, V. V., Zubov, S. E. 2009. *Andreevskii kurgan v sisteme arkheologicheskikh kul'tur rannego zheleznogo veka Vostochnoi Evropy (Andreevka Burial Mound in the System of the Early Iron Age Archaeological Cultures of Eastern Europe)*. Series: Arkheologiiia evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes) 7. Kazan: Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences; Samara Municipal Institute for Public Administration (in Russian).

Zubov, S. E. 2011. *Voinskie migratsii rimskogo vremeni v Srednem Povolzh'e (I–III vv.). Migratsionnye protsessy v formirovanii novoi etnokul'turnoi sredy po materialam arkheologicheskikh dannykh (Warriors Migrations of the Roman Time in the Middle Volga Area (1st–3rd Centuries). Migrational Processes in the New*

Ethnic-Cultural Milieu, by the Archaeological Data). Saarbrücken: Lap Lambert Academic Publishing (in Russian).

Zubov, S. E., Lifanov, N. A., Radiush, O. A. 2011. In *Voiazher: mir i chelovek (Voyager: World and Man)* 1, 13–30 (in Russian).

Zubov, S. E., Sattarov, R. R. 2018. In Vybornov, A. A. (ed.). *XXI Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie (21st Urals Archaeological Congress)*. Samara: “Samara State University of Social Sciences and Education”, “Porto-Print” Publ., 210–214 (in Russian).

Zubov, S. E., Sattarov, R. R., Tagirov, F. M. 2021. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 261–300 DOI: <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.2.261.300> (in Russian).

Kazakov, E. P., Starostin, P. N., Khalikov, A. Kh. 1972. In Bader, O. N. (ed.). *Otchety Nizhnekamskoi ekspeditsii (Reports of the Nizhnekamsk Expedition)* 1. Moscow: “Znanie” Publ., 105–121 (in Russian).

Krasnopeorov, A. A. 2009. In Bugrov, D. G. (ed.). *Drevniaia i srednevekovaia arkheologiya Volgo-Kamii (Prehistoric and Medieval Archaeology of the Volga and Kama Rivers Region)*. Series: *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 10. Kazan: Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences, 92–105. (in Russian).

Krasnopeorov, A. A. 2014. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Anan'inskii mir: istoki, razvitie, svyazi, istoricheskie sud'by (The World of Ananyino: Origins, Evolution, Relations, Historical Fate)*. Series: *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 20. Kazan: “Otechestvo” Publ., 331–351 (in Russian).

Krasnopeorov, A. A. 2018. In Mukhametzyanova-Duggal, R. M. (ed.). *Etnos. Obshchestvo. Tsvivilizatsiia: Piatye Kuzeevskie chteniia. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Ufa, 27–28 sentyabrya 2018 g.) (All-Russian Scientific and Practical conference “Ethnos. Society. Civilization: 5th Kuzeev's reading*

Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 2, 221–249 DOI: 10.24411/2587-6112-2021-10021 (in Russian).

Krasnopeorov, A. A. (in print). *Fibuly s knopkoy na konce sploshnogo plastinchatogo priemnika v Prikam'e i veroyatnye puti ih postupleniya (Fibulae with a button at the end of the solid plated receiver in the Kama region and the probable ways of their obtaining)* (in Russian).

Kuzminykh, S. V. 1983. *Metallurgiya Volgo-Kam'ia v rannem zheleznom veke (med' i bronza) (Metallurgy of the Volga-Kama Region in the Early Iron Age (Copper and Bronze))*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Kungurova, N. Yr., Oborin, Yr. V. 2013. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* (2), 126–136 (in Russian).

Kurinskih, O. I. 2011. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (3), 42–54 (in Russian).

Mazhitov, N. A., Pshenichniuk, A. Kh. 1968. In Kuzeev, R. G. (ed.). *Arkheologiya i etnografiya Bashkirii (Archaeology and Ethnography of Bashkiria)* III. Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences, 38–58 (in Russian).

Minyaev, S. S. 2007. *Dyrestuiskii mogil'nik (Dyrestuj burial ground)*. Series: *Arheologicheskie pamyatniki syunnu (Archaeological sites of the Hsiung-nu)* 3. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University Publ. (in Russian).

Moshkova, M. G. 1962. In Passek T.S. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 89. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 77–82 (in Russian).

Moshkova, M. G. 1963. *Pamiatniki prokhorovskoi kul'tury (Site of the Prokhorovka culture)*. Series: *Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources)* D1-10. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Miasnikov, N. S. 2017a. In Volkov, P. N. (ed.). *Aktual'nye problemy otechestvennoi i vseobshchei istorii: materialy LVII konferentsii prepodavatelei i studentov ChGPU im. I.Ya. Yakovleva po itogam nauchno-issledovatel'skoi raboty za 2016 g. (Current Issues of National and World History: Proceedings of the 57th Conference of Teachers and Students of Chuvash State Pedagogical University named after I.Ya. Yakovlev on the Results of Research Activities of 2016)*. Cheboksary: Chuvash State Pedagogical Institute, 190–204 (in Russian).

Myasnikov, N. S. 2017b. In Nikolaev, G. A. (ed.). *Chuvashskii gumanitarnyi vestnik (Chuvash Humanitarian Bulletin)* 12. Cheboksary: Chuvash State Institute for Humanities Publ., 3–26 (in Russian).

Pshenichniuk, A. Kh. 1970. *Nauchnyy otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh na territorii Bashkirii v 1970 g. (Scientific report on archaeological research on the territory of Bashkiria in 1970)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, no. 4107, 4107a (in Russian).

Pshenichniuk, A. Kh. 1986a. In Pshenichniuk, A. Kh. (ed.). *Arkheologicheskie raboty v nizov'iakh Beloi (Archaeological Works in the Belaya Mouth Area)*. Ufa: Bashkir Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 26–44 (in Russian).

Pshenichniuk, A. Kh. 1986b. In Pshenichniuk, A. Kh. (ed.). *Arkheologicheskie raboty v nizov'iakh Beloi (Archaeological Works in the Belaya Mouth Area)*. Ufa: Bashkir Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 45–74 (in Russian).

Sattarov, R. R. 2019. *Importnye predmety v p'ianoborskoj kul'ture (konets II v. do n.e. – II v. n.e.) (Import items in the Piany Bor Culture (end of the 2nd c. BC – 2nd c. AD))*. PhD Diss. Kazan (in Russian).

Sattarov, R. R. 2017. In Kamaleev E.V. (ed.). *Etnosy i kultury Uralo-Povolzhia istoriia i sovremennost' (Ethnic Groups and Cultures of the Ural-Volga Region: History and Modernity)*. Ufa: "Institute of Ethnological Studies" Publ., 103–106 (in Russian).

Sattarov, R. R., Kamaleev, E. V. 2022. In *Povolzhskaya arkheologiya (The Volga River Region Archaeology)* 41 (3), 225–247 DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2022.3.41.225.247> (in Russian).

Stolyarov, E. V. 2012. In Vorontsov, A. M., Gavritukhin, I. O. (eds.). *Lesnaia i lesostepnaia zony Vostochnoi Evropy v epohi rimskih vliianii i Velikogo pereselenija narodov. Konferentsiia 3. (Forest and Forest Steppe Zones of Eastern Europe in the Roman Era and the Migration period. Conference 3)*. Tula: State Museum-reserve "Kulikovo field", 79–118 (in Russian).

Stolyarov, E. V. 2021. In *Povolzhskaya arkheologiya (The Volga River Region Archaeology)* 35 (1), 131–147 DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2021.1.35.131.147> (in Russian).

Tagirov, F. M. 1993. In Rodnov M.I. (ed.). *Bashkirskii kraj (Bashkir Land)* 3. Ufa: "Litera" Publ., 175–203 (in Russian).

Tishkin, A. A., Matrenin, S. S. 2017. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 247, 74–86 (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 1962. In Arkhipov, G. A. (ed.). *Trudy Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Mari Archaeological Expedition)* II. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 7–187 (in Russian).

Sharapova, S. V., Malashev, V. YU. 2022. In *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 21 (1), 171–192 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.9>

Shinkar', O. A. 2007. In *Voprosy istorii i arkheologii Zapadnogo Kazakhstana (Issues of History and Archaeology of Western Kazakhstan)* 1, 103–119 (in Russian).

About the Author:

Krasnopeorov Alexander A. Candidate of Historical Sciences. Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt Federal Research Center, Ural Branch of RAS, Lomonosov St., 4, Izhevsk, 426004, Udmurt Republic, Russian Federation; alexander.kaa@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7931-4536>; ResearcherID-AAN -4831-2021

Статья поступила в журнал 01.12.2022 г.
Статья принята к публикации 01.02.2023 г.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.2.326.349>

КИПЧАКОВСКОЕ ГОРОДИЩЕ ПЬЯНОБОРСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЛЕСОСТЕПНОЙ ЗОНЕ ПРЕДУРАЛЬЯ

© 2023 г. С.Э. Zubov, R.R. Sattarov

В статье публикуются материалы раскопок Кипчаковского городища, проведенных С.Э. Zubovым в 2006 году. Полученная коллекция находок из раскопок и многочисленный подъемный материал, собранный на территории ежегодно распаханного городища позволил сделать вывод о его принадлежности к раннему этапу пьяноборской культуры и объединить его с одновременным Кипчаковским I курганно-грунтовым могильником в единый археологический комплекс. Указанные объекты археологии фиксируют сложные этнокультурные процессы сложения пьяноборской культуры, усложненные миграционными подвижками населения. В настоящей работе делается вывод об однослойности укрепленного поселения и его хронологической увязки с могильником, функционирование которых может определяться временем в пределах II в. до н.э. – I в. н.э. Значительная по сравнению с другими пьяноборскими укрепленными поселениями площадь городища (40 000 кв.м) и большие размеры могильника дают возможность предполагать, что Кипчаковское городище на рубеже эр выполняло роль административно-территориального центра первой величины. Учитывая малочисленность археологических работ на поселениях пьяноборской культуры в целом, и уникальность Кипчаковского археологического комплекса – в частности, авторы считают обоснованной публикацию исследования нового памятника археологии, материалы которого существенно дополняют картину историко-культурного развития региона в раннем железном веке.

Ключевые слова: археология, ранний железный век, пьяноборская культура, Кипчаковское городище, керамика, глиняная пластика.

KIPCHAKOVO HILLFORT OF THE PIANY BOR CULTURE IN THE FOREST-STEPPE ZONE OF THE CIS-URALS

S.E. Zubov, R.R. Sattarov

The authors consider the materials of the excavations by S.E. Zubov, carried out on the Kipchakovo hillfort in 2006. Set of artifacts and numerous surface finds from excavations obtained on the territory of the hillfort under the plough allow to conclude that it belongs to the early stage of the Piany Bor culture and unite it with the synchronous Kipchakovo I barrow – subsoil burial ground into one archaeological assemblage. These objects of archaeology demonstrate the complex ethnic and cultural processes of the Piany Bor culture formation, complicated by the migrations of the population. It is concluded that the fortified settlement is single-layered and chronologically connected with the burial ground and their functioning can be determined by time within the II century BC – I century AD. The sizeable area of the hillfort (40 000 m²) in comparison with other Piany Bor fortified settlements and the large size of the burial ground make it possible to suppose that the Kipchakovo hillfort was an administrative and territorial center of the big importance at the turn of the era. Taking into account the small number of archaeological works carried out on the Piany Bor culture settlements in general and the uniqueness of the Kipchakovo archaeological site in particular, the authors consider it reasonable to publish the study of this new archaeological site, the materials of which significantly supplement the picture of the historical and cultural development of the region in the Early Iron Age.

Keywords: archaeology, Early Iron Age, Piany Bor culture, Kipchakovo hillfort, ceramics, clay items.

В научной практике при изучении объектов археологического наследия раннего железного века лесостепной зоны Предуралья так уж сложилось, что наиболее исследованными являются погребальные памятники, в то время как поселенческие материалы остаются менее изученными. Этому есть ряд объективных и субъективных причин, на анализе кото-

рых мы не будем подробно останавливаться. Скажем только, что многие археологи (и мы здесь не исключение) предпочитают вместо кропотливого и сложного исследования на городище или селище (особенно это касается отчетной части) предпочитают проводить раскопки погребальных памятников. Особенно когда это касается оседлого населения

раннего железного века с достаточно богатым погребальным инвентарем и характерной погребальной практикой. Именно погребальные комплексы дают наибольший категорийный ряд артефактов (оружие, посуда, бытовые орудия, многочисленные украшения и пр.) для их использования в хронологических построениях, поскольку именно датирование является одной из ключевых проблем в археологии. Поселенческий материал не менее привлекателен для изучения жизнедеятельности древних человеческих коллективов, но получение новой и достоверной информации предполагает проведение широкомасштабных работ с большими объемами площадных раскопок. Не каждому исследователю это под силу в организационном или финансовом смысле.

При этом особую важность для реконструкции исторических процессов, понимания социально-культурных и технологических изменений во времени и пространстве дают исследования совокупности археологических объектов, входящих в единый комплекс памятников определенной группы населения. Такие исследования в научной практике существенно дополняют картину историко-культурного развития региона и населения, проживающего на этой территории в определенное время, либо в корне меняют сложившиеся представления о характере, месте, времени формирования и завершения археологических культур, их этнокультурной атрибуции. В целом дают качественно новую информацию об исторических процессах в древности.

Именно к таким объектам относится Кипчаковский археологический комплекс, материалы раскопок которого самым непосредственным образом влияют на осмысление процессов формирования пьяноборской археологической культуры, вопросов датирования ранних комплексов и изучения исторических коллизий, повлиявших на становление и развитие одной из интереснейших археологических культур эпохи раннего железного века в Волго-Уралье.

Кипчаковский археологический комплекс расположен в лесостепной зоне Предуралья, на коренной террасе правого берега р. Сюнь, левого притока р. Белой (рис. 1). Он включает в себя укрепленное поселение и кургано-грунтовый могильник, расположенный в непосредственной близости от внешнего вала Кипчаковского городища (рис. 2). Вместе эти

два археологических объекта, без сомнения, представляют собой единую археологическую совокупность памятников, материалы которых представлены раннепьяноборскими древностями и коррелируются между собой достаточно четко (Зубов, 2004, 2007, 2010; Гарустович, Тагиров, 2012; Зубов, Саттаров, 2018; Зубов, Саттаров, Тагиров, 2021, а, б; Овсянников, Зубов, 2022).

Мысовое городище, находящееся в непосредственной близости от могильника, впервые было введено в научный оборот В.Ф. Генингом под названием Минияровского (Генинг, 1971, с. 123), площадь которого исследователем была определена в 10 тыс. кв. м (Генинг, 1970, рис. 2: 2). При публикации этого памятника произошла, очевидно, опечатка, так как село, давшее название городищу, именуется Миньярово (Актанышский район Республики Татарстан). В ходе исследований 90-х гг. прошлого века была произведена привязка данного памятника к д. Кипчаково Илишевского района Республики Башкортостан (поскольку располагается на территории этой республики) и внесены серьезные коррективы в характеристику археологического объекта. Вместо одного вала, указанного в публикации, была обнаружена система оборонительных укреплений, состоявшая из трех валов: двух напольных и одного кокошничкообразного вала, защищавшего стрелку мыса, полого спускающуюся в пойму р. Сюнь. Фиксация первого напольного вала в значительной мере затруднена из-за ежегодной распашки, однако он превосходно читается на аэрофотосъемках 1967 года, да и современные космоснимки позволяют довольно четко фиксировать оба напольных вала. Общая площадь городища составляет примерно 40 000 кв. м вместо 10 000 кв. м по В.Ф. Генингу (Генинг, 1970, рис. 2: 2). Данное городище среди известных нам на сегодняшний день пьяноборских укрепленных поселений самое большое (Зубов, 1993; Зубов, 2007; Гарустович, Тагиров, 2012, с. 124). Для сравнения можно использовать сводку площадей пьяноборских (чегандинских) городищ, опубликованную В.Ф. Генингом, где наиболее крупные городища из представленных 36 не превышают 15 000 кв. м (Генинг, 1970, с. 16, табл. В). Указанное же в работах Д.Г. Бугрова Умировское городище с заявленной площадью 44 000 га (Бугров, 2006а, табл. 4: № 183; Бугров, 2006б, табл. 1:

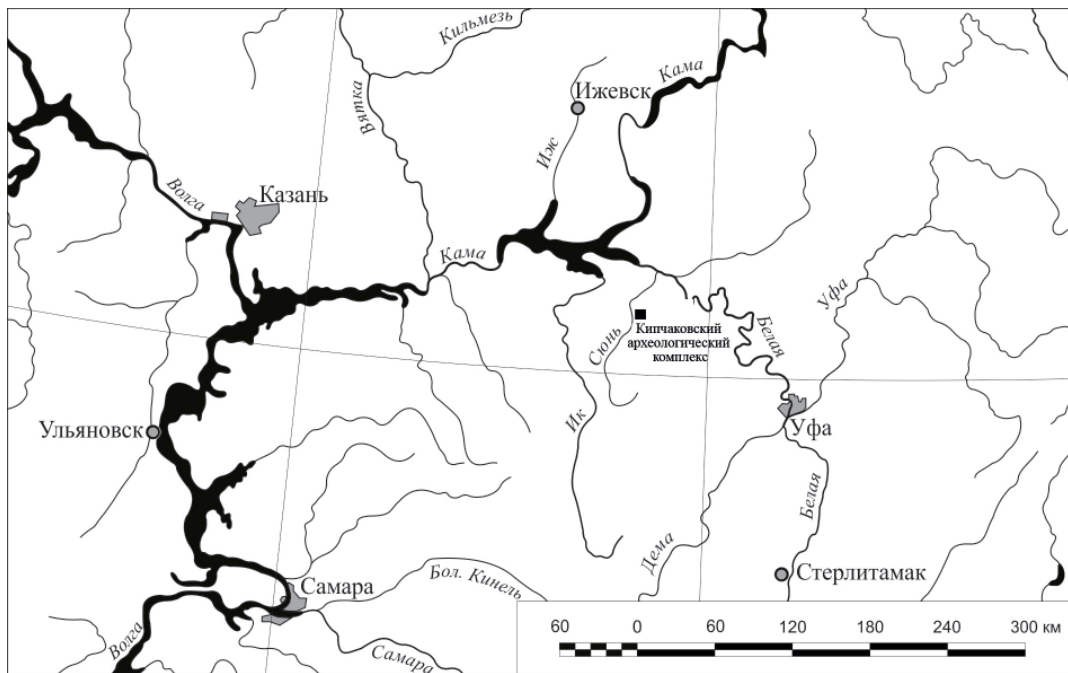

Рис. 1. Расположение Кипчаковского археологического комплекса
 Fig. 1. Location of the Kipchakovo archaeological site

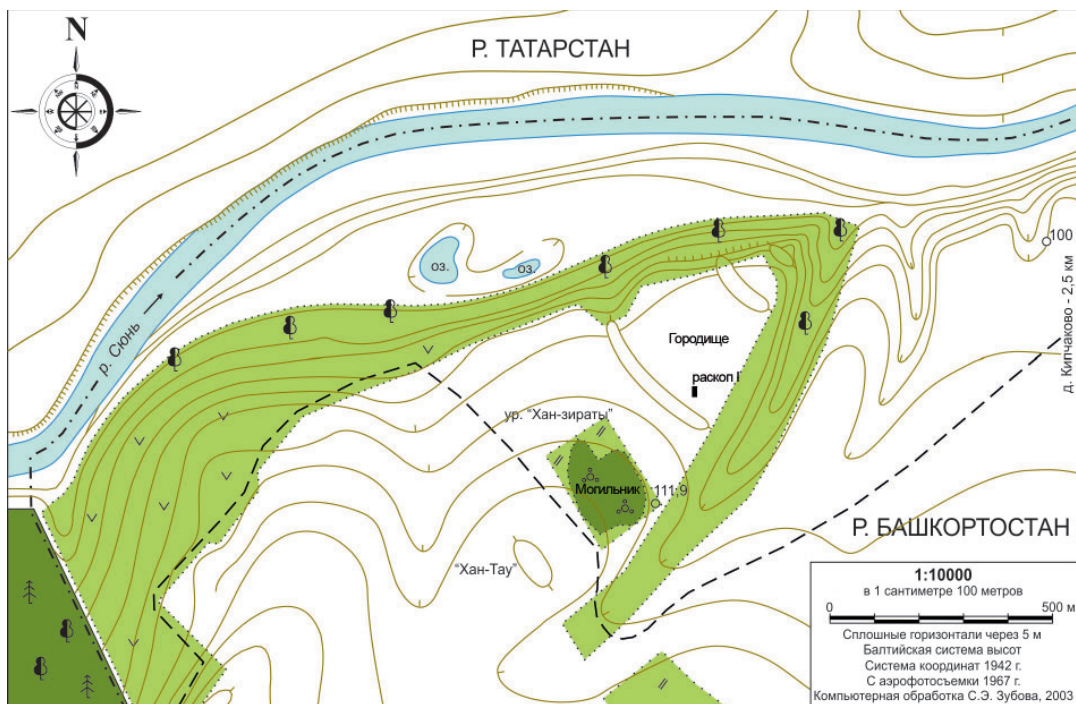

Рис. 2. Топографический план Кипчаковского археологического комплекса (Кипчаковское городище с указанием раскопа I 2006 г. и Кипчаковский курганно-грунтовый могильник в урочище «Хан-зираты»)
 Fig. 2. Topographic plan of the Kipchakovo archaeological complex (Kipchakovo hillfort with an indication of 2006 excavation I and Kipchakovo I barrow – subsoil burial ground in the survey mark "Khan-Ziraty")

№ 28) является небольшим селищем на мысу ручья Кору-Елга (левый приток р. Сюнь) с весьма скудным культурным слоем. За оборонительные сооружения были приняты валики опашки сокращающихся сельскохозяйственных полей.

Мысовая площадка Кипчаковского городища ровная, с небольшим понижением в северо-северо-западной части, с северной стороны ограничена обрывом террасы в сторону реки Сюнь, восточная сторона – крутым глубоким оврагом с протекающим по его дну ручьем.

На территории этого укрепленного поселения, ежегодно подвергающегося распашке при сельскохозяйственной деятельности, собран значительный подъемный материал, который убедительно соотносится с древностями раннего этапа археологической пьяноборской культуры. Среди подъемной коллекции большое количество керамического материала и остеологических останков. Фрагменты керамических сосудов (рис. 3: 1–4, 6–8) в цветовой гамме от светло-оранжевого до серого в большинстве своем с примесью толченой речной раковины из двустворчатой перловицы обыкновенной (лат. *Unio pictorum*), фрагменты которой встречаются среди подъемного материала на городище. Преобладают формы слабопрофилированных горшков с более или менее выраженным плечиком и открытых чаш с округлыми, иногда слегка уплощенными днищами. К днищу стенки сосудов немного утолщаются. Размеры керамических сосудов по устью укладываются в среднем в пределах 15–30 см в диаметре. Средняя толщина стенок в пределах 5–8 мм. Хотя встречаются очень маленькие сосудики с тонкими (3–4 мм) стенками высотой 5–6 см с диаметром горловины 4–5 см. Большинство сосудов украшено по шейке одним рядом круглых ямочных вдавлений. Иногда этот орнаментальный элемент усложняется треугольниками из таких же ямочных вдавлений. Ряд фрагментов украшен круглыми трубчатými оттисками. Кроме этого, в небольшом количестве присутствуют фрагменты сосудов с «веревочным» орнаментом из одного, двух и более (до четырех) поясков. Единично встречены фрагменты с «веревочным» орнаментом в виде волны, повторяющихся треугольников, колец и пр. Еще реже встречаются фрагменты сосудов, украшенные различными по размеру и форме удлиненными вдавлениями.

Керамическая коллекция подъемного материала была исследована при помощи технико-технологического анализа Н.П. Салугиной (г. Самара) и В.И. Мухаметдиновым (г. Уфа). Если резюмировать результаты этих исследований, то можно сказать, что исходное пластичное сырье в целом делится на две неравномерные группы: незапесоченная глина с содержанием оолитового бурого железняка в большинстве исследованных фрагментов керамики, в единичных случаях – запесоченная глина. При составлении формовочной

массы в качестве искусственных компонентов в ряде случаев вводились органика, кальцинированная дробленая кость. При этом практически во всей массе керамического материала в качестве основного компонента формовочной массы присутствует дробленая раковина размером от пылевидных фракций до 1 мм (среднее значение 0,2–0,5 мм) в разной концентрации от 1:2 до 1:7. Обработка поверхности сосудов производилась преимущественно заглаживанием инструментом с эластичной рабочей частью, мягкими предметами (тканью, овчиной и пр.). На некоторых сосудах фиксируется лощение по поверхности. Обжиг сосудов, предположительно, мог осуществляться в условиях смешанной окислительно-восстановительной атмосферы.

На территории городища собрана небольшая коллекция и фрагментов глиняной обмазки строительных сооружений (рис. 3: 5). На некоторых из них сохранились отпечатки прутьев.

Из других керамических изделий, происходящих с поверхностных сборов, следует отметить пряслица разнообразных форм – дисковидные, сегментовидные и в форме усеченного конуса. Некоторые из них орнаментированы (рис. 3: 15–20). Найдены две керамические бусины серо-оранжевого цвета с тонкими (0,5 мм) сквозными отверстиями (типа рис. 7: 20).

В числе поверхностных сборов с распахиваемой площадки городища следует отметить две фрагментированные керамические лепные фигурки. Антропоморфная фигурка с раскинутыми в стороны руками и условно вылепленной головой конусовидной формы обломана в районе пояса. На фигурке фиксируются элементы украшений одежды типа запашного кафтана или армяка с отделкой по бортам. На спине фигурки одежда также декорирована различными прочерченными по сырой глине геометрическими узорами, возможно отражающими украшение верхней одежды из аппликации или вышивки (рис. 3: 9). Вторая фрагментированная лепная фигурка, по всей очевидности, является изображением лошади (рис. 3: 10). Она представляет собой вытянутое округлое туловище с четырьмя обломанными ногами и обломанным хвостом. На сохранившемся фрагменте шеи (голова также обломана) довольно хорошо выделена грива путем прищипывания (оттягивания) от общей

Рис. 3. Керамический подъемный материал с Кипчаковского городища

Fig. 3. Ceramic surface finds from the Kipchakovo hillfort

формы. Среди пьяноборских древностей это вторая глиняная зооморфная фигурка лошади. Первая происходит из коллекции Серенькиного городища на р. Белой и представляет собой фрагмент из головы и шеи животного (Иванов, 2003, с. 202, рис. 6: 7).

Собрана небольшая коллекция фрагментированных глиняных изделий, форма которых напоминает короткие ножки сосудиков, вполне возможно от курильниц или алтариков (рис. 3: 11–14; 4: 4). На это как будто указывают сферические вдавления на некоторых из них, похожие на оттиски круглодонной основы. Фрагментарность этих изделий позво-

ляет исследователям по-разному трактовать данную категорию находок. В.А. Иванов определил их основанием антропоморфных фигурок (Иванов, 1976, рис. 2: 6, 7, 9; Иванов, 2003, с. 202), а глиняную гантелевидную фигурку круглого сечения, украшенную двумя поясками вертикальных насечек (Серенькино городище, раскопки 1989 г.), отметил как фишку, сославшись на мнение авторов раскопок (Иванов, 2003, с. 202). М.Ф. Обыденнову и К.И. Корепанову в подобных этим изделиях видятся фаллические (?) символы (Обыденнов, Корепанов, 2001, с. 60–66, рис. 49: 5, 7; 50: 5, 6; 53: 12). Кстати, и В.А. Иванову также

привиделся фаллос в коллекции глиняных антропоморфных фигурок Серенькиного городища (Иванов, 2003, с. 202).

Остеологические сборы с поверхности городища состоят из остатков млекопитающих, птиц и рыб. В разные годы эти сборы осматривали и определяли видовой состав А.П. Косинцев, В.В. Гасилин, Н.В. Рослякова. Кости млекопитающих на Кипчаковском городище преобладают. Домашние виды представлены костями лошади, крупного рогатого скота, мелкого рогатого скота, свиньи и собаки. На некоторых фрагментах обнаружены следы искусственного воздействия. Среди них преобладают следы воздействия открытого огня и кухонной разделки. Степень раздробленности костей и следы искусственного воздействия на них позволяют отнести преобладающую часть остеологической коллекции к категории «кухонные остатки». Охотничьи виды млекопитающих представлены костями медведя, зайца, бобра, куницы, выдры.

Изделия из кости представлены фрагментированной заготовкой псалия (?) с намеченными вырезами (рис. 4: 2) и застежкой с неподвижным штырем, расположенным не по центру, а в верхней (нижней) части изделия (рис. 4: 6).

В достаточно большом количестве на поверхности укрепленного поселения собраны шлаки черной металлургии и медеплавильного производства. Интересно, что эти находки концентрировались преимущественно на примыкающих к первому напольному валу территориях городища.

Из железных предметов с поверхности городища найдены небольшая пластина с отверстием в центре (рис. 4: 3) и мотыжка-тесло с незамкнутой втулкой и довольно узкой (2 см) рабочей частью (рис. 4: 1), что больше напоминает плотницкий инструмент (тесло, стамеска, долото).

В 2012 году Ф.М. Тагиров обнаружил плоскую бронзовую накладку с изображением протом медведей (рис. 4: 5). По мнению В.В. Овсянникова, эта находка первоначально выполняла роль распределителя ремней. Впоследствии, после удаления петель на обороте, служила, вероятно, в качестве нашивки. Анализ предметов с изображением протом медведей позволил исследователю связать кипчаковскую находку с кара-абызскими

древностями и отнести их к одной изобразительной и технологической традиции (Овсянников, 2013; Овсянников, Зубов, 2022).

При открытии В.Ф. Генингом городища не был обнаружен курганный могильник, находящийся в 70–80 м к юго-западу от первого внешнего вала городища. Территория, на которой располагается могильник, местными жителями называется «Хан-зираты» (могила хана, ханское кладбище), где, согласно легенде, захоронены хан и его воины. Ставка хана, по преданию, располагалась на горе, именуемой «Хан-Тау» (ханская гора), – наивысшей точке, видимой со стороны д. Кипчаково, у северо-восточного подножия которой и находится могильник. Местонахождение могильника было указано местным жителем д. Кипчаково У.Х. Басыровым сотруднику Башкирского государственного объединенного музея Ф.М. Тагирову, проводившему весной 1990 года разведочные археологические работы в Илишевском районе (Тагиров, 1990). Летом этого же года могильник был обследован отрядом археологической экспедиции Башкирского научного центра УрО АН СССР под руководством В.А. Иванова и Г.Н. Гарустовича. Для определения культурной принадлежности курганного могильника были раскопаны две курганные насыпи, под которыми было исследовано восемь погребений, погребальный инвентарь которых соотносился с материалами пьяноборской культуры раннего железного века. В дальнейшем исследования на могильнике проводились Ф.М. Тагировым и С.Э. Зубовым, а полученные в результате раскопок материалы позволили отнести могильник к числу курганно-грунтовых.

Кипчаковский некрополь резко выделяется на фоне остальных пьяноборских памятников своим погребальным обрядом (наличие подкурганных и грунтовых захоронений, в основе своей хронологически синхронных) в сочетании с типично пьяноборским инвентарем, а также наиболее ранней хронологической позицией (II в до н. э. – I в. н. э.) по сравнению с другими, исключительно грунтовыми, пьяноборскими могильниками (Зубов, 2010, с. 72, Зубов, Саттаров, Тагиров, 2021а, с. 265; Зубов, Саттаров, Тагиров, 2021б, с. 504).

В 1992 году во время раскопок Кипчаковского I курганно-грунтового могильника (Зубов, 1993) В.В. Овсянниковым был исследован

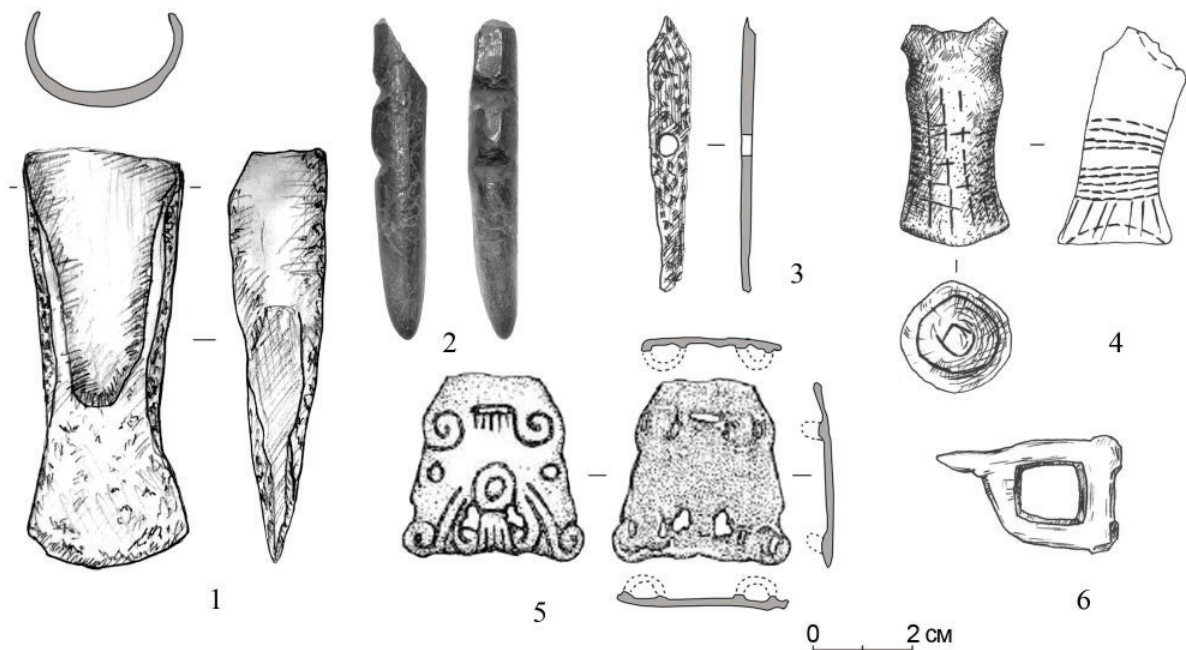

Рис. 4. Подъемный материал с Кипчаковского городища (продолжение)

Fig. 4. Surface finds from the Kipchakovo hillfort (continuation)

дован вал, перекрывающий стрелку мыса (Овсянников, 1993). В 2001 году для оценки мощности культурного слоя Ф.М. Тагировым была произведена разведочная шурфовка на территории Кипчаковского городища (Гарустович, Тагиров, 2012).

В 2006 году С.Э. Зубов провел небольшие раскопки на территории городища (рис. 2). Раскоп площадью 192 кв. м был заложен в юго-восточной части площадки городища примерно в 10 м от первого напольного вала. Раскоп ориентирован по сторонам света, длинной стороной по линии С–Ю.

В раскопе была зафиксирована следующая стратиграфия:

1. Слой гумусированного суглинка темно-коричневого цвета, насыщенный находками. Почвенная структура пылевидная или мелкозернистая. Верхняя часть слоя ежегодно подвергается распашке. Мощность слоя 40–45 см.

2. Материк – плотный суглинок светлорыжевого цвета. Почвенная структура мелкозернистая.

Изучение культурного слоя городища производилось условными горизонтами по 10–15 см до материка. В юго-западной части раскопа зафиксировано сооружение, уходившее в южный борт раскопа. На дне сооружения выявлено скопление камней. Вероятнее всего,

это сооружение по своему функциональному назначению относится к производственным. Об этом свидетельствует достаточно большое количество шлаков, керамики и костей животных, сконцентрированных в юго-западных квадратах раскопа (рис. 6). Наибольшая их концентрация приходится на квадраты 1, 2 по линии А, Б, В, где и была зафиксирована окраинная часть сооружения. Кроме того, необходимо отметить, что некоторое количество массового материала сосредоточено и в северо-западной части раскопа. Вероятно, в этой части раскопа была исследована периферия какого-то сооружения производственного, судя по наличию шлаков, характера. Границы этого предполагаемого сооружения в северо-западной части исследованного участка не зафиксированы.

Всего в раскопе найдено 1622 предмета: фрагменты керамической посуды (1090 ед.), кости животных (275 ед.), куски обожженной глины (обмазки) (60 ед.), обломки раковин (129 ед.), индивидуальные находки (62 ед.) из металла (железа и бронзы), кости, глины и камня.

Керамика Кипчаковского городища представлена лепной, круглодонной, слабопрофилированной тонкостенной посудой. Цвет поверхности черепков от светло-коричневого до темно-серого. Визуально в качестве

компонента формовочной массы прослеживается значительное содержание толченой раковины моллюсков (перловиц). Поверхность черепков преимущественно заглажена мягкими предметами (тканью, овчиной и пр.).

Орнаментированная керамика представлена следующими группами:

группа 1 (99 ед.) – горизонтальный поясok из ямок-вдавлений через равные интервалы (1–2 см) по верху сосуда, преимущественно по шейке. Глубина вдавлений равна примерно половине толщины стенки сосуда (рис. 5А: 1–4, 7);

группа 2 (6 ед.) – два ряда аналогичных ямок 1 группы. Система расположения ямок по отношению друг к другу различна. Присутствуют фрагменты керамики с ямками, расположенными друг под другом (в одном случае ямки-вдавления имеют вид уплощенного овала, а глубина вдавления несколько меньше обычных), и две линии ямок, образующих зигзаг (рис. 5А: 6, 9);

группа 3 (3 ед.) – горизонтальный шнур («веревочка») нанесен совместно с пояском ямок. Линия ямок расположена выше и параллельно линии шнура, расстояние между круглыми вдавлениями 1–2 см (рис. 5А: 8);

группа 4 (4 ед.) – горизонтальные полосы шнура идут параллельно друг другу, шнуровой орнамент состоит из двух-трех отгисков «веревочки» (рис. 5А: 11). Сильно фрагментарный характер одного из обломков этой группы предполагает возможность наличия более трех полос, поскольку над горизонтальными полосами расположены три косые линии, предполагающие, что они вписаны в орнамент из параллельных шнуров (рис. 5А: 12);

группа 5 (2 ед.) – с внутренней стороны выявлен ряд полос, которые можно отнести к особым технологическим приемам изготовления керамической посуды (заглаживание?) (рис. 5А: 14);

группа 6 (1 ед.) – круглый кольцевой орнамент, нанесенный штампом (полый костью), диаметром 10 мм, дополненный круглой ямкой по центру. Поскольку фрагмент маленького размера, судить о системе орнамента сложно (рис. 5А: 13);

группа 7 (1 ед.) – накольчатый, бессистемный орнамент по шейке сосуда. Керамический сосуд представляет собой невысокую (3,5 см), малого диаметра (около 3 см по внутренне-

му краю) чашу. По форме, толщине стенок, структуре теста больше напоминает тигель (ляячку) (рис. 5А: 10);

группа 8 (5 ед.) – сквозные отверстия, вероятнее всего, относятся к системе крепления рукояти для переноса посуды (рис. 5А: 5).

Традиционно сосуды со шнуровым орнаментом исследователями относятся к ананьинским древностям (Чижевский и др., 2021, с.192–195). В настоящей выборке подобная посуда представлена всего семью орнаментированными венчиками, что составляет около 6% всех сосудов. «Классическая» пьяноборская посуда составляет около 82%. Близкие цифры были получены и В.А. Ивановым при изучении керамики городища Серенькино. Керамика, украшенная отрисками шнура, по его подсчетам, составила 8,1% всех сосудов, керамика с горизонтальным пояском из ямок – 87,2% (Иванов, 2003, с. 203).

В раскопе собрано 275 фрагментов костей животных¹. Естественная сохранность большинства костей животных, собранных на поселении, оценивается как хорошая и отличная, она оценивается соответственно в 4–5 баллов (по пятибалльной шкале). Среднее значение индекса искусственной раздробленности – 36,9 фрагментов на 1 куб. дм. Оно является обычным для кухонного расчленения целых костей, которое варьирует от 10 до 50 фрагментов на 1 куб. дм.

На 27,6% всех фрагментов обнаружены следы искусственного воздействия. Среди них преобладают следы воздействия открытого огня (78,9%) и кухонной разделки (15,8%). Степень раздробленности костей и следы искусственного воздействия на них позволяют отнести всю коллекцию к категории «кухонные остатки».

До видового уровня определено 83,4% всех костей. Osteологическая коллекция из Кипчаковского городища состоит из остатков млекопитающих, птиц и рыб. Кости млекопитающих составляют 95,4% всех костных материалов. Домашние виды представлены костями крупного рогатого скота (*Bos taurus*), лошади (*Equus caballus*), мелкого рогатого скота (*Ovis/Capra*), свиньи (*Sus scrofa forma domestica*) и собаки (*Canis familiaris*). Охотничьи виды млекопитающих: медведь (*Ursus arctos*), заяц (*Lepus sp.*) и бобр (*Castor fiber*).

Индивидуальные находки представлены предметами вооружения, хозяйственно-быто-

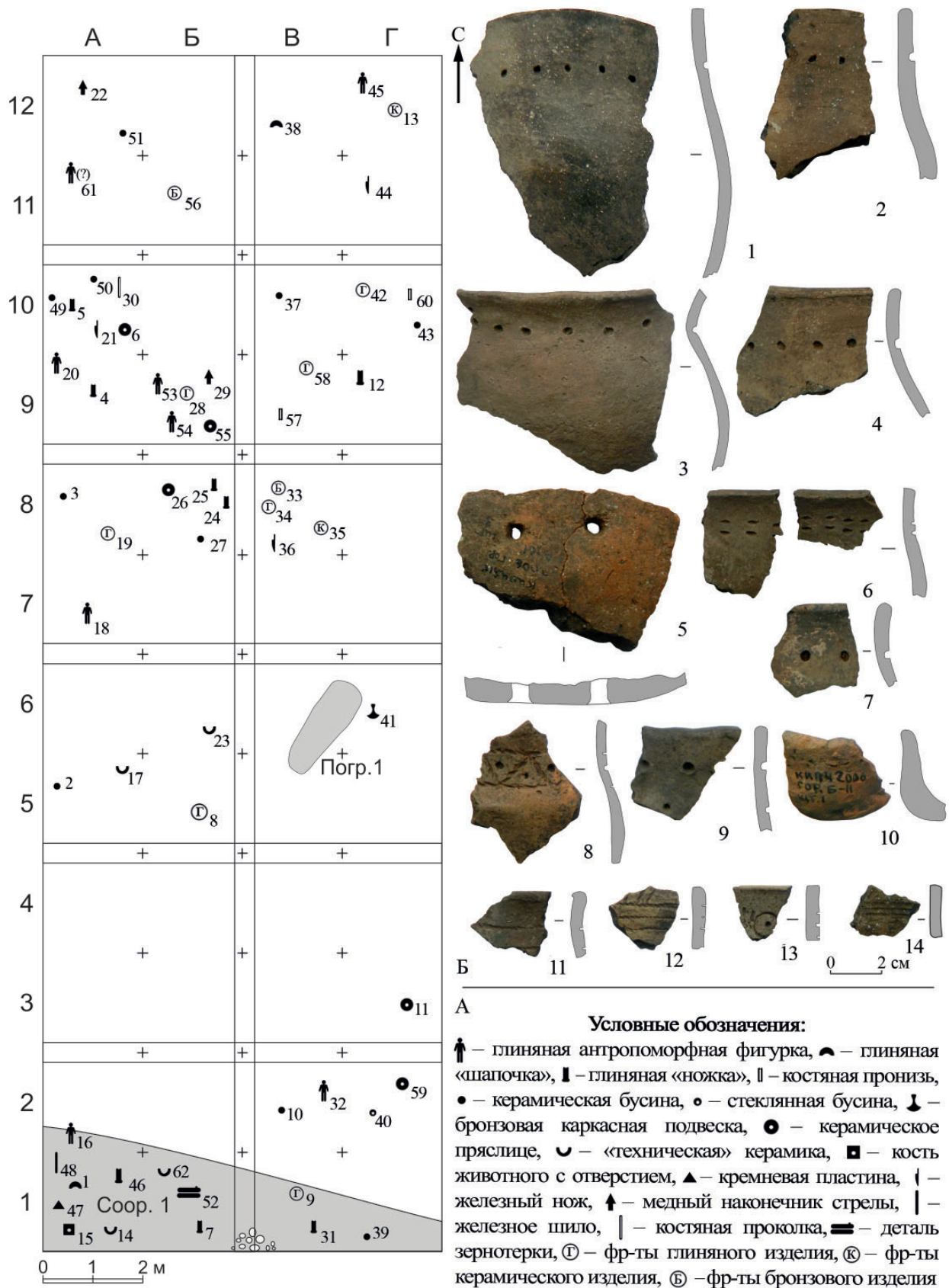

Рис. 5. Общий план раскопа I 2006 г. Кипчаковского городища с указанием индивидуальных находок (А) и орнаментированная керамика (Б)
Fig. 5. General plan of 2006 excavation I on the Kipchakovo hillfort with the indication of solitary finds (A) and ornamental pottery (B)

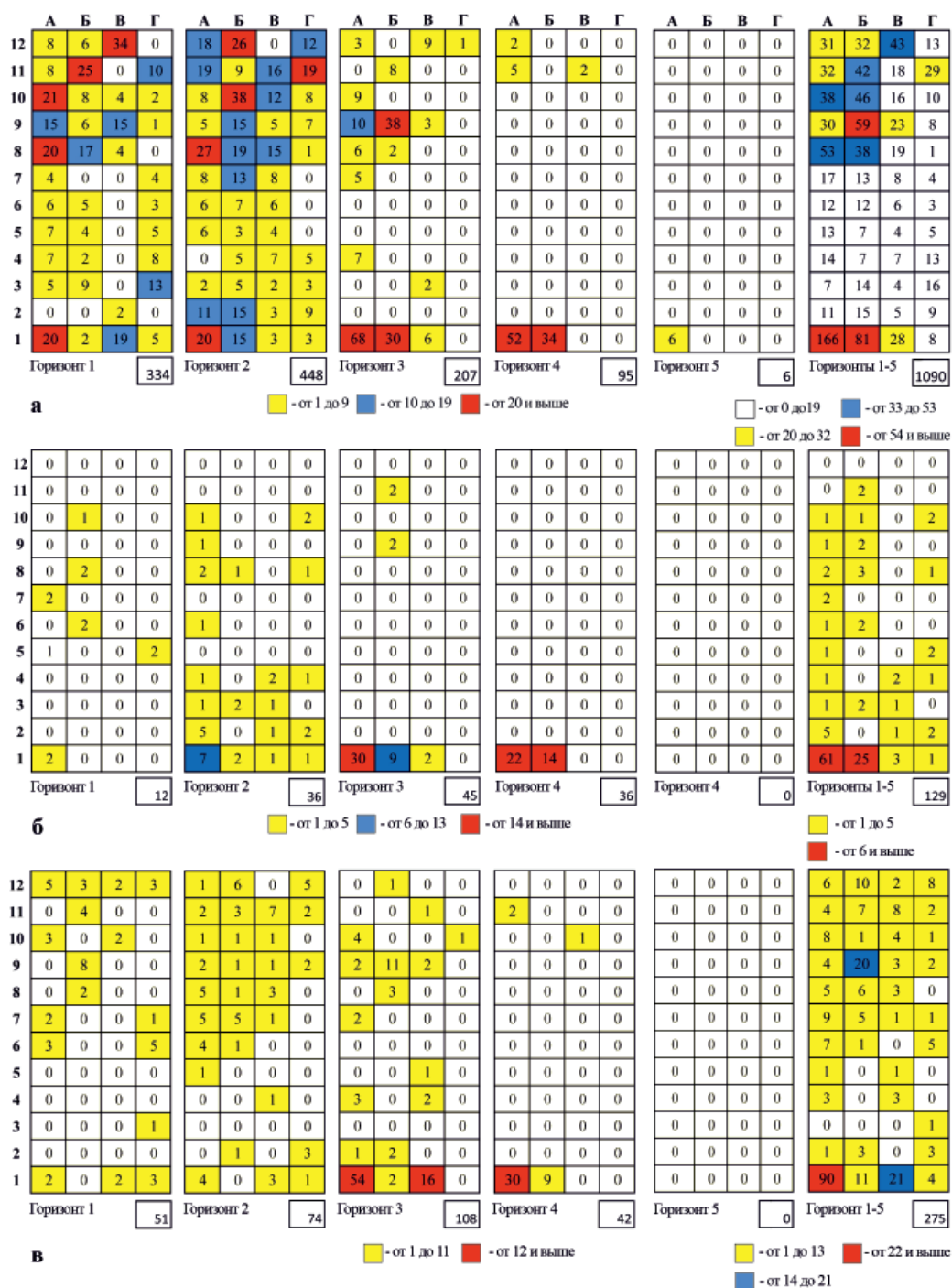

Рис. 6. Распределение массовых находок раскопа I 2006 г. Кипчаковского городища:

а – фрагменты керамической посуды; б – шлаки; в – кости животных

Fig. 6. Distribution of frequent finds at 2006 excavation I from the Kipchakovo hillfort:

а – fragments of pottery; б – slags; в – animal bones

вого назначения и украшениями. Предметы вооружения (2 ед.) представлены медными трехлопастными наконечники стрел с треугольной головкой и выступающей втулкой (рис. 7: 35, 36). Такие наконечники находят полные аналогии в сарматских (Мошкова, 1962, 1963; Хазанов, 1971; Скрипкин, 1990) и кара-абызских древностях (Иванов, 1984).

Украшения представлены каркасной подвеской и бусами. Каплевидные каркасные подвески (рис. 7: 37), изготовленные из бронзы, являются довольно редкими находками в памятниках пьяноборской культуры. Нами учтено 18 находок, которые происходят из семи могильников: Камышлытамакского I, Кушулевого I и II, Уяндыкского I (Агеев,

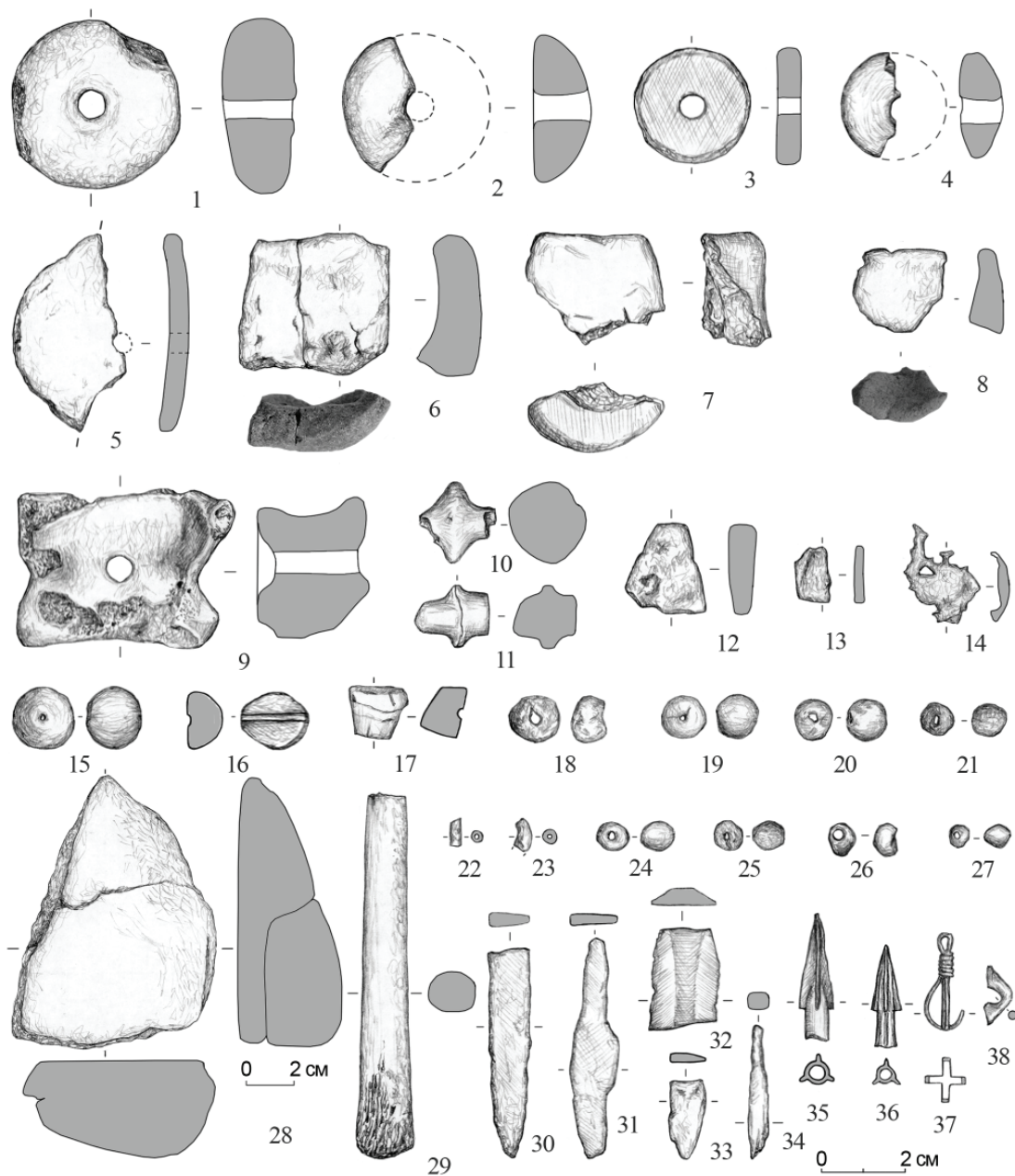

Рис. 7. Индивидуальные находки с раскопа I 2006 г. Кипчаковского городища.

Fig. 7. Solitary finds at 2006 excavation I of the Kipchakovo hillfort.

1992, с. 32, 112, табл. 1: 15), Кипчаковского I (Зубов, 2007, с. 91, рис. 1: 25–28), Старокиргизовского (Лифанов, 2017, инв. № 631) Старочекмакского I (Старостин, 1977, рис. 72: 1) и Ныргындинского I (Голдина, Красноперов, 2012, табл. 91: 3, 4) могильников. В хронологическом отношении каркасные подвески бытовали на всем протяжении существования пьяноборской культуры.

Бусы по материалу изготовления делятся на керамические (10 ед.), стеклянные (1 ед.) и костяные (2 ед.). Керамические бусы имеют округлые или бочковидные формы, поперечно сжатые, с примесью мелкоотолченной раковины

или скорлупы в составе теста (рис. 7: 15, 16, 18–21, 25–27). Лишь форма одного экземпляра несколько отличается. Бусина представлена в виде удлиненной дугообразной пронизы, один из концов обломан (рис. 7: 23).

Костяная бусина представлена удлиненной цилиндрической пронизью, один из краев которой скошен под углом (рис. 7: 22). В раскопе также был обнаружен фрагмент зуба человека² со сквозным отверстием, просверленным в его корневой части (рис. 7: 17).

Стеклянная бусина (рис. 7: 19) представлена одноцветной бусиной из голубого стекла, которая соотносится с типом 16 по

классификации Е.М. Алексеевой. Подобные бусы в Северном Причерноморье употреблялись в эллинистическое время и первые века н. э. Бусы с мягкими очертаниями и гладкими краями отверстий, к которым относится кипчаковская бусина, отмечены только в комплексах IV–I вв. до н. э. (Алексеева, 1978, с. 65). В пьяноборской культуре бусы этого типа имеют широкую дату, встречаясь на всем протяжении существования культуры (Саттаров, 2019, с. 82).

В раскопе также найдена бронзовая петля (рис. 7: 38) для крепления изделия, подобного бляшке или накладке (?). Установить тип изделия не представляется возможным.

Предметы хозяйственно-бытового назначения представлены изделиями из железа (ножи, шило), глины (пряслица, «техническая» керамика), камня (деталь зернотерки) и кости (рукоять проколки). Здесь же рассматриваются антропоморфные изделия, «шапочки», «ножки» и изделия неясного назначения.

Ножи (рис. 7: 30, 31, 33) представлены тремя экземплярами (одним целым и двумя фрагментами). Целый экземпляр имеет вогнутую спинку и уступ при переходе лезвия в черенок. Подобные находки, получившие название в литературе «ножи с горбатой спинкой», атрибутируются ананьинским и раннепьяноборским временем (Красноперов, 2020, с. 324). По мнению А.А. Красноперова, «ножи с горбатой спинкой» имеют более широкое время бытования, вплоть до первых веков н. э. (Красноперов, 2020, с. 325).

Шило представляет собой четырехгранный железный стержень, утонченный к черешку (рис. 7: 34). В пьяноборских могильниках шилья из четырехгранного стержня представлены достаточно широко (Агеев, 1992, с. 50, 119). В раскопе также найдено костяное изделие, которое предположительно является рукоятью костяной проколки (рис. 7: 29).

Пряслица (5 экз.) по материалу и технике изготовления делятся на две группы: керамические, вырезанные из стенки сосуда, и керамические лепные. К первой группе относится одно фрагментированное изделие дисковидной формы из стенки лепного сосуда с примесью раковины в тесте (рис. 7: 5). Остальные пряслица относятся ко второй группе. Все они изготовлены ручной лепкой из глины с примесью раковины (рис. 7: 1–3) или без нее (рис. 7: 4). По форме сечения пряслицы

второй группы делятся три типа: овальные (рис. 7: 1), прямоугольные (края диска немного сглажены) (рис. 7: 3) и полусферические (рис. 7: 4). Рассмотренные пряслица довольно часто встречаются на ананьинских и пьяноборских поселениях (Черных, 2021, с. 64, 65, 70).

Деталь зернотерки (рис. 7: 28) изготовлена из известняка-ракушечника. Зернотерки являются нередкими находками на памятниках раннего железного века Волго-Камья. Обычно представляли собой конструкцию из двух овальных или подпрямоугольных в плане каменных плит: массивной нижней (постав, или собственно зернотерка) и более легкой и меньшей по размеру верхней (бегун, или терочник) (Бугров, 2006а, с. 60). Сохранившуюся деталь зернотерки из Кипчаковского городища сложно отнести к какому-либо конструктивному элементу зернотерки.

В раскопе найден фрагмент венчика сосуда (тигель, льячка (?)) с ошлакованной поверхностью, что свидетельствует об его использовании в металлургии или металлообработке (рис. 7: 6). Подобная посуда в научной литературе получила обозначение «техническая керамика» (Бугров, 2006а, с. 97). Вероятнее всего, к технической керамике относятся еще два фрагмента венчика от разных сосудов с диаметром горла около 3 см (рис. 7: 7, 8).

Особый интерес представляют находки глиняной пластики. При исследовании городища найдено семь антропоморфных фигурок (рис. 8: 1–3, 7–10), две «шапочки» (рис. 8: 5, 6) и восемь «ножек» (рис. 8: 11–18). Кроме этого, было найдено одно фрагментированное изделие из обожженной глины (рис. 8: 4), состояние и форма которого не позволяет однозначно отнести его к определенному типу находок. Антропоморфные фигурки представляют собой довольно однородную группу скульптурных изделий из обожженной глины. В большинстве своем основные части тела вылеплены без особой детализации. На многих из них прочерчены различные символы. На ряде фигурок читаются детали одежды.

Весьма интересен факт, который удалось установить в ходе археологических исследований: для фигурок отдельно изготавливались и головные уборы. Характерной особенностью этих изделий является конусовидная внутренняя полость. Известно, что практически все антропоморфные фигурки имеют

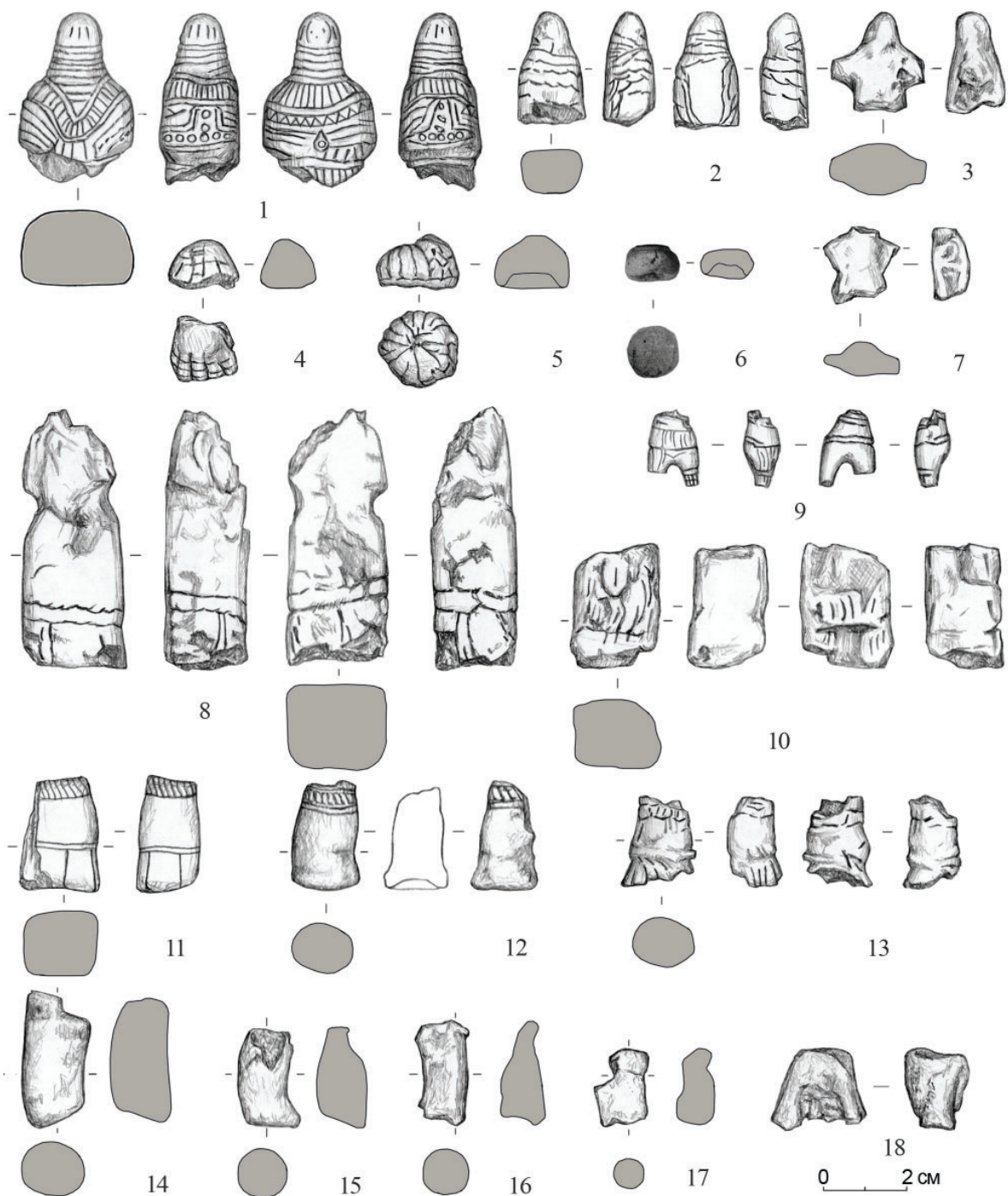

Рис. 8. Индивидуальные находки с раскопа I 2006 г. Кипчаковского городища (продолжение).

Fig. 8. Solitary finds at 2006 excavation I of the Kipchakovo hillfort (continuation).

голову в виде конуса. Именно эти наблюдения позволили отнести эти изделия к головным уборам – «шапочкам» (Саттаров, 2013, с. 111). Исследователи из Ижевска также отметили возможную принадлежность этих находок к головным уборам (Голдина и др., 2007, рис. 18: 1, 2).

На сегодняшний день известно достаточно большое количество глиняных антропоморф-

ных фигурок с поселенческих материалов ананьинской культурно-исторической области и пьяноборской культуры (Голдина и др., 2013, с. 58–64). Среди погребального инвентаря глиняных изделий антропоморфного и зооморфного характера до настоящего времени не обнаружено.

К предметам неясного назначения относятся два волчковидных изделия, изго-

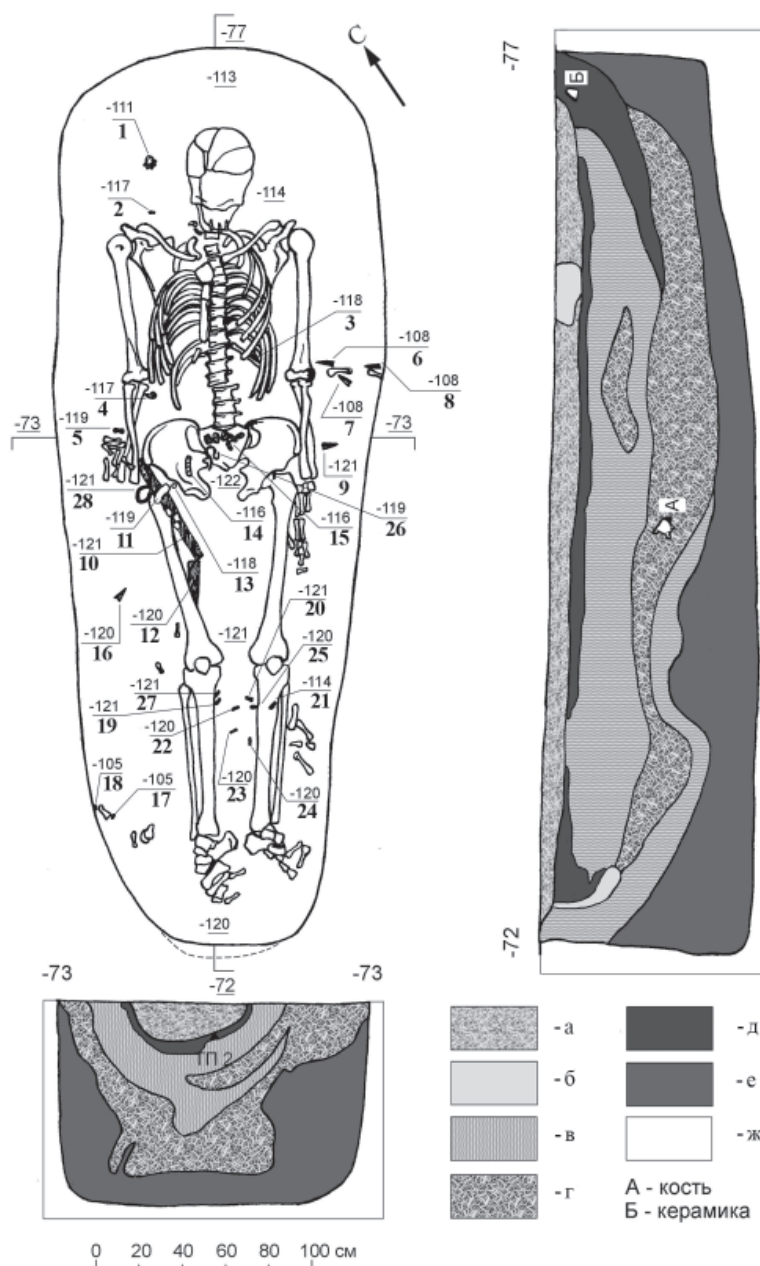

Рис. 9. План погребения 1 из раскопа I 2006 г. Кипчаковского городища
Fig. 9. Plan of burial 1 from 2006 excavation I of the Kipchakovo hillfort

товленных из глины (рис. 7: 10) и камня (рис. 7: 11), таранная кость МРС с искусственным просверленным отверстием³ (рис. 7: 9), фрагменты глиняных плиток (рис. 7: 12, 13) и бронзового изделия (рис. 7: 14).

В коллекции индивидуальных находок имеется кремневая пластина (рис. 7: 32) из так называемого слоистого кремня. Орудия из такого типа кремня широко распространены на памятниках финала неолита – раннего энеолита (конец V – IV тыс. до н. э.) в Нижнем Прикамье и особенно в приустьевой части р. Белой (Галимова, 2012, с. 25; Лыга-

нов и др., 2015, с. 72, рис. 2), но в данном конкретном случае мы не рассматриваем эту единичную находку в этом хронологическом контексте, поскольку использование кремня для добычи огня было широко распространенным явлением вплоть до Нового времени.

В центральной части раскопа 2006 г. выявлено погребение 1 (рис. 9), которое было ориентировано по оси ССВ – ЮЮЗ⁴. Могильная яма имела в плане подчетыреугольную форму с закругленными углами длиной 207 см, шириной в северо-северо-восточной части

до 70 см, максимальной шириной до 75 см, далее постепенно сужалась к ЮЮЗ до 40 см. Стенки ямы вертикальные, с ЮЮЗ со слабым подбоям около 3 см. Короткие стенки ямы образуют с дном отчетливый угол, длинные – имеют более плавный переход ко дну. Дно ямы ровное, несколько поднималось к ССВ. В засыпи могилы были найдены: в центре позвонки мелкого рогатого скота (?); в 60 см от позвонка к ЮЗ фрагмент лопатки (?); в 70 см к СВ от позвонка два обломка ребер. Кроме того, найдены небольшие фрагменты керамики.

Стратиграфия погребения:

1) слой крупнозернистого обожженно-го суглинка кирпично-коричневого цвета с частичками угольков, керамики, вкраплениями гумуса и золы зафиксирован в виде узкой полосы мощностью до 8 см в средней части ямы, длиной до 192 см (рис. 9: а);

2) линзы золы, первая зафиксирована в 48 см от ССВ края ямы, в длину 14 см, мощностью до 6 см, и вторая линза, имеющая длину 19 см, мощностью до 4 см, была расположена в ЮЮЗ части ямы в 7 см от края (рис. 9: б);

3) легкий суглинок палевого цвета с включениями частичек гумуса, золы располагался двумя прослойками, первая мощностью до 20 см располагалась в центральной части ямы, заканчиваясь в 18 см от ССВ края и 16 см от ЮЮЗ края. Вторая прослойка была немного темнее и плотнее первой, начиналась от ЮЮЗ края ямы, мощностью до 16 см, и продолжалась на 103 см в продольном направлении, постепенно выклиниваясь (рис. 9: в);

4) слой буровато-серого плотного суглинка мощностью до 17 см занимал центральную часть ямы, заканчиваясь в 12 см от ее ССВ края. В его заполнении отмечена мелкая керамическая крошка и кость. Линза буровато-серого плотного суглинка длиной 32 см и мощностью до 5 см располагалась выше, в слое палевого суглинка (рис. 9: г);

5) плотный вязкий суглинок черно-коричневого цвета с включениями фрагмента керамики с раковинной примесью, керамической крошки, частичек золы, мелких кальцинированных костей залегал под слоем № 1 в виде узкой, мощностью до 4 см, прослойки, достигая 10 см в ЮЮЗ части ямы и в виде понижающейся с С на Ю и плавно выклинивающейся

ся линзы длиной до 55 см от ССВ края ямы и мощностью до 15 см (рис. 9: д);

6) плотный вязкий суглинок темного серо-коричневого цвета залегал в нижней части ямы, достигая мощности 48 см у ЗЮЗ края ямы и 8–18 см в ее центральной части (рис. 9: е);

7) материк плотный, вязкий суглинок коричневого цвета (рис. 9: ж).

Положение костяка.

На дне ямы располагался мужской (по предварительному определению) скелет в вытянутом положении на спине, ориентированный головой на ССВ, череп располагался на некотором возвышении теменной частью вверх, надвинувшись на шейные позвонки.

Руки были вытянуты вдоль туловища. Все крупные и большая часть мелких костей находились в анатомическом положении. Нарушено анатомическое положение мелких костей правой руки и костей стоп. Сохранность костей хорошая. Из следов видимых повреждений отметим зажившее прижизненное повреждение (ранение) правой плечевой кости.

Инвентарь.

К СЗ в 9 см от черепа располагалась подвеска (рис. 9: 1, 10: 9) из бронзовой проволоки круглого сечения со слегка сплюснутыми концами внахлест, на которую было нанизано семь бусин. Первая бело-розовая матовая диаметром 0,3 см, толщиной 0,2 см; вторая – белая с зеленовато-синими полосками по диагонали матовая диаметром 0,3 см, толщиной 0,25 см; третья – биконическая диаметром 0,7 см и толщиной 0,6 см темно-синего цвета; четвертая – бело-розовая матовая диаметром 0,3 см, толщиной 0,25 см; пятая – темно-синяя диаметром 0,3 см, толщиной 0,2 см; шестая – бело-розовая матовая диаметром 0,25 см, толщиной 0,2 см; седьмая – темно-синяя диаметром 0,4 см, толщиной 0,15 см.

К З в 10 см от нижней челюсти располагался сильно окисленный медный предмет длиной 0,9 см (рис. 9: 2; 10: 8).

Между нижними ребрами левой стороны лежал железный сильно коррозированный предмет подцилиндрической формы (рис. 9: 3; 10: 10) длиной 1,1 см, толщиной до 0,8 см с внутренним отверстием 0,4×0,3 см.

К ЮВ от локтевого сустава правой руки, вплотную к нему, петлей вверх располагалась бронзовая накладка (рис. 9: 4; 10: 12). Предмет коррозирован – длина 1,9 см, ширина 0,5

Рис. 10. Инвентарь погребения 1 из раскопа I 2006 г. Кипчаковского городища
 Fig. 10. Burial 1 goods from excavation I, 2006 at the Kipchakovo hillfort

см в перехвате и 0,6 см максимальная, толщина 0,2 см. Длина дужки 1 см, длина отверстия 0,5 см, ширина 0,3 см. С внешней стороны щитка узкая поперечная канавка.

В 2 см к 3 от локтевой кости лежала вторая накладка (рис. 9: 5; 10: 11) петель вниз. Длина 2,3 см, ширина в зоне расширения 0,7 см, в перехвате 0,5 см, толщина 0,2. Предмет изготовлен литьем. Длина дужки 1,1 см, размеры отверстия 0,7×0,3 см. С внешней стороны щитка узкая поперечная канавка.

В 2 см к В от локтевого сустава левой руки острием к ЗСЗ лежал медный трехлопастной наконечник со скрытой втулкой (рис. 9: 6; 10: 5). Сохранились частички древка, на одной грани – отверстие. Длина 2,2 см, ширина основания 0,9 см, диаметр втулки 0,4 см.

В 6 см к ЮВ от локтевого сустава левой руки острием к СЗ лежал сильно коррозированный медный трехлопастной наконечник со скрытой втулкой (рис. 9: 7; 10: 7). Сохранились частички древка. Длина 1,7 см, ширина основания 0,5 см, диаметр втулки 0,2 см.

В 13 см к В от локтевого сустава левой руки острием к ЗСЗ находился медный втульчатый трехлопастной наконечник (рис. 9: 8; 10: 6). Во втулке сохранились частички древка. Длина 2,5 см, ширина основания пера 0,6 см, диаметр втулки 0,4 см. Острие слегка замято.

В 2 см к ЮВ от локтевой кости левой руки острием к ВЮВ лежал медный трехлопастной наконечник со скрытой втулкой (рис. 9: 9; 10: 4). Во втулке сохранились частички древка, на одной грани есть отверстие. Длина

2,5 см, ширина основания 0,9 см, диаметр втулки 0,4 см.

На правом бедре в месте сочленения с тазовой костью были зафиксированы остатки сильно коррозированного железного предмета длиной до 23 см, шириной до 2,5 см, северная часть которого на длину 10 см была покрыта древесным тленом (рис. 9: 10). Предмет лежал по диагонали к костяку почти по оси С–Ю. Его удалось расчистить, сфотографировать и нарисовать. Попытки сохранить успехом не увенчались. На месте сохранилась бронзовая накладка на деревянные ножны (рис. 9: 11; 10: 25). Представляется, что это остатки рукояти и части клинка.

На рукояти, поперек нее, лежала коррозированная по краям тонкая бронзовая пластина длиной 3,5 см, шириной 1,2 см, толщиной 0,03 см (рис. 9: 11; 10: 25). На противоположных концах ее сохранились следы двух отверстий диаметром около 0,01 см. Пластина венчала край ножен.

Вплотную к правой бедренной кости по линии ССВ – ЮЮЗ лежал сильно коррозированный железный предмет длиной до 14 см, шириной до 3,8 см и толщиной 1,5 см (рис. 9: 12; 10: 26). Сохранность его позволила установить, что он является остатками железного завершения ножен с частью клинка. Деталь ножен изготовлена из свернутого железного листа толщиной 0,15–0,2 см. Его длина 10,7 см, ширина у основания 3,8 см, ширина у окончания 2,6 см, толщина 1,5 см. Около основания и окончания предмета сохранились частички обтягивающей оболочки (видимо, кожи). В ножнах находился остаток сильно коррозированного однолезвийного клинка.

Между бронзовой пластиной-накладкой и правой частью тазовой кости залегал фрагмент витой пронизи из тонкого бронзового листа (рис. 9: 13; 10: 1). Изготовлен из тонкой (около 0,05 см) ленты шириной 1 см, свернутой спиралью. Длина фрагмента 3,4 см, диаметр 0,7 см.

В 3 см к В от браслета на тазовой кости был найден второй фрагмент витой бронзовой пронизи (рис. 9: 14; 10: 2). Его длина 3 см, диаметр 0,7 см. Он полностью аналогичен первому фрагменту.

На крестце, поперек, располагались остатки сильно коррозированного железного предмета (рис. 9: 15; 10: 23). По всей видимости, предмет был изготовлен из железной прово-

локи подквадратного сечения, спиралью обернутой вокруг какого-то изделия из органического материала (кожи?), сохранившегося в виде тлена коричневого цвета. Диаметр изделия около 1,5–1,7 см, толщина проволоки около 0,3 см. Общая длина около 6 см.

В 10 см к 3 от правого бедра был обнаружен медный трехлопастный наконечник со скрытой втулкой хорошей сохранности (рис. 9: 16; 10: 3) острием к В. Во втулке сохранились частички древка, на одной грани есть отверстие. Длина 2,5 см, ширина основания 0,9 см, диаметр втулки 0,4 см.

Около стенки ямы, около вынесенной к 3 фаланги большого пальца ноги, в 17 см к СЗ от эпифиза малой берцовой кости, был обнаружен маленький аморфный сильно коррозированный железный предмет (рис. 9: 17; 10: 21) размерами 0,8×0,6×0,4 см. Происхождение и назначение его остаются неясными.

В 5 см к СЗ от железного предмета (рис. 9: 17) был найден еще один аналогичный по форме, размерам (1,1×0,9×0,7 см) и степени сохранности железный предмет (рис. 9: 18; 10: 22). Связь их с фалангой ноги проблематична, вероятнее всего, они были вынесены грызунами и их совместное нахождение – случайность.

Выявлено восемь экземпляров бронзовых скоб-обойм. Первая бронзовая обойма (рис. 9: 19; 10: 17) находилась вплотную к ЮВ от правой большой берцовой кости рядом с эпифизом. Сохранность хорошая. Длина 1,5 см, ширина 0,6 см, толщина металла 0,02 см. Концы обоймы сжаты слегка внахлест.

Вторая обойма (рис. 9: 20; 10: 15) находилась в 1 см к 3 от левой большой берцовой кости рядом с эпифизом. Сохранность фрагментарная. Длина 1,6 см, ширина 0,6 см, толщина металла 0,02 см.

Третья обойма (рис. 9: 21; 10: 16) находилась непосредственно на верхней части правой большой берцовой кости в 9 см от эпифиза. Длина 1,6 см, ширина 0,5 см, толщина металла 0,02 см. Сохранность плохая.

Четвертая обойма (рис. 9: 22; 10: 18) находилась между левой и правой большими берцовыми костями на равном расстоянии. Длина 1,8 см, ширина 0,6 см, толщина металла 0,02 см. Концы обоймы сжаты, не соединены.

Пятая обойма (рис. 9: 23; 10: 14) также находилась между левой и правой большими

берцовыми костями на равном расстоянии, и в 5 см к ЮЮЗ от скобы. Длина 1,5 см, ширина 0,6 см, толщина металла 0,02 см. Сохранность хорошая.

Шестая обойма (рис. 9: 24; 10: 13) находилась в 1 см от левой большой берцовой кости на расстоянии в 5 см к Ю от обоймы ×23/-120. Сохранилась двумя фрагментами. Общая длина 2,1 см, ширина 0,55 см, толщина металла 0,02 см. Концы обоймы разжаты.

Седьмая обойма (рис. 9: 25; 10: 20) находилась вплотную к верхней части правой большой берцовой кости, в 2 см от обоймы (рис. 9: 21). Сохранность плохая. Длина 1,8 см, ширина 0,5–0,6 см, толщина металла 0,02 см. Сохранившийся конец обоймы слегка отогнут.

Восьмая обойма (рис. 9: 27; 10: 19) находилась частично под правой большой берцовой костью, в 1 см от обоймы (×19/-121). Сохранность фрагментарная. Длина сохранившейся части 1,5 см, ширина 0,6 см, толщина металла 0,02 см. Конец обоймы слегка прижат.

На крестце, в 1 см к ЮВ от железного предмета (рис. 9: 15), был найден изогнутый петлей (и обращенный петлей кверху) коррозированный железный предмет (рис. 9: 26; 10: 24). Один конец его уплощен и имеет прямоугольное сечение шириной 1,1 см и толщиной 0,2 см. Второй конец отогнут наружу и имеет подтреугольное сечение толщиной до 0,4 см. В районе петли сечение подквадратное, до 0,4 см. Общая длина предмета 6,5 см, ширина петли 2,1 см.

Два фрагмента железного кольца овальной формы, изготовленного из прокованного железного прута подпрямоугольного сечения (рис. 9: 28; 10: 27), располагались к З в непосредственной близости от рукояти кинжала (рис. 9: 10). Длина около 7,3 см, ширина 5,5 см, толщина до 0,3 см. Предмет, видимо, был обтянут кожей или грубой материей, следы которой сохранились двумя небольшими фрагментами-утолщениями.

При анализе расположения вещевого инвентаря привлекают внимание следующие обстоятельства: а) стрелы обращены острием к погребенному (рис. 9: 6, 7, 8, 16; 10: 5, 7, 6, 3). Их местоположение свидетельствует о том, что стрелы были положены со сломанными древками, если только причиной их «раскиданности» не явилась деятельность мелких землероев, что кажется более вероятным; б) бронзовые обоймы, кроме двух (рис. 9: 23,

24; 10: 14, 13), расположены в линию и определяют верх обуви, вероятно высоких сапог, либо украшенный обоймами нижний край верхней одежды типа кафтана или армяка; в) сильнокоррозированные железные предметы (рис. 9: 15, 26; 10: 23, 24) являются частью пояса, кольцо (рис. 9: 28; 10: 27) было, вероятно, привешено к поясу. Вполне возможно, что железный изогнутый предмет (рис. 9: 26; 10: 24) являлся поясным крючком, а железный предмет из колечка со штырьком (рис. 9: 15; 10: 23) можно соотнести с крепежом кинжального шнура к поясу; г) бронзовые пронизи (рис. 9: 13; 10: 1 и рис. 9: 14; 10: 2), вероятно, украшали кожаный шнурок, на котором был подвешен кинжал к поясу.

Мужское захоронение с предметами вооружения на площадке раскопа по своим характеристикам (форма и ориентировка могильной ямы, положение захороненного, состав погребального инвентаря) и хронологической привязке вполне соотносится с ранними погребениями Кипчаковского могильника II–I вв. до н. э. При этом данный случай захоронения на территории городища не может рассматриваться обычным явлением для лесостепного оседлого населения раннего железного века. Можно допустить, что это захоронение произвели защитники укрепленного поселка во время военного противостояния с врагом, когда не было возможности похоронить погибшего на кладбище.

Переходя к обобщающей части, можно сделать ряд заключений и предположений касательно курганно-грунтового могильника и городища.

Планиграфические и стратиграфические наблюдения позволяют сделать вывод об однослойности памятника и отнесении его находок к раннепьяноборскому времени. Датирование комплекса находок из раскопок Кипчаковского городища довольно сложно ввиду малочисленности обнаруженных хроноиндикаторов. К таковым могут относиться немногочисленные фрагменты керамики с веревочным орнаментом, медные наконечники стрел, бронзовая накладка с изображением протом медведей из подъемного материала.

Медные наконечники стрел со скрытой и выступающей втулкой могут быть датированы II–I вв. до н. э. (Зубов, Саттаров, 2018, с. 214). Бронзовая накладка с изображением

протом медведей, учитывая случайный характер находки, может быть пока широко датирована в пределах ранней стадии пьяноборской культуры – II в. до н. э. – I в. н. э. (Овсянников, Zubov, 2022, с. 42–43).

Бытует мнение, что веревочный орнамент керамических сосудов является исключительно ананьинской традицией. На сегодняшний день у нас нет оснований рассматривать материалы Кипчаковского городища в двух хронологических горизонтах – ананьинском и пьяноборском. Малочисленность фрагментов керамических сосудов с «веревочным» орнаментом свидетельствует о затухающей ананьинской традиции и не позволяет датировать их более ранним временем. В этом ключе мы склонны рассматривать и изделия глиняной пластики: зооморфные и антропоморфные фигурки, их шапочки, ножки алтариков или курильниц и др. Еще В.А. Ивановым отмечалось, что «подобные фигурки, столь широко распространенные в эпоху позднего ананьина, переходят и в пьяноборскую культуру» (Иванов, 1976, с. 312).

Гораздо более информативный датирующий материал дают погребальные комплексы расположенного в непосредственной близости с городищем Кипчаковского I кургано-грунтового могильника. Исследования Кипчаковского могильника дали чрезвычайно богатый материал по истории раннего этапа пьяноборской культуры.

Исходя из принятых в литературе датировок, опираясь на находки бронзовых наконечников стрел, восьмеркообразных застёжек, одножгутовых эполетообразных застёжек, а также учитывая отсутствие среди инвентаря вещей, которые с достаточно высокой степенью достоверности можно было бы отнести

к более раннему времени, мы можем отнести нижнюю хронологическую границу Кипчаковского I могильника ко времени не ранее II в. до н. э. (Зубов, Саттаров, Тагиров, 2021a; Зубов, Саттаров, Тагиров, 2021б). А отсутствие в публикуемых материалах Кипчаковского могильника вещей, характерных исключительно для II века (Голдина, Бернц, 2016), позволяет ограничить верхнюю дату исследованных комплексов I в. н. э. Таким образом, материалы из погребений можно датировать II в. до н. э. – I в. н. э. (Зубов, Саттаров, Тагиров, 2021a; Зубов, Саттаров, Тагиров, 2021б). При этом следует отметить, что вся поздняя часть могильника исследована археологическими методами полностью и его омоложение вряд ли возможно. Чего нельзя с абсолютной уверенностью сказать о наиболее ранних комплексах. На сегодняшний день анализ всех материалов погребальных комплексов не дает возможности говорить о времени функционирования могильника ранее II в. до н. э. Но мы не исключаем возможности того, что новые исследования северной части могильника вполне могут дать материалы более раннего времени. Есть все основания предполагать, что площадка городища для проживания древнего населения использовалась именно в хронологических рамках функционирования могильника.

В целом, учитывая значительную площадь Кипчаковского городища, его фортификационные особенности, насыщенность культурными остатками в сравнении с другими пьяноборскими поселениями и большие размеры его могильника, можно предполагать, что этот укрепленный поселок на рубеже эр выполнял роль административно-территориального центра первой величины.

Примечания:

¹ Описание основных характеристик остеологического материала и определение таксономической принадлежности костных остатков проведено к.и.н. Н.В. Росляковой.

² Предположение о принадлежности этого изделия к зубу человека высказано Е.В. Волковой и к.в.н. Г.Ш. Асылгараевой.

³ Определение выполнено к.в.н. Г.Ш. Асылгараевой.

⁴ Описание погребения и стратиграфических слоев, вычерчивание плана погребения выполнено к.и.н. А.И. Королевым.

ЛИТЕРАТУРА

- Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. 140 с.
- Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья / САИ. Вып. ГИ-12/2. М.: Наука, 1978. 104 с., табл. 20–34.

Бугров Д.Г. Поселения пьяноборской культуры в Икско-Бельском междуречье. Дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2006. 350 с.

Бугров Д.Г. Пьяноборские городища с полукольцевой и кольцевой фортификацией в Икско-Бельском междуречье // *Взаимодействие народов Евразии в эпоху великого переселения народов* / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск, 2006б. С. 307–318.

Галимова М.Ш. Кремневые комплексы мезолита – энеолита северной части Икско-Бельского междуречья // *Поволжская археология*. 2012. № 2. С. 6–28.

Гарустович Г.Н., Тагиров Ф.М. Новые находки с Кипчаковского городища на Северо-западе Башкортостана // *УАВ*. Вып. 12. Уфа: Гилем, 2012. С. 124–135.

Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч. I. Чегандинская культура (III в. до н.э. – II в. н.э.) / *ВАУ*. Вып. 10 / Отв. ред. В.А. Семенов. Ижевск, 1970. 257 с.

Генинг В.Ф. История населения удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч. II / *Археологические памятники чегандинской культуры (III в. до н.э. – II в. н.э.)* // *ВАУ*. Вып. 11 / Отв. ред. В.А. Семенов. Свердловск-Ижевск, 1971. 159 с.

Голдина Р.Д., Лецинская Н.А., Черных Е.М., Бернц В.А. Наследие народов Прикамья. Древности Прикамья из собрания Удмуртского государственного университета. Ижевск: Удмуртский университет, 2007. 196 с.

Голдина Р.Д., Красноперов А.А. Ныргындинский I могильник II–III вв. на Средней Каме / *МИКВАЭ*. Т. 22. Ижевск: Удмуртский университет, 2012. 364 с.

Голдина Р.Д., Колобова Т.А., Казанцева О.А., Митряков А.Е., Шаталов В.А. Тарасовское святилище раннего железного века в среднем Прикамье / *МИКВАЭ*. Т. 26. Ижевск, 2013. 184 с.

Голдина Р.Д., Бернц В.А. Хронология погребений I–II вв. Тарасовского могильника // *Поволжская археология*. 2016. № 1 (15). С. 41–89.

Зубов С.Э. Научный отчет об археологических работах на Кипчаковском I могильнике в Илишевском районе Республики Башкортостан в 1992 году. Самара, 1993 // *НОА ИА РАН*. Р-1. №18549.

Зубов С.Э. Проблемы этнической дивергенции пьяноборского этноса // *Вопросы археологии Урала и Поволжья*. Вып. 2 / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Самарский университет, 2004. С. 267–279.

Зубов С.Э. Кипчаковский культурно-хронологический горизонт в системе пьяноборской культуры // *УАВ*. Вып. 6–7. Уфа: Гилем, 2007. С. 72–88.

Зубов С.Э. Новые элементы погребальной обрядности раннепьяноборского населения в низовьях р. Белой (по материалам раскопок Кипчаковского курганно-грунтового могильника в 2006 году) // *УАВ*. Вып. 10 / Ред. Г.Н. Гарустович. Уфа: Гилем, 2010. С. 64–82.

Зубов С.Э., Саттаров Р.Р. Наконечники стрел пьяноборской культуры как хронологические маркеры (по материалам погребений Кипчаковского I курганно-грунтового могильника) // *XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева* / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: СГСПУ, 2018. С. 210–214.

Зубов С.Э., Саттаров Р.Р., Тагиров Ф.М. Кипчаковский I курганно-грунтовой могильник // *Археология Евразийских степей*. 2021. № 2. С. 261–300.

Зубов С.Э., Саттаров Р.Р., Тагиров Ф.М. Кипчаковский комплекс памятников раннепьяноборского времени // *Ранний железный век / Археология Волго-Уралья*. Т. 3 / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021б. С. 503–526.

Иванов В.А. Глиняные антропоморфные фигурки ананьинско-пьяноборского времени из северо-западной Башкирии // *СА*. 1976. №3. С. 308–312.

Иванов В.А. Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа (I тыс. до н.э. – первая половина I тыс. н.э.). М.: Наука, 1984. 88 с.

Иванов В.А. Городище Серенькино – памятник пьяноборской культуры в низовьях р.Белой // *УАВ*. Вып. 4 / Отв. ред. А.Ф. Яминов. Уфа: Гилем, 2003. С. 199–215.

Красноперов А.А. К вопросу о ранней дате пьяноборских памятников. Ч.3: «ножи с горбатой спинкой» // *Археология Евразийский степей*. 2020. № 2. С. 324–328.

Лифанов Н.А. Отчет о проведении научно-исследовательских археологических раскопок объекта культурного наследия федерального значения «Старокиргизовский грунтовой могильник» в

муниципальном районе Илишевский Республики Башкортостан в 2016 г. по Открытому листу №769 от 17 июня 2016 г. Самара, 2017 // Архив НИЛА Самарского университета.

Лыганов А.В., Галимова М.Ш., Морозов В.В., Бугров Д.Г. Керамические и кремневые материалы Гулюковской I стоянки: к проблеме разграничения гребенчатых и накольчатых комплексов Икско-Бельского междуречья // Неолитические культуры Восточной Европы: хронология, палеоэкология, традиции. Материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию В.П. Третьякова / Под ред. В.М. Лозовского, О.В. Лозовской, А.А. Выборнова. СПб.: ИИМК РАН, 2015. С. 71–75.

Мошкова М.Г. О раннесарматских втульчатых стрелах // КСИА. Вып. 89 / Отв.ред. Т.С. Пассек. М.: АН СССР, 1962. С. 77–82.

Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры / САИ. Вып. Д1-10. М.: АН СССР. 1963. 56 с., 32 табл.

Обыденнов М.Ф., Корепанов К.И. Человек в искусстве Урала, Прикамья и Среднего Поволжья. Эпоха каменного века – середина II тыс. н. э. Уфа: Юрика, 2001. 236 с.

Овсянников В.В. К вопросу о происхождении сюжета «медведь в жертвенной позе» в пермском зверином стиле // Вестник Пермского университета. 2013. Вып. 1 (21). С. 77–83.

Овсянников В.В. Отчет об археологических разведках в Илишевском районе республики Башкортостан в 1992 г. Уфа. 1993. // Архив ИА РАН. Р-1 № 17556

Овсянников В.В., Zubov S.E. Новые находки с изображением медведя из Кипчаковского археологического комплекса (лесостепное Предуралье) // Вестник Пермского университета. История. 2022. № 1 (56). С. 37–47.

Саттаров Р.Р. Глиняная пластика Кипчаковского городища раннепьяноборского времени // XLV Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых (Ижевск, 1–3 февраля 2013 г.). Тезисы докладов. Ижевск: Удмуртский университет, 2013. С. 111–113.

Саттаров Р.Р. Импортные предметы в пьяноборской культуре (конец II в. до н. э. – II в. н. э.). Дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2019. 167 с.

Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1990. 300 с.

Старостин П.Н. Отчет о раскопках могильника «Старый Чекмак», проведенных осенью 1976 г. Казань, 1977 // Архив ИА РАН. Р-1. № 6268.

Тагиров Ф.М. Научный отчет об археологических исследованиях в Аургазинском и Илишевском районах БАССР, проведенных в 1990 г. по Открытому листу № 620 (форма № 4). Уфа. 1990 // НОА ИА РАН. Р-1. №15896.

Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971. 171 с.

Черных Е.М. Пряслица Зуевключевского I городища в Нижнем Прикамье // Археология Евразийских степей. 2021. № 2. С. 62–81.

Чижевский А.А., Черных Е.М., Коренюк С.Н. Ананьинская культурно-историческая область. Ананьинская классическая культура (шнуровой керамики) // Ранний железный век / Археология Волго-Уралья. Т. 3 / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 186–216.

Информация об авторах:

Зубов Сергей Эдгардович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории археологии, Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С.П. Королева (г. Самара, Россия); guberfond@rambler.ru

Саттаров Рузиль Раильевич, кандидат исторических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия), ученый секретарь, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); sattarov.rr@rambler.ru

REFERENCES

Ageev, B. B. 1992. *P'ianoborskaia kul'tura (The Pyany Bor Culture)*. Ufa: Bashkir Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Alekseeva, E. M. 1978. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ia* (Ancient Beads of Northern Pontic Region). Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) GI-12/2. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Bugrov, D. G. 2006. *Poseleniya p'yanoborskoy kul'tury v Iksko-Bel'skom mezhdurech'e* (Settlements of the Pyany Bor Culture in the Ik-Belaya Interfluve). Diss. of the Candidate of Historical Sciences. Kazan (in Russian).

Bugrov, D. G. 2006. In Goldina, R. D. (ed.). *Vzaimodeistvie narodov Evrazii v epokhu velikogo pereseleeniia narodov* (Interaction of Eurasian Peoples in the Great Migrations Age). Izhevsk: Udmurt State University, 307–318 (in Russian).

Galimova, M. Sh. 2012. In *Povolzhskaya arkheologiya* (Volga River Region Archaeology) (2), 6–28 (in Russian).

Garustovich, G. N., Tagirov, F. M. 2012. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik* (Ufa Archaeological Herald) 12. Ufa: "Gilem" Publ., 124–135 (in Russian).

Gening, V. F. 1970. *Istoriia naseleniia Udmurtskogo Prikam'ia v p'ianoborskuiu epokhu. Ch. I. Chegandinskaia kul'tura* (III v. do n.e. – II v. n.e.) (History of Udmurt Kama Population in the Pyany Bor epoch. Part I. The Cheganda culture (3rd Century BC – 2nd Century AD)). In Semenov, V. A. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala* (Issues of the Ural Archaeology) 10. Izhevsk (in Russian).

Gening, V. F. 1971. *Istoriia naseleniia Udmurtskogo Prikam'ia v p'ianoborskuiu epokhu. Ch. II. Arkheologicheskie pamiatniki chegandinskoi kul'tury* (III v. do n.e. – II v. n.e.) (History of Udmurt Kama Population in the Pyany Bor epoch. Part II. Cheganda Culture Archaeological Sites (3rd Century BC – 2nd Century AD)) In Semenov, V. A. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala* (Issues of the Ural Archaeology) 11. Sverdlovsk; Izhevsk (in Russian).

Goldina R. D., Leshchinskaya, N. A., Chernykh, E. M., Bernts, V. A. 2007. *Nasledie narodov Prikam'ia. Drevnosti Prikam'ia iz sobraniia Udmurtskogo gosudarstvennogo universiteta* (Kama Peoples' Heritage: Antiquities of the Kama Area in the Collection of the Udmurt State University). Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

Goldina, R. D., Krasnopeorov, A. A. 2012. *Nyrgyndinskii I mogil'nik II-III vv. na Srednei Kame* (Nyrgynda I Burial Ground from 2nd–3rd Centuries in the Middle Kama Area). Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 22. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

Goldina, R. D., Kolobova, T. A., Kazantseva, O. A., Mitriakov, A. E., Shatalov, V. A. 2013. *Tarasovskoe sviatilishche rannego zhelez'nogo veka v srednem Prikam'e* (Early Iron Age Sanctuary Tarasovo in the Middle Kama River Basin). Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 26. Izhevsk (in Russian).

Goldina, R. D., Bernts, V. A. 2016. In *Povolzhskaya arkheologiya* (Volga River Region Archaeology) 1 (15), 41–89 (in Russian).

Zubov, S. E. 1993. *Nauchnyi otchet ob arkheologicheskikh rabotakh na Kipchakskom I mogil'nike v Ilishevskom raione Respubliki Bashkortostan v 1992 gody* (Scientific Report on Archaeological Activities at the Kipchakovo I Burial Ground in the Ilishevsky District of the Republic of Bashkortostan in 1992). Samara. Archive of the Institute of Archaeology of the RAS, f. R-1, Inv. no 18549 (in Russian).

Zubov, S. E. 2004. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala i Povolzh'ya* (Issues of Archeology of the Urals and the Volga Region) 2. Samara: "Samarskiy universitet" Publ., 267–279 (in Russian).

Zubov, S. E. 2007. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik* (Ufa Archaeological Herald) 6–7. Ufa: "Gilem" Publ., 72–88 (in Russian).

Zubov, S. E. 2010. In Garustovich, G. N. (ed.). *Ufimskii arkheologicheskii vestnik* (Ufa Archaeological Herald) 10. Ufa: "Gilem" Publ., 64–82 (in Russian).

Zubov, S. E., Sattarov, R. R. 2018. In Vybornov, A. A. (ed.). *XXI Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie* (21th Urals Archaeological Congress). Samara: Samara State University of Social Sciences and Education, 210–214 (in Russian).

Zubov, S. E., Sattarov, R. R. 2021. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei* (Archaeology of Eurasian Steppes) 2, 261–300 (in Russian).

Zubov, S. E., Sattarov, R. R., Tagirov, F. M. 2021. In Sitdikov, A. G., Chizhevsky, A.A. (eds.). *Rannii zheleznyi vek* (Early Iron Age). Series: Arkheologiya Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 3.

Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 503–526 (in Russian).

Ivanov, V. A. 1976. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 308–312 (in Russian).

Ivanov, V. A. 1984. *Vooruzhenie i voennoe delo finno-ugrov Priural'ia v epokhu rannego zheleza (I tys. do n.e. – pervaiia polovina I tys. n.e.) (Armament and Warfare of the Finno-Ugrians from the Cis-Urals in the Early Iron Age (1st Millennium B.C. - first half of 1st Millennium A.D.))*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Ivanov, V. A. 2003. In Yaminov, A. F. (ed.). *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 4. Ufa: “Gilem” Publ., 199–215 (in Russian).

Krasnopeorov, A. A. 2020. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 324–328 (in Russian).

Liphanov, N. A. 2017. *Otchet o provedenii nauchno-issledovatel'skikh arkheologicheskikh raskopok ob "ekta kul'turnogo naslediya federal'nogo znacheniya «Starokirgizovskiy gruntovyy mogil'nik» v munitsipal'nom rayone Ilishevskiy Respubliki Bashkortostan v 2016 g. V 3 tomakh (Report on the Research Archaeological Excavations of the Cultural Heritage Site of Federal Significance “Staroe Kirgizovo Subsoil Burial Ground” in the Ilishevsky Municipal District of the Republic of Bashkortostan in 2016. In 3 volumes)*. Samara. Archive of the Institute of Archaeology of the RAS (in Russian).

Lyganov, A. V., Galimova, M. Sh., et al. 2015. In Lozovskii, V. M., Lozovskaia, O. V. (eds.). *Neoliticheskie kul'tury Vostochnoi Evropy: khronologiia, paleoekologiia, traditsii. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 75-letiiu V.P. Tret'iakova (Neolithic Cultures of Eastern Europe: Chronology, Paleoecology, Traditions)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 71–75 (in Russian).

Moshkova, M. G. 1962. In Passek, T. C. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 89. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 77–82 (in Russian).

Moshkova, M. G. 1963. *Pamiatniki prokhorovskoi kul'tury (Monuments of the Prokhorovka culture)*. Series: *Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources)* D1-10. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Obydenov, M. F., Korepanov, K. I. 2001. *Chelovek v iskusstve Urala, Prikam'ia i Srednego Povolzh'ia. Epokha kamennogo veka – seredina II tys. n.e. (People in the Art of the Urals, Kama Region and Middle Volga Region. The Stone Age Period – mid-2nd Millennium A.D.)*. Ufa: “Iurika” Publ. (in Russian).

Ovsyannikov, V. V., Zubov, S. E. 2020. In *Vestnik Permskogo universiteta. Serii Istorii (Bulletin of Perm University. History series)* 21 (1), 77–83 (in Russian).

Ovsyannikov, V. V. 1993. *Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh v Ilishevskom rayone respubliki Bashkortostan v 1992 g. (Report on archaeological reconnaissances in the Ilishevo district of the Republic of Bashkortostan in 1992)*. Ufa. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Inv. R-1, dossier 17556 (in Russian).

Ovsyannikov, V. V., Zubov, S. E. 2020. In *Vestnik Permskogo universiteta. Serii Istorii (Bulletin of Perm University. History series)* 56 (1), 37–47 (in Russian).

Sattarov, R. R. 2013. In *XLV Uralo-Povolzhskaia arkheologicheskaiia konferentsiia studentov i molo-dykh uchenykh (45th Conference of Students and Young Scientists from the Ural and Volga Regions)*. Izhevsk: Udmurt University Press, 111–113 (in Russian).

Sattarov, R. R. 2019. *Importnye predmety v p'ianoborskoi kul'ture (konets II v. do n.e. – II v. n.e.) (Imports in the Pyany Bor Culture (end of the 2nd c. BC – 2nd c. AD))*. Diss. of the Candidate of Historical Sciences. Kazan (in Russian).

Skripkin, A. S. 1990. *Aziatskaia Sarmatiia (problemy khronologii i ee istoricheskii aspekt) (Sarmatia Asiatica: Issues of Chronology and Its Historical Aspect)*. Saratov: Saratov University (in Russian).

Starostin, P. N. 1977. *Otchet o raskopkakh mogil'nika «Stariy Chekmak», provedennykh osen'yu 1976 g. (Report on the excavations of the burial ground “Stariy Chekmak”, conducted in the autumn of 1976)*. Kazan. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Inv. R-1, dossier 6268 (in Russian).

Tagirov, F. M. 1990. *Nauchniy otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiax v Aurgazinskom i Ilishevskom raionakh BASSR, provedennykh v 1990 g. po Otkrytomu listu № 620 (forma № 4) (Scientific Report on Archaeological Studies in the Aurgazinsky and Ilishevsky Districts of the BASSR in 1990 according to the*

Open Sheet No. 620 (Form No. 4)). Ufa. Archive of the Institute of Archaeology of the RAS, f. R-1, Inv. no 15896 (in Russian).

Khazanov, A. M. 1971. *Ocherki voennogo dela sarmatov (Essays on Sarmatian Warfare)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Chernykh, E. M. 2021. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 2*, 62–81 (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Chernykh, E. M., Korenyuk, S. N. 2021. In Sitdikov, A. G., Chizhevsky, A.A. (eds.). *Rannii zheleznyi vek (Early Iron Age)*. Series: *Arkheologiya Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals)* Vol. 3. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 186–216 (in Russian).

About the Authors:

Zubov Sergey E. Candidate of Historical Sciences, Samara National Research University. Akademika Pavlova, Str. 1, Samara, 443011, Russian Federation, guberfond@rambler.ru

Sattarov Ruzil R. Candidate of Historical Sciences. Associated professor, Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sattarov.rr@rambler.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2023 г.
Статья принята к публикации 01.04.2023 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АКИО – ананьинская культурно-историческая область
 АМУ – Архив Марбургского университета
 АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
 АН СССР – Академия наук СССР
 АЭМК – Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола
 БНЦ УрО РАН – Башкирский научный центр Уральского отделения РАН
 БФАН СССР – Башкирский филиал Академии наук СССР
 ВАУ – Вопросы археологии Урала
 ВВК – вятско-ветлужская культура
 ВГУ – Воронежский государственный университет
 ГАИМК – Государственная Академия материальной культуры
 ГИМ – Государственный исторический музей
 ГИА ХМЗ «Казанский Кремль» – Государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник «Казанский Кремль»
 ГНСС – глобальная навигационная спутниковая система
 ЗОРСА – Записки отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества
 ИА АН СССР – Институт археологии Академии наук СССР
 ИА РАН – Институт археологии Российской Академии наук.
 ИАК – Известия археологической комиссии
 ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН
 ИИ АН РТ – Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук РТ
 ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН
 ИЯЛИ КФАН СССР – Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала АН СССР
 ИИЯЛ УНЦ РАН – Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН
 ИАЭТ СО АН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН. Новосибирск
 ИОАИЭ – Известия Общества археологии, истории и этнографии
 КККМ – Красноярский краевой краеведческий музей
 КГУ – Казанский государственный университет
 КОГАУ – Кировское областное государственное автономное учреждение
 КСИА – Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР
 КСИИМК – Краткие сообщения и доклады Института истории материальной культуры Академии наук СССР
 КФУ – Казанский федеральный университет
 МАВГР – Материалы по археологии восточных губерний России. М.
 МАЕСВ – Материалы по археологии Европейского Северо-Востока
 МА РТ ИААН РТ – Музей археологии Республики Татарстан ИА АН РТ.
 МарНИИ – Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева при Правительстве Республики Марий Эл
 МарГУ – Марийский государственный университет
 МАЭ – Музей антропологии и этнографии РАН
 МГУ – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
 МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
 МИАР – Материалы и исследования по археологии России
 НА ИА РАН – Научный архив Института археологии Российской академии наук
 НМФ – Национальный музей Финляндии
 НПЦ – научно-производственный центр
 НЦАИ ИИ АНРТ – Национальный центр археологических исследований Института истории
 НФ МА РТ ИА АН РТ – Научный фонд Музея археологии ИА АН РТ
 им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан
 ОГПУ – Оренбургский государственный педагогический университет
 ОКН – объекты культурного наследия
 ПГПУ – Пензенский государственный педагогический университет
 РА – Российская археология
 РАН – Российская академия наук.
 РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований
 СА – Советская археология
 САИ – Свод археологических источников
 СГАИМК – Сообщения Государственной Академии материальной культуры.
 СГСПУ – Самарский государственный социально-педагогический университет
 СОИМК – Самарский областной историко-краеведческий музей имени П.В. Алабина
 Труды МАЭ – Труды Марийской археологической экспедиции. Йошкар-Ола
 УАВ – Уфимский археологический вестник
 УдГУ – Удмуртский государственный университет, Ижевск
 УЗ КГУ – Ученые записки Казанского государственного университета. Казань
 УЗ ПГУ – Ученые записки Пермского государственного университета. Пермь
 SMYA – Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aika-kauskirja. Helsinki

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Все сведения для авторов, касающиеся подачи статей, порядка их рассмотрения, рецензирования, инструкций и рекомендаций по оформлению материалов, вопросов регулирующих взаимоотношения автора и издателя представлены на сайте журнала по адресу:

http://evrazstep.ru/index.php/aes/author_guidelines

Порядок приема материалов

№ 1 (февраль) – не позднее 1 декабря

№ 2 (апрель) – не позднее 1 февраля текущего года

№ 3 (июнь) – не позднее 1 апреля текущего года

№ 4 (август) – не позднее 1 июня текущего года

№ 5 (октябрь) – не позднее 1 августа текущего года

№ 6 (декабрь) – не позднее 1 октября текущего года

Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям, редакционной коллегией не рассматриваются!

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале и на сайте журнала.

INSTRUCTIONS FOR AUTHORS

All information for authors concerning the submission of papers, the procedure of their examination, review, instructions and recommendations for the execution of materials, issues regulating the communication between the author and the publisher are provided on the journal's website at:

http://evrazstep.ru/index.php/aes/author_guidelines

Manuscripts shall be submitted by the following dates:

Vol.1 (February) – not later than December 1 of the current year

Vol.2 (April) – not later than February 1 of the current year

Vol.3 (June) – not later than April 1 of the current year

Vol.4 (August) – not later than June 1 of the current year

Vol.5 (October) – not later than August 1 of the current year

Vol.6 (December) – not later than October 1 of the current year

Manuscripts not meeting the specified requirements in terms of execution shall not be examined by the editorial board!

These instructions come into effect since their publication in the journal and on the journal's website.

Журнал основан в мае 2017 г.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77– 79080

от 28 августа 2020 г. выдано Роскомнадзором

Оригинал–макет – *А. С. Беспалова*

420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30

Дата подписи в печать 24.04.2023

Дата выхода в свет 28.04.2023

Формат 60×84 1/8

Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 40,92

Тираж 1000 экз. Первый завод 100 экз. Заказ №

Свободная цена

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии "Orange Key"

г. Казань, ул. Галактионова, 14

